

Сергей Ченнык

Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)

Часть I

ВТОРЖЕНИЕ

С. Ченнык

**КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1854–1856 гг.
ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.**

Военно-исторический очерк

ВТОРЖЕНИЕ

Там

Севастополь
2010 г.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)
ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)
Ч-43

Ченнык С. В.

Ч-43 Вторжение. – Севастополь: Ченнык С. В., 2010. – 320 с., илл.

ISBN 978-966-1539-14-2

«Вторжение» – первая из серии книг, посвященных Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Это новая работа известного крымского военного историка Сергея Ченныка, чье творчество стало широко известным в последние годы благодаря аналитическим публикациям на тему Крымской войны. Характерной чертой стиля автора является метод включения источников в самую ткань изложения событий. Это позволяет ему не только достичь исключительной выразительности изложения, но и убедительно подтвердить свои тезисы на события, о которых идет речь в книге. Наверное, именно поэтому сделанные им несколько лет назад выводы о ключевых событиях нескольких сражений Крымской войны сегодня общеприняты и не подвергаются сомнению. Своеобразный подход, предполагающий обоснованное отвержение годами сложившихся стереотипов, делает чтение увлекательным и захватывающим. Язык книги легкий и скорее напоминает живое свободное повествование, нежели объемный научно-исторический труд. Большое количество ссылок не перегружает текст, а, скорее, служит, логичным его дополнением, без нудного тона разъясняя сложные элементы. Динамика развития ситуации, отсутствие сложных терминов, дотошность автора, последовательность в изложении событий – несомненные плюсы книги. Работа убедительна авторским профессионализмом и количеством мелких деталей, выдернутых из той эпохи. И чем более тонкие и малоизвестные факты мы обнаруживаем в ней, которые можно почерпнуть лишь из свежих научных статей или вновь открытых источников, обсуждаемых в специальной литературе, тем ценнее такое повествование. Несомненно, что эта работа привлечет внимание всех, кому интересна история, кто неравнодушен к сохранению исторической памяти Отечества.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)
ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)

ISBN 978-966-1539-14-2

© Ченнык С. В., 2010.
© «Полмет ГМБХ», 2010.
© «Гала», 2010.

НАДЕЮСЬ, ЧТО ЭТО БУДЕТ ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЕЛЮ (от автора)

«Единственное, что можно сказать о войне с уверенностью, — это то, что с уверенностью о ней ничего сказать нельзя.»

Уинстон Черчилль

Перед тем, как рассказать Вам, читатели, историю одного из самых драматичных событий русской военной истории, последствия которого мы ощущаем даже сейчас, давайте попытаемся немного отойти от главной темы. К ней мы еще успеем вернуться. Для начала несколько слов о том, что вообще заставило меня обратиться на нее внимание.

Причин несколько. Прежде всего профессиональное любопытство. Я по образованию и по призванию военный. Офицер в нескольких поколениях. Из тех, кто служил, служит и служить своему Отечеству будет. Тех, кому до сих пор «за Державу обидно». Волею судьбы и по моему личному желанию многие годы я занимался тем, что для нормального человека, по крайней мере таковым себя считающего, является противостественным: сначала учился сам, потом учил других решать задачи по истреблению себе подобных, притом желательно самым рациональным образом. Именно за это мне платили деньги та великая страна, к счастью или сожалению, но уже давно исчезнувшая с политической карты мира. Наверное, это у меня получалось неплохо, ибо офицерская карьера сложилась вполне достойно.

История войн была неотъемлемой составляющей служебной деятельности, а после оставления службы превратилась в страсть, разродившуюся, в конце концов, изданием военно-исторического журнала «Military Крым».¹ Естественно, что на волне всеобщего внезапно возникшего увлечения Крымской войной, инициированного ее прошедшим 150-летием, я не мог остаться в стороне. Слишком много наболело и слишком многое хотелось сказать.

Но это только одна сторона проблемы, возвышенно-эмоциональная, так сказать. Другая гораздо серьезнее, потому что она реальна. Разгоревшиеся в последнее время военные конфликты разной степени интенсивности на Кавказе и в других регионах южной Европы демонстрируют, что история в соответствии с законами развития общества сделала свой очередной виток, и события этой, казалось, уже полностью

¹ «Military Крым» — военно-исторический журнал, издается в Автономной Республике Крым с 2005 г.

забытой войны вновь становятся актуальными. Естественно, на новом, более высоком уровне.

В результате мой скромный труд увидел свет. Это второе издание книги. Оно существенно отличается от первого, успех которого подвигнул на дальнейшее исследование как Альминского сражения, в частности, так и Крымской войны вообще. Я очень благодарен читателям. Благодаря им удалось получить новые источники, дополнившие, уточнившие и скорректировавшие детали, исправившие ошибки. Очень важно, что подавляющее большинство (а среди них много серьезных имен, известных своими монументальными исследованиями в области отечественной и зарубежной военной истории) почти безоговорочно приняло мои версии действительных причин поражения русской армии в этом сражении. Хотя моя версия диаметрально противоположна тем, которые в изобилии предлагались нам до сих пор официально.

Надеюсь, что получилось более удачно и информативно проиллюстрировать книгу. Хронологические рамки исследования (весна 1854 г. — 9 сентября 1854 г.) выбраны не случайно. Именно высадкой союзников в Крыму и переносом военных действий на сушу определился масштаб кампании в Крыму. Сражение определило лишь дальнейшую стратегию кампании — переход от сокрушения к измору. Чтобы показать это, пришлось расширить исследуемый период, добавив действия князя А.С. Меншикова, произведенные им после отхода русской армии с альминской позиции. Это сделано с перспективой развития работы на последующий этап кампании. В мои, не скрою, амбициозные планы входит дальнейшее описание Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.).

Это не займет много времени, но поможет читателю, для которого пока, может быть, мало понятны события, происходившие в Крыму ранней осенью 1854 г., лучше понять их смысл и последствия. Попытаемся вести его за собой, объяснять простым языком сложные вещи.

Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг. историки и история не обделили вниманием. Тут на лицо полный набор: научные исследования, мемуарная литература, беллетристика, поэтические произведения, картины и даже несколько разной степени удачности кинолент. И все же внимание это довольно специфическое. Очевидно, такова судьба любой прошлой войны вне зависимости от ее результатов. Проигравшие ищут в ней все для того, чтобы, оправдывая свои поражения, превратить их в победы, компенсируя огромным количеством розданных наград и еще большим числом легенд. Это порождает многочисленные мифы, которые так нравятся обывателям. Они их успокаивают, заставляют думать, что что бы ни случилось в стране, кто бы ни посмел напасть на необъятную Родину, всегда найдется парочка героев, которые спасут Отечество от любой напасти.

Увы, время активной мифологии кануло в лету. Это сейчас не проходит. Но бороться с фантазиями тяжело, они так впились в сознание, что их приходится буквально выбивать оттуда. Но нужно. Кому-то нужно делать эту грязную и неблагодарную работу, дабы в будущем не появлялись генералы, тоннами льющие солдатскую кровь. Мне нравится Николло Маккиавелли, но все же не всегда цель оправдывает средства.

Другое дело — победители. У них фантазия еще больше распаленная, чем у побежденных. Каждый торопится занять свое место в рядах соавторов успеха. Они гордятся славой, пожинаяют лавры, щедро раздают награды и, как правило, в следующей войне расплачиваются за это. Так было, так есть и так, наверно, будет.

У представителей разных стран сложилось свое, совершенно индивидуальное, свойственное только им одним восприятие Крымской войны. Спросим британца о

том, с чем ассоциируются у него события кампании на полуострове. Он моментально назовет атаку Легкой бригады² под Балаклавой, при этом, очень возможно, даже процитирует что-либо из поэмы лорда Альфреда Теннисона,³ вспомнит «Тонкую красную линию»⁴ шотландской пехоты под Кадькоем,⁵ упомянет Балаклаву, Альму, обязательно — Севастополь. Француз, естественно, назовет Севастополь, Малахов курган, ту же Альму. Они у них на слуху: в названиях улиц, площадей и мостов, в стихах популярных поэтов и даже в музыке современных всемирноизвестных исполнителей. Что-то может сказать и итальянец, для которого Крымская война — возвышенный эпизод действительно патриотической борьбы за объединение государства. Наверное, и благодаря в том числе тому, что петушине перья любимцев нации — итальянских берсальеров⁶ развевались под потоками крымского ветра, Италия сегодня едина.

Другое дело — мы. Невольно начинаешь думать, что прав великий русский язык, который ввел в обиход поговорку «Иваны, родства не помнящие». Кажется, нам непременно нужен очередной катаклизм, чтобы вспомнить уроки предыдущих. По сложившейся традиции — все, что не приносит денег, нам неинтересно. Если у нашего родного отечественного обывателя наивно поинтересоваться, что знает он о Крымской войне, то в лучшем случае из всех его познаний наиболее выдающимися могут оказаться знание имени Даши Севастопольской и сама оборона Севастополя. Только совсем «эрудированные» смогут назвать фамилию адмирала Нахимова. Далеко не все смогут перечислить страны, чьи армии сошлись на полях сражений Крымской войны, не говоря уже, по какому поводу. А в современных условиях местечковых переделов истории — и подавно. Почему?

Крымская война всегда искусственно дистанцировалась от остальных, в которых участвовала или которые вела Российская империя. В том числе таких победоносных, овеянных славой, как Отечественная война 1812 г., и таких сомнительных, как неоднократное усмирение Польши,⁷ Венгерский поход 1848–1849 гг.,⁸ или таких «интернационально-патриотических», как Русско-турецкая 1877–1878 гг.,⁹ принесшая освобождение от турецкого владычества братскому болгарскому народу. Правда, потом

² Атака Легкой Бригады под Балаклавой — эпизод сражения при Балаклаве 25 октября 1854 г. во время которого из-за неправильно понятого приказа понесла тяжелые потери бригада легкой кавалерии британской армии под командованием лорда Кардигана. Результатом стали не только полная потеря боеспособности бригады, но и грандиозный скандал в английском обществе.

³ Альфред Теннисон — (англ. Alfred Lord Tennyson, 1809–1892 гг.) английский автор, яркий представитель Викторианской эпохи в поэзии. Работы Теннисона были меланхоличны и отражали моральные и интеллектуальные ценности своего времени, что делало их особенно уязвимыми для более поздней критики. С Крымской войной поэта связывает написанное им стихотворение «Атака Легкой бригады». Отличительной чертой поэта была крайняя степень русофобства.

⁴ «Тонкая Красная Линия» шотландской пехоты под Кадькоем — эпизод сражения при Балаклаве 25 октября 1854 г., во время которого пехотинцы 93-го горского полка Эграйл и Сазерленда из Шотландской бригады генерала Колина Кемпбела отразили атаку русской легкой кавалерии генерала Рыжова. С того времени этот совершенно банальный эпизод оброс многочисленными мифами и в современном английском языке стал синонимом последнего рубежа.

⁵ Кадькой (Кадьковка) — предместье г. Балаклавы. Перед Крымской войной его населяли в основном греки, входившие в состав бывшего балаклавского греческого батальона.

⁶ Берсальеры (от итал. bersaglio — мишень) — стрелки итальянской пехоты (с 1836 г.), специально натренированные в меткой стрельбе и форсированных маршах; в 20 веке стали основой формирования самокатных и мотоциклетных частей.

⁷ Имеется в виду подавление русскими войсками восстаний в Польше 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.

⁸ Венгерский поход: название похода российских войск для подавления Венгерской революции 1848–1849 гг. Начат в апреле 1849 г. по просьбе австрийского правительства.

⁹ Русско-турецкая война 1877–1878 гг. — война между Российской империей и союзными ей балканскими государствами с одной стороны и Турцией — с другой. Была вызвана подъемом национально-освободительных движений на Балканах. Жестокость, с которой было подавлено апрельское восстание в Болгарии, вызвало симпатии к положению христиан Османской империи в Европе и особенно в России. Попытки мирными средствами улучшить положение христиан были сорваны упорным нежеланием турок идти на уступки Европе — и в апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну.

освобожденные болгары из чувства высочайшей любви и благодарности в обеих мировых войнах воевали на стороне противников России. Да и сейчас «братушки» явно не хотят свою любовь к ней демонстрировать. А вот непримиримые враги наши, англичане и французы, в тех же мировых войнах были нашими союзниками, хотя нас не любили никогда и сейчас любить особенно не собираются. Мы же первую мировую войну благодаря нашим бывшим вождям и настоящим правителям вообще умудрились почти вычеркнуть из своей памяти. Но это уже другая история...

Вернемся к нашим проблемам. Первая и главная, как мы уже поняли, — это забвение собственной истории. В нашем Отечестве (и в Украине, и в России) такое явление, похоже, превращается в национальный вид спорта. И любим мы им заниматься до самозабвения. Отсюда безликие, безвкусные и не вызывающие никакого душевного трепета памятники и не менее тоскливые юбилейные мероприятия, проходящие по одной схеме: молебны, венки, банкет. Грустно, господа.

И где уж тут до англичан или французов, если своих героев в тени держали, а прах адмиралов, защищавших Севастополь, как верных слуг царя благодарные соотечественники выкинули из усыпальницы, забыв, видно, что они все же и «отцами солдат» были. Правда, когда совсем припекло, вспомнили и даже ордена их имен учредили.¹⁰

Вторая — в том, что война эта была отдана на откуп дилетантам от военной истории. Не перевелись они и сегодня. Себя они чаще всего называют экспертами. Для них глубокое погружение в тему не интересно и не нужно. Им достаточно быть на виду. В невероятных количествах мы можем созерцать их лица и слушать пространные умные речи на памятных мероприятиях, особенно если там присутствуют представители власти. Еще они любят быть консультантами разных телевизионных проектов, желательно с большим бюджетом. Им унизительно нравится лебезить перед иностранными туристами, которые в последнее время все чаще приезжают в Крым посмотреть на места боевой славы своих предков. Странные мы люди: у наших туроператоров я не видел ни одного тура по Европе с темой, например, «Взятие Берлина». Даже стыдно: где мы кому-то поделом надавали, туда боимся поехать, а вот потомков тех, кто у нас, мягко говоря, «пошалил», на руках носим.

Забудем на время об этом племени экспертов. Они нам не интересны. Но вот публикаций о Крымской войне сейчас выходит действительно много. Только о войне ли они? Знакомясь с трудами некоторых современных исследователей (тех самых, позиционирующих себя как эксперты) Крымской войны, узнаешь с удивлением, что война эта была вроде бы и не совсем война. Оказывается, союзники не просто воевали, а вносили свой вклад в развитие культуры и продвигали вперед науку. Фотограф Роджер Фентон¹¹ и художник Вильям Симпсон¹² стоят далеко впереди тех истинных тружеников поля боя, которые непосредственно под пулями выполняли свою грязную и тяжелую работу как в осадных траншеях, так и на бастионах. Однако их имена затми-

¹⁰ В данном случае речь идет об ордене Нахимова — награде СССР времен Великой Отечественной войны. Учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 г. одновременно с орденом Ушакова для награждения офицеров Военно-Морского флота.

¹¹ Роджер Фентон (Roger Fenton, 1819–1869) — личный фотограф королевы Виктории, первый военный корреспондент. Стал известен благодаря своей серии из 360 работ с Крымской войны. Несправедливо, но Фентона ассоциируют в основном с его крымскими фотографиями. Последние составляют незначительную часть его многообразного творчества и затеняют огромный вклад Фентона в продвижение фотографии как искусства.

¹² Вильям Симпсон (1823–1899) — английский художник, путешественник и писатель. Во время Крымской войны, будучи достаточно известным, сделал множество интереснейших гравюр, запечатлевших основные события той войны. Фотоальбом литографий Вильяма Симпсона «Театр военных действий на Востоке» впервые увидел свет в Лондоне в 1856 г.

ли собой душераздирающую правду войны акварельных рисунков капитана Стрелковой бригады¹³ Генри Клиффорда,¹⁴ бывшего не только своеобразным художником, но и хорошим офицером, получившим за доблесть в сражении при Инкермане высшую военную награду Великобритании — Крест Виктории.¹⁵ В одной из последних публикаций наиболее известными британскими героями Крымской кампании названы генералы Раглан,¹⁶ Кардиган,¹⁷ Лукан¹⁸ (ну эти с трудом еще в какие-то ворота пролезают) и... журналист Рассел¹⁹, поэт Теннисон,²⁰ сестра милосердия Найтингейл.²¹ Вот так — куда там Кемпбелу,²² Брауну,²³ Кодрингтону²⁴ или Симпсону²⁵. Троица военных неудачников в компании с гражданскими товарищами, один из которых вообще в Крыму не был. Началось! И не только у победителей. Еще в 1875 г. российские исследователи предупредили, что в печати в отношении Крымской войны и ее героев развилось приписывание заслуг «...лицам, совершенно в этом неповинным».

Хотя отечественная историография отводила Крымской войне определенное место, традиция детального изучения ее так и не сложилась. Данное обстоятельство было обусловлено отсутствием систематизации трудов по проблеме, спорностью итогов кампании, длительной закрытостью темы. В России традиционно не любили говорить о поражениях, потому что они часто приводили страну к революциям.

¹³ Стрелковая бригада — бригада английской легкой пехоты. Создана в 1800 г. в виде эксперимента на основе 60-го Пехотного полка. Два батальона Стрелковой бригады сражались в Крыму, в том числе на р. Альме. Солдаты и офицеры бригады получили во время Крымской войны 8 Крестов Виктории — больше чем любой другой полк английской армии.

¹⁴ Генри Клиффорд (Henry Clifford) — во время Крымской войны капитан английской Стрелковой бригады. Участник сражений на Альме, при Инкермане, штурма Севастополя. Более известен как художник, оставивший альбом акварельных рисунков о Крымской войне. За сражение при Инкермане награжден Крестом Виктории. Впоследствии генерал. Погиб в Южной Африке в войне с бурами в 1900 г.

¹⁵ Крест Виктории (Victoria Cross (VC)) — высшая военная награда Великобритании. Вручается за героизм, проявленный в боевой обстановке. Награда учреждена 29 января 1856 г. Первая церемония награждения состоялась 26 июня 1857 г., всего произведено 1 356 награждений.

¹⁶ Фицрой Джеймс Генри Сомерсет лорд Раглан (Fitzroy James Henry Somerset, 1st Baron Raglan) (1788–1855 гг.) — британский фельдмаршал, главнокомандующий английскими войсками в Крыму.

¹⁷ Лорд Кардиган — генерал-майор Джеймса Томаса Брюденелла (James Thomas Brudenell 1797–1868 гг.) граф Кардиган (лорд Кардиган). Командир Легкой бригады английской кавалерии в Крыму.

¹⁸ Лорд Лукан — генерал-лейтенант Джордж Чарльз Бингхэм. В Крыму командир кавалерийской дивизии британской Восточной армии, состоявшей из Тяжелой и Легкой бригад.

¹⁹ Уильям Рассел (1820–1907 гг.) — английский журналист. Получил задание от лондонской «Таймс» сопровождать Британскую армию в Крымской кампании 1854 г. За это время четкие и точные репортажи Рассела snискали ему славу самого известного военного репортера Викторианской эпохи. Его критика командной системы в армии, негодного обмундирования и плохого провианта привела к радикальным реформам.

²⁰ Альфред Теннисон (Alfred Lord Tennyson, 1809–1892 гг.) — знаменитый английский поэт. Автор стихотворения «Атака легкой бригады».

²¹ Найтингейл, Флоренс (Nightingale, Florence) (1820–1910 гг.) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

²² Колин Кемпбел (1792–1863) — Лорд Клейд. Британский фельдмаршал. В Крыму — бригадный генерал. Командир Шотландской бригады. В сражении на реке Альме пехотинцы Кемпбела сумели отбить у русских господствующие над полем битвы высоты и закрепиться на них. Английские историки называют генерал-фельдмаршала Колина Кемпбела одним из выдающихся полководцев своей страны, считая, что именно он создал ядро английской армии будущего, став выдвигать офицеров на вышестоящие должности не по происхождению, а исходя из личных способностей и заслуг.

²³ Генерал-лейтенант Джордж Браун — в Крыму командир Легкой дивизии.

²⁴ Кодрингтон Вильям Джон — британский генерал (1804–1884 гг.). В Крыму командовал бригадой в сражениях на Альме и при Инкермане. В 1855 г. неудачно атаковал Редан (3-й бастион). Сменил генерала Симпсона на должности главнокомандующего английской армией в Крыму. Генерал-лейтенант. Назначение вызвало в Англии протесты, однако наступившее вслед за этим прекращение военных действий оставило вопрос о боевых дарованиях Кодрингтона открытым. В 1859–1865 гг. — губернатор Гибралтара.

²⁵ Генерал Джеймс Симпсон — после смерти лорда Раглана главнокомандующий английской армией в Крыму. В свою очередь, был смещен с этой должности за нерешительность.

Кстати, Крымская война не исключение. Отмена крепостного строя едва ли не подходит под понятие революция.²⁶

В середине 80-х годов прошлого столетия ситуация несколько улучшилась. Начиная с этого времени опубликовано большое количество новых работ о Крымской войне, интересных, но не всегда достоверных, часто просто патриотических (прошу прощения у читателя, что часто использую это слово, но не получается иначе). Будем снисходительны и благодарны этим авторам — они дали толчок развитию изучения проблемы. В то же время исследований, детально освещающих события Крымской войны, особенно ее военные аспекты, к сожалению, очень мало. И уж совсем мизерное число их имеет отношение к истории войн и военного искусства. Это в конечном итоге формирует сложившееся представление о событиях. Вины здесь и советские историки, поднявшие до ранга героев всех ее участников, и современные исследователи, поспешившие в духе времени искать только негативное, а большинство персоналий (как правило, соотечественников) огульно обвинить в полной профессиональной непригодности, да еще и с густым налетом «желтых» фактов. Есть совсем уж грустные. Как можно говорить об интересе к этой войне у подрастающего поколения, если в «Краткой истории Англии» — справочнике для школьников, изданном в Минске в 2003 г., Крымская война вообще не упоминается.²⁷

А теперь прекратим эмоции. Давайте договоримся: при чтении этой книги сведем их к минимуму. Если труд вызовет споры, то пусть в них родится истина, а не инфаркт. Правая или неправая была эта война — рассматривать и оценивать этот вопрос прерогатива политиков, как и их право начинать и заканчивать войны. Так устроен мир. В любом случае за все приходится расплачиваться солдатам, и именно их мужество надолго остается в памяти потомков и традициях армий.

Да и не все так окончательно плохо. Будем справедливы: сегодня память о событиях Крымской войны начинает постепенно восстанавливаться не только в Англии, всегда ревниво относившейся к своей истории, но и в нашем Отечестве. О Восточной войне стали вспоминать политики, чаще всего наиболее дальновидные. Они правы. В мировой геополитике эта кампания занимает гораздо более значимое место, нежели отводимое ей нашими современниками. Тем же, кто пытается игнорировать прошлое, нужно помнить, что в истории ничто не проходит бесследно, «горячие точки», породившие Крымскую войну и возникшие в ее ходе — «...Иерусалим, Балканы, Чечня и Крым часто появляются в газетных заголовках и спустя 150 лет».²⁸ Противостояние империй на юге Европы не закончено до настоящего времени.²⁹ Конца ему в ближайшие десятилетия не предвидится. Современные не только отечественные, но и иностранные исследователи, историки, политологи, военные часто напрямую связывают события сегодняшнего дня и последствия Крымской войны.³⁰ И вот снова, теперь уже в XXI веке в новостном блоке звучит, как 150 лет назад: «...Несомненно, Россия стремится сохранить Севастополь как пункт базирования ЧФ. Не только потому, что две базы лучше одной. Севастополь — лучшая из любых возможных баз на Черном море. В 1854 году, незадолго до Крымской войны, обозреватель лондонской «Таймс» и вовсе писал о Севастопольской бухте как о единственной, по-настоящему

²⁶ 19 февраля 1861 г. Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. Этот акт открыл новую эпоху в истории страны, знаменующую «собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи» (Ленин В.И.; Соч., т. 17, с. 96).

²⁷ Краткая история Англии, Справочник для школьников, Минск, 2003 г.

²⁸ Раш Кит, *The Crimean War*, London, 2000, p. 7.

²⁹ Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986 г. с. 410.

³⁰ Anton Zabkar, *The Drama in Former Yugoslavia: The Beginning of the End Or the End of the Beginning?* DIANE Publishing, 1995, p. 100.

удобной по физико-географическим условиям военно-морской базе, которой располагает Россия».³¹

Когда начинаешь думать о Крымской войне, невольно вспоминаешь удивление одного британского офицера, писавшего о ней в 1916 г. в разгар Первой мировой войны.

«Странно подумать, что немногим более шестидесяти лет назад четыре нации, которые являются теперь союзниками, сражались между собой из-за вопроса, который касался свободы одного из наших нынешних противников — Турции. Тогда казалось, что Крымская война окончательно решит судьбу будущего Европы, но теперь ясно, что это лишь страница в вечно не решенном восточном вопросе...».³²

Действительно, британские войска единственный раз после победы при Ватерлоо в 1815 г. и вплоть до 1914 г. приняли участие в войне с великой европейской державой, что стало важной страницей в истории вооруженных сил Великобритании.

Итак, теперь я постараюсь ответить на логичный вопрос: почему я взялся за эту тему, если все так плохо? Наверное, по этой причине и взялся. К сожалению, историки чаще увлекаются статистикой, и поэтому я решил взглянуть на Крымскую войну с точки зрения военного. Я не покушаюсь на славу генералов Богдановича,³³ Зайончковского³⁴ и Свечина.³⁵ У меня нет желания стать вторым Тарле.³⁶ Я не сумею затмить Ниеля или Буа-Вильомеза. Но и быть слепым потребителем заранее и давно утвержденных трактовок тоже не хочу. И никому не желаю.

³¹ <http://www.vz.ru/society/2009/7/14/307233.html>

³² Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916, p. 110.

³³ Богданович Модест Иванович (1805–1882 гг.) — генерал-лейтенант, военный писатель. Воспитание получил в Дворянском полку. В 1831 г. участвовал в сражениях под Вавром, Гроховым, Дембе-Вельке и Рагозиным. В последнем был контужен, остался на поле сражения, был взят поляками и находился в плену до 27 августа 1831 г. Пройдя курс в военной академии, занял в ней кафедру военной истории и стратегии. Оставил после себя множество военно-исторических и исторических трудов, из которых наиболее известны «История Отечественной войны 1812 г.», «История войны 1813 г. за независимость Германии», «История войны 1814 г.», «История царствования императора Александра I и Россия в его время»; «Восточная война 1853–1856 годов» и «Исторический очерк деятельности военного управления в первое 25-летие царствования императора Александра II».

³⁴ Зайончковский Андрей Медардович (1862–1926 гг.), русский воен. историк, генерал от инфантерии (1917 г.). Окончил Николаевское инженерное училище (1883 г.), Академию Генштаба (1888 г.). Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. командовал пехотным полком и бригадой, во время 1-й мировой войны — пехотной дивизией, корпусом и Добруджинской армией. С мая 1917 г. — в отставке. В 1919 году вступил в Красную Армию, служил во Всеросглавштабе. С авг. 1919 г. по март 1920 г. был начальником штаба 13-й армии, сражавшейся с деникинскими войсками в составе Южного и Юго-Западного фронтов, затем состоял при начальнике Полевого штаба РВС Республики. Был председателем Военно-исторической комиссии и руководителем работ по обобщению опыта 1-й мировой войны. В 1922–1926 гг. — профессор Военной академии РККА. Автор фундаментальных трудов по истории Крымской (1853–1856 гг.) и 1-й мировой войн.

³⁵ Свечин Александр Андреевич (1878–1938 гг.) — русский и советский военачальник, выдающийся военный публицист, педагог и теоретик, автор классического труда «Стратегия», комдив. Родился в семье генерала русской армии (старший брат Михаил (1876–1969 гг.) — кавалерийский офицер, генерал-майор, участник русско-японской, Первой мировой и гражданской войн, белоэмигрант). Учился в Петербургском кадетском корпусе, затем в Михайловском артиллерийском. С 1899 г. публикуется в прессе. Окончил Николаевскую Академию генерального штаба в 1903 г. Участник русско-японской и первой мировой войны. С марта 1918 г. перешел на сторону большевиков. Был назначен военным руководителем Смоленского района Западной завесы, затем — начальник Всероссийского главного штаба. Председатель Реввоенсовета республики Троцкий назначил его преподавателем Академии Генерального штаба РККА. Затем главный руководитель военных академий РККА по истории военного искусства и по стратегии. Арестован в 1937 г. Расстрелян 29 июля 1938 г. Реабилитирован 8 сентября 1956 г.

³⁶ Евгений Викторович Тарле (1874–1955 гг.) — русский советский историк, академик АН СССР, автор энциклопедического труда «Крымская война». Был почетным доктором университетов в Брно, Праге, Осло, Алжире, Сорбонне, членом-корреспондентом Британской академии для поощрения исторических, философских и филологических наук, действительным членом Норвежской академии наук и Филадельфийской академии политических и социальных наук. Историк с мировым именем (десятки его работ переведены на иностранные языки). Тарле был крупным стилистом и литературоведом.

Время многое изменило — и настал час написать то, что они не могли сделать по разным причинам. В том числе и по политическим. Избежать ошибок невозможно, и, наверное, мне также не удастся сделать это на 100%, но нужно говорить в Крымской войне именно как о войне, а не заниматься изучением ее второстепенных аспектов, романтизируя действительность и упорно продолжая игнорировать в действительности происходившее на полях сражений. С расплывшимися в последнее время экспертами (опять о них) трудно дискутировать, учитывая влияние их положения. А может, и не нужно. Жаль только, что перспективный и долгожданный проект тележурналиста Леонида Парфёнова «Война в Крыму»,³⁷ воспользовавшегося услугами этих научных консультантов, получился содержащим множество заблуждений и ошибок.

События военной истории как реального процесса всегда описывались и объяснялись посредством большого числа научных понятий. Их можно условно разделить на следующие: философские и общесоциологические понятия и категории; частносоциологические и другие социальные понятия; собственно военно-исторические и военные понятия.³⁸ Я отбросил все, кроме последних двух и буду пытаться в большей степени о них рассказывать читателям моего скромного труда.

Таким образом, нам предстоит рассматривать события, оперируя в основном не стратегическими и оперативными понятиями (хотя полностью отказываться от них было бы ошибочным), а тактическими терминами, цифрами: дистанциями, калибрами, дальностью поражения и всем тем, без чего рассуждения о победах и поражениях являются не более чем констатацией свершившихся фактов, а не правдивым анализом. Постараемся сделать то, что не удастся современным авторам, которые или не могут качественно провести анализ собранных ими документов, или предаются буйству фантазии. И, как мы говорили, так появляются мифы. Например, из этого недомыслия родилась, например, сказка об истребленной под Балаклавой английской аристократии. Вот и приходится, говоря словами одного из современных историков, вышибать легенду, как палач табуретку.

Работы современных авторов, на мой взгляд, имеют один существенный недостаток — Крымская война в них не привязывается к другим событиям военной истории. Это существенно. Нельзя делать выводы из событий этой кампании, не проследив ее итоги в развитии, не вычислив ее наследие в опыте всех войн и военных конфликтов, прокатившихся по нашей планете с того давнего времени вплоть до последних дней.

И снова попытаюсь ответить на все время возникающий вопрос: а нужно ли вообще затрагивать историю одного, тем более безнадежно проигранного русскими сражения? Может, нужно оставить ее в том состоянии, в котором она пребывает ныне — полузабытье, изложенной в общих и совершенно расплывчатых чертах. В конце концов, не только у Крымской войны такая судьба. Таких белых пятен — сотни.

Но все же необходимо попытаться заново осмыслить его. Именно поэтому моя цель — рассказать о событиях с другой стороны. Это оборотная сторона медали, не та, с которой оно преподносилось до настоящего времени. И мне совершенно не интересны обвинения в отсутствии патриотизма, которых после выхода первой книги я услышал предостаточно. Более чем уверен, что в году эдак 1937-м мои яростные

³⁷ Леонид Парфёнов — известный российский тележурналист, снявший в 2005 году многосерийный кинопроект «Война в Крыму».

³⁸ Божедомов Б.А. и др. Военная история. Учебник для высших военных учебных заведений Министерства обороны Р.Ф. М., 2006 г., с.4–6.

малообразованные оппоненты без сомнения застучали бы на вашего покорного слугу в компетентные органы как на английского шпиона. Для этой публики напомним слова великого русского историка Карамзина,³⁹ сказавшего, что «...патриотизм не должен ослеплять нас». Да и не только Карамзина, по отношению к которому могут возразить, что он, дескать, совсем не участник описываемых событий. Хорошо, тогда обратимся к словам вице-адмирала И.Ф. Лихачёва. В период Крымской войны он был флаг-офицером вице-адмирала В.А. Корнилова.⁴⁰ Это он впервые в России в 1888 г. предложил создать Морской генеральный штаб. Из цензурных соображений в 1901 г. его статью не опубликовали. Через пять лет его правоту подтвердила война с Японией. Вот что он писал: «Наивные увлечения патриотического шовинизма, не допускающего никаких пятен в «героизме» своих соотечичей, равно как предвзятые псевдонаучные придирки педантического критицизма, мало помогут к уяснению действительного хода событий в их естественной последовательности. Только отрешась и остерегаясь опасных увлечений в сторону того или другого из названных направлений и оставаясь на твердой почве простой натуральной реальности, можно более или менее успешно и поучительно изучать и уразумевать примеры военной истории».

Усвоение уроков военной истории должно быть нацелено на понимание и решение проблем нынешних и будущих. Вот что писал по этому поводу Александр Андреевич Свечин, не случайно названный русским Клаузевицем: «Не вглядываться в прошлые события, не изучать причины наших поражений — значит, не желать исцелить нашу армию от сковывающих ее недугов, не желать ей в будущем побед... Природа всего военного знания историческая... Военная история предстанет перед нами неисчерпаемой сокровищницей интереснейших и поучительнейших мыслей и фактов, если мы не будем зарываться в нее, укрываясь от настоящего, от практической работы; страницы прошлого должны представлять для нас не могильные памятники, а оружие для борьбы в настоящем, ключ к его пониманию. Каждое поколение должно само выковывать новое историческое оружие, сколько бы труда это ему ни стоило, и овладевать им, чтобы иметь возможность свободно ступать своей дорогой и не тащиться в хвосте за другими... Военный историк должен пролагать новые пути стратегии, оперативному искусству и тактике... Расцвет русской военной истории только и может произвести на свет русскую доктрину».

Для особо непримиримых поясню, что не принимаю ничью сторону: и русские, и союзные войска мне интересны только как участники всего лишь одной долгой кампании.

³⁹ Карамзин, Николай Михайлович (1766–1826) — русский писатель и историк.

⁴⁰ Вице-адмирал Иван Федорович Лихачёв, кругосветный мореплаватель, один из активных участников обороны Севастополя, публицист. В начале 1853 г. капитан-лейтенант, заместитель главного редактора журнала «Морской сборник». С началом Восточной войны в 1854 г. его откомандировали на Черное море, где Иван Федорович стал флаг-офицером при руководителе обороны Севастополя вице-адмирале В.А. Корнилове. На пароходе-фрегате «Бесарабия» он участвовал в сражении с отрядом англо-французских кораблей. В конце года И.Ф. Лихачёва произвели в капитаны 2 ранга. В 1855 г. успешно организовал эвакуацию людей и вооружения с позиций, участвовал в строительстве наплавного моста через бухту, по которому 27 августа 1855 г. были выведены войска. За день до этого Иван Федорович получил сильную контузию, но командный пункт покинул лишь с уходом последнего отряда. За примерность и отличие был удостоен орденов Св. Анны 2-й степени с мечами и Св. Станислава с императорской короной и мечами. В августе 1856 г. ему присвоили звание капитана 1 ранга. В 1866 г. И.Ф. Лихачёва назначили членом Артиллерийского морского технического комитета. В 1874 г. ему присвоили звание вице-адмирал. Умер И.Ф. Лихачёв 15 ноября 1907 г. в Париже. Согласно его завещанию он был похоронен в мужском монастыре г. Свяязька под Казанью. Именем вице-адмирала названы мыс в западной части залива Петра Великого и пролив в северной части Охотского моря.

Война, по образному выражению адмирала Альфреда Мэхена,⁴¹ — это такая же наука, как и остальные, опирающаяся на собственные законы и правила. Потому буду стремиться к построению работы как целостного и насыщенного сочинения, помня о том, что «...настоящее искусство военного историка выражается не в умении раскрашивать картину яркими красками, а в умении группировать факты; точно так же, как и сражение выигрывается не красочностью сцены, а расположением сил».⁴² От себя добавлю: военная история, война — не только наука, но и работа, которую, как и любую другую, можно делать хорошо или плохо. Кто делает хорошо, тот победитель, кто делает плохо — тому часто приходится ложиться в сырую землю. Памятники ставят не всегда отличникам. Больше всего их стоит на братских могилах.

Если критика моей книги послужит толчком к изучению и анализу истории и военного искусства этой кампании, то я буду считать свою цель достигнутой. Ведь, по образному выражению выдающегося русского военного теоретика генерала А.А. Свечина, «...военная история является той почвой, на которой рождаются опорные точки нашего военного мышления».⁴³

Сложно рассчитывать на однозначно полное положительное восприятие всеми категориями читателей моего скромного труда, учитывая несколько неожиданные выводы, сделанные после нескольких лет анализа информации, полученной из самых разных источников. Но, очевидно, наступило время выступить против того «военно-исторического произвола», который окружает события этой войны.

Надеюсь, что материалы этой книги будут интересны и представителям туристического бизнеса, которые организуют туры по местам сражений Крымской войны. К сожалению, многие из них крайне упрощенно подходят к составлению теоретического содержания предлагаемых туристам программ. В итоге это приводит к тому, что более или менее знающие историю гости, особенно из Великобритании, категорически отказываются от услуг крымских гидов, предпочитая работать с английскими специалистами, в частности, из Общества исследований Крымской войны.⁴⁴ Кстати, в отличие от многочисленных местных просвещенных англоманов в большинстве своем женского пола, впадающих в экстаз при одном только упоминаниях о «славных британских воинах», у меня мнение о современной британской военной истории Крымской войны совершенно иное. Так вот, английская военная история не имеет ни одного исследования, равного по масштабам и уровню Зайончковскому, Богдановичу, Тотлебену и Тарле. Их наиболее объемные труды по этой кампании написаны цивильными журналистами и нещадно критикуются самими английскими исследователями. Львиная доля современных исследований — слабая пародия на военную историю. При этом сии джентльмены в лучших традициях колониальной политики, приезжая к нам, всячески подчеркивают, что именно они диктуют правила игры.

Давайте уважать и любить себя и свою историю. Честную, непричесанную, горькую, но нашу. Не слушайте басни патриотов, они не менее опасны, чем откровенная пропаганда противников. Только в этом случае мы снова почувствуем себя народом, нацией, а не аборигенами или туземцами.

⁴¹ Мэхен Альфред Тайер (1840–1914) — американский военно-морской теоретик, историк, контр-адмирал, историк.

⁴² Тоурас П. Энциклопедия военной мысли, М.2001 г., с.263–264.

⁴³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., Л., 1927 г., Т.1, с.11.

⁴⁴ «Общество исследований Крымской войны» — общественная организация в Великобритании, занимающаяся изучением событий Крымской войны и Викторианской эпохи. Издаёт свой журнал «Военный корреспондент» («The War Correspondent»).

И в этой связи еще немного о морали. Время, конечно, лечит. И вот уже некоторые крымские авторы в своих книгах пытаются обосновать тот вклад, который сделала Крымская война в развитие экономики и культуры Крыма. Это просто кощунственно, учитывая, что столь милые их сердцу первые иностранные туристы совершали свои поездки среди еще не остывших могил и любовались разрушенными ими или их соотечественниками городами. Тогда уж давайте назовем первыми туристами, посетившими Республику Беларусь, немецких солдат, вошедших в июне 1941 г. в Брестскую крепость... А Иван Сусанин будет первым русским гидом при польской туристической группе, совершавшей тур по Золотому Кольцу России. Не согласны? Тогда объясните мне, чем они отличались от англичан, французов и турок образца 1854 г.? Благодаря в том числе и этим «туристам» некоторые британцы уже во время Крымской войны называли полуостров «рекордсменом по числу иностранных вторжений».⁴⁵

Точно так же я не приемлю понятия «последняя рыцарская война», которое так полюбилось в последнее время. Потому мной намеренно включена в работу информация о русских раненых, добитых штыками английских солдат при Альме. И давайте будем откровенны — случаи глумления над пленными имели место в Крыму и участниками их были не только турецкие солдаты, на которых многие (особенно английские) авторы любят списывать собственные грехи. Верю, это остановит других авторов от излишней романтизации образа Крымской войны, как и любого другого массового кровопролития.

Моя цель приоткрыть взгляд на эту войну с несколько иной стороны. Я понимаю, что многим, может быть, не понравится то, что они прочитают. Кто-то узреет в этом попытку унижить наше национальное достоинство. Но я позволю себе не согласиться с подобными опасениями. Я лишь очистил правду истории от шелухи «квасного патриотизма», который только вреден для нас и для нашей страны. Потому и главу эту закончу напоминанием слов древнеримского Тита Ливия⁴⁶ о двойной пользе нравственных уроков истории: во-первых, писал он, «оттуда можно взять образцы, достойные подражания», а во-вторых, «там же найдешь нечто позорное, гнусное, чего нужно избегать».

Надеюсь, что это будет интересно читателю.

⁴⁵ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 288.

⁴⁶ Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — крупнейший историк древнего Рима.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Об этом большом деле напишут прежде всего у вас в Петербурге, и хорошо напишут: все большое издали виднее...

Неизвестный русский офицер, раненый при Альме в беседе с журналистом А.Ф. Погосским спустя три дня после сражения.

...были смешиваются с небыллицами, проверить нет возможности – и историк в затруднении...

Генерал-адмирал князь А.С. Меншиков – своему адъютанту А.А. Панаеву, Севастополь, ноябрь 1854 г.

О ЧЁМ ПИШУТ

Хотя, начиная только работать над темой, я ощущал дефицит информации, в дальнейшем получил возможность убедиться в обратном. Круг источников по истории Крымской войны и Альминского сражения масштабен. Скучным его точно не назовешь. А потому позволю не согласиться с мнением одного из участников кампании — бывшего адъютанта Владимирского пехотного полка поручика Наума Александровича Горбунова, что «...об Альмском сражении очень мало имеется сведений».⁴⁷ Может быть, во второй половине XIX в. так оно и было, но сейчас их достаточно, чтобы иметь возможность сделать его качественный анализ.

Есть всё: мемуарная литература, исторические описания, справочные материалы. Но вот с качеством и достоверностью источников проблема существует. И она в первую очередь в почти полном отсутствии официальных отчетов, особенно русских.⁴⁸ Понятно, что в условиях неблагоприятно начавшейся военной кампании некогда было тратить время на расписывание её хода. Да и князю А.С. Меншикову⁴⁹ явно не хотелось давать отчет о своем военном поражении, понимая, что обвинений в личной причастности ему не избежать. Кстати, подобное явление стало во время сплошных поражений Крымской кампании системой, плавно перейдя от Меншикова к его преемнику на должности князю М.Д. Горчакову.⁵⁰

⁴⁷ Воспоминания участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству, Государю, Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с.56.

⁴⁸ Когда я говорю об официальном отчете, то имею в виду полный развернутый рапорт по всем службам и от всех начальников с цифрами и суммами, а не отдельные рапорты и письма, хранящиеся в архивах России и Украины.

⁴⁹ Александр Сергеевич Меншиков (1787–1869 гг.) — генерал-адмирал, генерал-адъютант, светлейший князь, правнук А.Д. Меншикова. В 1854 г. главнокомандующий русскими войсками в Крыму.

⁵⁰ Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861 гг.) — генерал от артиллерии (1844). Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русских войск 1813–1815 гг. Отличился в Бородинском, Дрезденском, Лейпцигском и др. сражениях. В русско-турецкой войне 1828–1829 гг. был начальником штаба

Оставлять документы, свидетельствующие о своей роли в поражениях, было просто глупо. А так как кампанию в России почти официально прозвали севастопольским разгромом,⁵¹ то и опасно. Поэтому дошедшее до нас — это в лучшем случае воспоминания очевидцев, в которых при внимательном изучении обнаруживается целый ряд неточностей, некоторые из них допущены явно умышленно. Цели преследовались разные. Если мы их видим у старших начальников, то есть тех, чьи действия в сражении в той или иной степени определили его исход, то противоречия мотивируются самооправданием. Цель очевидна — за этим стоит плохо прикрытая попытка обойти истинные причины поражения, выгородить себя.

Начальники полкового, батальонного и ротного звеньев более откровенны в деталях, ибо писали по принципу: «что видел, о том и говорю». От них чаще всего мало что зависело, и они пытаются быть объективными, но не умалять своей роли и значения подчиненного подразделения.

Отдельные источники представляют собой панегирик заслуг начальника или лиц, приближенных ко двору. Это в большей степени свойственно людям, с их помощью самим пытавшимся войти в историю: адъютантам, чинам штаба и сопровождавших армию журналистам. Есть и откровенное восхваление собственных доблестей. Хотя нельзя не согласиться с легендарным бисмарковским «Нигде так не врут, как на войне...»,⁵² признаем — после войны начинают сочинять еще больше. Особенно бушует воображение винтиков военной машины — рядовых и сержантов. Иногда они делают это столь убедительно, что ловишь себя на невольном желании безоговорочно поверить. Хотя при некотором старании и из самых невероятных сочинений можно выудить нужный объем интересной информации.

К сожалению, заранее предвижу критику в адрес автора, связанную с преобладающим в сочинении взглядом на сражение со стороны союзников и использование иностранных источников. Да, я не спорю, но действительно — в сравнении с французскими и английскими очень мало воспоминаний о сражении, трезво анализирующих его ход, оставлено русскими участниками. Складывается ощущение, что каждый офицер или сержант союзных армий стремился оставить потомкам память о своем доблестном участии в Крымской войне. У нас хуже. Не спорю, я не использовал абсолютно все источники, имеющие место быть, а только те, которые смог найти. Но то, что я обнаружил, позволяет сделать определенные выводы. Например, для российской армии характерно малое число свидетельств современников из числа рядового или унтер-офицерского состава. Точнее, есть, но они сумбурны и не всегда точны. Чаще всего это записки из бесед с нижними чинами, перенесенные на бумагу с чужих слов, обработанные и отредактированные. Вообще, к солдатским воспоминаниям, кто бы ни был их автором, нужно относиться осторожно. Даже при том, что русский солдат гораздо меньше, чем английский, старался показать важность своей роли в событии.

3-го Пехотного корпуса. Участвовал в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг. и Венгерской революции 1848–1849 гг. С началом Крымской войны 1853–1856 гг. командовал войсками, действовавшими на Дунае. С 24 февраля 1855 г. — главнокомандующий войсками в Крыму. В тяжелой обстановке проявил нерешительность, проиграл сражение на Черной речке (4 августа 1855 г.) и не сумел оказать необходимую помощь войскам, оборонявшим Севастополь. По его приказу русские войска оставили южную часть города. В 1856 г. был назначен наместником Царства Польского.

⁵¹ С легкой руки адъютанта генерала Хрулёва М. Вроченского (Вроченский М. А. Севастопольский разгром. Воспоминания участника славной обороны Севастополя. Киев, 1893 г.)

⁵² «Нигде не врут так, как на охоте и на войне», — сказал князь Бисмарк, ходивший на охоту на медведя вместе с Александром II.

Но одно стало ясно сразу, как только начался процесс изучения источников. События этого дня оказались настолько запутанными, что дел по развязыванию этого гордиева узла хватит всем и надолго. Потому мои многочисленные оппоненты могут не волноваться — скучать не придется, только работайте.

КАК ПИШУТ

Мы поняли, что пишут, писали и будут писать много. Теперь сделаем попытку разобратся в качестве. Бумага все стерпит, но вот читатель далеко не все вытерпеть может.

Вскоре после высадки союзников в Крыму и Альминского сражения, по воспоминаниям А.Ф. Погосского,⁵³ выяснилось, что ни один из его участников не мог толком понять, что же произошло. Наступило массовое потрясение, эмоциональный момент истины, когда каждый искал свой ответ на вопрос: почему армия, готовая шапками закидать неприятеля, достаточно многочисленная, сытая, в основной своей части свежая, полная сил и энергии, настроенная на сокрушение врага и его разгром, потерпела столь неожиданное поражение? И не просто поражение, а обидный и чувствительный удар по самолюбию воспитанного на прошлых победах русского солдата и офицера. И от кого! Его нанесли батальоны и батареи союзных войск, измотанных болезнями, уставших, полуголодных, обессилевших после нескольких дней пребывания в Крыму на чужой, для них незнакомой негостеприимной земле. Может быть, поверим адмиралу британскому Слейду, считавшему, что армия рабов в солдатских мундирах не будет сражаться с энтузиазмом?⁵⁴

Хотя, не так все просто, как может показаться. Конечно, такое явление, как русский солдат николаевских времен — сложное, и еще не одно поколение историков будет ломать копья в спорах о его сути.

А.Ф. Погосский, посетив незадолго до боя на Альме лагерь русских войск, обратил внимание на царивший высокий дух, правда, граничивший с самоуверенностью. Он стал одним из первых, кому эти настроения стали внушать не радость, а опасения, полностью подтвердившись позже.

«Беспрестанное крейсирование английских пароходов в виду крепости не производило никакого отчетливого влияния на умы нашего гарнизона. Вера в штывки наши обаяла всю военную часть населения, правда, обаяние это не сообщалось сословию мирных жителей, между ними носились неясные слухи о предстоящей блокаде крепости и кое-какое опасение; женщины были, по обычаю прекрасных, на стороне смелых и не верили посещению западных гостей.

Я навестил кое-кого из старых моих сослуживцев в Мамадашском (или Мамалашском, не помню) лагере на северной стороне крепости. Там расположение умов так же не выходило из обычной колеи всех лагерных стоянок, при речи о высадке не-

⁵³ Погосский Александр Фомич (1816–1874 гг.) — известный писатель для народа и деятель в пользу народного образования. Образование получил в Петербурге, в училище высших наук. По мнению Н. Лескова, «...самым выдающимся писателем в новой солдатской литературе был без сомнения недавно умерший писатель Александр Фомич Погосский, по рождению — поляк, по положению — отставной офицер русской службы». Выступив на литературном поприще в сороковых годах рассказами, появившимися в «Чтении для солдат», Погосский поставил себе задачей борьбу с невежественной лубочной литературой. С этой целью он в 1858 г. стал издавать маленький журнал под названием «Солдатская беседа».

⁵⁴ Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) Turkey and the Crimean war : a narrative of historical events, London, 1867, p. 300.

приятеля слышались возгласы: «О если бы да кабы! Да они не дураки – не полезут, как куры во щи! Мы их шапками закидаем!».⁵⁵

Давайте не будем уподобляться некоторым исследователям и с упорством, достойным лучшего применения, искать автора этих слов, ставшими едва ли не главной крылатой фразой периода кампании. Иные краеведы и филологи до сих пор видят в этих словах едва ли не великий смысл всего Альминского сражения.

Если быть объективным и не заниматься самобичеванием, особенно сейчас модным, то нужно попытаться понять психологию армии Николая I. В сентябре 1854 г. её моральный дух был действительно высоким, действительно граничащим с самоуверенностью, которая, как известно, наказуема, так как не имеет никакого отношения к боевому духу. Это была психология парада, которая срабатывает успешно только в одном случае – когда армия наступает. Результат подобного эмоционального состояния при отчаянном сопротивлении неприятеля или, как в нашем случае, его активному нападению предсказуем. Это не прецедент, а явление, в истории войн распространенное. Очень часто армия, уверенная в легкой победе, при первых признаках того, что противник гораздо сильнее, чем представлялось в застольных беседах на биваке, легко впадает в другую крайность – панику, уклонение от боя, отход, бегство. Примеров тому – масса. Их мы обнаружим и в глубокой древности, и в последних событиях. Это, например, дезорганизация грузинской армии после первых же удачных ударов российской артиллерии в августе 2008 г.

К чести участников войны многие из них нашли в себе силы называть вещи своими именами, не побоявшись отдать его результаты на суд истории. Когда же поражение все-таки случилось, то уже тогда среди бывших в нем возобладало мнение, что в ближайшее время начнется всемерное оправдание.

«Вообще нельзя было не согласиться с тем храбрым и умным раненым офицером нашим, с которым довелось мне беседовать на третий день после Альмы в Симферополе под «Золотым якорем». «Конечно, многие из офицеров напишут эпизодические картины этой битвы, которые они видели как участники дела», – сказал я ему между прочим. «Едва ли», – возразил он. «Да если бы и написали, так толку мало: это было бы либо верно и очень узко и бессвязно, либо широко и связно и очень сомнительно! Об этом большом деле напишут прежде всего у вас в Петербурге, и хорошо напишут: все большое издали виднее...».⁵⁶

Они не ошиблись. Читая то, что издают современные авторы, удивляешься, как они стыдятся сказать правду, предпочтя лубок исторической истине. Я их понимаю. Вечно жить в сослагательном наклонении проще, чем рисковать подвергнуться постоянной критике, да и платят за ложь сейчас щедрее, чем за правду. Тут же и уважение благодарного народа, делающего вид, что мы всегда и всех... Но ведь и продолжать делать вид, что ничего не произошло, дальше нельзя.

Хорошо хоть, что подобное – удел в большей степени непрофессионалов. А вот у специалистов, занимающихся изучением не общих проблем Крымской войны, а ее деталей, работы которых можно считать действительно глубоким и, самое главное, профессиональным анализом, оно другое: «...О Крымской, или Восточной войне в отечественной литературе написано немало. Как, впрочем, и в иностранной. Однако зачастую складывается впечатление, что многие авторы – и наши, и забугорные –

⁵⁵ Погоский А.Ф. Из заметок проезжего. Воспоминания.//Крымский архив, № 9, 2003 г. Симферополь, с.19.

⁵⁶ Погоский А.Ф. Из заметок проезжего. Воспоминания.//Крымский архив, № 9, 2003 г. Симферополь, с.32.

упорно не хотят считаться с мнением бывших противников. «Чужие» материалы игнорируются, история превращается в сборник преданий о собственных подвигах, а достоинства противника подчеркиваются лишь в одном случае: если это может придать дополнительный вес собственным достижениям».⁵⁷

Побольше бы таких специалистов. Чаще, к сожалению, приходится лишь удивляться, читая произведения историков Крымской войны, делающих стратегические выводы и при этом не использующих военно-теоретические труды А.А. Свечина, долгое время находившиеся под запретом.⁵⁸ Наиболее яркий из них — бесспорно «Эволюция военного искусства».⁵⁹ Можно сколько угодно с умным видом рассуждать о превосходстве союзников в стрелковом оружии, но если знать военно-технические работы русского конструктора-оружейника и историка оружия В.Г. Фёдорова,⁶⁰ которые можно считать энциклопедией вооружения Крымской войны («Вооружение русской армии в Крымскую войну», «Эволюция стрелкового оружия»⁶¹ и др.), то это не более чем сотрясение воздуха. Пока же, когда речь заходит о стрелковом вооружении и обучении в русской армии, глупость достигает своего апогея.

Ещё большую глупость приходится узнавать при освещении темы инженерных сооружений. Их умудряются делать, не прочитав ни единого слова из книг по фортификации профессора В.В. Яковлева⁶² («Эволюция долговременной фортификации»,⁶³ «Приморские крепости»). А сколько сочиняют умных слов, даже не взглянув в «Фортификационный словарь»⁶⁴ полковника В.Ф. Шперка.⁶⁵ Не упоминаются уставы и наставления того времени. О применении артиллерии, а это сложнейшая тема, вообще нет смысла говорить. Я сам, понимая, насколько это трудно понять, не имея специальной подготовки, неоднократно обращался за помощью к специалистам, за что им огромное спасибо.

Об использовании аналогичных работ иностранных авторов и говорить не приходится. Потому о трудах Лидл-Гарта или Мольтке, я думаю, вспоминать не стоит, это

⁵⁷ Соломонов Б., Соломонов П. Бомбардировка Севастополя. Взгляд с другой стороны // ФлотоМастер, №1, М., 2003 г., с.11.

⁵⁸ Даниленко И.С., А.А. Свечин предсказал трагедию Пёрл-Харбора // Военно-исторический журнал, №4, 2000 г., с.40.

⁵⁹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г.

⁶⁰ Фёдоров Владимир Григорьевич (1874–1966 гг.) — советский учёный и конструктор, основоположник отечественной школы автоматического стрелкового оружия, профессор (1940 г.), генерал-лейтенант инженерно-технической службы (1943 г.). В 1900 г. окончил Михайловскую артиллерийскую академию и был назначен в артиллерийский комитет Главного артиллерийского управления. Сконструировал автоматические винтовки калибра 7,62 мм (1912 г.), калибра 6,5 мм под патрон собственной конструкции (1913 г.), первый в мире автомат под винтовочный патрон калибра 6,5 мм (1916 г.). В 1931–1933 гг. — консультант по стандартизации в оружейно-пулемётном тресте. Затем опубликовал несколько работ, а в 1942–1946 гг. — консультант по стрелковому оружию в Наркомате и Министерстве вооружения. С 1946 г. по 1953 г. — действительный член Академии артиллерийских наук. Научный руководитель В.А. Дегтярёва, Г.С. Шпагина, С.Г. Симонова и др. Автор научных трудов по истории, проектированию, производству и опыту боевого применения стрелкового оружия. Соч.: «Автоматическое оружие», СПб, 1907 г.; «Основания устройства автоматического оружия», М., 1931 г.; «Эволюция стрелкового оружия», ч. 1–2, М., 1938–1939 гг.; «Оружейное дело на грани двух эпох», ч. 1–3, Л. М., 1938–1939 гг.; «История винтовки», М., 1940 г.

⁶¹ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия // Оружие. Российский оружейный журнал, №10, М., 2003 г.

⁶² Яковлев В.В., известный специалист-фортификатор, автор фундаментального труда «История крепостей», посвященного малоизвестному аспекту военного искусства — развитию оборонительного зодчества с древних времен до начала XX в., а также исследованию средств осады и обороны сухопутных крепостей в этот период, профессор Военной инженерной академии им. В.Куйбышева.

⁶³ Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации, М., 1931 г.

⁶⁴ Шперк В.Ф. Фортификационный словарь, // Военно-инженерная академия, 1946 г.

⁶⁵ Шперк В.Ф. — известный русский, советский фортификатор, профессор Военной инженерной академии им. В.Куйбышева.

уже запредельное. О Штенцеле,⁶⁶ а тем более Мэхэне или Коломбе многие, наверное, и не слышали.⁶⁷ А еще есть Бридж, Корбет, Давелюи, Боллати и многие другие.

При всём этом любому человеку, мало-мальски осведомлённому в истории военного искусства, понятно, что такого плана и направленности работы должны составлять теоретическую основу исследований и исключительно через их призму рассматриваться все остальные документы. Это только малая часть того, что должно быть базой в том случае, если автор заявляет или пытается заявить себя военным историком. Иначе всякое описание любой войны, а Крымская в данном случае не исключение, не более чем записки краеведа, количество которых, как я уже говорил, обратно пропорционально их пользе.

Зато к месту и не к месту вставляются термины, о смысле которых авторы, судя по тексту, не догадываются. Когда гражданский человек очень хочет показаться бывалым военным, он делает это с умным видом и металлом в голосе. Получается смешно, но, увы, неправильно. В результате появляются труды о столкновении империй, которые якобы «создают наиболее полную и объективную картину военных действий, демонстрируя тем самым сбалансированный взгляд на события, максимально освобожденный от национального подхода к освещению событий тех лет».⁶⁸ Читая подобную чушь, перестаёшь удивляться тому, что Крымская война до сих пор остаётся явлением малоизученным.

Кстати об академике Е.В. Тарле, до недавнего времени считавшемся едва ли не апологетом истории Крымской войны. В своей работе я не так часто, как другие авторы, постараюсь обращаться к его сочинению «Крымская война», которое многие небезосновательно считают энциклопедическим. И это отнюдь не от маниакальной идеи стать его преемником или затмить его славу. Не обсуждается и не подлежит сомнению: это бесспорно фундаментальный труд. Но при прекрасном описании известным советским ученым политических перипетий, предшествовавших и сопровождавших войну, великолепных личностных характеристик участников событий там есть ряд неточностей и ошибок, которые, к сожалению, повторяют современные авторы. Они касаются того, чем приходится заниматься мне — описаний военных действий. При работе с его сочинением необходимо прочувствовать и понять политическую и военную ситуацию, в которой создавалась работа и только через призму этого понимания использовать её в военных исследованиях событий Крымской войны.⁶⁹

Если бы я писал о причинах войны, о ее героях, последствиях — то обязательно основывался бы на Тарле. Но я уже говорил, что не знаю и не хочу ничего знать о причинах и виновниках этой общеевропейской кровавой драмы. Позвольте быть немногим циничным, но мне плевать, что делали политики. Достаточно того, что эти чистые и высокоморальные люди, не сильно мучаясь душевными страданиями, обрекли сотни тысяч своих соотечественников и граждан других стран на страдания, грязь, кровь, болезни и смерть. Лично они не убили никого. И, наверное, даже не смогли бы этого сделать. Я иногда думаю, что месяцами не мытый солдат в траншее гораздо чище душой, чем отправивший его туда государственный деятель. И совесть любого солдата, русского, французского, английского, турецкого или итальянского, истребившего не одного из себе подобных, в тысячу крат чище совести устроивших

⁶⁶ Альфред Штенцель (Alfred Stenzel, род. в 1832 г.) — немецкий адмирал, военно-морской историк и теоретик, преподаватель военно-морской истории в морской академии в Киле.

⁶⁷ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г.

⁶⁸ Обуховская Л. Столкновение империй//Крымская правда, Симферополь, 7.9.2004 г.

⁶⁹ Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И., Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР, М., 1995 г., с. 108–127.

эту войну. Современные политики не сильно отличаются от своих коллег 150-летней давности.

Поэтому о них — ни слова...

Меня интересует только то, что происходило на полях сражений, на батареях, бастионах и в окопах. Потому не будем увлекаться Е. Тарле. Истории Крымской войны у академика действительно много, военной же истории почти нет. Потому со времени выхода его книги и до сегодняшнего дня согласимся с мнением современного известного российского ученого-историка А. Васильева, который сказал: «...вопрос о роли Крымской войны в области военного искусства исследован очень мало...». ⁷⁰ Целиком с ним согласен и попытаюсь этот пробел в меру своих сил и знаний восполнить.

А к Тарле мы еще вернемся...

Изучать события полуторавековой давности нужно. Пришло время, когда уроки Восточной войны вновь стали актуальны: снаряды рвутся на Балканах, на Кавказе, в Черном море вновь идут морские бои. В этих условиях нужна качественная литература о Крымской войне, а не тот бред о какой-то мифической «битве за ясли Господни», «вкладе в культуру», который нам усиленно пытаются подсунуть. Попытки раздуть до невозможного собственный имидж при недостатке глубокой военно-исторической аналитики приводит к тому, что повсеместно складывается искаженное понятие об этой кампании, происходящее от непрофессионализма исследователей, людей большей частью к специфическому мышлению военного не склонных. В общем, всё, как у генерала А.Е. Снесарева: «...причиной, мешавшей людям понять войну, была предвзятость мысли писавших или говоривших о ней или зависимость от обстановки. Военные воевали, т.е. занимались войной практически, и им было недосуг говорить о войне или они не умели говорить. Как люди грубые, простые, с мозгами, запыленными пороховой пылью. ...В результате о войне судили чаще и больше люди невоенные ...Немудрено, что гражданские писатели или по присущей им робости перед всем военным, или по побуждениям корпоративного или классового самолюбия, или, наконец, по свойствам дилетантизма, для них естественного, говорили о войне неумеренно придиричиво и вообще пристрастно отрицательно». ⁷¹

Увы, но пока полки книжных магазинов завалены творениями вроде «Крымская война. 1853–1856 годы» ⁷² некоего Н. Скрицкого, судя по аннотации позиционирующего себя как «видного специалиста по истории военно-морского флота и истории военной техники», ⁷³ о почти поставленных на конвейер трудах севастопольских краеведов, настолько же плодовитых, насколько слабо знающих военную историю, и говорить не хочется, в том числе и по причине их малой значимости. Да и британские товарищи удивили, умудрившись выдать, как они утверждают, первое серьезное исследование сражения на Альме с громким названием «The Battle of the Alma 1854: First Blood to the Allies in the Crimea», уложившись в... 224 страницы. Очень любопытно, особенно зная, что английский автор увозил из Крыма в 2005 г. первое издание моей «Альмы»...

⁷⁰ Родина, М., 1995 г., №3-4, с.32.

⁷¹ Снесарев А.Е. Философия войны. Глава II. Война в людских суждениях.// Военно-исторический журнал, №2. М., 2002 г., с.44

⁷² Скрицкий Н. Крымская война. 1853–1856 годы. М., 2006.

⁷³ http://www.slovobook.ru/newversion/look.php?n_base=57186.

БИБЛИОГРАФИЯ

До этого мы говорили о том, что читать не нужно. Теперь перейдем к тем источникам, где дотошный современный читатель сможет найти достаточную информацию о Крымской войне и ее начальном периоде.

Начнем с самого скучного — теории. Говоря о научной базе исследования, упомянем работы пяти великих имен классики русской военной теории: генералов М. Зайончковского, М. Богдановича, А. Свечина, Д. Милютина и Н. Обручева. Понимаю, что для многих, кто держит сейчас в руках эту книгу, их труды мало знакомы. Спешу уверить вас в том, что они — апологеты теории Крымской войны. «...Их творчество привело к созданию классической русской военной мысли, капитал которой велик и бесценен, но, к сожалению, все еще недостаточно нами усвоен. Наследие русского офицерства необходимо изучать по существу, использовать для укрепления духа и решения современных проблем. Недопустимо, когда наши военные классики, идейные вожди, такие, например, как Николай Обручев, Карл Войде, Александр Свечин, в большей степени ценятся за границей, а на Родине их представляют русскими Клаузевицами или русскими Мольтке».⁷⁴

Каждый из них сделал свой, только ему присущий вклад в изучение Крымской войны. Если, к примеру, Свечин в большей степени уделял внимание чистой теории кампании,⁷⁵ то Обручев⁷⁶ дал прекрасное теоретическое обоснование событиям, предшествовавшим кампании, высадке союзников, непосредственно Альминскому сражению и последующему развитию ситуации. К сожалению, это малоизученный военный теоретик, хотя в свое время его именовали не иначе, как русский Мольтке.

Этот квинтет — классика теории и истории Крымской войны, особенно если она дополнена той самой книгой академика Е. Тарле. Как бы я ни критиковал этого исследователя, любой труд без опоры на его сочинение не будет полным и качественным.

Это русские авторы. Есть ли что-либо подобное у наших бывших противников? Может быть, я самоуверен, но позволю себе мнение, что равным этим ученым можно считать в лучшем случае воспоминания французского генерала Ниеля.⁷⁷ Конечно, есть еще Буа-Вильомез, Трошю, Герен, но они не дотягивают до выше названных по объему и количеству информации.

Теперь пара слов о работах некоторых современников Крымской войны, подробно описавших ее причины, ход и итоги, но не отличавшихся профессионализмом. Наиболее часто цитируем из них англичанин Александр Уильям Кинглейк,⁷⁸ находившийся во время войны в штабе лорда Раглана, опубликовавший впоследствии его официальную и частную переписку. Это апологет английского взгляда на Крымскую войну, по меткому и остроумному определению А. Свечина, «маленький Тьер, воспевающий лорда Раглана и его сподвижников». Труд Кинглейка отличается полным отрицанием ошибок англичан и зачастую превращается в панегирик восторженного автора своему патрону. По сути дела, англичанин — выразитель устоявшейся среди

⁷⁴ Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост.: А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин, ред. А.Е. Савинкин. / М., 2000 г., с.18–19.

⁷⁵ Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г.

⁷⁶ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г.

⁷⁷ Niel, Adolphe *Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre*, Paris, 1858.

⁷⁸ Кинглейк (Kinglake A.W) Александр Уильям (1809–1891 гг.) — путешественник и историк, автор объемного труда «The invasion to the Crimea, its origin, find in account of its progress, down, to the death of lord Raglan» (London, 1863–1887 гг.).

британских исследователей точки зрения. Он так старался, что вызвал недовольство и раздражение даже у собственной прессы. В 1863 г. лондонская «Таймс» осудила Кинглейка за излишнее сосредоточение внимания на капризах и кипении страстей нескольких личностей, в первую очередь лорда Раглана, очистить репутацию которого и было основной задачей автора.

И все же работа вызывает интерес, поскольку автор дает исчерпывающий фактический материал с характерными для британской историографии в целом ясностью и доступностью изложения. Современники предупреждали, что нельзя рассматривать труд Кинглейка о Крымской войне как объективное историческое исследование. Чтобы не стать объектом нападков многочисленных современных англоманов, я приведу мнение о нем генерал-адъютанта Э. Тотлебена, который лично был знаком с англичанином, «...посетил Кинглейка в Лондоне и принимал его в Крыму несколько лет спустя после заключения мира».⁷⁹

Итак: «Генерал очень любил милого Кинглейка. Мог ли кто-нибудь, знавший Кинглейка, не любить его?».

Тем не менее Тотлебен никогда не смотрел на историю Крымской войны как на образец научного и авторитетного труда. Он коснулся этого как-то у меня дома. «Но разве его история неинтересна, — прервал я несколько нетерпеливо. — Не читается ли она с захватывающим любопытством, как чудный роман?».

«Именно так, — ответил Тотлебен, улыбаясь моему нетерпению, — именно как роман, но не как военная история».⁸⁰

Тотлебен не одинок в своем мнении. Другой великий немец Фридрих Энгельс (статья «Кинглейк о битве на Альме» (1863 г.) камня на камне не оставляет от труда британца. По утверждению Энгельса, всё, касающееся военной части сочинения Кинглейка, не имеет никакого отношения к действительности, сама книга являет собой роман, главный герой которого — английский главнокомандующий лорд Раглан, а его конечная цель — доведенное до абсурда прославление английской армии.

Попутно о классиках. Сочинения апологетов марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса (X и XI тома) содержат большое количество статей эпохи Восточной войны, «...освещающих не только политическую сторону войны, но дающих и ряд ценных военных суждений, например, об особенностях английской армии и ее управления, об оценке общей обстановки в отдельные моменты войны».

В контексте рассматриваемой нами темы заслуживает внимания фраза одного из вышеупомянутых классиков научного коммунизма, неплохого, в общем, военного теоретика, хотя явного русофоба Энгельса, о том, что Альминское сражение очень интересно в тактическом плане. Его обзорно-аналитические статьи «Армии Европы» — интересный взгляд на противников со стороны. Я рекомендовал бы каждому, кто берется за работу над теми или иными проблемами Крымской войны, начинать с изучения армий — участниц кампании. В этом случае знакомство с этими немецкими господами никогда не будет лишним. Но все хорошо в меру. Генерал А. Свечин, в силу современной ему политической ситуации не имевший возможности прямо заявить об откровенной русофобии этих господ, писал, что они к началу военной кампании в Крыму еще не были знакомы с Клаузевицем и потому допускали ряд ошибок, особенно в оценке русской армии.⁸¹

⁷⁹ Е.С.М. Депутат от России (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой)//Русская старина. Том. 140. СПб., 1909 г., с. 601.

⁸⁰ Е.С.М. Депутат от России (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой)//Русская старина. Том. 140. СПб., 1909 г., с. 601–602.

⁸¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с. 79–80.

Вернемся к Кинглейку. Не слишком высоко оценивает британца академик Е.В. Тарле, отмечая, что автор «...оказался не только первым по времени, но едва ли и не наименее лгушим из всех английских историков, писавших о Крымской войне», ученый считает, что его кругозор «...по своей широте едва ли сколько-нибудь заметно отличался от кругозора его друга и начальника лорда Раглана».⁸²

Не все соотечественники Кинглейка соглашались с ним во всем. Британский историк Кристофер Хибберт («Крымская война. Трагедия лорда Раглана»), отмечая, что «проделанная им огромная работа сделала его произведение чрезвычайно интересным», уточняет: «...некоторые из его оценок спорны или предвзяты».⁸³ Будучи исследователем современным, Хибберт пытается эти ошибки исправить, но будучи британцем — делает новые.

Русские военные оценивали сочинение Кинглейка только как журналистский опус, не имеющий ничего общего с военной историей. Дело не в отношении к автору как к представителю враждебной армии. Участник кампании Ф.И. Приходкин считал, что французы гораздо объективнее в описании войны. По его мнению, Кинглейк всячески унижает союзников, сравнивая их при этом с русскими. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда книга Тотлебена «...по отношению к французской армии — книга соперника, но не врага», а сочинение Кинглейка, «вдохновленное ненавистью, не сочетающееся к тому же с честностью английской нации, ...есть не что иное, как длинный памфлет на Францию, на ее флот и армию».⁸⁴

Российским противовесом Кинглейку является, скорее всего, Н. Дубровин — автор многих исторических и военно-исторических трудов, корреспондент Императорской академии наук, один из лучших выпускников Дворянского полка (1856 г.).⁸⁵ Несколько частей его внушительного труда «История Крымской войны и обороны Севастополя»⁸⁶ — большей частью выборка из воспоминаний участников и документов периода войны в Крыму. Это не более чем патриотически популярное (как назвал его А. Свечин) сочинение в нескольких томах.⁸⁷ Отдельные его моменты не только не соответствуют тому, о чем говорили одновременно несколько участников событий, но противоречат здравому смыслу. И все-таки работа занимает свою положительную нишу в историографии Крымской войны и сражении на Альме. Например, в ней содержится характеристика сражения при Альме генералом В. Кирьяковым. Это личный взгляд сложного характера человека, чья альтернативная точка зрения противоположна официально принятой и «высочайше утвержденной».

В любом случае работы Н. Дубровина заслуживают внимания, хотя использовать их нужно внимательно и осторожно, сопоставляя с воспоминаниями участников и обязательно глядя на карту.

Забегая вперед, хочу сказать, что чрезмерное увлечение современных историков такими авторами, как Н. Дубровин с русской стороны и Кинглейк с британской, привело в конечном итоге к тому образу Крымской войны, который годами создавался в отечественной истории. Имя ему — лубок.

⁸² Тарле. Е.В. Крымская война, в 2-х томах, Т.1, М., 1950 г., с.22–23

⁸³ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с. 6

⁸⁴ Приходкин Ф.И. Альминское сражение//Военный Сборник, №11, СПб., 1904 г., с.28

⁸⁵ Николай Федорович Дубровин, выпущен в 1856 г. в артиллерию. Автор многих исторических и военно-исторических трудов, корреспондент Императорской академии наук, сотрудник нескольких журналов. (Дворянский полк, основанный в 1807 году//Русская Старина, Том. 53, СПб., 1887 г., с.800)

⁸⁶ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, в 3-х томах, СПб., 1900 г.

⁸⁷ Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г.

Еще одно лицо в ряду обозревателей Альминского сражения — французский исследователь Крымской войны, барон Сезар де Базанкур.⁸⁸ Он, как и Кинглейк — свидетель, журналист, взятый в экспедицию для составления ее официальной истории. Некоторые современники относили его к той категории летописцев, которые берутся в военные походы в составе свиты приближенных высших военачальников с единственной целью — путем хроники детализировать славный боевой путь патрона. Часто такой хроникёр вместо славы приносил своему начальнику проблемы.⁸⁹

Изданная в Париже в 1858 г. книга Базанкура «Экспедиция в Крым»⁹⁰, по мнению Е. Тарле, «...военная хроника участника войны, день за днем ведшего свои записи и напечатавшего тут же полностью ряд драгоценных документов, является одним из лучших источников, во многом единственным и незаменимым, несмотря на все ошибки и неточности, которые были неизбежны». Поправлю знаменитого академика: с точки зрения описания непосредственно военных действий у Базанкура ошибок много меньше, чем у самого Тарле. Но и тут проблема не в знаниях советского ученого. Базанкур как-никак очевидец событий. И он не имел счастья писать труд в условиях сталинских кровавых 30-х. Не менее интересен труд французского автора «Действия французского флота на Черном море и Балтике: хроника событий Крымской войны». Там можно найти интересные детали перехода в Крым союзных сил, подготовки к высадке, высадки и самого Альминского сражения.⁹¹

Отвлечемся на несколько слов о русских авторах, ссылки на воспоминания и теоретические труды которых использованы в данном описании происходившего 20 сентября на берегах Альмы. Хотя они в отличие от труда Базанкура не оказали влияния на военно-теоретическую мысль Ф. Энгельса,⁹² вклад в теорию и историю военного искусства их авторов не оценим.

Условно разделим их на три основные категории.

Первая — это непосредственные участники событий начала войны. Работать с их воспоминаниями одновременно и легко, и трудно. Если с первым все понятно, то со вторым сложнее прежде всего потому, что война — слишком интимное переживание для тех, кто воевал. Для любого участника характерно очень много эмоций, часто не способствующих точному пониманию события. И все-таки только они видели правду. Они очевидцы, и потому начнем с них. Их не так много, но я не утверждаю, что использовал всех.

Впервые очередь В.Ф. Бейтнер — поручик Московского пехотного полка, Ф.И. Приходкин — поручик Минского пехотного полка, А.А. Панаев — адъютант главнокомандующего генерал-адмирала князя А.С. Меншикова,⁹³ А.П. Хрущёв — командир Волынского пехотного полка, А. Розин — обер-офицер Владимирского пехотного полка, капитан-лейтенант Д.В. Ильинский, командир морского батальона, поручик Н.А. Горбунов — полковой адъютант Владимирского пехотного полка,⁹⁴ лейтенант В. Стецен-

⁸⁸ Базанкур (Bazancourt) Сезар, барон, французский писатель (1810–1865 гг.), военный корреспондент. В Крымской кампании написал воспоминания, после писал по поручению Наполеона III о походе в Португалию и о колониальных войнах.

⁸⁹ The Dublin University magazine No CCLXXVII Vol. XLVII January, Dublin 1856, p.626–633.

⁹⁰ Basancourt C. de. Lf expedition de Crimée. L' armee francaise a Gallipoli, Vame et Sebastopol. Chronicles militaires de la guerre d'Orient. v. 1–2 Paris, 1858.

⁹¹ Bazancourt, Cesar Lecat, La marine francaise dans la Mer noire et la baltique: chroniques maritimes de la guerre d'Orient. T.I, Paris, 1856, p.242.

⁹² Бабин А.И. Формирование и развитие военно-теоретических взглядов Ф. Энгельса, М., 1975 г., с. 104

⁹³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г.

⁹⁴ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сбор-

ко — офицер штаба князя А.С. Меншикова. Оставил свои записки о происшедшем 20 сентября 1854 г. и официально назначенный «главным виновником поражения» (о чем мы еще подискутируем) генерал-лейтенант В.Я. Кирьяков, которого, по его словам, «...беспристрастие и строгая истина обязывают повести рассказ».⁹⁵ Понимаю, что начальник 17-й пехотной дивизии не столь виновен в поражении, как стараются преподнести князь А.С. Меншиков и официальные историографы, но и не восторгался им. Одно упоминание об обстреле его пехоты «шрапнелевой картечью с пароходов» наводит на мысль, что сей генерал или просто безграмотен, или врет. Отдельно упомяну воспоминания командира 16-й дивизии генерала О. Квицинского.

Их публикация породила выход записок еще одного из участников сражения — генерала (в сражении — полковника) штаба князя Меншикова Вунша «Несколько слов против «Новых подробностей о сражении при Альме» в «Военном сборнике».

Воспоминания писали люди разные как по характеру, так и по степени участия в сражении. Если говорить о профессионализме авторов, оставивших воспоминания о сражении, то тут вне конкуренции Бейтнер и Приходкин. Каждый из них рассматривает сражение «...и как очевидец, и как действующее лицо».⁹⁶

Если эти двое были непосредственно в рядах сражавшихся и их рассказы действительно объективны, то воспоминания молодого и восторженного адъютанта князя Меншикова А. Панаева — панегирик своему патрону юного аристократа, который был «...более по части лошадей»,⁹⁷ нежели беспристрастным квалифицированным свидетелем. Но при этом он был рядом с князем и, нужно признать, детально описал все, что происходило вокруг. Не столь масштабны, но интересны в плане описания отступления русских войск после сражения воспоминания полкового адъютанта Волынского пехотного полка Маклакова.

Наиболее масштабным, объемным, достоверным, действительно профессионально написанным, на мой взгляд, документом является статья полковника Ф.И. Приходкина. В звании поручика этот офицер принимал участие в сражении вместе со своим отцом — полковником И. Приходкиным, командиром Минского пехотного полка. Работа опубликована в журнале «Военный сборник» в 1870 г.⁹⁸ В отличие от других очевидцев сражения Ф.И. Приходкин дает спокойный бесстрастный анализ происшедшего, стараясь свести воедино фактический материал, свидетельства других участников, в том числе и с противоположной стороны, систематизируя их по времени и месту событий. Это отличает его работу, базирующуюся на знании автором военного искусства и тактики, умением беспристрастно излагать суть происшедшего, не давая места положительным или отрицательным эмоциям, которыми изобилуют прочие труды. В 1904 г. в этом же издании Ф.И. Приходкин опубликовал вторую часть своих воспоминаний.⁹⁹ Она уже касалась действий на правом фланге русской армии во время сражения на Альме. Кстати, качественно она ниже, чем опубликованная 30-ю годами ранее, но все равно это взгляд участника.

ник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с. 55–88.

⁹⁵ Дубровин Н.Н. Материалы для истории Крымской войны, СПб, 1871 г., вып. 2, с. 432–439.

⁹⁶ Бейтнер В. Ф. Действие в Альминском сражении Московского пехотного полка 8-го сентября 1854 года под непосредственным распоряжением князя Меншикова // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том. 3, СПб., 1873 г., с. 296.

⁹⁷ Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. Том. 65, СПб., 1890 г., с. 659.

⁹⁸ Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник №10, СПб., 1870 г., с. 5–28.

⁹⁹ Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник №10, СПб., 1870 г., с. 20–29.

Статья Ф.И. Приходкина перекликается с воспоминаниями В. Бейтнера,¹⁰⁰ командира взвода 4-го батальона Московского пехотного полка. Бейтнер точно оценил все иные источники и констатировал сумбур и разночтения, изобиловавшие в них, в результате чего «...никто не мог толка добиться, читая описания сражения на берегах Альмы...».¹⁰¹ Его работа — подробно изложенный ход участия в Альминском сражении Московского пехотного полка. Статья выделяется современниками как наиболее объективное описание события.

«Этот эпизодический очерк Альминского сражения, к несчастью, служит самым ярким неопровержимым доказательством, в какой степени мы осенью 1854 года были во всех отношениях неспособны и неготовы предпринять возникшую борьбу против силы целой половины Европы. Грустно и жалко читать эти подробности о событиях того дня, где полнейшее отсутствие единства в действиях и распорядительности со стороны высших начальников и разумной исполнительности со стороны низших деятелей возымели какое-то гнетущее действие даже на самую отвагу нашего неустрашимого солдата и едва не привели нашу армию к окончательной гибели. С какою-то особенною, как-бы преднамеренною отчетливостью г. Бейтнер живописует и все промахи, недоразумения и столкновения военачальников между собою, и общая неумелость является очевидной даже для читателя, несколько не посвященного в тактические позиции. Рождается полнейше сознание, что только там, где требуются личное мужество, упорное противодействие, постоянная готовность своей грудью и жизнью отстаивать каждый шаг, появлялось некоторое равенство между воюющими сторонами, и часто даже силы нравственные, силы народного духа превозмогли над всеми ухищрениями и тончайшими изобретениями военного искусства. Но лишь только возникало столкновение в открытом поле, где требовались со стороны руководителей знание, опытность и распорядительность, наша несостоятельность немедленно выходила наружу и внушала общее колебание и смятение.

В этом отношении эта статья не только занимательна, но и в высшей степени поучительна, и во имя этого результата примиряешься с грустным впечатлением, ею производимым».¹⁰²

В. Бейтнер, говоря о событиях 20 (8) сентября 1854 г., отмечает массу противоречий у авторов, в том числе участвовавших в сражении. По его мнению, причин тут много. Например, эти самые разночтения и неточности породили низкий уровень не только военной, но и вообще грамотности офицеров. К таким он отнес ошибки полкового адъютанта Московского полка подпоручика Яковлева, буквально накануне произведенного в офицеры, не имевшего элементарных военных знаний и «...растерявшегося среди тех грозных событий».¹⁰³ Помимо этого, имело место откровенное искажение фактов со стороны лиц, в той или иной форме виновных в поражении.¹⁰⁴ Подобное «отбеливание» в дальнейшем станет характерным не только для Альмы, но и для всей Крымской войны, а затем и для других событий русской военной ис-

¹⁰⁰ Действия в Альминском сражении Московского пехотного полка 8-го сентября 1854 года под непосредственным распоряжением князя Меншикова // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, Том 3, СПб., 1873 г., с. 284–355; Шульман Ю. От Севастополя до Неноксы. Владимир Бейтнер – воин, исследователь, писатель. М., 2002 г.

¹⁰¹ Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник №10, СПб., 1870 г., с. 5.

¹⁰² Тимирязев Ф. Рукописи о севастопольской обороне, собранные Государем, Наследником Цесаревичем // Русский Архив, Том. 1–6, М., 1873 г., с. 197–198.

¹⁰³ Шульман Ю. От Севастополя до Неноксы. Владимир Бейтнер – воин, исследователь, писатель. М., 2002 г. с. 42–43.

¹⁰⁴ Шульман Ю. От Севастополя до Неноксы. Владимир Бейтнер – воин, исследователь, писатель. М., 2002 г. с. 40–43.

тории. Об этом мы будем не раз говорить по ходу повествования. Скажу лишь, что мы не найдем при всем желании единого взгляда на происходившее у упомянутых авторов. Это характерно для тех, кто лично участвовал в сражении, но в деталях. В главном их взгляды совпадают. В том числе и на причины поражения. Но в этом случае они часто идут вразрез с теми, кто руководил войсками. Например, с генералом В.Я. Кирьяковым, который по своим месту и роли в сражении, казалось бы, должен был дать самую точную характеристику событиям. Однако будучи обвиненным в едва ли не основной роли в поражении русских войск, он углубляется в собственное оправдание, а потому его труд более похож на защиту обвиняемого перед судом, чем на воспоминания одного из начальников.

Что касается действий артиллерии, то о них мы можем прочитать в «Воспоминаниях артиллериста», опубликованных в изданной в «Материалах по истории Донской артиллерии» (1907 г.).¹⁰⁵

Есть еще один русский участник сражения, которого нужно поставить особняком от остальных. Это капитан Тарутинского егерского полка Р. Ходасевич. Имя его мало кому что говорит. В то же время его интересная судьба сама по себе является сюжетом для отдельного повествования в стиле приключенческого романа. В составе русской армии он сражался при Альме и Инкермане. Весной 1855 г. майор Ходасевич сдается в плен британцам и начинает сотрудничество с польским национальным движением. В результате он меняет имена, мундиры нескольких армий, главным образом в Южной Америке, сражаясь уже не за национальную идею, превратившись, в конце концов, по образному выражению в журнале «The Americas» (1985 г.), в «...польского солдата удачи парагвайской армии».¹⁰⁶ Но пока мы оставим перипетии его жизни в покое: нам гораздо интереснее его воспоминания об Альминском сражении.¹⁰⁷

К сожалению, отечественная историография Альминского сражения почти не располагает воспоминаниями о событиях участвовавших в нем нижних чинов: унтер-офицеров и солдат. Тут просто неопределимо творчество русских журналистов А.Ф. Погосского и Н.П. Сокальского. Как известно, они записывали воспоминания солдат и офицеров, при этом оба сохраняли неповторимый стиль общения и манеру говорить, свойственные армейской массе императорской армии. Благодаря им до нас дошли рассказы этой категории личного состава русской армии. Особо интересны, конечно, работы Погосского. Применительно к сражению на Альме можно использовать его рассказы «Камень Кремневич. Очерк из мелких дел солдатских», «Старики. Рассказ из Крымской войны».¹⁰⁸ Прекрасные воспоминания нижнего чина, хотя и литературно обработанные, но отлично передающие колорит русского солдата, его дух и характер.

Вторая группа источников представлена военно-историческими исследованиями дореволюционных отечественных авторов, уделявших значительное внимание той или иной стороне сражения на Альме. Мы их упоминали не раз. Это генералы М.И. Богданович,¹⁰⁹ автор первого российского описания экспедиции союзников в Крым, А.М. Зайончковский, уже неоднократно упомянутый нами полковник

¹⁰⁵ Калинин Б.М. Материалы по истории Донской артиллерии, Новочеркасск, 1907 г., С.136-152

¹⁰⁶ Harris Gaylord Warren Roberto Adolfo Chodasiewicz: A Polish Soldier of Fortune in the Paraguayan War.. The Americas, Vol. 41, No. 3, 1-19. Jan., 1985.

¹⁰⁷ R. A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856.

¹⁰⁸ Погосский А.Ф. Камень Кремневич. Очерк из мелких дел солдатских; Старики. Рассказ из Крымской войны //Русская военная проза XIX века, Л., 1989 г., с.283-339.

¹⁰⁹ Богданович М.И. (1805-1882 гг.) — генерал-лейтенант, заслуженный профессор, известный военный писатель.

Н.Ф. Дубровин. К ним отнесем труды Д.А. Милютина и Н.Н. Обручева. Это сугубо теоретические исследования Альминского сражения. Лучшие из них — работы будущего реформатора русской армии Д.А. Милютина¹¹⁰ «Описание сражения на р. Альме 8 сентября 1854 г.» и «Статья о фланговом маневре Крымской армии 13–14 сентября 1854 г.». Биографы генерала обращают внимание на тщательность изучения им поражений армии в Крыму, особенно столь фатальных, как Альминское. Несомненно, они были положены Д.А. Милютиным в основу грядущих реформ.¹¹¹

Кое-что можно обнаружить у А. Куропаткина. Авторы дают вполне исчерпывающий фактический материал, благодаря чему эти работы сохраняют определенное значение и сейчас.

Труд генерала А.М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856» — энциклопедия по вопросам организации, тактике и вооружению русской армии и войскам союзников. К сожалению, автор свою широко задуманную историю успел довести лишь до конца Дунайской кампании. Наибольший интерес представляют приложения, содержащие много военных документов. Кстати, не изданные части труда Зайончковского можно обнаружить в различных современных изданиях. Это сырой материал, но тем не менее интересный.

Аналогичный труд генерала Богдановича «Восточная война 1853–1856 гг.» не менее интересен, но содержит несколько ошибок, касающихся, как ни прискорбно, именно Альминского сражения. Так, на схеме сражения, приведенной автором и используемой во многих работах по истории Крымской войны:

1. Московский полк показан в полном составе, а на самом деле один из его батальонов находился как минимум в километре от полка.

2. Построение Минского и Московского пехотных полков показано неправильно. Оно не соответствует ни Бейтнеру, ни Приходкину, ни Кирьякову.

3. Турки показаны в полном составе выведенными в резерв, в то время как они непосредственно участвовали в сражении.

4. У англичан бригада генерала Торренса¹¹² показана как участвующая в бою, хотя она не успела даже к завершающей фазе сражения, совершив длительную «экскурсию» по близлежащим окрестностям, чуть даже не оказавшись в Симферополе.

5. 19-й полк английской армии показан в составе бригады Буллера¹¹³, тогда как в сражении он примкнул к бригаде Кодрингтона¹¹⁴ и до конца боя действовал в ее составе.

У М.И. Богдановича интересны его личные суждения, но в большинстве случаев он опирается на также используемые мной работы Тотлебена, Базанкура, Кинглейка и других авторов. Настоятельно рекомендую познакомиться с рецензией на его труд другого исследователя Крымской войны Н. Дубровина, опубликованной в разделе «Библиография» журнала «Военный сборник» в 1877 г.¹¹⁵ Это даже не просто рецензия на книгу, а самостоятельный, объективный военно-научный труд. Дубровин отмечает явные ошибки, содержащиеся в сочинении генерала Богдановича, справедливо

¹¹⁰ Милютин Дмитрий Алексеевич, граф — один из ближайших, наиболее энергичных и заслуженных сотрудников императора Александра II. Генерал. Военный министр России.

¹¹¹ Осипова Н. Д. А. Милютин. М., 2005 г., с. 62.

¹¹² Бригадный генерал Торренс — в сражении на Альме командир 2-й бригады 4-й дивизии (46-й, 57-й, 63-й пехотные полки).

¹¹³ Бригадный генерал Джордж Буллер — в сражении на Альме командир 2-й бригады Легкой дивизии (19-й, 77-й, 88-й пехотные полки).

¹¹⁴ Бригадный генерал Кодрингтон — в сражении на Альме командир 1-й бригады Легкой дивизии (23-й, 7-й фузилерные полки, 33-й пехотный полк).

¹¹⁵ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с. 107–144.

критикуя последнего за использование непроверенных документов, часто просто сомнительных по достоверности: «...сплетни не освещают события истинным светом, а освещают их приведенные нами документы».¹¹⁶

В целом книга Богдановича очень похожа на него самого, каким его знали по воспоминаниям современников.

«М.И. Богданович, читавший военную историю и стратегию, был довольно скучным профессором. Он в противоположность Карцеву читал вяло, водя палочкой по карте вслед за теми линиями, которые были обозначены на ней и, в конце концов, глядя на записочку, перечислял всегда очень исправно, сколько было в сражении взято в плен, сколько обеими сторонами было потеряно людей, орудий, лошадей и зарядных ящиков».¹¹⁷

Следующая категория источников — это труды участников Крымской войны, но лично не сражавшихся при Альме. У них различная ценность. На первом месте несомненно работа под редакцией выдающегося фортификатора генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена «Описание обороны города Севастополя».¹¹⁸ Это монументальное издание, включающее технические подробности, снабженное прекрасными планами. В отношении рассматриваемого нами сражения его хотя и нельзя ставить в один ряд с воспоминаниями участников, но не использовать — неправильно. Обратим внимание на его описание союзных войск. Э.И. Тотлебен высоко оценил боеспособность британских солдат, детально анализируя их состояние и действия при Альме, Балаклаве и Инкермане, а также при осаде и обоих штурмах Севастополя.

Его французский оппонент — упомянутый генерал Ниель. Тоже военный инженер, то есть из тех, которые строят одной рукой и разрушают другой.

Труд французского генерала менее объемён, но не менее интересен. Писать историю Крымской кампании, особенно последних ее месяцев, без опоры на этого автора нельзя. Хотя к Альминскому сражению он имеет небольшое отношение не будучи, как и Тотлебен, непосредственным участником, но его статистика событий первого периода войны заслуживает внимания.

Еще один автор из этой категории, на воспоминания которого иногда ссылаются исследователи, — это бывший начальник артиллерийских парков южной и крымской армий генерал Л.Г. Духонин.¹¹⁹ В данном случае следует помнить, что автор прибыл в Крым после сражения на Альме (в должности командующего артиллерией и артиллерийскими парками Южной армии), описывает начальный период войны со слов его участников, к тому же не всегда и во всем объективно. Очевидно, к этому времени уже постепенно сформировалась официальная точка зрения и вышеуказанный генерал старается ее придерживаться. Как источник информации его воспоминания представляют незначительную ценность. Он часто путает хронологию, персоналии и даже места событий. Современники его за серьезного исследователя не жаловали и при малейшей попытке найти правду, чем генерал начал грешить после Крымской войны, жестоко хлестали на страницах различных изданий. Едва Духонин заикнулся об ошибках Меншикова, более того — упрекнул князя в «равнодушии к пользам государства», как стал объектом уничижительной критики.¹²⁰

¹¹⁶ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.144.

¹¹⁷ Зыков С.П. Наброски из моей жизни//Русская старина Том. 144, СПб., 1910 г., с.643.

¹¹⁸ Описание обороны города Севастополя, под рук. генерал-адъютанта Тотлебена, Ч.1, СПб., 1871 г., с.233.

¹¹⁹ Духонин Л.Г. Под Севастополем в 1853–1856 гг.//Русская Старина, 1885 г.

¹²⁰ Алабин П.В. На Дунае и в Севастополе 1854–1855//Русская Старина, Том. 50, СПб., 1886 г., с.389.

Четвертая группа источников – работы современных, в том числе и советских историков. К ним в первую очередь мы должны отнести неоднократно упомянутую «Крымскую войну» академика Е.Тарле. Как бы мы ни относились к его работам, но обойтись без их использования в исследовании истории Крымской войны нельзя. Притом любого ее эпизода. Нужно просто помнить, что в советский период историческое знание стало еще более формализованным, отражаясь в жестко дефинированных определениях, выверенных, как говорится, до запятой. Подаваемая информация нередко обретала черты догмы и в таком виде излагалась в учебной, научной и научно-популярной литературе.¹²¹

Массу источников оставили иностранные участники сражения. Обращает на себя внимание число воспоминаний нижних чинов английской армии. Благодаря этому только у британцев можно найти дневники и письма рядовых солдат, которые дают возможность увидеть мельчайшие детали боя. К таким источникам можно отнести дневник сержанта Чарльза Вильяма Эшервуда из 19-го полка «Зеленых Говарда», воспоминания «Голос из Строя» капрала (в последствии сержанта) 7-го Кролевского фузилерного полка Тимоти Гоуинга, записки одного из первых кавалеров Креста Виктории сержанта 23-го Уэльского фузилерного полка Люка О'Коннора.¹²² Мы уже упоминали, что нижние чины русской армии почти не оставили свидетельств. Правда иногда ссылаются на «Журнал копииста Яковлева, веденный им в плену у французов и турок» и опубликованный журналом «Современник» в 1856 г. Но, увы, Яковлев к категории нижних чинов не принадлежал и к числу участников сражения относится косвенно.

Подобное положение дел с солдатскими воспоминаниями вполне объяснимо. С одной стороны, более высокий образовательный уровень в армиях союзников. Там число образованных солдат было очень значительным, а сержанты такими были все. С другой стороны, воспоминания об участии в Крымской и другой войнах были всегда интересны массовому читателю в Европе, они хорошо продавались, часто ложились в основу, говоря языком современным, бестселлеров, как «Герои Малахова кургана» Луи Буссенара.¹²³ Издавая свои воспоминания, английские и французские ветераны получали возможность зарабатывать средства для содержания себя и своих семей, как это делал отставной сержант Королевских фузилеров Тимоти Гоуинг, чья книга «Голос из строя» (*Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign*) имела несколько выпусков.

Немало воспоминаний младших офицеров и военных чиновников: записки лейтенанта 20-го пехотного полка Пида, письма лейтенанта Кэрри из 79-го Шотландского,¹²⁴ воспоминания Джона Уайта – хирурга 1-го батальона Колдстримской гвардии, дневник командира 4-го легкого драгунского полка лорда Пэджета, дневник офицера конной артиллерии Уолпула Ричардса, лейтенанта Гвардейского гренадерского полка Джорджа Хиггинсона,¹²⁵ Натаниэля Стивенса – офицера 88-го пехотного полка

¹²¹ Белгородская Л.В. Военная история России в англо-американских энциклопедических изданиях//Военно-исторический журнал, №1, М., 2007 г., с.42.

¹²² EL (Peter) Kirby MC TD DL, Major My Story, by Major General (formerly Sergeant) Luke O'Connor VC// One// The War Correspondent, Vol.18, Number 4, January 2001, p. 22–25.

¹²³ Луи Анри Буссенар (Louis Henri Bousсенар, 1847–1911 гг.) — французский писатель, автор приключенческой литературы. «Герои Малахова кургана» (фр. *Le Zouave de Malakoff*, 1903 г.) — книга Буссенара, посвященная событиям Крымской войны.

¹²⁴ David Murray, Lieutenant-Colonel, The Letters of Lieutenant F.G.Currie, 79th Highlanders, Part One//The War Correspondent, Vol.21, Number 4, January 2004, p.31–33.

¹²⁵ Higginsin, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916.

«Рейнджеров Коннахта»,¹²⁶ офицера медицинского департамента доктора Холла,¹²⁷ Чарльза Стефенсона — лейтенанта 33-го полка.¹²⁸

У старших офицеров мемуаров не меньше. Это подполковник Шотландской бригады Энтони Стирлинг,¹²⁹ офицер штаба лорда Раглана подполковник Сомерсет Калторп,¹³⁰ адъютант командира Легкой дивизии подполковник Лайсонс.¹³¹

Эти уникальные документы дают возможность увидеть войну глазами ее рядового участника. Воспоминания сержанта Гоунга впервые на русском языке опубликовал военно-исторический журнал «Military Крым» в 2006–2007 гг. Однако и к британским, равно как и к французским материалам нужно относиться с осторожностью. Во многих случаях они представляют попытку обелить того или иного союзного военачальника. Например, полковник Калторп, будучи не только штабным офицером Раглана, но и его племянником, в своей книге, по мнению соотечественников и современников, преследует явную цель снять груз обвинений в злоупотреблениях и некомпетентности, нагромоздившихся на голове его патрона и родственника.¹³² В то же время то, что письма, вошедшие в основу этой книги, писались непосредственно в Крыму, делает ее чрезвычайно интересной для военных историков.

В любом случае умиляться джентльменами в красных мундирах и с придыханием шептать «Правь, Британия...» не стоит... Утрите слезы на щеках... То, что англичане показали себя на Альме добрыми вояками, еще не делает их начальников умными.

Множество записок оставили французские офицеры. Благодаря симферопольскому ученому В. Орехову они увидели свет в переводе на русский язык. Это воспоминания генерала Монтодона (на Альме — командир батальона пеших егерей)¹³³ и командира полка зуавов полковника (позднее генерала) Клера. В последнее время благодаря стараниям переводчика из Израиля Геннадия Беднарчика стали известны воспоминания лейтенанта 39-го линейного полка Эрнеста Варэня. Известный французский детский писатель Гектор Мало¹³⁴ сражался при Альме в звании капрала Иностранного Легиона и тоже оставил свои записки.

Конечно, нельзя работать над историей Альминского сражения, не прочитав писем виновников победы — генерала Боске¹³⁵ и маршала Сент-Арно.¹³⁶

Детали высадки в Крыму и сражения на Альме в записках двух адъютантов: командира 2-й дивизии дивизионного генерала Боске капитана Фей¹³⁷ и командира 1-й дивизии дивизионного генерала Канробера — лейтенанта Поля де Молен, который в Альминском сражении был в конвое маршала Сент-Арно. Начальник штаба французской эскадры адмирал Буа-Вильомез тоже оставил свой труд по Альминскому сраже-

¹²⁶ Nathaniel Steevens The Crimean Campaign with «The Connaught Rangers» 1854–55–56 Griffith and Farran, London, 1878.

¹²⁷ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911.

¹²⁸ At Home and the Battlefield. Letters from the Crimea, China and Egypt, 1854–1888, By Sir Frederick Charles Arthur Stehenson, G.C.B, London, 1915.

¹²⁹ Anthony Coningham Sterling The story of the Highland Brigade in the Crimea: founded on letters written during the years 1854, 1855, and 1856, J. MacQueen, London, 1897; Anthony Coningham Sterling, Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856, London, 1857.

¹³⁰ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856.

¹³¹ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895.

¹³² Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856. p. 2–3.

¹³³ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка, подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9, Симферополь, 2005 г., с.38–56.

¹³⁴ Гектор Анри Мало (Hector Henri Malot, 1830–1907 гг.) — известный французский писатель.

¹³⁵ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud, Michel Lévy frères, Paris, 1855.

¹³⁶ Lettres du maréchal Bosquet a ses amis, 1837–1860, Société des bibliophiles du Béarn, L. Ribaut, Pau, 1879.

¹³⁷ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867.

нию, удачно трансформировав последнее через другие события мировой военной истории.¹³⁸ Лучшее из того, что оставила французская армия, — конечно, воспоминания полковника Герена, участвовавшего в Альминском сражении в качестве саперного офицера.¹³⁹

Следующий интересный источник — полковые истории. Они противоречивы, так как не все авторы имели желание показать неудачи или детализировать поражения. Чаще всего это официальная летопись той или иной воинской части, которая писалась для воспитания поколений, а потому не предполагала какого-либо критического подхода к событиям, в которых полк принимал участие. Но в них содержится множество цифр, фамилий, которые помогают в анализе. Самая интересная в этом ряду, содержащая богатый фактический материал, «История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государева Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890 гг.», написанная штабс-капитаном Я. Смирновым и изданная в 1890 г. в Варшаве. В ней буквально поминутно описаны действия каждого из батальонов полка во время сражения и после него (для сравнения объем информации в истории Московского полка касательно его участия в Крымской войне в несколько раз меньше, чем в аналогичной истории британского 23-го Уэльского фузилерного полка). Последнюю удалось получить непосредственно от командира полка, за что ему моя огромная благодарность, как и многим другим, чья неоценимая помощь способствовала появлению этой книги.

Кратко дает описание происходившему «Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка».¹⁴⁰ В полковых историях, авторами которых были специалисты, можно найти очень ценный для исследователей материал. Своеобразно, но достаточно точно подошел к описанию сражения полковник А. Рудницкий — известный русский военный историк, создавший «Историю 125-го Курского пехотного полка», правопреемника Минского пехотного полка.¹⁴¹ Списки убитых и умерших от ран офицеров во время Крымской войны и в том числе при Альме обнаружались в истории Казанского пехотного полка, наболее скромной из всех выше упомянутых.¹⁴²

Полковые истории дают интересный материал, но страдают стремлением скрыть недостатки и максимально возвеличить роль части в том или ином событии. Это было отмечено еще в XIX веке, когда выдающийся критик, историк и издатель, редактор журнала «Русская старина» М.И. Семевский¹⁴³ просил авторов «...очертить внешние действия, ярко охарактеризовать внутренний быт в различные эпохи существования; остановиться на наиболее значимых годах и личностях; обнаружить участие в том или другом перевороте; познакомиться с духом полка, отношениями разных чинов администрации; выставить беспорядки и смуты в полках, проступки отдельных команд и личностей». О многих полковых историях Семевский писал, что это биографии кафтанов, брюк, штанов, штиблет, сапог, шляп и пр., а что касается боевой истории, то здесь усматривается лишь слащавое, более или менее близкое к

¹³⁸ Louis-Édouard Bouët-Willaumez, Vice-admiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855.

¹³⁹ Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858.

¹⁴⁰ Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования 1708–1908. Сост. штабс-капитан М.Е. Еленев, Варшава, 1908 г.

¹⁴¹ Рудницкий А. Памятка 125-го пехотного Курского полка. Житомир, типо-литография наследн. С. Бродовича, 1891 г., из сети Интернет.

¹⁴² Сыцяно А.И. К 200-летию юбилею 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб., 1900 г.

¹⁴³ Михаил Иванович Семевский (1837–1892 гг.) — русский историк, журналист, общественный деятель.

тексту переложение работ А.И. Михайловского-Данилевского¹⁴⁴ — «славного баснописца позднейших времен».¹⁴⁵

В 1880 г. в статье «По поводу состояния историй полков» А.И. Маркграфский упрекал авторов в увлечении внешней стороной, требуя давать полную и правдивую картину, возмущался стремлением многих скрыть теневые стороны прошлого.¹⁴⁶ Уже в начале XX в. генерал П.О. Бобровский писал по этой теме: «История с воспитательными задачами не должна быть панегириком, приносящим нередко более вреда, нежели пользы».¹⁴⁷

При всех своих недостатках полковые истории важны. Просто их нужно рассматривать в комплексе с другими исследованиями, тогда получается довольно точное и стройное описание действий русской армии.

Удалось познакомиться с полковыми историями противоположной стороны, в первую очередь английскими. Автору удалось получить из Великобритании в полном объеме или только в части Крымской кампании полковые истории 1-го, 23-го,¹⁴⁸ 44-го,¹⁴⁹ 45-го, 57-го, 77-го,¹⁵⁰ 88-го, 95-го¹⁵¹ пехотных полков.¹⁵²

К счастью обнаружилось немало историй французских полков. Многие удалось получить. Выделяется среди них «История 2-го полка зуавов» Йозефа Спитца. Она не претендует на тактический анализ участия полка в сражении на Альме, но как воспоминания участников, их эмоции и впечатления — очень интересна. Да и цифры там приведены достаточно подробно.¹⁵³ Не менее интересны и истории 7-го полка линейной пехоты,¹⁵⁴ 39-го полка линейной пехоты,¹⁵⁵ 12-го артиллерийского полка.¹⁵⁶

В целом сведения о французских полках и их участии в Крымской войне вообще и в Альминском сражении, в частности, отрывочны. Зато благодаря французским историкам удалось получить портреты и биографии многих офицеров — участников Альминского сражения. Как пример — книга о маршале Сертене Канробере Эмиля Бурдо, изданная в 1895 г. в Париже.¹⁵⁷ Как дополнительный материал обращает на себя внимание работа Камиля Руссе.¹⁵⁸

Поистине кладезь информации — военная периодика XIX в. Очень интересно работать с «Военным сборником»,¹⁵⁹ в котором содержится масса воспоминаний учас-

¹⁴⁴ Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789–1848 гг.), генерал-лейтенант, известный российский военный писатель, историк.

¹⁴⁵ Семевский М. Полковые историографии//Русский инвалид, Т.2, № 10–11, СПб., 1874 г., с. 262, 266, 268.

¹⁴⁶ Маркграфский А.И. По поводу состояния историй полков//Русский инвалид, № 230, СПб., 1880 г.

¹⁴⁷ Бобровский П.О. Истории полков русской армии//Русский инвалид, № 84, СПб., 1901 г., с.6.

¹⁴⁸ Regimental Records of the Royal Welch fusilers (Formerly 23rd Foot), Vol. II, 1816–1914 (july) published by the Royal Welch Fusilers, 1995.

¹⁴⁹ Thomas Carter, Historical Record of the Forty-Fourth: Or the East Essex Regiment, Gale & Polden, Chatham, 1887.

¹⁵⁰ Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916.

¹⁵¹ Harold Carmichael Wyly, The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea, S. Sonnenschein, London, 1899.

¹⁵² Когда я говорю о полковой истории, то подразумеваю не только официальную (как, например, 23-го и 41-го полков), но и книги об участии этих полков в Крымской кампании (как, например, 1-го, 77-го, 88-го, 95-го и др.).

¹⁵³ Joseph Spitz, Histoire du 2e Regiment de Zouaves, Oran, 1901.

¹⁵⁴ Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890.

¹⁵⁵ Historique sommaire du 39e régiment d'infanterie, Imprimerie du 39e de ligne, Rouen, 1901.

¹⁵⁶ Henri Roswag, Historique du 13e régiment d'artillerie, H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1891.

¹⁵⁷ François Bourmand, Le maréchal Canrobert, Sanard et Derangeon, Paris, 1895.

¹⁵⁸ Camille Roussët, Histoire de la guerre de Crimée, Paris, 1878

¹⁵⁹ «Военный сборник» — военно-теоретический журнал, возникший в 1868 г. в Санкт-Петербурге по инициативе командования отдельного гвардейского корпуса для пропаганды знаний в среде офицеров русской императорской армии.

тников Крымской войны и, что немаловажно, теоретических материалов по вопросам тактики, вооружения и боевого применения войск как во время кампании, так и с учетом ее опыта. Этот журнал сам по себе создавался для популяризации в среде офицеров военных знаний, а потому является собой серьезную не только фактическую, но и теоретическую базу для любого военно-исторического исследования.¹⁶⁰ «Русская Старина»,¹⁶¹ «Русский Архив»,¹⁶² «Русский инвалид»¹⁶³ — все это тоже дополнительный объем информации. Русская военная периодика середины XIX в. интересна прежде всего тем, что, по мнению современников, в этот период «...каждый мог говорить, что думал, о причинах неудач Крымской кампании. Разоблачения периодической печати охватывали разные стороны быта русских войск в минувшее царствование: системы содержания, образования войск, образования офицеров и т.п.»¹⁶⁴

Отдельно отметим исследования американских авторов. Материалы о Крымской, или Восточной войне 1853–1856 гг. относятся к числу обязательных для всех научно-справочных энциклопедических изданий в США. Американцы долго относились негативно (или, во всяком случае, прохладно) к Великобритании, являвшейся для них напоминанием о своем недавнем колониальном прошлом, как к серьезному политическому противнику, стране с иной системой приоритетов. В то же время русско-американский политический диалог с XVIII века строился на обоюдном желании двух стран досадить или уязвить Британскую империю, «в которой никогда не садится солнце». Исследователь Д. Арчел в популярном труде «Русские и американцы» («The Russian and the Americans») пишет, что в ходе Крымской войны американское командование отправило в Россию трех офицеров для военных консультаций. В том же издании говорится о приезде в Крым группы американских хирургов, согласившихся «служить под российским флагом».¹⁶⁵

Анализ материалов периодической печати о Крымской войне, энциклопедий и справочников США периода 50–80-х годов XIX в., проведенный московским историком А.В. Павловской, убедительно доказывает, что общий тон этих публикаций наиболее точно выразил автор одной из статей: «Не то, чтобы мы любим Россию больше, но мы ненавидим ее меньше».¹⁶⁶

Американская историография представлена работами генералов Мак-Клееллана¹⁶⁷ и У. Митчелла. Хотя многие наши соотечественники относятся к ним скептически, но

¹⁶⁰ Н.О.Л. «Русский инвалид» и «Военный сборник»//Русская старина, Том.134, СПб., 1908 г., с.285.

¹⁶¹ «Русская старина», ежемесячный исторический журнал, выходил в Петербурге в 1870–1918 гг. Основан, издавался и редактировался (1870–1892 гг.) М.И. Семевским. Последующими редакторами были Н.К. Шильдер (1892–1896 гг.), Дубровин Н. Ф. (1896–1904 гг.), военные историки С.П. Зыков и П.Н. Воронов.

¹⁶² «Русский Архив» — журнал. Выходил с 1863 по 1917 гг., содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю русского дворянства в XVIII и XIX вв. Редактор и издатель — П.И. Бартнев (1829–1902 гг.).

¹⁶³ «Русский Инвалид» — газета, основанная в СПб. П. П. Пезаровиусом в 1813 г., с тем чтобы весь чистый доход от издания «употребить на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам».

¹⁶⁴ К Истории военно-учебной реформы императора Александра II//Русская Старина, Том.53, СПб., 1887 г., с. 550–551.

¹⁶⁵ Archer J. The Russians and the Americans. N.Y., 1970. p. 25.

¹⁶⁶ Павловская А.В. Россия и Америка: Проблемы общения культур: Россия глазами американцев. 1850–1880-е годы. М., 1998 г., с. 25.

¹⁶⁷ Мак-Клееллан (McClellan) Джордж Бринтон (1826–1885 гг.), американский генерал (1861 г.). В 1846 г. окончил военное училище в Уэст-Пойнте. Участвовал в войне США против Мексики (1846–1848 гг.). В 1848–1851 гг. был преподавателем в военном училище в Уэст-Пойнте. Во время Крымской войны находился в войсках союзников в целях приобретения опыта ведения военных действий. В 1857 г. ушел в отставку и стал одним из крупных бизнесменов. С началом Гражданской войны в США принял сторону северян и возглавил войска добровольцев в штате Огайо, а затем Потомакскую армию, на которую была возложена оборона Вашингтона. В ноябре 1861 г. назначен главнокомандующим войсками северных штатов. Руководимые им войска северян потерпели в 1862 г. ряд поражений в сражениях против армии южных штатов. Под давлени-

пренебрегать мнениями очевидца событий Крымской войны военного наблюдателя из армии США капитана Мак-Клеелана не стоит. Один из будущих военачальников федеральных войск во время Гражданской войны (1861–1864 гг.) интересно пишет о вооруженных силах, принимавших участие в сражениях Крымской войны. Он уделяет особое внимание тактике сторон, видит причины неудач англичан в невозможности наступления в плотных боевых порядках на укрепления, превосходящие атакующих силой огня. У. Митчелл не вполне обоснованно утверждал, что в результате осады Севастополя союзники достигли всех поставленных в войне целей и она была основным содержанием войны, так же, как русско-японская фактически была борьбой за Порт-Артур.¹⁶⁸

Подводя итог войне, «Американа» в 1994 г. утверждала, что в ходе ее ведения весьма симптоматичными стали смерть командующего лорда Раглана и императора Николая I в последний год войны. По ее мнению, в этом чувствовалось приближение военных действий к развязке. «Можно сказать, что Крымская война была ошибкой союзников, но Парижский мир стал полным дипломатическим успехом победителей», — констатирует американское издание.¹⁶⁹ В то же время английское издание, напротив, прямо и категорично пишет: «...война для России закончилась полным поражением и унижением».¹⁷⁰

Ссылки на материалы из современных средств массовой информации, конечно, далеко не всегда могут считаться объективным материалом, но в них отражен взгляд сегодняшнего времени на Крымскую войну и потому их использование целесообразно, особенно в свете происходящего сейчас переосмысления кампании.

В последнее время много российских военно-исторических журналов стало относиться к теме Крымской войны, как к одной из приоритетных. Причин тому много. Тут и стремление открыть новую тему, и попытки сделать тайное явным, и даже современная политическая ситуация на юге Европы.

Качество этих материалов совершенно разное: от откровенно слабых и популистских басен — до весьма серьезных исследований. К слабым с точки зрения военной истории относятся краеведческие сочинения севастопольцев В. Шавшина и В. Иванова. Если книги первого действительно интересны тем, что прекрасно дают описание истории памятников и исторических мест, связанных с Крымской войной, то описания второго нет желания даже комментировать. Тем более что многие и без меня это уже сделали.

Но есть и светлые пятна. К последним можно отнести публикации серии статей Петра Кириллова в журнале «ФлотоМастер» под общим названием «Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.». Хотя автор и позиционирует материал как хронику, в его статьях присутствуют качественная аналитика и оценка фактов, которые до сей поры многим исследователям казались незначительными. Применительно к сражению на Альме я использовал материал, в котором описывались военно-морская обстановка на Черном море до высадки десанта, подготовка и планирование экспедиции, разведывательные мероприятия сторон, переход в Крым и действия союзных сил в первые дни пребывания на территории Российской империи.¹⁷¹

нием общенности президент А. Линкольн в ноябре 1862 г. отстранил Мак-Клеелана от командования армией. В 1864 г. выступил от демократической партии кандидатом в президенты США против Линкольна, но на выборах потерпел поражение. В 1878–1881 гг. был губернатором штата Нью-Джерси.

¹⁶⁸ Mitchell W. *Outlines of the World's Military History*. New York, 1931, 4-e ed. N.Y., 1940.

¹⁶⁹ Crimean war // *The Encyclopedia Americana*. V. 8. 1994, p. 205.

¹⁷⁰ Williams E. *The Penguin Dictionary of English and European History, 1485–1889*. Penguin Books, 1980, p. 76.

¹⁷¹ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // *ФлотоМастер*, №2, М., 1999 г., с. 2–15.

В своей работе я опирался на современные исследования российских военно-морских теоретиков В.Д. Доценко, А.А. Доценко и В.Ф. Миронова, представленные в книге «Военно-морская стратегия России».¹⁷² Эта работа дает ответ многим «патриотам», с остервенением на грани глупости отстаивающим избитые догмы Крымской войны. Надеюсь, что после выхода этой книги от меня отстанут с обвинениями в отсутствии любви к Родине.

Оригинален известный российский военный историк А. Широкоград. Кроме ссылок на его труды по истории и теории артиллерии, мной использована его книга «Трагедии Севастопольской крепости».¹⁷³

Много информативных материалов содержит журнал «Военный корреспондент» Общества исследований Крымской войны из Великобритании. Как позитивное явление можно отметить то, что аналогичный журнал издается теперь и у нас. С 2004 г. военно-исторический журнал «Military Крым» стал в определенной степени компенсировать дефицит информации о событиях Крымской войны, в том числе и об Альминском сражении.¹⁷⁴ Что касается слабых сторон английских авторов, то я считаю заметно недостаточным уровень аналитики, чрезмерное увлечение сухими фактами и второстепенными личностями.

Интересно ссылаться на работы современных историков США, так как они, как рефери на ринге, сохраняют спокойствие в констатации фактов а их выводы абсолютно нейтральны. И, как покажет дальнейшее изложение, Крымская война для них занимает далеко не последнее место. Почти каждый сборник статей, публикуемый военными академиями США, содержит материалы о кампании в Крыму. В какой-то степени это разрушает сложившийся в среде военных историков стереотип, что американцам неинтересна ни одна из войн, кроме разве что собственной гражданской.

Среди них выделяются две работы. Тщательно и обстоятельно разобраны тактические аспекты Альминского сражения в статье «Тактический триумф при Альме» военного историка из США Т. Дейкина, опубликованной в американском журнале «Military History» в марте 1996 г.¹⁷⁵ На сегодняшний день это одно из наиболее трезвых и беспристрастных современных описаний сражения, вышедшее, к сожалению, не в отечественном, а в зарубежном издании.

Прекрасно проработана статья подполковника Патрика Мерсера из Великобритании, посвященная действиям 95-го полка в Альминском сражении.

И, конечно, статья «Военный гений в Крымской войне», опубликованная в журнале «Военный корреспондент».

Не претендую на полноту описания источников, но, думаю, у меня получилось дать их понятный и краткий обзор.

Хочу выразить благодарность за помощь коллегам из вооруженных сил Великобритании, военных музеев, военных ассоциаций и военно-исторических изданий из России, Болгарии, Англии, США, Франции, Израиля и Канады, которые оказали огромную помощь в подборе фактического и иллюстративного материала, до настоящего времени совершенно незнакомого отечественному читателю.

¹⁷² Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г.

¹⁷³ Широкоград А. Трагедии Севастопольской крепости. М., 2005 г.

¹⁷⁴ Ченнык С. Минский полк в сражении на р. Альме 20 сентября 1854 г.//MILITARY КРЫМ, № 2, Симферополь, 2005 г., с. 3–16.

¹⁷⁵ T.J.Deakin, Tactical Triumph at the Alma// Military History, March, 1996, p. 20–28.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

«История с воспитательными задачами не должна быть панегириком, приносящим нередко более вреда, нежели пользы».

Генерал П.О. Бобровский,
«История полков русской армии».

События Крымской войны составляют немало интересных страниц мировой военной истории. Иногда их спешат назвать революционными, подразумевая влияние и вклад в развитие теории и практики военного искусства. Но не будем бездумно преувеличивать реальное влияние Крымской войны на историю войн. Она, по мнению А.А. Свечина, велась «...дореформенной николаевской армией, блеснувшей под Севастополем своей стойкостью, но ещё пропитанной мышлением и техникой наполеоновской эпохи, и устаревшей, как устарела и отстала от времени крепостническая Россия середины XIX века. Восточная война совершенно неожиданно получила позиционный характер, что позволило с необычайной мощью вторгнуться в военное искусство XIX века новой технике: паровому флоту, нарезному оружию, тяжелой артиллерии, телеграфу и т. д. Война протекала в русле стратегии измора».¹⁷⁶

Не подлежит сомнению – она прообраз грядущих мировых войн. Если любая война предопределяет следующую, то в этом контексте Восточная (Крымская) не исключение. Пусть количество государств, участвовавших в ней, было немалым, человечество к тому времени знало военные конфликты, в которых были задействованы более значительные людские ресурсы. А вот что действительно было новым, так это использование в ней вооруженных сил одновременно на нескольких, порой удаленных друг от друга на тысячи километров театрах военных действий. Но и это не дает повода говорить о ее глобальной революционности. Скорее, она была пограничной, продемонстрировав неразрывную связь военной мощи с экономическим потенциалом. Основные участники использовали преимущественно официально утвержденную устаревшую тактику. Одновременно некоторые начали ее совершенствование, примеряясь к новым условиям, прежде всего новым типам и системам вооружений. Крымская война стала пиком войн, сохранявших инерцию наполеоновской эпохи, одновременно набирая скорость войн следующего столетия. Начиная с Крымской войны боевая мощь армий стала уже зависеть не только от богатства воюющего госу-

¹⁷⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства, Том II, М.-Л., 1928 г., с.9.

дарства, но и от его природных ресурсов и уровня развития промышленности. В результате тыл страны — шахты, заводы, транспорт вместе с обслуживающим их гражданским населением и прежде всего рабочими приобрел такое же значение, как и фронт, который без поддержки тыла больше уже не мог существовать.¹⁷⁷

По данным исследования, проведенного в 1919 г. Министерством обороны США, статистика потерь Крымской войны ставит ее в один ряд с крупнейшим военным конфликтом начала XX в. — Первой мировой войной 1914–1918 гг. Разница лишь в том, что численность воюющих армий в середине XIX в. была намного меньше. Недаром среди европейских историков и политологов бытует сравнение оборонительных боев под Севастополем с тяжелыми позиционными сражениями Первой мировой войны и отсюда название, бытующее в среде ее исследователей — «первый Верден Европы».¹⁷⁸ Американский историк Мак-Нил¹⁷⁹ определил первые сражения Крымской войны — Альму, Балаклаву и Инкерман как генеральную репетицию Кениггреца¹⁸⁰ в 1866 г., а осаду Севастополя — как образец Западного фронта первой мировой войны.¹⁸¹

Можно бесконечно долго спорить о ее значении. Количество мнений будет огромным и каждый будет по-своему прав. Но одно является аксиомой: Восточная (Крымская) война — знаковое событие мировой военной истории. Поэтому ее изучение —

¹⁷⁷ Кингстон-Макклори Э. Дж. Глобальная стратегия, М., 1959 г., с.31–32

¹⁷⁸ Верден. Верденская операция. Это определение настолько популярно, когда речь заходит о Крымской войне, что остановимся на нем подробнее.

Одна из крупнейших военных операций Первой мировой войны. Началась в 1916 г. Так как Германия не располагала силами для наступления на широком фронте, она наметила план мощного удара на узком участке — в таком важном пункте, как Верденский укрепленный район. Для его защиты французское командование вынуждено было бы бросить все наличные силы. Этот район прикрывал путь к Парижу. Немцы недооценили прочность обороны в районе Вердена и предполагали прорвать ее за короткий срок с помощью своей тяжелой артиллерии. На верденском участке фронта французские войска оборудовали оборону по системе укрепленного района. Вокруг Вердена на удалении 7–8 км от центра крепости проходил ее внешний обвод, состоявший из мощных фортов и долговременных укреплений. Крепостные сооружения сочетались с возведенными в 1914–1915 гг. четырьмя позициями полевой обороны. Первая проходила в 6–7 км от внешней линии фортов, а четвертая — непосредственно по этой линии. Каждая позиция состояла из трех-четырёх траншей, системы окопов, блиндажей, ходов сообщения и проволочных заграждений.

Общая глубина Верденского укрепленного района достигала 15 км, а протяженность его фронта — 112 км. К началу германского наступления французы сосредоточили здесь 8 дивизий и 634 орудия, из них 244 тяжелых. Наступление на Верден осуществляла 5-я германская армия, в состав которой входило 6 корпусов (12 дивизий), 1225 орудий (из них 703 тяжелых) и 152 миномета. Оборона французов прорывалась на фронте 15 км. На участке прорыва были сосредоточены три корпуса и до 75% артиллерии. Плотность артиллерии на направлении главного удара достигла 110 орудий на 1 км фронта.

Бои под Верденом приняли затяжной и крайне напряженный характер. Германское командование пыталось осуществить свой план истощения Франции и настойчиво продолжало атаки. Немцам удалось овладеть ещё несколькими фортами и небольшой территорией, но эти частные успехи были достигнуты ценой огромных потерь. Французская пехота, вооружённая станковыми и ручными пулеметами, мелкими группами укрывалась от огня немецкой артиллерии в воронках и буквально выкашивала атакующие цели противника. Большие потери наносила наступающей пехоте артиллерия. По скоплениям пехоты бросали бомбы и вели пулеметный огонь самолеты. Успешное наступление русских на Юго-Западном фронте и последовавшее за ним наступление англичан и французов на р. Сомме вынудили немцев прекратить атаки под Верденом. В августе французские войска начали наступление с целью вернуть утраченные форты и позиции. Немцы упорно оборонялись и только к исходу 1916 г. были отеснены на свои исходные позиции. Верденская операция, длившаяся десять месяцев, закончилась безрезультатно для немцев. Через верденскую «мясорубку» прошли 70 французских и 50 германских дивизий, причем германская армия потеряла до 600 тыс. человек, а французская — свыше 350 тыс.

¹⁷⁹ Мак-Нил, Уильям (William H. McNeill) — современный американский историк, профессор Чикагского университета.

¹⁸⁰ Кениггрец (Koniggratz, чешский Kralove Hradec) — город и до 1884 г. крепость в сев. Чехии, при слиянии Эльбы и Орлицы. 3 июля 1866 решительная победа пруссаков над австро-саксонскими войсками.

¹⁸¹ Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технологии, вооруженные силы и общество в XIX–XX вв. М., 2008 г., с.264

«...одно из лучших вспомогательных средств для усвоения здоровой теории военного дела».¹⁸²

По количеству примененных в ней технических новшеств она первая, в которой победа потеряла прямую зависимость от человеческой массы армий, а на первый план вышли техническое превосходство, уровень боевой подготовки, образовательный уровень командного состава. Технологический прогресс, ставший главной характеристикой Восточной войны как рубежного конфликта XIX в., сказал свое веское слово еще при Синопе, когда рухнула вся система боя, принятая в Европе со времен побед адмирала Нельсона. Несколько часов непрерывного обстрела и несколько удачных попаданий привели к разгрому турецкого флота в собственной базе.

Это первое соперничество на поле боя военных индустрий и оружейных технологий. Определяющим фактором стала наука война. Победы стали рассчитываться, пренебрежение стратегическим планированием заведомо обрекало на поражение. Героизм разбивался о достижения человеческого разума — и успех в конечном итоге принадлежал тем, кто максимально эффективно эти достижения переносил из цехов на поля сражений. Именно после Крымской войны военная наука стала действительно общепризнанной, опирающейся на последние достижения технического прогресса. Работа командующего, командира и солдата перестала быть ремеслом, а стала одной из самых сложных профессий, требовавших длительной и качественной подготовки.

Крымская война была не только последней из прошлых войн, но стала первой из современных, когда началось практическое использование в военных действиях железных дорог, бронированных пароходов, шахт, телеграфа. Война показала огромную важность паровой машины. Крымскую войну часто называют первой технологической войной, подразумевая под этим невероятно большое для середины XIX в. количество достижений науки и техники, впервые апробированных как средство ведения или обеспечения ведения боя. Отдельные исследователи видят в этом основание считать ее едва ли не эталоном гуманизма. Характеризуя её подобным образом, наивно верить, что такой вид войны не предполагает убийство людей и животных. Скорее, наоборот, именно в результате и после кровавого опыта Крымской войны произошел очередной виток технологического совершенствования средств и способов уничтожения, в результате которого механизм истребления себе подобных стал более совершенным, массовым и жестоким. Ну а слово «культура» по отношению к событиям кампании, по меньшей мере, на мой взгляд, неуместно, а вероятнее всего, просто кощунственно. Слишком много связано с ней того, что отнюдь совершенно несовместимо с понятиями общечеловеческих духовных ценностей. Потому сегодня, в эпоху очередного витка военной науки, следует больше внимания уделять опыту Крымской войны. На наших глазах вновь происходит переход от массовых, но слабооруженных армий к мобильным, хорошо оснащенным силам, которые ставку в бою делают не на численное, а в первую очередь на техническое превосходство. Впервые в Крымской войне воевали не только армии и не только на полях сражений решался ее исход. Это была первая в мировой истории война средств массовой информации. Первая практика цензуры сообщений с театра военных действий также связана с ней. В армиях воюющих сторон стали зарождаться элементы военной аналитики.

¹⁸² Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время// Военный сборник, №2, СПб., 1872 г., с.231.

По количеству технических нововведений Крымская война просто уникальна. Новшества апробировались на суше и на море. Восточная война стала первой, в которой активно применялись морские мины,¹⁸³ и первый подрыв корабля на mine (английский «Merlin») в истории войн произошел именно в ее ходе.¹⁸⁴ Именно боязнь мин, о которых союзное командование знало, было одной из причин, по которой при обстреле фортов Севастополя корабли союзников вели огонь с предельных дистанций. При этом эффективность обстрела была минимальной. Термин «минное заграждение» рожден событиями Крымской войны. «Нет никакого сомнения, что пальма первенства в этом роде военных действий принадлежит русским», вынуждена была признать английская газета «Таймс» в 1854 году.¹⁸⁵

Противостояние артиллерии, ее возрастающая мощь привели к тому, что «в течение нескольких лет произошел повсеместный переход от дерева к броневым плитам...».¹⁸⁶

Повсеместное использование новых типов бронирования потребовало огромного количества стали. В результате еще одним побочным следствием Крымской войны стало изобретение Генри Бессмером способа переделки чугуна в сталь путем выжигания из него примесей с помощью воздушного дутья в особой печи – конверторе и изобретение Сименсом мартеновского способа сталеварения. Эти новшества открыли дорогу получению дешевой стали и ее широчайшему применению. Изю всех сплавов и изю всех вообще материалов сталь начали применять при изготовлении технических средств наиболее всего, особенно в машиностроении. Возникли и получили широкое распространение самые разнообразные сорта стали: легированная, инструментальная, нержавеющая, жаропрочная и т.д.: «...железо сменило дерево».¹⁸⁷

Достижения в обработке металлов привели к тому, что после Крымской войны производство стрелкового оружия стало действительно массовым.

Совершенно иной стала система управления войсками, находящимися на удалении (порой за тысячи километров от центра государств или вообще на заморских территориях). В этом случае революционно применение телеграфа не только как средства передачи корреспонденции журналистами в свои издания, но и прежде всего (о чем забывают или не задумываются многие) средства управления войсками. Не успев состояться как элемент стратегического управления, оно сразу показало и свои отрицательные стороны. Постоянное вмешательство высоких государственных чиновников, часто совершенно некомпетентных, в дела на театре военных действий привело к тому, что британский генерал Симпсон был вынужден с досадой сказать: «...этот проклятый телеграф развалил все...».

Неоценим вклад кампании в изучение военно-транспортных проблем. Это связано с тем, что в этой, а затем и в последующих войнах материальное обеспечение армий стало зависеть от развития сети дорог вообще и особенно железных дорог.

Механический двигатель начал процесс вытеснения гужевого транспорта, когда «...в Крымскую войну 1854 года паровая повозка (системы Boydell) была применена с

¹⁸³ Первое боевое применение минного оружия русскими военными моряками в XIX веке // Военно-исторический журнал, №3, М., 2006 г., с.48–51.

¹⁸⁴ Рубан Ю.И., Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга // Новый часовой, №4, СПб., 1996 г., с.115–120.

¹⁸⁵ Рубан Ю.И. Электрическая мина штабс-ротмистра Павла Шиллинга // Новый часовой, №4, СПб., 1996 г., с.115–120.

¹⁸⁶ Паркс О. Линкоры Британской империи. Ч.1. Пар, парус и броня, СПб., 2001 г., С.2–3.

¹⁸⁷ Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технологии, вооруженные силы и общество в XIX–XX вв. М., 2008 г., с.271–273.

военными целями, доставляя из Балаклавского магазина боевые припасы в осадный парк под Севастополем».¹⁸⁸

Это не единственное достижение человеческого гения, прочно обосновавшееся в военном деле. К ее времени относятся первые эксперименты с новыми типами артиллерийских боеприпасов (полигональных снарядов, например)¹⁸⁹ и попытки использования гусениц как движителя.

Крым доказал возможность нового вида снабжения с помощью транспортных судов по морю. Этот способ доказал свою эффективность и неоспоримое преимущество над гужевым транспортом, когда «...при осаде Севастополя крестьянские телеги тщетно пытались хоть немного приблизиться к уровню снабжения морем...».¹⁹⁰

Крым едва не опередил Ипр¹⁹¹ в реальной перспективе стать местом первого в истории применения на поле боя отравляющих веществ. Идея борьбы с противником путем проведения газовой атаки обосновывалась в 1855 г. английским адмиралом лордом Дэндоном. В своем меморандуме от 7 августа 1855 г. он предложил английскому правительству проект взятия Севастополя с помощью использования паров серы. Гнусную историю создания современных отравляющих веществ можно отсчитывать с предложения английского аристократа распространять волну ядовитых газов на большом пространстве для подавления противника. Предложение лорда, однако, широко применено не было, поскольку единственным сравнительно ядовитым газом, который в то время можно было получить в значительных количествах, являлся сернистый ангидрид, образующийся от сжигания кусковой серы на открытом воздухе. Но сернистый газ отличается малой ядовитостью и плохими физико-химическими свойствами. Потому проведенные опыты не показали хороших результатов, а предложение не получило распространение. Кстати, мысль об этом наводит на размышления о высоком и вечном.

«Не рой другому яму...» — в 1915 г. именно британцы (и вновь в союзе с французами) были жестоко наказаны десницей Всевышнего в виде смертельных немецких газовых атак.

В военном строительстве проблемы, с которыми столкнулись все без исключения воюющие стороны, предвещали конец господству устаревших военно-кастовых традиций. Они воплощались в Британии в кумовстве и покупке должностей, во Франции — в награждении высокими постами старших офицеров, часто не самых талантливых, но поддержавших переворот Луи Наполеона,¹⁹² в России и Османской империи — в крепостничестве.

¹⁸⁸ Златолинский В. Автомобиль и прочие виды механической тяги в применении к военным целям//Военный Сборник, №9, СПб., 1910 г., с. 131.

¹⁸⁹ Полигональные стволы и снаряды изобрел англичанин Витворт в 1858 г. Крымская война стала толчком для этого изобретения. Есть мнение, что полигональную нарезку изобрел русский оружейник Цыгаев в 1753 г. Однако приоритет Витворта подтвержден патентом.

¹⁹⁰ Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технологии, вооруженные силы и общество в XIX–XX вв. М., 2008 г., с.278.

¹⁹¹ Ипр — город, расположенный на северо-западе Бельгии, в провинции Западная Фландрия, близ границы с Францией. Ипр обеспечил себе место в мировой истории как ключевой пункт Западного фронта Первой мировой войны. Ипрский выступ в британских линиях обороны стал ареной трёх крупных сражений, во время которых немцы в 1915 г. впервые в истории применили в качестве химического оружия хлор (1915 г.) и в 1917 г. также впервые в качестве оружия — горчичный газ, ныне известный как иприт. Из 250 000 солдат Антанты, павших у Ипра, каждый пятый остался незахороненным. В память об этом у въезда в Ипр в 1927 г. была открыта воздвигнутая на британские средства триумфальная арка — так называемые Мененские ворота. В общей сложности вокруг города насчитывается не менее ста сорока военных кладбищ и мемориалов.

¹⁹² Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873 гг.), французский император (1852–1870 гг.). Племянник Наполеона I. Используя недовольство крестьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом (декабрь 1848 г.); при поддержке военщины совершил 2.12.1851 г. государственный переворот. 2.12.1852 г. провозглашен императором. Придерживался политики бонапартизма.

В области тактики ведения боя Восточная война, особенно ее Крымская кампания — прообраз траншейной войны более чем за полстолетия перед первой мировой войной.¹⁹³ Тактика действий против противника, маневрирующего в поле, не получила какого-либо существенного развития. Все полевые сражения Крымской войны — это подавление противника огнем с одной или нескольких позиций в сочетании с прямолинейными лобовыми давлениями. В них мы обнаруживаем больше случая, чем умения.

Но даже при этом пусть небольшие, но все-таки уроки сражений в Крыму на много лет стали определяющими в разработке тактических приемов ведения боевых действий европейскими (и не только) армиями. Влияние Альмы, Инкермана и Черной реки прослеживается и в ходе Гражданской войны в США (1861–1865 гг.),¹⁹⁴ франко-прусской войне (1870–1871 гг.),¹⁹⁵ а также во всех других мировых и локальных войнах и военных конфликтах, вплоть до Первой мировой.

В области стратегии и оперативного искусства опыт Крымской войны показал, что расширение масштабов войны и тесная органическая связь между отдельными сражениями неизбежно ведут к расширению задач стратегии, к усложнению форм и методов стратегического руководства. Отныне стратегия как высшая составляющая военного искусства должна была решать такие новые задачи, как составление мобилизационных планов, выбор и подготовка главного театра военных действий, выбор операционных направлений. Особое значение обрела проблема стратегического развертывания войск и организация их взаимодействия при действиях на различных театрах войны или на разных операционных направлениях, а также взаимодействие сухопутных сил и военно-морского флота.

Впервые возникла необходимость заблаговременной разработки планов мобилизации, сосредоточения и развертывания армий к началу боевых действий, планов ведения всей войны, отдельных кампаний и сражений. В связи с этим возросла роль генеральных штабов как органов стратегического планирования, руководства подготовкой страны и армии к войне, руководства вооруженными силами в ходе войны.¹⁹⁶ Поражение России в войне привело к пониманию тождественности побед в кампаниях от рациональной и тщательно организованной боевой учебы в годы мира. В вопросах профессиональной подготовки военных кадров итоги Крымской войны наглядно демонстрируют прямую зависимость успеха на поле сражения от уровня образования командных кадров, тактической грамотности офицерского состава и необходимости постоянного военно-технического совершенствования оснащения армии. Проблема военного образования стала камнем преткновения для русской и

При нем Франция участвовала в Крымской войне 1853–1856 гг., в войне против Австрии в 1859 г., в интервенциях в Индокитае в 1858–1862 гг., Сирию в 1860–1861 гг., Мексику в 1862–1867 гг. Во время франко-прусской войны (1870–1871 гг.) сдался в 1870 г. со 100-тысячной армией в плен под Седаном. Низложен Сентябрьской революцией 1870 г.

¹⁹³ Paul Kerr, *The Crimean War*, 2000, p. 7.

¹⁹⁴ Война между федеральным правительством США, опиравшимся на северные штаты страны, против 11 южных штатов, объявивших о выходе из федерации из-за несогласия с планами президента Авраама Линкольна по отмене рабства и образовавших независимое государство — Конфедерацию штатов.

¹⁹⁵ Франко-прусская война 1870–1871 гг., война между Францией, с одной стороны, и Пруссией, а также др. государствами Северо-германского союза и Южной Германии (Баварией, Вюртембергом, Баденом, Гессен-Дармштадтом) — с другой была порождена глубокими противоречиями между Пруссией и Францией. Пруссия стремилась завершить объединение Германии под своей гегемонией, ослабить Францию и её влияние в Европе, а Франция, в свою очередь, — сохранить преобладающее влияние на европейском континенте, задержать объединение Германии, не допустить укрепления позиций Пруссии, а также предотвратить победоносной войной нарастание кризиса Второй империи.

¹⁹⁶ История войн и военного искусства, // Учебник для военных училищ. Военная академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я. М., 1967 г., с.95.

английской армий. Не меньшей проблемой оказался и недостаточный уровень одиночной подготовки солдат и сержантов.

«Крымская кампания, как в зеркале, отразила все недостатки, вызываемые такой системой обучения войск в мирное время. Русский солдат по-старому явил себя героем в этой достопамятной войне: одиннадцать месяцев своею грудью отстаивал родной Севастополь; но в то же время в полевых сражениях слишком открыто и неумело подставлял грудь неприятельским пулям, а ближайшие начальники его оказывались не вполне искусными и опытными руководителями и распорядителями боя до той минуты, когда приходилось бросаться в атаку: в этом случае они не задумывались жертвовать собою, подавая славный пример и увлекая за собой своих подчиненных...».¹⁹⁷

Крымская война очень противоречива. Одно из ее противоречий состоит в том, что такие прекрасные солдаты, которыми обладали воюющие стороны — русские, британские, французские, итальянские¹⁹⁸ и вопреки сложившемуся мнению турецкие, сходились в сражениях, представлявших бесконечную цепь просчетов высшего военного командования всех сторон. Победу одерживал тот, у кого эти просчеты не носили характер роковых. При этом бездарность союзных генералов успешно конкурировала с бездарностью русских военачальников. Одновременно можно найти массу примеров великолепного исполнения своего долга рядовыми, сержантами, младшими и старшими офицерами всех армий. Но эти подвиги были лишь расплатой подчиненных за ошибки и отсутствие профессионализма старших.

Исследованием этой парадоксальности занимался британский военный историк и военный теоретик Бэзил Лиддел-Гарт¹⁹⁹ (хотя и весьма скептически оценивавший роль и место этой войны в истории военного искусства). Один из его выводов состоит в том, что «...при всей никчемности и бесперспективности Крымской войны мы можем извлечь из нее хотя бы некоторые уроки». Основным из них является бесплодность прямых действий, которыми эта кампания изобиловала. Лиддел-Гарт резонно утверждает, что «...когда генералы были слепы, нет ничего удивительного, что адъютант бросал Легкую бригаду прямо на пушки русских. Прямолинейность, которая пронизывала все действия английской армии, была настолько педантичной и сугубо формальной, что ставила в тупик французского командующего Канробера. Это продолжалось до тех пор, пока Канробер по прошествии нескольких лет не побывал на придворном балу. Тогда его внезапно осенила мысль и он воскликнул: «Англичане воюют так же, как Виктория танцует!».²⁰⁰ Это, конечно, ирония, но подтекст в ней присутствует.

¹⁹⁷ Дуроп К. Тактическое образование армии в мирное время// Военный сборник, №2, СПб., 1872 г., с.240.

¹⁹⁸ В дальнейшем будем использовать это определение в отношении солдат Сардинского королевства, высадившихся в Крым в 1855 г. Это только для более доступного повествования.

¹⁹⁹ Бэзил Генри Лиддел Гарт (Basil Henry Liddell Hart, 1895–1970 гг.) — известный английский военный теоретик и военный историк. Учился в Кембриджском университете, но с началом Первой мировой войны оставил обучение и вступил в армию. В 1920 г. опубликовал учебник «Подготовка пехоты», включавший несколько его собственных разработок. В межвоенный период активно выдвигал идеи изменения структуры британской армии за счет развития авиации и танковых войск. В 1925–1935 гг. был военным корреспондентом газеты «Дейли телеграф», а в 1935–1939 гг. работал в «Таймсе». В 1937–1938 годах Лиддел-Гарт был советником при военном министре и пытался претворить в жизнь некоторые из задуманных им реформ, но его усилия механизировать армию и развить ПВО встретили сопротивление большинства старших офицеров. В 1941–1945 гг. освещал события Второй мировой войны в качестве военного корреспондента «Дейли мейл». После войны ученый выступал с критикой идеи использования стратегического ядерного оружия, считая, что в ядерном конфликте победителя не будет.

²⁰⁰ Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, М., 1957 г., с.156–157.

Говоря о русских, британский историк утверждает, что они «...не в меньшей степени были склонны к прямым действиям, поэтому однажды, когда они попытались применить маневр, полк после длительного марша в течение целого дня снова оказался к ночи перед Севастополем, откуда он выступил на рассвете».²⁰¹

Основной вывод, который сделал автор касательно состояния армий, состоял в том, что «...если военный инструмент превосходит по своим качествам возможности полководца, значит, во всей системе имеется какой-то изъян».²⁰²

Согласимся, уж чего-чего, а изъянов с избытком хватало в организации военных машин всех воюющих сторон, причем на протяжении всей кампании. Отсюда проистекает еще один вклад Крымской войны в основы стратегического управления войсками: успех в кампании напрямую зависит от организации управления и взаимодействия на всех уровнях. Стратегические просчеты обнажили внутренние пороки России. Недостаток запасов вооружения, который пришлось уже в ходе войны наверстывать невероятными усилиями, отсутствие дорог, казнокрадство и взяточничество — следствие их. Последние два порока показали, насколько свой чиновник хитрее, изобретательнее, безжалостнее, а потому опаснее противника. Войны и военные конфликты последних лет только подтверждают это. В 1853–1856 гг. явственно стали просматриваться административная анахроничность и катастрофическая техническая отсталость Империи.

Единственное положительное, что есть в любой войне — это уроки, которые она преподносит. Но у нас и с этим проблемы — мы упорно не хотим ничему учиться. Вот и сейчас, совсем недавно грянул гром войны августа 2008 г. на Кавказе. И все снова, как 150 лет назад: бестолковость генералов, воровство, ободранные солдаты, устаревшая техника. И все на фоне массового традиционного героизма русского солдата, такого же непрехотливого и преданного стране.

Мы часто за все подряд, в том числе и за собственные проблемы ругаем американцев, а поучиться у них отношению к своей военной истории, которую они не делят на успешные и проигранные битвы, стоит. Для них главное — опыт, который можно извлечь и с максимальной эффективностью использовать в дальнейшем. В 1986 г. заместитель командующего сухопутными войсками США генерал-лейтенант Р.Форман отметил связь военной истории с современностью. «Состоявшаяся 120 лет назад битва при Геттисберге,²⁰³ — сказал он, — имеет отношение и к нынешней воздушно-наземной операции, так как она подтверждает все принципы ведения войны. Она заставляет нас думать о факторах времени и местности, о необходимости разведки и четкого управления. Сегодня мы не будем сражаться, как тогда, но Геттисберг заставляет нас творчески мыслить».²⁰⁴

Так и кампания в Крыму: не имея почти ничего общего с современной концепцией ведения боя, оно заставляет задуматься над ним, преподнося уроки, хоть горькие и обидные, но актуальные до сегодняшнего дня.

²⁰¹ Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, М., 1957 г., с. 156–157.

²⁰² Бэзил Лиддел Гарт. Стратегия непрямых действий, М., 1957 г., с. 156–157.

²⁰³ Битва при Геттисберге — решающее сражение Гражданской войны в США, проходившее с 1 по 3 июля 1863 г. В конце июня 1863 г. армия южан (около 70 тыс. чел. и 250 орудий) генерала Р. Ли, обойдя армию северян с запада, вторглась в Пенсильванию с целью овладения Вашингтоном. Армия северян генерала Дж. Мида (около 90 тыс. чел. и 300 орудий) для прикрытия столицы двинулась от рубежа р. Потомак на север к Геттисбергу и заняла оборону южнее Геттисберга. В течение 3 дней северяне отразили все атаки южан и вынудили их к отступлению. Победа при Геттисберге создала перелом в войне в пользу северян.

²⁰⁴ Army Times, 1986, May. 19.

Нужно отметить, что американские исследователи часто обращаются к истории Крымской войны и Альминского сражения, проводя параллель между этими событиями и последующими, произошедшими на американском континенте спустя несколько лет. Иногда даже складывается впечатление, что там, за океаном, Крымской войной интересуются больше, чем здесь — на земле, где разворачивались эти драматические события.

Мы говорили, что военный опыт Крымской войны оказал значительное влияние на Гражданскую войну в США, и при внимательном взгляде на оба конфликта можно провести много параллелей. Крымская кампания — модель Гражданской войны в США. В них много общего, обе воюющие стороны, как южане, так и северяне, активно использовали уроки кампании в Крыму, чему способствовало присутствие среди солдат и офицеров федерации и конфедерации ветеранов Восточной войны.

Отметим еще несколько наиболее известных и значительных вкладов, связывающих мировую военную историю с Крымской войной. Впервые миссия военных наблюдателей выполняла свои обязанности на обеих воюющих сторонах (комиссия посетила Англию, Францию, Австрию, Пруссию и Россию). Ее деятельность вполне можно считать прообразом современных групп военных наблюдателей ООН (хотя американские военные не имели права вмешиваться в события и не пользовались никакими рычагами влияния на противоборствующие стороны). Американские наблюдатели в Крыму переняли опыт организации полевой военно-медицинской службы, использования железных дорог, средств управления войсками и связи. Колоссальный опыт военно-полевой медицины, санитарной профилактики заболеваний в условиях длительных военных действия во время Крымской войны легли в основу организации санитарной службы армии США.²⁰⁵

По рекомендации группы наблюдателей в Крыму под руководством полковника Делафилда²⁰⁶ в американской армии впервые в мире появились специальные офицеры, занимающиеся вопросами организации железнодорожных перевозок. Инженерный опыт осадных работ был использован северянами под Висксбургом²⁰⁷ и Ричмондом.²⁰⁸ Обороняемый южанами форт Фишер (прозванный ими Севастополь, а его главное укрепление Малахов) был укреплен по опыту фортификационных работ Э.И. Тотлебена в Крыму.²⁰⁹

²⁰⁵ Stanhope Bayne-Jones, M.D, The Evolution of Preventive Medicine in The United States Army, Washington, 1968, p.89.

²⁰⁶ В 1854 г. американская сторона послала в Россию делегацию во главе с майором Ричардом Делафилдом и двумя офицерами инженерной службы армии США: капитаном Альбертом Мордекаем, капитаном Джорджем Мак-Келланом. Президент направил группу для наблюдения за военными действиями с российской стороны, потому что, по мнению американцев, русская армия считалась одной из выдающихся в мире. Делегации пришлось 4 месяца ждать, но они так и не получили разрешения от царя отправиться на театр военных действий. В результате пришлось обратиться к правительству Англии, разрешившему миссии работу в Крыму. Американская военная история считает работу миссии образцом военного профессионализма, но в то же время многое из её работы так и не было использовано на практике, что привело к проблемам для всех воюющих сторон во время Гражданской войны в США. (Matthew Moten, The Delafield Commission and the American military profession, Texas A&M University Press, College Station, 2000).

²⁰⁷ В 1863 г. федеральная армия США под командованием У.Гранта заняла после длительной осады город Висксбург — последнюю крепость южан на реке Миссисипи под контролем Конфедерации. Территория Конфедеративных государств оказалась разрезанной надвое. Вместе со сражением при Геттисбурге взятие Висксбурга означало «начало конца» войны между Севером и Югом.

²⁰⁸ Во время Гражданской войны в США Ричмонд был столицей Конфедерации. Взят федеральными войсками в 1865 г.

²⁰⁹ Операция по взятию форта Фишер, предшествовавшая взятию Уилмингтона, началась в декабре 1864 г. Тогда взятие форта было поручено Батлеру при поддержке флота, но генерал, боясь штурмовать мощные стены Фишера, выдвинул авантюрный план: тайно подвести к ним начиненное порохом судно и взорвать его вместе со стенами. В ночь на 24 декабря эта вздорная попытка закончилась, как и следовало ожидать, бесполезным взрывом судна, так и не подведенного вплотную к стенам форта. Батлер,

По мнению американского военного историка, полковника Мэтью Моттена, содержащемуся в его труде «Комиссия Делафилда и американский военный профессионализм», опубликованном в Пенсильванском университете (США), основные концепции военного искусства США были разработаны именно по итогам работы этой группы наблюдателей. Опыт переброски морем крупной группировки экспедиционных сил на территорию, занятую противником, составил основу современной военной доктрины использования вооруженных сил США. Он был успешно и неоднократно применен ими в ходе высадок американских солдат в войнах конца XIX — начала XXI столетий.²¹⁰ В современной американской военной науке книга входит в перечень рекомендованных для изучения каждым офицером армии США.

Говоря о новшествах, мы не имеем права не упомянуть тот выдающийся вклад, который был сделан Крымской войной в развитие медицины, особенно в ее практику. Колоссальный опыт военно-полевой хирургии, военно-полевой терапии, санитарной службы кампании в Крыму лег в основу организации медицинских служб практически всех армий мира. Ряд выдающихся отечественных врачей XIX в. и начала следующего столетия неоднократно обращались к проблеме оказания помощи больным на театрах военных действий. Они изучали заболеваемость в войсках, стремились разрабатывать методы лечения наиболее распространенных заболеваний. Основоположник отечественной терапии М.Я. Мудров²¹¹ указывал, что военная терапия является одной из четырех основных частей военной медицины. В многотомном труде А. Чаруковского «Военно-походная медицина» (1836 г.) один из томов назван «Болезни армии», в котором обращается внимание на существенные особенности течения заболеваний у солдат, определяемые условиями войны. Автор пишет, что солдат «поражается... особенными болезнями, либо и общими всему человеческому роду, но с течением военных обстоятельств значительно измененными».

Изучению заболеваемости в периоды войн было уделено немало внимания отечественными авторами и до, и во время Крымской войны. Так, Я.И. Говоров (1818 г.)²¹² анализировал заболеваемость, имевшую место в русской армии в период Отечественной войны 1812 г.; А.А. Чаруковский,²¹³ К. К. Зейдлиц²¹⁴ изучали заболеваемость в период войны с Турцией (1828–1829 гг.); Н.И. Пирогов, С.П. Боткин — в период Восточной войны (1853–1856 гг.).²¹⁵

По своей значимости опыт военно-медицинских исследований почти равен опыту ведения боевых действий, а в некоторых случаях превосходит его. Хотя при изучении всевозможных источников создается впечатление, что основным носителем

не поддержав атаки флота и бросив на простреливаемом берегу до 600 своих успевших высадиться десантников, постыдно бежал в форт Монро. Немедленно уволив Батлера за трусость, Грант назначил на его место генерала Альфреда Тэрри, который в течение 12–15 января при активном участии флота осуществил эту сложнейшую и крайне важную для Севера операцию, захватив форт Фишер и полностью разгромив его гарнизон. Северяне при этом потеряли 1341 человека (включая 386 погибших и раненых моряков), а потери южан доходили до 2,5 тыс. человек, при этом в плен попало 2083 человека. А 22 февраля части Скофилда и Тэрри вступили в Уилмингтон.

²¹⁰ Matthew Moten, *The Delafield Commission and the American Military Profession*, Texas A&M University Press, 2000, p. 197–211.

²¹¹ Мудров Матвей Яковлевич (1776–1831 гг.) — один из основоположников терапии и военной гигиены в России, профилактического направления в российской медицине. Разработал схему обследования больного. Впервые ввел в практику составление истории болезни.

²¹² Я.И. Говоров (1779–1828 гг.) — известный русский врач.

²¹³ А.А. Чаруковский (1798–1848 гг.) — русский военный врач, автор книг «Рассуждения о военной медицине вообще и в каком состоянии находится она в России» (1836–1837 гг.) и «Народная медицина, примененная к русскому быту и разноклиматичности России» (1844 гг.).

²¹⁴ Карл Карлович Зейдлиц (Karl Johann von Seidlitz; 1798–1885 гг.) — доктор медицины, русский врач и писатель.

²¹⁵ <http://militarymed.org/>

этого опыта была Флоренс Найтингейл. Ее заслуги несомненно велики, и нельзя не склонить голову перед памятью этой великой англичанки. Но в то же время в тени незаслуженно находится такой известный британский хирург, как Спенсер Уэлс.²¹⁶ Будучи обычным полковым медиком, впервые в ходе Крымской войны решился на операции, связанные со вскрытием полости живота и рассечением внутренних органов. Этот врач вошел в мировую медицину как один из основоположников гинекологических операций, в том числе и овариотомии. Основываясь на собственном военном опыте, он провел их более 1070. Таким образом, хотя это и парадоксально, но война внесла вклад не только в науку убийства людей, но и в науку их появления на свет — гинекологию.

Что касается Найтингейл, то внутри самого Британского содружества отношение к Флоренс неоднозначно. Так, в вышедшей в Ирландии в университете Дублина книге доктора Дэвида Мэрфи «Ирландия и Крымская война» приводится медицинская статистика, согласно которой смертность в госпитале ирландской коллеги Найтингейл — Фрэнсис Бриджмен, расположенного в Балаклаве, была значительно меньше, чем у подопечных «леди с лампой».

В то же время, по мнению французского историка медицины Жана-Луи Пуарье в статье «Санитарное состояние французского флота во время Крымской войны» впервые в Крыму были сделаны попытки централизованной борьбы с эпидемическими заболеваниями (холерой, тифом, цингой, дизентерией, малярией и другими), которые начали стремительно распространяться, в частности, на французском флоте, еще до начала военных действий. Что же касается сестринского ухода, то нам как патриотам нужно чаще вспоминать самоотверженных героических медицинских сестер русской армии, которые в отличие от англичанки очень часто рисковали жизнью, борясь за жизнь раненых русских солдат и офицеров.

Еще для одной из отраслей медицины Крымская война сделала неизмеримо более, чем целые столетия забот о благе и долголетию отдельных лиц. Речь идет о гигиене.

Со времени холерных бедствий и правительства, и врачи Европы отчетливо осознали, что врачевание отдельных лиц совершенно недостаточно в борьбе с инфекционными болезнями, что нужно изучать условия, способствующие заболеванию и смертности в массе населения, и принимать общественные меры для борьбы с этими бедствиями. Меры, принятые в Англии к оздоровлению городов; изучение влияния нездоровых жилищ во Франции и предпринятые там нововведения в больничной гигиене; наблюдения, сделанные во время Крымской войны в армиях русской и союзников, а наряду с этим крупные успехи естествознания и медицины, труды Либиха, Вирхова, Клода-Бернара и других корифеев естествознания и медицины — все это, вместе взятое, показало значение гигиены и постепенно придало ей то развитие, в котором она находится в настоящее время.

Ужасающее положение раненых и больных солдат с обеих сторон в Крыму вызвало к жизни инициативу швейцарского филантропа Анри Дюнан, ²¹⁷ приведшую в итоге

²¹⁶ Уэлс (Wells), Томас Спенсер, выдающийся английский гинеколог и хирург (1818–1897 гг.), первым стал применять овариотомии; в Лондоне сделал до 1882 года 1071 такую операцию. Автор книг «Diseases of the ovaries» (1892 г.); «Ovarion and uterine tumours» (1882 г.).

²¹⁷ Дюнан Анри Жан (Dunant Henri Jean) (1828–1910 гг.), швейцарский общественный деятель, публицист, филантроп. Родился 8 мая 1828 г. в Женеве. Во время австро-итало-французской войны 1859 г. оказался свидетелем сражения при Сольферино (24 июля), помогал спасать раненых. Пораженный увиденным, написал книгу «Воспоминания о Сольферино» (Un Souvenir de Solferino, 1862 г.), в которой выдвинул проект организации международного комитета помощи раненым. По его инициативе была выработана конвенция о создании организации Красного Креста (ныне Международный Красный Крест), утвержденная в Женеве в 1864 г. конференцией европейских стран. В 1901 г. Дюнан вместе с Фредериком Пасси был удостоен первой Нобелевской премии мира.

к созданию Международного комитета Красного Креста и заключению Женевского соглашения по улучшению положения раненых и больных в воюющих армиях, подписанного в 1864 г.²¹⁸

Работавшие вместе с выдающимся русским хирургом Н.Пироговым американские врачи-добровольцы инициировали перевод на английский язык и издание в США его работ по военно-полевой хирургии, ставших учебниками для военных медиков США во время гражданской войны, причем как федералов, так и конфедератов.

Не все новации медицины имели только положительное значение. Во время Крымской войны началось зарождение того, что ее современники именовали впоследствии солдатской болезнью. В 1826 г. в Германии началось промышленное производство фармацевтического продукта, ставшего в 1846 г. известным под названием морфий.

Массовое применение достижения немецкой фармакологии, особенно после другого революционного изобретения медицины — шприца Александра Вуда²¹⁹ положило начало тому, что в 1877 г., после анализа последствий первых опытов применения наркосодержащих обезболивающих средств в Крыму, во время Гражданской войны в США и особенно после франко-прусской войны, появился термин «морфинизм».²²⁰

Крымская война представляет собой огромное поле для военных исследований. В ней столько противоречий, что неудивительно существование огромного количества разночтений и путаных изложений по, казалось бы, совершенно ясным фактам. У этой войны удивительная философия. При всем ее размахе она не привела к решающим результатам ни на полях сражений, ни в политике. Война имела последствия не только в военном деле как таковом, но и в организации быта. С ней связывают появление сигарет, которые английские офицеры научились делать, переняв опыт турок, набивавших табаком бумажные гильзы. Эта, казалось, незначительная деталь имела большое значение, так как позволяла солдату или офицеру быстро перекурить, что было затруднительно с традиционной трубкой. С этого времени производство сигарет было поставлено на поток. Популярность их в Европе возросла многократно.²²¹ К теме сигарет и Крымской войны в Англии вернулись в 1914–1918 гг., когда солдатам, отправлявшимся воевать с немцами, выдавали сигареты, на пачках которых изображались награды времени кампании на востоке: Крест Виктории, Крымская и Балтийская медали.

С военно-политической точки зрения Крымская война являлась в определенном смысле вооруженным разрешением исторического противостояния России и Европы. Возможно, никогда до нее русско-европейские противоречия не обнаруживались столь очевидно. В Крымской войне нашли преломление наиболее актуальные проблемы внешней стратегии России, не утратившие своего значения и в настоящее

²¹⁸ Монтгомери Бернард Лоу. Краткая история военных сражений. М., 2004 г., с.308.

²¹⁹ Александр Вуд (Alexander Wood, 1817–1884 гг.), секретарь Королевского колледжа врачей в Эдинбурге, используя шприц Д. Фергюссона, начал свои эксперименты по введению морфия в болезненные места своих пациентов с невралгиями, считая, что это является методом местного обезболивания. Несколько позже Вуд стал использовать полую иглу с небольшим отверстием. Александр Вуд является изобретателем полую иглы для шприца. Опыты доктора Вуда по применению шприца были обусловлены его желанием избавить своих пациентов от боли. Признанный в начале XIX века общий наркоз из хлороформа или закиси азота с эфиром больные переносили плохо, многие даже умирали от передозировки. Недавно открытое обезболивающее средство морфий при оральном приеме почти не всасывалось. И Вуд решил использовать свою иглу для введения анестезирующего лекарства прямо под кожу.

²²⁰ Ульянкина Т.И. История опиумных препаратов и проблема возникновения наркомании// Российский медицинский журнал, Т.5, №14, М., 1997 г., с.48.

²²¹ Rob Cunningham La Guerre du Tabac: L'Experience Canadienne. IDRC, 1997, p.33.

время. С другой стороны, она обнаружила характерные внутренние противоречия развития России.

Зачем же нам нужно занимать свое время изучением Крымской войны? Для чего мы вновь начинаем копать в ее хитросплетениях, трагедиях, реках крови и грудях разорванных человеческих тел? Неужели нет ничего более привлекательного, чем описание кусков мозга вперемешку с лохмотьями обгорелого и окровавленного обмундирования, висящего на виноградных лозах вдоль берега Альмы? Кому это вообще сейчас интересно?

Увы, но это нужно. То, что для одних трагедия, горе, ужас, для других — работа, за которую они получают жалование от своей страны. Так вот, 20 сентября 1854 г. для почти 100 тысяч генералов, офицеров и солдат четырех стран был рабочий день. Десятки командиров решали задачу, и от их правильности зависели судьбы сотен и тысяч подчиненных. Нам теперь остается только анализировать, изучать и обобщать их опыт, чтобы в будущем не повторять ошибки.

Современные способы изучения военного искусства крайне разнообразны; главнейшие из них — личный боевой опыт, изучение опыта других, т. е. то, что мы и называем военной историей. Как писал К. Клаузевиц, изучая войны или кампании, важно исследовать именно искусство, т. е. «умение военных гениев и выдающихся талантов действовать на деле, а не их знание, которого, быть может, у них и не было, и не какое-либо учение, которому они, быть может, и не следовали, ибо их творчество, их вдохновение, их мастерские приемы далеко не всегда являлись следствием только знания, но были инстинктивным проявлением их таланта и гения». Клаузевиц подчеркивал, что в истории военного искусства следует анализировать главным образом практическую деятельность, т. е. боевой опыт. Такую науку он называл «историей военного искусства».

Уже десятки лет нет в живых носителей практического опыта этой войны, но мы вновь и вновь пытаемся понять планы этих людей и их реализацию: решение тактических задач, маневрирование. Тот личный боевой опыт, который мы обнаруживаем в сохранившихся источниках и документах, имеет в значительной степени случайный характер и уже поэтому не может быть использован как основа для выводов. Только в изучении военной истории, выражающемся не в одном ознакомлении с фактами и событиями прошлого, а в тщательной оценке причин успехов и поражений мы можем принести пользу для времени настоящего. Недаром Наполеон I в ряду других методологий подготовки военного человека ставил на первое место изучение военной истории.

Новый этап российской модернизации во многом обуславливался моральным потрясением, вызванным поражением в конфликте. По мнению блестящего знатока военного искусства немецкого ученого Франца Меринга,²²² «...Россия после Севастополя, Австрия — после Кёниггреца»²²³ доказали тот факт, что тяжелые поражения страны могут вызвать внутренние реформы...».²²⁴

Таким образом, опыт изучения Крымской войны имеет большой потенциал для современного военного строительства, выработки стратегической доктрины, определения дипломатического курса.

²²² Меринг (Mehring) Франц (1846–1919 гг.) — деятель немецкого рабочего движения, философ, историк и литературный критик, марксист. Известен как блестящий знаток военной истории, очерки которого по истории войн и военного искусства вошли в число лучших мировых.

²²³ Битва при Садовой (или при Кёниггреце, нем. Schlacht bei Königgrätz) произошла 3 июля 1866 г. и была самым крупным сражением австро-прусской войны 1866 г., кардинально повлиявшим на её течение.

²²⁴ Меринг Ф. История войн и военного искусства, СПб, 2000 г., с.512.

ПРЕЛЮДИЯ К БИТВЕ: ПЕРЕХОД В КРЫМ, ПОДГОТОВКА И ВЫСАДКА ДЕСАНТА

«Война – это состояние неопределенности».

Карл фон Клаузевиц

ГДЕ ВЫСАЖИВАТЬСЯ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГЛАВНОМ

«Если ты знаешь силу врага и свою собственную, ты можешь не бояться и сотни сражений. Если ты знаешь свою силу, но не знаешь силу врага, то на каждую твою победу будет приходиться по одному поражению. Если ты не знаешь ни свою силу, ни вражескую, ты тупица, обреченный постоянно проигрывать войны».

Сунь Цзы, китайский стратег и мыслитель.

Стратегия: сокрушение с добиванием

Начиная военную кампанию против России, Англия и Франция, помня неудачный опыт Наполеона Бонапарта в борьбе с русской армией,²²⁵ сделали ставку на ведение войны по привычному для них образу локальных колониальных кампаний в Азии и Африке. В этих операциях приходилось действовать на территории стран с непривычным климатом, слабой инфраструктурой и огромными пространствами, серьезно затруднявшими продвижение в глубь материка. Характерными чертами такой войны были захват прибрежной территории с последующим созданием там одной или нескольких баз, необходимых для обеспечения дальнейших действий. Это по сути классика любой десантной операции вторжения, которая актуальна и в настоящее время. Потому тратить время на обсуждение уникальности замысла операции вторжения в пределы Российской империи мы не будем – подобные действия проводились и ранее, с разной степенью успеха. То, что задумали союзники, полностью соответствовало бытовавшей теории «ограниченной войны» Карла Клаузевица. Обязательным условием такой войны была реальная для противника угроза вторжения.

«В такой войне ...наступательные операции должны быть пропорциональны имеющейся в виду цели. Первая акция, естественно, захват территорий, о которых идет речь... затем можно продолжать наступление, в зависимости от обстоятельств и имеющихся сил, чтобы получить желаемую территориальную уступку, угрожая врагу на его земле». В этом, по сути, заключается и доктрина «ограниченной войны» Клаузевица: сначала территориальная стадия, во время которой осуществляется попытка

²²⁵ Речь идет о походе французского императора Наполеона Бонапарта в Россию в 1812 г.

Королева Виктория, принц Альберт и их дети. Худ. Франц Ксавьер Винтерхальтер (Franz Xaver Winterhalter), 1846 г. Королевская коллекция. Букингемский дворец. Лондон.

захватить географический объект, затем стадия принуждения, в процессе которой оказывается общее давление на противника, имеющее целью заставить его принять связанную неблагоприятную ситуацию.

Но вот масштабы и методы планируемой кампании действительно не имели равных в истории. И если генерал Н.Обручев относит операцию союзных войск 1854 г. к разряду уникальных, то в этом случае это имеет отношение к ее размаху. За весь XIX век это был «...один лишь пример абсолютного обладания морем».²²⁶

Подобная война обязательным условием ведения предполагала наличие сильного флота, которым обе европейские державы обладали в достаточном количестве. Во Франции военно-морской флот и сухопутные силы были качественно сбалансированы. в Англии, наоборот, армия традиционно была изгоем по сравнению с элитой — военными моряками. В этом не было ничего необычного и определялось политикой и военными доктринами владычицы морей.

· Морским десантным операциям всегда отводилось видное место в военной стратегии такой крупной морской державы, как Великобритания, островное положение

■ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.39.

которой, а также наличие глобальных интересов и колоний, требующих защиты, предопределяли важность для нее осуществления интервенции с моря. Неоспоримое господство этой державы на море в XVIII–XIX веках позволяло ей беспрепятственно предпринимать имперские военные экспедиции в различные страны мира». ²²⁷

Вторжение в Крым — классический пример того, что в военном искусстве получило название британской или морской формы войны. Таковым можем считать применение ограниченного метода к неограниченной форме как помощь в более крупных операциях союзников. Этот метод обычно был доступным для англичан, потому что преимущество на море позволило им выбирать театр в самом деле ограниченный. Лучший пример подобной операции — действия Веллингтона на Пиренейском полуострове в начале века. Мнение Веллингтона о важнейшем факторе было выражено контр-адмиралом Маркхэмом, который в сентябре 1813 г. был направлен адмиралтейством в Испанию для переговоров с Веллингтоном. «Если кто-нибудь, — сказал он, — желает знать историю этой войны, я скажу, что именно господство на море дает мне возможность поддерживать мою армию, в то время как у противника такой возможности нет». ²²⁸

Период Крымской войны — не только война Англии и Франции с Россией. Это продолжение их традиционного военно-морского противостояния. В 1853–1854 гг. французский флот занял относительно британского более выгодные позиции. Преимущество французам обеспечила постройка кораблей не только мощных, но и составлявших однородную силу, специально предназначенную для решения стоящих перед флотом задач. Таким образом, в отличие от англичан они впервые проводили линию не только количественного пополнения флота новыми кораблями, но и стремились разработать и апробировать новую тактику их применения.

В середине XIX в. они как минимум дважды серьезно опережали англичан. Первый раз построив винтовой линейный корабль «Наполеон» с мощностью 950 лошадиных сил, второй — введя в строй броненосец «Ла Глуар» (1858 г.).

Какими бы глубокими ни были противоречия, в 1854 г. английская и французская эскадры действовали сообща. Совокупно флоты союзников количественно и качественно превосходили русский флот, который английские и французские адмиралы оценивали пусть и гораздо выше турецкого, но технически значительно слабее своей объединенной эскадры.

Но если бы только в техническом превосходстве было дело. Иногда передовая теория боевого применения может с успехом компенсировать технологическое отставание и обеспечить если не превосходство, то по крайней мере возможность сражаться.

Увы, но тут гордиться России было нечем. В империи первая половина XIX в. не отмечена крупными успехами в области развития теории военно-морского искусства, и особенно морской стратегии. Казалось, что военно-теоретическая мысль застыла и не пошла дальше взглядов, сформулированных теоретиками в конце XVIII в. Уроки Крымской войны лишь подтверждают это. Из-за отсутствия четких стратегических взглядов на характер будущей войны и даже на формы и способы применения сил флота русские флотоводцы не смогли грамотно оценивать обстановку и принимать обоснованные решения. ²²⁹

²²⁷ Резяпов И. Перспективы развития и применения амфибийно-десантных сил ВМС Великобритании// Зарубежное Военное Обозрение, №1, М., 1998 г. (<http://commi.narod.ru/bxt/1998/0105.htm>).

²²⁸ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.55.

²²⁹ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. с.95.

Император Николай I. Худ. Вильгельм Тимм. 1840 г. На портрете император Николай I в мундире генерала лейб-гвардии Саперного батальона, шефом которого он являлся. На черном бархатном с красными кантами воротнике особое шитье, присвоенное офицерам батальона. Мундир темно-зеленый с черным лацканом, окантованным красным кантом. На плечах генеральские эполеты.

Чтобы легче понять смысл происходившего, попробуем для начала кратко поговорить о глобальных целях операции. Об одном мы уже договорились — не трогать политические проблемы. Потому этот аспект отложим, тут ясно одно — «...защита территории Турции была основной заботой Уайтхолла²³⁰ на средиземноморском

²³⁰ Уайтхолл (Whitehall) — улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

театре в течение девятнадцатого века». ²³¹ Турция, таким образом, отводилась роль обиженного ребенка, которого ненароком начал притеснять огромный русский медведь, как всегда, традиционно обвиняемый во всех грехах. Какие-то размытые интересы имела Франция. Этого, конечно, для масштабной кампании мало: для формирования многонациональной военной коалиции нужна более убедительная мотивация, желательно в виде объективной угрозы. И эту угрозу придумали в лице несчастной Турции, которую, впрочем, и сами европейцы были не против поделить.

Геополитическая ситуация сложилась явно неординарная. Впервые после эпохи Наполеона Бонапарта французские, турецкие и теперь союзные им английские войска не только начинали боевые действия против России — они вторгались на ее государственную территорию. Стратегически подобный вариант имел цель отрезать Россию от побережья и загнать ее в глубь континентальной территории, сделав зависимой от владельцев прибрежных зон. То есть что-то вроде сокрушения мощнейшим ошеломляющим ударом в самое неожиданное и потому уязвимое место, а затем последующее добивание поверженного на землю противника. Притом это могло производиться не обязательно военными средствами: после пушек не менее сильными аргументами становились дипломатия и экономика. С учетом того, что после падения Крыма должно будет рухнуть и русское присутствие на побережье Кавказа, Россия теряла все свои многолетние завоевания. Говоря модным языком петровских свершений, на Черном и Средиземном морях для империи закрывались двери в Европу, на Балтике заколачивалось окно, а на Белом море — замуровывалась форточка. Славянский мир возвращался в первобытное состояние, подальше от просвещенной цивилизации, которой Россия к тому времени успела основательно надоесть.

Если учесть, сколько усилий затратило российское государство на борьбу за выход к морям, то надо признать исключительное значение Крымской войны для судьбы страны. Без преувеличения под угрозой было ее будущее. И, к сожалению, в этом один из трагических ее итогов. Об этом почему-то стараются не говорить современные ура-патриоты, на всех углах вопящие о том, что никакого военного поражения не было, так как союзники не прошли в глубь территории России. Тогда прочитайте еще раз последние предложения предыдущего абзаца и постарайтесь понять, что оно им и не нужно было. Давайте не будем обращать внимание на болтовню нынешних «кухонных Клаузевицев», а попытаемся трезво оценивать события и их последствия.

Инструменты стратегии

Надеюсь, мне удалось популярно объяснить намерения союзников. Теперь последовательно перейдем к тому, чем они хотели это сделать и как.

Командование союзников, особенно англичане, в стиле своих военных доктрин, традиционно опиравшихся на военно-морскую мощь, планируя операции на Черноморском театре военных действий, рассчитывало на грандиозную морскую победу (новый Трафальгар). ²³² В итоге вместо победы на море они добились победы на суше, одержать которую смогли благодаря превосходству на море.

²³¹ Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_cj/index.html).

²³² Трафальгар, Трафальгарское сражение (Battle of Trafalgar, bataille de Trafalgar,) — морское сражение между английским и франко-испанским флотом у мыса Трафальгар 21.10.1805 г. В этой решающей морской битве Франция и Испания потеряли 22 корабля. Во время сражения погиб командующий английским флотом вице-адмирал Горацио Нельсон. Оно в значительной степени определило дальнейшие события XIX в. После него какая-либо конкуренция с Британией на море была признана невозможной — сначала

Император Шарль Луи Наполеон III Бонапарт. Худ. Франц Ксавьер Винтерхальтер (Franz Xaver Winterhalter), 1852 г. Музей Наполеона. Париж.

Их не устраивала перспектива крейсерской войны, считавшейся в то время «последним средством для более слабого в море». ²³³ Отнюдь, изначально смотря на русский флот как на слабого противника, еще и терявшего инициативу, союзники, особенно англичане, стремились решить вопрос войны единственно возможным

Наполеоном, а затем — и другими государями, политиками и их государствами. «Юнион Джек» стал полновластным господином океанов, британский флот утвердился в своей роли «деревянных стен» Британии и стал своеобразным фетишем для европейских правительств, гарантировавшим безопасность островной торговой империи и обладающим возможностями для нанесения чувствительных ударов по континентальным государствам Европы. Наряду с битвой при Ватерлоо Трафальгар стал знаковым событием, завершившим длительный англо-французский конфликт, который получил название Второй столетней войны. (Сухоруков А.В. Трафальгарское сражение: 200 лет//Новая и новейшая история, №5, 2005 г. <http://vivovoco.rsl.ru>).

Фосс М., Морская война/библиография// Военный сборник №4, 1906 г., СПб., с.236.

способом — атакой русского побережья с последующим занятием ключевых морских крепостей и приморских городов, имеющих стратегическое значение. Часть из них планировалось занимать гарнизонами, а часть — разрушать. Главное, что придавало союзникам уверенность — их полное господство на море. Забегая вперед, скажем, что так они действовали (или пытались действовать) не только на Черном море, но и на Балтике, в Белом море и у берегов Камчатки. Дело в том, что именно в таких войнах Великобритания успешнее всего демонстрировала потенциальную возможность прямого континентального вмешательства маленькой армии, действующей в союзе с доминирующим флотом.²³⁴

Это было правильным решением. Для достижения военной победы, тем более не предполагая вторжения в глубь территории, нельзя ограничивать действия против России исключительно атаками с моря. Им противостоял не тот противник, которого подобная тактика могла заставить капитулировать. Мировой военный опыт показывал, что война с нашим народом — дело рискованное. Русские, традиционно входя в раж военной кампании, особенно если та затягивалась, начинали крушить все, и самое страшное для европейцев, что не считая тонны собственной крови, они с удовольствием топили в крови и противников. Это было для утонченных европейцев неприятно. «Войны в кружевах» в Крыму не предвиделось. А русского кровавого куража им не хотелось.

В то же время, если они желали победить, а этого они очень хотели, то требовалось продолжение, развитие морской операции, перенос ее с моря на сушу. Теория Клаузевица требовала именно такого алгоритма действий. Но это было то, на что решиться было не так просто.

Нельзя сказать, что решение о действиях на континентальной территории Российской империи однозначно воспринималось в Лондоне, Париже, в действующей армии и на военно-морском флоте. Военное командование имело свою точку зрения и свое мнение, не всегда аналогичные государственно-политическому руководству. Тотальная война не планировалась однозначно. Союзники планировали максимально использовать возможность достижения изоляции района военных действий, что было (и оказалось) достижимым благодаря протяженности и сложности русских наземных коммуникаций, а также стратегической ситуации поставленной на карту территории.²³⁵

Британский опыт показывал, что война ограниченным контингентом достигает максимального успеха, когда ближе всего подходит к настоящей ограниченной войне. Так было на Пиренейском полуострове и так будет в Крыму, где целью войны было отвоевать у противника определенный участок территории, который в большей или меньшей степени может быть изолирован действиями военно-морского флота. Эффективность такой войны на деле зависит от слаженности, с которой будут действовать флот и сухопутные силы, чтобы дать контингенту силу и мобильность.²³⁶

Любая война, чтобы быть успешной, требует единства взглядов и действий как ее инициаторов, так и исполнителей. Но и тут все было не так, как хотелось. Английские историки Крымской войны утверждают, что лорд Раглан лично не одобрял высадку, считая ее запоздалой и опасной в столь позднее время года. Аналогично рассуждал и один из наиболее влиятельных лидеров союзных войск — командир английской Легкой дивизии генерал Джордж Браун. Независимый от армейского военного

²³⁴ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.50.

²³⁵ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.47.

²³⁶ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.52.

командования адмирал Дандас открыто выражал свои опасения, что ни армия, ни флот неготовы к такой операции.²³⁷ Его точку зрения разделял адмирал Гамелен.²³⁸ Этот вообще не стеснялся периодически напоминать о своих симпатиях к России.

Как бы это было ни удивительно, но не слишком оптимистично был настроен и маршал Сент-Арно, назначенный императором Наполеоном III главнокомандующим французских экспедиционных сил. Он открыто заявлял Наполеону, что насколько тщательно была проведена дипломатическая и политическая подготовка войны, настолько безалаберно организована ее военная составляющая. Не располагая точными данными о необходимых силах и средствах, имея туманные цели, нельзя было даже думать о каком-либо стратегическом планировании операции.²³⁹

Даже родственник императора, командир 3-й дивизии дивизионный генерал Наполеон был категорическим противником операции против России на ее территории.

«Принц решительно отвергал возможность экспедиции. Преклоняясь перед властью императора, он, однако, позволил себе заметить, что Наполеон III не был в состоянии в Биаррице оценить все трудности предприятия. Огромное расстояние, отделявшее его от театра войны, не позволяло ему видеть вещи в настоящем свете. Как преемник имени Наполеона I он справедливо желал продолжить летопись военной славы Франции, начатую его дядей, но не следовало нынешнему императору французов начинать тем, чем тот закончил; ибо и сам маршал сознавался, что вторгаться в Россию означало предавать себя на произвол судьбы».²⁴⁰

Хотя голос скептиков был громким, но ястребы преобладали не только численно, но и давили влиятельностью. Безоговорочными сторонниками десантной операции были герцог Кембриджский (командир 1-й (Гвардейской) дивизии) и генерал Бургойн у англичан.

Первый, до сих пор не участвовавший ни в одной из военных кампаний, давно мечтал отправить «гвардию в огонь». Потом он пожалеет об этом, когда увидит кучи «нафаршированных русской картечью» тел английских солдат. Для него стало открытием, что война настолько отличается от парадов.

Второй втайне считал себя самым большим интеллектуалом английского штаба и убеждал всех, что действия против Севастополя отвлекут значительные силы русских – и Турция вместе с союзниками сможет без проблем поддерживать горцев Кавказа, решая свои другие задачи в Черном море. По его мнению, русская армия, хотя и многочисленная, но уже, как и вся экономика России, не соответствовала времени.²⁴¹ У моряков самым воинственным был французский адмирал Брюа. Позицию Дандаса осуждали, критиковали, его самого едва не обвиняли в трусости. Гамелена вообще никто не желал слушать.

Самое время задать вопрос: если есть проблемы с решительностью высших военно-морских и сухопутных командиров, то планировалась ли вообще сухопутная операция против России? Может быть, десант в Крым – это инициатива отдельных самоуверенных союзных адмиралов и генералов? Или это просто затянувшаяся наступательная операция? Очевидно, что планировалась. И первое сухопутное сражение Крымской кампании, которым стала Альма, имело свое место в этих планах. Вот об этом мы сейчас и начнем размышлять.

237 From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 101.

238 Jean Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome I, Paris, 1858, p. 204.

239 Camille Rousset, Histoire de la guerre de Crimée, Paris, 1878, p. 86.

240 Крымская экспедиция. Рассказ очевидца французского генерала. СПб., 1855 г., с. 45.

241 The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne, Bart, G.C.B. London, 1859, p. 175.

РУКОВОДЯЩИЕ ИСПОЛНИТЕЛИ

В этой книге мы не будем подробно говорить о русских военачальниках. С ними у нас будет еще возможность детально познакомимся в следующей, посвященной непосредственно сражению. Наши главные действующие лица пока другие. А потому давайте внимательнее посмотрим на тех, кто привел врага на землю Российской империи, кратко познакомимся с ними и, может быть, постараемся понять. В конце концов, среди них было немало интересных людей, некоторые даже заслуживают определенного уважения.

Маршал Леруа де Сент-Арно, главнокомандующий французского военного контингента. Вся его предыдущая жизнь настолько интересна и так насыщена приключениями, что заслуживает отдельного повествования. Сент-Арно — «...относительно молодой, блестящий африканский ветеран, прославившийся завоеванием Малой Кабилии и сыгравший выдающуюся роль в декабрьском государственном перевороте; это был весьма деятельный генерал, способный из-за честолюбия и стремления к славе вести кампанию смело и решительно и отличавшийся в то же время крайним прямодушием, что давало ему возможность поддерживать хорошие отношения со своим английским коллегой».²⁴²

До войны занимал пост военного министра Франции, которую получил не столько по своим военным дарованиям, сколько за участие в перевороте 2 декабря 1851 г.²⁴³ В начале Восточной кампании получил полномочия почти одновременно с английским главнокомандующим. Но в отличие от коллеги, который был просто завален указаниями и инструкциями, Наполеон III не столь ограничивал мелочной опекой своего военачальника, дав ему больше самостоятельности в принятии решений.²⁴⁴ Сент-Арно был благодарен императору за доверие и при каждом удобном случае уверял, что победа рядом: «...прибыв к Севастополю, командующий французской армией... один из виднейших деятелей декабрьского государственного переворота рассчитывал: через 10 дней ключи от Севастополя будут в руках императора... теперь империя утверждена, и здесь ее крестины».²⁴⁵

Среди высших командиров английской армии и государственного руководства Великобритании отношение к Сент-Арно установилось, скорее, отрицательное. Энтони Стирлинг, подполковник Шотландской бригады, не оптимистичен в своем мнении о французском главнокомандующем, считая его человеком хитрым и расчетливым, без особых моральных принципов: «когда Наполеон замыслил государственный переворот, он увидел в этом возможность стать командующим армией».²⁴⁶

Принц Альберт, супруг королевы Виктории, в своем письме к брату принцу Эрнсту Кобургскому писал: «Кто нас крайне озабочивает, так это маршал Сент-Арно, проходивший до мозга костей, находящийся в руках некоего Т...».²⁴⁷

Подполковник Лайсонс, 23-й Уэльский фузилерный полк: «...несчастно выглядывший маленький человек, с высоким лбом и маленькими глазами».²⁴⁸

²⁴² Эрнест Лависс, Альфред Рамбо, История XIX в. Том. 7 (сеть Интернет).

²⁴³ Государственный переворот 2 декабря 1851 г. обеспечил диктаторскую власть Луи Бонапарту (будущему Наполеону III), тогда еще президенту Французской республики, провозгласив его императором.

²⁴⁴ John Auye, C. B., Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 20–21.

²⁴⁵ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с. 31–32.

²⁴⁶ Anthony Coningham Sterling, Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856, London, 1857, p. 36.

²⁴⁷ Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг. // Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.

²⁴⁸ Sir Daniel Lysons, general, G. C. B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 26–27.

Мнение русских не сильно отличалось от впечатления, производимого Сент-Арно на англичан: «...временщик, достигший высших почестей и власти с помощью самых рискованных предприятий...».²⁴⁹

Зато рядовые и младшие офицеры французского контингента обожали своего маршала: он был прекрасным организатором, имел высокий уровень популярности в армии и большой вес при дворе. Маршал платил солдатам той же монетой, прощал маленькие «шалости» в виде пары сожженных деревень и сотни-другой перебитых или ограбленных мирных жителей. Он верил им, они доверяли ему — и англичане могли лишь завидовать столь преданным отношениям между начальником и подчиненными. У них лишь редкие командиры (командир Шотландской бригады генерал Колин Кемпбелл, например) могли похвастаться таким.

Но, к сожалению для французоз, ему не удалось реализовать свои лучшие качества в России. Уже в апреле маршал хотя и утверждал при встрече с маршалом Каstellаном, что совершенно здоров, был «...очень худ, сгорблен, глаза тусклые, и я полагаю, что он с трудом перенесет утомления кампании».²⁵⁰

Генерал-лейтенант Фицрой Джеймс Генри Сомерсет лорд Раглан, главнокомандующий британского военного контингента. Лорду Раглану было в то время шестьдесят шесть лет. В начале века он служил в штабе герцога Веллингтона, назначившего в 1809 г. его начальником своей военной канцелярии. Ветеран португальской и испанской войн, он потерял руку после ранения в битве при Ватерлоо. 6 августа 1815 г. российский император Александр I пожаловал ему орден Св. Георгия 4-й степени.

Несколько медлительный, холодный, резкий и подозрительный, он ревниво относился к своей власти, желая самостоятельности в своих действиях, но явно преувеличивая свои возможности. После войны с Наполеоном лорд никогда и ничем не командовал, хотя и обнаружив прекрасные данные штабного работника. Сорок лет, имея прекрасный теоретический потенциал, Раглан не имел возможности практического его применения. Его отличали несомненные дипломатические способности, ум и храбрость. Учтивый, вежливый, тактичный — это отмечали все, кому пришлось с ним общаться лично.²⁵¹ В мировую лингвистику вошел один из его любимых афоризмов: «Культура — это приблизительно все то, что делаем мы и чего не делают обезьяны». Он так и не сумел подавить в себе отношение к союзникам по коалиции как к противникам. Всех раздражала привычка английского главнокомандующего говорить «французы», подразумевая при этом русских вообще или неприятеля, в частности.

Во время Крымской войны его талант администратора так и не смог раскрыться, а маленький опыт командования усложнил жизнь британским солдатам и офицерам в Крыму. Он не был великим полководцем, но был вполне честным человеком, тяжело переживавшим последствия своих ошибок в ведении войны.

Генерал Эдуард де Мартенпре, начальник штаба французского военного контингента. Начальник штаба и первый помощник маршала Сент-Арно. Человек, не испытывавший недостатка ни в знаниях, ни в твердом характере. Отличался прекрасными качествами администратора. В то же время страдал отсутствием инициативы и нежеланием брать ответственность на себя. Из-за этого принес больше вреда,

²⁴⁹ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова// Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с. 176.

²⁵⁰ Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.

²⁵¹ General sir Edward Hamley K.C., The War in The Crimea London, 1891, p.33.

Фельдмаршал Фитцрой Сомерсет лорд Раглан. Главнокомандующий английскими войсками. Фото Р. Фентона. 1855 г.

чем пользы. Некоторые исследователи кампании в Крыму считают, что именно на Мартенпре лежит личная ответственность за то, что после успеха на Альме русские войска не были преследуемы, в результате чего союзники едва не потеряли стратегическую инициативу.²⁵² Действительно, Сент-Арно после сражения уже был не в состоянии командовать армией, а боявшийся ответственности начальник штаба оказался неспособен быстро переключить командование на себя. Постоянно надоедал маршалу докладами о самых мелочных и незначительных проблемах. Французские участники Крымской войны склонны считать, что армия страдала от него. Постоянно

²⁵² Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов, Том 3, СПб., 1876 г., с.244.

окружал себя интригами. В конце концов, погряз в финансовых злоупотреблениях, в том числе при обеспечении подготовки войск к отправке в Крым. В военной истории Франции оставил не самый лучший след. Хотя и провел всю кампанию в Крыму, не смог оказать сколь-нибудь существенного влияния на ее ход, оставаясь более статистом, нежели двигателем событий.

Союзный флот представляли вице-адмиралы Дандас, Гамелен и Брюа, контр-адмирал Лайонс, а также чины штабов.²⁵³

Вице-адмирал Дандас, командующий английской эскадрой. Перед тем как принять командование на Средиземноморье в 1852 г., несколько лет был первым морским лордом, отличаясь уравновешенностью и выдержкой. Чрезвычайно самолюбивый и гордый, Дандас не мог спокойно относиться к чему-либо, что затрагивало его честь. В свое время одно неосторожно сделанное кем-то из коллег заявление, будто Средиземноморский флот при Дандасе слишком много времени проводил на якорных стоянках, привело к дуэли. Спасли расстояние и друзья. В кампанию 1854 г. испытал несколько открытых проявлений неуважения со стороны военно-морского руководства Великобритании. Первым скандалом в этом ряду стал эпизод с заходом союзного флота в Черное море в январе 1854 г. С дипломатической точки зрения операция была очень деликатной, так как Британия и Франция еще не находились в состоянии войны с Россией (ее объявление произошло тремя месяцами позже). Адмиралы Дандас и Гамелен были против операции, хотя и не из-за дипломатических соображений: по их мнению, парусные корабли не были готовы к плаванию по Черному морю зимой. Так или иначе приказ был отдан — и плохое состояние кораблей по возвращении из трехнедельного крейсерства показало справедливость адмиральских опасений. Дандас в раздражении написал британскому послу в Константинополе (несшему ответственность за начало этой операции), что если бы Николай I мог лично выбрать время для посылки союзного флота в Черное море, то несомненно выбрал бы именно январь.

Он прекрасно знал, что второй по старшинству офицер его флота контр-адмирал Лайонс был назначен для того, чтобы привнести в ведомую Дандасом войну немного огня и откровенно подсиживал его. Не слишком в восторге от адмирала были в Лондоне. Адмиралтейство было раздражено, в частности, невероятной медлительностью адмирала в организации блокады русских черноморских портов. Еще больше недовольства вызвало его нерасположение к проекту экспедиции против Севастополя. Дандас не разделял традиционного для британских флагманов чрезмерного оптимизма относительно высадки армии на вражеский берег. «Полюбуйтесь, — говорил он заместителю Гамелена, адмиралу Брюа, — на этих солдат, воображающих нас способными отправиться куда им заблагорассудится — в Крым! Нонсенс!». Многие офицеры флота считали его не достаточно храбрым. Можно считать, хотя Дандас и был достойным офицером, ему не хватало энергии и вдохновения.

Объяснить невысокие достижения Дандаса можно несколькими причинами. Например, здоровье Дандаса было не в порядке: в августе 1854 г. в письме секретарю Адмиралтейства Берналу Осборну он упоминал, что может передвигаться лишь благодаря хлороформу и скальпелю. В свои 68 лет он уже не вполне соответствовал

²⁵³ Von Tavernier, De la conduite de la guerre d'Orient, expédition de Crimée: memoire adressé au gouvernement de S. M. l'empereur Napoléon III, Un officier general, Veröfentlicht von A. Bluff, Bruxelles, 1855, p. 18.

предъявляемым войной требованиям, особенно жестким в бурных и опасных морях, где им пришлось действовать.²⁵⁴

Вице-адмирал (к началу войны — контр-адмирал) Эдмунд Лайонс, заместитель командующего английской эскадры. Вице-адмирал Эдмунд Лайонс, будучи образованным человеком, сочетал в себе качества прекрасного офицера и способного дипломата. Хотя в ближайшей перспективе никакие способности не смогли помочь ему добиться славы в Крымской войне. С десяти с половиной лет поступил на флот волонтером 1-го класса, начал службу на Средиземном море на яхте «Ройал Шарлот», был переведен на фрегат «Мэйдстоун», затем на фрегат «Эктив». Гардемарином участвовал в экспедиции сэра Джона Дакуорта в Дарданеллы. В 1807 г. семнадцатилетнего юношу назначили на 68-пушечный корабль «Монмют», который отправлялся в Ост-Индию. Эдмунд прослужил там 7 лет на различных судах, исполняя должность лейтенанта, получив этот чин в 1809 г. За время, проведенное в Ост-Индии, Лайонс приобрел репутацию хорошего храброго морского офицера, обратив на себя внимание командования отвагой и распорядительностью.

В 1835–1839 гг. Лайонс состоял помощником посла при афинском дворе, после чего был назначен английским посланником в Швейцарскую республику, затем до ноября 1853 г. — в Стокгольм.

Характер и природные качества флотоводца развились под влиянием морских войн времен Республики и Империи, однако он избегал односторонности и всегда, когда появлялось время на берегу, старался заниматься собственным образованием. Опыт дипломатической службы сыграл свою роль в деятельности адмирала, особенно в условиях Крымской войны.

Когда война стала неизбежна, Лайонса произвели в контр-адмиралы и назначили помощником начальника эскадры Средиземного моря. Когда союзные флоты вступили на Черное море, Лайонс наряду с французским адмиралом Брюа был сторонником высадки в Крыму, тогда как главнокомандующий Дандас считал, что плохой грунт и отсутствие воды делают экспедицию невозможной.

Деятельность союзников на Черном море все же отличалась в лучшую сторону, хотя бы внешне, от неудач на Балтике под Кронштадтом, Выборгом и Свеаборгом. Так как лучших кандидатов не было, на щит подняли сэра Лайонса. В 1856 г. его возвели в звание пэра. Одержал гораздо больше побед в кабинетной борьбе с Дандасом, нежели на море.

Вице-адмирал Фредерик Гамелен, командующий французской эскадрой. По воспоминаниям Базанкура, Гамелен — прирожденный моряк: хладнокровный, грубый, энергичный, влюбленный в море и свою службу. Чрезвычайно ответственный за порученное ему дело.²⁵⁵ В период Крымской кампании его отношения с британским коллегой вице-адмиралом Дандасом были сложными и колебались от открытой неприязни до скрытой ненависти.

Имел идеальную для моряка карьеру. Начал службу на флоте юнгой на фрегате «Венус» и прошел полный последовательный путь до звания вице-адмирала. Фанатично

²⁵⁴ Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).

²⁵⁵ César Lecat Bazancourt, The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 174.

Командующий французской эскадрой адмирал Фердинанд Альфонс Гамелен.

верный императору, он был им же и предан. В 60-х годах, пойдя навстречу либералам, Наполеон III уволил его со службы.

Контр-адмирал Буа-Вильомез. Начальник штаба французской эскадры. Считался лучшим старшим командиром французского военно-морского флота. По мнению многих – самый грамотный адмирал французского флота периода Крымской войны.

«Сын Александра Буэ, мэра Ламбезеллека. Он изменил свою фамилию в 1844 году, когда был усыновлен старым моряком, графом Вилломезом. Луи-Эдуар, граф Буа-Вилломез, был, наверное, самым влиятельным французским морским офицером своего времени. У него хватало недоброжелателей – один из которых, Эрнест Су-

вилль, полагал его «сотрясателем воздуха, невоздержанным в речах шарлатаном» и называл его «бретонцем, который был не бретонцем, а гасконцем». Но Буэ-Вилломез пристально следил за меняющимися морское дело новинками и мог опереться на занимавших высокие посты друзей – в первую очередь Шаслу-Лоба. Английские офицеры девятнадцатого века были готовы терпеть его еще меньше, чем Сувилль; вряд ли хоть кто-то мог счесть его идеалом английского «офицера и джентльмена». Например, он гораздо более открыто, чем даже Лайонс, проводил параллели между собой и Нельсоном. Впрочем, в этом Буэ-Вилломез не обязательно был так уж неправ: в конце концов, Нельсон с его нескрываемым тщеславием, крайней чувствительностью и склонностью к нетрадиционным действиям также едва ли был типичным представителем хоть офицерского корпуса Royal Navy, хоть британской нации. Но известность пришла к Нельсону в годы войны – когда традиционные условности уходят на второй план. Карьера же Буэ-Вилломеза пришлась на мирное время».²⁵⁶

Полковник Монтодон говорил об адмирале, что был «...весьма счастлив знакомству с морским офицером, уже известным своими достоинствами и военной подготовкой».²⁵⁷

Этому адмиралу принадлежат все разработки планов французского военно-морского и армейского командования, вплоть до высадки в Крыму.

Об остальных действующих лицах грядущего вторжения мы будем говорить по ходу повествования.

Ситуационное корректирование

Сейчас несколько слов не о самой операции. Она у нас еще впереди. Давайте посмотрим, как союзники пытались вписаться в ситуацию, развернуть положение вещей в свою пользу. А так, как на этом этапе они еще не обладали инициативой и действовали в основном по ситуации, мы и будем говорить о ситуационном корректировании.

Как известно, очень редко все тщательно планируемое идет точно по намеченному пути. Так произошло и с планами союзного командования весной–летом 1854 г. Начавшаяся подготовка к кампании в Крыму диктовала необходимость быстрых действий. По ряду причин пришлось провести экстренное перепланирование стратегии дальнейших боевых действия на востоке.

Считается, что изначально поводом для перехода от полтитических угроз к непосредственным военным действиям стало сражение при Синопе. Казалось бы, планировавшееся для принуждения к миру турок, оно разбудило французов и англичан. О его значении, роли и последствиях споры не утихают и сегодня.

Современные ведущие российские военно-морские теоретики считают, что предшествовавшее событиям Синопское сражение не принесло никаких выгод России. Давайте послушаем их мнение о предшествовавших экспедиции событиях и их реальном значении.

«Синопское сражение никаких стратегических успехов не принесло. Наоборот, оно усложнило взаимоотношения России со странами Европы и ускорило вступление в войну на стороне Турции, Англии и Франции. Хотя существуют и другие мнения. Например, в монографии «История военной стратегии России», изданной под

²⁵⁶ Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_cj/index.html).

²⁵⁷ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка, подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9, Симферополь, 2005 г., с. 62–97.

редакцией начальника Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации генерал-майора В.А. Золотарёва, отмечается: «Русский флот под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова блокировал турецкий флот в северных портах и в Синопском морском сражении уничтожил турецкую эскадру Осман-паши. Эта победа имела стратегическое значение. Она сорвала замысел коалиционного командования по высадке крупного десанта на Кавказе».

Такая оценка не соответствует действительности, хотя и повторяется в большей части публикаций. В момент проведения Синопского сражения никакой коалиции еще не было, а значит, не могло быть и совместного решения на высадку войск. Синопское сражение произошло 18 ноября 1853 г., а английская и французская эскадры вошли в Черное море только 23 декабря. При этом они успешно осуществили проводку турецких судов, перевозивших войска на Кавказский фронт (в Батум). Только 5 марта 1854 г. Англия и Франция объявили войну России. Некоторые исследователи утверждают, что благодаря Синопской победе из Севастополя на Кавказ на кораблях и судах Черноморского флота успешно была переброшена крупная группировка русских сухопутных войск. Это тоже выдумка. Из Севастополя в Сухум-кале 13-ю пехотную дивизию перебросили еще до начала военных действий. 13 сентября 1853 г. П.С. Нахимов получил задание на перевозку войск, а 17 сентября эскадра в составе 12 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 корветов, 7 пароходов и 11 транспортов, приняв 16 393 человека, 824 лошади, 2 батареи и другие грузы, вышла из Севастополя. Турция объявила войну России 22 сентября 1853 г., а военные действия начались 11 октября. 20 октября 1853 г. Россия объявила войну Турции».²⁵⁸

Синопская победа разозлила союзников, особенно британцев. «Воинственный задор англичан обнаружился тут с особенною силой, потому что национальное тщеславие этих современных венецианцев ничем так не раздражается, как морскими битвами. Синопский бой ...можно считать поворотным пунктом в политике, сделавшим войну неизбежною».²⁵⁹

Маршал Кастеллан²⁶⁰ приводит мнение европейских дипломатов, что поражение турок пори Синопе «...обратило внимание государственных людей Запада на размеры арсенала русского флота на Черном море».²⁶¹

Решение об экспедиции было принято на высочайшем уровне и согласовано одновременно и в Париже, и в Лондоне. Стамбул, естественно, никто из европейцев спрашивать о согласии или несогласии не собирался. «Несмотря на то, что Дандас был решительно против непосредственных действий против Крыма и Севастополя, предложение генералов одобрили в Лондоне и Париже. Шестого июля был получен приказ об экспедиции в Крым. Наполеон нуждался в военных успехах, а общественное мнение Англии для своего успокоения требовало русского поражения. Целью союзников был захват неожиданным нападением военного порта и русского флота, что и должно было послужить основанием для дальнейших предприятий».²⁶²

²⁵⁸ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с.95–96.

²⁵⁹ В виду Крымской войны. Заметки дипломата при Петербургском и Лондонском дворах 1852–1855 // Русская Старина, Том 54, СПб., 1887 г., с.400.

²⁶⁰ Esprit Виктор Элизабет де Кастеллан Бонифаций, маркиз де Кастеллан (1788–1862 гг.) В январе 1852 г. он был назначен сенатором, а в декабре того же года получил достоинство маршала Империи. Его дневник «Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.» были опубликованы в журнале «Русская Старина» (1898 г.).

²⁶¹ Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 376.

²⁶² Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486.

3 января 1854 г. союзные флоты вошли в Черное море и подошли к Синопу, где обломки эскадры Осман-паши были еще видны на отмелях. В Синопе соединились две дивизии. Первая (контр-адмирал сэр Эдмунд Лайонс): винтовой «Агамемнон» (флагман, под командованием Томаса Мэтью Чарльза Симондса), «Санс Парейл» (командир Сидни Колпойс Дакрс) и два пароходо-фрегата. Вторая (контр-адмирал де Лебарье Тинан), конвоировавшая на побережье Малой Азии несколько турецких пароходов с погруженными на них войсками и снаряжением для гарнизонов в Трапезунде, Батуме и форте Св. Николая. После соединения в Синопе основные силы союзников вернулись к Босфору, оставив в Черном море для демонстрации флагов только пароходы. Продолжать держать в это беспокойное время года в бурном Черном море парусные корабли, по общему мнению Дандаса и Гамеленна, было неразумно и рискованно. Позже, когда Греция выказала желание тоже вмешаться в спор между Россией и Портой, контр-адмирал де Лебарье Тинан принял на себя командование в Архипелаге.²⁶³

Больше года шли боевые действия на Дунае, где туркам не удавалось отбиться от русской армии. После отказа России по требованию Великобритании и Франции вывести свои войска из княжеств стало понятно, что войны избежать не удастся.

22 февраля 1854 г. Наполеон III предлагает министрам готовить к отправке на восток армию в составе двух дивизий пехоты и кавалерийской бригады (34 700 чел. и 8 260 лошадей) артиллерией.

11 марта формируется экспедиционный корпус под командованием маршала Франции Леруа де Сент-Арно, прекратившего выполнять функции военного министра. В дело включается военно-морской флот. Предполагается, что средиземноморская эскадра блокирует русский флот, а океанская возьмет на себя задачу перебороски войск на восток. Одновременно начинается работа по планированию операции, созданию баз снабжения и мест базирования экспедиционных сил. К этому привлекаются в первую очередь те, кому придется исполнять намеченные планы. Маршал Каstellан вспоминал: «13 марта у меня обедали дивизионные генералы Канробер, адъютант императора Боске и бригадный Эспинас, назначенные начальниками дивизий и бригады, отправляемых на восток. Они уезжают с небольшими частями войска ранее армии, для выбора пункта высадки; в нем же будут устроены все склады, так что пункт этот будет служить базисом военных действий».²⁶⁴

«15 марта назначенный для участия в экспедиции резерв реорганизуется в 3-ю дивизию «Армии Востока».²⁶⁵

19 марта первые три судна выходят из Марселя, имея на борту генералов Канробера и Боске, а также 65 офицеров и 926 солдат и сержантов. Император Франции планирует увеличить экспедиционный корпус до 70 000 чел. Казалось бы, что может быть проще, чем назначить для экспедиции большее число дивизий, обеспечив, естественно, их всем нужным для маленькой победоносной войны. Но не всё так просто. Одной из первых всплывает проблема недостаточности подъёмных возможностей флота. Выход находится быстро — заключается соглашение между военным министерством и военным флотом, по которому:

1. Флот берет на себя обязанности по переброске войск (пехоты, артиллерии и кавалерии).

²⁶³ <http://www.pdavis.nl/ShowBiog.php?id=30>

²⁶⁴ Выдержки из журнала маршала Каstellлана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг. // Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.

²⁶⁵ «Армия Востока» — одно из названий французского экспедиционного корпуса, направляемого для участия в Восточной войне.

2. Военное министерство нанимает транспортные корабли для транспортировки подразделений обеспечения (саперы, тыловые службы, жандармерия, административный аппарат, оставшиеся подразделения артиллерии, гужевого транспорта, медицинские службы, осадные части и т. д.).

Так как правительство платит судовладельцам вполне щедро — недостатка в порте нет. В течение марта первые корабли входят в порты Марсель, Тулон и становятся под погрузку. Одновременно корабли готовятся забрать необходимое дополнительное число войск из Алжира. В портах Оран, Буже и Филлипвиль готовятся к погрузке три полка (11 900 чел. и 962 лошади).

15 марта пунктом высадки французских войск назначен Галлиполи. К этому времени ситуация в регионе становится не в пользу турок. Кажется, еще немного — и русские начнут окончательно доминировать на театре военных действия. Но европейская помощь приходит вовремя.

24 марта союзный флот прошел Босфор и 26 марта подошел к Балчику на болгарском побережье с целью оказать поддержку отступающим турецким войскам. Эскалация грядущей войны нарастает и становится непрерывной.

31 марта адмирал Брюа выходит из Тулона, имея на борту кораблей 5 401 чел., которые высаживаются в Галлиполи 16 апреля. 4 апреля линейный корабль «Сюффрен» выходит из Тулона и 25 апреля высаживает 1 150 чел. в Галлиполи.

Принц Наполеон прибывает туда с опозданием 25 апреля, имея 1 190 чел. Со 2 по 6 апреля восемь фрегатов, шесть корветов и четыре авизо из Франции и Алжира доставляют еще 10 129 чел., 395 лошадей, большое количество имущества.

25 апреля в Тулоне начинается погрузка 4-я пехотная дивизия (9 170 чел., 180 лошадей). Таким образом, главные силы были в полной мере включены в события.

С этого времени все сомнения, даже у тех, кто до этого колебался, раздумывал или проявлял нерешительность, пропали. Решение о начале военных действий на море, с последующим переносом их на сушу, с воодушевлением принимается союзными командующими. После этого начался период интенсивной подготовки кампании в Крыму.²⁶⁶

Хотя с самого начала Крым не был главной целью войны, а лишь одним из возможных вариантов развития событий. Изначально командование союзников надеялось, что после демонстрации силы у болгарского берега русские испугаются и отстанут от несчастных турок. Не получилось.

События развивались по нарастающей. Только слепой мог не видеть, что в воздухе пахнет большой европейской войной. Ожидания оправдались совсем скоро. 12 апреля 1854 г. маршал Сент-Арно получил секретную инструкцию Наполеона III, в которой ему предлагалось соединиться с английской армией генерала лорда Раглана в районе побережья Мраморного моря, после чего принять один из предлагаемых планов.

1. Начать встречное движение против русских через Балканы.

2. Захватить Крым.

3. Высадиться в Одессе или в другом прибрежном городе Российской империи.

В первом случае важное место отводилось Болгарии. Из нее должно было начаться наступление против русских. Естественно, при этом варианте никакой десант в Крым не предусматривался.

Полуостров фигурировал во втором варианте, который требовал быстроты действий, пока русские не успели укрепить Севастополь с суши. Предлагалось обратиться

²⁶⁶ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с. 174.

пристальное внимание на Балаклаву как близкий к крепости порт, который мог быть обращен в базу. Но тут были свои минусы. Только одной пехоты и артиллерии было мало. В этом случае необходимо было ждать, когда из Франции поступит как минимум половина необходимого осадного парка.

Третий резервный вариант мог быть рассмотрен только в случае, если не будет утвержден первый или второй.²⁶⁷ В этом случае могла быть предпринята масштабная, но скоротечная набеговая акция. Условия географические и геополитические не давали портовым городам Черноморского побережья России того значения, которое имели Крым и Севастополь.

В выборе свою роль сыграло ухудшение положения Черноморского флота, Севастополя и Крыма. Тому причиной послужил ультиматум Австрии от 21 июля 1854 г. с требованием вывести войска из Дунайских княжеств. Это был неприятный сюрприз от бывших заклятых друзей, которые совсем недавно умоляли Россию о помощи в борьбе с венгерской революцией 1849 г. В результате «...на Дунае наша армия очистила княжества, не померявшись с союзниками, которые несмотря на то понесли страшный урон от холеры и климатических свойств страны...».²⁶⁸

Это усугубило ситуацию для России, но одновременно убедило союзников в реальности успеха действий против Севастопольской крепости, этого форпоста Российской империи на юге: «...выступление русских войск из княжеств... имело последствием высадку англо-французов в Крыму».²⁶⁹

Таким образом, если мы говорим о планировании высадки в Крыму, то решение об этом было принято только летом 1854 г. До этого союзники не имели четко продуманного варианта действий. Крымскую кампанию подготовила англо-французская дипломатия, умело разыграв австрийскую карту.

Но не будем спешить. Еще не лето. Пока только начало 1854 г. Никто в Лондоне и Париже не думал о плохом, считая, что кампания завершится, как только союзные войска появятся в Причерноморье. Но уже звучит и другое мнение, его приписывают мужу английской королевы принцу Альберту, якобы ранее Наполеона III настаивавшему на нападении на Севастополь.²⁷⁰

Как и во Франции, в Англии гремели полковые марши. Батальоны покидали гарнизоны и двигались к портам, где их ждали транспорты. Обстановка была максимально помпезной. Все ждали победы. Улицы английских городов наводняли толпы зевак, провожающихдвигающиеся к портам батальоны, назначенные для отправки на восток. Ушагавших в строю вопли этой публики вызывали большей частью раздражение. Гвардия оставляла Лондон под напутствия шепелявых патрициев высшего общества, крики городских обывателей. Столица «...свистела, вопила и визжала в агрессивном энтузиазме: «Покажите ваш пыл, мальчики, привезите нам медведя в клетке!»».²⁷¹

Но медведь еще не был даже ранен и делить его шкуру было рано...

²⁶⁷ Adee, John, Sir, A review of the Crimean War to the winter of 1854-5, London, 1860, p. 14–15.

²⁶⁸ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов, Том 2, СПб., 1876 г., с. 244.

²⁶⁹ Поливанов А. Устройство продовольствия русских войск на Придунайском театре в кампанию 1853–1856 гг.//Военный сборник, №4, СПб, 1894 г., с. 241.

²⁷⁰ Выдержки из журнала маршала Кастеллана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 376.

²⁷¹ Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, n. 3.

ЦЕЛЬ — СЕВАСТОПОЛЬ

«Не думаю, чтобы и высадка вблизи Севастополя была опасна...».

Император Николай I — князю А.С. Меншикову, 10 февраля 1854 г.

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КРЫМ

Все, о чем мы говорили до этого — скучно. Но без этого тоже нельзя: это стратегия, которая определяет конечную цель операции. Когда было ясно, что без экспедиции в Крым не обойтись, стало понятно, что она достаточно проста: высадиться в России и разрушить Севастополь, лишив Черноморский флот базы, обрекая его на гибель. Мы впервые называем это географическое название, за которым уже через несколько месяцев будут стоять кровь, грязь и пропитанный смертью воздух, которому суждено было быть главным предметом неприятельских действий во время Восточной войны.²⁷² А теперь, чтобы не слишком утомлять читателя, опустимся уровнем ниже — поговорим об оперативной составляющей грядущей акции.

Изначально союзными войсками планировалась операция, вошедшая в последующем в теорию военного искусства под названием «смешанная морская экспедиция». В этом случае «...сухопутные войска, для того чтобы достичь театра военных действий, должны предварительно совершить морской переезд, который производится под охраной флота, имеющего целью способствовать вместе с тем выполнению той же задачи, которая поставлена и конвоируемым сухопутным войскам».²⁷³ Позднее военная история узнала не одну подобную операцию, но в середине XIX в. это было во многом новое начинание, не похожее на привычные колониальные операции.

Одно то, что на далеком крымском берегу английских и французских солдат ждали не копья и стрелы дикарей, а металл ядер орудий казематированных береговых батарей, заставляло думать о тщательной подготовке при детальном планировании. Любое упущение, любая ошибка могли стать роковыми и привести к катастрофе.²⁷⁴

Сколько бы мы ни говорили об ошибках союзного командования, нужно отдать ему должное. Умышленно или ситуативно, но оно двигалось правильным путем (если, конечно, любой путь, ведущий к войне, можно назвать правильным).

²⁷² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.9.

²⁷³ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.23.

²⁷⁴ Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome I, Paris, 1858, p. 205.

Мы говорили, что стратегически союзники переиграли русское командование. Причин тут немало, но одна на поверхности, хотя о ней именно многие предпочитают стыдливо помалкивать. Конечно, обидно, но первые лица Российской империи, главные действующие лица военной и военно-морской политики Николай I и А.С. Меншиков стратегически думать не умели. Для Меншикова это вообще была проблема, от которой ему не удалось избавиться на протяжении всей Крымской войны.

Благоприятствовала союзникам и военно-политическая обстановка, сложившаяся после проникновения военно-морских сил Англии и Франции через Босфор в акваторию Черного моря. Отныне она была не в пользу России, предопределив поражение русской армии (8)20 сентября 1854 г.

Каким бы ни был характер войны, ограниченным или неограниченным, постоянное или временное господство на море является условием окончательного успеха. Единственный способ обеспечить это господство военно-морскими средствами — достичь решения посредством сражения с флотом противника. Рано или поздно это должно быть сделано, и чем раньше, тем лучше.²⁷⁵ Предвидя это, союзники начали наращивать морскую мощь.

Появление в регионе эскадр союзников, состоявших из невиданного доселе количества паровых линейных кораблей, сразу девальвировало боевую мощь преимущественно парусного флота Российской империи, незадолго до этого одержавшего блестящую²⁷⁶ победу над турецкой эскадрой при Синопе. Отныне, по словам Э.И. Тотлебена, морские силы России «...не в состоянии были соперничать с могущественным соединенным флотом двух первоклассных морских держав. Поэтому русский флот по необходимости должен был укрыться под защиту севастопольских... укреплений».²⁷⁷

СОСТАВ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЭСКАДРЫ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ:

Английская эскадра.

Парусно-винтовые линейные корабли (2): «Agamemnon» (91/600 л. с.);²⁷⁸ «Sans-Pareil» (70/350 л. с.).

Парусные линейные корабли (8): «Britannia» (120), «Trafalgar» (120), «Queen» (116), «Albion» (91), «London», «Rodney» (по 90), «Vengeance» (84), «Bellerophon» (80).

Парусно-винтовой фрегат (1): «Highflyer» (21/250 л. с.).

Парусные фрегаты (2): «Arethusa», «Leander» (по 50).

Пароходо-фрегаты (12): «Retribution» (28/400 л. с.), «Sidon» (21/560 л. с.), «Terrible» (21/800 л. с.), «Furious», «Tiger» (по 16/400 л. с.), «Shearwater» (8/160 л. с.), «Cyclops» (6/320 л. с.), «Firebrand» (6/410 л.с.), «Fury», «Vesuvius» (по 6/160 л. с.), «Inflexible» (6/378 л.с.), «Sampson» (6/ 460 л. с.).

Парусно-винтовые корветы (2): «Niger» (14/400 л. с.), «Wasp» (6/100 л. с.).

Парусные корветы (3): «Diamond» (28), «Modeste» (18), «Frolic» (16).

²⁷⁵ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX веков. Пер. с англ. М., 2009 г., с.137.

²⁷⁶ «Этот блестящий успех русского оружия вызвал чрезвычайно резкую реакцию западных держав» (Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486).

²⁷⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.20.

²⁷⁸ Количество пушек и мощность паровой машины.

Вооружённые колёсные пароходы (6): «Ardent» (5/200 л. с.), «Spitfire» (5/140 л. с.), «Antelope» (3/264 л. с.), «Triton» (3/260 л. с.), «Banshee», «Caradoc» (2/350 л. с.).
Вооружённый парусный транспорт (1): «Apollo» (8).

Французская эскадра.

Парусно-винтовой линейный корабль (1): «Charlemagne» (80/450 л. с.).
Парусные линейные корабли (8): «Friedland», «Valmy», «Ville de Paris» (по 114), «Henri IV» (100), «Iena» (82), «Bayard», «Jupiter» (по 80), «Marengo» (70).
Пароходо-фрегаты (7): «Descartes», «Vauban» (по 20/540 л. с.), «Gomer» (16/450 л. с.), «Cacique», «Magellan», «Sane» (14/450 л. с.), «Mogador» (8/650 л. с.).
Парусно-винтовой корвет (1): «Caton» (4/260 л. с.).
Парусный корвет (1): «Serieuse» (30).
Вооружённые колёсные пароходы (4): «Promethee» (4/200 л. с.), «Heron», «Mouette» (по 2/200 л. с.), «Salamandre» (2/120 л. с.).
Парусные бригаи (4): «Beaumanoir», «Mercure», «Olivier» (по 20), «Cerf» (10).

Итого:

Линейные корабли — 19 (в т.ч. 3 парусно-винтовых);²⁷⁹ фрегаты — 3 (в т.ч. 1 парусно-винтовой); пароходо-фрегаты (колёсные) — 19;²⁸⁰ корветы — 7 (в т.ч. 3 парусно-винтовых); вооружённые колёсные пароходы — 10; парусные бригаи — 4; вооружённый парусный транспорт — 1.

Превосходство союзного флота, количественное и качественное, сомнению не подлежит. И мы не будем пытаться это оспаривать. России противостояли две сильнейшие морские державы середины XIX века.

Но и не будем отрицать другое. Численное соотношение сил в Черном море не было глобально подавляющим для союзников: 19 линейных кораблей против 14 русских (весной 1854 г.) для Черноморского флота — дело отнюдь не безнадежное. Правда, у союзников 3 парусно-винтовых линейных корабля. Но мощность паровых машин «Charlemagne» и «Sans-Pareil» не впечатляет.

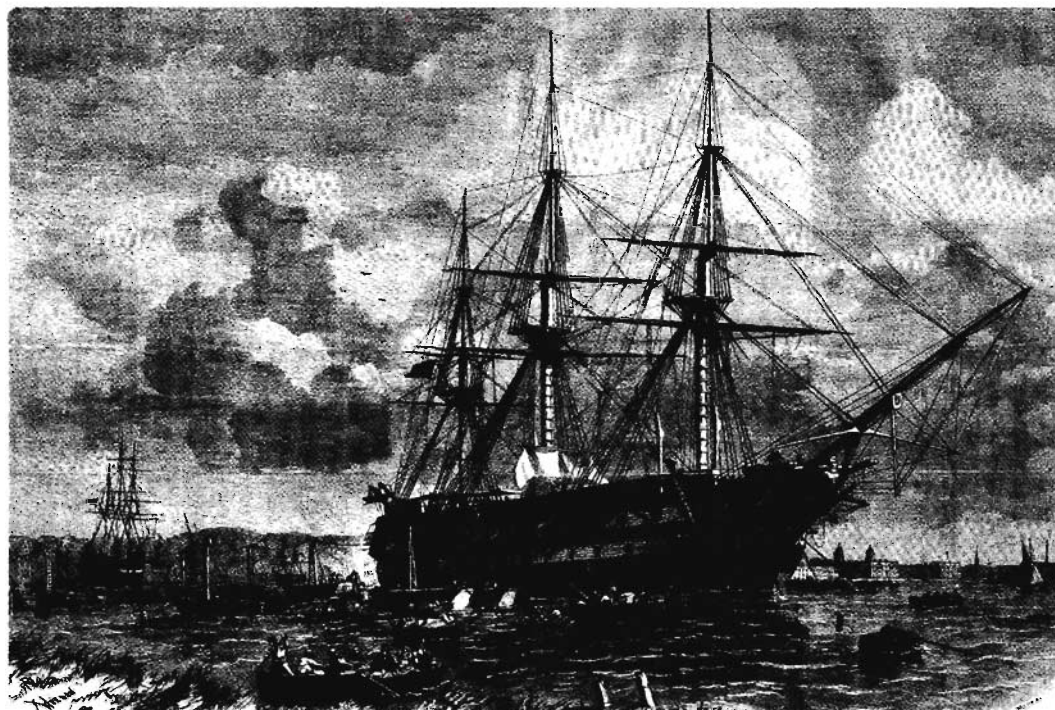
Кстати, само по себе требование равенства сил в войне глупо. Я думаю, в мировой военной истории трудно найти хотя бы одно военно-морское сражение с полным равенством противников. Скорее, наоборот, можно найти примеры, когда меньшинство, но умело руководимое, громило большинство с медлительным или пассивным управлением. Численное превосходство если не имеют, то создают. В том числе и концентрацией сил в нужном месте и в нужное время.

Если Черноморский флот России был монолитным объединением под пусть не самым лучшим, но единым командованием, то союзные флоты при самой их большой

²⁷⁹ Винтовые пароходы — наиболее мощные и современные военные корабли. Лишенные громоздких кожухов и колес, с машинами, упрятыми под ватерлинией, винтовые корабли были гораздо менее уязвимы для вражеского огня. Установке на них многочисленной артиллерии ничто не мешало, переход во время дальних плаваний от хода под парами к ходу под парусами был относительно прост, характеристики же винтового парохода как парусника ненамного отличались от таковых у чисто парусного корабля.

²⁸⁰ Колёсные пароходы имели еще один недостаток. Кожухи, да и сами гребные колеса были легкоуязвимы для вражеских пушек, то же касалось и машин, которые из-за высокого положения колес выступали над ватерлинией. Учитывая все это, а также малые дальность плавания и огневую мощь, вряд ли можно было считать колёсные пароходы настоящими военными кораблями. В 1840-х годах морские специалисты и Британии, и Франции считали корабли этого типа полезными в качестве разведчиков, посыльных судов и буксиров, признавая, однако, что в этом с ними никто не может сравниться. Единственными же кораблями противника, с которыми колёсным пароходам можно было иметь дело, были или торговцы, или такие же колёсные пароходы.

Английский линейный корабль «Агамемнон». Флагманский корабль командующего британским флотом в Черном море адмирала сэра Эдмунда Лайонса. 1854 г.

«любви» друг к другу все-таки были разными. И их командиры всегда видели рядом с собой не только союзников, но и соперников в борьбе за мировое военно-морское господство. В этом нет ничего удивительного. В рамках начавшегося между союзниками по антирусской коалиции соревнования, когда Франция едва не перехватила у Англии ее исторически сложившийся титул владычицы морей, французские военные моряки почувствовали себя лидерами в этой гонке и упускать лидерство не хотели.

«В 1850-х и 60-х годах... французский флот получал от правительства – вернее, императора – поддержку, исключительную для французской истории. Именно в этих условиях он и продемонстрировал способность бросить серьезный вызов и даже опередить своего старого соперника».²⁸¹

Гамильтон не одинок в своей оценке. В 1921 г. британский военно-морской исследователь, инженер Королевского флота Фредерик Лесли Робертсон признавал, что в период, предшествовавший Крымской войне, французский флот в техническом отношении превосходил английский.²⁸²

Немного о бесконечном. Споры о том, мог ли русский флот противостоять неприятельскому флоту, начавшись сразу после окончания Крымской войны, не утихают и по сегодняшний день. Они начинаются с момента беспрепятственного допуска противника через проливы, идут через первые удачные блокирования русского флота в Севастополе и заканчиваются его затоплением (по сути – самоубийством).

²⁸¹ Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870, Oxford: Clarendon Press, 1993 (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).

²⁸² Frederick Leslie Robertson, The evolution of naval armament. London: Constable & Co. 1921, p.244–245.

До 1917 г. в России, рассматривая события прошедшей Крымской войны, критически трезво оценивали действия Черноморского флота, не позволявшие ему в полной мере успешно противодействовать объединенному флоту союзных европейских держав.

«...В 1854 г. мы не в состоянии были продолжить нашу операционную линию на Босфор и здесь сосредоточить оборону наших берегов, не допуская союзный флот в Черное море. Мы не могли это сделать вследствие технической отсталости нашего флота, вследствие неимения паровых боевых судов. Но при этом оказалось, что мы не в состоянии оборонять наши берега, что и весьма понятно, ибо гораздо более труднее оборонять береговую линию в несколько сот миль, чем одну стратегическую точку — вход в Черное море. Как известно, свободно проникший в Черное море неприятель беспрепятственно произвел высадку на берегу Крыма».²⁸³

И тогда, и сейчас основная масса исследователей склонна смотреть на проблему с точки зрения не столько численного, сколько технического превосходства неприятельского флота. Оно, в первую очередь, определялось наличием в союзных эскадрах большого количества кораблей и судов парового флота. Признавая, что в своей массе это были фрегаты, не всегда достаточно сильно вооруженные, исследователи склоняются к мнению, что их подвижность и независимость от направления ветра решали многое: «Последний облегчил перевозку десанта, сократив время перехода и уменьшив зависимость его от состояния погоды».²⁸⁴

Оценивая же российский военный флот, те же самые исследователи считают, что в отличие от европейских флотов российский «...не был современным. Парусные деревянные корабли не могли соперничать с паровыми судами».²⁸⁵

Позволю лишь прокомментировать это с точки зрения человека сухопутного. На мой взгляд, техническое отставание — это только одна сторона медали. С этим как-нибудь можно было справиться. Тому примеры есть. Ведь смог же американский адмирал Д. Фаррагут,²⁸⁶ имея только парусные деревянные корабли, разгромить броненосный флот южан.²⁸⁷ История Черноморского флота имела факты, когда парусно-фрегат и колесные пароходы не были способны эффективно сражаться с крупными парусными артиллерийскими кораблями. Еще не был забыт бой у Пицунды фрегата «Флора»,²⁸⁸ под командованием Скоробогатова, с тремя турецкими пароходами под командованием Мушавер-паши (он же Адольфус Слэйд).

²⁸³ Римский-Корсаков М. Зачем России нужен флот?//Военно-Морская идея России. Духовное наследие императорского флота. //Российский военный сборник, М., 1999 г., с.126-127.

²⁸⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.25.

²⁸⁵ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с.97.

²⁸⁶ Фаррагут (Farragut) Дейвид Глазго (1801–1870 гг.), американский адмирал (1866 г.). На флоте с 1812 г., участвовал в войнах с Великобританией (1812–1814 гг.) и Мексикой (1846–1848 гг.). Во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) стал на сторону северян, командовал эскадрой на р. Миссисипи. Был сторонником решительных и маневренных действий флота. Эскадра под командованием Фаррагута заставила капитулировать ряд фортов противника. В апреле 1862 г. она одержала победу над флотилией конфедератов, чем помогла армии северян занять Новый Орлеан и др. порты. В 1863 г. флотилия Фаррагута очистила от южан низовья Миссисипи, дойдя до крепости Викабург. В июле того же года она поддерживала войска северян при овладении этой крепостью, а затем Порт-Хадсоном. В августе 1864 г. флотилия одержала победу в заливе Мобил (шт. Алабама): прорвавшись в бухту, она уничтожила стоявшие там корабли и захватила последнюю гавань конфедератов. Фаррагут наряду с генералом У. Грантом был одним из самых популярных героев войны. С 1866 г. командовал флотом США.

²⁸⁷ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с.101.

²⁸⁸ В ночь на 9.11.1853 г. парусный фрегат «Флора», крейсировавший вдоль Кавказского побережья, в 12-ти милях от Пицунды был атакован тремя турецкими пароходами (6 10-дюймовых, 12 36-фунтовых, 44 18-фунтовых орудия, экипажа всего 900 человек). Фрегат «Флора» (44 24-фунтовых орудия; экипаж 359 человек), находясь в крайне невыгодном положении, уклонился под ветер и открыл продольный огонь левым бортом. Не выдержав прицельного огня русских, турецкие пароходы отошли, а экипаж «Флоры», воспользовавшись передышкой, сумел заделать полученную пробоину. Через 10 мин. турецкие пароходы вновь сблизились с фрегатом. Повторив прежний маневр, «Флора» в течение получаса

Увы, Фаррагутов у нас не оказалось. К сожалению, русское военно-морское командование откровенно дарило инициативу противнику. Английский писатель Гилберт Кит Честертон высказал парадоксальную мысль, что в каждой победе кроется залог поражения. Удивительно, но блестяще разгромив турецкий флот в Синопе, черноморские адмиралы даже не думали ни о каком сопротивлении английскому и французскому флотам, тем более что соотношение сил свидетельствовало о том, что без борьбы отдавать инициативу противнику не следовало.²⁸⁹

Таким образом, мы подходим к главному: управление и стратегический уровень готовности русского флота к действиям не соответствовали времени. События лета-осени 1854 г. наглядно демонстрировали, что многие мировые военные доктрины по мере установления господства пара над парусами безнадежно устарели и настоятельно требовали коренного пересмотра. Это признавалось апологетами русской военной мысли второй половины XIX века.

«Борьба отживающего парусного флота с нарождающимся паровым была невозможна — и союзники, господствуя на море, совершенно не боялись за безопасность своих сообщений во все время продолжительной осады Севастополя.

Без сомнения, если бы пар в нашем флоте имел такое же широкое применение, какое он имел у противников, то влияние враждебных флотов было бы сильно оспариваемо, и смело можно сказать, что Восточная война несмотря на силу наших врагов не закончилась бы падением Севастополя и торжеством врага».²⁹⁰

Опасность для Российской империи лежала в самом стратегическом планировании морской войны. А точнее — в его отсутствии.

Проблемами морской стратегии занимались чины сформированного в 1831 г. Морского штаба, вскоре переименованного в Главный морской штаб. Однако вопросами оперативно-стратегического управления флотом этот орган вплоть до 1903 года занимался формально.

В первой половине XIX в. сооружению и укреплению приморских крепостей в России уделяли серьезное внимание. Получили развитие такие крепости, как Кронштадт, Севастополь, Выборг и Ивангород. Однако техническая отсталость России не позволила создать крепости, которые могли бы выдержать атаки с суши и моря вооруженных сил европейских стран. Флот российский тоже не был современным...

В связи с этим накануне Крымской войны на всех морях флот имел сугубо оборонительные планы, в которых предполагалось для обороны приморских крепостей использовать корабельный состав (то есть превратить корабли в плавучие батареи). Например, из трех дивизий Балтийского флота две прикрывали Кронштадт и одна — Свеаборг. Образовался комитет по составлению частных инструкций комендантам крепостей, но он со своей задачей не справился: не смог даже собрать достоверные сведения о состоянии крепостей. Например, в Петербурге считали, что в Кинбурне находится более 250 орудий, на самом деле их было менее 25.

вела интенсивный огонь. И вновь турки вынуждены были отступить. Неравный бой длился 4 часа. В 6.30, обнаружив под берегом русскую шхуну «Дротик», 2 турецких парохода устремились за легкой добычей. Фрегат «Флора», оказавшись один на один с турецким флагманским кораблем, нанес ему столь жестокий урон, что пароходы были вынуждены вернуться на помощь своему флагману.

²⁸⁹ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с.101.

²⁹⁰ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.39.

Французская карикатура на императора Николая I. 1854 г.

О разработанном еще адмиралом М.П. Лазаревым плане, согласно которому предусматривалось в начале войны в районе Босфора внезапно высадить десант²⁹¹ в составе более 6 000 человек при 32 полевых орудиях, видимо, забыли».²⁹²

И последнее. Техническое превосходство ничто, если даже при наличии хорошего стратегического планирования нет мотивации к достижению успеха. А потому необходимо было учитывать и моральный фактор. Как ни прискорбно, но на первом этапе война стала невероятно популярной во Франции и особенно в Англии, где все общество горело желанием наказать русских за разгромленный турецкий флот.²⁹³ Все средства массовой информации были заполнены карикатурами, на которых Россия изображалась в разных, часто оскорбительных лицах, но исключительно как мировой злодей. Среди русского народа столь ярко выраженного единого патриотического порыва не наблюдалось.

²⁹¹ Затем решительными действиями высаженных на турецкое побережье войск планировали захватить оба берега Босфора, бомбардировать Константинополь и принудить турецкое правительство к капитуляции. При этом предусматривалось захватить оба берега Дарданелл и таким образом установить контроль за Черноморскими проливами.

²⁹² Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с.96–97.

²⁹³ Kingston W.H.G. Our Soldiers Gallant Deeds of the British Army during Victoria's Reign, London 2007, p. 138.

ПОЧЕМУ СЕВАСТОПОЛЬ?

Снова вернемся в союзные штабы, где, пока мы с вами рассуждали о стратегии и стратегической инициативе, полным ходом шло планирование операции. Удивленные быстрой потерей русскими господства в акватории Черного моря, английские и французские командиры искали возможность сохранения его не на короткий срок, а на все время экспедиции. Тем более, что ее продолжительность не была определена конкретными временными рамками: все зависело от хода военных действий. Конечно, учитывалась техническая отсталость России, у которой не было шансов уже по ходу кампании переломить ситуацию в свою пользу если не прервав сообщение неприятеля с базами в Турции и Болгарии, то хотя бы держа «...их коммуникационные линии под постоянными ударами».²⁹⁴ Но все свидетельствовало о том, что военное командование России свою стратегию морской войны строило от обороны.

И всё же союзники явно опасались Черноморского флота, считая его серьезным препятствием к высадке.²⁹⁵

А опасаться было чего. Русский флот всегда непредсказуем. Чтобы лишить Черноморский флот возможности эффективно наносить удары в акватории, необходимо было лишить его места базирования с развитой инфраструктурой. Уничтожение главной базы влекло за собой смертельный удар непосредственно по самому флоту — еще одной цели операции.²⁹⁶

Это предопределяло участь Севастополя,²⁹⁷ своим естественным географическим положением обеспечивавшего стратегический контроль за акваторией Черного и Азовского морей, одновременно прикрывая устья Дуная, днепровские и бугские лиманы, Одессу, Херсон и Николаев: «...Генуя, Севастополь, Торрес-Ведрас, Данциг получили, каждый по-своему, свой смысл из-за близости к морю».²⁹⁸

И хотя география и определяла место Севастополя в планируемой кампании, всё же главным аргументом, определившим его основной целью кампании, стала даже не геополитическая составляющая, а прежде всего отмечаемые многими исследователями стратегические выгоды расположения крепости.²⁹⁹

«Положение Севастополя, расположенного на южной оконечности выдвинутого в море Крымского полуострова, является как бы центральным для всего театра. (Расстояние от Севастополя до Одессы — 160 миль, до устья Дуная — 179, до Батума — 280). В силу этого Черноморский флот, базируясь на Севастополь, получал командующее положение над всеми путями между восточными и западными портами, точка пересечения которых лежит недалеко к югу от него... Соседние с Севастополем бухты Крымского побережья имеют важное тактическое значение в отношении обороны района».³⁰⁰

«В смысле господства на Черном море положение Севастополя крайне выгодно: он находится в середине, напротив Босфора, может прикрывать устья Дуная, лиман Днепра и Буга, Одессу и лежит недалеко от входа в Азовское море. С другой стороны,

²⁹⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.40–41.

²⁹⁵ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г., с.100.

²⁹⁶ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотаМастер, №2, М., 1999 г., с.7.

²⁹⁷ Harris, Stephen M British military intelligence in the Crimean War 1854–1856 Kent 1998, p.45.

²⁹⁸ Елчанинов А. Крепость в войнах Наполеона и новейшего времени. Ч.2//Военный Сборник, №9, СПб., 1905 г., с.112.

²⁹⁹ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 гг. Сочинение М.И.Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.124.

³⁰⁰ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море, М.-Л., 1926 г., с.18–19.

положение его как военного порта опасно вследствие изолированности со стороны суши: Перекопский перешеек легко перекрыть, также легко прервать сообщение с востока через Керчь. Через мелкое Азовское море к северо-восточному берегу полуострова с Дона могут проходить лишь небольшие суда, так что владеющий морем в известной степени контролирует уже и Крымский полуостров. Севастопольская бухта с маленькими заливами на южной стороне представляет прекрасный военный порт с удобными входами и обширными якорными стоянками для большого флота. Владеть Севастополем — значит, владеть Крымом и господствовать над Черным морем».³⁰¹

Что ж, по-другому и не могло быть. Рожденный в эпоху бурного военного строительства, порт и приморская крепость Севастополь был обречен стать центральным пунктом грядущей кампании, хотя изначально события, предопределившие его судьбу, начинались совсем в другом месте.

Значит, если союзники решались на действия против России на ее территории, то уничтожение Севастопольской крепости становилось ее непременным условием. И тому подтверждений множество. В письме от 29 июня 1854 г. премьер-министр Великобритании Джордж Гамильтон-Гордон³⁰² обращает внимание английского главнокомандующего на то, что любые военные усилия в регионе не будут иметь смысла, если Севастополь не будет взят, а его укрепления — разрушены.³⁰³

Но были причины, делавшие нападение на крепость с моря рискованным предприятием. По мнению лорда Томаса Брассея,³⁰⁴ в самом начале конфликта, еще до начала открытия боевых действий, Наполеон III предполагал, что любые попытки атаковать Кронштадт или Севастополь небронированными кораблями обречены на провал, так как из-за малых глубин и неизученной гидрографии тяжелые корабли будут вынуждены держаться на большом расстоянии от берега. Еще одним объектом атаки союзными силами и последующей высадки там могла стать Одесса, но уже вскоре эта идея была отброшена англо-французским командованием как бесперспективная.³⁰⁵ Город не имел такого значения на Черном море, как Севастополь. Об этом мы уже говорили, и потому повторяться не будем.

Для англичан и французов Севастополь был наиболее уязвим вследствие его изолированности и возможности прервать сообщение с остальной частью империи, перекрыв Перекопский перешеек и заняв Керчь. (Так поступил в 1941–1942 гг. командующий 11-й армией фашистской Германии фельдмаршал Эрих Манштейн, проводя и планируя операцию по захвату Крыма с учетом опыта Крымской кампании союзников).³⁰⁶ В условиях создавшейся ситуации крепость имела больше недостатков, чем выгод. И дело было даже не в отсутствии оборонительных сооружений на сухопутном участке.

Создававшаяся для базирования флота, Севастопольская крепость не должна была быть настолько выдвинутой вперед, как это могло быть в случае сухопутной войны. Пока Черноморский флот не имел реальных равных ему по силе противников, не было никакой нужды заботиться о ее укреплении с суши. Никто не мог даже предположить, что в 1854 г. ситуация настолько радикально изменится. Недаром Штенцель

³⁰¹ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с. 485–486.

³⁰² Джордж Гамильтон-Гордон, 4-й граф Абердин (George Hamilton-Gordon, 4th Earl of Aberdeen, 1774–1860 гг.) английский политический деятель, 34-й премьер-министр Великобритании (1852–1855 гг.).

³⁰³ John Aye, C.B., Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854-5, London, 1860, p. 21

³⁰⁴ Томас Брассей (Brassey, 1837–1887 гг.) — английский экономист и политик, признанный авторитет во всех вопросах, касающихся железных дорог и морского дела.

³⁰⁵ A Review Crimean War, to the Winter of 1854-5. Lieut.-Colonel John Ad Ye, C.B. London, 1860. p. 173–175.

³⁰⁶ Манштейн. Э. Утерянные победы, М., 2002 г., с. 225.

считал, что в сочетании с отсутствием господства на море крепость превращалась в совершенно неудобную для защиты: «...Примером таких крайне невыгодных для флота баз могут служить Севастополь, Шербур и Порт-Артур».³⁰⁷ Естественно, что это понимали противники России, делая ставку на слабость крепости перед одновременной комбинированной атакой с суши и с моря.

Н. Дубровин отмечал, что «...как приморский город и порт Севастополь прежде всего мог ожидать нападения с моря, и потому естественно, что все внимание было обращено на береговую его защиту. Что же касается оцепления города непрерывным рядом укреплений с сухопутной стороны, то меру эту считали излишней роскошью, так как в укреплениях такого рода могла встретиться необходимость, но в том лишь случае, если бы неприятель решился предпринять высадку, притом в значительных размерах. Такое событие считалось в то время маловероятным, допускали возможность высадки только небольших десантов с целью угрожать тылу береговых укреплений, когда флот атакует со стороны моря. Высадку же целой армии, которая могла бы действовать самостоятельно на сухом пути, считали делом почти несбыточным».³⁰⁸

В общем, как всегда: самое сложное для России — быть к чему-нибудь постоянно готовой.

Риску еще раз предположить, что существовавшая тогда военная доктрина по обороне побережья империи с опорой на морские крепости создавалась с искусственно заложенной в нее ошибкой. Ее роковой характер наглядно проявился в Крыму в ходе начала кампании 1854–1856 гг. Создается ощущение, что союзники действовали именно так, как это отрицала русская военная теория, разработанная, кстати, лучшими военными умами империи, о преимущественно оборонительной концепции, про которую мы уже говорили.

Неприятельские командирующие выбрали самый трудный вариант смешанной морской экспедиции, причисляемый Колумбом в «Морской войне» к имеющим малейшие шансы на успех, а не карательную экспедицию с целью разорения и опустошения³⁰⁹ по принципу «ударил — отошел». Они планировали атаку и захват морской крепости Севастополь. То есть, вернемся к началу, ту самую «ограниченную войну».

Для союзников взятие Севастополя было главной целью еще и потому, что они считали успешный результат такой операции закатом российского господства в Черном море и доминирования в регионе.³¹⁰ Британское высшее правительственное и военное руководство было уверено, что уничтожение Севастополя как крепости и базы военно-морского флота не даст отныне возможности русской армии предпринимать какие-либо наступательные действия против Турции, о чем постоянно информировало командование экспедиционных сил.³¹¹

Нельзя сказать, что военное руководство Российской империи, при всей его стратегической близорукости, было столь наивным, что не предполагало возможности такого развития ситуации на юге. Скажем так: оно было действительно близоруким, но не слепым.

«В 1853 году одному из наших лучших боевых генералов Лидерсу было поручено представить свои соображения относительно способов обороны побережья Черно-

³⁰⁷ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486.

³⁰⁸ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.124–125.

³⁰⁹ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.39–40.

³¹⁰ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859. p.3–5.

³¹¹ Edward Bruce Hamley, The War in the Crimea, London, 1891, p.26–27.

го моря от устья Дуная до г. Керчи. Лидерс полагал, что десант в Крыму может быть сделан только на южном берегу и притом в составе не более 20 или 30 тыс. человек. По его мнению, Евпатория не представляла никаких удобств для высадки: «вокруг нее, говорил он, одни только степи, татарских селений очень мало, и хотя евпаторийский рейд довольно хорош, но представляет то неудобство, что судам невозможно наливать пресною водой».³¹²

Генерал-адъютант Лидерс оказался прозорливым стратегом. Дальнейшие события показали, что в своей записке, приложенной к рапорту князю Горчакову от 10 августа 1853 г., он ошибался только в определении места высадки, хотя и не верил в успех таковой, даже если она случится у Евпатории.

«...Движение неприятеля к Севастополю будет крайне неудобно, потому что главные наши силы, навалившись из Симферополя, наперерез пути, поставят союзников в большое затруднение».³¹³

Что касается защиты от нападения самой Евпатории, то, по мнению Лидерса, она «...не может служить опорным пунктом для действий, и потому город может быть охраняем сотнею казаков».³¹⁴

Но эти ошибки — только полбеда. Они вполне были поправимы, если бы к мнению Лидерса прислушались. Атака на Севастополь с моря действительно исключалась. Англичане помнили высказывание адмирала Нельсона: «моряк, атакующий на корабле форт — просто дурак...». Оппоненты могут привести пример удачной атаки крепости с моря: штурм адмиралом Ушаковым Корфу.³¹⁵ Но это сравнение некорректно: укрепления Корфу и Севастополя — разные вещи. Да и артиллерия у французов в Корфу была явно слабее русской в Севастополе.

С другой стороны, именно благодаря самим англичанам появился военно-морской термин — «копенгагирование», т.е. внезапное уничтожение неприятеля внезапным ударом в его же базе, как это сделал Нельсон в Копенгагене в 1801 г.³¹⁶ Но и здесь сравнение было явно не в пользу датчан. Продуманность береговых батарей Севастопольской бухты не давала прорвавшемуся на внутренний рейд неприятелю больших шансов выйти оттуда живым.

Другое дело нападение на Севастополь с суши. Но в это не хотел верить никто. Лидерс считал, что для отражения этой попытки будет вполне достаточно имеющихся сил, а именно: «...резервная бригада в самом Севастополе, а на северной стороне один полк пехоты с полевой батареей при содействии морского ведомства, кажется, достаточно охранит бы Севастополь».³¹⁷

Общий тон государственной переписки 1853–1854 гг. — самоуспокоение. Оно шло по инстанции сверху вниз. В столице если и понимали опасность, нависшую над Кры-

³¹² Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.125.

³¹³ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.125.

³¹⁴ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.125.

³¹⁵ Штурм крепости Корфу (начался 18 февраля 1799 г.). Объединенной русско-турецкой эскадрой под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова проведен штурм французских укреплений на о. Корфу в Ионическом море. В результате штурма гарнизон (3,7 тыс. чел., 650 орудий) капитулировал. Захвачены 1 линейный корабль, 1 фрегат, 2.931 пленный и 636 орудий. Под протекторатом России и Турции образована Республика Семи Островов. Россия приобрела на Средиземном море надежную базу. Узнав о победе при Корфу, Суворов воскликнул: «Ура! Русскому флоту! Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу хотя бы мичманом!».

³¹⁶ Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август–октябрь 1914 года). М., 2009 г., с.71.

³¹⁷ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.125.

мом и Севастополем, то не оценивали ее как чрезвычайную. Император Николай I не опасался высадки союзников в Крыму и убеждал в этом Меншикова: «Не думаю, чтобы и высадка вблизи Севастополя была опасна...», писал он 10 февраля 1854 г.³¹⁸

Князь Паскевич, позднее, к концу Крымской войны поумневший и беспощадно громивший князя Горчакова за катастрофу на Черной речке, 23 апреля 1854 г. не только сам не верил в успех подобной операции, но и убеждал в этом князя Меншикова: «Наконец, когда объяснилось, что против нас не одни турки, но с ними англичане и французы, надобно ожидать, что вы прежде всех встретитесь с ними на море или в Крыму. Англичане, верно, более всего грызут зубы на наш Черноморский флот, но вы не дадите его в обиду, а десанты, теперь, когда подойдет к вам бригада 17-й дивизии, едва ли вам что сделают серьезное».³¹⁹

Мы не будем подробно останавливаться на подробностях административной толчеи по поводу того, строить или не строить сухопутные укрепления города, начавшейся в 1837 г. и продолжавшейся вплоть до высадки союзников в сентябре 1854 г. Обидно, что все это происходило в то время, когда союзное командование едва ли не открыто готовило кампанию в Крыму. В феврале 1854 г. о ее планировании было известно не только военному командованию союзников.

Лорд Раглан недаром ненавидел прессу вообще и журналистов, в частности, открыто называя их шпионами в своем лагере.³²⁰ Лондонскую «Таймс» называли лучшим союзником Горчакова. Конечно, источниками были не только информация из газет, которая уже по определению может быть сомнительной, но и донесения, поступавшие от посланников по линии Министерства иностранных дел. Кроме того, русские располагали внушительной агентурной сетью в Болгарии и Румынии. Некоторые из агентов продолжали шпионскую деятельность до войны 1877–1878 гг. К таким относился некий Княжевский — «...старик, бывший лазутчиком русской армии на Дунае в 1853–1854 годах».³²¹

Благодаря их рискованной работе, в 1850 г. штаб Черноморского флота получил подробные сведения о состоянии турецких военно-морских сил: количество парусных кораблей и пароходов, численность личного состава, расходы на флот, размеры жалования офицерам, прерогативы власти Капудан-паши, расположение укрепленных районов (фортов, крепостей, батарей) на европейском и азиатском берегах и многое другое.³²²

Мы много говорили о новшествах Крымской войны в военной истории России. Добавим еще одно: поражение заставило государственный аппарат перестать жалеть деньги на военную разведку, она получила четкую структуру. В течение XIX столетия общее руководство разведывательной службой постепенно переходило из рук армейского командования в генерал-квартирмейстерскую часть Военного министерства. Ко второй половине XIX в. окончательно сложилась структура русской агентурной разведки. Ее схематичное изображение чем-то напоминает осьминога. Во главе — мозговой центр в лице генерал-квартирмейстера. От него расходятся щупальца к штабам военных округов и военным агентам за рубежом, от которых, в свою очередь, тянутся нити тайной агентуры.

³¹⁸ Войны России с Турцией 1853–1854//Русская старина, Том XVI, СПб., 1876 г., с.361.

³¹⁹ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.125.

³²⁰ Anthony Coningham Sterling The story of the Highland Brigade in the Crimea: founded on letters written during the years 1854, 1855, and 1856, J. MacQueen, London, 1897, Preface.

³²¹ Из прошлого//Русская старина, Том 97, СПб., 1899 г., с.128.

³²² Требенщикова Г.А. Постскрипtum к Крымской войне (малоизвестные факты истории Черноморского флота)//Гангут, №23, СПб., 2000 г., с.78–79.

Расстрел русского шпиона. Рис. из Ward&Co. 1854 г.

Когда в середине XIX в. осложнилась политическая обстановка в Европе, русское военное ведомство вынуждено было активизировать разведку на западном направлении. Граф Чернышёв, ставший за эти годы военным министром, вспоминает свой опыт разведчика — и к дипломатическим миссиям, как и в 1810 г., прикрепляются офицеры Генерального штаба.³²³ С конца 50-х гг. ее функции стали выполнять офицеры флота, направлявшиеся за границу морскими агентами при посольствах, и проч.³²⁴

Что касается Крымской войны, то меньше всего претензий к русской разведке. Другое дело — реализация полученной информации. Но это уже другая история. Агенты работали добросовестно. Не случайно во второй половине столетия одной из наиболее ярких фигур среди русских шпионов был К.Н. Фаврикодоров, в прошлом участник обороны Севастополя и георгиевский кавалер. Рискуя жизнью, он совершил целый ряд блестящих рейдов по турецким тылам и доставил командованию большое количество ценных сведений. Разведчики типа Фаврикодорова, дейс-

³²³ Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны, М., 2005 г., с.211–213.

³²⁴ Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. М., 2002 г., с.491.

творававшие из патриотических побуждений, выгодно отличались от работавших из корысти «конфидентов», считавшихся агентами второго сорта.

Весной 1854 г. русская агентура докладывала о начале концентрации сил союзников в Турции, о выдвижении французских войск из центральной части страны к средиземноморским портам, о прохождении английских транспортов через Гибралтар и Мальту. Именно после этих донесений было решено усилить войска князя Меншикова, направив в Крым из Одессы и Николаева резервную бригаду 14-й пехотной дивизии, а бригаде 16-й пехотной дивизии приказано следовать в Крым на подводах.³²⁵

ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР..

Вот мы и добрались до отечественных персоналий, от которых во многом зависела судьба будущего сражения и которые являлись его непосредственными организаторами. Сейчас нам интересен только один из них. Остальных пока оставим в покое. На время...

Летом 1854 г. заложником ситуации стал генерал-адъютант князь Александр Сергеевич Меншиков, достаточно хороший аналитик, чтобы не понимать безрадостных перспектив развития ситуации.

Итак, русский главнокомандующий генерал-адмирал³²⁶ князь Александр Сергеевич Меншиков — главное действующего лица, скорее, даже один из режиссеров грандиозного спектакля, который вот-вот должен был начаться на огромной территории от Средиземного моря до Каспийского.

Правнук известного государственного военного деятеля эпохи Петра I генералиссимуса А.Д. Меншикова. Воспитание и образование он получил за границей. Свободно владел несколькими иностранными языками. В 1805 г., вернувшись в Россию, поступил на службу в коллегия иностранных дел. Четыре года спустя Александр Сергеевич начинает свою военную карьеру с подпоручика гвардейского артиллерийского батальона. Еще через год становится адъютантом главнокомандующего Молдавской армией. При взятии турецкой крепости Туртукай был ранен в ногу. За храбрость в боях при форсировании Дуная удостоился ордена Св. Владимира 4-й ст. В 1811 г. пожалован во флигель-адъютанты. Ему довелось участвовать почти во всех крупных сражениях войны с Наполеоном. За отвагу и боевое отличие его наградили орденом Св. Анны 2-й ст. и Золотой шпагой.³²⁷

По воспоминаниям современников, к 1854 г. это был «...человек престарелый, благообразный, высокого роста и отменно вежливый; на губах его играла та саркастическая улыбка, которой он обыкновенно сопровождал свои знаменитые остроты. Князь принадлежал к числу немногих людей, которые пользовались полным доверием императора Николая и осмеливались все высказывать ему. Делать это, конечно,

³²⁵ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И.Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.128.

³²⁶ Генерал-адмирал — высший военный чин и должность на флоте, введенный в Табели о рангах Петром I в 1722 г. Соответствует чину генерал-фельдмаршала в армии, а также гражданским чинам канцлера и действительного тайного советника I класса. Как должность существует с 1695 г. В отношении генерал-адъютанта А.С. Меншикова — это должность. В марте 1828 г. был учрежден Морской штаб, переименованный в 1831 г. в Главный морской штаб, начальником которого и стал А.С. Меншиков, по сути став командующим флотом Российской империи.

³²⁷ <http://www.kliiper2.ru>

нужно было осмотрительно и долю правды подслащать шуткою. В этом искусстве князь Меншиков не имел себе равных».³²⁸

Лучше других изучивший Меншикова князь Виктор Иларионович Васильчиков дал главнокомандующему подробную характеристику.

«Основная черта характера князя Меншикова состояла в полнейшем безотчетном недоверии ко всем окружающим его личностям. В каждом из своих подчиненных он видел недоброжелателя, подкапывающегося под его авторитет, и интригана или лихоимца, изыскивающего случая к обогащению за счет казны, прикрываясь предписанием или разрешением главнокомандующего. Под влиянием такого безотчетного опасения он не предпринимал своевременно необходимейших заготовлений провианта и не разрешал инженерам нужнейших работ по укреплению Севастополя с суши, предвидя, что эти офицеры напрасно истратят огромные суммы денег. Последствием такого прискорбного настроения было то, что он везде хотел распорядиться самолично и, лишивши себя всякой помощи со стороны подчиненных, остался без помощников, а сам, конечно, не был в состоянии исполнить все то, что требовалось обстоятельствами».³²⁹

Ну что ж, Васильчикова всегда отличало негативное отношение к князю и потому он в краткой характеристике уже «назначил» его главным виновником грядущего поражения. Но все-таки правда в словах Виктора Иларионовича есть, и немалая. Если человека не почитает ближайшее окружение, это уже не может способствовать нормальной работе. Не в восторге от Меншикова флот, но и в армии он не популярен.

«Моряки не хотели всерьез верить, что князь Меншиков — адмирал над всеми адмиралами; армейские военные не понимали, почему он генерал над всеми генералами; ни те, ни другие не могли главным образом взять в толк, почему он главнокомандующий. И напрасно его панегиристы старались впоследствии приписать его непопулярность чьим-то интригам и уж совсем неосновательно усматривали со стороны Меншикова какие-то старания заслужить любовь армии. Ни интриг не было, ни стараний не проявлялось».³³⁰

При всей честности князя коррупция при нем расцветала. Слабым местом главнокомандующего было отсутствие организованного штаба. Функции эти выполнялись отдельными лицами, часто непрофессиональными, но пользовавшимися относительным доверием князя. В результате о таких понятиях, как «анализ ситуации», «перспективное планирование», «расчет сил» и других, перед лицом вторжения неприятеля в Крым в этом сообществе не знали.

«При князе не было правильно организованного штаба. Хотя полковник Вуеш и носил титул начальника штаба, но самого штаба не существовало; дежурства устроено не было; генерал-квартирмейстерской части не имелось, а в опытных офицерах генерального штаба чувствовался совершенный недостаток. Неформальность такого положения вещей еще усугублялась личным характером князя...».³³¹

При всех его недостатках и всеобщей нелюбви в даре предвидения князю отказать трудно. И хотя в начале 1854 г. уже было уже не до острот и шуток, именно Меншиков, по мнению Н. Дубровина, действительно оказался самым дальновидным. В своем письме князю Горчакову от 30 июня 1854 г. будущий главнокомандующий, как

³²⁸ Записки гр. Фицума-фон-Экштедта в 1855 г.//Русская старина, Том.54. СПб., с.368.

³²⁹ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с.178.

³³⁰ Тарле Е.В. Крымская война, Т.1, М.-Л., 1944 г., с.232–233.

³³¹ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с.178.

и в остальных письмах июня и июля, настоятельно просил, требовал, умолял непрерывно письменно и словесно через посыльных о скорейшей отправке в Крым подкреплений.

«Я настаиваю в Петербурге, — говорил он пророчески, — на необходимости подкрепления, потому что если наши морские силы будут уничтожены, то в течение двадцати лет мы будем лишены всякого влияния на востоке, так как все доступы к нему, как морем, так и через княжества, будут для нас недостижимы».³³²

Князь первым оценил реальный смысл грозы, исходившей от вывода русских войск из княжеств и сворачивания там активных действий. У союзников оказались развязанными руки: не выиграв кампанию у турок на Дунае, Россия приобретала проблемы в Крыму. «Наступайте на Омер-пашу, вы его разобьете и этим оттянете время англо-французской экспедиции, что спасет Севастополь и Крым», — писал Меншиков М.Д. Горчакову в марте 1854 г.³³³

Но опасения Меншикова не находили понимания. Вышеупомянутый фельдмаршал князь Паскевич вообще считал, что главная угроза России исходила не от англичан или французов, а от австрийцев.³³⁴ Десанты в Крым и на Кавказ считал не более чем слухами.³³⁵ Такое же мнение бытовало и в военных кругах России: «Еще накануне высадки в Крыму большинство не допускало и мысли, чтобы неприятель осмелится ворваться в наши пределы; полагали, что все ограничится нападением с моря в том же роде, как это было сделано против Одессы, бомбардирование которой союзным флотом вызвало взрыв патриотических чувств и удвоило уверенность в наших силах».³³⁶

Меншиков 30 июня сообщал конфиденциально князю М.Д. Горчакову, предупреждая его о возможных последствиях того, что может произойти в Крыму в ближайшее время. Князь явно надеялся, что Горчаков сообщит ее государю.

«Весьма секретно. Любезный князь, из Петербурга, Варшавы и Вены меня извещают, что главные силы англо-французов направляются против Севастополя как главной цели войны, состоящей в намерении истребить здешнее адмиралтейство и уничтожить Черноморский флот».³³⁷

Но если бы только Меншиков предупреждал об опасности. Неутомимые русские агенты потоком шлют в столицу доклады о реальной угрозе военных действий на территории России. Все сводится к тому, что Крым имеет все предпосылки стать будущим главным театром военных действий на юге. Не помогло. Даже получив достоверную информацию из надежных источников о подготовке войск союзников к десантной операции, Николай I решил, что ее направлением станет Кавказское побережье. Перед все возраставшей угрозой нападения союзников на Севастополь из Крыма начинают выводить войска. В письме князю Меншикову от 1 августа 1854 г. вместо концентрации наличных сил император приказал их расплыть, отправив бригаду 17-й пехотной дивизии на Керченский полуостров, а находившиеся там чер-

³³² Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.134.

³³³ Зайончковский А. Переправа через Дунай в 1854 году//Военный сборник, №3, СПб., 1909 г., с.60.

³³⁴ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.134.

³³⁵ Зайончковский А. Переправа через Дунай в 1854 году//Военный сборник, №3, СПб., 1909 г., с.61.

³³⁶ За много лет. Воспоминания неизвестного (1854–1857 гг.) //Русская старина, Том. 84, СПб, 1894 г., с.44.

³³⁷ Оборона Севастополя. Письма князя А.С. Меншикова к кн. М.Д. Горчакову 1853–1855//Русская Старина, Том. XII, СПб., 1875 г., с.204.

номорские линейные и казачьи пешие батальоны с казачьей артиллерией переправить на Тамань.³³⁸

Не только агенты, но уже, кажется, вся Россия понимает что вот-вот случится нечто. Брат адмирала Истомина пишет ему 14 августа в Севастополь из Кронштадта:

«До сих пор Черноморский флот по истине отличался во всех своих делах и предприятиях; все ваши выходы крейсерства у Севастополя, стычки с разными врагами и даже с англичанами со всех сторон заслужили одну похвалу, а со стороны наших неприятелей — самую желчную зависть; в особенности Англичане неутешны существованием образцового Севастополя, и они стали от злости до того откровенны, что если в Парламенте говорят и во всех газетах пишут, что если б не Севастополь и его флот, то этой войны никогда бы не было! Но как этого достигнуть? Севастополь страшно укреплен, войска в нем много, и флот там на все готовый и который себя даром не отдаст. Это наши враги все знают и все понимают, и потому-то с их стороны и делаются страшные приготовления. Средства у злодеев огромные, и потому невольный иногда страх и беспокойство находит на нашего брата, понимающего все значение Севастополя для нашей родной матери-кормилицы России, не говоря уже о бедном сердце, которое бьется от беспокойства за родных и любезных друзей и товарищей. Что касается собственно меня, то ни днем, ни ночью мысли об вас меня не оставляют. Неужели, думаю, этому Севастополю, который на глазах из младенца вырос в великана и сделался дивным богатырем на страх врагам, неужели ему сужден такой короткий век и завистникам злобным удастся над нами торжествовать? Как ни велики наши средства обороны, то неприятели собираются на вас тройною силой; да иначе треклятые Англичане к вам и сунутся не посмеют. Я разумею не один флот: им Севастополь никогда не взять. Но главное десант, вот чего они набирают и, если верить газетам, то будет до 90000 десанта приготовлено».³³⁹

Главнокомандующий, понимая, что ситуация чрезвычайная, не торопился отправить иррегулярные части на Тамань и оказался прав, получив 22 августа 1854 г. повеление императора, приказавшего вернуть их в Крым. Такое послушание кажется невозможным, но оно действительно было проявлено князем. Тем более, что и появление союзного флота у берегов Крыма воспрепятствовало Хомутову исполнить этот кошмарный приказ.

Хотя и предвидение самого главнокомандующего имело предел, но с середины августа ситуация меняется, и теперь уже сам князь Меншиков перестает верить в возможность высадки союзников в Крыму. 19 и 26 августа 1854 г. теперь уже он начинает успокаивать военного министра:

«Мы не будем атакованы по двум главным причинам: во-первых, потому, что все приготовления к быстрому десанту не могли выясниться до настоящего времени, и, вероятно, не могут быть окончены к известному сроку ввиду приближающегося позднего времени. Вторая причина та, что неприятель знает, что мы сильны и сосредоточены и что численное превосходство, независимо от позиций, с приближением 16-й пехотной дивизии переходит на нашу сторону. Это положение может, очевидно, измениться, если война продолжится. В 1855 году неприятель будет подкреплен войсками, которые продолжают к нему подходить, тогда как наши средства к сопротив-

³³⁸ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.134.

³³⁹ Из письма Истомину от брата К.И. Истомина. Кронштадт. 19 августа 1854 г. Контр-адмирал Истомин//Русский Архив, книга. 1, 1877 г., М., с.128–129.

лению будут уменьшены предположенным уходом восьми прекрасных батальонов 14-й пехотной дивизии». ³⁴⁰

А вот в Дунайской армии, кажется, начали додумываться, что одним вытеснением русских войск из княжеств дело не ограничится.

«Михаил Горчаков, кажется, убежден, что союзники не оставляют идеи покушения на Севастополь, ибо он только что прислал мне фельдъегеря, чтобы доставить с ним поскорее известие о высадке их. Я не верю этому вовсе, держа себя настороже и готовый к высадке неприятеля». ³⁴¹

Новороссийскому генерал-губернатору Анненкову светлейший писал примерно тоже самое: «Предположения мои совершенно оправдались, неприятель никогда не мог осмелиться делать высадку, а по настоящему позднему времени она невозможна». ³⁴²

Постепенно в этом уверились и остальные участники событий, в мыслях которых «...с наступлением второй половины августа уничтожались все сомнения и явилась уверенность в том, что Крыму нечего опасаться неприятельского нашествия». ³⁴³

Ситуация запутывалась с каждым днем все более. Единственным разумным решением стало откомандирование в Крым князем М.Д. Горчаковым никому не известно инженерного подполковника Э.И. Тотлебена.

Воинские части, находившиеся в Крыму и вне Крыма, продолжали бессмысленно перетасовываться. Масла в огонь подливали обстрелявшаяся обстановка на Кавказе и постоянное ожидание вторжения туда турецких войск. 11 сентября 1853 г. командир Вольнского пехотного полка генерал-майор А.П. Хрущёв писал в одном из своих писем родным:

«...третьего дня получено повеление посадить на корабли 1-ю бригаду нашей дивизии и отвезти в Севастополь вместо 13-й пехотной дивизии, которая посылается на восточный берег Черного моря». ³⁴⁴

Не правда ли, что это так похоже на распыление советских войск перед вторжением в Крым армии Манштейна в 1941 г.? Как и тогда: предчувствие удара, напряжение, ожидание, но полное отсутствие стратегического прогнозирования.

Время шло, враги не показывались, и чем дальше, тем больше все успокаивалось. Союзники не показывали готовность к экспедиции, хотя пороховой дым давно уже стелился над Черным морем. Весна 1854 г. прошла в тревожных ожиданиях. Неприятель продолжал свои маневры у турецкого и болгарского побережий. Хотя англичане и французы постоянно наращивали силы, считалось, что подъемных сил флота не хватит для их переброски на дальнейшее расстояние и они будут использованы или просто как фактор угрозы, или в региональных локальных операциях.

К середине лета и сам князь Меншиков совсем перестал верить в высадку, тем более что приближался период осенней непогоды. Имевшиеся в его распоряжении силы планировались задействоваться на укреплении города. Внезапно (как и многое в этой войне) возникла непредвиденная проблема, ставшая при своей, казалось, не-

³⁴⁰ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с. 143.

³⁴¹ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с. 142.

³⁴² Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с. 141.

³⁴³ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с. 141.

³⁴⁴ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, Том.74, МПб., с.595.

значительности вскоре одной из причин первых неудач русской армии. Мы на ней еще остановимся подробно, но для сведения упомянем сейчас.

Когда Э.И. Тотлебен намекнул князю, что в Крыму в армии нет достаточного числа шанцевого инструмента и его нужно срочно доставить в Севастополь, главнокомандующий отмахнулся от настырного подполковника, как от назойливой мухи: «Что вы все хлопочете об инструменте, теперь уже поздно делать высадку, а к весне будет мир».³⁴⁵

Если бы он знал, каким боком выйдут ему эти самые кирки, ломы и лопаты.

Те, кому пришлось защищать Севастополь в 1854–1855 гг., в своем большинстве склоняются к личной ответственности князя за то, что неприятель безнаказанно ступил на землю империи.

«Но князь Меншиков! Где были его проницательность и предусмотрительность? Обстоятельства дают ему год времени, считая с начала наших действий на Дунае, обдумывать свое положение и свои действия...».³⁴⁶

Подведем небольшой итог по главному фигуранту предстоящего дела. Действия светлейшего князя А.С. Меншикова мы можем характеризовать по-разному. Диапазон оценки простирается от банальной ошибки до преступления. Но в любом случае надеюсь, что самому фанатичному патриоту, с пеной у рта отстаивающему славные победы русского оружия во время Крымской войны и выигранную «битву за ясли господни», должно стать понятным, что поражение на Альме, а затем и во всей кампании было подготовлено, в том числе и на высшем государственном уровне, гораздо раньше, чем это произошло.

³⁴⁵ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича//Военный сборник, №2, СПб., 1877 г., с.141.

³⁴⁶ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского// Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.2, СПб., 1873 г., с.66.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ

«Планирование, возможно, является самым сложным этапом операции, так как включает координацию действий войск в едином плане».

Макнаб К., Фаулер У. «Современный бой: оружие и тактика».

Пикировка между военным министерством, штабом войск Дунайской армии и Крымом шла непрерывно до того времени, когда ее не прервали высадившиеся в Крыму союзные войска, убедительно доказав полную несостоятельность стратегического планирования русского командования. Но не будем впадать в крайность и идеализировать стратегический гений союзного военного руководства. В чем ему нельзя отказать, так это, признаем, в тщательной подготовке экспедиции. Было много проблем, много ошибок, но благодаря ее основательности результат оказался почти таким, который требовался.

НЕМНОГО ТЕОРИИ

Эту часть читать не обязательно, но для того, кто хочет действительно понять происходившее, все-таки желательно...

Операция союзных войск в Крыму, как и всякая операция такого уровня, должна была включать в себя обязательные составляющие элементы, одинаково имеющие значение как для середины XIX в., так и для настоящего времени. История войн свидетельствует о важной роли морских десантных операций (МДО), которые зачастую становились фактором достижения успеха военной кампании. Это, образно говоря, бросок, смертельный удар, которым должна была решиться судьба войны. Это была конечная цель, к достижению коей должны направляться усилия армий и флота и которая вытекала из политической цели войны, установленной руководящим войной органом для действий на вооруженном фронте.³⁴⁷

И хотя вторжение на территорию противника с моря предоставляет, как правило, атакующей стороне определенные оперативные, а иногда и стратегические преиму-

³⁴⁷ Военная стратегия. Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. Издание второе, исправленное и дополненное., М., 1963 г., с. 13–26.

щества,³⁴⁸ независимо от масштаба МДО являются одними из самых сложных тактических операций, так как они требуют необычно интенсивной тыловой поддержки. Большинство наступательных операций такого типа делится на семь этапов: планирование и подготовка; посадка и погрузка на суда; движение к месту высадки десанта; подготовительные операции перед высадкой; движение от транспортов к пункту высадки; десантирование; закрепление.

Все они были ярко представлены в Крыму во время высадки союзников в августе–сентябре 1854 г. Недаром даже во время операции английского флота и армии на Фолклендских островах в 1982 г. учитывался опыт Восточной войны и десанта в Крым.

Об этапах кратко. Планирование, возможно, является самым сложным этапом операции, так как включает координацию действий войск в едином плане. К нему привлекаются самые опытные и образованные офицеры штабов и командований. Ими должны быть проанализированы все имеющиеся разведывательные данные об объекте и сделан выбор места высадки. Оно должно быть благоприятным для высадки морского десанта с открытой навигацией в акватории в районе высадки десанта и отсутствием неблагоприятных морских условий — например, очень сильных поперечных течений. Должен быть относительно крутой подъем береговой линии (мелководье увеличивает риск попадания кораблей на мель еще до высадки); место высадки должно быть достаточно обширным, для того чтобы разместить все десантные силы и части последующей тыловой поддержки.

Разведка должна определить все укрепленные точки противника и расположение вооружения в любом месте высадки, особенно тех видов оружия, которые могут угрожать движению судов в акватории высадки и десантным силам при их движении от транспортов к берегу. Эти позиции (в случае если они есть) обычно подавляются обстрелом с моря перед высадкой.

После выбора и определения района высадки начинается работа по планированию материально-технического обеспечения. После того как вопросы тыла будут определены, остается установить время и день. Время высадки обычно должно совпадать с хорошими погодными условиями, способствующими движению судов и осуществлению охраны конвоя.

Посадка и погрузка состоит из сбора людей и имущества для предстоящей операции и погрузки их на борт судов, которые доставят затем их к месту десантирования. Как правило, это очень сложное дело, не менее сложное, чем сама высадка.

Период перехода является наиболее опасной фазой морской десантной операции. Флот противника, возможно, будет пытаться перехватить десантное соединение до того, как оно достигнет исходного рубежа для атаки. Конвой должен выбрать наименее опасный путь. Он должен проходить вдали от береговой линии. Открытое море дает также возможность рассредоточить силы со значительным расстоянием между судами на случай вражеского нападения.

Перед тем, как начнется высадка, ее зона подготавливается для того, чтобы дать десанту наилучшие шансы на успех. Наиболее обычной является подготовка огня на подавление возможного сопротивления для разрушения позиций противника. Однако сам по себе огонь, ведущийся с кораблей по береговым целям, имеет ограниченный тактический эффект.

³⁴⁸ Резяпов И. Перспективы развития и применения амфибийно-десантных сил ВМС Великобритании//Зарубежное Военное Обозрение, №1, М., 1998 г. (<http://commi.narod.ru/bt/1998/0105.htm>)

Используются также многие другие виды подготовительных операций перед высадкой. Введение в заблуждение имеет большое значение для отвлечения противника от настоящего места высадки. И это тоже было предусмотрено планом операции в Крыму.

Движение от транспортов к пункту высадки — этап, на котором войска транспортируются от основной группы кораблей к месту высадки. Для этого используются специально сконструированные десантно-высадочные средства. Этот этап определяет темп операции. Такой элемент десантной операции был внесен еще адмиралом Ф.Ф. Ушаковым. Согласно разработанной им теории (и что немаловажно — успешно апробированной на практике) «...преждевременно высаженный десант может быть легко сброшен противником в море. Прикрывающие суда должны подойти на самое близкое расстояние...».³⁴⁹

Десантирование — главная задача — захват плацдарма на берегу. После достижения береговой линии подразделения начинают движение в зоне высадки. Часть зоны высадки предназначается для подкрепления и служб материально-технического обеспечения, которые обеспечивают безопасность плацдарма и поддержку продолжающейся операции. Плацдарм расширяется и заполняется дополнительными частями по продвижению вглубь неприятельской территории. Как только плацдарм закреплен, десантные части или продвигаются к целям, расположенным в глубине, или позволяют другим частям принять на себя выполнение этой миссии. Больных и раненых эвакуируют с берега на госпитальные суда (транспорты), находящиеся недалеко от берега.

Я понимаю, что тем, кто дочитал до этого места, уже кажется странным обилие столь современной военной терминологии. Но уверяю вас, когда мы дойдем до самой операции, вы будете удивлены — все так и будет. А пока продолжим.

Закрепление является важным элементом общего успеха морской десантной операции. Как правило, после высадки десанта может последовать крупномасштабная контратака противника, если у него имеются для этого силы. Это попытка уничтожить плацдарм, нанести урон высадившимся силам и предотвратить любое дальнейшее сосредоточение средств тыла. Поэтому материально-техническое обеспечение и подкрепление должны поступить на берег как можно быстрее. Для организации снабжения с берега передовых частей должны быть также выгружены транспортные средства. Одновременно корабли, производящие десантирование, должны получать материально-техническое снабжение с кораблей снабжения для поддержания темпа операции.³⁵⁰

В сентябре 1854 г. все это должно было завершиться тем, о чем мы уже говорили не один раз: взятием Севастополя — главной военно-морской базы России на Черном море и лишением последней доминирующего положения в регионе. В совокупности с разрушением крепостных сооружений и уничтожением российского флота это были, как мы уже знаем, главные задачи экспедиции.³⁵¹ Для их выполнения не требовалось грандиозное морское побоище с терзанием друг друга орудийными залпами. Командование французского и английского контингента было вполне обоснованно уверено, что действует в условиях наличия фактора внезапности: пока медлительная

³⁴⁹ Овчинников В. Флотоводческое наследие адмирала Ф.Ф. Ушакова и теоретическая деятельность М.А. Петрова по обоснованию тактики морского боя//Морской сборник, №3, М., 2009 г., с. 75.

³⁵⁰ Макнаб К., Фаулер У. Современный бой: оружие и тактика, М., 2006 г. (<http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=12121>).

³⁵¹ Edmund, W, Reilly. M. C.B. Royal artillery and Royal Naval brigade before Sebastopol in 1854 and 1855. London. 1859, p. 1.

Россия смогла бы сконцентрировать для отпора нападению достаточные силы, дело было бы уже сделано.

Осталось малое: не теряя времени нанести империи Николая I неожиданный и сильный удар в единственно правильно выбранном для этого месте. Конечно, для огромной страны, которую намеривались «примерно высечь», он не мог быть смертельным. Но «кто в доме хозяин», продемонстрировать Европе можно было вполне убедительно. Результат был предсказуем: потерявший свою главную базу, Черноморский флот обречен. При этом возможного ожесточенного сопротивления русских не ожидалось: предполагалось, что после разгрома армии падение крепости предрешиено и свершится в самые сжатые сроки.³⁵²

План морской части операции, включавший подготовку, погрузку, переход и высадку десанта в России был разработан одним из самых талантливых адмиралов союзного флота Буа-Вильомезом. В нем учитывался в том числе и опыт прошлых войн, как, например, события ночи с 7 на 8 марта 1801 г., когда английские войска под командованием Ральфа Аберкромби начали высаживаться на Абукирском полуострове.³⁵³

Его одобрил адмирал Дандас, после чего с незначительными коррективами был утвержден.³⁵⁴ С этого времени вся теория перешла в практическую плоскость.

Часто исследователи совершенно необоснованно говорят о том, что планирование союзной экспедиции было крайне сомнительным по качеству и на грани провала по исполнению. На самом деле это далеко не так. Именно тщательность расчета и учет мелочей позволили операции быть успешной.

КАК ПОДАРИЛИ ИНИЦИАТИВУ

Поправлюсь, нельзя отдать то, чего нет. Справедливости ради признаем, что инициативой русское командование не владело в Черноморском регионе с 1854 г. до 1856 г. ни разу, о чем мы уже говорили и скажем еще не раз. И все же, чтобы понять, почему союзникам с такой легкостью удалось изначально взять и окончательно удерживать в своих руках стратегическую инициативу, остановимся на происходившем более подробно.

В целях захвата господства на морском театре военных действий и для того, чтобы создать условия для успешной высадки на побережье, союзниками был проведен ряд локальных операций. Это делалось в соответствии с военной доктриной того времени, обязательным условием которой было господство на море (примерно, как и в настоящее время, обязательным условием для десантной операции является достижение господства в воздухе). Войдя в Черное море и изменив баланс сил, союзники получили такую возможность и полностью ее использовали. «...В то время наступавшие западные державы господствовали на море и могли пользоваться всеми вытекавшими отсюда преимуществами».³⁵⁵

То, что союзники без особого труда завоевали Черное море, длительное время было белым пятном русской, а потом и советской военной истории. Об этом предпочитали не говорить. Действительно, нужно было иметь какое-то особое военное

³⁵² Edward Bruce Hamley, *The War in the Crimea*, London, 1891, p.24–25.

³⁵³ Wood, Evelyn, *From midshipman to field marshal*, Methuen, 1906, p.29.

³⁵⁴ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. Том. 2, СПб., 1876 г., с.266.

³⁵⁵ Манштейн Э. Утерьянные победы, М., 2002 г., с.225.

«дарование», чтобы так, без особого труда, отдать неприятелю стратегическую инициативу.

Но помнили об этом всегда и, к счастью, сейчас к этому относятся трезво. Современный российский военно-морской историк, капитан 1-го ранга В.Д. Доценко в своем комментарии к книге «Влияние морской силы на историю» А. Мэхэна дает убедительное объяснение этому. Признаемся, что с его доводами трудно не согласиться.

«Мэхэн призывал творчески подходить к решению проблем военно-морского искусства и мыслить стратегически. Но поскольку он был «буржуазным» автором, его мысли оказались чуждыми советской идеологии. Многие важные положения военно-морского искусства, разработанные Мэхэном, отвергались, хотя впоследствии они подтверждались на собственном опыте. Например, рассуждения теоретика о господстве на море и особенно о способах его достижения признавались антинаучными и враждебными для советской военно-морской науки. В ходе русско-турецкой войны (1828–1829 гг.) с целью достижения господства на Черном море адмирал А.С. Грейг блокировал турецкий флот в Босфоре, а вице-адмирал Л.П. Гейден – со стороны Средиземного. Заблокировав Босфор и Дарданеллы, российский флот не позволил противнику производить воинские и экономические перевозки, а также поддержал действия приморских группировок своих сухопутных войск, чем обеспечил достижение стратегических целей. В Крымской войне (1853–1856 гг.) российский Черноморский флот не боролся с противником, который без труда стал господствовать на Черном море. У русских не нашлось флотоводцев и полководцев, мыслящих стратегическими категориями, что привело к пассивности флота, а затем и к его самоуничтожению».³⁵⁶

Моральный удар после высадки союзников и последовавшего военного поражения на своей земле был такой силы, что отныне русское командование на Черном море вплоть до 1914 г. всегда считалось с возможностью десанта на своем побережье.³⁵⁷

Союзники, убедив русское командование, что теперь они хозяева Черного моря, вскоре получили и подарок в виде прекращения русскими наступательных действий на суше. Например, Д.А. Столыпин считает, что наступательные действия Паскевича прекратились и война стала оборонительной после снятия осады Силистрии и отступления от Дуная.³⁵⁸ Но если Столыпин всего лишь маленький винтик большой войны, то давайте прислушаемся к мнению бесспорного военного авторитета – генерала Зайончковского, утверждавшего, что «...До снятия осады Силистрии инициатива действий принадлежала нам». Ну а что было после, мы в основном уже знаем.

В потере русскими стратегической инициативы свою роль сыграло и самоуспокоение, которое в равной мере оказалось присущим и главнокомандующему, и командованию Черноморским флотом. Даже не пристально глядя на события, можно обнаружить, что отмеченная в 1853 г. союзниками активная разведывательная работа русского флота в 1854 г. почти прекратилась. Эта ошибка Меншикова и Корнилова, которые должны были использовать все возможности для сбора сведений о неприятельском флоте, дорого им стоила.³⁵⁹ Невыученный урок Севастополя сказался че-

³⁵⁶ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М., СПб., 2002 г., с. 603–604.

³⁵⁷ Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август–октябрь 1914 года), М., 2009 г., с.93.

³⁵⁸ Столыпин Д.А. Из личных воспоминаний о Крымской войне//Русский Архив, №2, М., 1874 г., с.1358–1359.

³⁵⁹ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.11.

рез 50 лет в Порт-Артуре, когда флот до последней минуты не знал, будет ли война, а директивы сверху поддерживали в нем уверенность в возможности избежать ее.³⁶⁰

Мы уже столько говорим об стратегической инициативе, ее значении и судьбе в 1853–1854 гг., что давайте попробуем сделать промежуточный вывод. Он не самый положительный для русской армии и флота. Но к нему склоняются многие из тех, кто сегодня занимается изучением военно-морской истории. Утверждение о невозможности Черноморского флота в 1854 г. сражаться с англо-французской эскадрой по причине отсутствия паровых двигателей на кораблях — не более чем порождение пропаганды, имеющее целью задним числом оправдать действия русского командования. Никто не говорит, что русским было бы легко (а когда им было легко?), но реальные шансы разгромить эту первую эскадру у русского Черноморского флота были. А потом (в случае успеха) все зависело от дальнейшего поведения союзников. Хотя на конечную победу на море все равно рассчитывать было трудно...

А ведь по несчастливому стечению обстоятельств Черноморский флот почти проник к тайне будущей десантной операции в Крыму. В ночь на 7 августа 1854 г. русский пароход «Эльбрус» вышел из Севастополя к мысу Керемпе, но уже на следующий день на нем подошли к концу запасы угля и крейсерство завершилось захватом и сожжением купеческого бригаа вблизи Босфора. К досаде, русский крейсер не выявил сосредоточение большого количества транспорта в Варне и Балчике, которое как раз в это время там происходило.³⁶¹

³⁶⁰ Лукин А.П. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1989 г., с. 114; Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август–октябрь 1914 года), М., 2009 г., с. 81.

³⁶¹ Кириллов П. Синол: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с. 11.

РАЗВЕДКА

«...удобный во всех отношениях пункт высадки, но занятый неприятелем, теряет многие свои выгоды».

Генерал Н. Обручев,
«Смешанные морские
экспедиции». 1898 г.

РЕЙДЫ К БЕРЕГАМ КРЫМА

Весной 1854 г. решение о производстве атаки континентальной части Российской империи было окончательно принято почти одновременно в Париже и в Лондоне. 10 апреля 1854 г. лорд Раглан получил секретное письмо премьер-министра. В нем содержалось предписание проведения разведывательных мероприятий у побережья Крыма и особенно Севастопольской крепости. После этого предлагалось приступить к тщательной подготовке непосредственно десантной операции. Одновременно командующий английским экспедиционным корпусом получил дополнительную секретную инструкцию, окончательно прояснившую стратегическую цель будущей операции. Как предполагалось, «...никакой удар, который можно бы нанести по южной окраине Российской империи, не может сравниться по силе с взятием Севастополя. Излишне добавлять, что этим было бы достигнуто уничтожение русского флота...».

Союзники действовать начали сразу чрезвычайно активно, но без спешки и сума-тохи. Все свидетельствовало о тщательной подготовке.

Будущее не представляло собой особой тайны и для большей части офицеров союзных сил с каждым днем становилось очевидным, что «...объектом... будет высадка около Севастополя, затем осада и взятие Севастополя, — это было решено уже давно и в Париже и в Лондоне».³⁶² И хотя тайное почти стало явным, режим сохранения конфиденциальности информации соблюдался союзным командованием неукоснительно. Для них жизненно необходимо было сохранять свои намерения в секрете до тех пор, пока основные силы не окажутся у побережья Крыма.

Но одного сохранения своей тайны было мало. Нужно было проникнуть в тайны противника. Для этого требовались в полном объеме проведенные разведывательные мероприятия. Планирование и разведка должны были сойтись в одной точке, согласованной по месту и времени: где и когда транспорты, прикрываемые военными кораблями, вывалят из своих трюмов и со своих палуб многотысячный десант.

³⁶² Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.7.

Психологически необходимость детального планирования вызывалась необходимостью развеять сомнения некоторых, прежде всего английских командиров, считавших все задуманное гигантской авантюрой, в которую высшее военное руководство ввергает свои армию и флот в угоду политическим амбициям императора Наполеона III.³⁶³

А думать было о чем. С районом высадки не было никакой ясности. Поэтому весной–летом 1854 г. союзники начали активную разведку побережья Крымского полуострова для выбора района предполагаемого десантирования экспедиционных сил. К этой задаче англичане и французы отнеслись с должным вниманием и обстоятельностью. В английском флоте всегда считали, что «время, затраченное на разведку – потеряно не зря». Подгоняло союзников и ожидание Парижем и Лондоном более активных действий.

Разведывательная операция началась задолго до Восточной войны. Материалы, относящиеся к 1851–1853 гг., свидетельствуют о значительном усилении разведывательной деятельности союзников на юге Европы. В частности, целый ряд донесений с Кавказа сообщает о «европейских путешественниках», которые в сопровождении горцев рассматривали в подозрительные трубы русские укрепления с окружающих их высот. Это были английские и турецкие офицеры, стремившиеся уточнить все детали русской оборонительной линии Черноморского побережья. Английская военная разведка уже к 1850 г. провела снятие планов и нанесение на карту местонахождения всех русских укреплений Черноморской береговой линии. Вдобавок к этому пароходы береговой линии обслуживались английскими машинистами, на которых никак нельзя было положиться во время военных действий и которые, плавая ряд лет у кавказских берегов, немало потрудились в интересах английской военной разведки. Только в марте 1854 г. по настоятельному требованию адмирала Корнилова эти машинисты-механики были заменены русскими инженерами. Такое состояние морской обороны береговой линии свидетельствовало о военно-технической отсталости николаевской России, правительственный аппарат которой оставался глух ко всем разумным требованиям и предложениям, исходившим снизу. В частности, нельзя не отметить, что М.П. Лазарев еще в 40-х годах настаивал на увеличении числа паровых судов в Черноморском флоте и доказывал необходимость оснащения их более мощными трубочными котлами, предлагая начать изготавливать последние в России. В отличие от России у Великобритании были проблемы с информацией, добываемой военной разведкой.

40 лет, прошедшие после окончания наполеоновских войн, были временем упадка английской военной разведки. Буржуазия Англии – страны, превращавшейся в «промышленную мастерскую мира», не предполагала вести крупномасштабные войны в Европе. Не имелось даже карт вероятных театров военных действий. Во время Крымской войны в 1854 г. командующий британскими войсками, высадившимися в Крыму, лорд Раглан жаловался, что для него дорога на Севастополь была «такой же загадкой, как для Язона и аргонавтов две с половиной тысячи лет назад». Только в феврале 1855 г. был создан в военном министерстве топографический и статистический департамент, который занимался в основном картографией и лишь с 1871 г. стал получать донесения от военных атташе.³⁶⁴

³⁶³ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 101.

³⁶⁴ Бояджи Энцо. История шпионажа, Т. 1, М., 2003 г., с. 114.

Но в отличие от французов, англичане не брезговали агентурой. Например, еще до войны в Керчи действовала несколько лет агентурная сеть английской разведки, охватившая своей деятельностью весь Крымский полуостров. Организовал ее британский консул Чарльз Каттлей, тайный резидент английской разведки, постоянно находившийся в Керчи. С объявлением войны его выслали из России, но дело было налажено и Каттлей руководил им из штаба британской армии в Балаклаве. Агентура его состояла в основном из местных торговцев.

У французов было немного лучше. Они давно занимались штабным шпионажем крымской территории. Слежка вокруг Севастополя и севастопольского рейда велась ими еще с конца 30-х и начала 40-х годов... Но в тоже время у них были проблемы с агентурной разведкой, так как по непонятным причинам после падения Наполеона во Франции к шпионам стали относиться с пренебрежением.³⁶⁵

В штабах контингентов были сформированы разведочные комиссии, в задачу которых входили сбор, изучение, анализ информации и подготовка коллегиального решения о месте и времени высадки.

У французов в их состав вошли командир 1-й дивизии дивизионный генерал Канробер, полковник штаба главнокомандующего Трошю, полковник артиллерии Лебеф, подполковник инженерной службы Сабатье.

У англичан комиссию возглавлял командир Легкой дивизии генерал-лейтенант Джордж Браун, а в состав также вошли старшие офицеры штаба, артиллерии и инженерной службы.³⁶⁶

Несомненно, это были одни из самых грамотных офицеров союзного контингента. И личности в их среде встречались весьма интересные.

Особенно выделялся полковник Трошю, будущий организатор обороны Парижа от прусских войск в 1871 г. Это была личность, способная принимать обоснованные решения, и авторитетный военный теоретик, известный своими трудами, в которых нещадно критиковались недостатки французской военной организации. «...Эта книга, и единственно она, сделала его самым популярным генералом в описываемое время...

...В военном обществе считался чуть ли не помешанным: он имел мужество красно написать книгу против императорского правительства, за что был обойден в производствах...».³⁶⁷

Основным кораблем, выделенным адмиралом Эдмундом Лайонсом для разведки, стал быстроходный «Карадок» (водоизмещение 676 т, вооружение — 2 пушки на платформах). Выбор не случайный. «Карадок» — типичный пример разведывательного корабля. Его командир капитан 2-го ранга Дерриман и все офицеры не только были опытными моряками, но и прекрасно знали район плавания, тщательно изученный ими за время службы в качестве стационара³⁶⁸ британского посольства в Стамбуле,³⁶⁹ когда корабль выполнял исключительно задачи, связанные с разведкой и доставкой информации. Через 65 лет в Черном море «Карадок» появился вновь. Точнее, его преемник. И теперь это был крейсер союзников, а не врагов. В августе 1919 г. при вы-

³⁶⁵ Из истории военной разведки, М., 1991 г., с.20.

³⁶⁶ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854-1856), Tome premier Paris, 1859, p.40.

³⁶⁷ Леонтьев Д. Оборона Парижа//Военный Сборник, №6, СПб., 1871 г., с.261.

³⁶⁸ Стационар (фр. stationnaire) — судно, постоянно находящееся на стоянке в каком-либо иностранном порту, несущее сторожевую службу или полицейскую службу в портах колоний.

³⁶⁹ Два письма из эпохи Восточной войны 1853–1856 годов//Русская старина. Том.85, СПб., 1896 г., с.319.

садке десанта армии генерала Врангеля у Одессы при бомбардировке сильно укрепленных позиций красных большую помощь оказал английский крейсер «Карадок».

Вспомогательным разведывательным кораблем стал выделенный от французского военного флота паровой корвет «Примоге».³⁷⁰

Сезон разведки открылся 31 марта.³⁷¹ С этого дня три месяца³⁷² корабли союзного флота вели непрерывную слежку за Черноморским флотом. Одновременно «Рестрибрюшн» и «Нигер» осуществляли наблюдение за Одессой.³⁷³

Топографических карт Крымского полуострова было мало. Особенно это ощущали англичане. Источники пресной воды, коммуникации, населенные пункты и другие объекты не были известны или сведения о них неточны. За несколько месяцев до высадки Крым для союзников во многом оставался более Terra incognita, чем изученной территорией. Если посмотреть на письма особенно английских офицеров, то для них древняя крымская земля была не более чем очередной малоизученной колонией, которую следовало покорить во славу британской короны.

Хотя отсутствие карт — лишь часть проблемы. Немецкий военный теоретик Фридрих Вильгельм Рюстов³⁷⁴ считал, что «для ознакомления с известной страной с военной точки зрения одних карт недостаточно. Они не могут дать тех подробностей, знание которых необходимо военному... Соответствующие достаточно подробности могут быть добыты посредством наведения всевозможных справок, изучения специально относящихся до этого сочинений и с помощью рекогносцировок, проводимых путешествующими офицерами».³⁷⁵

Поэтому информация о Крыме, русской армии, оборонительных сооружениях и крепости Севастополь собиралась по крупицам. К консультациям привлекались все, чья помощь могла быть хоть сколь-нибудь полезной. При этом каждой крупницей информации дорожили настолько, что не брезговали и откровенными проходимцами. Известно, например, что сразу после принятия решения об операции в Варне прошло совещание штабов союзных сил, на котором с докладом о будущем театре военных действий выступил некий Феррат-паша, состоявший на службе в турецкой армии австрийский инженерный офицер. Ему якобы удалось побывать в Керчи, на Кавказе и в других местах.³⁷⁶ К сожалению, для союзников сведений о Севастополе у него было мало, потому большой пользы извлечь не удалось.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА (апрель 1854 г.)

13 апреля корабли союзников подошли к берегам Российской империи. Находившаяся на борту комиссия имела задачу осмотреть устье Дуная, Одессу, побережье Крыма, Анапу и восточный берег Черного моря. Утром 16 апреля 19 линейных ко-

³⁷⁰ Louis-Édouard Bouët-Willaumez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 207–208.

³⁷¹ В то же время можно считать, что первую разведку в русских территориальных водах союзники провели значительно раньше. В конце января 1854 г. возле Редут-Кале четыре парохода союзников проводили промеры глубин. (Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб., 2003 г., с.65).

³⁷² Louis-Édouard Bouët-Willaumez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 205–206.

³⁷³ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, № 2. М., 1999 г., с. 6.

³⁷⁴ Фридрих Вильгельм Рюстов (1821–1878 гг.) — немецкий и швейцарский военный теоретик и историк.

³⁷⁵ Из истории военной разведки. М., 1991 г., с.9.

³⁷⁶ Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome I, Paris, 1858, p. 206.

раблей, 1 парусный и 10 паровых фрегатов приблизились к Севастополю на 10 миль. 17 апреля 91-пушечный «Агамемнон» (под флагом контр-адмирала Лайонса) начал маневрировать перед входом в Севастопольскую бухту. Русские не реагировали, хотя внимательно следили за происходящим, стараясь оценить морские навыки потенциального противника.

Командование Черноморского флота, наблюдая за перемещениями флагманского английского корабля, пришло к выводу, что управляла им недостаточно обученная команда.³⁷⁷

Корнилов имел право на такое мнение. Черноморский флот образца 1854 г. стоял на голову выше своих балтийских коллег.

Когда летом 1854 г. император собрал на Балтике на корабле «Петр I» военный совет из адмиралов и высказал свое мнение о необходимости выхода нашего флота в море для нападения на союзный, то среди других причин невозможности этого выхода адмиралы заявили, «... что наши команды мало подготовлены к бою и вообще по управлению парусами слабы.

Произведенный несколько дней спустя Государем смотр флота вполне подтвердил, к сожалению, слова адмиралов. Работы по управлению парусами были крайне медлительны и на всех кораблях был поразительный хаос, сопровождаемый необыкновенным шумом».³⁷⁸

Адмирал Лайонс, по воспоминаниям Жандра, впоследствии писал Владимиру Ивановичу Истомину, что «...любуюсь превосходным видом наших кораблей, он старался заслужить его одобрение маневрами корабля «Агамемнон». Нельзя утаить, однако, что маневры и работы союзников не были одобрены нашими моряками: на «Агамемноне» — дурно выправленный рангоут, колол морской глаз, а вялость переноса парусов при поворотах доказывала неопытность команды. Вообще появление англо-французского флота возбудило в черноморцах еще большее желание померяться силами с надменными потомками Нельсонов и Сюффренов и доказать врагам, что не одни они наследовали искусство их знаменитых предков».³⁷⁹

Критиковать неприятелей можно сколько угодно, но положение от этого другим не становилось. Всем стало понятно, что не ради демонстрации выучки английские и французские корабли появились перед Севастополем: это была демонстрация силы, предшествовавшая ее прямому применению. Дипломатическую эквилибристику сменяла боевая подготовка.

Понимая, что одним демонстрационным проходом перед севастопольскими фортами дело не ограничится, утром 18 апреля адмирал Корнилов отдал приказ №132 по флоту о повышенной бдительности.

«Появление англо-французской эскадры у самого входа в Севастополь и близкий подход винтового английского корабля «Агамемнон» под флагом контр-адмирала Лайонса к бухте с намерением остаться на ночь под нашим берегом требует ...совершенной готовности в самое короткое время сняться с якоря и следовать для атаки неприятеля».³⁸⁰

³⁷⁷ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.7.

³⁷⁸ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года//Военный Сборник, №11, СПб., 1903 г., с. 6–7.

³⁷⁹ Жандр А., Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с.152.

³⁸⁰ Жандр А., Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с.153.

(CAPTAIN)
(Full Dress)

(LIEUTENANT)
(Dress Frock Coat)

(ADMIRAL)
(Full Dress)

(MIDSHIPMAN)

(SURGEON)
(Full Dress)

Чины английского военно-морского флота. 1854 г.

С этого момента уже все, от адмирала до последнего матроса, поняли: в Россию пришла война. Враг стоял у ворот империи. Казалось, что Черноморский флот готовится к активному противодействию неприятелю. В основу этого противодействия ложилась скорость, а потому: «... Так как быстрота хода составляет один из главных элементов боевой силы винтового флота, то в виду неприятеля должно разводить огонь во всех топках и быть готовым усилить топление при первом сигнале или в удобную минуту».³⁸¹

Но время шло, союзники разгуливали у берега Крыма, огонь был разведен, но из бухты никто не выходил. Это трудно объяснить, но при подавляющем численном превосходстве русской эскадры, нескольким кораблям английского и французского флотов удалось заблокировать Черноморский флот в Севастопольской бухте. Наглухо.

Теперь они могли делать все, что хотели и где хотели. Русским оставалось только констатировать эти действия. Очевидно память о последствиях Синопа настолько сковала командиров Черноморского флота, что они готовы были умереть на суше,

³⁸¹ Лекции о морской тактике и эволюциях, прочитанные в Кронштадте в феврале и марте 1868 года лейтенантом Л. Семечкиным, СПб, 1868 г., с. 8.

но только не сражаться в море. Думая об этих, скажем, далеко не самых доблестных страницах истории российского флота, начинаешь понимать, почему даже современные пропагандисты Министерства обороны России в рекламных проспектах в разделе истории пишут так: «Крымская война еще раз показала, в какой мере был необходим России сильный, современный, хорошо организованный и вполне подготовленный боевой флот».³⁸² А ведь они правы...

Союзники чувствовали себя уверенно и вели себя с определенной долей наглости. Несколько кораблей неприятеля подошли к Евпатории. Здесь они долго не задержались, но успели, как написал адмирал В.А. Корнилов обер-интенданту Черноморского флота Н.Ф. Метлину в Николаев, похитить «...пьяного таможенного чиновника, выехавшего их осмотреть, и три каботажных судна».³⁸³

Официальная версия была такой: корабельный смотритель таможни Яшников с командой отправился на баркасе опросить вновь прибывших. Но баркас взяли на abordаж, а находившихся там людей пленили. Затем захватили и сожгли русские каботажные суда с мукой и солью, стоявшие в порту.

В 3 часа дня 18 апреля Корнилов, воспользовавшись отходом союзников от входа в Севастопольскую бухту, отправил на разведку пароходо-фрегат «Владимир» под командованием капитана 2-го ранга Бугакова, пошедший по курсу замеченного им трехмачтового неприятельского парохода, который вскоре вывел его на англо-французскую эскадру. Заметив «Владимир», союзники попытались перехватить его двумя фрегатами и преследовали почти до входа в Севастопольскую бухту. Только опасаясь выхода русских кораблей, на которых уже начали разводиться пар, они отказались от этой затеи, прекратили преследование, развернулись и ушли к своим главным силам. Через несколько дней часть вражеской эскадры вернулась в Болгарию.³⁸⁴

«Гости» недолго отсутствовали. Уже 22 апреля союзники вновь были у крымских берегов. С каждым днем их действия становились все более и более агрессивными. Было очевидно: замышляется нечто грандиозное.

25 апреля отряд адмирала Лайонса в составе «Агамемнона», «Самсона» и «Хайфлауэра» отправился к Феодосии. Французский отряд под командованием капитана 1-го ранга де Шабанна («Шарлемань», «Вобан», «Могадор») — к Керчи. Это уже была даже не разведка, а первое настоящее нападение на русские приморские крепости, не сравнимое по размаху с атакой Одессы.

И вновь все повторилось. Никто не вышел на встречу союзной эскадры. О том, что лучшая защита против неприятеля есть хорошо направленный против него огонь, не думал тоже никто. Черноморский флот вновь предпочел демонстрировать открытые орудийные порты из-за линии береговых фортов, прикрывавших вход в Севастопольскую бухту.

Для союзников это уже не казалось странным и потому еще раз 17 линейных кораблей, 1 фрегат и 4 пароходо-фрегата блокировали Севастопольскую бухту, где в это время базировались 12 линейных кораблей, 7 фрегатов, 6 пароходов и корвет Черноморского флота.³⁸⁵ На этот раз блокада была жесткой, больше никто никаких

³⁸² <http://www.admhmao.ru/VK/prod2/vmi1.htm>.

³⁸³ Севастополь в 1854 году. Письма его защитников к Н.Ф. Метлину//Русская Старина. Том.XLXIX, СПб., 1885 г., с.649.

³⁸⁴ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., С. 153; Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.10.

³⁸⁵ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с. 7.

парусных эскерций русским не демонстрировал. Теперь все шансы русских остались в прошлом.

Военно-морское командование союзников планировало, заперев русский флот в Севастополе, провести акции крейсеров вдоль всего побережья Крыма и Кавказа. Целью этих атак должно было стать разрушение телеграфных станций, военных объектов и всего, что могло нанести ущерб обороне или экономике Российской империи.³⁸⁶

Но оказалось, что заблокировать главную базу — еще не значит оказаться перед беззащитными прибрежными городами Российской империи. Первым в этом убедился де Шабанн, когда попытался подойти к Керчи. Один из его кораблей сразу же сел на мель, откуда с большим трудом был снят.³⁸⁷

Вскоре, 30 апреля 1854 г., уже англичане потерпели серьезную неудачу у Одессы. В этот день отряд в составе «Тайгера», «Везувия» и «Нигера» вел разведку.

«В тумане «Тайгер» отделился от других кораблей и затем сел на мель недалеко от берега. Попытка сняться самостоятельно не удалась, и вскоре корабль обстреляла русская четырехорудийная батарея конной артиллерии. «Тайгер» сразу загорелся в двух местах, а его командир получил смертельное ранение. Английские снаряды не могли поразить русские пушки, так как только одно орудие могло вести навесной огонь. Видя безнадежность своего положения, на пароходо-фрегате спустили флаг. Когда к берегу приблизились шедшие на выручку «Нигер» и «Везувий», береговые батареи открыли по ним огонь из 12 орудий. У противника было 20 орудий, но его все-таки отогнали от берега. На «Нигере» три моряка получили ранения. Разбитый и не снятый с мели «Тайгер» был в восьмом часу вечера зажжен и взорван. Так британцы в этой войне потеряли свой первый боевой корабль (и, как оказалось, предпоследний)».³⁸⁸

Соединившись у Анапы, союзники отправились дальше в поисках объекта для безнаказанного нападения. Им очень хотелось хоть в кого-нибудь разрядить свои пушки. Такую возможность нашли вскоре. Не решившись атаковать Новороссийск, англичане и французы подошли к Сухум-Кале и 8 мая, обстреляв укрепление Редут-Кале орудиями «Агамемнона» и «Шарлемани», высадили десант, вынудив защитников отойти к Кутаиси. Это стало первой крупной победой союзников на Черном море. Очевидно, что в этом случае англо-французам помогли промеры глубин, сделанные у укрепления в январе 1854 г.³⁸⁹

Особенно досадной для русских потерей стал захват двух бригад, на борту которых находилось 160³⁹⁰ солдат и офицеров Балаклавского батальона, перевозимых из Новороссийска в Керчь.³⁹¹ Адмирал Корнилов был в ярости и возмущении, о чем не преминул сообщить Н.Ф. Метлину в Николаев: «...Нового ничего, кроме новой глупости Серебрякова; вздумал отправить 140 балаклавцев и больных из Новороссийска в Керчь на греческих бригах; их и взяли англичане...».³⁹²

³⁸⁶ W.H. Kingston, *Our Sailors*, London, 1906, p.94.

³⁸⁷ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.7.

³⁸⁸ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.8.

³⁸⁹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. Геополитика и стратегия. СПб., 2003 г., с.65.

³⁹⁰ В разных источниках — разные цифры.

³⁹¹ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.7.

³⁹² Севастополь в 1854 году. Письма его защитников к Н.Ф. Метлину//Русская Старина, Том. XLIX, СПб., 1885 г., с. 695.

Пленных доставили в Варну на пароходе «Мегаера». В общей сложности вместе с экипажем англичане захватили 12 офицеров и 202 нижних чина.³⁹³

Все это время Черноморский флот находился в Севастопольской бухте, у входа в которую дежурили, сменяя друг друга, то 31, то 27 неприятельских кораблей. Кажется, союзники привыкли вести себя так, как-будто они находились на маневрах где-нибудь в Ла-Манше или у Марселя.

Традиционно подведем итоги. Что удалось англичанам и французам в ходе этой первой экспедиции к берегам России? Прежде всего «...после долгих приготовлений в конце июля адмиралы Дандас и Брюа совместно с обоими главнокомандующими произвели разведку южной и восточной сторон Крымского полуострова, сопровождаемую диверсией перед Одессой. Решение о высадке войск было окончательно принято, хотя сила укреплений и численность русских войск оставались неизвестны. Первая разведка была произведена крайне поверхностно; обратив внимание на мыс Св. Георгия и осмотрев Балаклавскую бухту, союзные генералы упустили из виду такую удобную для высадки бухту, как Камышёвую. В результате комиссия так и не наметила окончательно ни одного пункта для высадки. Единственным удобным местом для высадки признали мыс Лукулл или небольшую бухту в устье р. Кача»,³⁹⁴ где теперь предполагали возможным ее неожиданное для русских проведение.³⁹⁵

Штенцель прав. Разведка была хоть и масштабной, но поверхностной. Далеко не всё, что нужно, было сделано. Не удавалось точно определить силы и готовность Черноморского флота. Союзники достоверно знали лишь, что батареи морского фронта Севастополя очень сильны, а в гавани, по их данным, находятся наготове 16 линейных кораблей и 11 пароходо-фрегатов. Этого было мало. Адмиралы с трудом пытались заставить себя поверить в то, что русский флот не тешит себя надеждой на морское сражение. Удивляло, что русские делали с собой то, что с ними планировали сделать враги — блокировали себя в бухте.

Французским и английским командирам начинало казаться, что эскадра Корнилова образца 1853 г. имеет жалкое подобие в лице эскадры 1854 г. Исчезли совершенно агрессивность, поиск сражения, порыв. То есть то, что всегда обеспечивало характеристике российского флота гарантированный эпитет «славный». Осталась традиционная русская жертвенность, но именно сейчас она была совершенно не к месту. Нужно было эффективно сражаться, а не героически умирать.

Прошу прощения у современных моряков-черноморцев. Но ведь любой мало-мальски дотошный и внимательный читатель задаст вопрос: если это происходило в территориальных водах Российской империи, то чем занимался Черноморский флот, который эти самые воды должен был защищать? Акцентирую на последнем слове — защищать.

А тут английские и французские корабли, как у себя дома, разгуливают по территориальным водам Российской империи, высаживают десанты, блокируют базу, обстреливают порты и береговые укрепления. Только совершенно слепой не мог видеть что готовится более масштабная акция. И что?

С вашего разрешения я не затрагиваю подробно тему противодействия русского флота этим рейдам. Во-первых, я не морской офицер по образованию, во-вторых, это тема отдельной работы по анализу военно-морской составляющей Крымской

³⁹³ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 44.

³⁹⁴ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов, Том 2, СПб., 1876 г., с.267–268.

³⁹⁵ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486.

кампании Восточной войны. Хотя, на мой взгляд, противодействие могло быть более активным. И не только я так думаю. Аналогичное мнение есть и у некоторых современных исследователей. Приведу несколько из них.

«Своими действиями противник показал, что готовится к высадке. В такой ситуации Меншиков и Корнилов обязаны были вывести флот в море, чтобы он демонстративно крейсировал возле Крымских берегов. Это несомненно отрезвляюще подействовало бы на Дандаса и Гамелена и стало поводом для отказа от экспедиции. Но флот остался в Севастополе».³⁹⁶

«Атаки так и не произошло. Это не означало, что после смерти адмирала М.П. Лазарева (в 1851 году) на Черноморском флоте так и не нашлось флотоводца, мыслившего глубоко стратегически и способного дать сражение по всем правилам высокого искусства морской тактики. Гениального флотоводца уровня Г. Нельсона, возможно, действительно и не было, однако сторонниками боя в открытом море до проигранного русской армией сражения на реке Альме 20 сентября 1854 года были В.А. Корнилов, П.С. Нахимов, Г.И. Бутаков и многие другие офицеры».³⁹⁷

Хотя есть и другая точка зрения. Возможно, что такими действиями союзный флот пытался выманить русскую эскадру из Севастополя и нанести ей поражение в морском бою.³⁹⁸ В этом случае действительно это была тактика А.С. Меншикова, полагавшего, что «...Черноморский флот необходимо беречь для более важного момента».³⁹⁹ Правда он так и не наступил. Тогда признаем, что КПД боевого применения флота незначителен.

Пассивность русского флота вполне укладывалась в планы союзного командования. Английские морские офицеры видели смысл блокирования Черноморского флота в Севастополе в обеспечении маскировки переброски войск союзников в Варну.⁴⁰⁰

Что ж, придется признать, что всю весну и лето союзники безнаказанно разгуливали у западного и южного побережья, часто в виду Севастополя и, кажется, не сильно озабочивались проблемами ответных действий. Все более и более нагляя, враг стал появляться у полуострова не только крупными объединениями. Одиночные корабли неприятеля время от времени рисковали подходить к крепости. Одного такого гостя 22 апреля пароходо-фрегаты «Владимир» и «Крым» обнаружили у Севастополя и пытались преследовать.

«Трагизм происходящего заключался еще и в том, что вероятность появления англо-французского флота в Черном море и ответные меры рассматривались адмиралом Лазаревым и светлейшим князем Меншиковым, занимавшим тогда пост морского министра, аж в 1836 г. Лазарев представил тогда Меншикову подробный отчет, что надо делать для предотвращения захвата Севастополя. Но за 18 лет Морское министерство не предприняло ничего, чтобы сделать базу флота неприступной».⁴⁰¹

Может быть, нужно подумать, а не стоит ли за утверждением о невозможности Черноморского флота в 1854 г. сражаться с англо-французской эскадрой по причи-

³⁹⁶ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер. №2, М., 1999 г., с.10.

³⁹⁷ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 гг. Геополитика и стратегия. СПб., 2003 г., с.65.

³⁹⁸ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер. №2, М., 1999 г., с.7.

³⁹⁹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 гг. Геополитика и стратегия. СПб., 2003 г., с.65.

⁴⁰⁰ Kelly, Ton, From the Fleet in the Fifties. A History of the Crimean War, London, 1902, p.53.

⁴⁰¹ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер. №2, М., 1999 г., с.10.

не отсутствия паровых двигателей на кораблях только типично пропагандистское измышление, имеющее целью задним числом оправдать действия русского командования?

Оставим домыслы и вернемся в Черное море. Союзная эскадра находилась у Крыма почти месяц, иногда подходя ближе 25 миль, а иногда вплотную к берегу. В основном до первых чисел мая враг находился вблизи Георгиевского монастыря.⁴⁰²

Через месяц это англо-французское издевательство закончилось. В ночь с 5 на 6 мая в Севастополь в густом тумане вошел русский пароходо-фрегат «Эльбрус», сумевший незамеченным пройти через неприятельскую эскадру. И только 11 мая, проведя очередную разведку, «Владимир» в радиусе 20 миль от Севастополя не обнаружил вражеских кораблей.

ВТОРАЯ РАЗВЕДКА (май–июнь 1854 г.)

Так как результаты первой разведки были недостаточными для принятия решения, было решено продолжить рейды к Крыму. 30 мая вблизи Севастополя показались три трехмачтовых парохода.

Подойдя на три мили ко входу в бухту, они перестроились в кильватерную колонну, уходя в направлении Херсонеса. И, кажется, Черноморский флот решил на реванш за месячную блокаду. Русское командование вновь стало агрессивным. На этот раз адмирал Корнилов планировал атаку неприятеля. Отряд из 6 пароходов под командованием контр-адмирала Панфилова вышел в море. На борту находились, помимо экипажей, усиленные десантные партии. Планировалось отвлечь хотя бы один английский или французский корабль преследованием одиночного русского фрегата от основных сил. В случае если бы это удалось, Панфилов предполагал сблизиться с ним и навязать абордажную схватку.

Сам Корнилов ночью вышел в море на пароходе «Дунай». Однако на этот раз ловушка не сработала. Как-будто чувствуя опасность, союзники ушли в сторону моря.

Неприятели вновь появились у Севастопольской крепости 3 июня. И снова русские пароходы вышли в море. После короткой перестрелки, не повлекшей потерь ни с одной стороны, противники разошлись: союзники — в направлении Херсонесского маяка, русские — под прикрытие береговых батарей.⁴⁰³

Обе стороны разошлись ни с чем.

ТРЕТЬЯ РАЗВЕДКА (июль 1854 г.)

В ходе двух предыдущих разведок (хотя вторая была в большей степени рейдом) место для высадки десанта так и не было определено. Требовался еще один поход к берегам Крыма и приступить к реализации депеши, полученной командующими союзными армиями 29 июня 1854 г., содержавшей приказ произвести высадку в Крыму и начать осаду Севастополя.⁴⁰⁴ Оказалось, что у англичан и французов разные мнения по этому вопросу. Капитан английского военно-морского флота Виндхам констати-

⁴⁰² Жандр А., Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с. 153–154.

⁴⁰³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с. 161–163.

⁴⁰⁴ Доценко В.Д., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России, М., 2005 г., с. 99.

ровал, что союзное руководство не едино: французы против высадки у Севастополя, англичане считают, что с высадкой опоздали, и у всех нет полностью уверенных в успехе начальников.⁴⁰⁵

9 июля Дандас, Лайонс и Брюа повели к Севастополю объединенную эскадру. В ее состав входили французские линейные корабли «Монтелло», «Фридланд», «Наполеон», «Жан Бар», «Иена», «Маренго», «Сюффрен», английские «Британия», «Трафальгар», «Агамемнон» и «Санспарейн» «Королева» и три других, а также 6 паровых фрегатов.⁴⁰⁶

13 июля эскадра подошла к берегу Крыма. Лайонс и Канробер на фрегате «Фьюри» в сопровождении фрегата «Касик» приблизились к Севастополю. Английские офицеры еще раз внимательно изучили оборону крепости, пересчитали пушки в береговых батареях, корабли в гавани, оценили объемы работ по строительству новых оборонительных сооружений.⁴⁰⁷

Нельзя сказать, что русские сильно обрадовались незваным гостям, без приглашения появившимся у берегов империи. Когда 14 июля неприятельские корабли, показавшись на северо-западе, оказались на дистанции досягаемости орудий береговых батарей Севастополя, они были встречены выстрелами с Волоховой башни и батареи Карташевского, после чего ушли в море в сторону Бельбека. При этом «Фьюри» получил четыре попадания.⁴⁰⁸ Одно ядро «...выбило носовой порт, другое попало в корму, прочие – в кожу».⁴⁰⁹

Это было первое боевое соприкосновение кораблей противника и береговой артиллерии Севастополя. С этого времени до 5 октября обстрел вражеских кораблей проводился эпизодически, ввиду того что они редко приближались к городу. Огонь на предельных дистанциях (около 2 000 метров) вели батареи № 8 и 10, Константиновская, Александровская, Карташевского и Волохова башня. Но даже при этих условиях вражеские корабли стремились выйти из зоны огня. Удерживая английские и французские корабли на большой дистанции, береговые батареи мешали им производить разведку, обстреливать рейд и прибрежные объекты и нередко наносили им повреждения. Артиллеристы Севастополя показали хорошую боевую подготовку и высокое искусство.⁴¹⁰

Действия союзников начали надоедать. Адмирал Нахимов, посмотрев на неприятельскую эскадру, произнес с раздражением: «Проклятые самовары! Недаром я так не люблю их».

П.С. Нахимов имел право говорить что угодно. Но не будем забывать, что у него самого в запасе имелись несколько «самоваров», которые можно было, конечно, не любить, но применять – нужно.

Поврежденный «Фьюри» ушел к Бельбеку, а там, соединившись с двумя другими, – к мысу Лукулл. Вскоре они были уже у Евпатории, где занялись изучением береговой линии, промерами глубин и мелким разбоем.

⁴⁰⁵ The Crimean diary and letters of Lieut.-General Sir Charles Ash Windham, London, 1897, p.16–17.

⁴⁰⁶ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотаМастер, №2, М., 1999 г., с.10.

⁴⁰⁷ Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p.24–25.

⁴⁰⁸ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотаМастер, № 2, М., 1999 г., С.10; Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p.24–25.

⁴⁰⁹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с.169.

⁴¹⁰ Денисов А.П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г., с.101–103.

Вскоре стало ясно, что эти три корабля — только авангард основных сил. В 9-м часу из-за линии горизонта показалась эскадра из 20 боевых единиц разных классов: 4 трехдечных, 10 двухдечных, винтовой фрегат и 6 больших пароходов.⁴¹¹

Союзники, кажется, вновь не собирались отходить от Крыма. На этот раз их действия уже не ограничивались обзором береговой линии. Весь день неприятельский флот маневрировал перед крепостью. К вечеру разведка союзников вернулась от берегов Евпатории, где захватила несколько купеческих судов, к главной базе Черноморского флота. Английские и французские корабли предусмотрительно держались вне выстрелов.

Немного о пиратстве. К июлю 1854 г. дело перестало ограничиваться одним изучением прибрежной полосы. Союзники начали рейдерские акции против российских каботажных судов. В районе Евпатории они безнаказанно захватили купеческие суда вместе с грузом и командами. Неприятеля интересовали не в последнюю очередь штурманские документы. Если их не было, то активно опрашивались капитаны. Возможно, что таким образом английскими и французскими командирами получалась информация об условиях плавания в прибрежных водах Крыма, которые капитаны каботажных «посудин» знали как никто другой. В любом случае, я думаю, содержимое трюмов их интересовало мало.

15 июля комиссия перешла на борт «Агамемнона» и направилась в Варну. Остальные корабли продолжали маневрировать перед Севастополем, подходя то к одному, то к другому пункту.

В Балаклавской бухте корабли «Британия» и «Монтебелло», буксируемые пароходами, подошли к берегу на $\frac{3}{4}$ версты и сделали промеры глубин. Позднее комиссия пришла к выводу, что от этого пункта необходимо однозначно отказаться, так как бухта тесна и неудобна для входа судов. Однако проводя демонстративные гидрографические действия у Балаклавы, союзники пытались отвлечь внимание русских, скрыть истинные намерения.

От Балаклавы эскадра вышла к Феодосии. Оттуда союзники повернули к Варне. В ночь на 18 июля эскадра бросила якорь в бухте Коварны.⁴¹²

В этот же день вернулся в Севастополь ходивший на разведку «Владимир». И снова в радиусе 20 миль неприятеля не было.⁴¹³

Последняя крупная разведывательная акция союзников у берегов Российской империи завершилась. За ней последовало вторжение...

Но что интересно. Еще 30 июня Меншиков был убежден, что высадка в Крыму состоится. Он пишет об этом Горчакову и предупреждает его о том, что не сможет отразить ее, при этом довольно точно называя цифру вероятного числа неприятелей. Одновременно Меншиков намекает, что отправляет в столицу просьбу о подкреплении. Все вроде бы правильно. Но чем князь заканчивает письмо? По сути дела здесь откровенный намек на то, что в случае приближения союзного флота к берегам империи он не будет противодействовать этому силами флота. То есть никаких «русских Абукиров» в планах светлейшего князя не предвиделось.

«Я настаиваю в Петербурге на серьезные подкрепления и прошу вас, любезный князь, принять мою просьбу на серьезное соображение. Если наш флот уничтожат,

⁴¹¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с. 170.

⁴¹² Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с. 10.

⁴¹³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с. 171.

то ведь мы на двадцать лет потеряем всякое влияние на востоке, который со всех сторон, и с моря, и со стороны княжеств, будет для нас неприступен».⁴¹⁴

РЕЗУЛЬТАТЫ

Чего добились союзники, почти два месяца исследовавшие побережье Крыма? Никакого сомнения, во время этих рейдов решалась единственная задача: как брать Севастополь — главную цель всей затеянной акции. Варианты менялись неоднократно, часто радикально. После первой разведки англо-французское командование планировало затопить перед входом в бухту 15 или 20 транспортов-брандеров, забитых камнями, чтобы закрыть выход в море. В июле, убедившись, что Черноморский флот не настроен на морское сражение, они меняют мнение и отдают предпочтение тактике блокады с суши.⁴¹⁵

Вероятно, союзники отвергли идею блокирования брандерами русского флота по причине наличия у них большого желания устроить русским «второй Синоп» (его англо-французский вариант), разгромив Черноморскую эскадру в собственной гавани. Тем более что «...Синопский бой был сочтен оскорблением верховных прав Англии, так как произошел почти ввиду ее сильного флота...».⁴¹⁶ Для моряков ее величества месть стала делом чести. Успокоить их стремления могли лишь пылающие остатки русских линейных кораблей на фоне разрушенных береговых батарей Севастопольской крепости. Одним из тех, кто предчувствовал это, был адмирал П.С. Нахимов. Как вспоминал князь П.А. Ухтомский, едва прошло Синопское сражение, Россия и Черноморский флот ликовали, «...но Нахимов говорил, что нужно ждать европейской войны, что англичане не простят нам Синопской победы и употребят все силы, чтобы уничтожить Черноморский флот».⁴¹⁷

Но разгром флота все-таки был больше желанием, чем целью, которой оставался захват Севастополя. В этом случае судьба русского флота могла решиться сама собой и, конечно, не в пользу последнего.

Сведения о севастопольских укреплениях были явно преувеличены. На самом деле даже к началу первой бомбардировки количество орудий для стрельбы по внешнему и внутренним рейдам не превышало 570. Но в представлении союзных адмиралов прочно утвердилось понятие о Севастополе как неприступном для атаки со стороны моря. Потому у них на протяжении всей кампании не возникала мысль «...о форсировании входа в Севастопольский рейд прежде взятия с сухого пути укреплений северной или южной стороны».⁴¹⁸ К тому же англичане помнили высказывание Нельсона: «моряк, атакующий на корабле форт, просто дурак...». Конечно, можно привести пример атаки Ушаковым крепости Корфу, но укрепления Корфу и Севастополя — несколько разные вещи, кроме того, в Корфу у французов не было бомбических орудий, а у русских в Севастополе — были.⁴¹⁹

⁴¹⁴ Оборона Севастополя. Письма князя А.С. Меншикова к кн. М.Д. Горчакову 1853–1855 гг.//Русская Старина, №12, СПб., 1875 г., с.304–305.

⁴¹⁵ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с.7.

⁴¹⁶ Ильинский Д.В. Из воспоминаний и заметок севастопольца//Русский архив, №12, М., 1892 г., с.449.

⁴¹⁷ Жиркевич А.В. Из архива князя Л.А.Ухтомского//Русская Старина, Том 148, 1911 г., с. 162.

⁴¹⁸ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный Сборник, №3, СПб., 1902 г., с.5.

⁴¹⁹ <http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=608>.

То, что действия разведывательных кораблей велись не только в интересах флота, но и армии, говорило постоянное присутствие на борту кораблей сухопутных генералов — британского Брауна и французского Канробера. И именно ими должно было приниматься окончательное решение. То есть морякам нужно было решить, как перебросить войска в Крым, а что они будут делать там — оставалось прерогативой сухопутных начальников. Хотя эти двое были важным дуэтом, был еще один человек, от которого зависело решение.

В этой компании можно было видеть фигуру, теряющуюся в последующих событиях. Чаще всего современные исследователи или не говорят о нем ничего, или фиксируют в статистике потерь как первого английского генерала, отдавшего богу душу в Крыму. Лично для меня странно, что до сих никто не уделил должного внимания личности генерал-майора инженерных войск Тайдена, если не считать упоминания о его смерти от болезни на следующий день после Альминского сражения.

Его роль в Крымской войне все-таки более значительна. Британские историки Крымской войны считают, что он был тем лицом, на которое возлагались разведка и планирование операции.⁴²⁰ Тайден обрабатывал информацию, в том числе полученную от агентуры, и предлагал свои варианты дальнейших действий. Генерал-майору Тайдену принадлежала идея, по которой через несколько месяцев пошло развитие кампании в Крыму. Его план предполагал, что союзники должны были высаживаться севернее крепости, а атаковать ее с юга, со стороны Балаклавы. Мы еще не раз о нем вспомним.

Из генералов самым деятельным был, конечно, Канробер. Он успевал все: участвовать в разведках, планировать операцию, предпринять экспедицию в Добруджу. Базанкур искренне восхищается его деятельностью.⁴²¹

Чем ближе был день начала вторжения, тем труднее становилось хранить тайну готовящейся экспедиции «за семью печатями». Постепенно через знакомых и родственников все больше и больше английских и французских офицеров начали осознавать происходящее. Многие и ранее догадывались о будущей миссии, но даже они не были до конца уверены, что командование решится на столь рискованное предприятие. Амплитуда эмоций колебалась от патриотической истерии до «предсмертной» меланхолии. Но и среди патриотов, несмотря на демонстративный энтузиазм, были такие, кому перспективы участия в боевых действиях не казались мероприятием безоблачным. К таковым относился капитан Стрелковой бригады Максимилиан Хаммонд, погибший в 1855 г. во время последнего штурма Севастополя. Чувствуя, что разворачивается нечто грандиозное, он не знал, где оно должно произойти.

«Транспорты собираются в Варне, к 29-му там будет и флот... Одни говорят, что они должны доставить нас к Крыму, другие — что к Анапе... Я не думаю, что мы способны предпринять атаку на Севастополь, более того — я не чувствую личного стремления участвовать в этом рискованном деле... Чем больше я думаю о Севастополе, тем более становлюсь уверенным, что мы не можем отправиться туда в этом году, у нас нет достаточно ни людей, ни материалов...».⁴²²

Сомнения оставались сомнениями, а мысли простого армейского капитана мало волновали главных действующих лиц будущего международного спектакля, участни-

⁴²⁰ Harris, Stephen M. *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998, p.45-46.

⁴²¹ Cйsar Lecat Bazancourt, *The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace* Tome I Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 131–132.

⁴²² *The Memoir of captain M.M. Hammond. Rifle brigade. Edinburgh. 1908, p. 268–269.*

ками которого предстояло стать гражданам главных европейских государств, а зрителями — всему миру. Подготовка шла своим чередом.

К июлю англо-французские силы располагали основным и, как они считали, достаточным объемом разведывательной информации и могли приступить непосредственно к планированию предстоящей операции. Но что дала союзным командующим первая разведывательная информация после ее обработки и предварительного анализа. Несмотря на свою очевидную полезность, разведывательные действия у побережья Крыма не делали командование английского и французского контингента абсолютно осведомленным об истинном положении дел. Если с гидрографией все было в порядке, то с данными о численности русских — совсем плохо.

В мае-июне Раглан получил от премьер-министра информацию, полученную правительством Англии через Министерство иностранных дел о состоянии русских войск в Крыму. По данным конфиденциальных источников МИДа, она оценивалась в 45 тысяч человек на всей территории полуострова, т.е. достаточно точно.

Одновременно лорду представили доклад агента в Севастополе, подробно описавшего инфраструктуру крепости и состав гарнизона. Если внимательно посмотреть на эти цифры, то создается впечатление, что шпион или преувеличивал, или был «двойным» агентом, подсунувшим в конечном итоге Раглану чистой воды дезинформацию. К сожалению, мы не знаем ни имени агента, ни его подлинных хозяев. По его данным, в Севастопольском гарнизоне состояло (в мае 1854 г.) 40 000 чел. Еще 30 000 чел. (в том числе 8 000 чел. кавалерии) находились в различных местах Крыма. Раглан не знал, кому верить. Тут еще подлили масла в огонь моряки. У них были свои цифры, и они не радовали.

Адмирал Дандас, ссылаясь на свои данные, утверждал, что русская армия в Крыму имеет в своем составе никак не меньше 120 тыс. человек, что рушило все надежды на быструю победу.⁴²³

Союзники имели право на опасения. Как бы ни считали исследователи цифры численного состава союзных войск, они были невероятно малы для столь отчаянного предприятия, которым должна была стать переброска десантных сил в Крым. Им не хватало сил даже для обеспечения собственных тыловых линий в случае активности Черноморского флота. Распыление же было для Раглана и Сент-Арно самоубийственным. Успех предприятия могли обеспечить только концентрация, появление в самом неожиданном для русских месте и короткий, но сильный и смертельный удар.

С другой стороны, нет худа без добра. Эти ошибки и расхождения сослужили союзникам хорошую службу — операцию начали готовить тщательно, понимая, что любая мелочь может иметь характер роковой.

⁴²³ John Adye, C.B., Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 21–22.

ВЫБОР МЕСТА ВЫСАДКИ

«...кривым путем находим путь верный».

Велизарий, один из величайших полководцев Византийской империи.

Постепенно мы подходим к главному. Высадка десанта в севастопольской бухте однозначно исключалась — это мы знаем. Потому давайте не будем повторять лишнюю здравого смысла версию о жерлах «...орудий казематированных батарей у входа в Севастопольскую бухту...», делавших высадку десанта невозможной. Такие и иные выводы, которыми изобилует множество современных краеведческих опусов, проистекают от недостаточного знакомства с военной доктриной той эпохи по защите и штурму морских крепостей I класса, которой являлся Севастополь. Ни англичане, ни французы ничуть не походили на самоубийц. Как люди достаточно образованные, они верили в единожды принятые теории. А доминирующая теория морских десантных операций середины XIX в. считала, что «...удобный во всех отношениях пункт высадки, но занятый неприятелем, теряет многие свои выгоды».⁴²⁴

Перейдем к возможным вариантам.

ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ: ЕВПАТОРИЯ

Почему выбор союзного командования безошибочно остановился на Каламитском заливе? По утверждению адмирала Буа-Вильомеза, эта местность сразу стала основным вариантом места высадки, остальные рассматривались как альтернативные.⁴²⁵ В это легко поверить, тем более что есть несколько убедительных причин, положивших конец разногласиям военного и военно-морского командований в пользу западного берега Крыма как места десантирования экспедиционных сил.

В этот период года погода в Черном море непредсказуема, в условиях начавшегося внезапно шторма высадка в другом месте Крыма становилась практически неосуществимой и могла привести к катастрофическим последствиям. Необходимо было

⁴²⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №8, СПб., 1898 г., с.34.

⁴²⁵ Louis-Édouard Bouët-Willaumez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 207–208.

иметь минимально защищенную от волнений бухту, через которую можно было после высадки осуществлять в период осенних штормов снабжение союзных войск. Наличие рядом с местом высадки крупного населенного пункта, которым являлась Евпатория, позволяло создать постоянную крупную базу экспедиционного корпуса во время его движения в глубь полуострова.

Песчаное пологое дно Каламитского залива делало наименее безопасным сам процесс высадки войск и маневрирование кораблей прикрытия в районе высадки: «...изобата 100 метров проходит вдоль южного побережья Крыма параллельно берегу в среднем на удалении 1,5–6 миль, способствуя высокому волнению в самый незначительный шторм, а в районе западного побережья полуострова она отходит от берега на 20–30, местами на 70 миль. Наиболее мелководна северо-западная часть моря. Изобата 100 метров проходит здесь почти по прямой от мыса Емине по направлению к порту Евпатория. Рельеф дна залива обеспечивал минимально высокое волнение в полосе прибоя, что давало возможность снизить опасность для личного состава войск понести потери от несчастных случаев при высадке на берег».⁴²⁶ При условии, что сама северо-западная акватория Черного моря в навигационном отношении легка для плавания, «...подводные опасности отсутствуют, подходы к берегам просты», западная часть полуострова была почти идеальным местом для высадки десантных сил.⁴²⁷

Лоция Каламитского залива делала его наиболее выгодным местом для высадки и в силу равномерных глубин. «Глубина Каламитского залива на линии мысов Евпаторийского и Луккул — около 20 саж. (42,7 м); к восточному берегу она равномерно уменьшается до расстояния 3–3,5 мили от него, — здесь вдоль него тянется подводная каменная гряда с глубинами от 30 до 40 фут (9,1–12,2 м); за грядой глубина к берегу снова равномерно уменьшается до 6–7 сажений (12,8–14,9 м) горизонтали; далее к берегу, близ берегового рифа, местами встречаются отдельные банки».⁴²⁸

Отсутствие горно-холмистого рельефа местности в районе высадки делало ее просматриваемой и обеспечивало визуальный контроль за обстановкой, а также обеспечивало возможность беспрепятственного продвижения в глубь полуострова.

Высадка севернее Севастополя, по мнению союзников, могла отрезать город от остальной части полуострова и перекрыть пути снабжения для его гарнизона. Одновременная сухопутная и морская блокада крепости при полном морском господстве позволяла максимально сократить сроки его обороны.

Наличие прибрежных соляных озер давало возможность использовать их как естественное прикрытие от внезапных атак русской кавалерии в случае ее намерения помешать высадке. К тому же оборонять район высадки можно было минимальными силами. Многими военными специалистами признается, что «...южнее Тарханкута крымский берег поворачивает, образуя в средней своей части обширный Евпаторийский залив. Берег этого залива низменный, труднообороняемый с сухого пути, удобен для высадки неприятельского десанта (здесь высаживались союзники в Крымскую войну)».⁴²⁹

⁴²⁶ Солдат// Российский международный военный журнал, №1. М., 1993 г., с.21.

⁴²⁷ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.-Л., 1926 г., с.17–18.

⁴²⁸ Лоция Черного моря. Издание седьмое. 1931 г., Ленинград, с. 156.

⁴²⁹ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.-Л., 1926 г., с.18.

ВАРИАНТ ВТОРОЙ: ФЕОДОСИЯ

Но ведь Каламитский залив не единственный в Крыму обладавший такими идеальными условиями, позволяющими при минимуме риска высадить десант. Известно, что рассматривалась возможность высадки в районе Феодосии. Это был близкий к реальности план, тем более что на нем настаивали французские командиры, выполняя предложения своего императора.

«Наполеон III и командующий французской армией Сент-Арно предлагали высадить союзные армии у Феодосии, где имелась хорошая гавань, и двинуть их оттуда к Симферополю. Русская армия была бы вынуждена дать сражение, отойдя не далее Симферополя. Победа у Симферополя отдавала союзникам весь Крым и заставила бы русских эвакуировать Севастополь без боя. Но это овладение Крымом в стиле сокрушения совершенно не улыбалось англичанам; Раглан вовсе не имел обоза, был очень мало уверен в способности английской армии к маневру и наотрез отказался углубиться на сушу. По настоянию англичан, удар десанта нацеливался не на полевую русскую армию и сообщения Севастополя, а непосредственно на Севастополь; армии союзников не должны были удаляться от побережья».⁴³⁰

Об этом пункте французы говорили еще до начала военных действий, постоянно подчеркивая, что это просто идеальное место высадки.⁴³¹ Здесь союзники получали базы с бухтами и удобными стоянками, но оказывались отдаленными от своей главной цели – Севастополя горной, трудно проходимой местностью, движение через которую требовало времени и большого напряжения сил. Если быть точным, то оно было невозможным, так как даже имевшиеся дороги были постоянно залиты водой и большую часть времени непроходимы.⁴³²

Высадившись в Феодосии, французы и англичане могли без особых проблем занять Симферополь и перекрыть связь Севастополя с континентальной частью России. Но это все равно не избавляло их от перспективы осадных действий и противоречило главной стратегической идее союзного командования – максимальному приближению района высадки к Севастополю.⁴³³ Кроме того, при высадке в Феодосии существовала угроза быть отрезанными от морских коммуникаций в случае, если русский флот начнет активно противодействовать на море.⁴³⁴ Отрыв от флота не допускался категорически. На этом и удалось сыграть британцам, отстаивая свою точку зрения перед французским штабом.

Князь Меншиков тоже не считал Феодосию вероятным пунктом высадки союзников и угрозу определял исходящей совсем не оттуда. 29 июня 1854 г. он отправляет Николаю I записку, в которой точно прогнозирует будущую ситуацию.⁴³⁵

КАЧА: ВАРИАНТ ТРЕТИЙ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ

Англичане умело использовали в своих интересах амбиции французского командования. Район Качи, предложенный штабом маршала Сент-Арно, был альтернати-

⁴³⁰ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с.50–51.

⁴³¹ A Review Crimean War, to the Winter of 1854–5. Lieut.-Colonel John Ad Ye, C.B. London, 1860. p.145–147.

⁴³² Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг., Том. 2, СПб., 1876 г., с.247.

⁴³³ Хибберт Кристофер, Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 48.

⁴³⁴ A Review Crimean War, to the Winter of 1854–5. Lieut.-Colonel John Ad Ye, C.B. London, 1860. p.145–147.

⁴³⁵ Переписка Государя Императора Николая Павловича с кн. Меншиковым 1853–1855 гг./Военный Сборник, №10, СПб., 1904 г., с.286.

вой Феодосии, запасным вариантом, но все-таки очень приближенный к британскому плану. Нужно сказать, что английским штабом он принимался в расчет, хотя в большей степени только как место, где можно произвести возможные отвлекающие действия. Однако подавалась она так убедительно, что до самого начала десантной операции даже многие союзные командиры считали, что именно устье Качи наиболее удобно как место главной высадки войск.⁴³⁶

РЕШЕНИЕ

И все-таки, почему же был принят именно безоговорочно английский вариант, предусматривавший высадку в Каламитском заливе? Чем руководствовалось французское командование, уступая свою идею в пользу планов «заключенных друзей»? Не думаю, что так легко амбиции уступили место здравому смыслу.

Прежде чем говорить об этом, равно как и о самой переброске союзных войск в Крым, напомним, что из всех видов военных действий десантные операции всегда были и остаются до сих пор самыми сложными и опасными. Наверное, если детально проанализировать историю войн, то число неудачных десантов будет превалировать над успешными.

Слишком уж много должно быть учтено и слишком уж много подводных камней, о которые может разбиться любое, пусть самое точное планирование. Да и господин случай тоже имеет честь при сем присутствовать...

Десантные операции как никакие другие требуют точного расчета при подготовке и максимальной четкости, быстроты и координированных действий при выполнении. Мировая военная история знает многочисленные примеры, когда плохо рассчитанная десантная операция в считанные часы превращалась в кровавую авантюру со многими жертвами. Нет ничего более легкого, чем окрасить волны прибоя в розовый цвет, гораздо труднее сохранить при высадке жизни сотен солдат и офицеров, необходимые для выполнения последующих задач. Для этого, в принципе, всё это дело и затевается.

Для английского и французского штабов было важно сохранить фактор внезапности, чтобы избежать губительного противодействия со стороны Черноморского флота и русской армии. Понимая чрезвычайную уязвимость десанта в момент высадки, союзники, мысля совершенно логично, избрали местом высадки пустынные пляжи близ Евпатории.

Еще раз вернемся к генералу Тайдену. Хотя нужно отдать ему должное за успешно проведенный комплекс разведывательных мероприятий, не удалось все. В чем явно просчиталась английская разведка, так это в оценке силы севастопольских укреплений на северной стороне бухте. Возможно, что замеченные там производимые русскими инженерные работы, на которые постоянно выделялись матросы и солдаты гарнизона, заставили Раглана и Сент-Арно поверить, что с севера город защищен сильно. Неприятель не мог с уверенностью оценить реальную мощь северного укрепления и считал его едва ли не одним из наиболее мощных фортов Севастопольской крепости. Командующие считали, что если Севастополь действительно слаб,

⁴³⁶ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859. p.4–5.

представляя комплекс разрозненных укреплений, то только не применительно к северной стороне.⁴³⁷

В результате еще до начала Альминского сражения решение Тайдена об обходе города и атаке его с южной стороны утвердилось в их умах. В то же время здравые умы английской разведки, такие как полковник Макинтош (помощник Тайдена), предупреждали, что насколько южная сторона слаба в настоящее время, настолько быстро она в силу своего природного положения и условий грунта может быть подготовлена к обороне.⁴³⁸ Русские, направив противника путем нескольких фланговых маневров на юг, могут навязать последнему позиционную войну, то есть втянуть в осадные действия. Макинтош оказался умнее своего начальника. Теперь мы знаем, что так и произошло. В противовес мнению второстепенных офицеров разведки в головах союзного командования сработал фактор сравнительной оценки собственных сил и войск, находившихся в распоряжении князя А.С. Меншикова. Однако увлекшись арифметикой, союзники просчитались: Севастополь оказался сильнее, чем они полагали.⁴³⁹

Тому, что Раглан принял сторону Тайдена, способствовали и недостаточно точные топографические карты, имевшиеся в распоряжении английского штаба.⁴⁴⁰ Странно, почему не делились информацией французы, имевшие ее гораздо больше. Но это уже другая история.

Хотя на топографическом обеспечении операции нужно остановиться. Почему-то принято считать, что со знанием местности у союзников были проблемы. Но когда мы начнем разбирать их действия после высадки, то убедимся, что проблемы были с умением ориентироваться на незнакомой местности в основном у англичан. Французы вели себя более уверенно.

Но вспомним, что уровень знаний и умений французских офицеров был на две головы выше, чем у их английских коллег. Это касалось и младших командиров и генералов.

Для британской армии слабая подготовка офицеров была скорее правилом, чем исключением.

Ни в одном из материалов, оставленных французскими офицерами и генералами, вы не найдете жалоб на отсутствие карт. Целая сеть эмиссаров работала на французскую разведку в России перед Крымской войной. Немало денег было заплачено ими русским чиновникам за информацию, среди которой картография занимала не последнее место. Даже когда выяснилось, что император Наполеон III имеет устаревшую карту Севастополя, ему немедленно были сделаны на ней необходимые правки.⁴⁴¹

У русских тоже не все было в порядке. В распоряжении штаба Южной армии имелись прекрасные карты Болгарии и Турции, но не было хороших карт собственных территорий. Хорошая в этом случае означает подробная, на которой можно решать вопросы планирования военных операций. Я не скажу, что карт не было. Наоборот, их было вполне достаточно. Но бюрократическая машина империи настолько усложнила процесс их получения, что в нужное время их не оказывалось в нужном месте.

Придется признать, что в кампании 1853–1856 гг. российское командование не могло похвастаться подготовительными работами по изучению театра военных дей-

⁴³⁷ Harris, Stephen M *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998, p.45.

⁴³⁸ Harris, Stephen M *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998, p.45–46.

⁴³⁹ Harris, Stephen M *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998, p.46.

⁴⁴⁰ Harris, Stephen M *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998, p.45.

⁴⁴¹ Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг. // Русская Старина, Том 95, СПб., 1898 г., с. 373.

ствий. Этот не самый приятный вывод — не плод моих измышлений. Об этом можно неоднократно встретить свидетельства в военно-научной литературе XIX — начала XX вв. Приведу только одно из них.

«Дунайская действующая армия все же находилась в лучших условиях, так как в распоряжении штаба армии имелись еще не устаревшие работы, произведенные в предшествующую войну и после нее. Однако имеющимся материалом не сумели воспользоваться. В Крыму русские войска обходились картой, которая далеко не удовлетворяла потребности военного времени: масштаб ее был 5 верст на дюйм. После Альминского сражения полковник Герсеванов, назначенный на должность генерал-квартирмейстера, доложил командующему, что в штабе нет карты Крыма. Князь Меншиков отозвался, «что про это должен знать военный министр», но предоставил возможность Герсеванову написать генерал-квартирмейстеру главного штаба требование карт. Отзыв был получен на имя князя Меншикова с объяснением, что подобные карты могут быть выдаваемы не иначе как по требованию главнокомандующего. Тогда только князь решился написать министру. В карманах убитых французов между тем находили карты Крыма лучше тех, которыми пользовался главнокомандующий. Одной из таких он впоследствии и руководствовался. Когда после заключенного перемирия наши офицеры генерального штаба находились во французском лагере, то встретили несколько французских офицеров, которые прекрасно знали Крым. Капитан Дивенэ показывал ошибки на наших картах и в таких частях края, где никогда не проходили французские войска. Надобно отдать справедливость французам, что главное начальство их армии обратило особенное внимание на сбор подробных сведений о неприятеле и крае, и эта часть была у них отлично устроена».⁴⁴²

⁴⁴² Калинин Э.Х. Мысли о нашем мышлении//Военный Сборник, №11, СПб., 1912 г., с.34–35.

ПЕРВЫЕ АТАКИ ПОБЕРЕЖЬЯ ИМПЕРИИ

«На войне никогда нельзя быть уверенным в успехе. Но мы, по крайней мере, можем сделать все, чтобы его заслужить».

Уинстон Черчилль

ПЛАНИРОВАНИЕ: МЕЖДУ ГЕНИАЛЬНОСТЬЮ И АВАНТЮРОЙ

Подготовка экспедиционных сил к грандиозной десантной операции началась параллельно с разведкой и продолжалась, не прекращаясь ни на один день, вплоть до убытия экспедиционных сил с баз Болгарии.

Сама операция по переброске войск союзников из Варны и Балчика в Крым и их высадке на полуострове была не только наиболее масштабной из всех известных доселе истории, но и фантастически смелым, во многом даже отчаянным мероприятием. Именно так характеризует ее известный английский теоретик операций на море Филипп Коломб, проводя аналогию с высадкой наполеоновских войск в Египте.⁴⁴³ По его мнению, это было полное нарушение «канонов ведения войны на море» и «авантюра».⁴⁴⁴ Действительно, пока союзники готовили долгожданный второй Синоп, не было никакой гарантии, что сохранявший боеспособность российский флот не устроит неожиданный второй Абукир.

Черноморский флот был способен преподнести сюрприз еще до того, как конвой покинул Болгарию. Современные военно-морские историки считают, что это был шанс, который русские не использовали. Проведенное почти у Варны крейсирование пароходов Черноморского флота по тем или иным причинам не смогло выявить сосредоточение и погрузку экспедиционного корпуса, начавшуюся уже с 12 августа: «Вот когда надо было устраивать Нахимову и Корнилову «Наварины». Внезапный удар по Варне мог бы спасти Крым и предотвратить захват Севастополя. Но ничего этого не произошло...».⁴⁴⁵ Ну что ж, история знает примеры, когда самые успешные мероприятия начинались с упущенного первого шанса. Тем более что второй шанс представился вскоре.

Правоту Коломба подтверждает большинство разноплеменных теоретиков морской войны, в один голос утверждающих, что перевозка войск морем, осуществлен-

⁴⁴³ Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта (1798–1801 гг.) несмотря на отдельные победы Наполеона после разгрома англичанами французского флота при Абукире, отрезавшего французскую армию в Египте от метрополии, и неудачного похода в Сирию была обречена на поражение.

⁴⁴⁴ Коломб Ф. Морская война. М., СПб, 2003 г.

⁴⁴⁵ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с. 11.

ная союзниками, была в определенной и немалой степени риском, за которым должно было стоять или полное безрассудство, или невероятно точный расчет. Вероятно, достаточно было и того, и другого. Не было только одного — противодействия русского флота. Хотя только сама мысль о ее присутствии привела к появлению нового термина в военно-морском искусстве — эскадра прикрытия.

Видя, насколько важны поддерживающие функции такой эскадры, этот термин может показаться неудачным. Но именно он использовался в Великобритании, когда при подготовке крымского десанта сэр Эдмунд Лайонс, отвечавший за объединенную экспедицию, организовал флот из эскадры прикрытия и эскадры, отвечающей за транспорты.⁴⁴⁶

Говоря об эскадре прикрытия, адмирал Дандас придумал ей двойную функцию. Объяснив состав транспортной эскадры, он сказал: «Мои оставшиеся силы... будут действовать как эскадра прикрытия и, где возможно, помогать общей высадке». Имея в виду две эти цели, он планировал занять позицию достаточно близко к месту высадки, чтобы поддержать армию орудиями, если она встретит сопротивление. Но при этом Дандас предполагал остаться в виду своих крейсеров перед Севастополем и на таком расстоянии, чтобы при первых признаках движения русских он успел подойти к порту и навязать им бой раньше, чем они уйдут в море. Иными словами, он занимал позицию настолько близко к армии, насколько это было необходимо, чтобы предотвратить вмешательство, или, иными словами, его позиция была настолько близка к базе противника, чтобы можно было поддержать высадку. В данном случае выбор позиции сложности не представлял в основном благодаря тому, что впервые пар упростили факторы времени и расстояния.⁴⁴⁷

Конечно, были иницирующие факторы, заставившие союзников поверить в успех невозможного. Таким через шесть лет после высадки в Крыму, когда давно отгремели осадные орудия под Севастополем, английский генерал Джон Эдью назвал отвод русских войск от Силистрии,⁴⁴⁸ после которого союзники поняли, что есть реальная возможность осуществления успешной экспедиции. Легкое блокирование Черноморского флота в Севастопольской бухте весной–летом 1854 г. только прибавило им уверенности.

Итак, решение принято. Осталось совсем немного: собрать силы, сконцентрировать их, после чего распахать по транспортам и доставить в Россию. Это было важно хотя бы потому, что давно Европа знала «...как почти все войны, война с Россией зависела в первую очередь от количества, а не калибра пушечного мяса».⁴⁴⁹

Признаем, что именно это удалось союзникам настолько блестяще, что в 1860 г. по итогам Крымской кампании для военного секретаря США майором американской армии Делафилдом было сделано ставшее впоследствии широко известным исследование. Анализируя события весны–лета 1854 г., он писал: «Недавние боевые действия показали, сколь быстро континентальные державы могут разместить войска численностью от 10 до 12 тысяч подготовленных солдат на паровых транспортах, вмещающих каждый по тысяче солдат со всеми припасами, достаточными для путешествия, эквивалентному пути до наших берегов,.. оставляя нас в первый год конфликта во власти военной и морской мощи держав Старого Света».

⁴⁴⁶ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX вв. Пер. с англ. М., 2009 г., с.237.

⁴⁴⁷ Корбет Дж. Великие морские сражения XVI–XIX вв. Пер. с англ. М., 2009 г., с.241–242.

⁴⁴⁸ John Adee, C.B., Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854-5, London, 1860, p. 20–21.

⁴⁴⁹ Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).

Для должной координации действий союзным командованием был составлен и утвержден план подготовки десантной операции, включавший в себя:

- назначенные места дислокации сил армии и флота, назначенных в экспедиционный отряд;
- назначенные места погрузки сил армии, назначенных в экспедиционный отряд;
- подготовка перевозочных средств для погрузки на корабли имущества экспедиции;
- обучение войск десантным действиям, в первую очередь погрузке и выгрузке с кораблей и судов;
- подготовка материальных средств, продовольствия и боеприпасов;
- планирование распределения войск по транспортным судам и боевым кораблям с обязательным сохранением войсковой организации и т.д.

Основной идеей была скоротечность. Планировался разгром русских войск в нескольких последовательных полевых сражениях с одновременным блокированием и принуждением к сдаче гарнизонов крепостей. Все это должно было завершиться к началу зимы.⁴⁵⁰ Вероятно, ее английские, французские и турецкие солдаты надеялись провести в теплых севастопольских казармах.

Забегая вперед, подтвердим старую истину о наказуемости самоуверенности. После завершения кампании в докладе Палаты общин отмечалось, что командование, не располагая достаточной информацией, не сделало ничего, чтобы подготовиться к ее продолжению в зимний период.⁴⁵¹ Наивные не знали, что если планировать войну с Россией, то в нее нужно обязательно включать перспективу зимней кампании. Самоуверенность наказуема. Кстати, почти то же до Крымской войны произошло с Наполеоном, а после – с Гитлером...

НЕДЖЕНТЛЬМЕНСКИЕ ПРИЕМЫ «ПОСЛЕДНЕЙ РЫЦАРСКОЙ ВОЙНЫ»...

Часто любят, смакуя тему Крымской войны, говорить о ней как о последней войне джентльменов, рыцарской войне и прочих глупостях. Какой бред! Рекомендую забыть об этой фразеологии, достойной женского взгляда на мужские забавы со смертельным исходом.

Кампания в Крыму начиналась с пиратских набегов, каперских акций и обстрелов береговых городов, часто даже не являвшихся военными базами или крепостями. Более того, эти акции очень часто были составляющими элементами плана войны, составленного породистыми господами из союзных штабов. Так что еще до того, когда грязные руки корабельного артиллериста поднесли пальник к оружию, этот залп был санкционирован чистыми руками аристократа в адмиральских эполетах. Тот же получил высочайшее благословление в тихих кабинетах правительства или шумных залах парламента. С этого началось, этим и закончилось.

Как часть выполнения плана десантной операции одновременно с разведывательными операциями были выполнены рейды эскадры союзников под командованием вице-адмиралов Гамелена и Дандаса против одного из красивейших приморских городов Российской империи – Одессы.

⁴⁵⁰ John Abye, C.B, Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854-5, London, 1860, p. 24–25.

⁴⁵¹ John Abye, C.B, Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854-5, London, 1860, p. 25.

Жемчужине у моря первой из городов Причерноморья пришлось принять удар англо-французской эскадры. Гарнизон ее состоял из 90 офицеров и 2808 нижних чинов (пехота – 77 офицеров и 2384 нижних чина, кавалерия – 13 офицеров и 424 нижних чина).⁴⁵²

Акцию устрашения провела корабельная группа в составе 16 парусных и 3 винтовых линейных кораблей, а также 13 кораблей других классов.

В атакующую группу входили:

Корабль	Пушек	Командир
АНГЛИЧАНЕ		
Самсон	6	Сарт. Льюис Тобиас Джонс
Фьюриос	10	Сарт. Вильям Лоринг
Террибль	21	Сарт. Джеймс Джонстон Мак Клаверти
Тигр	16	Сарт. Генри Уэллс Жиффард
Ретрибьюшн	28	Сарт. Сэр Джеймс Роберт Драммонд
Аретуза	50	Сарт. Вильям Роберт Мендс ⁴⁵³
ФРАНЦУЗЫ		
Вобан	20	Сарт. Де Поке де Хербинген
Декарт	20	Сарт. Дарикау
Могадор	28	Сарт. Варнье де Вайли

Итак, как действовали европейские «рыцари» у берегов «варварской» империи. Их благородная миссия состояла в артиллерийском обстреле укреплений города, сооружений порта, стоявших в нем кораблей. Казалось, они только ждали от своих монархов команду «фас!», чтобы разрядить пушки по мирному городу.

И ждать им долго не пришлось. 9 (21) апреля английский паровой фрегат «Тигр» доставил адмиралу Дандасу, командующему британской эскадрой, находившемуся тогда в Галлиполи, официальный документ – объявление английской королевой войны России. Спустя несколько дней (14 апреля) французский корабль «Аяччио» доставил французскому адмиралу Гамлену подобное послание Наполеона III. Политика должна была продолжиться другим способом.

Теперь нужно было известить об этом русских. Желательно языком пушек. 8 (20) апреля 1854 г. союзный флот стал на якорь на рейде Одессы, блокировав ее с моря. Город был обречен. То, что это была акция совершенно не военного характера, не сомневался, кажется, никто, кроме ее исполнителей, которым военной славы она не принесла. Военно-морской теоретик Филипп Коломб не относит ее к доблестным операциям. Скорее, наоборот.

«Переходим к следующему выдающемуся нападению на территорию с моря – к бомбардировке фортов Одессы 22 апреля 1854 г. Цель демонстрации (бомбардирование это было не более как таковой) была карательная. Одесса за несколько дней до описываемого нападения стреляла по флагу перемирия, и 4 британским пароходам с 3 французскими было поручено наложить некоторое наказание не на город или его

⁴⁵² Ленц Н.И. Бомбардирование Одессы // Записки Одесского общества истории древностей. Том 26. Одесса, 1906 г., с. 18-20.

⁴⁵³ Разработал походный ордер английских транспортов при переходе в Крым.

суда, но на форты, защищавшие город, на правительственные суда и правительственные склады».⁴⁵⁴

Но любой европеец прежде всего ищет возможность оправдать свои действия, какими бы они варварскими ни были. То ли Одессу в 1854 г. обстрелять, то ли Дрезден в 1944 г. разбомбить — разницы нет. Рано или поздно оправдываться придется. Хотя победителей, конечно, не судят, но и с них спрос есть.

В случае с Одессой оправданием стал якобы имевший место обстрел шлюпки английского фрегата «Fugios», прибывшего для эвакуации из города дипломатической миссии (консульства) Великобритании.⁴⁵⁵ Кипящие гневом и возмущением адмиралы Гамелен и Дандас отправили 9 (21) апреля командующему войсками Бессарабской области и части Херсонской губернии, на правом берегу р. Буг расположенной, генерал-адъютанту барону Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену 1-му письмо. Текст был прост: 6 апреля, при вывозе британского консула, русские обстреляли английские корабли под парламентерским флагом. Звучало послание почти как приговор.

«...так как, не обращая внимания на этот флаг, батареи этого города сделали несколько выстрелов ядрами как по фрегату, так и по шлюпке в то самое время, когда последняя отвалила от набережной мола, куда прибыла с доверенностью».⁴⁵⁶

Бритнацам было удивительно, что их встречают не туземными танцами и песнями, а орудийными выстрелами. Не понятно, чего было больше: обиды или радости. С одной стороны: как эти русские посмели, но с другой — теперь и мы можем с чистой совестью разрядить пушки по городским кварталам. Таким образом, никакой альтернативы русским не предоставлялось: или сдаетесь, или обстрел. Но лучше сначала все-таки обстрел. Чисто-белый флаг капитуляции не так эффектен, как закопченный. Да и награждение после этого будет более щедрым.

Что-то подобное устроили немцы в 1939 г. в польском Легнице, после чего началась Вторая мировая война.

Думаю, стоит привести русскую версию случившегося с эвакуацией английского консула.

«Английский паровой фрегат «The Fuiros» был послан в Одессу, чтобы принять английского консула и живших там великобританских подданных. Остановленный двумя холостыми выстрелами вне пушечного огня, фрегат поднял свой национальный флаг и спустил шлюпку, которая под парламентерским флагом приблизилась к молу. Получив в ответ, что великобританский консул уже уехал, эта шлюпка возвращалась к фрегату, но тот, не ожидая ее, направился ей навстречу и стал приближаться к батарее на расстояние менее пушечного выстрела. Казалось, что фрегат делает промеры. Командир батареи на моле, исполняя в точности приказание не допускать неприятельские суда ближе пушечного выстрела, открыл по фрегату огонь, чем и заставил его отойти на расстояние пушечного выстрела».⁴⁵⁷

Генерал Остен-Сакен, будучи человеком достойным и оставив «дерзкие требования»⁴⁵⁸ союзников без ответа, «...приказал тотчас же оповестить жителей о нападении на город, которым угрожает неприятель».⁴⁵⁹

⁴⁵⁴ Коломб Ф. Морская война. М., СПб, 2003 г., с.157–158.

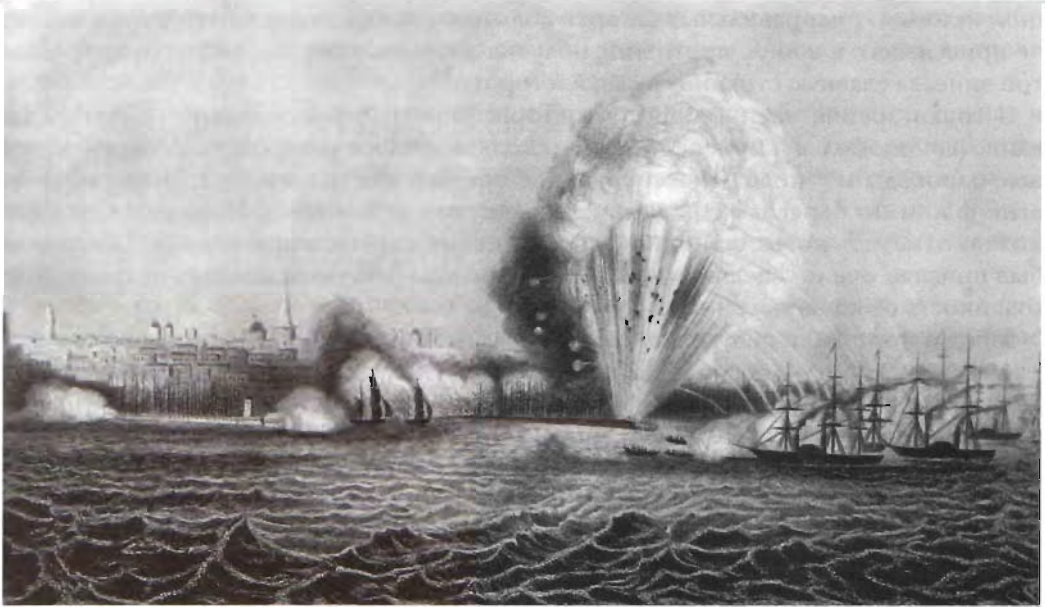
⁴⁵⁵ Louis-Édouard Bouët-Willauze, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 202–203.

⁴⁵⁶ Щёголев А. Полвека назад//Военный Сборник, №4, СПб., 1904 г., с.39–50.

⁴⁵⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г., с.20.

⁴⁵⁸ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская Старина. Том. 65, СПб., 1890 г., с.686.

⁴⁵⁹ Щёголев А. Полвека назад//Военный Сборник. №4, СПб., 1904 г., с.39–50.

Бомбардировка союзным военным флотом Одессы. 10 (22) апреля 1854 г.

Было очевидно, что Дмитрий Ерофеевич о сдаче города не помышляет и настроен более чем решительно. В результате случилось то, что и должно было случиться.

10 (22) апреля 1854 г. началась бомбардировка, длившаяся 12 часов. Как коммерческий порт город не был подготовлен к встрече с таким грозным неприятелем: береговых батарей было мало, орудия – устаревших образцов, снарядов не хватало. Кажется, что как оборонительным пунктом Одессой никто и никогда не занимался. В этом вопросе положение было типичным для приморских городов империи. Те батареи, которые имелись, «...были построены во всех отношениях непростительно дурно, а городские жители непременно прибавляли: «и дорого». Предпринимая эту постройку, порученную не знаю, по какой причине, кавалерийскому или артиллерийскому полковнику Гонгардту, что ныне (1869 г.) атаман Новороссийского казачьего войска, никто не позаботился проверить точность гидрографических карт Черного моря, составленных в 1820-х годах, а потому оказалось, что в тех местах, где наши карты показывали глубину в 4 и 6 фут, неприятельские суда нашли глубину в 12 и 16 фут и потому беспрепятственно становились на якорь в таких местах, которые не были обстреливаемыми нашими батареями, вооруженными весьма неудовлетворительно только частью старыми 24-фунтовыми пушками. Прочие орудия были еще меньшего калибра. На мортирной батарее, построенной близ дачи Ланжерона, я застал мортирные платформы, поставленные задом наперед».⁴⁶⁰

Владимир Иванович Ден,⁴⁶¹ конечно, во многом преувеличивает, но во многом прав: расценивать Одессу можно было только как потенциальную легкую добычу. Не

⁴⁶⁰ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская Старина. Том. 65, СПб., 1890 г., с.686.

⁴⁶¹ Ден Владимир Иванович — генерал-лейтенант, сенатор, автор записок. 6 декабря 1853 г. был назначен флигель-адъютантом к Его Величеству. Отчисленный из лейб-гвардии Саперного батальона в свиту, Ден немедленно был командирован в Белую Церковь для осмотра и отправки в Севастополь 6-го Саперного батальона, а в 1854 г. командирован в действующую армию, где 10-го апреля участвовал при бомбардировке Одессы и при сожжении английского парохода «Тигр». 23 мая 1854 г. возвратился в Петербург и

получилось. От неправильных батарей вольного города, привыкшего к торговле, но не привыкшего к войне, противник получил достойный отпор, а Одесса этой защитой вписала славную страницу в свою историю.⁴⁶²

С точки зрения военно-морской истории бомбардировку можно отметить как единственное более или менее крупное столкновение, в котором участвовали колесные пароходы и⁴⁶³ первое массированное применение навесного артиллерийского огня флота по береговым целям, ставшее потом обычным явлением.⁴⁶⁴ Отдельно можно отметить новые принципы сочетания огня артиллерии и ракет. Последний был признан очень успешным, расчеты и команды ракетных шлюпок получили благодарности от командования.⁴⁶⁵

Город и порт были обстреляны пятью английскими и тремя французскими колесными пароходами, маневрировавшими на рейде, и шлюпками с установленными на них ракетными станками. Бомбардировка с дистанции в среднем 2 000 м продолжалась около полусуток. На берегу и в порту было произведено много разрушений, укрепления принуждены к молчанию, на кораблях потери были незначительны, но и особых результатов эта экспедиция не дала. Хотя корабельная артиллерия и была значительно сильнее береговых батарей, даже союзники признали, что русские оказались более успешными. Буа-Вильомез констатировал, что фрегат «Вобан» с дистанции 9–10 кабельтовых получил три ядра в колеса. Паровой корабль потерял ход и вышел из строя эскадры, вынужденный производить ремонт и тушить начавшийся пожар.⁴⁶⁶

Пароходы первой волны с дистанции 1000–1500 сажень постоянно маневрировали и «...перемещениями своими препятствовали верному наведению на них орудий».⁴⁶⁷ Основной обстрел велся по Практической гавани.

Через три часа вторая волна фрегат, считая береговые батареи уже подавленными, подошла к городу и, став на шпринг,⁴⁶⁸ продолжила обстрел. Поддержку оказывали шлюпки с установленными на них станками для пуска ракет.⁴⁶⁹

Хотя адмирал Гамелен донес, что огню были преданы 53 городских и портовых сооружения, потоплены или уничтожены 53 парусных судна, 3 парохода, 5 черпательных машин, разгромлены открытые склады⁴⁷⁰ и множество имущества, на деле ущерб оказался не столь значительным. Он явно не стоил тех затрат и потерь, которые при

лично докладывал царю о состоянии армии и положении дел в Крыму, а в половине августа снова послан Николаем I в главную квартиру. 23 сентября был уже в лагере Меншикова, а 24 осматривал с Корниловым бастионы Севастополя, принимая затем деятельное участие в Инкерманском сражении. 5 декабря 1854 г. отправился в Петербург курьером к императору и 13 декабря прибыл в Гатчинский дворец. В половине февраля 1855 г. награжден золотой полусаблейю с надписью «За храбрость за мужество во время защиты Севастополя».

⁴⁶² Солодова В.В. О военных событиях весной 1854 г. в Одессе и работе Н.И. Ленца «Бомбардирование Одессы» // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 6. Саратов, 2005 г., с. 202.

⁴⁶³ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с. 485–486.

⁴⁶⁴ Гривель Ришельд, лейтенант. Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (пер. с французского) // Морской Сборник, Том XXII, №7, СПб., 1856 г., с. 250–253.

⁴⁶⁵ Мазинг Г.Ю., Качур П.И., Константин Иванович Константинов: 1818–1871 гг., М., 1995 г., с. 102.

⁴⁶⁶ Louis-Edouard Bouët-Willaumez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 203.

⁴⁶⁷ Гривель Ришельд, лейтенант. Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (пер. с французского) // Морской Сборник, Том XXII, №7, СПб., 1856 г., с. 250–253.

⁴⁶⁸ Шпринг — трос, заведенный в скобу станвого якоря или взятый за якорь — цепь, для удержания судна в заданном направлении с целью наиболее эффективного использования бортовой артиллерии. Постановка корабля на шпринг является разновидностью постановки корабля на якорь и применяется для придания кораблю положения под определенным углом относительно направления ветра или течения.

⁴⁶⁹ Гривель Ришельд, лейтенант. Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (пер. с французского) // Морской Сборник, Том XXII, №7, СПб., 1856 г., с. 250–253.

⁴⁷⁰ Гривель Ришельд, лейтенант. Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (пер. с французского) // Морской Сборник, Том XXII, №7, СПб., 1856 г., с. 250–253.

этом понес союзный флот. Тем более что противостояла им не высокочлассная береговая артиллерия, а с миру по нитке собранные батареи. Просто у пушек стояли храбрые люди, а командовали ими достойные офицеры.

Им было трудно. Когда на город, порт и батареи обрушился град ядер, гранат и бомб, русская артиллерия, составленная из устаревших орудий, едва доставала до противника. К полудню пять батарей молчали. Оставалась шестая батарея, состоящая из четырех 24-фунтовых пушек прапорщика резервной № 14 батареи 5-й артиллерийской дивизии Александра Щёголева двадцати одного года. К концу дня три орудия были уничтожены. В 17.30 обстрел прекратился.

Пострадали в большей степени объекты, к военным относившиеся весьма косвенно. Например, «...в приморский дом князя Воронцова и его сад насыпано было несколько сот⁴⁷¹ ядер; сеник ракетой был зажжен, но распорядительностью управляющего домом потушен; другая же завязла в наружный угол между большим кабинетом князя и библиотекою».⁴⁷² Русские потери исчислялись 4 убитыми и 46 ранеными, кроме батареи №6, все орудия были повреждены, другие батареи почти не пострадали. Сгорели несколько казенных построек, взорван 1 зарядный ящик (союзники доложили, естественно, о пороховом складе).⁴⁷³

На следующий день англо-французский флот покинул рейд Одессы.

Очевидец, посетивший на другой день место сражения, писал: «Я обошел щёголевскую батарею. Она вся обожжена,.. внутри — зола, обгоревшие бревна, следы ударов бомб, избитые колеса и лафеты, тела четырех пушек, лежащие на земле. Я молча снял шапку и, перекрестившись, поклонился чудному месту, на котором русский подпоручик сражался с англо-французской эскадрой».

Д.Е. Остен-Сакен прислал на батарею записку: «Храброму, спокойному и распорядительному Щёголеву — спасибо. Генерал-адъютант барон Остен-Сакен. 10.04.1854». О подвиге А.П. Щёголева заговорила без преувеличения вся Россия. Император в течение суток подписал два указа о производстве А. П. Щёголева, минуя чины подпоручика и поручика, в штабс-капитаны. Кроме этого, Щёголеву «всемилоостивейше» был пожалован орден Св. Георгия 4-й ст. который ему прислал тогда еще наследник, а вскоре российский император Александр II, сняв со своего мундира.

Через 25 лет царь, приветствуя уже генерала Щёголева под Плевной, напомнил ему об этом событии.

Не пропустил Государь, конечно, оказать массу ласки отличившимся вообще в делах под Плевной, а особенно в деле 28-го числа ноября нашим бойцам, заслужившим Георгиевские кресты; так между прочим Государь обласкал генералов — командира Гренадерского корпуса Ганецкого, его начальника дивизий — 2-й Цвезинского и 3-й Квитницкого, начальника артиллерии корпуса Рейнталя, командира 2-й артиллерийской бригады Щёголева, которому между прочим сказал: «я очень рад повидать тебя здесь среди героев Плевны и еще раз взглянуть на тебя и на тот Егорьевский крест, который мне довелось с особым удовольствием снять с своей груди и послать тебе четверть века тому назад после отличия, оказанного тобой в чине прапорщика при бомбардировании Одессы».⁴⁷⁴

⁴⁷¹ Конечно, преувеличение.

⁴⁷² Письма светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова к профессору Одесского Ришельевского лицея Н.Н. Мурзакевичу (1842–1854)//Русский Архив. Т.11, М., 1876 г., с.371–372.

⁴⁷³ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный Сборник, №3, СПб., 1902 г., с.25.

⁴⁷⁴ Андреевский Е.К. Из записок 1877–1878 гг.//Русская Старина, Том 162, СПб., с.154.

Некоторые исследователи считают, что первая кровь Крымской войны пролилась на Альме. Это неправильно. Другие — что на Булганаке. Может быть. Но вернее всего, первое достаточно большое кровопролитие Крымской кампании случилось у Одессы. На «Вобане» были 2 убитых и 1 раненый, на «Ретрибьюшне» — 3 раненых, «Террибле» — 2 убитых и 5 раненых, «Самсоне» — 5 раненых.

Для чего нужна была французским и английским командующим эта операция, тем более что сама по себе Одесса не входила в их планы? Генерал Бургойн в своих воспоминаниях даже сожалел, что, разрушая береговую инфраструктуру, приходилось действовать против мирного населения.⁴⁷⁵

Понятно, что причина в виде обстрела консульской шлюпки весьма расплывчата и сомнительна, но нужен был хоть какой-нибудь повод. Бред полный, но вполне в духе просвещенной Европы. Тем более что с точки зрения морали и этики войны у цивилизованных европейцев все было не так уж и хорошо. Обстрел города наглядно продемонстрировал, что союзники не настроены придерживаться каких-либо этических правил по отношению в том числе и к некомбатантам.⁴⁷⁶ Если смыслом этой акции была угроза, то фактор запугивания не сработал. Защитники приморского города встретили союзные корабли не белым флагом капитуляции, а умело организованным огнем береговых батарей.

Что касается разрушений, то они хотя и были, но не такими, которые могли ожидать союзные командиры.

«Неприятельские снаряды не действовали разрушительно, как можно было ожидать, по случаю особенности материала из которого построены все одесские дома. Мягкий камень поглощал в себя снаряды, а разрушительного сотрясения не оказывалось. Большую часть бомб не разрывало...».⁴⁷⁷

Психологического шока у привыкшего ко всему русского народа тоже не наблюдалось. Городское население Одессы без особых эмоций пережило обстрел. Моральное воздействие, способное превратить в беженцев население любого европейского города, не впечатлило одесситов, обожавших всякого рода зрелища. Свидетель бомбардировки города вспоминал, что видел, как в разгар обстрела «...мужички наши преспокойно лежали брюхом вниз вдоль бульварной стенки под самыми выстрелами громадных бомб и как ни в чем ни бывало перекидывались нецензурными анекдотами на счет англичан и французов; в виду опасности и неоднократных случаев искалечения приходилось просто разгонять толпу и для пробуждения морального действия подчас прибегать к казачьей нагайке».⁴⁷⁸

Буа-Вильомез, чтобы оправдать акцию, вывел для нее оригинальную формулу, по которой атака Одессы — не более чем чисто военная акция, цель которой была полностью достигнута, а все объекты, подлежащие истреблению — уничтожены. Ему вторит французский лейтенант Гривель, утверждавший, что «...цель прибытия союзных фрегатов к Одессе заключалась в уничтожении военной гавани этого города, русских судов и многочисленных казенных магазинов, делавших из Одессы род запасного депо для Севастополя и Николаева».⁴⁷⁹ То что Остен-Сакен объявил варварским нападением (каковым оно и было), начальник штаба союзной эскадры считает

⁴⁷⁵ The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne, Bart, G.C.B. Lodon, 1859, p. 164.

⁴⁷⁶ Некомбатанты — лица, входящие в состав вооруженных сил лица, функции которых сводятся лишь к обслуживанию и обеспечению боевой деятельности вооруженных сил.

⁴⁷⁷ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская Старина, Том 65, СПб., 1890 г., с. 560.

⁴⁷⁸ О.И.З. Заметки по вопросу о значении наших скорострельных пушек в полевой войне//Военный Сборник, №7, СПб., 1871 г., с. 114.

⁴⁷⁹ Гривель Ришельд, лейтенант. Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (пер. с французского)//Морской Сборник, Том XXII, №7, СПб., 1856 г., с. 250–253.

оправданием русского генерала перед Николаем I в том, что из-за явных ошибок в организации обороны порта ему не удалось избежать тяжелых потерь.⁴⁸⁰

Офицер английского линейного английского корабля «Queen» Том Келли считал, что бомбардируя Одессу, союзники поддерживали одновременную блокаду Севастополя.⁴⁸¹ Одно из сочинений по истории британского флота преподносит событие как одну едва ли не самых славных страниц его истории: «...форты разрушены, батареи заставили замолчать, русский флот ушел под прикрытие Севастополя».⁴⁸²

Адмирал Гамелен, вписав этот подвиг в свою военную биографию, был горд, донося в своем рапорте: «...если искусство войны заключается в том, чтобы вредить неприятелю без вреда себе, то никогда (до этого) правило это не получало полнейшего применения».⁴⁸³

Время все ставит на свои места и всему дает правильную оценку. В историю морских войн бомбардировка Одессы вошла не как пример грамотных действий эскадры в борьбе с береговыми батареями, а как одна из злодейских акций. Притом самими англичанами. Дж. Фуллер⁴⁸⁴ поставил действия британского флота у Одессы в один ряд с наиболее варварскими событиями в мировой истории войн.

«На море также всегда была возможность обстрела прибрежных городов, и при случае это делалось. Так, например, в 1854 г. в Никарагуа американская эскадра разрушила не укрепленный и не оборонявшийся город Сан-Хуан-дель-Норте,⁴⁸⁵ а объединенная англо-французская эскадра в этом же году подвергла обстрелу Одессу. Однако эти инциденты вызвали такое всеобщее осуждение, что «с 1854 г. не было ни одного случая преднамеренного полного разрушения города неприятельским флотом...». Даже уже в 1900 г., во время очередной последней джентльменской войны, лорд Робертс,⁴⁸⁶ загнавший генерала Кронье⁴⁸⁷ с его отрядом в Паардебург,⁴⁸⁸ видя в лагере женщин и детей, дал возможность эвакуировать их, прежде чем начать артиллерийский обстрел. Хотя сегодня такое предложение осмеяли бы как сентиментальную глупость, однако не умнее ли были наши предки? Они считали, что до тех пор, пока войны не уничтожены, самое лучшее — это ограничить их истребительность, и видели, что простейший путь к этому — вести войну по-джентльменски».⁴⁸⁹

Что же касается термина джентльменская война, то мы видим, что чаще всего его присваивают той или иной кампании англичане. Зачем? Да лишь бы соблюсти принцип — если уж и нагадили, то сделали это как аристократы.

⁴⁸⁰ Louis-Édouard Bouët-Willamez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 203–204.

⁴⁸¹ Kelly, Ton, From the Fleet in the Fifties. A History of the Crimean War, London, 1902, p.35–36.

⁴⁸² Swinburne, Henry Lawrence, The Royal Navy, London, 1907, p.227.

⁴⁸³ Привель Ришельд, лейтенант. Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (пер. с французского)//Морской Сборник, Том XXII, №7, СПб., 1856 г., с.250–253.

⁴⁸⁴ Дж.Ф.С. Фуллер — видный английский военный теоретик.

⁴⁸⁵ Обстрел в 1854 г. Сан-Хуан-дель-Норте в Никарагуа был предпринят кораблем ВМС США якобы в ответ на оскорбление американского дипломата.

⁴⁸⁶ Фельдмаршал лорд Фредерик Слей-Робертс («Бобс») Кандагарский — в 1900 г. главнокомандующий всеми британскими войсками в Южной Африке.

⁴⁸⁷ Кронье (Столпе) Пиетер-Арнольд — бурский генерал, в войне с англичанами отличился в сражениях при Маубе и Дурикойе; член фольксрады и правительства Южно-Африканской республики. 27 февраля 1900 г., окруженный войсками генерала Робертса, сдался вследствие недостатка припасов.

⁴⁸⁸ Паардебург — город в Южной Африке возле которого в 1900 г. потерпели поражение бурские войска.

⁴⁸⁹ Дж.Ф.С. Фуллер Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956 г., с.534–535.

ЛАГЕРЬ В БОЛГАРИИ

«Если все вооруженные конфликты рассматривать как бессмысленное кровопролитие, то Крымская война имеет все шансы возглавить список».

Полковник Джордж Кадоган. 1856 г.

СОСРЕДОТОЧЕНИЕ

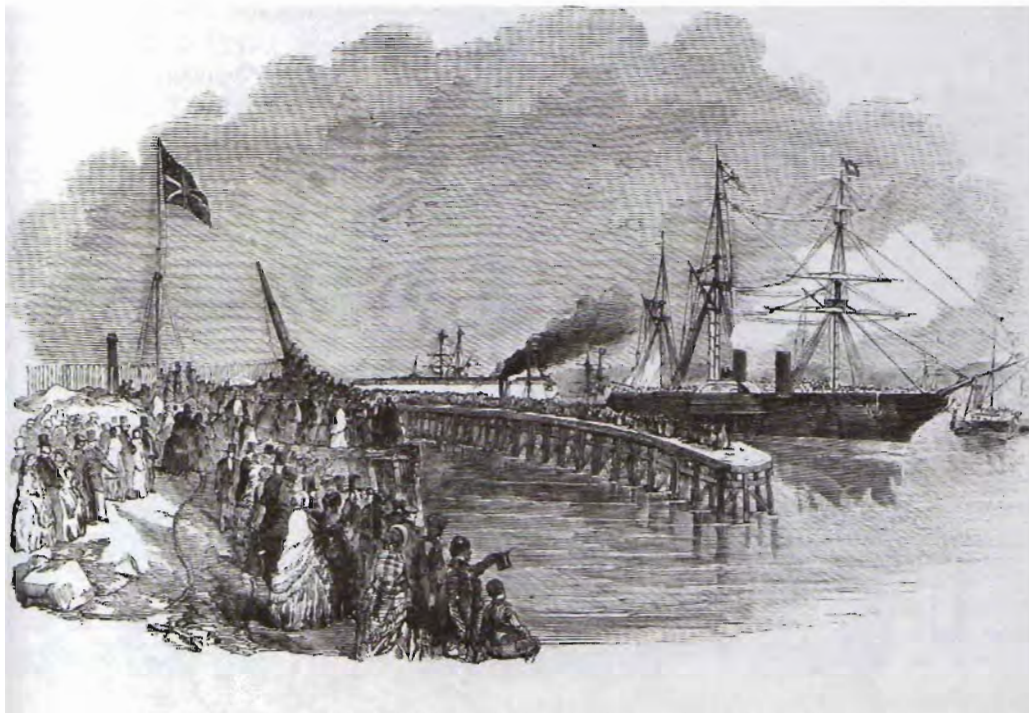
Конечно, даже если бомбардировка Одессы с военной точки зрения и имела какой-то смысл, в чем мы попытаемся разобраться, то с точки зрения гуманитарной это военное преступление. В этом мало кто сомневается. Тогда попытаемся выяснить то, что обычно пытаются понять следователи, расследуя преступление как таковое. Первое — мотивацию, второе — кому это выгодно.

Мотивация у этой операции есть. Применительно к Одессе версия перехода союзной морской рейдовой операции к десантной с последующим захватом города бессмысленна. Нет никакой выгоды в разрушении городов, которые надеялись в ближайшем будущем обогреть. Ни первая, ни вторая акции союзной эскадры не могли иметь продолжения в высадке сухопутных сил, ибо хоть на кораблях королевского военно-морского флота и имелись небольшие штатные команды морских пехотинцев, но их предназначение заключалось несколько в ином. На деле операция имела иной смысл, вполне окупавший и повреждения «Вобана», и потерю несчастного «Тигра»⁴⁹⁰ во время повторной атаки, и гибель части его команды, в том числе командира.⁴⁹¹ И выгодна она была англо-французам как минимум по двум причинам.

Первая: союзникам нужно было запереть русскую эскадру в своих бухтах. Разгром Черноморского флота в открытом море откладывался на неопределенное время. Отныне главное — перевезти десант в Крым, желательно не потопив его. Наличие в Черном море русского флота, пусть сейчас запертого, но совсем недавно потопившего значительную часть турецкого в Синопской бухте, вызывало тревогу и естественные опасения союзников. Уж кто кто, а французы и англичане не склонялись к умалению его возможностей. Маршал Сент-Арно в письме брату из Варны 29 июля 1854 г. прямо говорит, что российский флот не позволит себя сжечь без яростного

⁴⁹⁰ Пароход «Тигр»: спущен на воду в 1849 г., водоизмещение 1221 т, вооружение 10 пушек. В 1852 г. переведен в категорию фрегатом 2-го класса.

⁴⁹¹ Командир «Тигра» Генри Уэллс Джиффард скончался через 19 дней после того, как был взят в плен, от полученных в бою ран. Похоронен на третий день после смерти 23 мая 1854 г. (Солодова В.В. О военных событиях весной 1854 г. в Одессе и работе Н.И. Ленца «Бомбардирование Одессы»//Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 6. Саратов, 2005 г., с. 202–241).

Отправка в Крым Гвардейских гренадер. Саутгемптон. 1854 г.

спротивления, тем более что у русских адмиралов есть такой козырь, как доблесть, что было доказано операциями парохода «Владимир».⁴⁹²

Эта пощечина британскому флоту, вооружавшему турецкий и помогавшему ему, вызвала ярость у владычицы морей. Мы говорили, что для англичан было принципиально важно устроить Корнилову и Нахимову второй Синоп, но уже в Севастопольской бухте. И если раньше, когда десант в Крым не стоял на повестке дня, они жаждали морского сражения, то теперь им нужно было сделать все, чтобы Черноморский флот не вышел в море. Да и Абукир еще не стерся в памяти. Когда линейные корабли и пароходы Корнилова стоят хоть и под парами, но в бухте, то пусть там и стоят. С ними разберемся потом, сейчас главное — десант.

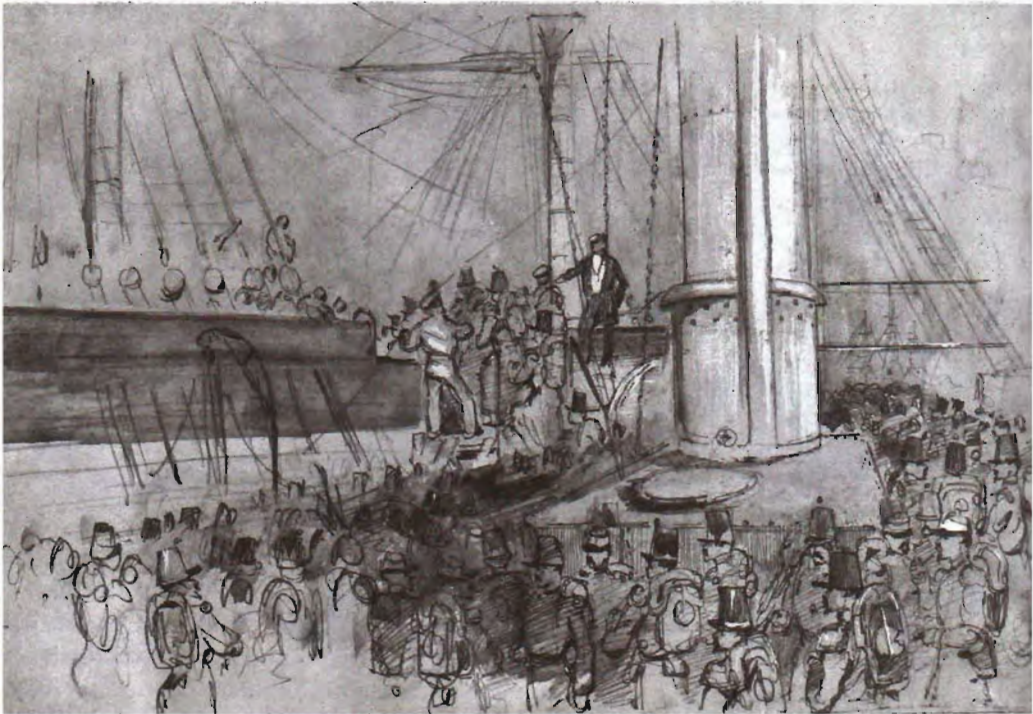
Французская историография Крымской войны утверждает, что именно этот вариант им и удался. Сочетание атаки приморских городов и блокады Севастополя привело к тому, что, как пишет Шарль Оже в книге «Осада Севастополя. История службы артиллерии», после атаки на Одессу русская эскадра больше не осмеливалась показываться в «московском озере».⁴⁹³

Второе: атака Одессы была не только акцией устрашения, но и акцией прикрытия. Наверное, даже в большей степени второй. Ведь к ее началу союзные войска еще в Турции, а их нужно перебрасывать в Болгарию, ближе к театру военных действий. При этом сделать это по возможности скрытно, не выдавая раньше времени своих

⁴⁹² Arnaud-Jacques Leroy de Saint-Arnaud, *Lettres du maréchal de Saint-Arnaud*. T.2, Michel Lévy freres, Paris, 1855, p. 454.

⁴⁹³ Charles Auger *Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol*. Historique du service de L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p. 15.

Погрузка французской линейной пехоты для отправки в Крым. 1854 г.

намерений. Вот тут-то и пригодилась акция устрашения, проведенная вместе с одновременным блокированием русского флота в Севастополе. Именно так планировали англичане. Об этом можно встретить немало упоминаний. К примеру, по данным журнала корпуса военных инженеров Великобритании, атака Одессы имела целью отвлечение внимания от Варны и Балчика. С ее помощью маскировалась переброска туда экспедиционных сил.⁴⁹⁴ После Одессы союзная армия «...начала стягиваться в окрестностях Варны и готовиться к походу».⁴⁹⁵

Пока союзный флот в корсарском стиле тиранил Одессу и все внимание российского военного руководства было приковано к действиям неприятельской эскадры, «...оба командующих решили перевезти свои войска в Варну». Чтобы ничего действительно не могло помешать этому, наличные силы союзного флота были задействованы в операции в полном составе. Линейные корабли остались для защиты береговых баз, а фрегаты отправились к Севастополю.

А вскоре союзники добавили к качественному техническому превосходству еще и численное. Когда адмирал Брюа привел 6 линейных кораблей французской океанской эскадры, вопрос о возможности морского сражения союзного и Черноморского флота отпал сам по себе. Зато с этого времени вице-адмирал Гамелен имел в сво-

⁴⁹⁴ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854-1855, By Captain H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.3.

⁴⁹⁵ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.22

ем распоряжении мощные силы из 15 линейных кораблей.⁴⁹⁶ Еще три должны были вскоре подойти.⁴⁹⁷

Союзная эскадра 20 мая подошла к Балчику и стала завесой, прикрывающей переброску войск. Одновременно корабли пополняли запасы пресной воды и продовольствия.

Вскоре приготовления достигли своего апогея. Войска потоком шли из гарнизонов в порты для погрузки на транспорты. Из портов их немедленно перебрасывали к промежуточным базам (Мальта, Греция и др.) и уже оттуда в Турцию. А вскоре и Турция сама стала главной тыловой базой экспедиционных сил, пееребрасываемых в Болгарию. Нужно сказать, что штабы союзников демонстрировали возможность качественного планирования масштабных военных операций, которое вскоре станет залогом их успеха при высадке десанта в Крым.

И еще тихо было у Одессы, когда гарнизоны Англии, Франции и Северной Африки наполнились шорохом шагающих ног. Походные колонны потянулись из мест постоянной и временной дислокации к местам погрузки.

В феврале 1854 г. Первый гренадёрский полк пешей гвардии получил приказ увеличить число личного состава в своих ротах с 80 до 100 человек и быть готовым к действиям вне Англии. Аналогичные приказы получили во всех полках гвардии, которые должны были сформировать бригаду, в которую включались: 3-й батальон Гренадер гвардии, 1-й батальон Колдстримского гвардейского полка, 1-й батальон Шотландских гвардейских фузилеров.⁴⁹⁸ После пополнения гвардейские части уходили к Саутгемптону, на погрузку на транспорты.⁴⁹⁹

В этом же месяце начала путь на восток Шотландская бригада. 93-й полк Аграйл и Сазерленда прибыл на Мальту 28 февраля 1854 г., а 4 апреля он уже был в Скутари.⁵⁰⁰

Для ускорения были задействованы последние достижения индустриального развития. 30 июня из своих казарм в Манчестере вышел 7-й Королевский фузилерный полк. Его личный состав в количестве 900 человек был доставлен в порт Саутгемптон через Лондон поездами Северо-Западной железнодорожной компании (North Western Railway Company) для чего потребовалось 44 вагона. В Саутгемптоне полковник Леси Йеа посадил своих солдат на транспорт «Огипосо», начав погрузку утром и завершив вечером.⁵⁰¹

63-й пехотный полк едва успел промаршировать в Феникс-парке в Дублине на церемонии вручения новых знамен,⁵⁰² как его командир подполковник Суини получил приказ готовиться к отправке в экспедицию. 21 июля полк погрузился на корабль Вест-Индской компании «Avon» и отправился в Средиземное море.⁵⁰³ После полно-

⁴⁹⁶ Louis-Édouard Bouët-Willaumez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 207.

⁴⁹⁷ В том числе «Наполеон», ставший на ремонт поломанной машины.

⁴⁹⁸ Frank Clark, major, The Greanadier Guards in the Crimean War//The War Correspondent, Vol.26, №4, January 2009, p. 39.

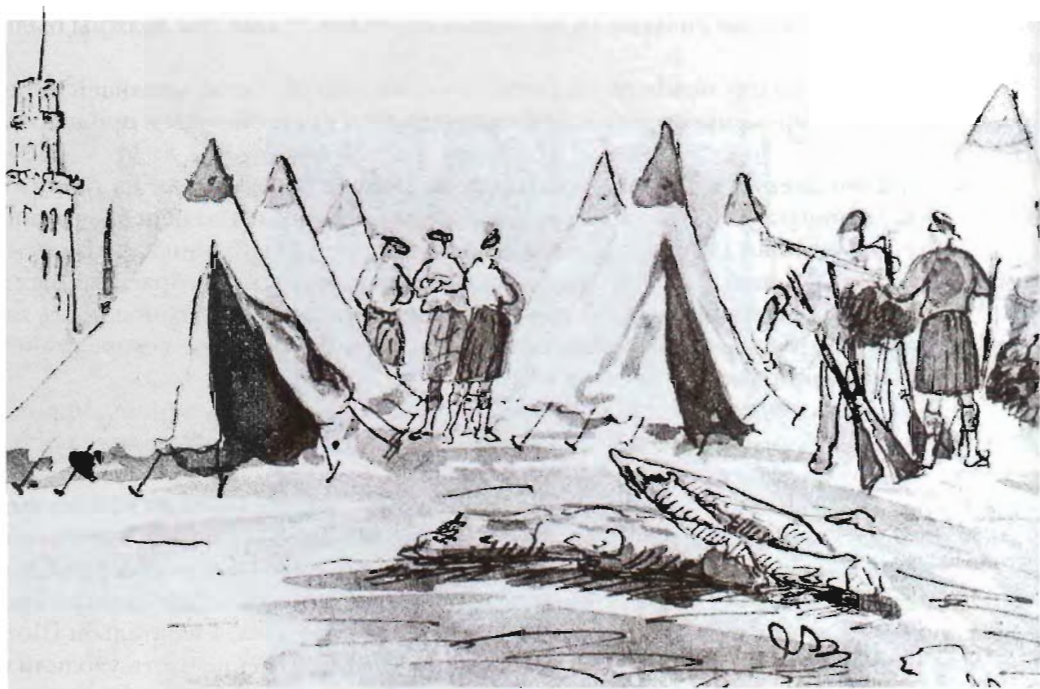
⁴⁹⁹ Гренадеры Гвардии грузились на парусники «Ripon» (600 чел.) и «Manila» (остальные), Колдстримский полк на «Огипосо». Наиболее комфортабельным был «Ripon», рассчитанный на 131 место 1 кл., 22 – 2-го, но принявший почти 1000 на все палубы и все помещения: (Frank Clark, major, The Greanadier Guards in the Crimean War//The War Correspondent, Vol.26, №4, January 2009, p. 39).

⁵⁰⁰ Frank Clark, major, The 93rd Regiment of Foot (The Sutherland Highlanders)//The War Correspondent, Vol.26, №1, April 2008, p. 15.

⁵⁰¹ Glenn Fisher, Thomas Tole — Deserter to the Russians//The War Correspondent, Vol.26, №4, January 2009, p. 23.

⁵⁰² Интересно, что королевское и полковое знамена из рук генерала Кена приняла жена командира полка и уже из ее рук их получили знаменосцы — лейтенанты Хант и Беннет.

⁵⁰³ James Slack, The history of the late 63rd (West Suffolk) Regiment, Army and Navy Co-operative Society, 1884, p.100–101.

Английский лагерь в Скутари. Рисунок лейтенанта Френсиса Гранта. 1854 г.

го приключений путешествия, когда они едва не остались без продовольствия, солдаты Вест-Суффлоского полка прибыли в Варну одними из последних.

Французы не отставали. Первым полком их армии, высадившимся в Турции, стал 1-й полк зуавов, погрузившийся 24 марта на корабль «Montezuma» в Алжире и 10 апреля высадившийся в Галлиполи.⁵⁰⁴ Одними из последних прибыли полки легкой и линейной пехоты. Возможно, это было связано с необходимостью пополнения этих частей личным составом до штатной численности военного времени. В этом отношении зуавам, африканским стрелкам и пешим егерям (но не всем) было проще: многие из них были в Северной Африке и, во-первых, уже были в процессе локальной войны, во-вторых — там пополняться личным составом было неоткуда.

Другое дело на территории Франции. Там части могли быстро пополняться до штатной численности за счет приема пополнений, в том числе и из других гарнизонов. Например, 7-й линейный 24 февраля 1854 г. вошел в состав Армии Востока. Для пополнения до полного штата полк принял кадры из других воинских частей гарнизона Лиона: 14-го, 21-го, 42-го, 72-го и 73-го полков линейной пехоты, благодаря чему численность его двух батальонов была доведена до 2400 чел.⁵⁰⁵

25 марта оба батальона покинули Лион, совершив марш к Тулону, где должны были сосредоточиться войска 1-й дивизии перед погрузкой. 2 мая полк отплыл из Франции и 15 мая выгрузился в Турции, где расположился в лагере Булаир в 14 км от Галлипо-

⁵⁰⁴ Ernest Descoubès, *Historique du 1er régiment de Zouaves*. Berger-Levrault, 1882, Paris, p. 105

⁵⁰⁵ Налицо значительное превышение штатной численности.

Английский лагерь в Скутари. Рисунок лейтенанта Френсиса Гранта. 1854 г.

ли. Условия экспедиции были не самыми лучшими, но пока относительно неплохими. Местный колорит показался французам больше похожим на большой базар.⁵⁰⁶

С каждым днем темп переброски возрастал. 2-й батальон 20-го легкого полка был посажен в Марселе 16 мая на транспорт «Ганг» и прибыл на галлиполийский рейд уже 23 мая.⁵⁰⁷

Как только штабы союзников убедились в возможности перехода в Болгарию, не теряя драгоценного времени, начали переброску войск в Варну и Балчик. Пригодились прибывшие под командой вице-адмирала Брюа французские военные корабли и зафрахтованные английские купеческие суда. Британский военный флот оставался свободным и использовался для охраны транспортов.⁵⁰⁸

Но и теперь скорость казалась недостаточной. В связи с этим 7 апреля было принято решение об ускорении переброски войск на восток. 11 апреля из Константинополя прибыли с генералом Фергюсоном так называемые сороковые — 41-й, 47-й и 49-й полки.⁵⁰⁹ Их со времен герцога Веллингтона традиционно сводили в одну бригаду.

⁵⁰⁶ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с. 2–4.

⁵⁰⁷ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с. 1.

⁵⁰⁸ Штенцель А. История войн на море, М., 2002 г., с. 485–486.

⁵⁰⁹ Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p. 17–18.

Принятые к ускорению меры оправдались. Группировка неумолимо увеличивалась. Перед заключительным броском в Болгарию англичане сосредоточили свои войска в Турции. К середине мая в лагерях находились:

В бараках Скутари:	7 200 чел.
В лагере в Скутари:	8 300 чел.
В бараках Кулули:	2 000 чел.
В Галлиполи:	4 000 чел.
<i>Всего:</i>	21 500 чел.

В Кулули в основном находилась артиллерия. Ее перебрасывали особенно быстро. Батарея Королевской конной артиллерии капитана Мода погрузилась на транспорт в Вулидже 25 апреля 1854 г., а уже 4 июня прошла Дарданеллы.⁵¹⁰

Кавалерия еще не прибыла совсем, пехоты ждали в ближайшее время три полка, пока задерживавшиеся на Мальте. Последними прибыли в Варну 31-й, 63-й, сразу за ними — 20-й и 68-й полки, составившие 2-ю бригаду 4-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта, сэра Джорджа Каткарта.⁵¹¹ С подходом этих сил общее количество британских экспедиционных сил могло быть доведено до 27 000 чел.⁵¹²

Настроение англичан было не столь романтическим, как у их французских союзников. Войска помещали в просторных бараках, в которых солдатам приходилось делить свои постели с полчищами блох.⁵¹³ Английские казармы и в самой Англии не отличались идеальной гигиеной, но здесь было еще хуже. Хотя то, что им пришлось испытать в следующие два года, не шло ни в какое сравнение с их нынешним состоянием.

Перед отправкой лорд Раглан провел инспекцию готовившихся к отправке в Болгарию батальонов. Первой подверглась проверке Легкая дивизия (16 мая), потом 1-я (17 мая), затем — остальные батальоны, котрые еще только начинали формироваться в соединения. Подполковник Лайсонс (23-й Уэльский фузилерный полк) отметил, что подразделения показали хороший уровень выучки, но уровень готовности офицеров и генералов желает лучшего.⁵¹⁴ Для британской армии середины XIX в. положение дел вполне обычное.

Смотр завершился большим приемом у английского главнокомандующего, на котором присутствовали приглашенные высшие турецкие и французские государственные и военные чиновники.⁵¹⁵ Затем парады начали проводиться почти каждую неделю. Казалось, что Раглан серьезно видел залог успеха в зависимости от того, насколько правильно и слаженно военные оркестры исполняют «Боже, храни королеву». Хотя по крайней мере этим удавалось поддерживать порядок в войсках.

С целью координации действий в штабы назначались офицеры из числа союзных войск для обеспечения постоянной связи между командующими. В английский штаб от маршала Сент-Арно прибыли полковник Лагонди, которому суждено было стать первым военнопленным офицером Крымской войны, и подполковник Вико — «...умный, начитанный человек».⁵¹⁶

⁵¹⁰ March, Catherinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p. 133.

⁵¹¹ Robert Bonner, capitan, John Brophrey of the 63rd Regiment//The War Correspondent, Vol.26, №4, January 2009, p. 27

⁵¹² Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 28.

⁵¹³ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.10–11.

⁵¹⁴ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.19–20.

⁵¹⁵ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 32.

⁵¹⁶ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 38.

Вскоре в Болгарии появились французы. Первой из Константинополя 26, 28 и 29 мая перешла в лагерь Malachi 3-я дивизия принца Наполеона и артиллерия. 5, 7 и 9 июня Боске высадил на землю Болгарии 2-ю дивизию, кавалерию и артиллерию. 8 июля артиллерия Боске с ее начальником, полковником Барралем переходит из Варны в лагерь Ени-Кене между Варной и Балчином.⁵¹⁷ Это место отведено для расположения артиллерийских подразделений.

В первые дни на болгарской земле Боске пребывает в восторге. Он ждет, что вот-вот начнется, может быть, самая главная кампания в его жизни. Противник теперь не африканские мятежники, а едва ли не самая сильная армия Европы.

Вскоре восторженность сменяется недоумением, почему его африканских ветеранов заставляют «...трепать гетры по тоскливым дорогам Болгарии,⁵¹⁸ не встретив ни одного врага».⁵¹⁹

Лучшее соединение французской армии — 1-я дивизия — начала погрузку в конце мая. В первых числах июня прибыли зуавы 1-го полка.⁵²⁰ Генерал Канробер с последними батальонами 30 июня высадился в Варне. С этой дивизией в Болгарию прибыл маршал Леруа де Сент-Арно.⁵²¹ Это был психологический тонкий, продуманный ход произвести впечатление на англичан. Подполковник Стирлинг из Шотландской бригады, увидев дивизию Канробера, искренне восхитился союзниками: «прекрасные войска».⁵²²

Последним, в несколько эшелонов, из Тулона через греческий порт Пирей прибыл генерал Форэ с 4-й дивизией, большим количеством артиллерии, в том числе осадной.⁵²³ В первых числах июля 4 пехотных и кавалерийская дивизия были в Варне, обустроивая лагерь, стараясь использовать для них небольшие тенистые оазисы.⁵²⁴ В отличие от англичан французы прибывали в Болгарию уже сформированными в бригады, каждая из которых имела своего командира, штаб и артиллерию.

Английские войска, как правило, оставались отдельными полками и только на месте начали процесс формирования более крупных соединений. Первыми прибыли Легкая (27 мая) и 1-я дивизии (30 мая). Первая обосновалась в лагере Аладдин (9 миль западнее Варны — «невероятно красивое место»⁵²⁵), вторая — у озера Девна (19 миль севернее Варны — «мы имеем здесь столько комфорта, как никогда несмотря на множество мелких проблем, которые только закаляют нас»⁵²⁶). Эти места вполне отвечали требованиям лагерной стоянки, будучи окруженными холмами, поросшими кустарником, и с протекавшей через центр котловины речушкой. Правда, климат был непривычным. Особенно тяжело переносилась большая разница между дневной и ночной температурой воздуха.

⁵¹⁷ Henri Roswag, *Historique du 13e régiment d'artillerie*, H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1891, p. 135.

⁵¹⁸ Боске пишет «по дорогам Турции», но так как речь идет о рейде в Добруджу, будем придерживаться современной географии.

⁵¹⁹ *Lettres du maréchal Bosquet à ses amis, 1837–1860*, Société des bibliophiles du Béarn, L. Ribaut, Pau, 1879, p. 145.

⁵²⁰ Ernest Descoubès, *Historique du 1er régiment de Zouaves*. Berger-Levrault, 1882, Paris, p. 106.

⁵²¹ Charles Auger *Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854–1856)*, Tome premier Paris, 1859, p. 17.

⁵²² Anthony Coningham Sterling, *Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856*, London, 1857, p.33–34.

⁵²³ Charles Auger *Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854–1856)*, Tome premier Paris, 1859, p. 19.

⁵²⁴ Dauvéé, Henri Pierre Eémile, *Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890*, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 53.

⁵²⁵ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, *Seventy-one years of a guardsman's life*, London, 1916, p.124–125.

⁵²⁶ March, Catherinr, *The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery*, London, 1862, p.137.

31 марта прибыл генерал сэр Джордж Браун с двумя батальонами Стрелковой бригады (майоры Лоуренс и Норкотт). Спустя несколько дней из Галлиполи эти же транспорты доставили 28-й, 44-й, 50-й и 93-й полки.

Первые части кавалерии (5-й и 13-й драгунские полки) расположились в 15 милях от Девны. Подходили 8-й гусарский и 17-й уланский полки. 10 июня высадились 5-й гвардейский драгунский полк и 11-й гусарский.

Кавалерия привезла с собой еще одну проблему – с конским составом. В отличие от людей лошади требовали специально оборудованные для их перевозки помещения на кораблях. Многие не выдерживали перехода морем. Потери необходимо было компенсировать. Военный комиссариат выделил деньги на закупку 3 000 лошадей на месте. Еще не менее 500 должны были быть закуплены в Александрии и Тунисе.⁵²⁷

Декретом от 1 марта 1854 г. Франция выделяла следующие войска в состав экспедиционных сил.

Командующий: маршал Сент-Арно.

Адъютанты командующего: полковник Трошю, подполковник де Вобе де Женли.

Комендант штаба: капитан Бойе.

Начальник штаба: бригадный генерал Мартенпре.

Помощник начальника штаба: подполковник Жаррас.

Помощники начальника штаба: полковник Лебеф (по артиллерии), полковник Трипи (по инженерам).

Экспедиционные силы состоят из трех дивизий: первой, второй и резервной.

Первая дивизия.

Командир: дивизионный генерал Канробер.

Адъютанты: шеф эскадрона Корнель, капитан Дебар.

Начальник штаба: подполковник Дени де Сеннвиль.

Начальник артиллерии: шеф эскадрона Хугенет.

Начальник инженеров: шеф батальона Сабатье.

1-я пехотная бригада.

Командир бригады: бригадный генерал Эпинас.

1-й батальон пеших егерей, командир шеф батальона Тристан-Легро.

1-й полк зуавов, командир полковник Бурбаки.

7-й полк линейной пехоты, командир полковник де Пикне де Лаваранд.

2-я пехотная бригада.

Командир бригады: бригадный генерал Винуа.

9-й батальон пеших егерей, командир шеф батальона Никола.

20-й полк линейной пехоты, командир полковник де Файли.

27-й полк линейной пехоты, командир полковник Верже.

2 батареи артиллерии, 1 рота саперов, 1 взвод жандармов.

Вторая дивизия.

Командир: дивизионный генерал Боске.

Адъютанты: шеф эскадрона Лалеман.

Начальник штаба: полковник де Кисси.

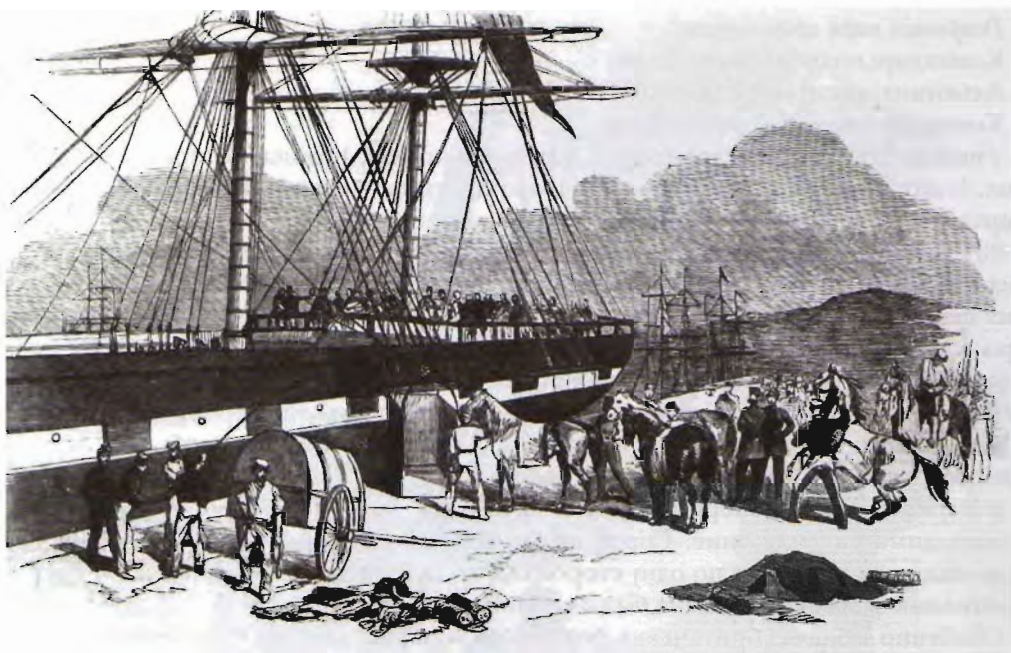
Начальник артиллерии: шеф эскадрона Лефранк.

Начальник инженеров: шеф батальона Дума.

1-я пехотная бригада.

Командир бригады: бригадный генерал де Отамар.

⁵²⁷ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 37–38.

Погрузка 11-го гусарского полка в Кингстоне. 1854 г.

Тиральеры, командир полковник Вимпфен.

3-й полк зуавов, командир полковник Табори.

50-й полк линейной пехоты, командир полковник Трауе.

2-я пехотная бригада.

Командир бригады: бригадный генерал Буа.

Адъютант: капитан Клемент.

3-й батальон пеших егерей, командир шеф батальона Дюплесси.

7-й полк легкой пехоты, командир полковник Жанин.

6-й полк линейной пехоты, командир полковник де Жардере де Боис.

2 батареи артиллерии, 1 рота саперов, 1 взвод жандармов.

Кавалерийская бригада

Командир бригады: бригадный генерал де Аллонвиль.

Адъютант: капитан де Серрион.

1-й полк африканских егерей, командир полковник де Феррабо.

4-й полк африканских егерей, командир полковник Косте де Шамперо.

Подразделение спаги.

1 батарея конной артиллерии.

Резервный корпус.

Командир: дивизионный генерал принц Наполеон.

Помощник: полковник Десмарле.

2-й полк зуавов, командир полковник Клер.

22-й полк легкой пехоты, командир полковник Сол.

Полк морской пехоты.

Резервный парк артиллерии.

Командир: подполковник Роже.

Адъютант: капитан Солейле.

Комендант парка: капитан Дюзе.

2 пешие батареи, 2 батареи парка, 1 конная батарея, 1 горная батарея, 1 пешая секция, ½ артиллерийского парка и др. подразделения обеспечения. Но еще до начала марта силы вторжения были увеличены как минимум вдвое.

20 июня в Варне появился генерал-лейтенант Леси-Эванс, высадившийся со 2-й дивизией. В течение ближайших двух недель прибыли остальные батальоны пехоты, из них формировались 3-я и 4-я дивизии. Англичане, как традиционалисты, старались при сборе полков в бригады и дивизии учитывать их истории. В дивизию генерал-лейтенанта Ричарда Ингланда включили 44-й, 4-й, 38-й и 28-й полки, которым много лет назад уже пришлось быть в одной бригаде (правда, в разное время) во время войн с Наполеоном в Испании и при Ватерлоо.⁵²⁸ Считалось, что таким образом легче будет достигнуто взаимопонимание на поле боя.

В Варне союзники впервые увидели друг друга, знакомство произвело на многих неизгладимое впечатление. Сорок лет назад они сходились в бескомпромиссных схватках, теперь встали по одну сторону фронта. Вчерашний союзник британцев и противник французов отныне был их общим врагом.

Особенно забавлял британских гвардейцев контраст между их строгими красными мундирами, тяжелыми медвежьими шапками и восточным типом униформы французских зуавов и африканской пехоты. Подобная фривольность не укладывалась в понятие стойкости на поле боя. Но вскоре общий язык был установлен и французы с англичанами пытались укрепить дружбу с помощью нескольких легко запоминающихся расхожих фраз.⁵²⁹

Эмоции не долго развлекали союзников. Вскоре организационные мероприятия поглотили всех. Мало кто понимал, что происходит, но ощущение тревоги было повсеместным. Со временем Варна стала местом, где перемешались языки и нации. Всюду шла бойкая торговля. Вскоре опытные в торговле турки выделили англичан как наиболее богатых и настолько же скупых покупателей. Прилипшая к британцам кличка «Вонпо Джонну» оставалась с ними до конца войны. Правда, иногда турки конкретизировали: «Инглиз Вонпо, Франкез Вонпо, но московит не Вонпо». Часто подобная тирада сопровождалась в последней части многозначительным жестом, символизирующим перерезание горла воображаемому русскому.⁵³⁰

При всей напряженности работы англичане оставались самими собой. Вскоре стали регулярно проводиться конные охоты, иногда даже псовые, ставшие невероятно популярным развлечением среди офицеров. Некоторыми исключительно для этого приобретались лошади.⁵³¹

Оказавшись в Болгарии, лейтенант 33-го полка Чарльз Стефенсон писал домой о предчувствии чего-то грандиозного, что должно произойти в ближайшее время. В лагерях идет постоянная подготовка, прибывают артиллерия, другие рода войск.

⁵²⁸ Thomas Carter, *Historical Record of the Forty-Fourth: Or the East Essex Regiment*, Gale & Polden, Chatham, 1887, p. 143.

⁵²⁹ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, *Seventy-one years of a guardsman's life*, London, 1916, p. 124–125.

⁵³⁰ *Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer*, London, 1859, p. 29–30.

⁵³¹ March, Catherinr, *The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery*, London, 1862, p. 138–140.

Англичане в Турции. 1854 г.

Транспорты привозят грузы, строятся новые склады. Принимали должности командующие.

Вопреки сложившемуся мнению, наиболее боеспособным соединением у британцев была не Гвардейская бригада генерала Бентинка, а 1-я бригада Легкой дивизии генерала Эйри⁵³² (уже перед высадкой в Крыму замененного на бригадного генерала Кодрингтона), состоявшая из двух фузилерных (7-го Королевского и 23-го Уэльского) и единственного именованного (33-й Герцога Веллингтона) полков. Все подразделения бригады прошли через лагерь подготовки пехоты в Чобхэме,⁵³³ где в совершенстве освоили новое вооружение. Подполковник Лайсонс подтверждает, как пригодились солдатам уроки этого лагеря уже в Болгарии и потом в Крыму.⁵³⁴ В то же время Чоб-

⁵³² Занял должность генерал-квартирмейстера английских экспедиционных сил.

⁵³³ Лагерь Чобхэм (Military camp Chobham) — созданный в последний год жизни герцогом Веллингтоном учебный центр армии, через который должны были последовательно проходить все части армии. В 1853 году перед началом отправки на восток английской армии лагерь посетила королева Виктория, проведшая смотр войск и участвовавшая вместе с солдатами в молебне. В 1901 г. в Чобхэме на месте молебна был сооружен мемориал, в котором установлены трофейные русские пушки, вывезенные из Севастополя. Во время Второй мировой войны в Чобхэме был построен танковый завод, существующий до настоящего времени. Есть версия, что современная многослойная рассеивающая бронезащита «Чобхэм», которую англичане успешно используют на современном основном боевом танке британской армии «Челленджер», появилась после того, как один из инженеров увидел десятки тысяч консервных банок, зарытых солдатами в землю рядом с лагерем перед отправкой в Крым.

⁵³⁴ Sir Daniel Lyons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 56–57.

хэм предупредил английское командование о серьезных болезнях не медицинского характера, пронизывавших армию на всех уровнях.

«Маневры там производили тягостное впечатление. Солдаты были прекрасно обмундированы, но ими командовали офицеры, не имевшие ни малейшего представления о тактике. Штабы часто теряли собственные подразделения, организовывали решительные атаки на собственные позиции. Командиры, заявив, что все эти проклятые маневры — пустая трата времени», могли внезапно забрать солдат. «Это не армия, а сброд», — заметил как-то раздраженно один из артиллерийских офицеров.

А через несколько месяцев под восторженные крики полной надежд на скорую победу публики эта армия отправилась на войну». ⁵³⁵

Первоначально планировалась, что бригада войдет в 1-ю дивизию кузена королевы Виктории, генерал-лейтенанта герцога Кембриджского. Но генерал Раглан решил, что лучше иметь две вполне сильные дивизии, чем одну очень сильную. Хотя, на мой взгляд, опытный штабной офицер Раглан был не самого лучшего мнения о военных дарованиях герцога Кембриджского и решил не отдавать ему все лучшие батальоны. Он прекрасно понимал, что если кто и не подведет в самой отчаянной ситуации, насколько трудной бы она ни оказалась, то это Браун. Организатор он был никудашный, но исполнитель идеальный.

В результате, кроме фузилеров, Легкую дивизию дополнили 19-й, 77-й, 88-й полки и 2-й батальон Стрелковой бригады. ⁵³⁶ Боевая ценность распределялась неравномерно. 77-й полк был едва ли не самым слабым в британской армии, не многим лучше был и 88-й. ⁵³⁷ Если на кого можно было положиться в бою, так на традиционно стойкий 19-й полк («Зеленые Гюварда»).

Генерал Браун столь рьяно взялся за работу по формированию дивизии, что вскоре умудрился запугать всех своими непрекращающимися придирками. Кстати, в определенной степени самодурство Брауна было оправдано: ему нужно было сделать что-то боеспособное из бригады, большую часть солдат которой составляли отбросы Ирландии, загнанные голодом под знамена Ее величества.

Проще было с шотландцами. ⁵³⁸ Они прибыли в Варну уже сведенными в сформированную в Скутари 29 мая горскую бригаду. ⁵³⁹

В Болгарии соединили в единое целое и артиллерию, выделенную для экспедиции в Россию. Как и французская, она равномерно распределилась среди дивизий.

Британская артиллерия: ⁵⁴⁰

Штаб.

Бригадный генерал Т. Фокс Стренгвейс (командующий), капитан Дж.М. Эдью (адъютант командующего), капитан Хон (бригад-майор), капитан Филд (адъютант квартирмейстера), капитан Хемли (офицер штаба), полковник Дюпуи (командир конной артиллерии).

⁵³⁵ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с. 16.

⁵³⁶ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 19.

⁵³⁷ Когда мы будем писать о сражении на Альме, мы затронем тему 77-го полка. Его действия едва не поставили всю английскую армию на грань поражения.

⁵³⁸ В дальнейшем, при упоминании шотландцев и шотландской бригады, мы будем использовать термин «горская», в этом не будет ошибки, но будет отличать, например, от 1-го полка («Королевские шотландцы»), которые, по сути, были обычной армейской пехотой.

⁵³⁹ David Murray, Lieutenant-Colonel, The Letters of Lieutenant F.G. Currie, 79th Highlanders, Part One//The War Correspondent, Vol.21, Number 4, January 2004, p. 30; «The Black Watch» The Record of an Historic Regiment, by Archibald Forbes, LLD, London, 1896, p. 279.

⁵⁴⁰ James Alexander Browne, England's artillerymen: An historical narrative of the services of the Royal Artillery, from the formation of the regiment to the amalgamation of the Royal and Indian Artilleries in 1862, Hall, Smart and Allen, London, 1865, p.224.

Конная артиллерия (2 батареи), капитанов Мода и Томаса.

1-я дивизия.

Полковник Дакрес, начальник артиллерии.

Батареи (2) капитанов Вудхауса и Пейнтнера.

2-я дивизия.

Полковник Фитцмайер, начальник артиллерии.

Батареи (2) капитанов Тернера и Франклина (Джатса).

3-я дивизия.

Полковник Нидхем, начальник артиллерии.

Батареи (2) капитанов Суинтона и Баркера.

4-я дивизия.

Полковник Вуд, начальник артиллерии.

Батарея (1) майора Тоунседа.

Легкая дивизия.

Полковник Лейк, начальник артиллерии.

Батареи (2) капитанов Андерсона и Морриса.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ

Если мы начинаем говорить о Крымской войне, то никак не можем обойти вопрос вооружения сторон. Уж слишком много мифов, вымыслов и совсем мало истины в этом вопросе бродит сегодня по трудам разношёрстных историков. В полном объеме говорить об этом рано. Когда в следующей книге мы затронем само сражение, то коснемся этой темы детально. Но сейчас начнем предысторию проблемы.

В ходе подготовки к кампании шло перевооружение батальонов, по тем или иным причинам не получивших новое стрелковое оружие в Англии. Таких было много. 44-й Истэссекский полк только в Варне начал осваивать ружья Энфилд, использовавшие пулю системы Минье.⁵⁴¹ Даже гвардия (в частности, гренадеры) получили новые ружья лишь во время стоянки на промежуточной базе на Мальте.⁵⁴² Но полностью перевооружить армию англичане не успели. По утверждениям некоторых современных исследователей даже при высадке в Крыму некоторые солдаты продолжали быть с «Браун Бесс».⁵⁴³

Большая часть полков выходила на войну с надежными, но безнадежно устаревшими ружьями Браун Бесс,⁵⁴⁴ некоторые из которых стреляли еще по французской пехоте при Ватерлоо. Не были полностью перевооружены не только армейские, но и некоторые гвардейские части. Офицер гвардейских гренадер Хиггинсон вспоминал, что его полк получал новое оружие по пути в Турцию. Вплоть до Болгарии его было ровно столько, сколько нужно для обучения. Англичане должны сказать спаси-

⁵⁴¹ Thomas Carter, Historical Record of the Forty-Fourth: Or the East Essex Regiment, Gale & Polden, Chatham, 1887, p. 144.

⁵⁴² Frank Clark, major, The Greanadier Guarfs in the Crimean War//The War Correspondent, Vol. 26, №4, January 2009, p. 39.

⁵⁴³ Frank Clark, major, The Greanadier Guarfs in the Crimean War//The War Correspondent, Vol. 26, №4, January 2009, p. 40.

⁵⁴⁴ Brown Bess (Браун Бесс) — жаргонное название старейшего образца пехотного ружья, принятого на вооружение английской армией в 1730-х гг. и окончательно снятого с вооружения лишь после наполеоновских войн. Интересно, что в ранних источниках это название не встречается — первое упоминание о Браун Бесс относится к 1785 году. Само название, по всей видимости, связано с цветом то ли ствола, то ли ложи. Возможно также, что Бесс (сокращенное имя Элизабет) на самом деле является искажением немецкого «бюксе» — ружье.

бо своему сержантскому корпусу. Опытные методисты, они могли организовать подготовку рядовых в любых условиях.

Занятия, в том числе и боевые стрельбы, шли на палубах кораблей. Одним из первых, кто нарисовал мишени для практических стрельб из Энфилдов, был офицер гвардии Джордж Кадоган.⁵⁴⁵ В истории Крымской войны он вошел в том числе и как художник, автор интересных своеобразных акварельных рисунков, по которым современные исследователи изучают униформу участников. В душе этот творческий человек был противником любых войн. Для читателя напомним его слова, которыми он охарактеризовал происходившее в 1854–1856 гг.: «Если все вооруженные конфликты рассматривать как бессмысленное кровопролитие, то Крымская война имеет все шансы возглавить список».

Спешное освоение нового оружия было не лучшим, хотя и вынужденным занятием. Труднее всего оказалось не научить стрелять из него, а поменять психологию стрелка, т. е. английского солдата. Даже гвардейцы считали, что новое оружие ничуть не лучше, чем «старая подружка Браун Бесс», а лучшая тактика для английского пехотинца — это короткая дистанция и верный штык.⁵⁴⁶

Ситуация усугублялась и тем, что не только в офицерской консервативной части военной среды было множество сторонников оружейной рутины. Генералитет тоже далеко не весь был сторонником нововведений. Генерал Бургойн писал, что многие считали, что новое совершенное оружие приведет к бессмысленному расходованию боеприпасов, нарушит основы старой доброй линейной тактики: «Винтовки никогда не будут соответствовать линейному строю».⁵⁴⁷

Ситуация с Энфилдами была неудовлетворительной не только в гвардии, но и у горцев. Офицер Шотландской бригады Энтони Стирлинг 28 мая пишет, что новые винтовки остаются неизвестными большинству личного состава.⁵⁴⁸

Для тех, кто утверждает, что английская армия была поголовно вооружена Энфилдами, рекомендую почитать воспоминания сержанта 17-го пехотного полка Томаса Фэгнана. Его полк прибыл осенью 1854 г. в Крым и воевал до весны 1855 г. с устаревшими Браун Бесс.⁵⁴⁹ И он был не единственным. 63-й полк прибыл в Крым с кремнёвыми ружьями.⁵⁵⁰ Конечно, таких полков было значительно больше, но я называю лишь те, о которых имею достоверную информацию. Вполне уверенно можно заявить, что первое сражение в Крыму, когда англичане были поголовно перевооружены на Энфилды, стал летний штурм Севастополя 1855 г.

⁵⁴⁵ Полковник Джордж Кадоган (Sir George Cadogan K.C.B.) — офицер английской гвардии. Оставил альбом рисунков, в которых показал войну, все ее самые неприглядные стороны глазами солдата. Для наиболее любознательных читателей: в настоящее время семейное богатство династии Кадоганов — это уникальная чрезвычайно дорогостоящая недвижимость в Великобритании, например, в районе Челси — самой фешенебельной части Лондона (включая большой участок улицы Слоун). Такая представительная и роскошная недвижимость не перестает привлекать сильных мира сего, например, таких высококачественных арендаторов, как Hugo Boss, Cartier или Richard Ward. Между прочим, галерея Saatchi также располагается во владениях Чарльза Кадогана, который некоторое время был во главе английского футбольного клуба «Челси».

⁵⁴⁶ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, *Seventy-one years of a guardsman's life*, London, 1916, p.94.

⁵⁴⁷ *The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne*, London, 1859, p.75–76.

⁵⁴⁸ Anthony Coningham Sterling, *Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856*, London, 1857, p.20–21.

⁵⁴⁹ Thomas Faughnan, *Stirring Incidents in the life british soldier*, Toronto, 1881, p.173.

⁵⁵⁰ Robert Bonner, capitain, John Brophrey of the 63rd Regiment//*The War Correspondent*, Vol.26, №4, January 2009, P. 27; James Slack, *The history of the late 63rd (West Suffolk) Regiment, Army and Navy Co-operative Society*, 1884, p.102.

Будущий английский фельдмаршал Джозеф Весли⁵⁵¹ вспоминал, что до перевооружения его батальон имел надежные Браун Бесс, существенным недостатком которых была сильная отдача, отбивавшая солдату плечо при неплотно прижатом прикладе. Когда в начале весны 1854 г. началось переучивание на новые ружья, то служившие при Веллингтоне офицеры и солдаты смотрели на них как на нечто бессмысленное. Армия не придавала никакого серьезного значения новому оружию, офицерам были незнакомы тактика и другие основы военной науки. Все солдаты знали, что Веллингтон противился нововведениям, в том числе смене стрелкового оружия, считая вредным и не нужным всё, что не служило его победе над французами во время войны с Наполеоном. А так как покойный к тому времени герцог был популярен в солдатских и офицерских массах, естественно, никто не хотел ничего знать о всяких новшествах.

Считалось, что регулярно основательно тренировавшаяся в стрельбе британская пехота залповым огнем с дистанции 100 ярдов способна остановить любого самого упорного противника, а потом довершит дело штыком, во владении которым англичане не имели себе равных. Военная история и многочисленные мифы со времени герцога Мальборо приучили солдат верить в «Смуглянку Бесс»,⁵⁵² как в фетиш. Таким способом, было одержано много побед, и менять ее английские военачальники не стремились. Никто не предвидел, что новая винтовка совсем скоро изменит все законы войны и тактики боя.⁵⁵³ А через два месяца, во время Альминского сражения, уже все британские солдаты просто влюбятся в свои «Минни» и «Полосатые Энфилды».

Не хватало не только ружей, но и патронов к ним. В Болгарии все почувствовали приближение урожающего армии патронного голода.⁵⁵⁴ За исключением выделенных для практических стрельб во многих батальонах не было ничего. То, что поступало из Англии, было первое время плохого качества.

СОЮЗНИКИ: БЫВШИЕ ВРАГИ ТЕПЕРЬ ВМЕСТЕ

Кстати, об организации английской армии. Точнее, о ее проблемах. Перед Крымской войной она перешла на так называемую систему 1854 г. С этого времени в два раза увеличивалось жалование для всех офицеров полкового звена. Но, как оценивали нововведения сами британцы, это было единственной полезной мерой.⁵⁵⁵ В остальном все строилось на устаревших принципах мирного времени. Катастрофически не хватало подготовленных офицеров. Из 291 принятых на службу в 1854 г. только 2 прошли курс обучения в военной академии Сандхерст. Из 216 офицеров, прошедших курс обучения в этой академии с 1838 по 1854 гг., всего 7 служили в штабе армии к началу Крымской войны. Те командные кадры, которые занимали должности в полках, считали образование излишним и верили, что суть профессионализма офицера — исключительно личная храбрость.

⁵⁵¹ Фельдмаршал Джозеф Весли (Field-Marshal Joseph Garnet Wolseley, 1st Viscount Wolseley, 1833–1913 гг.), в Крыму лейтенант 90-го полка легкой пехоты.

⁵⁵² Еще одно прозвище «Браун Бесс» на английском солдатском сленге.

⁵⁵³ The Story of a soldier's Life By Field-marshal Viscount Wolseley O.M., K.P., G.C.B., G.C.M.G., D.C.L., LL.D., Vol. I, Toronto, 1904, p.79–80.

⁵⁵⁴ Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p.36–37.

⁵⁵⁵ Еще несколько нововведений касалось разрешения большему числу офицеров и чиновников находиться верхом. О тактике боя новая система не говорила ничего.

В военной среде Великобритании трезвые головы считали, что система 1854 г. была хороша для периода революционных войн конца прошлого века, но в середине XIX в. она стала анахронизмом.⁵⁵⁶

Но другого нельзя было ожидать от армии, в которой должности были предметом банальной официально утвержденной торговли. Английская армия XIX в. унаследовала все традиции дремучего средневековья. «Существовал прејскурант на офицерские должности в армии. Например, чин подполковника в пехотном полку стоил 4500 фунтов стерлингов, в кавалерийском — 6175, в гвардейском пехотном — 9 тысяч. В то же время все офицеры прекрасно знали, что реальная стоимость командных должностей намного превышала официальную. Ходили слухи, что некоторые полки переходили из рук в руки за 40 тысяч фунтов стерлингов, а однажды эта сумма составила даже 57 тысяч фунтов. И конечно же, заплатив огромную сумму за право командовать полком, офицер совсем не был расположен к тому, чтобы кто-то доучал ему, вмешиваясь в командование. В конце концов, сама королева, официально подтвердив его полномочия, развязала ему руки.

Многие командиры пытались уклониться от участия в маневрах, которые к тому же проводились весьма редко. Они умели муштровать своих солдат, умели построить их для парада. А если они чего-то не знали, то что ж... На это есть подчиненные, которые обязаны знать все. Ну а если случится война, то их парни самые смелые, а страна до сих пор войн не проигрывала».⁵⁵⁷

Как только союзники оказались рядом, стало видно, что это совершенно разные армии. Различие было не только в униформе и языке, на котором отдавались команды. Оно было в качестве снаряжения, в котором английское отстало от французского на целую эпоху.

В отличие от русского (исключая Отдельный Кавказский корпус) и британского военного мундира, обмундирование французской армии среди всех участниц Крымской войны, пожалуй, наиболее было приспособлено к военным действиям, в чем несомненно следует рассматривать плодотворное влияние опыта многолетних кампаний в Алжире. Кроме того, французы (вероятно, своевременно припомнив морозы во время войны 1812 г.) неплохо подготовились к кампании, не только организовав адекватную обстановке медицинскую службу, но и снабдив войска палатками и зимним обмундированием.⁵⁵⁸

Вместо тяжелого и неудобного кивера образца 1844 г., глумившегося над головой британского пехотинца, солдаты Наполеона III носили легкое кепи. Консервативные английские офицеры сначала считали, что подобные фривольные головные уборы являются свидетельством падения дисциплины в союзных войсках. Старшие начальники вообще считали, что с подобными вольностями французам никогда не добиться победы в Крыму. А чтобы в собственных войсках никто не вздумал перенимать парижский стиль, строжайше потребовали от всех командиров неукоснительно и в полном объеме придерживаться установленных для армии инструкций.⁵⁵⁹ Единственным нововведением стали белые тканевые чехлы для головных уборов, которые получили английские солдаты в июне–июле 1854 г.⁵⁶⁰

⁵⁵⁶ Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p. 17–18.

⁵⁵⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с. 16.

⁵⁵⁸ Нечитайлов М.В. Восточная война 1853–1856 гг.: Униформа французской армии (<http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=14713>).

⁵⁵⁹ Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p. 17–18.

⁵⁶⁰ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 46–47.

Англо-франко-шотландское «алкогольное» братство. 1854 г. Французская карикатура. 1854 г.

Дисциплину же английские командиры поддерживали от падения традиционным в английской армии способом — солдат пороли. Причем регулярно, иногда за дело, иногда ради профилактики. Правда, в армии от этого рядовые страдали меньше, но на флоте пощады не было. Будущий адмирал Роберт Вильям Кеннеди (в Крымскую войну 17-летний гардемарин фрегата «Родней») утверждал, что на его корабле практически не оставалось матроса, который бы не отведал плетки.⁵⁶¹

Для французской армии, где достоинство и тело солдата были неприкосновенны, это казалось дикостью. В конце концов, французы стали открыто смеяться над снаряжением своих английских союзников. Для них это было свидетельством неуважения страны к собственному солдату. Однажды офицер Колдстримской гвардии спросил у французского капрала пеших егерей, как он оценивает английский ранец. Ответ обескуражил британца. По мнению егеря, вся система ремней годится лишь для того, чтобы задушить солдата.⁵⁶² К сожалению для англичан, скоро они получили возможность убедиться в правоте капрала.

Французский ранец был гораздо удобнее и обладал по тем временам, наверное, лучшей эргономикой.

Прямоугольный ранец крыли рыжеватым опойком, шерстью наружу, на подкладке из небеленого льняного полотна. Размеры: длина 370 мм, высота 310 мм. Два плечевых Y-образных ремня ранца крепились к задней части поясного ремня солдата, а спереди цеплялись за подвижные кольца. С апреля 1848 г. эти ремни были заменены

⁵⁶¹ Sir William Robert Kennedy, *Hurrah for the life of a sailor!: Fifty years in the Royal Navy*, Blackwood, 1900, p. 14.

⁵⁶² *Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer*, London, 1859, p. 51–52.

новыми, состоявшими из трех частей. Первый, шириной 52 мм, заканчивался тремя фестонами. Второй проходил в железную пряжку с простым шпеньком, расположенную под ранцем. Третий состоял из ремешка, присоединенного к отверстию в верхней части медного подвижного кольца (на пояском ремне) крючком с пуговицей. Таким образом, грудь остается совершенно свободной — и нынешний солдат уже несколько не похож на того несчастного солдата, который был затянут ремнями и заключен по старой системе в своего рода кожаную кирасу. На верху ранца крепился чехол полукафтана или шинели, из сине-белого тика, т. н. «с тысячей полосок», с деревянными кругами на концах, обшитыми шинельным сукном.⁵⁶³

Свободные от консервативных предрассудков французы традиционно приспособивали не солдата к униформе и снаряжению, а униформу и снаряжение к солдату, действовавшему в тех или иных климатических условиях. То, что британским офицерам казалось нелепым, очень скоро оказалось лучшим. Так вышло с униформой зуавов, наиболее, по мнению выдающегося медика Люсьена Бодена, приспособленной к условиям театра военных действий.⁵⁶⁴

Хотя уже в ходе войны англичане и переняли у французов более удобную куртку, но в целом они так и остались консервативными. В то же время несколько нововведений британцев, на взгляд Бодена, были выдающимися. К таким врач отнес в первую очередь шлем-балаклаву.⁵⁶⁵

Кроме различия в снаряжении, бросалось в глаза психологическое отличие. Английские офицеры увидели, что их французские коллеги более сдержанны в эмоциях по отношению к высшим командирам. Когда кто-то из генералов проезжал по лагерю, британские солдаты высыпали из палаток и громкими криками приветствовали начальника. При этом им было все равно: француз это англичанин. Уровень эмоций соответствовал степени уважения: лучше всех приветствовали наиболее любимых в солдатской среде за профессионализм и заботу о личном составе генералов Леси Эванса и Колина Кемпбела.⁵⁶⁶

Французский солдат обычно ограничивался уставным приветствием, после чего продолжал заниматься своим делом. Да ему и некогда было тратить время на формальности, уж слишком он был загружен.

«Кроме того, маршал, чтобы занять войска и не оставлять их в бездействии, предписал начать строевые занятия гарнизона во всех полках и таким образом целую неделю мы ежедневно производим, как во Франции, взводные, батальонные и линейные учения».⁵⁶⁷

Но кроме того, что французский солдат был загружен, он был еще и в достаточной мере обеспечен всем необходимым, в первую очередь деньгами и питанием, что лучшим образом сказывалось на его моральном состоянии.

«Жалованье платится очень аккуратно и в установленные сроки золотой или серебряной французской монетой. Благодаря заботам ротных командиров об улучшении пищи солдат, расходы на продовольствие увеличены. Все эти распоряжения, доказывающие людям попечение об их здоровье и хорошем положении, поддерживают

⁵⁶³ Нечитайлов М.В. Восточная война 1853–1856 гг.: Униформа французской армии (<http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=14713>).

⁵⁶⁴ Baudens L, *Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field*, New York, 1862, p. 51–52.

⁵⁶⁵ Baudens L, *Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field*, New York, 1862, p. 53.

⁵⁶⁶ *Our Veterans of 1854* [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p. 50–51.

⁵⁶⁷ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с. 28.

в них нравственный дух и довольство, войско же хорошей нравственности нелегко поддается растрейству болезнями или нападениям неприятеля».⁵⁶⁸

НАРАЩИВАНИЕ СИЛ

Одновременно готовятся поддержать экспедицию силой не менее 15–20 тыс. человек и виновики всей общеевропейской суматохи — турки.⁵⁶⁹ Они усилили не только сухопутную, но и военно-морскую составляющую экспедиционных сил. Ахмет-паша привел в Варну 9 турецких линейных кораблей, в том числе три новых: «Пейки-Зафер», «Махмудие» и «Шериф».⁵⁷⁰

К осени 1854 года у французов из крупных кораблей добавились долгожданные: Парусно-винтовые линейные корабли (3): «Montebello» (120/140 л. с.), «Napoleon» (100/900 л. с.), «Jean Bart» (80/450 л. с.).

Парусные линейные корабли (3): «Suffren», «Alger», «Ville de Marseille».

Парусно-винтовой фрегат (1): «Romone» (40/220 л. с.).

В портах Турции, Болгарии, Греции и других государств Южной Европы сосредотачивалось около 300 транспортов. Подписывались договора с судовладельцами об их аренде. Деньги предлагались хорошие, потому проблем с этим не было. Например, компания Robert Steele Co. выделила в распоряжение военного министерства 27 судов. Это была не единственная коммерческая структура, решившая подзаработать на государственном заказе. Из наиболее значительных стоит, пожалуй, упомянуть и такую известную, как Royal West Indian mail (транспорты «Avon», «Great Western», «Magdalena», «Medway», «Orinoco», «Parana»,⁵⁷¹ «Severn», «Tamar», «Thames», «Trent» и др.).

Итак, собрав мощную качественно и количественно военно-морскую группировку, проведя переброску сухопутных войск из Турции в Болгарию, союзники решили стратегическую задачу из двух составляющих: нейтрализовав Черноморский флот и сосредоточив огромную по тем временам военную группировку почти у подбрюшья России. С этого времени шансы на морскую победу для русских стали сомнительными.

Адмирал Буа-Вильомез считал, что исключительно благодаря рейдам на Одессу англичане и французы добились полной пассивности Черноморского флота.⁵⁷² Кроме того, сконцентрировав достаточное число больших паровых кораблей, союзники окончательно разрушили планы русского военно-морского командования. Кстати, англичане тоже так думают.

«Ход войны быстро привел к сбрасыванию парусников со счетов. Как русские, располагавшие несколькими колесными пароходами и ни одним большим винтовым кораблем, оценивали мощь флота союзников, видно из того, что они оставили свои многочисленные парусные корабли в безопасных гаванях. В результате основной

⁵⁶⁸ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1856 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с. 30.

⁵⁶⁹ At Home and the Battlefield. Letters from the Crimea, China and Egypt, 1854–1888, By Sir Frederick Charles Arthur Stehenson, G.C.B., London, 1915, p.96.

⁵⁷⁰ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, №2. М., 1999 г., с.11.

⁵⁷¹ Зафрахтован французским правительством.

⁵⁷² Louis-Edouard Bouët-Willaumez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 204–205.

задачей союзников стали не морские сражения, а обеспечение морских путей сообщения, по которым перевозились и снабжались их армии. В итоге самым опасным для них врагом стала погода, противостоять которой парусным кораблям, как это продемонстрировал ряд инцидентов, было не так-то просто».⁵⁷³

Но это лишь слова. Даже если французские и английские адмиралы демонстрировали после нападений на Одессу уверенность в успехе, полной гарантии безнаказанности нападения не было. Русский флот был в целостности и готовым к бою.

Союзники были вынуждены постоянно считаться с проблемой, которую для них создавало наличие русских кораблей в акватории Черного моря, пусть даже и закупоренного в Севастополе. Опыт переброски войск в Варну и Балчик подсказывал, что им неизбежно придется выманивать Черноморскую эскадру из севастопольских бухт и навязывать ей морское сражение.

Если же это не получится, то попытаться дезинформировать Меншикова и провести переброску войск в Крым скрытно. Это было очень сложно. Огромное количество транспортов с войсками — не только не иголка в стоге сена, но и заманчивая цель для атаки. Достаточных сил для блокады Севастополя теперь нет — все, что можно, задействовано в конвое. Конечно, можно было снова направить боевые корабли к Севастополю и заблокировать его. Но в этом случае уменьшалось необходимое число кораблей, способных принять на борт войска и кораблей, необходимых для непосредственной охраны конвоя.

А ведь нужны еще корабли и для обеспечения прикрытия высадки войск. Важнейшим стратегическим условием морской экспедиции была возможность десанта на неприятельский берег только в том случае, когда предварительно не нужно было бороться с флотом противника.⁵⁷⁴ Значит, не очистив акваторию Черного моря от русских кораблей, нечего было думать о десанте в Крым.

А вот тут снова вернемся назад, к событиям 10 апреля. Но причем тут мирная «красавица-Одесса»? Все просто. Скрыть перемещение огромного числа транспортных судов и боевых кораблей для союзников, знавших о четкой организации разведочной службы русских, сложно. Наилучшее средство проверить готовность неприятельского флота к ответным действиям — провести разведку боем, напав на один из крупных, но слабо защищенных портов, находящихся в районе будущего движения конвоя, спровоцировав русских на ответные действия.

Вероятно, атака Одессы и была такой разведкой. В этом случае отсутствие противодействия со стороны русского флота, не рванувшегося спасать свой город, не кинувшегося мстить, убедило союзников в возможном успехе операции и в достижении ими господства на Черном море. Волею судьбы и своего стратегического положения во время Крымской войны Одесса еще раз стала объектом ложных действий, скрывавших истинные намерения союзников: «Чтобы отвлечь внимание русских от настоящей цели союзников, 8 октября 1855 г. была предпринята фиктивная атака Одессы, после чего весь флот направился к Кинбурну».⁵⁷⁵

Нужно сказать, что противник еще раз прибегнул к такой тактике. В 1855 г. при подготовке к штурму Севастополя союзный флот начал сравнимые по жестокости с Одессой действия в Азовском море, варварски атакуя приморские города и сокрушая базы снабжения русской армии.

⁵⁷³ Гамильтон Ч.А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).

⁵⁷⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.28.

⁵⁷⁵ Вильсон Х. Броненосцы в бою. М., 2003 г., с.10–11.

ПОДГОТОВКА К ВТОРЖЕНИЮ

*«Я стою вам о том, как от южных полей
Поднималось облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам, и нас победили...»*

Из русской солдатской песни
времен Крымской войны.

Устроив террор прибрежным городам Российской империи, убедившись по результатам в отсутствии какой-либо ответной активности со стороны Черноморского флота, союзники приступили к практическому выполнению следующей части операции – десантной. Мы помним, что под прикрытием пиратских акций десантные силы союзных войск были сосредоточены к тому времени в двух промежуточных пунктах базирования Варне и Балчике с прекрасными возможностями этих мест для подготовки и проведения посадочной части кампании. «На болгарском побережье, к западу от мыса Калиакрия, расположен обширный залив, имеющий глубину около 9–10 сажен, удобный для стоянки большого флота, особенно имеющиеся здесь рейды Балчик и Коварна... Далее к югу – отличный рейд Варна, защищенный приморской крепостью».⁵⁷⁶

Поправим – Варна имела отличный рейд, но инфраструктура порта не была приспособлена для организации быстрой погрузки на корабли и транспорты большого числа войск с артиллерией и тыловыми службами.⁵⁷⁷ Их число увеличивалось с каждым днем. Последствия не заставили себя ждать. Скуденность складских помещений и определенная безалаберность тыловых служб, как английского, так и французского контингентов привели к тому, что «...10 (22) августа вечером в Варне вспыхнул пожар неизвестного происхождения. Пламя охватило торговую часть города.

Население не тушило страшный пожар. Верные принципу «как угодно всевышнему» турки и мусульманизированные болгары спокойно созерцали на пожирающее запасы пламя, надеясь после пожара поживиться остатками.

Сент-Арно приказал своей армии пустить в ход все средства укрощения ужасающей беды: бушующее пламя быстро приближалось к пороховым складам и к огромным депо боеприпасов французской и английской армий, где в тот момент находилось 8 миллионов снарядов».⁵⁷⁸ Складские помещения были большей частью или полно-

⁵⁷⁶ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море, М.-Л., 1926 г., с. 19.

⁵⁷⁷ John Adye, C.B., Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 26.

⁵⁷⁸ Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. Том.2, М.-Л., 1941–1944 гг., с.26–28.

стью деревянные, или обшиты деревом, потому вспыхивали одно за другим. К 7-ми часам утра положение казалось безнадежным. Хотя были задействованы все имевшиеся насосы, а крыши зданий покрывали мокрыми одеялами, чтобы гасить искры, сил для борьбы с разбушевавшейся огненной стихией явно не хватало.⁵⁷⁹ Капитан Фей вспоминал о пожаре, как бессонной ночи, когда все ждали, что вот-вот Сент-Арно даст команду «Спасайся кто может!».

Но упорство было вознаграждено. Ценой титанического напряжения пожар был ликвидирован. 20-й полк легкой пехоты 15 часов боролся с огнем, проявляя «мужество, самоотверженность и сверхчеловеческие усилия».⁵⁸⁰ Но одного героизма его солдат было мало.

Ситуацию спас сменивший направление ветер.⁵⁸¹ Город был изувечен огнем. Сгорели мечеть, 180 зданий (почти седьмая часть городских строений). Когда дым рассеялся, вместе с ним исчезли гигантские запасы имущества, в том числе порох и боеприпасы. Больше всего пострадали запасы французского интендантства. Одних только солдатских ботинок беспощадное пламя сожрало 19 тыс. пар. Французские зуавы на всякий случай прикончили штыками нескольких первых попавшихся под руку греков, объявив несчастных поджигателями.

Маршал Сент-Арно в ужасе писал жене: «Бог не жалеет нас...» и всерьез думал о своей отставке.⁵⁸² Маловероятно, что такие эмоции главнокомандующего были вызваны изменением сроков операции. Вероятно, что для него большей виной была ответственность перед Францией, вложившей невиданные в своей истории деньги в организацию экспедиции.

Для войны не столько нужны солдаты, снаряды и порох, сколько средства, на которые все это можно купить. Знаменитая аксиома Жан-Джакопо Тривульцио «Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги»⁵⁸³ не теряла своей актуальности. Для Сент-Арно пожар стал таким эмоциональным ударом, что инициировал проблемы со здоровьем. С этого времени он уже не был тем жизнерадостным и активным человеком, каким его привыкла видеть армия. Маршал похудел, у него была постоянно опущена голова, редко кому удавалось застать его в приподнятом настроении.⁵⁸⁴

Впервые в мире осуществлялась гигантская по масштабам операция, где на гигантские расстояния приходилось перебрасывать тысячи людей, лошадей и тонн грузов. Все это стоило сумасшедших денег. Те же транспорты были не военными кораблями, а гражданскими судами, капитанам или компаниям-собственникам которых приходилось платить за каждого перевезенного солдата, за каждый килограмм имущества. Была даже разработана тарифная сетка для оплаты человеко-места. Только в 1854 г. финансовые затраты на морские перевозки составили 31 535 465 франков.⁵⁸⁵ Цифра в истории невиданная. Каждый день ожидания высадки стоил денег. Каждый забо-

⁵⁷⁹ Dauvée, Henri Pierre Eémile, *Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890*, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 54–55.

⁵⁸⁰ Émile Bloch *Historique de 95e régiment d'infanterie de ligne (20e léger) 1734–1888*, Typ. Tardy-Pigelet, Bourges, 1888, p. 155–156.

⁵⁸¹ A. Durand *Historique du 3e régiment de spahis*. H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1892, p. 117.

⁵⁸² *From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855* By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 102.

⁵⁸³ Как сообщает итальянский автор Людовик Гвиччардини в своем сочинении «Часы досуга» (1565 г.), так ответил маршал Жан-Джакопо Тривульцио (1448–1518 гг.) на вопрос Людовика XII, какие приготовления нужны для завоевания Миланского герцогства. Ошибочно эта фраза приписывается Наполеону.

⁵⁸⁴ Camille Rousset, *Histoire de la guerre de Crimée*, Paris, 1878, p. 189–190.

⁵⁸⁵ *L'intendance militaire en Crimée: campagnes de 1854, 1855 et 1856*, Impr. E.B. Labaume, Lyon, 1864, p. 36.

левший солдат стоил денег. Каждый новый привезенный ботинок — тоже стоил денег. Но риск поражения был страшнее. Сент-Арно понимал это и потому не мог отправить войска в Крым, не обеспечив их всем, что было нужно для победы. В случае поражения ему припомнили бы все, в том числе и то, что сгорело в пламени Варны. В случае победы — все было бы списано на войну.

Никто не хотел лезть в пасть к русским, не имея всего, что было для этого нужно. Это подтверждает адъютант генерала Брауна, подполковник Дениэл Лайсонс: «без пополнения магазинов нечего было и думать о начале экспедиции».⁵⁸⁶

Хотя Е. Тарле говорит, что бедствие ускорило отправку десанта в Крым, но у того же Фея мы можем увидеть обратное: союзники вынуждены были ждать несколько дней восполнения запасов до минимально необходимого.⁵⁸⁷ Здесь, пожалуй, можем согласиться с Н.Ф. Дубровиным, считавшим, что после пожара, когда о его последствиях донесли князю Меншикову, тот убедился в своих прогнозах, что с высадкой у союзников проблемы, и они могут усугубиться.

«Известия о пожаре в Варне и свирепствовавшей там холере еще более убеждали, что высадка должна замедлиться. Князь Меншиков пошел в этом отношении еще далее. Он не только не колебался, но сам верил безусловно и убеждал других в том, что высадка не состоится. Недели за две до появления неприятеля у крымских берегов булганакский помещик, отставной генерал-майор Т., знакомый князя, беспокоясь тревожными слухами о готовящейся высадке, приехал к Меншикову, чтобы узнать, может ли он с семейством оставаться безопасно в своем имении на р. Булганак или благоразумно будет выбраться из него заблаговременно.

Предпринять высадку, — отвечал кн. Меншиков на сделанный ему вопрос, — менее чем с 40 тыс. человек неприятелям нашим невозможно, а 40 тыс. человек им поднять не на чем».⁵⁸⁸

Таким образом, кроме убытков, пожар принес союзникам пользу — информация о нем, дошедшая до русского командования, стала, по сути своей, дезинформацией.

Положение союзников усугублялось административных хаосом, царившим в первые дни после принятия решения об экспедиции. Командир егерского батальона подполковник Монтадон был в ужасе, понимая, что война уже началась, флот воюет, но армия совершенно не готова. Тыловики отставали от планирования. Это было оборотной стороной скорости.

«...в последней ничего не предусмотрено, не организовано; союзники должны активно заниматься приготовлениями, чтобы иметь возможность вступить в кампанию в срочном порядке. Приказы относительно транспорта, войск и материальной части, будь то во Франции или в Африке, были отданы с лихорадочной поспешностью».⁵⁸⁹

Если у французов с их достаточно совершенной системой снабжения возникли проблемы, то об англичанах и говорить нечего. Там проблема обгоняла проблему. Никогда еще британская армия не вступала в столь масштабную войну до такой степени не подготовленной: «У нас было много малочисленных батальонов пехоты, укомплектованных хорошими солдатами, у нас были малочисленные кавалерийские

⁵⁸⁶ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.64–65.

⁵⁸⁷ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p.51–52.

⁵⁸⁸ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с.168.

⁵⁸⁹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка. Подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9, Симферополь, 2005 г., с.38–56.

полки, годные только для показательных смотров».⁵⁹⁰ Для того, чтобы отправить на восток тридцать батальонов гвардии армейской пехоты, пришлось перерыть все склады, но и это не помогло укомплектовать их всем необходимым.

Джозеф Волсли говорил, что перед началом Крымской войны офицеры были готовы вести своих солдат куда угодно, но все имущество было очень плохого качества... Государственные чиновники наживались на поставках рома, спекуляцией тканью, порохом... Их дети служили в нескольких полках кавалерии, занимаясь только парадами и наслаждаясь вольной жизнью. Недаром один из таких полков в армии прозвали «Профсоюз».⁵⁹¹

Хотя будем справедливы. Трудности подготовки не были неожиданностью и англо-французское командование, планируя экспедицию, вполне реально осознавало проблемы, стоящие перед ним. Их было много. Как минимум союзникам следовало разрешить следующие:⁵⁹²

Трудно создать большой экспедиционный отряд. История свидетельствует, что десанты редко когда превосходили 40 тыс. человек.

Перевозка лошадей представляет значительные затруднения, почему десанты всегда были и будут бедны кавалерией.

Во время морского перехода экспедиция может подвергнуться многим случайностям как чисто военного характера, так и стихийным.

Десант в случае неудачи на берегу оказывается в критическом положении, так как должен совершать амбаркацию под ударами противника.

При операциях своих высадившиеся на неприятельский берег войска почти всегда должны держаться морского берега.

Действия высадившихся войск должны быть основаны на быстроте и решительности, так как всякое промедление и колебание дает противнику возможность усилить средства обороны.

Высадка и амбаркация⁵⁹³ медленны и потому надо по возможности избегать проводить их в виду неприятеля.

Для десанта нет удобного театра войны, при открытой местности ощущается недостаток кавалерии. Отряду трудно бороться с неприятельской кавалерией и трудно получать необходимые сведения о неприятеле, а пересеченный театр позволит с выгодою обороняться даже слабейшему противнику.

В первое время после высадки десант не может рассчитывать на средства страны, почему войска должны довольствоваться только тем, что взято с собой.

Но самым сложным было соединить в единую управляемую структуру две совершенно разнородные силы: флот и армию.

Возможно, кому-то это перечисление показалось скучным, нудным и совершенно ненужным. Напрасно. Рекомендую внимательно перечитать эти пункты еще раз: в них причины и следствия всего того, что произошло в дальнейшем.

⁵⁹⁰ The Story of a soldier's Life By Field-marshal Viscount Wolseley O.M, K.P, G.C.B., G.C.M.G., D.C.L., LL.D. Vol.1, Toronto, 1904, p.79–80.

⁵⁹¹ The Story of a soldier's Life By Field-marshal Viscount Wolseley O.M, K.P, G.C.B., G.C.M.G., D.C.L., LL.D. Vol.1, Toronto, 1904, p.82–83.

⁵⁹² Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.27–28.

⁵⁹³ Амбаркация — (франц. embarquement погрузка, посадка), погрузка войск на корабли (суда) с целью доставки в назначенное место.

ЭПИДЕМИЯ: НЕВИДИМЫЙ ВРАГ

«Я потеряю меньше людей, штурмуя Севастополь, чем уже потерял от болезней».

Маршал Сент-Арно

К несчастью, холера, вначале создававшая для союзников проблемы, вскоре стала для них настоящим бедствием.⁵⁹⁴ Это был фактор, с которым приходилось считаться. Принесенная войсками, она на новом месте продолжала распространяться с невиданной силой и быстротой.⁵⁹⁵ Эпидемия следовала за армией по пятам и была гораздо большим врагом, чем все русские пушки, вместе взятые. Это было первое, но самое смертельное сражение войны, которое пришлось выдержать союзникам. Странности войны таковы, что в этой ситуации болезнь выступила в роли союзника России, притом гораздо более надежного, чем та же Австрия, начисто забывавшая, как русский солдат пять лет назад спасал разваливавшийся трон Габсбургов.

Князь Виктор Иларионович Васильчиков с присущим ему тонким юмором первый отметил это.

«...Паскевич решил оставить Дунайскую армию, притворился контуженым и уехал в Варшаву. Оттуда удалось ему, наконец, убедить Государя, что поход за Дунай уже невозможен и послать Горчакову приказание снять осаду именно в ту минуту, когда штурмовые колонны ожидали только сигнала для начала приступа.

Войска наши потянулись обратно на левый берег Дуная, а вслед за тем началось и очищение княжеств. Турки не покушались на преследование, и сами союзники, уже собравшие свои силы около Босфора и Варны, оставались безучастными зрителями нашего отступления. Французская дивизия, предпринявшая движение в Бабадагскую область, подверглась пагубному влиянию эпидемии и, потерявши много народа от холеры, должна была поспешно отступить. Австрийцы заняли горные проходы, ведущие из Трансильвании в княжество, и ждали нашего выхода, чтобы занять оставляемые нами позиции...».⁵⁹⁶

⁵⁹⁴ Émile Bloch *Historique de 95e régiment d'infanterie de ligne (20e léger) 1734–1888*, Typ. Tardy-Pigelet, Bourges, 1888, p. 154–155.

⁵⁹⁵ Paul Adolphe Griset, Ernest Auguste Ferdinand Coulombon, *La Légion étrangère de 1831 à 1887*, Librairie militaire Berger-Levrault et cie, 1888, Paris, p. 173–174.

⁵⁹⁶ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова // Русский Архив, Том 6. М., 1891 г., с. 175.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОНТИНГЕНТ

Нет сомнения, что именно французы стали невольными виновниками той страшной ситуации, заложниками которой оказались союзные войска в июле–августе 1854 года. Под угрозой была вся экспедиция в Крым.

Французские воинские транспорты и занесли ее сначала на о. Мальту, потом в Безику, в Галлиполи, Константинополь и, наконец, в Варну. Холера быстро усиливалась, и дело дошло до того, что из штаба Сент-Арно просили Париж прекратить присылку подкреплений из Франции: «Маршал надеется, что будет прекращена всякая новая присылка. В этот момент подкрепления были бы только лишней пищей для госпиталей».⁵⁹⁷

Люсьен Боден считает, что холеру войска получили в антисанитарии Галлиполи, где лагеря окружали груды мусора, кишасшие крысами и прочими неизбежными спутниками необустроенности войны. По непонятным причинам (или по вполне понятному слабому медицинскому контролю) войска не предприняли минимальных мер, снижавших опасность эпидемии. Мусор не был сожжен, гигиена соблюдалась далеко не всеми. Больничные бараки строились в непродуваемых ветром низинах.⁵⁹⁸

По мнению французского военного врача Жан-Луи Пуарье, санитарные проблемы появились еще до объявления войны. С третьего квартала 1853 г. в частях, расположенных на болотистой местности, начинается эпидемия малярии. Ее синдромы обнаруживались вплоть до июля 1855 г. у моряков в Инкермане. Тремя еще большими проблемами стали эпидемии холеры, тифа и цинги, особенно среди раненых. Холера началась в июле 1854 г. и, кажется, была принесена на корабли войсками из южных провинций Франции во время их погрузки в Марселе. Вторая эпидемия холеры началась после высадки в Еникале в мае 1855 г.

Болезнь подкрадывалась незаметно. К середине лета ничто не свидетельствовало о присутствии рядом смертельной опасности.

«Маршал Сент-Арно принимает все меры, подсказываемые его опытностью и здравыми советами, чтобы поддержать у всех свежесть и здоровье. Так, например, со времени нашего прибытия в Варну он предписал произвести два раза санитарные осмотры с целью отсылки в Константинополь хилых и слабых. Этим путем в армии остаются только люди сильные и крепкие, которые не заполняют амбулансов вслед за длинными или трудными переходами. Наличие действительную уменьшается, но сила армии увеличивается на деле, от отсутствия необходимости перевозки на мулах многого числа больных, всегда составляющих главное затруднение».⁵⁹⁹

1 июля 1854 г., к появлению первых признаков опасности, французский контингент имел следующее количество больных в госпиталях:

Госпиталь в Константинополе — 92 чел.

Госпиталь в Андрианополе — 177 чел.

Госпиталь в Галлиполи — 327 чел.

Госпиталь в Нагаре — 232 чел.

Госпиталь в Варне — 260 чел.

Полевой госпиталь 2-й дивизии — 11 чел.

Всего: 1099 чел.

⁵⁹⁷ Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. Том 2, М.-Л., 1944 г., с.25–26.

⁵⁹⁸ Baudens L., Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field, New York, 1862, p.115–116.

⁵⁹⁹ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с.28.

Кроме этого, еще 825 чел. больных находилось в палатках своих подразделений.⁶⁰⁰ Это, конечно, немало, но для многочисленной армии, находящейся в регионе с тяжелыми климатическими условиями, вполне допустимо. В армии считали медико-санитарное положение нормальным и не подозревали о надвигающейся беде.⁶⁰¹

После 1 июля эпидемическая ситуация стала быстро меняться. Если до этого основной процент заболевших давала диарея, то в этот день у нескольких солдат 9-го батальона пеших егерей и 3-го полка зуавов обнаружили симптомы холеры. Вскоре поступил первый тяжело больной из 1-го полка зуавов.⁶⁰² По всем данным, именно этот полк и стал виновником эпидемии. По крайней мере, все версии ее появления так или иначе пересекаются с путем движения зуавов.

Так откуда могла появиться болезнь, едва не решившая судьбу войны без единого выстрела? По одним данным, инфекция пришла из Южной Франции (Авиньона, Марселя и др. городов): 3 июля в госпиталь Варны поступил с диагнозом холеры солдат 42-го полка линейной пехоты (5-я дивизия) прибывший из одного из этих городов.⁶⁰³ Французские медики склонны отдавать приоритет версии Южной Франции, так как первые заболевшие поступили до экспедиции в Добруджу.

По другим данным, именно эта акция стала причиной эпидемии. Базанкур связывает болезнь с экспедицией в Добруджу (21 июля – 18 августа 1854 г.).

ЭКСПЕДИЦИЯ В ДОБРУДЖУ

Э.И. Тотлебен считал эту акцию столь же бессмысленной, сколько и губительной для французских войск. Я думаю, что во многом он прав.

«...сухопутные войска, находившиеся в Турции, оставаясь все время в бездействии и притом находясь в климате, для них непривычном, терпели весьма много от болезни. В скором времени в союзном лагере появилась холера и начала проводить заметное опустошение в рядах.

Чтобы занять чем-нибудь войска, французы решили двинуться в Добруджу, с тою целью, чтобы встречею с русскими отрядами, отступавшими за Дунай, ободрить армию. Три дивизии и отряд спагов двинулись 9 (21) июля в Добруджу и одна из дивизий 17 (29) числа дошла до Кагорлыка. Но нездоровая местность Бабадагской области произвела самое пагубное воздействие на французов; холера усилилась до высшей степени и в войсках начались страшные потери. Между тем русских войск нигде не было, кроме незначительных казачьих отрядов, отступавших перед французами и тем завлекавших их все далее в Бабадагскую область.

Видя явную неудачу и понеся совершенно бесплодно страшные потери, французы решились начать отступление».⁶⁰⁴

Три дивизии и небольшой отряд кавалерии двинулись навстречу, как они считали, значительным силам русской армии. Первая дивизия шла на Мангалию, вторая – на

⁶⁰⁰ Dr. G. Scrive Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient, Paris, MDCCCLVII, p.56.

⁶⁰¹ Dauvé, Henri Pierre Émile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 53.

⁶⁰² Dr. G. Scrive Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient, Paris, MDCCCLVII, p.56.

⁶⁰³ Dr. G. Scrive Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient, Paris, MDCCCLVII, p.56; Dauvé, Henri Pierre Émile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 52–54.

⁶⁰⁴ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 25–26.

Базарджик, третья — на Козлуджу. Вторая дивизия, заняв Базарджик, должна была остановиться и выслать вперед свои отдельные пехотные батальоны с задачей перекрыть дороги на Силистрию, Мангалию и др. Последующие дни прошли в беспрепятном маневрировании, детально описывать которое не имеет смысла.⁶⁰⁵ Отдельные стычки с казачьими отрядами не соответствовали по масштабам силам, задействованным в экспедиции. Люди больше изматывались, складывалось ощущение, что удар пришелся в пустоту.

А вскоре пришли проблемы. Результат этой операции был печальным, «...вместо того, чтобы уходить от болезни, войска сами пошли к ней».⁶⁰⁶ Этой точки зрения придерживаются британцы. Английский подполковник Стирлинг говорит, что первый большой у союзников появился после этой экспедиции.⁶⁰⁷

Эпицентр заболевания пришелся на 1-ю дивизию, которой вместо занятого бесконечными разведками Сертена Канробера временно командовал бригадный генерал Шарль Эспинас.⁶⁰⁸

Дивизия (10 500 солдат и сержантов, 328 офицеров), не выпустив ни одного заряда по противнику, потеряла умершими 1 886 человек. Более 2 тыс. переболели холерой в лагерях Кюстенджи и Мангалия. Тот самый «виновник» эпидемии — 1-й полк зуавов, переброшенный морем в Кюстенджи, предназначенный для действий в авангарде и для поддержки иррегулярных войск генерала Юсуфа, совершал марши к лагерям Франка и Капакли по 9 часов в день в тридцатиградусную жару. Более лучших условий для бактерий в человеческом организме трудно придумать. В результате полк едва не потерял почти весь личный состав. Этого не произошло лишь благодаря мужеству врачей, один из которых (Байли) сам умер от холеры.⁶⁰⁹

Очевидно, что зараженные солдаты уже находились среди личного состава 1-й дивизии, а тяжелые условия марша и жара лишь ускорили процесс развития болезни, создав благоприятные условия для распространения бактерий.⁶¹⁰ Английский подполковник Сомерсет Калторп, рисуя ужасающие картины вымирания французской армии, утверждает, что часть своих солдат зуавы похоронили еще живыми, а берег моря в Балчике был усеян трупами французских солдат.⁶¹¹

⁶⁰⁵ Dauvè, Henri Pierre Émile, *Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890*, Nancy, Berger-Levrault et cie. 1890, p. 53–54.

⁶⁰⁶ Cisar Lecat Bazancourt, *The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I* Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 133–134.

⁶⁰⁷ Anthony Coningham Sterling, *Letters from the army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, & 1856*, London, 1857, p. 33–34.

⁶⁰⁸ Эспинас, Эспри-Шарль-Мари (1815–1859 гг.) — французский генерал. Служил в Алжире; в 1845 г. отличился во время похода против кабиллов. По приказанию принца-президента Людовика-Наполеона 2 декабря 1851 г. разогнал национальное собрание и участвовал в подавлении попыток к восстанию. Произведенный за это в бригадные генералы и назначенный адъютантом Людовика-Наполеона, он при начале Восточной войны в августе 1854 г. начальствовал неудачной экспедицией в Добруджу. Так как общественное мнение считало его виновником неудачи, он был отозван во Францию, но в 1855 г. командирован в Крым, отличился в битве при Чёрной и участвовал в штурме Малахова кургана. После покушения Орсини (14 января 1858 г.) Наполеон III поручил Эспинасу портфель министра внутренних дел, с которым тогда же было соединено и вновь учрежденное Министерство общественной безопасности. В этой должности Эспинас стал проводить систему террора, созданную так называемым законом о безопасности с такой драконовской строгостью, что вскоре вызвал всеобщее неудовольствие и уже 15 июня должен был оставить министерство с возведением в сенаторы. Когда началась итальянская война 1859 г., Эспинас получил в командование первый армейский корпус и 4 июня пал в бою при Мадженте.

⁶⁰⁹ Baudens L., *Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field*, New York, 1862, p. 115–116; Dr. G. Scrive *Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient*, Paris, MDCCCLVII, p. 76.

⁶¹⁰ Dr. G. Scrive *Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient*, Paris, MDCCCLVII, p. 56.

⁶¹¹ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe *Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1.* London. 1856, p. 107–108.

Понятно, что английский офицер передергивает факты, но в одном он все-таки прав. Последствия холеры в Добрудже были ужасными.⁶¹² Лучшее соединение французской армии после эпидемии оказалось самым слабым по численности среди дивизий французского контингента.⁶¹³ Больных было столько, что вскоре для их эвакуации стало не хватать гужевого транспорта медицинской службы и пришлось использовать мулов и лошадей, принадлежавших офицерам.⁶¹⁴ Микробам было плевать на звания и должности. С одинаковым успехом с ног валились солдаты, сержанты, офицеры, генералы.

Заболел и сам генерал Эспинас, которому пришлось передать командование бригадой полковнику Бурбаки. Болезнь перетасовывала командиров, как карты в колоде. Вчера назначенных меняли сегодня, но и их приходилось менять через несколько дней. Подобное положение дел не лучшим образом действовало на психологическое состояние офицеров и солдат, считавших, что замена командиров во время военных действий не лучший способ выиграть войну. Когда 13 августа Сент-Арно назначил майора Монтодона командиром 1-го батальона пеших егерей вместо майора Тристана Легро, пораженного холерой, Монтодон не сильно обрадовался. В своих воспоминаниях он пишет, с каким огорчением воспринял назначение командиром другого батальона, вынужденный оставить старых друзей, с которыми долго воевал и жил в походах.

Инфекция распространялась стремительно. 7 июля больные появились в Константинополе, 8 июля — в Галлиполи, 11 июля — в Нагаре. Дольше всех сопротивлялся Андрианополь: там первые больные появились почти под занавес эпидемии — 11 августа.⁶¹⁵

Количественный состав полков начал стремительно падать. Иногда численность становилась пугающе малой. У французов за время свирепствования холеры численность 20-го полка легкой пехоты уменьшилась к началу посадки на корабли почти за половину и ненамного превышала в двух батальонах 1000 чел. Это не значило, конечно, что виной была смертность. Французское командование, решив не подвергать риску здоровье ослабленных болезнями солдат, отказалось брать недавно переболевших в экспедицию.

7-й полк линейной пехоты, выходя из гарнизона Лиона 24 февраля 1854 г., насчитывал 2 400 чел.⁶¹⁶ По приказу командира полка полковника де Лаваранда больные, которые не могли быть погружены на транспорты первого рейса, должны были присоединиться к полку позднее. Таких было более чем достаточно. Только в госпиталях Варны были на излечении 2 офицера и 300 сержантов и рядовых полка.⁶¹⁷ В Добрудже от болезней (в основном холеры) этот измученный постоянными маршами полк, прежде чем вернуться в лагерь де Франка в Балчике, оставил в могилах 10 офицеров и 406 солдат и сержантов. Это было в несколько раз меньше чем его будущие боевые потери за всю кампанию в Крыму, хотя там полк участвовал во всех крупных сражениях и штурмовал Севастополь.⁶¹⁸

⁶¹² Dr. G. Scrive Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient, Paris, MDCCCLVII, p. 80.

⁶¹³ Joseph Frédéric Canonge, Histoire militaire contemporaine, 1854–1871, Tome. I, Charpentier, Paris, 1882, p. 94.

⁶¹⁴ Dauvé, Henri Pierre Émile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 53.

⁶¹⁵ Dr. G. Scrive Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient, Paris, MDCCCLVII, p. 72.

⁶¹⁶ Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890 p. 238.

⁶¹⁷ Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890 p. 248.

⁶¹⁸ Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890 p. 247.

Во 2-м полку Иностранного легиона умирает его командир – подполковник Сарратон. В 1-м – 4 офицера и 175 сержантов и солдат.⁶¹⁹ Во французской армии убыль умершими и вышедшими из строя постепенно достигла почти 50%.⁶²⁰

Сарратон стал не единственным офицером высокого ранга, жизнь которого оборвала холера. Смерть одинаково была беспощадна и к рядовым, и к генералам. Умер генерал Ней, герцог Эльхингенский, помощник коменданта Парижа, который находился в резерве с 1848 г. и возобновил военную службу только для того, чтобы принять участие в войне. Вслед за ним предали земле генерала Карабуччия, командира Иностранной бригады. Оба умерли от холеры.⁶²¹

Особенно сожалели о смерти последнего. Патриот легиона, который говорил, что если бы его послали с легионерами на пустынный остров, «...он бы смог обосновать там город, открыть академию, школы и заведения всякого рода – столько образованных людей было в его полку, и для всего этого достаточно одного жеста».

Он был известен не только как солдат, но и как ученый. С помощью солдат легиона он составил план и издал записки о нахождении древнего Карфагена, премированные французской Академией наук.⁶²²

Льюбющий всему придавать мистическое обоснование, Базанкур пишет, что в смерти Карабуччия было скрыто предупреждение, которого не поняли.⁶²³ Вскоре заболел командующий французскими войсками маршал Сент-Арно. Ему судьба ответит несколько месяцев жизни. Он высадит свои батальоны в Крыму, выиграет Альминское сражение и, исполнив долг, умрет от холеры 17 (29) сентября 1854 г. на борту французского фрегата «Berthollet» в Черном море.

Во 2-й дивизии, по воспоминаниям капитана Фея, численность батальонов не превышала 600 человек вместе с музыкантами.⁶²⁴ До такого числа была сокращена численность батальонов шассеров (пеших егерей). Но в этом случае на этот шаг пошли умышленно. В строю были оставлены только наиболее боеготовые люди.⁶²⁵ Все понимали, что для пеших егерей, на которых ложилась основная нагрузка в бою, больные и слабые могли быть только обузой.

Санитарных потерь успешно избежали лишь солдаты 3-го полка спаги, привычные к условиям жизни в самых трудных условиях и которых их командир, молодой, но опытный лейтенант де Молен, разместил в продуваемом ветром месте. По иронии судьбы, оно оказалось рядом с кладбищем, на котором ежедневно предавали земле отправившихся на рандеву с всевышним французских солдат и офицеров.⁶²⁶

Для этой нерадостной миссии использовали солдат штрафных рот, сформированных в экстренном порядке, чтобы выполнять тяжелые работы. В другое время эти солдаты получили бы каторжные кандалы и кирку впридачу, если не десятков пуль от расстрельного взвода. Но теперь они были просто необходимы для похоронных нужд, для переноски тяжелых грузов, для несения службы и т. д. Благодаря им были

⁶¹⁹ Paul Adolphe Griset, Ernest Auguste Ferdinand Coulombon, *La Légion étrangère de 1831 à 1887*, Librairie militaire Berger-Levrault et cie, 1888, Paris, p. 174.

⁶²⁰ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с. 485–486.

⁶²¹ Paul Adolphe Griset, Ernest Auguste Ferdinand Coulombon, *La Légion étrangère de 1831 à 1887*, Librairie militaire Berger-Levrault et cie, 1888, Paris, p. 173–174.

⁶²² Ришар Жюль. Письма французского офицера о колониальных войнах войсках // Военный Сборник, №7, СПб., 1895 г., с.195.

⁶²³ Cèsar Lecat Bazancourt, *The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I* Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 134–135.

⁶²⁴ Fay, Charles Alexandre, *Souvenirs de la guerre de Crimeè, 1854–1856* J. Dumaine, Paris, 1867, p. 50–52.

⁶²⁵ Auguste Jean, Charles Richard, *Les chasseurs a pied*, H. Charles-Lavauzelle, Paris, Limpges, 1891, p. 131–132.

⁶²⁶ A. Durand Historique du 3e régiment de spahis H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1892, p. 115–116.

Лагерь Легкой дивизии в Варне. Худ. Генри Клиффорд (Henry Clifford). 1854 г.

спасены жизни многих солдат, без сил лежавших у своих палаток. В последующем все штрафники были прощены за их самоотверженный труд.⁶²⁷ Место на кладбище доставалось не всем. Первое, что увидел капитан Виндхам, когда корабль входил в Балчик, был плававший в воде труп французского зуава.⁶²⁸

Потому, когда пришло время погрузки на транспорты, все почувствовали облегчение. Настроение солдат, покидающих негостеприимный берег Болгарии, несмотря на грядущие опасности войны, было приподнятым. Они были готовы плыть куда угодно, сражаться хоть с самим дьяволом, лишь бы этот враг был перед их фронтом. Лучшим зрелищем мог быть только вид скрывающегося за горизонтом берега Болгарии. Будущий генерал Монтодон вспоминал, что 1-я дивизия, «...которая должна сесть на корабль в Варне вместе с английской армией... с истинным воодушевлением и энтузиазмом радостно готовится покинуть эту проклятую землю».⁶²⁹

Маршал Сент-Арно писал брату о той радости, с которой войска оставили за кормой кораблей страшную землю Болгарии. «Я потеряю меньше людей, штурмуя Севас-

⁶²⁷ Paul Adolphe Griset, Ernest Auguste Ferdinand Coulombon, La Légion étrangère de 1831 à 1887, Librairie militaire Berger-Levrault et cie, 1888, Paris, p. 174.

⁶²⁸ The Crimean diary and letters of Lieut.-General Sir Charles Ash Windham, London, 1897, p. 20.

⁶²⁹ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона // Историческое наследие Крыма, № 9, Симферополь, 2005 г., с. 44.

тополь, чем уже потерял от болезней». ⁶³⁰ В письме жене он надеялся, что через месяц сможет закончить кампанию. ⁶³¹

Статистика заболеваний личного состава французской армии ⁶³²

Дислокация и принадлежн. госпиталя	Дата первого инфициров.	Дата максимальн. интенсивности заболевания	Длительн. (суток)	Количество	
				Поступ.	Умерло
Варна, все госпитали	3 июля	30 июля — 6 августа	48	2674	1525
Добруджа, 1-я дивизия	21–26 июля	4 августа	30	2568	1886
2-я дивизия	26 июля	4 августа	25	518	354
3-я дивизия	26 июля	4 августа	8	56	34
Турки	26 июля	27–28 июля	8	250	200
Галлиполи, госпитали	7 июля	17–20 июля	30	1184	736
Константиноп. госпиталь де Малтепе	6 июля	18 июля	15–20	83	31
Госпиталь де Пере	16 июля	18 июля	15–20	46	26
Нагара, госпиталь	11 июля	14 июля	10	49	24
Пирей, госпиталь	7 июля	8 июля, 9 августа	40	396	249
Адрианополи, госпиталь	11 августа	14 августа	10	18	8
В полках				300	110
ВСЕГО				8142	5183

Болезнь косила не только армию, но и моряков. Французский флот к 3 (15) августа потерял 800 человек, еще 1200 были больны. Смерть так умело делала свое дело, что вскоре стало явным еще одно из самых зловещих опасений — постепенно флот становится все менее и менее готовым вести бой. Насколько мало боеспособны были экипажи кораблей союзников, свидетельствуют цифры — за две недели болезни вывели из строя 600 человек из 2000 человек экипажей двух флагманов французского флота. Особенно тяжело было на трехпалубных линейных кораблях, где на сравнительно небольшой территории скопилась большая масса людей. ⁶³³ На «Виль де Пари» заболело 140 человек (умерло 40) ⁶³⁴, на «Монтебелло» — 240. ⁶³⁵ «Сюффрен» имел на борту 100 больных, 20 умерли. Для французов это было чувствительным. На флоте начался кадровый голод.

«...Во французском флоте в Крымскую войну ситуация с личным составом была до некоторой степени напряженной. *Inscrits*, призываемые на службу во второй раз, выражали свое недовольство. Жалованье было достаточно приличным для 20-летнего холостяка — но взрослый женатый моряк вряд ли был доволен, когда его по *levée extraordinaires* призывали на службу, так как понимал, что в этом случае денег вряд ли хватит, чтобы спасти его семью от нужды. Конечно, *inscription* могла превратиться в

⁶³⁰ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud, Michel Lévy frères, Paris, 1855, p. 468–469.

⁶³¹ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud, Michel Lévy frères, Paris, 1855, p. 470.

⁶³² Dr. G. Scrive Relation medico-chirurgicale de la Campagne de Orient, Paris, MDCCCLVII, p. 76.

⁶³³ Louis-Édouard Bouët-Willamez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 206–207.

⁶³⁴ Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p. 26–27.

⁶³⁵ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, № 2, М., 1999 г., с. 8.

тяжелое бремя. Государственная материальная поддержка семей и частная благотворительность поспособствовали тому, чтобы мнение моряков о финансовой стороне проблемы в 1854–1855 годах изменилось, и мобилизация продолжилась. Но даже и после этого ощущалась нехватка людей: проблема была не в нежелании служить, а в недостаточном количестве моряков во Франции».⁶³⁶

Если армия была готова хоть сию минуту бежать на корабли, то у моряков было свое иное мнение. Многие из начальников не решались начинать погрузку, опасаясь, что на кораблях болезнь никого не оставит в живых.⁶³⁷

АНГЛИЙСКИЙ КОНТИНГЕНТ

У англичан начало эпидемии не отличалось от французоз. Подполковник Лайсонс назвал эпидемию холеры событием, нарушившим монотонный распорядок жизни армии вторжения. Он писал, что однажды утром к нему в палатку явился с докладом сержант и доложил, что один из солдат, направленный накануне в госпиталь, болен холерой. Это подтвердил помощник полкового врача. На следующий день больных было пятеро, трое из них умерли. Потом еще четверо.⁶³⁸ Прогрессия быстро становилась арифметической...

Версии появления эпидемии среди англичан тоже не сильно разнятся с французскими. Основная — местность, идеально подходящая для развития инфекций. Сама территория от Варны до Дуная, представлявшая смесь степей и болот, в летнее время превращалась в опасную для жизни. А когда к этому добавились огромное скопление людей, высокая температура воздуха, грязь Варны, мусорные свалки, крысы, получилась гремучая смесь, ставшая идеальной предпосылкой для того, чтобы в кратчайшее время заболевание превратилось в эпидемию.⁶³⁹ Лейтенант Кэрри из 79-го шотландского полка добавил к этому перечню распространяющих микробов москитов.⁶⁴⁰

Есть и другие версии. В истории 23-го Уэльского фузилерного полка появление холеры связывают с резким ухудшением качества пищи. Мясо и хлеб после перехода из лагеря Алладин в лагерь Монастырь стали плохого качества. Солдаты слабели, становясь легкой добычей для коварной болезни.

Отхожие места не обрабатывались. В результате почва, пропитанная отходами, в том числе и человеческой жизнедеятельности, была источником болезнетворных бактерий. Средств профилактики не хватало или не было вообще. Из-за провалов в работе Медицинского департамента хронически не хватало медикаментов. Солдаты вынуждены были использовать в их качестве преимущественно дубовую кору.⁶⁴¹

⁶³⁶ Гамильтон Ч. А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993. (http://militera.lib.ru/research/hamilton_cj/index.html)

⁶³⁷ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. Том. 2, СПб., 1876 г., с.268.

⁶³⁸ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.52–53.

⁶³⁹ César Lecat Bazancourt, The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 134.

⁶⁴⁰ David Murray, Lieutenant-Colonel, The Letters of Lieutenant F.G.Currie, 79th Highlanders, Part One//The War Correspondent, Vol.21, Number 4, January 2004, p.31.

⁶⁴¹ Regimental Records of the Royal Welch fusilers (Formrely 23rd Foot), Vol. II, 1816-1914 (july) published by the Royal Welch Fusilers, 1995. p.71.

Дата	Количество умерших
24 июля 1854 г.	25
25 июля 1854 г.	6
26 июля 1854 г.	4
27 июля 1854 г.	8
28 июля 1854 г.	7
29 июля 1854 г.	9
30 июля 1854 г.	15
31 июля 1854 г.	23
1 августа 1854 г.	16
2 августа 1854 г.	25
ВСЕГО	138

Если смотреть по числу зараженных, то арифметика англичан выглядит лучше. В то же время, если смотреть по процентному соотношению к общей численности личного состава, то картина у союзников в принципе одинаково безрадостная. Холера национальностью интересовалась мало.

В середине XIX в. болезни были неразлучным спутником английской армии и ее особой проблемой. Объем воздуха в казармах был меньшим, чем у заключенных в британских тюрьмах. Очень плохо соблюдались правила общественной гигиены. Питание было явно недостаточным по количеству и неудовлетворительным по качеству. Смертность в солдатской среде была почти в два раза выше чем среднестатистическая среди остального населения страны. По данным комиссий, число умерших от болезней в частях, дислоцированных в метрополии, составляло 17,5 чел. на 1000, «...между тем как смертность в тех же возрастных категориях (20 и 30 лет) равняется в Англии 9,9 на 1000».⁶⁴³ В 19-м пехотном полку «Зеленых Говарда» перед началом Крымской войны из 910 человек солдат и сержантов больных было 44, кроме этого, 10 сидели в военной тюрьме и 6 находились в самовольной отлучке.

Английские медики-гигиенисты, опередив своего французского коллегу доктора Дежобера, еще до Крымской войны приписывали большую смертность от заболеваний в армии основным трем причинам: недостатку пищи, изнурительной ночной службе и отсутствию вентиляции казарменных помещений. По статистике английской (и французской), армий смертность была уменьшена вдвое после устройства вентиляции жилых помещений.⁶⁴⁴

Среди солдат были не редкостью драки, азартные игры, венерические заболевания. В том же 19-м полку этот диагноз был преобладающим при общей оценке состояния здоровья личного состава как «хорошее». Во время пребывания армии в Скутари полковой врач 55-го пехотного полка докладывал, что «...венерические заболевания стали его основной проблемой. А ведь эта часть считалась одной из наиболее дисциплинированных в армии».⁶⁴⁵

Не меньшей проблемой было пьянство в солдатской среде, принявшее после переброски войск на театр военных действий масштаб бедствия. Согласно докладу полковника Стерлинга, в

⁶⁴² Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 105.

⁶⁴³ Столяров В. О влиянии казармы на здоровье армии вообще // Военный сборник № 7. СПб. 1871 г., с. 71–72.

⁶⁴⁴ Рудницкий, капитан. Казармы, основы их устройства и меры к их улучшению // Военный сборник, № 9. СПб., 1890 г., с. 121–122.

⁶⁴⁵ Хибберт, Кристофер, Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с.30.

одну из ночей в Скутафи было задержано около 2400 пьяных английских солдат. «Армия спивается, – горько заметил он, – нам не к чему придаться в поведении наших людей, когда они трезвы. Когда же они напиваются, устраивают избиения турок. Нам пришлось высечь одного из солдат для примера остальным».⁶⁴⁶

Хуже всего было в кавалерии: 22 умерших и 104 больных. При и без того малой численности этого рода войск можно говорить о том, что после морского перехода, угробившего еще десяток солдат, само его существование в составе английской армии было под угрозой. Гвардейские драгуны потеряли 4 офицеров.⁶⁴⁷ За время, прошедшее с момента высадки в Варне, погрузки, перехода в Крым и до окончания сражения на Альме 8-й гусарский полк потерял умершими от болезней 95 человек (интересно, но в этом полку от холеры почти не умирали – в основном от лихорадки). Немалое число нашло последний приют в волнах Черного моря, куда были брошены их тела.⁶⁴⁸ Болезням были в большей степени подвержены части, прибывшие из самой Англии, несколько меньше – те, где личный состав прошел некоторую акклиматизацию, например в Гибралтаре или на Мальте. Тяжелее всех страдали полки Легкой дивизии, особенно 23-й и 88-й, меньше – Стрелковая бригада (к концу июля 7 умерших).⁶⁴⁹ В 28-м пехотном полку за один месяц потеряли 33 солдат и сержантов. Три офицера (капитан Хью, лейтенанты Римедж и Канди) и полковой хирург Юнг были списаны по инвалидности и эвакуированы в Англию.

У шотландцев, хотя и более щепетильных в вопросах гигиены и чистоты, было тоже плохо. В 93-м полку заболели 416 человек, 54 случая оказались смертельными.⁶⁵⁰

Отдельные полки болезнь атаковала на подступах к Болгарии. На 26 августа 1854 г., как написал в своем письме командир легкой роты капитан Хедли Вайкарс, в 97-м Графа Ольстерского полку, который не успел прибыть в Варну и находился в Греции, умерло 118 человек. В том числе и из-за этого полк не вошел в состав первого эшелона экспедиционных сил.

Мучения не прекращались ни днем, ни ночью. Госпитали каждый день пополнялись новыми больными, страдавшими от дизентерии, холеры и тифа. Помещения некоторых были так забиты, что пациентов приходилось размещать «...в коридорах и даже на крыльцах».⁶⁵¹

У страха глаза велики. Англичане называли разные цифры заболевших, но они всегда были большими. В общей сложности инфекционными заболеваниями у союзников переболело до 10 000 человек, у британцев – по 500–600 человек в каждом полку.⁶⁵² Лейтенант Стефенсон из 33-го полка Легкой дивизии говорит, что в английской армии 18 умерших офицеров и 40 ставших инвалидами, 800 солдат и сержантов умерли. По его словам, в бригаде было всего несколько человек, которых болезнь не затронула в той или иной форме.⁶⁵³

Элита английской армии – гвардия умирала с такой же средней скоростью, как некоторые заштатные армейские батальоны. В Колдстримском полку из 900 человек умерли около 50.⁶⁵⁴ В их числе был уважаемый всеми полковник Тревальян, до пере-

⁶⁴⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с.30.

⁶⁴⁷ Calthorpe, Somerset John Gough Calthorpe, Vol.1, London, 1856, p.110–113.

⁶⁴⁸ Mollo J., Mollo B., Into The Valley of Deatch., 1991, London, p.19.

⁶⁴⁹ The Memoir of captain M.M. Hammond: Rifle brigade. Edinburgh. 1908. p. 269–270.

⁶⁵⁰ Frank Clark, major, The 93rd Regiment of Foot (The Sutherland Highlanders)//The War Correspondent, Vol.26, №1, April 2008, p.15.

⁶⁵¹ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с. 152–153.

⁶⁵² General sir Edward Hamley K.C., The War in The Crimea London, 1891, p.29.

⁶⁵³ At Home anf the Battlefield. Letters from the Crimea, China and Egipt, 1854–1888, By Sir Frederick Charles Arthur Stehenson, G.C.B. London, 1915, p.96.

⁶⁵⁴ Charles Grant, Michael Roffe, The Coldstream Guards, Osprey Publishing, 1971, p.21.

хода в гвардию командовавший 60-м полком. Шотландцы, которых незванный гость посещал реже, чем гвардейцев, тоже почти каждый день совершали марши смерти на кладбище.⁶⁵⁵

Относительно легко отделались саперы. Их лагерь стоял отдельно и они почти не соприкасались с пехотой и кавалерией. Но и у них переболело в общей сложности 40 чел., хотя смертных случаев почти не было.⁶⁵⁶

Больше всего повезло солдатам и офицерам 4-й дивизии. К моменту их прибытия в Варну болезнь пошла на спад и они почти не потеряли людей.

Не обращая внимания, что убыль британцев от холеры была меньше, чем у французов, английские медики предпочитали, что лучше солдаты будут иметь возможность умереть от русской пули, чем от инфекции.⁶⁵⁷ Для этого их как можно скорее нужно было отправить в Крым. Недавно назначенный квартирмейстером бригадный генерал Эйри⁶⁵⁸ констатирует разрушительный характер холеры и начинает вслух говорить о своих сомнениях относительно продуманности вторжения в Крым. Эти сомнения ему припомнят, когда в 1855 г. начнут обвинять в проблемах английской армии во время крымской зимы 1854/55 гг.

Тяжело переносил эпидемию английский флот, у которого подбор личного состава был более тщательным, чем вербовка новобранцев в армию. Похороны каждого матроса стоили значительно дороже, чем кусок парусины, в которую его заворачивали.

«Сильнейшим недостатком британской морской политики за двести лет, прошедшие с учреждения *inscription maritime*, было отсутствие у *Royal Navy* столь же эффективного способа быстро мобилизовать людские ресурсы флота. Система сверхсрочной службы не была способна обеспечить наличие резерва, и начало Крымской войны оказалось весьма неудобным временем для Адмиралтейства. Счастьем для него стало то, что для войны против Николая I понадобилось меньше моряков, чем против Наполеона I. Ста тысяч дополнительных моряков и морских пехотинцев не было и в помине; с 1853 по 1855 годы число моряков увеличилось с 45 000 до 67 000 — но и для этого потребовалось напрячь все силы».⁶⁵⁹

«Британия» потеряла 80, «Альбион» — 50, «Трафальгар» — 35 человек.⁶⁶⁰ Лейтенант 20-го пехотного полка Пид в своих записках вспоминает мертвые тела, еще во время погрузки в изобилии плававшие возле кораблей. Некоторые из этих несчастных, для которых война закончилась, так и не начавшись, были без парусиновых гамаков, в которые их заворачивали перед отправкой за борт.⁶⁶¹ В среднем экипажи потеряли десятую часть матросов и офицеров. Был период, когда число заболевших было таким, что некоторые корабли не рисковали выходить в море: не хватало людей, способных управляться с парусами.⁶⁶² В связи с дефицитом матросов их набирали с ком-

⁶⁵⁵ David Murray, Lieutenant-Colonel, The Letters of Lieutenant F.G. Currie, 79th Highlanders, Part One//The War Correspondent, Vol. 21, Number 4, January 2004, p. 31.

⁶⁵⁶ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55. By Captain H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p. 7.

⁶⁵⁷ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 312.

⁶⁵⁸ До этого командир бригады в Легкой дивизии. На этой должности его сменил бригадный генерал Кодрингтон.

⁶⁵⁹ Гамильтон Ч. А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).

⁶⁶⁰ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов, Том. 2, СПб., 1876 г., с. 268.

⁶⁶¹ Lieut. George Shulldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 88.

⁶⁶² Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p. 25–26.

мерческих судов, также брали много юнг. Но все равно ни один британский корабль не имел экипаж, численно соответствующий штату.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭПИДЕМИИ

Эпидемия оказала влияние на союзные войска. Дело было даже не только в нанесенной им численной убыли. Гораздо тяжелее оказались скрытые последствия, сказывавшиеся на психологическом состоянии армии и флота. Воодушевление сменилось апатией и всеобщей подавленностью.

От болезни все настолько устали, что единственный выход видели в скорейшем уходе прочь с проклятой земли, где «...смерть косила усердно и расчищала ряды союзников».⁶⁶³ После того, как походы похоронных процессий на кладбище стали пугающе регулярными, английские и французские солдаты и офицеры считали день посадки на корабли едва ли не лучшим в жизни. Они были счастливы от того, что их армия «...с истинным воодушевлением и энтузиазмом радостно готовится покинуть эту проклятую землю»⁶⁶⁴ вместе с ее болезнями, пожарами, грязью и другими несчастьями. Среди офицеров и солдат преобладало мнение, что лучше умереть в бою, чем на госпитальной койке.⁶⁶⁵

Нужно отметить, что после эпидемий Крымской кампании санитарные нормы стали «пунктиком» английской армии. Отныне они были столь жестко регламентированы, что вызывали удивление у противников и союзников. Оно и понятно, если в годы мировых войн XX в. солдаты всех воюющих армий «гадили» где и как попало, то британский солдат делал то же самое, но по строжайшей инструкции.

Болезнь не только убивала людей. Она подавляла их психологически. Накопившиеся бытовые и медицинские проблемы не самым лучшим образом влияли на обстановку в частях. Если французам еще как-то удавалось поддерживать моральный дух, то у британцев начались проблемы. В гвардии и в горских частях они были пока незначительными, но армейские полки были отмечены первыми признаками грядущего неблагополучия.

Проявлялись они по разному, иногда даже очень оригинально. Солдаты теряли вес, падала дисциплина, на лицах появились колоритные бороды, ставшие со временем своеобразной фронтовой модой, отличавшей участников кампании от их необстрелянных коллег. С особенным удовольствием обзаводились бородами английские солдаты. Для них это была не только мода, но и своеобразный протест: в английской армии мирного времени солдат заставляли ежедневно обязательно уничтожать любую поросль на лице. Это делалось с вполне практической целью: в случае побега военнослужащего дать возможность полиции быстро отличить в первые дни дезертира от обывателя. Проблемы с соблюдением униформы возникли уже в первые дни пребывания в Болгарии. И, как ни странно, они произрастали из рядов элиты — гвардейской дивизии. Нужно сказать, что королевский родственник герцог Кембриджский очень любил построения и различные строевые экзерциции, держа солдат под ружьем по пять часов в день, иногда без всякого смысла. Это невероятно утомляло гвардейцев, особенно глядя на их более беззаботных коллег из армейских полков. В

⁶⁶³ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том 1, СПб., 1900 г., с. 153.

⁶⁶⁴ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9. Симферополь, 2005 г., с. 44.

⁶⁶⁵ Léon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome I, Paris, 1858, p. 205.

конец концов, командир дивизии разрешил некоторые вольности в одежде: например, в строю разрешались на выбор любые головные уборы и можно было не брать с собой холодное оружие. Вскоре все заметили, что у герцога Кембриджского появились усы, разрешенные только в кавалерии. Это было невиданное отступление от жестких требований военного порядка. По правилам британской армии требовалось чисто сбривать все ниже линии, проходящей от уголка рта до мочки уха.

Пример оказался заразительным. Действительно, если родственнику королевы можно, почему этого нельзя другим? Через несколько дней усы стали видны у офицеров, а потом и весь личный состав гвардии щеголял днами, бакенбардами и бородами. Срочно был созван военный совет, на котором высшие начальники решали, что делать. Командир гвардейской бригады генерал Бентинк был настроен решительно — всем и все сбрить. Под стоны, стенания и жалобы английская армия начала бриться. В разгар мероприятия вдруг выяснилось, что у главнокомандующего лорда Раглана нет никаких возражений против усов и бород. Через три недели бригаду уже было нельзя узнать. Все соревновались в отращивании растительности. Скоро гвардейских гренадер было трудно отличить от саперов.⁶⁶⁶ Подполковник Калторп отметил, что с тех пор как вышел приказ, разрешавший не брить лица, внешний вид английских солдат изменился в худшую сторону, люди были неопрятные и грязные.⁶⁶⁷

Но бороды и усы не были панацеей от общего падения духа. Капитан английской конной артиллерии Уолпол Ричардс писал домой о пребывании в Варне: «Здесь, в Алладине, мы впервые столкнулись с холерой. Алладин — прекрасное место, расположенное на озере в восьми милях от Варны. Берега этого озера болотистые, и хотя наш лагерь находился ярдах в шестистах от воды, по ночам сырость и болотные испарения накрывали нас белым облаком. Люди мерли, как мухи. Потом мы продвинулись еще на шесть миль в глубь материка, но многие к тому времени успели заразиться и продолжали умирать. Ежедневно из госпиталя гвардейцев выносили по шесть-семь трупов. Мы оказались удачливой, хотя работали не в пример тяжелей: многие слегли, несколько человек умерло, но в целом гораздо меньше, чем у гвардейцев. Больше всех потеряли французы — 8 000 солдат и 75 офицеров, считай, целую дивизию! В общей сложности, по моим подсчетам, англичане недосчитались полутора тысяч солдат и офицеров, а французы — около 10 000; этих потерь можно было бы избежать, отправься мы вместо блужданий по окрестностям Варны напрямик в Севастополь. При штурме погибло бы впятеро меньше людей, чем от холеры, а главное — боевой дух армии, ныне подорванный эпидемией, был бы по-прежнему высок. Ты не представляешь, насколько изменились наши солдаты! Покидая Англию, они охрипли от воинственных криков, а теперь ворчат и сетуют на предательство Абердина. Уверен, окажись он здесь, его слопали бы без соли».⁶⁶⁸

Ричардс, конечно, несколько сгущал краски. Официальная статистика английского штаба была более светлой.

Одно было понятно всем, от рядового до главнокомандующего — если в течение месяца союзные войска не уберутся из Болгарии, то в продолжение еще нескольких они просто вымрут.

Началась подготовка к вторжению...

⁶⁶⁶ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p.131–132.

⁶⁶⁷ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 116–117.

⁶⁶⁸ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолпола П.Ричардса (пер. Е.Тупахиной) <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>.

АРМИИ ВТОРЖЕНИЯ

«Война состоит из непредусмотренных событий».

Наполеон Бонапарт

БРИТАНЦЫ

Подготовка

Англичане первыми убедились, что подтверждаются худшие ожидания: мощностей береговых сооружений портов не хватало для быстрой погрузки войск и имущества. Это могло означать только одно — быстро и одновременно погрузить на борт транспортов массы из тысяч людей и тысяч тонн грузов не получится. Решить проблему могло только одно — многократно увеличить погрузочные возможности портовой инфраструктуры, то есть сделать то, чего не было. Попутно необходимо было готовить высадочные средства.

В Болгарию отправились подразделения корпуса королевских инженеров. Все имевшиеся в наличии саперные роты британцев (8-я, 10-я и 11-я капитанов Баучера, Бента и Хассарда соответственно) были брошены на строительство причальных сооружений и высадочных средств. Кстати, офицеры 10-й роты лейтенанты Гордон и Прат были первыми английскими военными, ступившими на землю Болгарии 22 мая 1854 г. с борта корабля королевского флота «Карадок».

Собрать в единое целое инженерные подразделения стало проблемой: роты, находившиеся в Причерноморье, были разбросаны по большой территории. В саперах нуждались все. Их перебрасывали с места на место не только взводами, но даже отдельными небольшими группами. Иногда единственная рота оказывалась рассеянной по пространству от Мальты до Болгарии, как, например, 11-я, разделенная на отдельные взводы, находившиеся друг от друга на расстоянии в несколько сотен километров. Все роты не имели полного состава. Последнее из подразделений (взвод лейтенанта Стентона) было доставлено специальным рейсом одного из кораблей адмирала Дандаса.

Главной задачей саперов стали причальные приспособления. Роты, каждая из которых не превышала численно 100 чел., распределялись группами по 25 чел. на каждый пирс. Вскоре они были усилены взводами французских саперов.⁶⁶⁹

⁶⁶⁹ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan

Нужно сказать, что саперы внесли свой вклад в успех, сопоставимый по упорству с действиями английской пехоты на Альме. Это была первая настоящая маленькая победа союзников. Работы завершились в кратчайшие сроки. В качестве основных строительных материалов использовались твердые породы дерева, в основном дуб. Процесс потребовал невероятного напряжения сил. Кроме того, саперы, хотя и в меньшей степени, чем пехота или кавалерия, страдали от болезней, но и они не избежали этой участи. Рабочих рук становилось меньше едва ли не каждый день.

Но даже если бы и было возможным иметь полный штат, все равно начинать работы заблаговременно было рискованно: можно было заранее выдать свои намерения. Наличие русских шпионов в Болгарии не исключалось. Тем более, что в помощь британским саперам были наняты рабочие из местного населения.

Военный комиссариат закупил большое количество необходимого инструмента и гужевого транспорт. Инженерный генерал Тайден сделал все возможное, чтобы саперные роты не только не имели нужды ни в чем, но и могли быть достаточно мобильными по прибытии в Крым. Для этого он приказал заказать для мулов специальные вьючные системы для перевозки шанцевого инструмента по примеру французских коллег.⁶⁷⁰

Вскоре саперы получили еще одну саперную роту — 7-ю (капитан Гиб), с которой доставили дополнительный запас инструментов. В ее составе с о. Корфу прибыло подразделение телеграфистов лейтенанта Тисдейла. После выполнения задачи она (кроме группы Тисдейла) ушла для строительства госпитальных барачков в Галлиполи.

Если английские саперы были постоянно заняты, то солдаты пехоты и кавалерии вместе со своими офицерами во всю сибаритствовали и больше напоминали туристов, собравшихся в круиз. Хотя тренировки и шли, но они не занимали много времени и в основном сводились к изучению нового оружия. Целыми днями англичане проводили время в купании, питье чая и других напитков, а также в упорной борьбе со скукой. Строевые занятия герцога Кембриджского были скорее исключением, чем правилом. Потому упрямое обучение французам их немало удивляло. Офицер «Рейнджеров Коннахта» Натаниэль Стивенс, посетив лагерь французской пехоты (7-й линейный и батальон стрелков), был немало удивлен тому, что увидел. Шли занятия, каждый солдат был чем-нибудь занят, паковались походные палатки, все это делалось без суматохи, легко и непринужденно. Стивенс уже в Крыму понял во время знакомства с местной непогодой, что британское безделье и кажущийся комфорт на самом деле не привели ни к чему хорошему: «...наши солдаты гораздо медленнее приспособивались к местным условиям».

Даже турки демонстрировали более высокую полевую выучку, чем британцы (и, кстати, лучше чем французы, тоже).⁶⁷¹

Погрузка

К 24–25 августа объем работ был полностью завершен. Хотя причалы и были реконструированы саперами, всех проблем избежать не удалось. Но это была уже не вина военных инженеров. Тыловое ведомство не успевало в достаточном количестве

H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.3.

⁶⁷⁰ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.5.

⁶⁷¹ Nathaniel Steevens The Crimean Campaign with «The Connaught Rangers» 1854–55–56 Griffith and Farran. London, 1878, p.36–37.

закупать имущество. Недостающие шаланды, необходимые для высадки войск, приобретались в Константинополе.⁶⁷²

Но даже то, что уже было сделано, позволяло немедленно приступить к следующему этапу — погрузке. 25 числа приказ о ее начале был разослан по всем полкам английского контингента.⁶⁷³

Теперь союзное командование ждала очередная задача: требовалось произвести расчеты оптимального соотношения численности десантных сил, численности подразделений обеспечения с объемом транспортов, числом необходимого имущества и высадочных средств. После чего привести к общему знаменателю с количеством пирсов и времени погрузки. Это было нелегко. Судов по-прежнему не хватало: «Перевозка в Крым... потребовала ...до полутора ста паровых и парусных транспортов».⁶⁷⁴

Можно уверенно говорить, что мировая история еще не видела подобного предприятия. Масштабы были грандиозными. По количественному показателю союзный десант входил в тройку крупнейших десантов XIX в. вместе с высадкой французов в Алжире в 1830 г. (ок. 37 000 чел. и 4 500 лошадей) и десантом генерала Мак-Клелана на Йоркский полуостров в 1862 г. (ок. 80 000 чел.).⁶⁷⁵ При этом переброска войск производилась не с континентальных территорий Англии и Франции, а из мест, удаленных от метрополий на сотни и тысячи километров.

Ближе к отправке в Крым английское командование все-таки усилило нагрузки на личный состав, стали часто производиться учения по посадке в шлюпки.⁶⁷⁶ Особенно это почувствовала не себе Легкая дивизия вскоре после знакомства со своим командиром генералом Брауном. К этому времени был ясен способ десантирования и средства его производства.

«В 1854 году союзники, находясь в Варне и готовясь к вторжению в Крым, конец июля и почти весь август отвели на тщательную подготовку войск к этому предприятию: инженерные войска, заготавливая фашины и туры и производя различные практические работы, приучались к осадным действиям, а пехота и флот почти непрерывно практиковались в посадке и высадке».⁶⁷⁷

Занятия для сухопутных войск шли как с флотом, так и самостоятельно. При участии флота готовились специальные гребные команды, которые должны были оказывать помощь морякам. К началу посадки на корабли при всех недоразумениях у союзников были «...тщательно подготовлены средства для перевозки десанта на берег, и войска были обучены погрузке и выгрузке с судов».⁶⁷⁸

Особенное внимание было обращено на изыскание такого способа перевозки артиллерии на берег, которое давало бы возможность тотчас же ввести ее в бой.

«...После многих опытов остановились на следующем способе: связывали два судна длиной в 50 футов и шириной в 8 футов и настилали их досками, получался плот, который поднимал 1 орудие на лафете с ящиком и две запряженные повозки или 150–200 чел., причем в воде он сидел только на 1 фут».⁶⁷⁹

⁶⁷² Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с. 485–486.

⁶⁷³ Nathaniel Steevens The Crimean Campaign with «The Connaught Rangers» 1854–55–56 Griffith and Farran, London, 1878, p. 71–72.

⁶⁷⁴ Богданович М. И. Восточная война 1853–1865 годов. В 4-х томах. Том III, СПб., 1877 г.

⁶⁷⁵ Обручев Н. А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с. 26.

⁶⁷⁶ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с. 485–486.

⁶⁷⁷ Обручев Н. А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник, №8, СПб., 1898 г., с. 45.

⁶⁷⁸ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с. 48–49.

⁶⁷⁹ Обручев Н. А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник, №8, СПб., 1898 г., с. 45.

Как вариант на него можно было погрузить 12–15 лошадей и 30 человек или 13 000 кг различных грузов.⁶⁸⁰

Как только завершилась отработка посадки на корабли и высадка с них, перешли к следующему этапу действий — погрузке. Она пошла быстро. Труд, затраченный на подготовку, не пропал даром.

Как пример: 88-й пехотный полк «Рейнджеры Коннахта» 30 августа в полдень прибыл к одному из причалов для погрузки на транспорт №78 и через три часа успешно завершил ее, выполнив посадку на борт судна личного состава в количестве 27 офицеров, 774 солдат и сержантов. Были погружены всё полковое имущество, боеприпасы и даже... 16 женщин.⁶⁸¹

Последняя цифра очень интересна. Действительно, много женщин, в основном супруг полковых сержантов, решив не отставать от своих мужей, всеми правдами и неправдами проникали на борт кораблей. Хибберт приводит статистику, по которой на 100 мужчин английского контингента в среднем приходилось 6 женщин. «Предполагалось, что эти женщины в дальнейшем станут работать в солдатских столовых и госпиталях, однако ни по подготовке, ни по дисциплине они не могли сравниться с наемными работницами, выполнявшими эти обязанности во французской армии».⁶⁸² Офицер гвардейских гренадер Хиггинсон заметил в Варне при сходе полка на берег примерно полдюжины солдатских жен: «скорее безбилетников, чем законных пассажиров», «выглядевших после рейса очень непривлекательно».⁶⁸³ Кстати, это оказалось не самым плохим нарушением суровой воинской дисциплины. Женщины помогали в хозяйстве, стирали солдатам белье, а сразу после Альминского сражения стали первыми английскими сестрами милосердия. Даже офицеры гвардии склонялись к тому, что действовавший в английской армии категорический запрет генерала Чарльза Нэпира, гласивший: «Никакие женщины не имеют права участвовать в экспедиции», был необдуманным. Конечно, с одной стороны, присутствие женщин создавало проблемы. Часто эти проблемы были не столько сексуального, сколько морального характера. Много солдатских и сержантских жен в быту оказывались дамами скандальными, сплетницами и лентяйками. Из-за их длинных языков в любую минуту могли вспыхнуть потасовки. С другой стороны, именно они часто проявляли пример милосердия, самоотверженности и мужества, оказывая помощь раненым и больным, помогая организовывать быт, ремонтировать одежду, поддерживать порядок, будучи «...настоящими ангелами смиренности, благочестия и любви».⁶⁸⁴

В последние сутки перед посадкой принимается решение об усилении кавалерии. Для этого в состав десантных сил назначались 4-й легкий драгунский полк полковника лорда Пэджета и полк Шотландских серых.⁶⁸⁵ Но на корабли успели погрузить

⁶⁸⁰ Charles Auger *Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854–1856)*, Tome premier Paris, 1859, p.38–39.

⁶⁸¹ Nathaniel Stevens *The Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" 1854-55-56* Griffith and Farran, London, 1878, p.71–72.

⁶⁸² Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Паглана. М., 2004 г., с.28.

⁶⁸³ Higginsin, George Wetworth Alexander, Sir, *Seventy-one years of a guardsman's life*, London, 1916. p.124–125

⁶⁸⁴ *Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer*, London, 1859, p. 7–8.

⁶⁸⁵ Шотландские серые — один из самых старейших и известных полков английской кавалерии. История полка начинается в 1678 г., когда были учреждены Шотландские драгуны. В 1681 г. — Королевский полк Шотландских драгун, а 1694 г. — 4-й драгунский. Уже тогда они ездили на серых лошадях и назывались Серыми драгунами. В 1707 г. полк получил название Королевских Северобританских драгун (2-й драгунский). При Ватерлоо Серые состояли в бригаде генерала Понсонби и произвели одну из самых известных как по отваге, так и по безрассудству кавалерийских атак в истории. Они бросились вперед с традиционным боевым кличем «Шотландия навсегда!» и, захватив более 2000 пленных, добыли и французского орла (знамя) 45-го линейного полка. С тех пор на головных уборах серых появилась эмблема

Отправка английских войск в Крым. Прощание с семьями. 1854 г.

только легких драгун. «Серые» не успели (они находились в бараках Кабайли в Константинополе) и высаживались в Крыму в устье Качи уже после Альминского сражения.⁶⁸⁶

Ценой невероятных усилий при всех творившихся безобразиях административный аппарат союзников сумел организовать посадку на корабли и транспортные суда. Это был прогресс, особенно на фоне того, что вся Крымская война была, по мнению британцев, «...делом грязным, плохо планируемым, если планируемым вообще».⁶⁸⁷

с изображением орла и надписи «Ватерлоо». В 1877 г. прозвище «Шотландские серые» наконец стало официальным названием полка. Это имя сохранялось до 1971 г.

⁶⁸⁶ Mollo J., Moilo B., *Into The Valley of Deatch.*, 1991, London, p.19.

⁶⁸⁷ Watson, *Bruce Sieges: a comporative study*, Westport, Conn, Praeger, 1993, p.56.

Отдадим должное штабным работникам — свою часть планирования операции они выполнили хорошо. Даже в толкотне транспортов союзники старались придерживаться установленного порядка. Так, в британской артиллерии принцип размещения по батареям соблюдался неукоснительно. На корабле все офицеры группировались попарно: капитан с лейтенантом, второй капитан (заместитель командира батареи) со вторым лейтенантом, еще один из лейтенантов с хирургом). Каждая пара имела в своем составе одного младшего и одного старшего офицера батареи и сохраняла возможность самостоятельно руководить солдатами, даже если их корабль высадит десант в другом месте или в другое время.⁶⁸⁸ Орудия грузились по два на транспорт. Так, батарея I-й Конной артиллерии капитана Мода на транспорт «Пиренеи» погрузила два орудия, два зарядных ящика и 54 лошади.⁶⁸⁹

Расчеты не всегда бывают точными. Как бы ни хотелось, но жизнь всегда вносит свои поправки. В нашем случае они были минимальными и не повлияли на ход операции в целом. Когда гвардейских гренадер погрузили на борт парохода «Simoon», оказалось, что 1300 человек — это слишком много. В результате пришлось 200 пересаживать в экстренном порядке на другие корабли и транспорты.⁶⁹⁰

Некоторые отправлявшиеся в экспедицию, правда, скорее путешественники, чем участники, были в восторге, который другие почему-то не разделяли. Один современный исследователь так прокомментировал восторженное заявление корреспондента лондонской «Таймс» Рассела, писавшего, что еще ни одна армия в мире не перевозилась с такой роскошью: «Ему, наверное, предоставили каюту I класса». Действительно, Рассел в начале экспедиции восторгался всем. Время его критических и нелюбимых для военной администрации и правительства Великобритании репортажей еще не наступило. Пока все хорошо. В конце августа — начале сентября 1854 г. отец военной журналистики был бесконечно горд, оказавшись в составе армии вторжения. Приобретя в одном из лондонских оружейных магазинов новенький револьвер Кольта, он чувствовал свою причастность к чему-то великому. Офицеры его общество терпели, однако своим не считали, недоумевая, для чего Раглану нужен этот писака.

Ранцевый вопрос

Иногда самое незначительное ставит под угрозу великое. Так получилось и с экспедицией в Крым. Казалось, элементарная проблема едва не поставила под угрозу саму высадку. Оказывается, британские солдаты были до того измотаны болезнями, что не могли самостоятельно нести груз, находившийся в ранцах. Несколько миль пути от лагеря к причалам могли стать для них непреодолимыми.⁶⁹¹

Для французов эта новость дала благодатную почву для насмешек над союзниками. Мало того, что англичане ничего не делали, предаваясь в основном празднествам, они умудрились потерять в своих развлечениях много людей. Потери эти боевыми или санитарными назвать было трудно.

В первый же день двухдневных скачек в Варне насмерть разбился капитан Стрелковой бригады Маркхам, на следующий были тяжело травмированы капитан Конноли и сержант из 33-го полка. 7 или 6 человек утонули, купаясь в море. Множество людей покалечились при работе с лошадьми.⁶⁹²

⁶⁸⁸ Col. G. Gocelyu, The History of The Royal Artillery, London, 1951, Part II, p.114.

⁶⁸⁹ March, Catherine, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p.117.

⁶⁹⁰ Higgins, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p.136.

⁶⁹¹ Edward Bruce Hamley, The War in the Crimea, London, 1891, p.29.

⁶⁹² Sir Daniel Lysons, general, G. C. B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.42–43.

А тут еще ситуация с ранцами...

Частично проблему решить удалось: для доставки солдатских пожитков до места посадки на корабли пришлось использовать нанятых носильщиков.⁶⁹³ Ранцы Легкой дивизии несли на своих спинах пони.⁶⁹⁴ Английский адмирал на турецкой службе Адольфус Слейд (Мушавер Паша) был в ужасе от происходящего. Сбывались его худшие предположения. Скорость погрузки личного состава часто шла вразрез с их обеспечением. Многие из необходимого приходилось оставлять в Варне.

Конечно, физиология и военные медики диктовали свои условия, предупреждая, что вес собственного скарба для многих солдат английской армии, измотанных болезнями, будет непосильным. Врачи категорически запретили личному составу иметь при себе ранцы.⁶⁹⁵ Если до транспортов их еще можно было доставить, то в Крым носильщиков и пони не возьмешь.

По приказу командования с ранцев снимались ремни, которые использовались для крепления свертка из минимально необходимых предметов снаряжения и униформы, а сами ранцы подписывались и нумеровались владельцами, после чего грузились на корабли вместе с подразделениями, но отдельно от владельцев.⁶⁹⁶

«Солдаты оставили свои ранцы на борту кораблей в соответствии с приказом, взяв с собой самое необходимое на три дня: одеяло, рубашку, пару ботинок и носков, все это завернув в шинель...».⁶⁹⁷

Вначале солдаты радовались этому. Капрал гвардии Мак Милан вспоминал, что общий вес того, что приходилось носить на себе солдату в мирное время, в условиях войны становился слишком большим, доходя до 80 фунтов, учитывая, что для гвардейцев, кроме обычных, как и во всей армии, комплектов рубах, брюк и ботинок, немало хлопот доставляли их медвежьи шапки. Некоторые сержанты гвардии, будучи людьми более состоятельными, нежели их армейские коллеги, кроме штатного оружия, имели при себе приобретенные за личный счет револьверы.

Запрет на ранцы был категорическим, но некоторым он был явно не по душе. Чуть ли не угрозой бунта отказались выполнять предписание медицинской службы гвардии и горцы (1-я дивизия). Для них было позором поставить себя в один ряд с армейскими полками. Командование смирилось с требованиями солдат — и пять полков (два гвардейских⁶⁹⁸ и три шотландских⁶⁹⁹) поднимались по трапам в полной выкладке. Но все равно десять миль из лагеря гвардии Алладин ранцы солдат были перевезены до места погрузки на мулах.⁷⁰⁰ Что, кстати, многими оценивается положительно.⁷⁰¹

Как показали дальнейшие события, гвардейцы оказались самыми предусмотрительными, ибо через некоторое время вернувшиеся за своим добром хозяева, разбившие русскую армию при Альме, увидели, что мрачные прогнозы адмирала Слейда имели свойство сбываться. В Балаклаве, где многие из солдат впервые снова увидели

⁶⁹³ The Welch Regiment 1719–1914, London, 1914, p. 180.

⁶⁹⁴ Sir Daniel Lysons, general, G. C. B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 66–67.

⁶⁹⁵ Mitra S. M. The life and letters of Sir John Hall M. D., K. C. B., F. R. C. S. London, New York, 1911, p. 319–320.

⁶⁹⁶ Wyatt, Jonn. History of the First battalion Coldstream guards during The Eastern Campaign. London 1858 p. 14–16.

⁶⁹⁷ Paterson, Robert H, Pontius Pilate's bodyguard : a history of the First or the Royal Regiment of Foot, The Royal Scots (The Royal Regiment). Edinburgh, Royal Scots History Committee 2000, p. 168.

⁶⁹⁸ Не утверждаю о точности этого числа. Гвардейские grenадеры не входили в число оставивших ранцы на своих спинах. По крайней мере Хиггинсон пишет, что и им пришлось делать пакеты с набором минимально необходимого имущества (Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 138–139).

⁶⁹⁹ Другие источники говорят, что только 79-й отстоял такое право.

⁷⁰⁰ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 129.

⁷⁰¹ March, Catherinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p. 147.

свои ранцы, их ожидало разочарование: многие из них пропали бесследно,⁷⁰² а часть личных вещей победителей Альмы была разграблена личным составом свидетелей этой победы — матросами королевского флота. Морякам тоже хотелось кушать, а голод, как говорится, не тетка.

По воспоминаниям полковника Гордона, адъютанта командира 1-й дивизии, это было невероятной ошибкой, дорого стоившей британским солдатам. Он приводит в пример гораздо лучше поставленную тыловую службу французских союзников, отмечая, что даже во время сражения для охраны имущества зуавов, снявших ранцы перед подъемом на южный берег Альмы, была оставлена группа солдат.⁷⁰³

Это вполне понятно. Любый, служивший в армии, знает, что для солдата ранец — это не просто элемент снаряжения. Тут имеет место нечто большее, иногда почти мистическое. Ранец — это собственный нехитрый мир, помещенный в небольшой объем и навешенный на спину. Это и дом, и кухня. Без него солдат превращается в создание с минимальными шансами на выживание в суровых полевых условиях войны. Хотя английский армейский ранец и был «...безобразной грудой из дерева, клеенки и кожи, до крайности обременявшей солдата и нередко порождавший болезни», это был его скарб, делавший жизнь более-менее комфортной.⁷⁰⁴ Англичане трепетно относились к ранцам, поэтому остаться без них было равносильно потере значительной части комфорта. Моряки не понимали этого, относясь к прихотям пехоты скептически. Капитан флота Виндхам не разделял стенаний армейских коллег, считая, что три дня можно было бы потерпеть без ранцев.⁷⁰⁵

В гвардии возмущались все. Офицеры считали, что медики не имели права принимать это решение, не посоветовавшись с командирами полков, в результате «большая часть наших дальнейших страданий связана с этим решением».⁷⁰⁶

Не слишком добрый к французам Сомерсет Калторп и тут нашел преимущество английского метода погрузки. Он пишет, что когда перевернулась по неопытности командовавшего ею гардемарина французская шлюпка, то 27 зуавов утонули, так как были в полном снаряжении и с ранцами за спиной.

«Я увидел Канробера вечером в самом расстроенном виде. Он сидел, заламывая руки, и постоянно повторял: «Моя несчастная дивизия. Моя несчастная дивизия...», имея в виду утреннее происшествие с зуавами».⁷⁰⁷

Поднявшись на борт транспортов, английские солдаты и офицеры почувствовали облегчение. Хотя люди продолжали умирать, число тел несчастных, завернутых в тряпки и с грузом на ногах выброшенных за борт в волны Черного моря, уже не пугали своим числом: в Стрелковой бригаде умерли 7 чел, в 33-м полку — 10, в Гвардейском гренадерском — 1.⁷⁰⁸ Лайсонс говорит, что в 88-м полку уже на борту кораблей умерли 13 человек, в 33-м — еще больше.⁷⁰⁹ И все-таки пик эпидемии был позади, с

⁷⁰² Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) Turkey and the Crimean war: a narrative of historical events, London, 1867, p.290–291.

⁷⁰³ Anthony Sterling, The Highland Brigade in the Crimea, Letter XXV, p.40.

⁷⁰⁴ Библиография//Военный Сборник, №6, СПб., 1870 г., с.187.

⁷⁰⁵ The Crimean diary and letters of Lieut.-General Sir Charles Ash Windham, London, 1897, p.21–22.

⁷⁰⁶ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p.138–139.

⁷⁰⁷ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 118–119.

⁷⁰⁸ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p.140–141.

⁷⁰⁹ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B.The Crimean war from first to last, London, 1895, p.78–79.

каждым днем выздоравливавших становилось больше. Смена обстановки и свежий воздух оказывали благотворное воздействие.⁷¹⁰

Хиггинсон пишет, что даже когда транспорты уже направились к Крыму, за кормой виднелись мертвые тела.⁷¹¹ Но ни вид разлагавшихся тел, ни вид гребных катеров, ежедневно перевозивших на берег десятки новых умерших, не портили общее приподнятое настроение. Все знали, что за погрузкой последуют высадка, взятие Севастополя и к концу осени — возвращение домой «...в старую Англию к мирным домашним очагам».⁷¹²

Свежий воздух — это конечно, хорошо. Однако исключительно им сыт солдат не будет. Тем более, что фридриховскую аксиому: «если кто хочет устроить армию, то должен начать с брюха; оно — фундамент армии» никто еще не сумел опровергнуть. Серьезно изменился рацион. Ступив на палубу корабля, каждый английский солдат стал питаться тем, что можно было приготовить в условиях трюма. Хотя он нес с собой рацион в виде трехдневного запаса продуктов, состоявшего из соленого свиного мяса, бисквитов, небольшого количества чая, сахара и питьевой воды, но этот паек предназначался для использования после высадки. Из этого расчета на корабле был погружен продуктовый запас на 12–14 суток. Точно таким пайком британцы питались все время нахождения в море: естественно, ни о каких изысканных блюдах не могло быть и речи в условиях корабля. Точно так же обстояло с приготовлением. Армия Раглана больше двух недель не имела горячей пищи!⁷¹³

Более предусмотрительные французы запаслись продуктами на четверо суток. Одновременно они старались наладить более-менее приличное питание на кораблях. Хотя и у них далеко не все солдаты были довольны новым пайком.

Офицерам обеих армий было легче, они имели возможность получать некоторое количество вполне прилично приготовленной пищи из офицерской кают-компания. По крайней мере, так начало казаться капитану конной артиллерии Ричардсу, когда он оказался на борту транспорта.

«Единственным положительным моментом стала для личного состава английской армии несколько улучшившаяся система снабжения войск после посадки на корабле. Половиною потерь армия обязана мошенникам из английского интендантства. Солдаты оставались то без мяса, то без хлеба, а портер, о котором столько трубили в газетах, видели очень редко. Потом снабжение наладилось, и сейчас, на корабле, мы живем припеваючи».⁷¹⁴

Видимо, многое зависело от условий конкретного корабля. Там, где офицеров десанта было немного, судовой кок мог выделить им рацион корабельных офицеров, там же, где офицеров было много, да еще и добавлялись многочисленные чины штабов, дело было иным. Оказавшемуся в таком положении гвардейскому гренадеру Хиггинсону солдатское меню не грозило. Но и питание соленым мясом бесило его с каждым днем все больше и больше.⁷¹⁵ И он был не одинок в своей злости.

⁷¹⁰ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 141.

⁷¹¹ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 129.

⁷¹² Lieut. George Shuldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 89–90.

⁷¹³ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 138–139.

⁷¹⁴ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолпола П.Ричардса (пер. Е.Тулахиной) <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>.

⁷¹⁵ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 142–143.

Офицеров и солдат раздражало, что теперь они остались без возможности если не получать нормальные продукты, то хотя бы приобретать их. Вопрос нормальной пищи для солдат остро стоял весь период пребывания англичан в Турции и Болгарии. Дошло до того, что доктор Холл рекомендовал перейти исключительно на говядину, заменить хлеб бисквитами, так как местные хлебопекарни давали продукты, которые солдаты отказывались принимать в пищу.⁷¹⁶

Но на суше были увеличены винные порции, добавлены в рацион дополнительные нормы перца и соли, наконец, введен в питание рис. И пусть все, что удавалось купить на месте, было плохого качества, его было достаточно. В крайнем случае разнообразие пищи компенсировал местный рынок.

На корабле от многих привычных атрибутов сухопутной жизни, в том числе и в пище, пришлось отвыкать.

Пехота, артиллерия, кавалерия

Английские экспедиционные войска, планируемые для участия в экспедиции в Крым, были представлены пятью дивизиями, кавалерийской бригадой, усиленными артиллерией, саперами и тыловыми частями. Общая численность составляла 26 800 чел., включая 3 100 чел. в артиллерии и 1 110 — кавалерии.⁷¹⁷

К началу кампании британцы столкнулись с нехваткой личного состава, особенно чувствовавшейся в пехоте. Отдельные части не дотягивали до 80% штатной численности, хотя это понятие традиционно мало принималось во внимание в английской армии. Считалось, что в стране всегда будет достаточно представителей деклассированного элемента, которого нужда и голод загонят под знамена ее величества королевы Виктории. Этим отчасти объяснялось значительное число ирландцев, нанимавшихся в армию, чтобы не умереть от голода после нескольких неурожайных лет. Смерть от русской пули казалась менее страшной.

Кроме того, на случай если бродяг и ирландцев не будет хватать, на время кампании был разрешен переход солдат из полка в полк. В результате численность некоторых полков, отправляемых в Крым, была значительно увеличена за счет добровольцев, принимаемых из других частей. 95-й Дербиширский полк в марте 1854 г., чтобы довести свою численность до штатной, принял 123 чина из 6-го, 36-го, 48-го и 82-го полков. Больше всего пришли из элитных фланговых рот — 85 чел., они же поступили на формирование еще одной элитной роты «Лесников Шервуда»⁷¹⁸ капитана Дениса. Многие из них больше так и не увидели Англию.

На волне всеобщего патриотизма в полк возвращались ветераны. Полковой чиновник дербиширцев, ветеран Ватерлоо Фернан, уволенный со службы еще в 1837 г., вновь был принят на должность квартирмейстера. Многие офицеры тоже старались попасть в один из полков, направляемых в Крым. Лейтенант Цейлонских стрелков Брейбрук находился в отпуске, но с началом кампании добился перевода в 95-й полк и присоединился к нему уже в Турции.⁷¹⁹

Принц Альберт лично много занимался подбором командного состава отбывавших бригад. По его инициативе во главе армии королева поставила лорда Раглана. Па-

⁷¹⁶ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 340–341.

⁷¹⁷ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the invasion of the Crimea to the close of the Winter Campaign 1854–55. By Captain H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.8.

⁷¹⁸ «Лесники Шервуда» — прозвище 95-го Дербиширского полка в Британской армии. Иногда (как в этом случае) прозвища со временем становились одним из официальных наименований полка.

⁷¹⁹ Harold Carmichael Wylly, The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea, S. Sonnenschein, London, 1899, p.2.

Командир 1-й (Гвардейской) дивизии генерал-лейтенант Георг Вильям Фредерик Чарльз, герцог Кембриджский. После 1860 г.

радоксально — человеку, который никогда не командовал даже батальоном, вручили целую армию! И таких было множество.

Результат оказался удручающим. Большинство других генералов тоже не справлялись со своими задачами. Альберт тем не менее бодрился: в публичных выступлениях при проходах воинских частей, погружавшихся на суда, а иногда и в письмах он, как и Виктория, выражал надежды на успехи в предстоящей кампании. Огромную роль, полагал он, может сыграть превосходство Британии на море. В ее распоряжении 300 кораблей, похвалялся Альберт в одном из писем Штокмару. Принц, справедливо замечает современный биограф, закрывал глаза на то, что среди этих судов было немало таких, которые строились еще во времена Трафальгара, даже трехпалубный «Герцог Веллингтон» был заложен как парусное судно и лишь потом переоборудован под паровой двигатель. Многие суда шли под паром лишь в безветренную погоду.⁷²⁰

⁷²⁰ Виноградов К.Е., Суртаев П.Б. Королева Виктория принц-супруг Альберт и Крымская война//Новая и новейшая история, №2, М., 2004 г. (<http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CRIME.HTM>)

Стараниями принца Англия получила внушительную на первый взгляд военную силу, во главе которой стояли совершенно разные по уровню знаний, опыта и таланта командиры. Давайте ближе познакомимся с ними.

1-я (Гвардейская) дивизия: состояла из Гвардейской и Шотландской бригад. Командовал ею генерал-лейтенант герцог Кембриджский. У англичан почему-то очень часто лучшие войска, к которым, бесспорно, относилась 1-я дивизия, доставались под командование родовитым, но столь же бездарным начальникам. Герцог Кембриджский. «Королевский Джордж»,⁷²¹ был наиболее ярким представителем этой категории. Герцог Вильям Фредерик Чарльз, герцог Кембриджский, граф Типперари, барон Куллоден. Внук короля Георга III, двоюродный брат королевы Виктории, хороший администратор, прекрасный человек, но весьма посредственный командир. В принципе, он типичный представитель английского генералитета, всегда отличавшегося «...малым опытом в искусстве вести войска».⁷²² В то же время герцог был самым молодым из командиров дивизий (35 лет).⁷²³ Во время кампании особенно выдающимися способностями не выделялся, разве что своими душераздирающими высказываниями, едва не доводившими всю Англию до сердечных приступов. Первый пример – его возглас после Альмы: «Еще одна такая победа – и Англия останется без армии». В целом человек неплохой, но к военной профессии мало пригодный. В конце концов, оказавшись сильно больным, покинул Крым и вернулся в Англию.

Хотя были и исключения. В дивизии служил бригадный генерал сэра Колин Кемпбел, командир горской бригады – самый популярный начальник в британской армии. Авторитет получил во время службы в Индии и в войне с Наполеоном.⁷²⁴ Звание и должность получил за службу, а не за деньги, за что был горячо любим своими солдатами и уважаем офицерами.

Общая численность личного состава в двух бригадах – 6 500 чел.

Легкая дивизия. Состояла из двух пехотных бригад и двух батальонов Стрелковой бригады.⁷²⁵ Командир – генерал-лейтенант Джордж Браун – опытный военачальник, «...ветеран многих тяжелых сражений с французами»,⁷²⁶ прошедший школу герцога Веллингтона. Типичный английский генерал, предельно строгий, часто грубый с солдатами и требовательный с офицерами. Лично храбрый, но никогда не считавший своих убитых солдат, считая, что своей смертью они всего лишь возвращают долг Англии. Это был свирепый служака, сражавшийся под командованием Мура в Ла-Корунье и получивший знак отличия за 43-й форт. И его подчиненные не должны были ни на минуту забывать об этом. Он свято верил в силу дубинки и упрямо отвергал даже малейшие реформы в военном деле. Лорд Пенмюр отозвался о нем как о человеке, «искренне ненавидившем любые перемены».⁷²⁷ Подполковник Лайсонс, офицер его штаба, охарактеризовал его как «запугавшего всех раздражительного старого солда-

⁷²¹ «Королевский Джордж» («Royal George») — прозвище герцога Кембриджского у шотландцев (David Murray, Lieutenant-Colonel, The Letters of Lieutenant F.G. Currie, 79th Highlanders, Part One//The War Correspondent, Vol.21, Number 4, January 2004, p.32–33).

⁷²² Иностранное военное обозрение. Вооруженные силы Великобритании в военное время//Военный Сборник, №2, СПб., 1877 г., с.234.

⁷²³ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с.21.

⁷²⁴ General sir Edward Hamley K.C., The War in The Crimea London, 1891, p.34.

⁷²⁵ Часто один из батальонов Стрелковой бригады указывают в составе 4-й дивизии. Не будем акцентировать на этом внимание, а так как почти во всех сражениях стрелки сражались вместе с Легкой дивизией, будем считать их в ее составе.

⁷²⁶ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. — Nottingham, 1895). Перевод с англ. Е. Тулахиной // Military Крым, № 3–7, 2006–2007 гг. Симферополь.

⁷²⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с.22–23.

Командир Легкой дивизии генерал-лейтенант сэр Джордж Браун с офицерами своего штаба: майором Халлвелом, полковником Браунингом, полковником Эйри, капитаном Пирсоном, капитаном Маркхемом, капитаном Понсонби. Фото Р. Фентона. 1855 г.

та».⁷²⁸ Браун был, наверное, самым непопулярным пехотным командиром в армии. Как выразился один из молодых офицеров, «старого негодяя возненавидела, наверное, вся армия». «Он ругает, измываетея и проклинает всё, что возвышается на высоте более одного дюйма», — заявил другой офицер. Третий подчиненный генерала, выражая общее мнение, назвал его «старым грубым идиотом».

Хотя были люди, имевшие свое мнение об этом человеке. К примеру, тогда капитан Легкой дивизии, а в будущем фельдмаршал Весли.

«Сэр Джордж Браун, который командовал Легкой дивизией, в лучшем смысле прекрасный солдат старой школы. Это был самый спокойный человек и под огнем являл пример всем, кто его видел. Он обожал чистоту во всём. Мой друг обнаружил его бредущим на рассвете перед сражением на Альме. Без сомнения, он был единственным, кто пользовался бритвой в этот день. Не имело значения, насколько жарким был день, его никогда не видели без полной формы и снаряжения, казалось, что он даже во сне не снимает его. Более храбрый человек, прошедший школу Испании, никогда не носил униформу Королевы».⁷²⁹

⁷²⁸ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.21.

⁷²⁹ Field-Marshal Viscount Wolseley, The story of a soldiers life, Vol. 1, Toronto, 1904, p.144.

2-я дивизия. Две бригады. Ею командовал генерал-лейтенант сэра Леси-Эванс. За его спиной был прекрасный военный опыт Испании и Португалии, сражения при Ватерлоо, многих экспедиций. В Ватерлоо он участвовал в знаменитой атаке Понсонби.⁷³⁰ В Испании командовал Британским Легионом. Эванс был автором нескольких книг по истории кампаний 1812 и 1813 гг. в России и Германии. Его практический опыт столь велик, что ему было доверено принять командование армией в случае гибели или смерти лорда Раглана.⁷³¹ Умный, несколько старомодный и бесцеремонный человек с вьющимися волосами. Французы считали его лучшим из английских командиров дивизий.⁷³²

Перед самой посадкой на корабли один из командиров бригад генерал Эйри, получивший должность главного квартирмейстера экспедиционных сил, был заменен бригадным генералом Кодрингтоном.⁷³³

Общая численность личного состава в двух бригадах — 4 500 чел.

3-я дивизия. Генерал-майор Инглэнд. Две бригады. Как и Эванс — ирландец. За участие в ряде колониальных войн в 1843 г. получил рыцарский титул, а еще через восемь лет — звание генерал-майора. Это был, несомненно, талантливый командир с безупречной репутацией.⁷³⁴ Его дивизия традиционно отличалась стойкостью и упорством.

Общая численность личного состава в двух бригадах — 4 500 чел.

4-я дивизия. Генерал-майор Каткарт. Две бригады. Формировалась по остаточному принципу. 65-летний генерал Джордж Каткарт в 15 лет получил чин корнета от своего отца, генерала Эола Каткарта, в то время посла в Санкт-Петербурге. Необразованный, грубый и прямолинейный, он, как это было впоследствии признано, оказался скверной кандидатурой для такого назначения.⁷³⁵

Общая численность личного состава в двух бригадах — 4 500 чел. (но реально она этой численности достигла только к концу осени в Крыму).

Артиллерия: батареи А, В, Е, F, G, H, W, P⁷³⁶ полевой артиллерии, батареи С и I королевской конной артиллерии.

Осадный корпус: одиннадцать рот и 65 осадных орудий.⁷³⁷

Кавалерия. Если чем англичане и могли отличиться перед французами в лучшую сторону, то это, конечно, наличие в составе их экспедиционных сил кавалерии. Однако этими прекрасными людьми, великолепно экипированными и обученными, командовали самые бездарные начальники английского контингента.

Бригада легкой кавалерии лорда Кардигана насчитывала примерно 1 100 чел. В состав бригады вошли: 17-й Уланский полк, 8-й Гусарский полк, 11-й Гусарский полк, 4-й Легкий драгунский полк, 13-й Легкий драгунский полк. Вместе с бригадой в Крым от-

⁷³⁰ Атака Понсонби — атака в сражении при Ватерлоо 2-й кавалерийской (Union — «Объединенной») бригады под командованием генерал-майора Понсонби в составе трех полков линейных драгун (1st Royal Dragoons (1-й Королевский драгунский), 2nd Royal North British Dragoons (2-й Королевский Северобританский драгунский, или «Шотландские серые» — по масти лошадей) и 3rd Inniskilling Dragoons (3-й Иннискиллинский драгунский)). Это одна из самых знаменитых атак британской кавалерии, на склоне плато Мон-Сен-Жан разметавшая 2 дивизии французской пехоты генералов Донзелло и Марконье из корпуса Д'Эрлона.

⁷³¹ General sir Edward Hamley K.C., The War in The Crimea London, 1891, p.33.

⁷³² Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с. 22.

⁷³³ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.76.

⁷³⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с. 22.

⁷³⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с. 22.

⁷³⁶ В британской армии артиллерийские подразделения традиционно обозначаются литерами, а не цифрами.

⁷³⁷ W. Edmund, M. Reilly, Siege of Sebastopol, 1854–5. Journal of the operations conducted by the Corps of Royal Artillery and Royal Naval Brigade before Sebastopol in 1854 and 1855, London, 1859, p. 1.

Командир 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Джордж Леси Эванс.

правился командир кавалерийской дивизии лорд Лукан, 54-летний генерал, военный маньяк с сомнительным военным прошлым, без опыта и заслуг для такой должности.⁷³⁸ Вторая половина дивизии – Тяжелая бригада – готовилась к отправке в Крым во втором эшелоне.

⁷³⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г., с.23.

Материальное и медицинское обеспечение

Личный состав и артиллерия были не единственными, кого грузили на корабли и суда. Со времен Цезаря полководцы знали, что нельзя ничего требовать от войск, не удовлетворивши их всем необходимым. Операция требовала значительных ресурсов, необходимых для автономного существования экспедиционных сил на первом этапе войны. Для этого «...армия имела при себе 11 тысяч туров, 9 600 фашин, 180 тыс. земляных мешков, 30 тыс. кирпичей и 21 600 штук шанцевого инструмента. Все извлекалось из складов, переносилось к пирсам и грузилось в корабельные трюмы и на палубы. Участников поражало количество военного и иного имущества, которым был завален берег. Его было столько, что капитан Хаммонд начал молить бога, прося всевышнего не дать ему пойти ко дну на перегруженном транспорте.⁷³⁹

Английское командование волновала проблема с боеприпасами. По причине в том числе перевооружения армии по ходу передислокации на театр военных действий она так и не была решена. Поток войск шел параллельно потокам оружия и патронов. Например, если Гвардейский грендерский полк на Мальте и в Греции сдал свои старые ружья и получил новые, то, находясь в Турции, он имел всего по 30 патронов на солдата, да и те предназначались на курс обучения стрельбе. Качество боеприпасов было не самым лучшим. Патроны, которые пришли в первых партиях, как вспоминал Хиггинсон, после недели нахождения в патронных сумках были едва пригодны к использованию.⁷⁴⁰

Решение вопроса снабжения боеприпасами требовало времени и еще раз времени. Тыловые службы разрывались, но не успевали. С большим трудом удалось заполнить патронные сумки: каждый солдат имел в них или 50 патронов для нарезных ружей, или 60 — для гладкоствольных.⁷⁴¹

Но это была только одна из нерешенных проблем, навалившихся на командование экспедиционных сил в таком количестве, что успеть разобраться со всеми ими к назначенному сроку в полном объеме было невозможно. Адъютант гвардейского грендерского полка Джордж Хиггинсон писал, что хотя и раздавались голоса о необходимости погрузки еще одного комплекта обмундирования для холодного времени, их никто не слушал. Большинство надеялось, что экспедиция будет кратковременной. У некоторых было предчувствие, что Россия капитулирует сразу, узнав о вступлении Англии в войну.

Действительно, на первом этапе кампании англичане думали, что все действие завершится в Средиземноморье. Оказавшись в Черном море, они продолжали наивно верить, что больше чем пара-другая месяцев не потребуется и на действия в Крыму. В результате административные службы допустили множество ошибок, за которые потом пришлось расплачиваться жизнями. Долгие годы мира не прошли бесследно. К началу экспедиции английские войска были снабжены всеми запасами хуже французских и вовсе не имели обоза...»⁷⁴²

О медицинской службе английского контингента поговорим особо. Англичане, забыв уроки, данные им во время войны с Наполеоном в Испании, «...устроили медицинскую часть своей армии с поразительной беспечностью. Предполагая, что предстоящая кампания будет непродолжительной, они, возможно, отчасти поэтому снаб-

⁷³⁹ The Memoir of captain M.M. Hammond. Rifle brigade. Edinburgh. 1908, p. 270–271.

⁷⁴⁰ Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 101.

⁷⁴¹ Robert Bonner, capitain, John Brophney of the 63rd Regiment//The War Correspondent, Vol.26, №4, January 2009, p. 27; James Slack, The history of the late 63rd (West Suffolk) Regiment, Army and Navy Co-operative Society, 1884, p. 102.

⁷⁴² Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. В 4-х томах. Том III, СПб., 1877 г.

дили свою армию недостаточным количеством врачей, госпиталей и транспортных средств. До отправки в Крым значительная часть экспедиционного корпуса пробывла некоторое время (12 недель) в заведомо нездоровой местности Болгарии, в которой господствовали перемежная лихорадка, холера и холерина, обессилевшие эту часть корпуса».⁷⁴³

Хотя одно нововведение в военную медицину, которое актуально и в наше время, бесспорно принадлежит британцам. Это госпитальные суда. Для погрузки медицинских средств были выделены два транспорта, они же предназначались для использования в качестве госпитальных: «Andes» и «Cambria». На них обосновался руководитель медицинского штаба со своим персоналом.⁷⁴⁴ Первый, водоизмещением 1440 тонн, до войны выполнял перевозки компании British & Foreign Steam Nav. Co. Этому судну было суждено вывозить из Крыма 540 раненых солдат и офицеров после сражения при Балаклаве, в том числе и из числа Легкой бригады.⁷⁴⁵ Транспорт «Cambria» имел в длину 219 футов и до Крымской войны работал на компанию Gunard.⁷⁴⁶

Использование коммерческих судов в качестве госпитальных было практической реализацией идеи, сформулированной англичанами еще в 1800 г. (главный военный хирург Томас Кейт). За время кампании им предстоит осуществить 41 рейс из Крыма в Скутари и Константинополь, перевезя в общей сложности 14 00 британских солдат (в том числе 8106 раненых и больных), 202 русских военнопленных и 516 тел погибших.⁷⁴⁷ В этом вопросе англичане сумели опередить французских союзников, для которых основной проблемой была нехватка специальных судов для эвакуации раненых и больных. Только в январе 1855 г. по согласованию между Военным министерством Франции и Компанией морских перевозок 4 фрегата были переоснащены под госпитальные суда для транспортировки раненых и больных из Константинополя в Марсель.

Но этого все равно было мало. В общей сложности требовалось погрузить до 400 тонн имущества медицинского департамента.⁷⁴⁸ Ставшие «доброй» традицией административные проблемы и переполненность судов привели к тому, что были частично оставлены в Болгарии средства медицинского обеспечения и транспорт для их перевозки.⁷⁴⁹

Некоторые транспорты, грузившиеся первыми (в основном с артиллерией), оказались по чьему-то недосмотру вообще без единого медика на борту.⁷⁵⁰ В результате, когда холера настигла англичан в море, многие уши в мир иной лишь по причине отсутствия надлежащего минимального лечения.

⁷⁴³ Смоленский П. О. Предмет и задачи военной гигиены // Военный Сборник, №11, СПб., 1903 г., с. 185.

⁷⁴⁴ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 315.

⁷⁴⁵ Florence Nightingale, Sue M. Goldie 'I Have Done My Duty': Florence Nightingale in the Crimean War, 1854–56 Manchester University Press ND, 1987, p.37.

⁷⁴⁶ Транспорт «Cambria», построен в 1845 г. компанией Robert Steele & Co. (Глазго, Шотландия). Водоизмещение 1 423 тонны. Размеры: 66,7 м x 10,7 м. Одна труба, три мачты, деревянный корпус. Двигатель колесный паровой. Скорость 9 узлов. Вместимость кают: 120 пассажиров первого класса. С 1845 года «Cambria» вышла из Ливерпуля в свое первое плавание и работала на линии между Нью-Йорком и Бостоном. В 1852 г. переоснащена в парусное вооружение брига. В марте 1854 г. реквизирована британским правительством для службы в качестве транспорта на время Крымской войны. В 1859 г. возобновила обслуживание линии Бостон–Нью-Йорк. В январе 1860 г. продана на Мальте некому Агостино Бертани из Палермо, а затем в июне 1860 г. — Джузеппе Гарибальди для использования в качестве военного транспорта и 17 ноября этого года принята в состав сардинского флота. В 1875 г. продана на слом.

⁷⁴⁷ Jack Edward McCallum Military Medicine: From Ancient Times to the 21st Century, ABC-CLIO, 2008, p.151–152.

⁷⁴⁸ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 316–318.

⁷⁴⁹ Lieutenant Colonel Robert L Pearce, War and medicine in the nineteenth century // ADF Health, Canberra, Vol. 3, September 2002, p. 90.

⁷⁵⁰ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 316–317.

ФРАНЦУЗЫ

Французский контингент стал наибольшим из принимавших участие в экспедиции. В феврале в его состав вошли следующие соединения.⁷⁵¹

Соединения французского контингента	Численность офицеров	Численность солдат и сержантов
Главная квартира, штаб армии Востока	234	1023
1-я пехотная дивизия	214	4644
2-я пехотная дивизия	367	10570
3-я пехотная дивизия	289	9031
4-я пехотная дивизия	285	8719
5-я пехотная дивизия	326	7851
Кавалерийская дивизия	291	4367
Резервный полевой артиллерийский парк	76	2247
Бригада Мейрана (Пирея, Греция)	136	3234
Иностранная бригада	133	3597
ИТОГО	2351	33523

Каждой пехотной дивизии придавались две артиллерийские батареи, кавалерийской — две конно-артиллерийские батареи. В резервную артиллерию входили 3 пешие батареи, 3 конно-артиллерийские батареи, 1 горная батарея, 1 ракетная батарея, резервный полевой артиллерийский парк. В парк входили запасные повозки, лафеты и т.д. (без орудий).

Осадный парк: 58 орудий.

В общей сложности 96 полевых и 66 осадных орудий.

Французская полевая артиллерия 1854 г. была в стадии подходов к концу реорганизации, суть которой сводилась к реализации предложенной Наполеоном III системы унификации.

Если в эпоху Наполеона Бонапарта во время революционных войн конца XVIII и начала XIX в. созданная Грибовалем полевая артиллерия была лучшей среди континентальных, то уже в период имперских войн стало ясно, что она несколько устарела. Нужно было что-то позаимствовать у иностранных систем, с которыми было достаточно случаев познакомиться. Особая комиссия, членами которой были в том числе члены Академии наук геометр Пуассон (создатель первой теории лафетов), физик Гей-Люссак, химик Дарсе под председательством генерала Вале занялась преобразованием материальной части.

После практических опытов была введена система 1827 г. В полевой артиллерии появились два новых образца: 6-дюймовая (16 см) гаубица, равная по весу с 12-фунтовой пушкой (54 пуда) и 24-фунтовая (15 см), равная по весу 8-фунтовой пушке (35,5 пуда). Таким образом, в полевой артиллерии появилось 4 разных орудия двух разных видов.

По замыслу, предложенному адъютантом Наполеона III Фаве, в 1846 г. было предложено заменить все 4 рода ранее существовавших полевых орудий одним 12-фун-

⁷⁵¹ Joseph Frédéric Canonge, Histoire militaire contemporaine, 1854–1871, Tome. I, Charpentier, Paris, 1882, p. 94.

товой пушкой-гаубицей. Цель: не ослабляя действия полевой артиллерии, достичь единства калибра, столь важного в смысле однообразия и простоты материальной части. По проекту 12-фунтовая пушка должна была стрелять всеми 4-мя типами снарядов, иметь вес 660 кг (средний между 8 и 12-фунтовыми пушками), длину канала ствола 15 калибров, использовать лафет от 8-фунтовой пушки (наиболее распространенный), заряд 1,5 кг (3,7 фунта) и снаряды (кроме гранаты) одинакового веса, около 14 фунтов.

Проект Наполеона подвергся всесторонней критике, в результате чего в 1853 г. было решено ввести пушки-гаубицы в дивизионную артиллерию, дать конной артиллерии расщепленные 8-фунтовые пушки с перспективой их последующей утилизации, сохранить в резервной артиллерии 12-фунтовые батарейные пушки и 15-сантиметровые гаубицы. 12-фунтовые пушки-гаубицы были снабжены коротким прицелом, вставляемым в обойму, укрепленную на заднем срезе торели⁷⁵², над винградом.⁷⁵³ Таким образом, идея единого калибра и образца полевого орудия осуществилась лишь отчасти. Но во время Крымской войны все 240 орудий французской полевой дивизионной артиллерии и 60 резервных состояли исключительно из пушек-гаубиц.

Соотношение сил артиллерии и пехоты было принято 2,4 орудия на 1000 чел. Соотношение конной и пешей артиллерии — 1/3 к 2/3 соответственно. На каждое орудие полагался боезапас из 600 зарядов. Из них 1/3 в зарядных ящиках, а 2/3 — в парке.⁷⁵⁴ Персонал артиллерии насчитывал 5 266 человек личного состава при 4 836 лошадях. Общий вес имущества артиллерии — 4 000 тонн. Учитывалось все. Мелочей не было. Например, на 24 000 лошадей заготавливалось 2 400 кг гвоздей дляковки (в подразделениях для полевой артиллерии — 100 кг на батарею, для конной — 150).⁷⁵⁵

Значительные силы армии прибывали из Алжира. В их число входили 3 полка зуавов, полк алжирских стрелков (тиральеров), два полка африканских егерей, несколько полков пехоты, 2 полевые батареи, 1 горная батарея, 1 секция обоза и др. части.

25 августа 1854 г. приунывший было после пожара, едва не нарушившего планы, маршал Сент-Арно издал приказ о начале экспедиции в Крым. От былого пессимизма не осталось ни следа: войскам предстояло совершить то, к чему они готовились несколько месяцев. Французские солдаты в гораздо меньшей степени, чем британцы, предавались радостям лагерной жизни и значительно больше времени уделяли ротным, батальонным, полковым и даже бригадным учениям, а также боевой стрельбе.⁷⁵⁶ В результате последующие события показали их большую готовность к боевым действиям, чем британских коллег.

Как и у англичан, первыми солдатами французской армии, ступившими на болгарскую землю, были саперы. 27 мая 1854 г. 250 военнослужащих этого рода войск сошли с палубы фрегата «Касик» в Варне. Капитан английских военных инженеров Коннолли сразу же отметил разительное отличие французов от британских коллег. Работая в 20 ярдах друг от друга, они оставались совершенно разными по характеру и образу жизни. Французские солдаты были импульсивными, веселыми, жизнерадостными,

⁷⁵² Торелью именовалась задняя стенка ствола орудия, изготовлявшаяся в виде круглого плоского диска с фигурным профилем по краю.

⁷⁵³ Винград — бугорок (прилив), на конце казенной части артиллерийских орудий, заряжавшихся с дула, для облегчения различных вспомогательных действий при орудии.

⁷⁵⁴ Charles Auger *Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'rtillerie (1854–1856), Tome premier* Paris, 1859, p. 8.

⁷⁵⁵ Charles Auger *Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'rtillerie (1854–1856), Tome premier* Paris, 1859, p. 11.

⁷⁵⁶ Émile Bloch *Historique de 95e régiment d'infanterie de ligne (20e léger) 1734–1888*, Typ. Tardy-Pigelet, Bourges, 1888, p. 154–155.

активно помогающими друг другу. У них всегда звучала громкая речь, смех. Англичане молчаливы, сдержаны. У них в меньшей степени была развита взаимопомощь, хотя они были не менее добросовестными и исполнительными. Но и тех и других объединяло одно: зная или догадываясь, что целью всей их работы есть высадка в Крым, атака Севастополя и его полное разрушение, они не знали, что мечты о быстром успехе в скором времени окажутся иллюзией.⁷⁵⁷

Французские саперы отлично справились с задачей. В назначенное время пирсы для приема кораблей были готовы и вот-вот должны были задрожать от стука тысяч кованых солдатских ботинок.

Этот день не заставил себя ждать. 30 августа, выполняя приказ своего главнокомандующего, которому так и не удалось стать очевидцем реализации амбициозных планов, французские войска начали выдвижение к местам погрузки. Посадка на транспорты французских экспедиционных войск продолжалась с 31 августа по 2 сентября 1854 г. Это было гигантское административное мероприятие, продолжавшееся без остановки и перерывов несколько дней.

Пехота, артиллерия, кавалерия

В организационном плане войска были представлены 4-мя пехотными дивизиями. Настало время и на них посмотреть ближе.

1-я дивизия: дивизионный генерал Франсуа Сертен Канробер

Считался наиболее успешным генералом французской армии. Боевой опыт начал в Алжире, где служил до 1850 г. Во время государственного переворота «...обнаружил особенную преданность нынешнему императору».⁷⁵⁸ Не случайно перед отправкой экспедиции в Крым получил секретное предписание Наполеона III, согласно которому должен был в случае смерти маршала Сент-Арно сменить его на посту главнокомандующего экспедиционными силами. В то же время храбрый на поле боя, в административных вопросах проявлял нерешительность: «Нельзя братья за все вдрут, часто повторял он».⁷⁵⁹

Человек, бесспорно, интересный и неординарный, а потому, учитывая его роль в кампании, заслуживает большего внимания к себе. Вот, например, мнение о нем современников, написанное, правда, спустя некоторое время после того, как маршал покинул этот мир: «Смерть Канробера возбудила во французской печати самую горячую полемику. Хотя он при третьей республике не играл никакой роли и несмотря на свою преданность бонапартизму не участвовал ни в каких интригах против существовавших во Франции порядков, но все-таки как последний французский маршал и один из участников 2 декабря он представлял живую антитезу современной республиканской жизни.

...Что же касается его военных доблестей, то он был, по словам *Revue Encyclopedique* от 15 февраля, «прекрасным полковником зуавов, хорошим бригадным генералом, ординарным дивизионером, посредственным корпусным командиром и неспособным главнокомандующим». Он сам понимал это, и когда судьбе было угодно выдвинуть его на первое место в Крымской кампании и в Пруско-Французской войне, то он во время первой сам отказался от поста главнокомандующего французской армии,

⁷⁵⁷ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 103–104.

⁷⁵⁸ Иностранное военное обозрение. Франко-германская война//Военный Сборник, №8, СПб., 1870 г. с. 243–244.

⁷⁵⁹ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем (ст. третья)//Военный Сборник, №4, СПб., 1894 г., с. 262.

который ему достался после смерти Сент-Арно, и предложил не только состоять под начальством своего подчиненного Пелисье, но даже английского главнокомандующего лорда Раглана, а в последней он отклонил предложение императрицы поставить его во главе парижской армии и предпочел служить корпусным командиром под начальством Базена, говоря: «Отставьте мне исполнить мой долг солдата». Этот долг он, правда, одинаково доблестно исполнял и при взятии Затчи в Алжире, где он молодым человеком в чине полковника первым взшел на вал взятого приступом укрепления, и в Крыму, где он был ранен при Альме, и в итальянской кампании, и в битве при Сен-Прива в 1870 г., где, по словам короля Вильгельма, прусская гвардия нашла себе могилу, а Канробер, видя, что сопровождавший его эскорт опускает головы перед летевшими пулями, сказал с классическим героизмом: «Не наклоняйте головы, мы не в церкви». Но он сам не раз говорил своему другу историку Дюрюну: «Легко быть храбрым, это инстинктивное чувство; я ощущал тяжелое чувство только в те минуты, когда мне надо было взять на себя мужественную решительность или тяжелую ответственность». Ни на то, ни на другое Канробер не был способен и в этих случаях, он хотя скромно, но с позорным малодушием уклонялся, прикрывая себя маской исполнения солдатского долга».⁷⁶⁰

2-я. дивизионный генерал Пьер Франсуа Жозеф Боске.

Невероятно популярный в солдатской и офицерской среде генерал, обладавший прекрасными организаторскими способностями. Французский писатель Луи Буссенар в своём романе «Герои Малахова кургана» так характеризовал этого военачальника:

«К лагерю зуавов подходит пешком генерал, один, без свиты. Его узнают и кричат: — Это Боске, неустрашимый Боске! Боске, обожаемый солдатами! Самый популярный из всех генералов африканской армии. Накануне битвы он запросто, как отец, обходит дивизию, без свиты, без штаба, без церемоний, и это еще больше усиливает его обаяние! Великолепный и еще молодой солдат! Произведённый в бригадные генералы в тридцать восемь лет, он одиннадцать месяцев тому назад как получил дивизию, хотя ему нет еще сорока четырех лет! Высокого роста, великолепно сложенный, гибкий и деятельный, с красивой энергичной головой, он внушает доверие и симпатию. В его широком жесте, остром взоре, в звучном гасконском голосе, который гремит как раскаты грома, чувствуется великий вождь, великий знаток человеческого сердца. Да, он так красив, увлекателен, смел, что вошел в поговорку: храбр, как Боске. И ничего банального, потому что Боске — герой, который смущается от этого восторга, криков, восклицаний, виватов».

3-я. дивизионный генерал принц Наполеон.

Личность ничем не выдающаяся, племянник императора Наполеона III, «...украшенный, как и его дядя».⁷⁶¹ В целом вполне подходит под характеристику, данную его дяде канцлером Отто Бисмарком: «крупная, но непризнанная бездарность». То есть почти как у англичан: чем титулованней, тем хуже.

4-я. дивизионный генерал Эли-Фредерик Форе.

Он был одним из деятельных участников государственного переворота 1851 г., за что сделан дивизионным генералом. Не менее талантлив, чем Боске или Канробер, но невероятно требователен, а чаще жесток по отношению к солдатам. Этакий французский аналог английского генерала Брауна. С его тяжелым характером трудно было рассчитывать на авторитет среди нижних чинов и младших офицеров. По этой

⁷⁶⁰ Исторические мелочи//Исторический вестник, Том. 59, СПб., 1895 г., с.54.

⁷⁶¹ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.26–27.

причине уже в ходе кампании был вынужден сдать командование и во избежание бунта в дивизии покинуть театр военных действий: «французам пришлось отозвать из Крыма достойного, но строгого генерала Форей, против которого солдатская масса выдвинула нелепое обвинение в изменнических сношениях с русскими».⁷⁶² При этом мотивация его шпионажа имела странную, почти романтическую подоплеку.

Английский посол в Турции лорд Стратфорд в своих воспоминаниях упоминал, что Форей под Севастополем поселился со своим штабом в доме некоей семьи Orloff, которая после Альминского сражения покинула его и уехала в Петербург. Этот маленький дом впоследствии назвали «Ла Мезон Форей». Хозяйка дома якобы обнаружила, что ею забыт семейный медальон, который был очень ценен ей. Узнав через кого-то, что ее дом занимает генерал Форей, она написала ему очень вежливое письмо, прося о помощи в возвращении реликвии. Форей «преуспел в поиске» и на первом же перемирии передал медальон русскому военному командованию с просьбой передать его грфине Orloff, приложив к нему сопроводительное письмо. Генерал Форей имел много врагов, которых раздражали его неприветливые манеры. В результате этот рядовой эпизод превратился в шпионский спектакль, в основе которого лежало абсурдное обвинение генерала в передаче русским секретной информации...⁷⁶³ Что ж, французы всегда были мастерами придворной интриги...

Прошу читателя обратить внимание на один, на мой взгляд, очень важный момент. Речь идет о численности французских войск. Обычно исследователи исходят из ее штатной численности для того или иного полка. На самом деле это ошибочно. По крайней мере для сражения на Альме нужно считать состав пехотного батальона французов в половину меньшим от положенной 1 200 чел. Чтобы не тратить силы на больных, которые в этом случае становились обузой, маршал Сент-Арно принял решение брать в первую волну экспедиции только полностью здоровых и сильных солдат. Тому подтверждение можно легко обнаружить в воспоминаниях капитана Эрбе из 20-го полка легкой пехоты (затем 95-го линейного).

«Я велел составить список людей моей роты, которые мне кажутся менее сильными, так как приходится ограничиться только 75 рядовыми, включая и унтер-офицеров. Хотя и немного, зато прочно. Предвижу, что явится много недовольных, но не могу поступить иначе, так как по точному приказу маршала, можно вести батальон численностью не более 650 человек».⁷⁶⁴

Артиллерию, саперов и кавалерию представляли 12 артиллерийских батарей (от различных полков), 4 саперные роты, 1 эскадрон спаги и 1 эскадрон из 1-го полка африканских егерей.

Каждая пехотная дивизия имела в своем составе две артиллерийские батареи по 6 орудий. В 1-й пехотной дивизии были тоже две батареи, но по 4 орудия.⁷⁶⁵ Резервная артиллерия состояла из 2-х конно-артиллерийских батарей (12 легких орудий) и 2-х осадных батарей (12 орудий).

В состав батареи (пешей и конной) входили 6 зарядных ящиков, 2 ящика для имущества, кузница, 1 сменный запасной лафет, 1 кузница. По штату пешая батарея имела в своем составе 152 человека и 110 лошадей, а конная — 160 и 104 соответственно.

⁷⁶² Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г., с.74–75.

⁷⁶³ James Henky Skene, With Lord Strafford in the Crimean War, London, 1883, p.246–247.

⁷⁶⁴ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с. 46.

⁷⁶⁵ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p.42.

В крымскую экспедицию на транспорты грузили батареи сокращенного штата. В них включали 6 орудий, 6 зарядных ящиков, 2 ящика с патронами для пехоты, 1 сменный лафет и 1 полевую кузницу. На каждый возимый элемент батареи планировалось 6 лошадей. Кроме этого, дополнительно грузились батарейные резервы — 12 лошадей и 10 ездовых.⁷⁶⁶ В состав ракетной батареи (грузилась без конского состава) входили 6 треножных ракетных пусковых станков с направляющими трубами и боекомплект из 300 ракет.⁷⁶⁷

В состав 12 артиллерийских батарей (полевых, конных и осадных) входили 103 офицера и 2 676 сержанта и солдата. Французский контингент состоял из 1 146 офицеров, 29 058 нижних чинов, в том числе 24 250 чел. пехоты.⁷⁶⁸ Все это должно было быть распределено по военным кораблям французской эскадры и зафрахтованным транспортным судам.⁷⁶⁹

Артиллерийские батареи по очереди прибывали в Варну, где на складах получали комплект имущества и боеприпасов, после чего возвращались в свои лагеря. Например, 2-я батарея 12-го полка 12 августа прибыла с этой целью в Варну, возвратившись затем в лагерь.⁷⁷⁰

Гужевого транспорт, боезапас пехоты и артиллерии

На транспорты были погружены 2 904 лошадей (в том числе 1 368 для артиллерии)⁷⁷¹, 130 орудий (в том числе 68 полевых). Беспрецедентным было снижение количества лошадей в орудийных упряжках — вместо положенных шести ограничивались четырьмя.⁷⁷² Общее число упряжных лошадей для зарядных ящиков, к несчастью, не превышало 200.⁷⁷³ Это потом сказалось в подвижности французской артиллерии на Альме, когда функции упряжных лошадей приходилось брать на себя не только солдатам и сержантам артиллерии, но и пехотинцам. Генерал Боске негодовал. Мало того, что одну дивизию (1-ю) почти уничтожили в Добрудже, но теперь стало ясно, что гужевого транспорта не просто будет мало, его не будет вообще. А это значит, что в условиях экспедиции, на чужой земле, возможно, под огнем русских, солдатам придется самим тащить зарядные ящики, пушки и запасы продовольствия.⁷⁷⁴

Патронов французский пехотинец нес в два раза больше, чем англичанин. Боевые запасы состояли: из 100 (102)⁷⁷⁵ штук патронов, выданных на руки на каждое ружье, сверх того в запасе имелось 4 110 000 патронов, кроме тех 1 750 000, которые уже были в патронных сумках личного состава. В среднем приходилось по 300 патронов на ружье. Этого было мало. Французы были приучены решать все проблемы в бою

⁷⁶⁶ Dauvé, Henri Pierre Émile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 55.

⁷⁶⁷ Dauvé, Henri Pierre Émile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 55–56.

⁷⁶⁸ Niel, Adolphe Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre, Paris, 1858, p. 7.

⁷⁶⁹ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 50–52.

⁷⁷⁰ Dauvé, Henri Pierre Émile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 55.

⁷⁷¹ Niel, Adolphe Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre, Paris, 1858, p. 7; Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service de l'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p. 42.

⁷⁷² From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 104.

⁷⁷³ Auguste Jean, Charles Richard, Les chasseurs a pied, H. Charles-Lavauzelle, Paris, Limpes, 1891, p. 131–132.

⁷⁷⁴ Lettres du maréchal Bosquet à ses amis, 1837–1860, Société des bibliophiles du Béarn, L. Ribaut, Pau, 1879, p. 147.

⁷⁷⁵ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том. 1, СПб., 1900 г., с. 179.

исключительно ружейным огнем. Теперь им приходилось рассчитывать только на носимый комплект, которого уже, по словам Жомини, в войнах Фридриха II не хватало.⁷⁷⁶

В артиллерии боезапас был увеличен от первоначально требуемого и считался достаточным на первый период кампании. Он включал выстрелов: 300 — на мортиру, 500 — на осадное орудие и 700 — на полевое⁷⁷⁷ (у последних возимый запас — 191 заряд на единицу). В общей сложности артиллерия имела 27 456 зарядов для полевых орудий и 16 713 — для осадных.⁷⁷⁸ Для первой необходимости ведения полевой фортификации артиллерия получила из резервных запасов 10 000 мешков для земли.⁷⁷⁹

Саперы и инженерное имущество

Организационно саперы были сведены в 4 роты общей численностью 43 офицера и 866 сержантов и рядовых. Конский состав и гужевого транспорт насчитывал 228 лошадей.⁷⁸⁰ Как и у англичан, саперные и понтонные подразделения французы действовали на подготовке высадочных средств. Для этого в спешном порядке были переброшены в Болгарию из Турции 11-я и 12-я роты полка понтонеров, немедленно приступившие к заготовке дерева и другим работам.⁷⁸¹

Инженерный запас состоял из 6 250 туров,⁷⁸² 16 000 фашин⁷⁸³ (10 000 обыкновенных и 6 000 трассировочных), 18 600 шт. шанцевого инструмента, 5 000 запасных черенков к лопатам, 30 000 кирпичей, 100 000 мешков для земли и 43 повозок.⁷⁸⁴ Большая часть инженерного имущества готовилась в крепости Франка солдатами пешей артиллерии, в помощь которым были выделены 300 пехотинцев, изготовившие 2 590 габионов длиной до 6 м.⁷⁸⁵

Тыловое обеспечение

Французское интендантство, приняв на себя обязанность продовольствовать, как свои войска, так и турецкую дивизию, заготовило 1 000 000 рационов муки, сухарей и соли; 1 500 000 риса, кофе и сахара, 240 000 говядины, 45 000 свинины, 450 000 сала,

⁷⁷⁶ Волоцкой Н. Теория вероятностей и боевое снабжение патронами//Военный Сборник, №11, СПб., 1904 г., с.82.

⁷⁷⁷ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service de L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p. 38.

⁷⁷⁸ Niel, Adolphe Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre, Paris, 1858, p. 8.

⁷⁷⁹ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service de L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p. 38.

⁷⁸⁰ Niel, Adolphe Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre, Paris, 1858, p. 8.

⁷⁸¹ Eugène Caziot Historique du 1er Régiment de Pontonniers: d'après les archives du corps, celles du dépôt de la guerre et autres documents, Paris, Lavauzelle, 1890, p. 136–139.

⁷⁸² Тур — вид деревянных изделий, используемых в фортификации, который представлял собой корзину конической или цилиндрической формы без дна. Длина 2–2,5 метра, диаметр — 40–60 см. Тур несколько заглублялся в землю и засыпался изнутри грунтом. Из рядов туров получались защитные стенки. С помощью туров также укреплялись откосы валов. Другое наименование — габион.

⁷⁸³ Фашина (от нем. Fashine, от лат. fascis — связка прутьев, пучок) — пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями (вицами) или проволокой. Бывают лёгкие и тяжёлые фашины. Последние (длиной 5–10 м диаметром 0,6–1,2 м) начинаются крупной галькой, щебнем и др. Фашины применяются в фортификации для укрепления высоких насыпей в берегоукрепительных и других сооружениях, в дорожном строительстве для устройства дорог на болотах и т. д. Фашины применялись в прошлом для преодоления рвов при штурме крепостей. Фашинами заваливались топкие места, рвы, при атаке крепостей и укреп. позиций, их использовали для устройства насыпей для батарей и проч.

⁷⁸⁴ Niel, Adolphe Siège de Sébastopol. Journal des opérations du génie publié avec l'autorisation du ministre de la guerre, Paris, 1858, P. 8; Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с. 179.

⁷⁸⁵ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service de L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p. 37.

800 000 вина, 800 000 вина, 97 000 ячменя, сена и соломы, 430 000 порций угля и 8 000 центнеров дров.⁷⁸⁶

В целом продовольствием армия была обеспечена на 40 дней из расчета на 30 000 человек и сеном на 8 дней.

Обеспечение продовольствием французского контингента было значительно лучше, чем у британских союзников. Командиры прекрасно понимали, что иметь на людях значительные запасы продовольствия удобно, но крайне невыгодно, ибо скорость движения войск обратно пропорциональна степени их обремененности. Облегчение же ноши солдата облегчает и движение войск, потому уменьшение ее составляет существенную необходимость. Кроме того, многие командиры понимали, что не существует такого порыва и чувства долга, которые не уменьшились бы от физических лишений: «...Ужасно слышать, что ящики для боевых припасов пусты и нет больше патронов; но еще ужаснее узнать, что войска не ели сегодня и почти не ели вчера».⁷⁸⁷

Прописная истина любой военной кампании говорит о том, что все способы довольствия в ее ходе сводятся к двум: найти необходимое на месте или подвезти из тыла. Не сильно надеясь на местное довольствие, брали все необходимое для приготовления пищи с собой.

Для выпечки хлеба находились при войсках семь походных печей и необходимые материалы для постройки еще двадцати. Запас продовольствия у каждого из солдат представлял носимый рацион из расчета на 4 суток. С началом военных действий армия получала повышенные нормы довольствия. Например, на флоте был увеличен отпуск хлеба на человека с 550 до 650 г⁷⁸⁸ При этом, как и у англичан, строжайше было запрещено пользоваться им до высадки на побережье Крыма.⁷⁸⁹

Медицинское обеспечение

Французы озаботились облегчением участи своих больных и раненых: число военных медицинских чинов было увеличено. В соответствии с требованиями французская армия имела три типа медицинского обеспечения.

1. Место, где солдат получал первую помощь сразу после ранения. Оно находилось непосредственно на поле боя. Его обязательным составляющим элементом были средства эвакуации (носилки, снабженные специальными двойными сидениями лошади или мулы).

2. Полевые (походные) медицинские госпитали. Они имелись при каждой дивизии.

3. Госпитали, находящиеся вне театра военных действий.⁷⁹⁰

Кроме этих учреждений, для экспедиции грузились часть легкого госпиталя, прибывшего из Алжира, 50 пар носилок и лазаретные фуры, а также госпитальные палатки, материалы для постройки большого барака, тюфяки и всё нужное белье. Обоз госпитальной части состоял из 40 повозок и 350 выючных мулов, в том числе оборудованных специальными креслами для перевозки раненых.

⁷⁸⁶ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №8, СПб., 1898 г., с.47.

⁷⁸⁷ Снабжение современных армий. Пер. с фр. Статья первая//Военный сборник, №4, СПб., 1889 г., с.126–127.

⁷⁸⁸ Baudens L. Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field, New York, 1862, p.30–31.

⁷⁸⁹ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p.53.

⁷⁹⁰ Baudens L. Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field, New York, 1862, p.62–63.

Дополнительно брались с собой материалы для постройки большого барака на 200 кроватей. В полки было принято дополнительное число военных медиков, добровольно согласившихся принять участие в войне.

Загрузка трюмов

Оставшееся имущество оставалось на местах базирования в Болгарии для погрузки и отправки в Крым по ходу дальнейшего развития операции. Предполагалось, что большая часть зафрахтованных транспортов совершит еще как минимум один рейс в Крым.⁷⁹¹

Для перевозки французской армии военно-морской флот выделил 15 линейных кораблей, 5 парусных фрегатов, 35 фрегатов, корветов и паровых авизо. Дополнительно арендовались транспортные коммерческие суда. Общее число – 172 единицы.⁷⁹² Англичане считали, что французы сэкономили на аренде транспортов и потому набивали своими солдатами военные корабли, лишая их боеспособности.

Для использования в качестве высадочных средств в Константинополе были изготовлены специальные разборные плоты, на каждый из которых можно было погрузить до роты солдат (140 чел.). В качестве буксира использовались три гребных баркаса.⁷⁹³ Все это тоже должно было быть или погружено на корабли, или буксироваться ими в Крым.

Основные силы французского контингента (2-я, 3-я и 4-я дивизии) поднимались на корабли и транспорты в Балчике. 1-я пехотная дивизия осуществляла посадку вместе с англичанами в Варне.⁷⁹⁴

Рано утром 30 августа 1854 г. полки и батальоны начали движение. По графику каждое подразделение в назначенное ему время выходило из лагеря, совершало марш к месту погрузки и постепенно заполняло палубы и трюмы транспортов. Никакой речи о комфорте не шло. Даже офицеры не всегда получали отдельные каюты. Чаше всего им (особенно младшим) просто отводили один кубрик на всех.

Людьми буквально набивали корабельные жилые и нежилые помещения. 7-й полк линейной пехоты, после перехода в Балчик из лагеря Франка, погрузился на военные корабли «Жан Бар» (1-й батальон) и «Генрих IV» (2-й батальон), после чего их готовность к бою стала сомнительной. В добавку к линейным пехотинцам на эти же корабли погрузили по 100 человек из 1-го полка зуавов и 9-го батальона шассеров.⁷⁹⁵ На палубах, в жилых отсеках и трюмах была постоянная толча пехотинцев, стрелков и артиллеристов, но уже ничего не могло остановить их движение к великой цели.⁷⁹⁶ Некоторые линейные корабли приняли сверх собственной команды еще около 2000 военнослужащих десантных сил и были в виду этого почти совсем неспособны к бою.⁷⁹⁷

Несколько слов о проблеме. О том, что корабли, приняв на борт десант, потеряли всякую возможность защищаться, знали не только французы. То же самое говорят британцы, подчеркивая, что были беззащитны в случае, если бы русские предприняли смелую атаку на конвои.⁷⁹⁸ Я не берусь оспаривать бытующую в современной ис-

⁷⁹¹ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimee, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 52–54.

⁷⁹² Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №8, СПб., 1898 г., с. 47.

⁷⁹³ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimee, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 50–52.

⁷⁹⁴ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimee, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 50–53.

⁷⁹⁵ Шассеры: (фр. chasseur, от chasser — охотиться), легкая пехота (егеря) и кавалерия (для разведочной службы во Франции в XVIII–XX вв. Во время Крымской войны – батальоны пеших егерей.

⁷⁹⁶ Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890, p. 248.

⁷⁹⁷ Штенцель А. История войн на море. Том. 2. М., 2002 г., с. 485–486.

⁷⁹⁸ A Review Crimean War, to the Winter of 1854–5. Lieut.-Colonel John Ad Ye, C.B. London, 1860, p. 143–148.

следовательской среде точку зрения, согласно которой преобладание в составе Черноморской эскадры парусных судов и полная зависимость от погоды, а в эти дни у западных берегов Крыма был штиль или господствовал слабый ветер, в полной мере оправдывает невозможность атаки Черноморским флотом союзной эскадры.

Очевидное в том, что неприятель был гораздо более уязвим, чем считали русские командиры. Факты свидетельствуют, что «...из-за перегруженности войсками французские корабли не могли вести огонь и держали оружейные порты закрытыми, а реальное противодействие могли оказать только 8 английских линейных кораблей».⁷⁹⁹

Самый сильный боевой корабль, перегруженный личным составом десанта, во много крат терял свою способность действовать как эффективная боевая единица. О транспортах и говорить было нечего: «судно, гружёное ценным для экспедиции грузом или десантным отрядом, становится менее способным к бою хотя бы потому, что командир такого судна при исполнении опасной операции все время будет угнетаем мыслью о сохранении груза или жизни массы людей, присутствие которых на корабле к тому же стесняет действия судовой команды, без пользы увеличивая число потерь».⁸⁰⁰

Скученность людей вновь стала благодатной почвой для того, чтобы болезнетворные бактерии очнулись от спячки и вернулись к своей работе. Холера и дизентерия, начавшаяся во время пребывания в Турции и Болгарии, хоть и в меньшей степени, но продолжали свирепствовать. Длительное нахождение на борту переполненных транспортов провоцировало новые заболевания. Особенно доставалось батальону леших егерей на борту транспорта «Баярд».⁸⁰¹ Единственным положительным фактором пребывания на борту кораблей и некоторым облегчением для личного состава стало снижение числа солдат, заболевших холерой.⁸⁰²

Теснота была явлением обычным. Французы, как и англичане, стремились посадить на борт максимально возможное число пехоты или артиллерии. Часто это делалось в ущерб не только боеспособности, но и элементарным нормам материально-технического, медицинского обеспечения. О каком-либо комфорте говорить было глупо. Сократили до минимума конский состав пехотных частей. Бралась две лошади и два мула для штаба дивизии, одна лошадь и один мул для штаба бригады, по одной лошади для старших офицеров, адъютантов, военных медиков. Некоторое число лошадей и мулов выделялось для чиновников медицинских служб.

Пресловутый ранцевый вопрос у своих английских коллег французские солдаты считали глупостью. По их мнению, то, что нес на себе британец, было перышком в сравнении с грузом французского пехотинца. Для последнего действительно было привычным делом постоянно нести на себе не менее 15 фунтов. В военное время к этому добавлялись одеяло, индивидуальная палатка, фляга, консервы, дополнительный запас патронов и прочее. В итоге вместе с оружием и снаряжением (своим и отделения) общий вес носимого во время войны французским пехотинцем превышал 60 фунтов.⁸⁰³ Англичане о такой маршевой подготовке и не мечтали. С другой стороны, вес снаряжения практически одинаков, но французский солдат имел при себе только необходимое, а британский — очень много лишнего. Но будем снисходи-

⁷⁹⁹ Кириллов П. Синоп: победа и поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, №2, М., 1999 г., с. 12.

⁸⁰⁰ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник, №8, СПб., 1898 г., с.38.

⁸⁰¹ Auguste Jean, Charles Richard, Les chasseurs a pied, H. Charles-Lavauzelle, Paris, L'imppges, 1891, p.132–133.

⁸⁰² Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, New York, 1911, p. 316–317.

⁸⁰³ Baudens L. Military and Camp Hospitals and the Health of Troops in the Field, New York, 1862, p.55–56.

тельны к британским капризам, на самом деле соотношение оптимальной нагрузки и человеческим возможностям имеет очень большое значение. Иметь на себе значительные запасы продовольствия весьма удобно, но крайне невыгодно, ибо скорость движения войск обратно пропорциональна степени их обремененности.

31 августа офицеры французских дивизий получили последние указания от своих командиров. Как вспоминал командир батальона пеших егерей майор Монтодон, в этот день «...генерал Канробер производит для нас смотр, чтобы констатировать физическое и моральное состояние людей своей дивизии, отделить больных и выздоравливающих. Вот при каких обстоятельствах мы увидели немало смелых солдат, едва оправившихся от болезни или приступов холеры, настойчиво просивших в качестве награды быть в составе отъезжающих. Многие были приняты, но сколько других должно было остаться в госпиталях с сокрушенным сердцем, со слезою на глазах, тех, чьи силы были исчерпаны. Тут же после смотра генерал Канробер собирает вокруг себя офицеров из военных корпусов; и затем звонким возбужденным голосом объявляет нам завтрашнюю посадку на корабль, посвящает нас в планы атаки Севастополя, напоминает обязанности офицеров в критические фазы сражений, об их роли возле подчиненных, об их ежедневном моральном воздействии собственным примером, который они должны подавать со всею воинской доблестью. Затем приводит он нам интересные подробности о нашем враге, о его упорстве в действии. о его тактике, о его организации, о наилучших способах его удачно атаковать и победить. Своими писаниями, которые он дает нам, он воспламеняет наши сердца, он нас заставляет гордиться благородной и славной миссией, возложенной на нас; с каким счастьем мы мечтаем о скорой борьбе со страшным противником, который, казалось, имеет на своей стороне все преимущества».⁸⁰⁴

Когда личный состав был погружен на корабли, им овладело воодушевление и стремление скорее достичь главной цели — территории России.⁸⁰⁵ Командир 2-й пехотной дивизии генерал Боске погрузился со своим штабом на трехпалубный линейный корабль французского военно-морского флота «Фридланд». В своих письмах, он считал это хорошим предзнаменованием, ассоциируя название корабля, связанное с победой Наполеона,⁸⁰⁶ с новыми победами французов в Крыму. Кроме его штаба. на борту находились 1700 солдат и 100 офицеров из трех батальонов пехоты. Общее состояние было приподнятым, все были настроены на скорую победу.⁸⁰⁷

ТУРКИ

Турецкая дивизия была посажена на 9-ти турецких кораблях, присоединившихся к англо-французскому флоту.⁸⁰⁸ В ее состав входило 7 пехотных батальонов (7 000 чел.) и 12 полевых орудий (2 батареи) под командованием генерала Юсуфа. Снабжение турецкого контингента осуществлялось французской военной администрацией, по французскому же образцу и подобию, но по остаточному принципу.

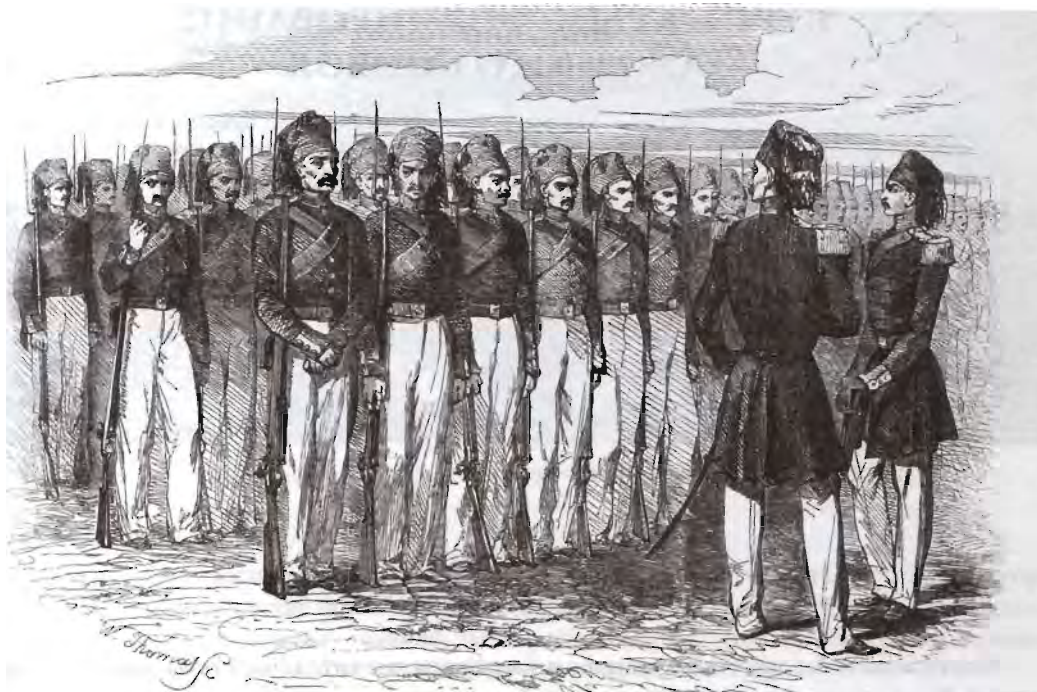
⁸⁰⁴ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка. подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9. Симферополь, 2005 г.

⁸⁰⁵ Émile Hippolyte Bourdeau Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890 J. Girma, 1890, p. 248.

⁸⁰⁶ Битва под Фридландом — сражение между французской армией под командованием императора Наполеона и русской армией под командованием генерала Бенигсена, произошедшее 14 июня 1807 г. под Фридландом. Битва завершилась разгромом русской армии.

⁸⁰⁷ Fay, Charles Alexandre. Souvenirs de la guerre de Crimée. 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 60.

⁸⁰⁸ Богданович М.И. Восточная война 1853–1865 гг. В 4-х томах. Том III, СПб., 1877 г.

Турецкая линейная пехота. Литография Лемерсье по рис. Раффе. Середина XIX века.

Общая ситуация была почти трагикомичной. Ни одна из трех задействованных в экспедиции армий не имела всего необходимого. У каждой было что-то, чего не было у других, но ни у кого не было всего, что было нужно. Французы почти не имели кавалерии, британцы имели кавалерию, но не имели ни палаток, ни санитарных фургонов, ни обоза. Турки имели палатки, но не имели лошадей и так далее....⁸⁰⁹

И все-таки признаем: есть и действительная заслуга англо-французского командования, которое (совершенно прав Тони Марграйв) при всем административном кошмаре, затратив поистине титанические усилия, сумело погрузить на корабли огромное по тем временам число людей и имущества.⁸¹⁰

⁸⁰⁹ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902 p. 105.

⁸¹⁰ Margrave, Tony The transfer of the army to Kalamita Bay, September 1854 // The War Correspondent, Vol. 22, N4, January 2005, p. 31–37.

КУРС — КРЫМ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЮЗНОГО КОНВОЯ

«1-я дивизия... с истинным воодушевлением и энтузиазмом радостно готовится покинуть эту проклятую землю».

Французский генерал Монтодон.
в 1854 г. — майор легкой пехоты.

Флоту, каким бы многочисленным и имеющим значительный суммарный тоннаж он ни был, мало принять на борт личный состав и вооружение экспедиционных сил. Для того чтобы вся эта масса без особых проблем пересекла море и выгрузилась на заранее намеченном участке неприятельского побережья, нужно создать конвой, т.е. «специальное формирование из торговых, вспомогательных судов и кораблей охранения, создаваемое для обеспечения безопасности перехода судов морем». Это современное толкование термина «конвой», но смысл его после середины XIX в. не изменился.

План конвоя был разработан английским капитаном королевского флота Мендсом, он же и довел его до капитанов транспортов. Британский военный историк Тони Маргрэив в «The War Correspondent» называет еще нескольких причастных к планированию, но нам они сейчас не очень важны.

Будучи людьми штатскими, капитаны транспортов понимали ответственность, которую возлагало на них участие в военной операции. Они не находились на королевской службе, но были наняты в состав английского военного флота. Приходилось учитывать риск, который они теперь делили в равной, а может, и в большей степени с военным флотом. Капитаны понимали, что в случае атаки русских кораблей их суда станут приоритетными целями и именно их будут стремиться в первую очередь отправить на морское дно черноморские моряки. И хотя все они были исполнены патриотизма, но решили вспомнить о своих семьях, имевших отныне реальные перспективы остаться без кормильцев.

Потому они заинтересовались о гарантиях, которые дает правительство ее величества в случае их героической гибели за интересы британской короны. Особенно волновало, будут ли их вдовы в этом случае получать пенсию. Получив утвердительный ответ, капитаны троекратно прокричали традиционную здравицу в честь королевы и разошлись по своим судам готовиться к выходу в море.⁸¹¹

⁸¹¹ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 104.

Союзный флот покидает Болгарию, направляясь в Крым. Август 1854 г.

На счету был каждый день. Важно было дойти до Крыма до начала осенних штормов. В противном случае флот оставался застигнутым непогодой в море при отсутствии удобных и безопасных гаваней. День выхода определили на совещании, прошедшем 8 (20) августа.

Адмиралы Брюа, Лайонс, Буа-Вильомез, генералы Канробер, Бургойн, Мартенпре, полковник Трошю коллегиально решили, что конвои выйдут в море не ранее 14 (26) августа. Сборным пунктом назначался о. Змеиный.⁸¹² Там должно быть озвучено окончательное место высадки, до этого времени содержавшееся в строжайшей тайне. А все свидетельствует о том, что оно к тому времени было определено. Даже непримиримый маршал Сент-Арно называет в одном из своих писем, отправленных в день выхода эскадры из Болгарии, конечный маршрут экспедиции — мимо Одессы к Евпатории.⁸¹³

4 сентября⁸¹⁴ в «...самый прекрасный день, который только можно было себе представить» первые корабли покинули порт Варну.⁸¹⁵ Через три дня последние скрылись за линией горизонта. Первый эшелон в 54 парусных французских судна с войсками покинул Варну 5-го сентября и трое суток без всякого конвоя болтался в море в ожидании остальных. Вскоре из залива Балчик вышел весь флот, соединившийся в море 8-го сентября у о. Змеиный.

7 сентября в море вышли последние корабли союзного конвоя.⁸¹⁶ То, о чем догадывались, но не говорили, стараясь хранить тайну, стало очевидным: курс был на Севастополь.⁸¹⁷

Следующий этап экспедиции — объединение союзных конвоев в один и образование походного ордера, то есть особого порядка построения кораблей, который

⁸¹² Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг., Том. 2, СПб., 1876 г., с.269.

⁸¹³ Lettres du maréchal de Saint-Arnaud, Michel Lévy frères, Paris, 1855, p. 472.

⁸¹⁴ Von Tavernier, De la conduite de la guerre d'Orient, expédition de Crimée: memoire adressé au gouvernement de S. M. l'empereur Napoléon III, Un officier general, Veröfentlicht von A. Bluff, Bruxelles, 1855, p. 43.

⁸¹⁵ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of lie Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.8–9.

⁸¹⁶ Von Tavernier, De la conduite de la guerre d'Orient, expédition de Crimée: memoire adressé au gouvernement de S. M. l'empereur Napoléon III, Un officier general, Veröfentlicht von A. Bluff, Bruxelles, 1855, p. 43.

⁸¹⁷ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 66–67.

строится на период перехода кораблей (судов) морем. Построение ордера должно обеспечивать эффективное применение оружия, рассредоточение, свободу маневра и быстрое развертывание в боевой ордер. Хотя, казалось, в основной массе административно-организационные мероприятия были проведены, сложностей хватало с избытком. Очевидно, это был первый в мировой военной истории морской конвой, в котором сводились воедино прошлое и будущее — паруса и пар: «...Вся эта дурно организованная, переполненная войсками армада насчитывала до 350 судов».⁸¹⁸

Конвой состоял из двух больших групп судов. Каждое паровое судно тянуло на буксире два парусных, что не могло не сказаться отрицательно на общей управляемости и маневренности конвоя. Из английских линейных кораблей, назначенных в охрану транспортов и не занятых буксировкой, только на одном имелась паровая машина. Скорость движения конвоя устанавливалась 4 узла,⁸¹⁹ но далеко не всегда ее могли держать: слишком уж много разнотипных судов было собрано вместе.

8 сентября британские и французские эскадры встретились у устья Дуная, 9 и 10 сентября конвой оставался на месте. Прежде чем ордер был сформирован, английские войска провели в море двое суток, окончательно вымотавших и без того страдавших от продолжавшихся болезней и не привыкших к столь длительным морским переходам солдат и офицеров армии. В то же время благодаря свежему морскому воздуху у многих английских солдат стали постепенно исчезать симптомы болезни, появился румянец на щеках и настроение значительно улучшилось.⁸²⁰

Трудно объяснить смысл стоянки в течение двух суток. По мнению одних исследователей, не было согласовано место высадки, для этого 9 сентября два английских корабля «Карадок» и «Агамемнон» вместе с двумя французскими вновь при полном бездействии со стороны русского флота совершили доразведку предполагаемого района высадки экспедиционных сил.⁸²¹

По другим данным, это время было потрачено на организационные вопросы самой высадки и окончательную попытку выяснить силы Черноморского флота, спрогнозировать его возможные действия. На кораблях шли непрерывные совещания и согласования. Операция, казалось, уже окончательно разработанная перекраивалась почти заново.

Медлительность и кажущаяся нерешительность британцев начала нервировать французов (хотя англичане обвиняли союзников в том же). По их мнению, когда французский конвой начал движение, «...наши союзники еще отдыхали».⁸²² Вышедший из Варны раньше британцев на линейном корабле «Город Париж» Сент-Арно чувствовал себя раздраженным. Его конвой был готов к движению. Многие французские транспорты были меньшего водоизмещения («...небольшие бриги и шхуны»), чем английские, именно это обеспечивало их конвою большую управляемость и, соответственно, порядок.⁸²³

В частных беседах в среде французского командования начинает распространяться мнение, что англичане умышленно затягивают начало экспедиции. Адмирал Буэ-

⁸¹⁸ Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота. Ленинград. 1927 г. (http://www.navy.su/navybook/petrov_ma/2_1.htm).

⁸¹⁹ Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p. 27–28.

⁸²⁰ Our Veterans of 1854: In Camp, and Before the Enemy, London, 1859, p. 102–103; Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p. 24–25.

⁸²¹ Cecil Woodham-Smith, The Reason Why, The Story of the Fatal Charge of the Light Brigade, 1987, p. 168.

⁸²² Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с. 44.

⁸²³ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 104–105.

Вильомез говорит «...о нерешительности и увертках адмирала Дандаса, которые убеждают нас, что он против крымской экспедиции, где предвидит большие трудности во время высадки».⁸²⁴

Проблемой стало то, что управляемые своими амбициями союзники так и не назначили единое командование, хотя каждый из них совершенно разумно назначил двойное управление своими войсками с равными правами: морское и сухопутное. В дальнейшем это правило было введено в теорию адмиралом Коломбом⁸²⁵ и стало незыблемой аксиомой каждой десантной операции — от Каламитского залива до Фолклендских островов. Еще одной проблемой оставалось историческое соперничество между англичанами и французами. И даже то, что скоро предстояло вместе проливать кровь, не могло его преодолеть.

«...Русской угрозы оказалось недостаточно, чтобы крепко связать Лондон и Париж. ...В самые лучшие периоды союз только приглушал враждебные чувства, но не уничтожал их. ...Несмотря на некоторые общие цели, интересы Британии и Франции были совершенно противоположны, что повлекло переход соперничества между двумя державами в открытую фазу, в которой обе державы и оба флота полагали друг друга наиболее серьезными и опасными противниками».⁸²⁶

Многие обвинения в адрес британцев несправедливы. Понимая трудности, связанные с организацией обеспечения столь громадного даже по современным меркам конвоя через море, англичане стремились учесть самые незначительные детали. Предложенный ими способ перевозки войск оправдал все надежды. Отчасти это была заслуга учрежденного специально для этих целей в 1689 г. расформированного в 1817 г. и вновь восстановленного через 15 лет (как составная часть флота) т. н. Отделения морских транспортов. В 1854 г. английский торговый флот насчитывал уже 1700 пароходов с общим водоизмещением 326 тыс. т. Достаточно щедрая оплата транспортов судовладельцев сделала проблемы с их получением хоть и затратными, но минимальными. В кампании 1854 г. британцы использовали опыт кампании в Испании и Португалии, когда с помощью коммерческих судов им удалось перебросить на Пиренейский полуостров (1808–1809 гг.) в сжатые сроки начала военных действий более 60 000 человек с артиллерией. Теперь роль взаимодействия коммерческого флота и боевых кораблей возрастала кратно, становясь одной из слагаемых успеха.

Гражданские капитаны моряками были, конечно, опытными, но идти в составе строя им было впервой. Они могли делать что угодно: перевозить пассажиров, пряности и чай из колоний, но только не идти в строю походного ордера. Соответственно, качественно управлять таким количеством судов разных классов, скоростных характеристик и водоизмещения в условиях того времени было практически невозможно. Кстати, несколько судов были-таки потеряны по различным причинам (поломки паровых машин, расход запасов угля и др.). Им удалось подойти к берегам Крыма лишь спустя несколько дней после высадки в Каламитском заливе.

У англичан в походном строю транспорты, перевозившие главные силы, шли семью⁸²⁷ кильватерными колоннами, состоявшими из парусных судов и пароходов в соотношении примерно 2:1. Полдюжины пароходов находились в готовности замены

⁸²⁴ Орехов Д. В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с. 44.

⁸²⁵ Обручев Н. А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 29.

⁸²⁶ Гамильтон Ч. А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993, (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html)

⁸²⁷ Tony Margrave, The transfer of the army to Kalamita Bey, September 1854//The War Correspondent, Vol.22, Number 4, January 2005, p.31–37.

буксиров. Не будем слепо верить однажды утвержденной свыше точке зрения о непобедимой армаде паровых кораблей. На деле было несколько иначе, тем более что сами англичане не очень верили в силу пара в первой фазе войны на Черном море. В конвое пароходы были всего лишь дополнением к парусным судам. Паровые двигатели, мощность которых чаще всего не превышала 400–600 л. с., являлись только дополнением к парусам.⁸²⁸

Семь ордеров английской эскадры включали: 5 пехотных дивизий, кавалерию (Легкая бригада и батарея I Конной артиллерии), артиллерию, вспомогательные грузы, осадный парк и имущество резервных запасов (следовали в порядке за кавалерией).⁸²⁹ Для облегчения управления каждый ордер нес свой флаг: Легкая дивизия – клетчатый; 1-я дивизия – голубой треугольник; 2-я дивизия – белый; 3-я дивизия – красный; 4-я дивизия – красный с белым и 5-я (кавалерийская бригада) – голубой с красной полосой.⁸³⁰

Охрану конвоя несли 9 английских линейных кораблей и 5 фрегатов под командованием адмиралов Лайонса (ближний к берегу фланг конвоя) и Дандаса (со стороны открытого моря).⁸³¹ Сами Лайонс и Дандас держали свои флаги на «Агамемноне» и «Британии» соответственно.⁸³² Генерал Эдью предполагал, что это были единственные силы, готовые к бою в случае нападения русских.⁸³³

Мы знаем, что наиболее мощные из боевых кораблей союзников линейные французские корабли типа «Наполеон» новейшей постройки были забиты войсками (по 1800–2000 человек каждый) и не могли представлять серьезную боевую единицу. В этом была авантюра плана. Оставалась опасность в лице Черноморского флота, который даже не был блокирован. Вероятно, союзники опасались, что почуяв скрываемую блокадой десантную операцию черноморцы пойдут напролом. Тогда кровавой схватки не миновать. Поэтому союзники решили рисковать.

В этом случае мало прикрыть транспортные суда конвоя эскортными кораблями, предназначенными для отражения внезапного нападения неприятеля. Необходимо было иметь «...совершенно отдельный от экспедиции свободный флот, достаточно сильный для борьбы со всяким неприятельским флотом. Свободный флот должен держать под контролем море, знать местопребывание и силу неприятельского флота и отвлекать последний от собственной десантной экспедиции. Если же морская сила недостаточно велика для такого разделения, то десант не должен быть предпринимаем, так как, опираясь на море сомнительного обладания, он почти наверное будет обречен на неудачу».⁸³⁴ Нарушившие это условие итальянцы были жестоко наказаны австрийским флотом у о. Лиссы в 1866 г.⁸³⁵

⁸²⁸ John Richard Hale, *Famous Sea Fights From Salamis to Tsu-Shima*, Printed by William Brendon and Son, Plymouth, 2008, p.208–209.

⁸²⁹ Tony Margrave, *The transfer of the army to Kalamita Bey, September 1854*//*The War Correspondent*, Vol.22, Number 4, January 2005, p.32.

⁸³⁰ Lieut. George Shuldhham Peard, *Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann*. London 1855, p.91.

⁸³¹ *Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55*, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p. 8.

⁸³² *From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855* By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 104–105.

⁸³³ John Adaye, C.B, Lieut.-col., *A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5*, London, 1860, p. 27.

⁸³⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.38.

⁸³⁵ Лисское морское сражение 1866 г., сражение между итальянским и австрийским флотами во время австро-итальянской войны 1866 г., произошедшее 20 июля у о. Лисса (ныне о. Вис) в Адриатическом море. Это первое крупное сражение паровых броненосных кораблей. Поражение итальянцев объясняется слабостью их разведки, отсутствием плана боя, плохой связью, нерешительностью адмирала Персано.

У союзников этот элемент операции напрочь отсутствовал. Это дает повод Альфреду Штенцелю камня на камне не оставить от планирования союзниками десантной операции.

«Все протесты адмиралов не были приняты во внимание начальниками сухопутных войск. Тщетно флотоводцы указывали на отсутствие хороших гаваней, на то, что открытые рейды опасны во время штормов, подвоз снабжения крайне затруднителен, а в виду противника обратная посадка войск на суда немислима. Высаженные войска должны были остаться без всего необходимого.

Вместо того, чтобы заблокировать русский флот в Севастополе и тем обезопасить переход транспортов с войсками, они решили только прикрыть их конвоем из военных судов. Конечно, эта роль выпала лишь на долю английских кораблей, так как французские были битком набиты войсками. Не было даже организовано наблюдение за стоявшим в гавани неприятельским флотом. Станным кажется то, что старшие флагманы остались на парусных линейных кораблях, между тем как младшие находились на винтовых судах. Столь же фантастичен, как переход морем, был и план десантирования: предполагалось высадить сразу 30 000 человек, без палаток, всего с несколькими батареями артиллерии и небольшим количеством припасов несмотря на то, что у западного берега Крыма часто бывал довольно сильный прибой».⁸³⁶

Можно цитировать десятки источников, в которых прямо или косвенно указывается на беззащитность неприятельской эскадры при переходе в Крым. Еще больше личных мнений. Но есть ли в этом смысл? Тем более что мы так или иначе будем возвращаться к этой теме еще не раз. Конечно, ошибок при планировании было достаточно. Любая из них была при благоприятном для русских стечении обстоятельств смертельной для союзников. Но судьба распорядилась по-своему. Обстоятельства для русских благоприятными не стали, а сами сделать их такими Меншиков и его морские командиры не рискнули. Союзники благополучно пересекли Черное море и без особых трудностей высадились в Крыму.

Это еще предстоит. Пока же жизнь на корблях во время перехода была безмятежной. Солдаты и офицеры десанта наслаждались выпавшими днями отдыха, тем более что многие из них трезво оценивали мрачные перспективы будущего. Лейтенант конной артиллерии Ванделир хотя и восхищался мощью союзных сил, уповал, что русский флот не выйдет из-под прикрытия береговых батарей Севастополя.⁸³⁷ Молодой офицер наслаждался обществом друзей, а вечерами их развлекали более жизнерадостные и менее снобичные ирландцы из 95-го полка, ставшие настоящей находкой и оживлявшие своими шутками скучную корабельную жизнь.

БРИТАНСКИЙ КОНВОЙ⁸³⁸

Легкая дивизия

5 пароходов, 10 парусников. №67 Emperor (7-й полк), №60 Monarchy (2-й батальон Стрелковой бригады, батарея С Королевской конной артиллерии), №39 Harkaway (2-й батальон Стрелковой бригады, батарея С Королевской конной артиллерии), HMS Fury (7-й полк), №98 Talavera (2-й батальон Стрелковой бригады, батарея С Ко-

⁸³⁶ Штенцель А. История войн на море. Том 2. М., 2002 г., с.486–487.

⁸³⁷ March, Catherine, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p.119.

⁸³⁸ Tony Margrave, The transfer of the army to Kalamita Bey, September 1854//The War Correspondent, Vol.22, Number 4, January 2005, p.31–37.

ролевской конной артиллерии), №42 Mary Anne (33-й полк, 2-й батальон Стрелковой бригады, батарея Е полевой артиллерии), №100 Andes (33-й полк), №43 Calliope (33-й полк, 2-й батальон Стрелковой бригады, батарея Е полевой артиллерии), №44 Echungu (77-й полк, 2-й батальон Стрелковой бригады, батарея Е полевой артиллерии), HMS Megaega (77-й полк), №89 Lord Raglan (2-й батальон Стрелковой бригады, батарея С Королевской конной артиллерии), №21 Pride of the Ocean (19-й полк, запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), №72 Victoria (7-й и 23-й полк), №78 Orient (88-й полк), 50 Courier (19-й полк).

10-я рота корпуса саперов и минеров — неизвестно.⁸³⁹

1-я (Гвардейская) дивизия

5 пароходов, 8 парусников. №65 Topping (полковая история Колдстримской гвардии говорит, что на этом корабле был 1-й батальон Колдстримского гвардейского полка, но данные капитана Данскомба не подтверждают это), №3 Her Majesty (батарея А полевой артиллерии и, вероятно, по данным Колбурна, 1-й батальон Колдстримского гвардейского полка), №4 City of Carlisle (батарея А полевой артиллерии, по данным Данскомба и 93-й Шотландский полк),⁸⁴⁰ HMS Simoon (3-й батальон Гренадер гвардии и полковая история Колдстримской гвардии говорит, что на этом корабле был 1-й батальон Колдстримского гвардейского полка, но данные капитана Данскомба не подтверждают это),⁸⁴¹ №113 Sea Nymph (3-й батальон Гренадер гвардии), №7 Palmerston (3-й батальон Гренадер гвардии, батарея А полевой артиллерии), №10 Edendale (батарея Н полевой артиллерии), №29 Kangaroo (1-й батальон Шотландской гвардии), №14 Arontdale (1-й батальон Шотландской гвардии, батарея Н полевой артиллерии), №19 Caduceus (батарея Н полевой артиллерии, по данным Данскомба и 93-й Шотландский полк), №74 Fmeu (42-й Шотландский полк), №23 Dunbar (79-й Шотландский полк), №47 Welson Kennedy (42-й Шотландский полк, запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов).

11-я рота корпуса саперов и минеров — неизвестно.

2-я дивизия

4 парохода, 8 парусников. №66 City of London, №71 Panola, №90 Sutledge (батарея В полевой артиллерии), 73 Melbourne (47-й полк), №91 Maori (47-й полк, батарея В полевой артиллерии), №31 Eveline (47-й полк, батарея G полевой артиллерии), №87 Hydaspes (49-й полк), №32 Sultana (49-й полк, батарея В полевой артиллерии, батарея G полевой артиллерии), №88 Sir Robert Sale (49-й полк, батарея G полевой артиллерии), HMS Vulcan (30-й полк), №51 Timandra (30-й полк, 55-й полк), №82 Rip Van Winkle (запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов).

8-я рота корпуса саперов и минеров — неизвестно.

3-я дивизия

6 пароходов, 8 парусников. HMS Cyclops (28-й полк), № Mary Anne (4-й полк, батарея F полевой артиллерии), №55 Asia (28-й полк, батарея F полевой артиллерии), №102

⁸³⁹ Возможно, саперы были равномерно распределены по транспортам.

⁸⁴⁰ Полковая история 93-го Шотландского полка Аграйл и Сазерленда говорит, что полк был погружен на борт HMS Terrible (1850 т водоизмещение, 19 пушек, но последний входил в состав охраны и потому не мог нести на своем борту десантные подразделения (Tony Margrave, The transfer of the army to Kalamita Bey, September 1854 // The War Correspondent, Vol. 22, Number 4, January 2005, p. 31–37).

⁸⁴¹ Есть точная цифра находившихся на борту гвардейцев — 1100 чел. (Higginsjn, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 136).

Tynemouth (44-й полк), №121 Cottingham (44-й полк), №55 Glendalough (1-й полк, батарея F полевой артиллерии), №93 William H Jackson (1-й полк, батарея W полевой артиллерии), Cambria, №96 Deva (4-й полк, батарея W полевой артиллерии), №97 Estcourt (4-й полк, батарея W полевой артиллерии, осадная артиллерия), №226 Medway (осадная артиллерия), №28 Arthur the Great (1-й полк, запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), №6 Earl of Shaftesbury (запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), HMS Highflyer (запасы продовольствия, снаряжение и боеприпасов), HMS Arolo (38-й полк).

4-я рота корпуса саперов и минеров — неизвестно.

4-я дивизия

5 пароходов, 9 парусников. №218 Orinosso (1-й батальон Стрелковой бригады), №37 Rodsley (1-й батальон Стрелковой бригады, батарея P полевой артиллерии), №58 Pedestrian (1-й батальон Стрелковой бригады, батарея P полевой артиллерии), Columbo (20-й полк), №48 Shooting Star (батарея P полевой артиллерии, запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), №56 War Cloud (запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), Avon, Tygonne (запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), №83 Agabia (запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов), №75 Golden Fleece (21-й полк), №81 Georgiana (21-й полк), №20 Ganges (21-й полк), Mauritius (46-й полк, две роты), №9 John Masterman (медицинское имущество)

4-я рота корпуса саперов и минеров — неизвестно.

Кавалерия

№118 Simla (4-й Легкий драгунский полк, 13-й Легкий драгунский полк), №104 Himalaya (8-й Гусарский полк, 17-й Уланский полк), №40 Kenilworth (батарея I Королевской конной артиллерии)⁸⁴², 61 Harbinger (батарея I Королевской конной артиллерии), Trent, №85 Burman, №2 Mercia (инженерное имущество), №84 Jason (13-й Легкий драгунский полк), №36 Lady Macnaghten (инженерное имущество), №59 Negociator (инженерное имущество), Pyrenees (батарея I Королевской конной артиллерии), 11-й Гусарский полк — неизвестно.

Следовали в составе ордера кавалерии (2 парохода, 4 парусника).

№45 Medoga (главный резервный запас имущества), №5 Resolute (главный резервный запас имущества), №120 Australian, №54 Gertrude, №49 Star of the South, Sydney (все с грузом имущества осадного парка).

Вспомогательные суда:

Пароходы: Varna, Shark, Circassia, Minna, Brenda, Danube (без груза, использовались только как резервные буксиры).

Этот список, в своей основе составленный британским историком Крымской войны Тони Маргрэйвом и частично дополненный мной, не претендует на полноту. Постоянно обнаруживаются неточности и новые детали. Но в целом он соответствует тому распределению войск английского десанта, в котором они шли к берегам Крыма.

⁸⁴² Список не претендует на всеобъемлющую точность и нуждается в дополнении и уточнении. Как пример, по воспоминаниям майора (в 1854 г. — лейтенанта) Ванделира, батарея I Королевской конной артиллерии грузилась на транспорты Pyrenees № 1; Kenilworth, № 40; Harbinger, № 61; Burmah, № 85 (March, Cathérinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p.117).

ФРАНЦУЗСКИЙ КОНВОЙ

1-я дивизия

Ville de Paris

Адмиралы Гамелен и Буа-Вильомез. Командир: Риго.

Маршал Сент-Арно с офицерами штаба, 1-й батальон 27-го полка линейной пехоты, 110 чел. 9-го батальона пеших егерей (27 офицеров, 700 солдат и сержантов).

Napoleon

Контр-адмирал Шарнье. Командир: Дюпуа.⁸⁴³

2-й батальон 27-го полка линейной пехоты, 110 чел. 9-го батальона пеших егерей (24 офицера, 700 солдат и сержантов).

Chahrlemagne

Командир: Шабанн.

2-й батальон 20-го полка линейной пехоты, 110 чел. 9-го батальона пеших егерей (24 офицера, 700 солдат и сержантов).

Montebello

Вице-адмирал Брюа, капитан 1-го ранга Жюрен, командир: Бассьер.

Штаб 2-й бригады 1-й дивизии, 1-й батальон 20-го полка линейной пехоты, 110 чел. 9-го батальона пеших егерей (26 офицеров, 700 солдат и сержантов).

Jean-Bart

Командир: Туше.

2-й батальон 7-го полка линейной пехоты, 110 чел. 9-го батальона пеших егерей (22 офицера, 700 солдат и сержантов).

Henri IV

Командир: Жеме.

Штаб 1-й бригады 1-й дивизии, 1-й батальон 7-го полка линейной пехоты, 110 чел. 9-го батальона пеших егерей (31 офицер, 700 солдат и сержантов).

Jupiter

Батальон Иностранного легиона (600 чел.), 110 чел. 2-й батальон 6-го полка линейной пехоты 2-й пехотной дивизии (42 офицера, 800 солдат и сержантов).

Romone

1-й батальон пеших егерей (19 офицеров, 500 солдат и сержантов).

Tisiphone

Командир: Монто.

Половина батальона 1-го полка зуавов, 50 чел. 1-го батальона пеших егерей (17 офицеров, 350 солдат и сержантов, 6 лошадей).

Eumende

Половина батальона 1-го полка зуавов, 50 чел. 1-го батальона пеших егерей (12 офицеров, 350 солдат и сержантов, 6 лошадей).

Megere

Командир: Девол.

Половина батальона 1-го полка зуавов (10 офицеров, 300 солдат и сержантов, 4 лошади).

Dauphin

⁸⁴³ Если установить воинское звание командиров военных кораблей еще можно, то с транспортами это удается не всегда. Тем более, что многие из них были гражданскими людьми. Потому в тех случаях, когда мы не знаем точно звания, будем использовать нейтральный должностной термин — командир.

Французский линейный корабль
«Napoleon». 1852 г.

Французский линейный корабль
«Ville de Paris». 1850 г.

Французский линейный корабль
«Louis XIV». 1854 г.

Французский линейный корабль «Valmy».

Офицеры штаба, 2 роты 1-го полка зуавов (14 офицеров, 150 солдат и сержантов).
Mouette

Офицеры штаба, 2 роты 1-го полка зуавов (14 офицеров, 150 солдат и сержантов).

2-я дивизия

Jupiter

Командир: Люже.

2-й батальон 6-го полка линейной пехоты (28 офицеров, 600 солдат и сержантов, 10 лошадей).

Suffren

Командир: Фабр де Массель.

Офицеры штаба 2-й дивизии, штаба 2-й бригады, 1-й батальон 7-го полка легкой пехоты, 2-й батальон 7-го полка линейной пехоты, 1-й батальон 6-го полка линейной пехоты (59 генералов и офицеров, 1500 солдат и сержантов, 10 лошадей).

Iena

Командир: Рапатель.

2-й батальон 50-го полка линейной пехоты, 1-й батальон 7-го полка легкой пехоты. 3-й батальон пеших егерей (56 офицеров, 1500 солдат и сержантов, 10 лошадей).

Marengo

Командир: Мартин.

Офицеры штаба 1-й бригады, 1-й батальон 3-го полка зуавов, 2-й батальон 3-го полка зуавов, 1-й батальон 50-го полка линейной пехоты (49 генералов и офицеров, 1300 солдат и сержантов, 10 лошадей).

Friedland

Командир: Герен.

Офицеры штаба 2-й дивизии, 2 батальона тиральеров, часть 1-го батальона 3-го полка зуавов (78 офицеров, 1700 солдат и сержантов, 10 лошадей).

3-я дивизия

Valmy

Под флагом контр-адмирала Люго.

Командир: Леконт.

Офицеры штаба 3-й дивизии, штаба 2-й бригады, 2-й батальон 20-го полка легкой пехоты, 1-й и 2-й батальоны 22-го полка легкой пехоты (69 генералов и офицеров, 1800 солдат и сержантов, 10 лошадей).

На примере «Вальми» мы можем посмотреть, как распределялся личный состав французского контингента десанта в условиях военного корабля. Обратимся к воспоминаниям капитана Эрбе:

«В 8 с $\frac{1}{4}$ часа все мои люди были помещены в нижней батарее, а свою койку, специально отведенную капитанам, я получил в верхней батарее. На «Вальми» 1200 матросов, а также принц Наполеон со всем главным штабом 3-й дивизии, весь 22 легкий полк и 6 рот 20-го легкого, всего 1750 человек пехоты, так что с экипажем гарнизон «Вальми» составляет 3000 человек».⁸⁴⁴

Ville de Marseille

2-й батальон морского полка, 1-й и 2-й батальоны 20-го полка легкой пехоты (46 офицеров, 1300 солдат и сержантов, 10 лошадей).

Alger

Офицеры штаба 1-й бригады, 2-й батальон 2-го полка зуавов, 1-й и 2-й батальоны морского полка (67 офицеров, 1500 солдат и сержантов, 10 лошадей).

Bayard

19-й батальон пеших егерей, 1-й и 2-й батальоны 2-го полка зуавов (52 офицера, 1500 солдат и сержантов, 10 лошадей).

4-я дивизия.

Primauguet

Офицеры штаба 4-й дивизии, 250 чел. 2-го батальона 74-го полка линейной пехоты (9 офицеров, 250 солдат и сержантов).

Coligny

Командир: Робин.

300 чел. 2-го батальона 74-го полка линейной пехоты (13 офицеров, 300 солдат и сержантов).

Orenoque

⁸⁴⁴ Французы и русские в Крыму. Письма французского офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с. 65.

1-й батальон 74-го полка линейной пехоты, 2-й батальон 39-го полка линейной пехоты (46 офицеров, 1100 солдат и сержантов, 30 лошадей).

Albatros

Командир капитан: Дюберно.

Офицеры штаба 2-й бригады, 2-й батальон 26-го полка линейной пехоты, 1-й батальон 39-го полка линейной пехоты (45 офицеров, 1100 солдат и сержантов, 30 лошадей).

Montezuma

Командир: Эллисад.

Офицеры штаба 1-й бригады, 1-й батальон 26-го полка линейной пехоты, 2-й батальон 19-го полка линейной пехоты (48 офицеров, 1100 солдат и сержантов, 30 лошадей).

Descartes

1-й батальон пеших егерей (18 офицеров, 550 солдат и сержантов).

Caffarelli

Штаб 4-й дивизии, 1-й батальон 19-го полка линейной пехоты (24 офицера, 550 солдат и сержантов, 28 лошадей).

*Полевая артиллерия*⁸⁴⁵

Canada: офицеры штаба артиллерии, 1-я батарея 13-го полка капитана Пети (10 офицеров, 232 солдата и сержанта, 83 лошади), часть артиллерийского парка.

Magellan: начальник артиллерии 2-й дивизии подполковник Барраль, 2-я батарея 12-го полка капитана Робин-Марки, (7 офицеров, 174 солдата и сержанта, 80 лошадей), часть артиллерийского парка, ракетная батарея.

Vauban (капитан де Хербинген): начальник артиллерии 3-й дивизии подполковник Бертран, 6-я батарея 7-го полка (6 офицеров, 138 солдат и сержантов, 86 лошадей), часть артиллерийского парка.

Casique (капитан Жусне): начальник артиллерии 4-й дивизии подполковник де Трион, 15-я батарея 8-го полка капитана Саже (6 офицеров, 135 солдат и сержантов, 80 лошадей), часть артиллерийского парка.

Ulloa: 6-я батарея 13-го полка (4 офицера, 137 солдат и сержантов, 80 лошадей), часть артиллерийского парка.

Mogador (капитан Вайли): 4-я батарея 16-го полка капитана (10 офицеров, 219 солдат и сержантов, 86 лошадей).

Panama: офицеры артиллерийского резерва, 1-я батарея 17-го полка капитана Тусеня (10 офицеров, 219 солдат и сержантов, 86 лошадей). Часть имущества 2-й батареи 12-го полка (очевидно, лошади).⁸⁴⁶

Infernal (капитан Ростан): начальник артиллерии 1-й дивизии подполковник⁸⁴⁷ Хугенет, 3-я батарея 8-го полка капитана Хуго, часть артиллерийского парка (5 офицеров, 95 солдат и сержантов, 50 лошадей).

Pluton: 1-я батарея 9-го полка капитана Круза, часть артиллерийского парка (3 офицера, 95 солдат и сержантов, 80 лошадей).

⁸⁴⁵ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p.51–52.

⁸⁴⁶ Dauvé, Henri Pierre Elmile, Historique du 12e régiment d'artillerie, 1834–1890, Nancy, Berger-Levrault et cie, 1890, p. 56.

⁸⁴⁷ Звания начальников артиллерии дивизий в разных источниках разные: подполковник или полковник. Я указываю, как в источнике, откуда взяты данные.

Taif (турецкий фрегат): 12-я батарея 13-го полка капитана Массо (4 офицера, 155 солдат и сержантов, 86 лошадей), часть артиллерийского парка.

Medidgee (турецкий фрегат): 1 батарея (3 офицера, 140 солдат и сержантов, 86 лошадей).

Chaik-Chavi (турецкий фрегат): 4-я батарея 13-го полка капитана Фиве (3 офицера, 136 солдат и сержантов, 86 лошадей), часть артиллерийского парка.

Le Lascobier: две роты понтонеров, рота пеших артиллеристов, запасы артиллерийского и инженерного имущества.

Allier (капитан Жуан): запасы продовольствия, артиллерийского и инженерного имущества.

Саперы

Фрегаты-транспорты: Nereide (капитан Малманш), Calipso; транспорт Girafe, транспорт La Pandore, капитан Буше (резерв имущества армии).

Прочие корабли

Корвет Rolland (капитан Ля Ронсьер), корвет Eumenide (капитан Пеллетре).

Этот список я взял из книги адмирала Буа-Вильомеза. Он не претендует на полноту, как и английский, особенно в абсолютной точности цифр. Как показал детальный подсчет, то, что планировалось к посадке на корабль или транспорт, было несколько (незначительно) меньше или больше. Но в целом он соответствует тому распределению войск французского десанта, в котором они шли к берегам Крыма.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ...

О том, что эта невиданная масса кораблей и транспортов казалась непобедимой силой, на деле не будучи таковой, мы уже говорили. И о том, что по иронии судьбы при пересечении Черного моря противник был уязвим для любой атаки, тоже...

Причина даже не в том, что основную массу британской эскадры составляли парусные корабли. Все, что шло в море, было настолько забито перевозимыми войсками, что союзное командование уповало лишь на реальность господства над Черным морем. Это было одним из главных стратегических условий успеха операции.⁸⁴⁸

Союзники больше всего боялись атаки русских кораблей и были удивлены, что этого не случилось. Иногда, читая английскую литературу по военно-морской истории, начинаешь думать, что в море британцы выходили с чувствами, схожими с чувствами камикадзе перед последним вылетом.

«Перевозка из Варны в Крым ...была главной задачей, возложенной на флот. Безопасность этой армады зависела от приблизительно десяти линейных парусных кораблей, двух фрегатов и приблизительно десяти парусных пароходов. Поскольку французские военные корабли использовались как транспорты и были забиты войсками, для этой цели они были бесполезными. Российский флот имел в это время базировавшиеся в Севастополе четырнадцать прекрасных линейных кораблей и четыре фрегата. Имел их, но не посмел выйти и дать сражение, результатом которого могло стать истребление конвоя и как следствие — невозможность вторжения в Рос-

⁸⁴⁸ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.34.

сию. Но возможность не была использована и армия была высажена на открытом берегу в Каламитском заливе...».⁸⁴⁹

Факт успеха союзников неоспорим, но причины разные. Одни историки утверждают, что лишь удачный авантюризм стал залогом успеха. Другие (генерал Н. Обручев) считали, что применительно к Крымской войне абсолютным обладанием морем помогало главным образом то обстоятельство, что противники располагали сильным паровым флотом, тогда как наш флот состоял почти исключительно из парусных судов.

Третьи убеждают, что штабной гений союзного военно-морского командования обеспечил безупречное планирование морской части операции.

Правда, в этом случае исследователи стесняются сказать о том, что неприятель имел определенные проблемы с организацией перехода.

К счастью, у современных военных историков появились варианты трезвого анализа событий полуторавековой давности. В недавно увидевшей свет «Военной истории России», которая, нужно отдать должное авторам, отличается объективным подходом к изложению ранее избегаемых проблем, отмечается, притом достаточно категорично, что «...Посадка союзных войск на транспорты, переход судов морем и высадка десанта на берег производились крайне неорганизованно. Силы высадки и переход морем не обеспечивались разведкой, а иногда и охранением.... отряд первого эшелона в составе 54 французских парусных судов в течение 3 суток находился в море без охранения, ожидая подход английских транспортов...».⁸⁵⁰

Значит все-таки уязвимы?

Тогда правы четвертые, указывающие на провалы в разведывательной службе Черноморского флота (Петров М.А): «...Если бы русский флот знал это, если бы он имел в море разведку и командование решилось атаковать неприятеля в моменты, когда скученные транспорты, растянувшиеся, мало боеспособные военные суда, забитые грузами и людьми, при слабом прикрытии представляли благодарный объект для нападения – оно бы могло иметь успех даже несмотря на то, что общее количество сил союзников превосходило силы Черноморского флота. В такой обстановке много тактических преимуществ на стороне нападающего. Но это происходило за горизонтом Севастополя: обстановка в море оставалась неизвестной».⁸⁵¹

Больше всего сторонников у второй точки зрения. Конечно, легче всего причины поражения свалить на проблемы государственной машины, не обеспечившей собственный военно-морской флот достаточным количеством боевых кораблей с паровыми двигателями. И легче думать о случившем, поддерживая большинство, утверждающее о бессмысленности какого-либо сопротивления приближающейся союзной эскадре, так как «...борьба отживающего парусного флота с нарождающимся паровым была невозможна и союзники, господствуя на море, совершенно не боялись за безопасность своих сообщений во всё время продолжительной осады Севастополя.

Без сомнения, если бы пар в нашем флоте имел такое же широкое применение, какое он имел у противников, то влияние враждебных флотов было бы сильно оспариваемо и смело можно сказать, что Восточная война несмотря на силу наших врагов не закончилась бы падением Севастополя и торжеством врага».⁸⁵²

Может, какая-то доля своей правды у них есть.

⁸⁴⁹ Swinburne, Henry Lawrence. The Royal Navy, London, 1907, p.228.

⁸⁵⁰ Золотарёв Б., Сатанов О., Тюшкевич С. Военная история России. М., 2001 г., с.346.

⁸⁵¹ Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота. Ленинград. 1927 г. (http://www.navy.su/navybook/petrov_ma/2_1.htm).

⁸⁵² Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №7, СПб., 1898 г., с.39.

В популярной исторической литературе о союзной эскадре, подходившей к берегам Крыма, дается представление как об огромном скоплении кораблей. Часто упоминаются выражения типа «лес мачт», «плавающий город» и т. д. Английские исследователи приводят воспоминания участников экспедиции, которые видели в красоте невиданной ранее военно-морской армады, великолепие эскадры галеонов адмирала⁸⁵³ Дрейка.⁸⁵⁴ Французы сравнивали картину своего вторжения в Крым с высадкой Кортеса⁸⁵⁵ в Америке.⁸⁵⁶ Не будем спорить насчет красоты, но вот что-то пиратское в этом предприятии было несомненно. Хотя некоторые романтично настроенные участники, не будучи столь кровожадными, приравнивали себя то к аргонавтам, отправившимися в поход за Золотым руном, то к наследникам славы Дон-Кихота.⁸⁵⁷

Но это лирика, эмоции. Общее число судов и боевых кораблей, обычно определяемых военными историками в 354 единицы, не претендует на сверхточность. До конца неясно, было оно большим или меньшим. Расхождения незначительны, но имеют место. По данным Тони Маргрэйва, некоторые из судов хотя и называются в составе конвоя, по документам в это время находились совсем не в Черном море.⁸⁵⁸

В сентябре 1854 г. к берегам Крыма подходило не просто скопление кораблей и транспортных судов, гонимых ветром или толкаемых силой пара. При всех проблемах планирования, большой доли авантюризма это была разбитая на организованные ордеры эскадра с тщательно продуманным управлением. Четкость действий морских экипажей заслуживает уважения и сегодня. Недаром ни одна десантная операция в мире начиная с 1854 г. не организовывалась без учета опыта высадки в Крыму, открывшей сухопутную часть Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.).

⁸⁵³ Френсис Дрейк (1540–1596 гг.) — английский мореплаватель, вице-адмирал (1588 г.), руководитель пиратской экспедиции в Вест-Индию. В 1565 г. перевозил рабов из Гвинеи в Южную Америку. Организатор и участник ряда успешных морских походов в Вест-Индию с целью захвата судов испанских работников и грабежа испанских владений. Совершил второе (после Магеллана) кругосветное плавание (1577–1580 гг.). В 1588 г. фактически командовал английским флотом при разгроме испанской Непобедимой Армады.

⁸⁵⁴ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 105.

⁸⁵⁵ Фернандо Кортес (Fernando Cortés Monroy Pizarro Altamirano, 1845–1547 гг.) — испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

⁸⁵⁶ Von Tavernier, De la conduite de la guerre d'Orient, expédition de Crimée: memoire adressé au gouvernement de S. M. l'empereur Napoléon III, Un officier general, Veröfentlicht von A. Bluff, Bruxelles, 1855, p. 44.

⁸⁵⁷ General sir Edward Hamley K.C., The War in The Crimea London, 1891, p. 25, 36–37.

⁸⁵⁸ Margrave, Tony The transfer of the army to Kalamita Bay, September 1854 // The War Correspondent, Vol.22, N4, January 2005, p. 31–37.

АЛЬМИНСКАЯ ПОЗИЦИЯ

«Прошедшая война, напротив, перенеслась в Крым совершенно неожиданно, в самое неблагоприятное время года...».

Генерал Ф.К. Затлер

Настало время перенестись на противоположный берег Черного моря. Сейчас мы попытаемся выяснить, что делали русские войска, что планировали русские командиры. Безропотно ждали своей неминуемой, казалось, участи или готовились встретить незваных гостей лавиной смертоносного металла?

Многие современники, участники событий, откровенно считали, что высадка союзников в Крыму была упущена руководством России: «...деятели наши, озабоченные каждый опасностью предстоящей вверенной ему части, хлопотали об обеспечении себя, мало помышляя об общей безопасности и спасении общего дела».⁸⁵⁹

Но немало и тех, кто утверждает, что высадка союзников в Крыму — едва ли не важнейший элемент многоходовой стратегической операции князя Меншикова, которая, несомненно, должна была завершиться полным разгромом неприятеля, пошедшего посягнуть на неприступную землю Российской империи.

Ну что ж, тогда прошу — информация к размышлению...

Если военно-политическую преамбулу мы более-менее подробно рассмотрели в одной из предыдущих глав книги, то сейчас постараемся разобраться, какими силами располагали русские войска в Крыму к моменту появления у его берегов союзной эскадры? Для этого еще раз вернемся на несколько месяцев назад.

До войны на полуострове размещался внушительный по меркам мирного времени гарнизон. Кроме местных и иррегулярных войск, частей Черноморского флота здесь постоянно дислоцировалась 13-я пехотная дивизия.⁸⁶⁰ Но это было до открытия военных действий. После их начала с потребностями в войсках нужно было опеределяться заново.

⁸⁵⁹ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова// Русский Архив. Том 6, М., 1891 г., с. 175.

⁸⁶⁰ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.99–100.

С какой цифры начинался расчет необходимой потребности войск в Крыму? Впервые это число было официально озвучено за год до Альминского сражения. Военное руководство Российской империи не предполагало возможности переноса театра военных действий в Крым. Рассчитывая на победоносную наступательную операцию на Дунае, князь Горчаков составил 20 сентября 1853 г. докладную записку Николаю I. По его оценкам, в кампании 1854 г. предполагалось достаточным для защиты Крыма и Одессы иметь там одну пехотную дивизию с артиллерией и один казачий полк. Точное число войск, необходимых для предполагаемого усиления группировки в случае объявления войны союзными с Турцией державами, не уточнялось. Считалось, что в этом нет никакой необходимости, так как регион обречен оставаться глубоким тылом. Опасность виделась лишь в набегах на морские укрепленные пункты по типу атак Кавказского побережья с целью поддержки мятежных горских племен.

«Нападения на наши границы с сухого пути государь не ожидал, а опасался лишь морских предприятий и высадок».⁸⁶¹

Когда после провала переговоров в Константинополе возникла потребность усиления кавказской границы, туда решили отправить из Крыма 13-ю пехотную дивизию. Ее сменила переброшенная из района Одессы 1-я бригада 14-й пехотной дивизии. Одновременно началось формирование из бессрочно-отпускных резервных батальонов 13-й дивизии.⁸⁶²

Все изменилось после того, как Синоп сделал угрозу войны России с коалицией европейских держав реальной. Отныне оставаться слепым и делать вид, что угроза по-прежнему эфемерна, было трудно. Весной–летом 1854 г. перенос театра военных действий на территорию России стал ожидаемым.

Естественно, что должна быть усилена военная группировка в Крыму и на юге России. Но и сейчас, перед лицом явной угрозы, все шло с трудом.

«...В Петербурге прорабатывали различные варианты действий. Больше всего императора беспокоила возможность развертывания боевых действий на Балтийском побережье и в Польше, затем высадка союзных десантов в Одессе и на Кавказе. Десант в Крым считался менее всего вероятным и не слишком опасным. Уже в декабре 1853 года для усиления русских войск было решено ввести в действие 6-й корпус: 18-ю дивизию отправить на Кавказ, 16-ю и 17-ю – в Крым. Направление войск на полуостров было вызвано как просьбами князя Меншикова, так и отсутствием здесь достаточного количества войск. 6-й корпус появился на Закавказье и в Крыму к апрелю 1854 года, когда война уже началась. Это событие завершило развертывание российской армии на основных направлениях. Оформились четыре стратегические группировки: 1) войска в Финляндии и Петербургском регионе вместе с Балтийским корпусом; 2) на западном направлении – действующая армия, разделенная на Западную и Среднюю; 3) на юго-западном направлении – Южная армия и войска, размещенные в Крыму; 4) Отдельный Кавказский корпус, который наряду с войсками, действующими против Шамиля и охраняющими Черноморское и Азовское побережья, включал в себя и действующий корпус на турецкой границе. Вне сферы боевых действий остались лишь Оренбургский и Сибирский корпуса. Численность войск каждой из четырех группировок к 1855 году составляла от 200 до 300 тысяч человек».⁸⁶³

⁸⁶¹ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1865. Том II, Ч.1, СПб., 2002 г., с.521–522.

⁸⁶² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с.100.

⁸⁶³ Кухарук А. Мнимый большой. Русская армия в Крымскую войну//Родина, №3–4. М., 1995 г., с.22–26.

Итак, 6-й пехотный корпус. Действительно, Кухарук прав, это формирование предназначалось не только для защиты Крыма, но и для поддержки русских войск на Кавказе. Кстати, не самое плохое решение. Это позволяло эффективно использовать выгоды географического положения полуострова.

Но сосредоточение еще не означает готовность. Войск можно согнать сколько угодно и куда угодно. История знает массу примеров, когда, в конце концов, они из армии превращались в лагерный контингент военнопленных. Это одна крайность. Другая — когда многочисленная армия, оказавшись на театре войны раньше времени, просто съедала все запасы и к началу активных боевых действий в значительной мере теряла боеспособность. Пример тому — события в 1808–1809 гг. на Пиренейском полуострове. Испания была вынуждена отмотилизовать большие военные силы для войны с вторгшимися войсками Наполеона, но время и снабжение сказали свое слово. Не имея соответствующего транспорта и снаряжения, испытывая недостаток выучки и кавалерийских лошадей, представляя по сути толпу оборванцев под предводительством дураков (фраза из книги Грегори Фримонт-Барнса «Война на Пиренейском полуострове 1807–1814 гг.»), если не сказать хуже — стоит ли удивляться, что испанская армия постоянно терпела поражения в боях?

Едва в переписке с самодержцем позвучало наименование географического пункта Евпатория, А.С. Меншиков даже беглым взглядом на карте мог определить наиболее выгодные рубежи отражения десанта. Их всего два и оба проходят по рубежам рек Альмы и Качи. А с момента, когда первые французские, английские и турецкие солдаты начали грабить Евпаторию, стало очевидно, что десант будет высажен именно там, где его ждали. Только тогда русские войска начали занимать позиции вдоль Альмы. С этого времени главнокомандующему князю А.С. Меншикову стало окончательно ясно, где произойдет сражение.

В середине лета информация о готовящейся высадке стала поступать с пугающей регулярностью. А то, что Крым придется оборонять от десанта союзных войск, предполагали до того, когда первый солдат неприятеля ступил на землю полуострова. Но если предполагали, то что сделали для недопущения? А если делали, то почему допустили?

Князь Горчаков предупреждал Меншикова о возможных последствиях, которые наступят, если не удастся сдержать союзный десант.

«Я смотрю на Ваше положение как на затруднительное в высшей степени. Весьма вероятно, что англо-французы высадят около 50 000 человек и с подобными силами весьма возможно, отбросив нас к Севастополю, начнут осаду города с сухопутной стороны. Вы можете быть поставлены тогда в необходимость защищать место, по меньшей мере, открытое».⁸⁶⁴

Естественно, что без значительного усиления численности войск говорить о каком-либо противодействии неприятелю не имело смысла. Время шло, эскалация военных действий на юге продолжалась, но до весны никто из военного руководства не мог толком понять, что готовят союзники и нужно ли вообще держать в Крыму войска. А если и нужно, то сколько и где. Все понимали, что имевшихся в распоряжении Меншикова до конца весны — начала лета 1854 г. сил было недостаточно. Правда, князь «...далеко не оставался бездеятельным в Севастополе и сделал все, что было в его силах».⁸⁶⁵ Прежде всего в части усиления военной группировки. Первое, что

⁸⁶⁴ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том. 1, СПб., 1871 г., с. 162–163.

⁸⁶⁵ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И. Богдановича. Библиография // Военный Сборник, №2, СПб., 1877 г., с. 124.

предпринял главнокомандующий, предчувствуя судьбу Крыма и Севастополя – стал звать о присылке подкреплений.⁸⁶⁶

ГРУППИРОВКА РУССКИХ ВОЙСК В КРЫМУ ДО ПЕРЕНОСА ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПОЛУОСТРОВ

К началу активных военных действий сухопутные силы в Крыму состояли из местных⁸⁶⁷ и действующих войск. К местным войскам относились Балаклавский греческий батальон, Таврический полубатальон внутренней стражи, Кинбурнский и Севастопольский артиллерийские гарнизоны, военно-рабочие роты №№ 14 и 15 и др. Осенью 1853 г. из числа действующих войск убыла на Кавказ бригада 13-й пехотной дивизии. Ее место заняла резервная бригада 13-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Аслановича (7 000 чел.).⁸⁶⁸

Этих откровенно второсортных воинских подразделений, сформированных из бессрочно-отпускных солдат⁸⁶⁹, было совершенно недостаточно. Для усиления действующих войск в Крым вошла 1-я бригада 14-й пехотной дивизии (Волинский и Минский пехотные полки).⁸⁷⁰ Это соединение не планировалось как постоянный гарнизон Крыма. Дело в том, что полки 13-й пехотной дивизии несли на себе всю гарнизонную службу и все надеялись, что их экспедиция в Закавказье не продлится более 4-х месяцев. 14-я дивизия должна была приступить к тем обязанностям, которые до того выполняли солдаты и офицеры 13-й дивизии.⁸⁷¹

Волинский пехотный полк бригады в октябре 1853 г. был перевезен кораблями Черноморского флота в Севастополь. С апреля по сентябрь волинцы с двумя артиллерийскими батареями занимали бухты Южной стороны (Камышовую, Стрелецкую и Казачью) с целью обороны побережья от возможной высадки неприятельского десанта. Там они находились до 3 сентября 1854 г., когда присоединились к войскам на Альминской позиции.⁸⁷²

Понимая, что оказался в той местности, где в ближайшем будущем придется вести боевые действия, командир полка полковник Хрущёв, по мнению главнокомандующего «лучший генерал из тех, каких я только знал при обороне Севастополя», принялся за изучение окрестностей. «На днях я сделал довольно большую прогулку

⁸⁶⁶ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова. Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с. 176.

⁸⁶⁷ Местные войска — 1) Конвойные команды. 2) Местные команды для несения внутренней караульной службы в тех городах и местностях, где нет ни полевых, ни резервных войск.

⁸⁶⁸ R. A. Hodasevich, *A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege*, Oxford University, 1856, p. 6–7.

⁸⁶⁹ Бессрочный отпуск — одна из наиболее эффективных военных реформ в XIX в. Ее суть в установлении права солдат на бессрочный отпуск после выслуги определенного стажа действительной службы. Это позволило не только приступить к формированию запаса армии, но и способствовало снижению срока службы в войсках, предоставляло солдатам больше возможностей для адаптации в гражданском сообществе. Бессрочно-отпускные солдаты с 1834 г. самостоятельно выбирали место жительства, могли заниматься хлебопашеством, скотоводством, ремеслами, определяться на государственные или частные должности, в полицию и присутственные места.

⁸⁷⁰ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Том 2, СПб., 1876 г., с. 261.

⁸⁷¹ История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. 1809–1909 гг. Составит. — Генерального штаба полковник Павлюк К. К., Том 2. Одесса, 1909 г., с. 17.

⁸⁷² Служебная деятельность Александра Петровича Хрущёва (ныне генерала от инфантерии, генерал-адъютанта) во время Севастопольской обороны // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том 1. СПб., 1873 г., с. 1–2.

верхом по всем окрестностям Севастополя, чтобы знать местность для движения с войском, и мне пришлось ездить по чрезвычайно крутым горам».⁸⁷³

Минский полк один батальон (4-й) выделил для прикрытия Феодосии, три других батальона были задействованы в охране побережья.

НАЧАЛО УСИЛЕНИЯ ВОЙСК ВЕСНОЙ 1854 г.

Весной 1854 г. Николай I потребовал произвести усиление обороны восточного Крыма. К этому подталкивала возросшая активность союзников в прибрежных районах Кавказа, в том числе атаки на прибрежные пункты. Во исполнение приказа самодержца с наступлением весны 1854 г. группировка русских войск в Крыму усилиями князя Меншикова начала последовательно увеличиваться.

Уже в марте 1854 г. командир Волынского пехотного полка Александр Петрович Хрущёв упоминает о прибытии в Крым новых воинских частей. 30 марта он пишет родным: «Войска, предназначенные для обороны Крыма, начинают приходить; вчера явились в Севастополь гусары — и весь город выбежал смотреть на них, потому что здесь кавалерии никогда не было. Около половины апреля ожидают пехотную бригаду и тогда, вероятно, мы станем лагерем».⁸⁷⁴

Но эта значительная сила не находилась в одном месте, а распределялась между тремя, предполагаемо наиболее уязвимыми пунктами Крымского полуострова: Севастополем, Феодосией и Керчью.

Постепенно прибыли значительные силы кавалерии, находившиеся до того в восточной и центральной частях полуострова.

«С весною усилилось прибытие войск в Севастополь. Когда гусарский полк герцога Лейхтенбергского вступал в город, светлейший выехал к нему навстречу. Командир полка Халецкий, увидев князя издали, молодецки подобрав лошадь, лихо подскочил к князю. Он произвел на светлейшего приятное впечатление, и князь громко поздоровался с полком. Гусары грянули дружно, и с того времени он полюбил этот полк, хотя и неопытный, еще незакаленный, но хороший, полный рвения и готовности. В день встречи лейхтенбергцев князь ехал рядом с полком; Халецкий, рисуясь на борзом коне, представлял его светлости эскадронных командиров по одиночке. Светлейший был, видимо, доволен. После холодности моряков ему особенно отрадно было видеть сочувствие к себе этих войск».⁸⁷⁵

Меншиков и Панаев не понимали, что за холодностью моряков скрывалась их решительность и повседневная готовность к смерти, лучшим способом доказанная через месяцы в Севастополе. Кавалерия во время всей кампании как минимум не покрыла себя и свои штандарты славой. Сам Иван Альбертович Халецкий, «...магометанин из польских татар, лихой эскадронный командир, впоследствии командир Киевского гусарского полка, раненный в Крымскую кампанию под Инкерманом при отражении знаменитой атаки Кардигана после восстания Польши в 1863 году, будучи

⁸⁷³ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.431.

⁸⁷⁴ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.431.

⁸⁷⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 114.

генерал-майором в отставке, бежал за границу и поступил на иждивение⁸⁷⁶ жонда». Это есть, по сути, если называть вещи своими именами, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1849 г.) стал изменником.⁸⁷⁸

В апреле к полуострову подтянулись тарутинские и бородинские егеря:

«В воскресенье пришел первый эшелон егерской бригады 17-й дивизии и на днях придет вся бригада. После стоянки в Москве и русских губерниях им не нравится жизнь в Севастополе, где надобно платить 1½ руб. сер. за пуд сена».⁸⁷⁹ Кстати, что касается экономики, то присутствие невиданного ранее и постоянно увеличивающегося числа войск привело к резкому росту цен.

«Здесь и прежде все было дорого, а теперь цена еще более повысилась, особенно на фураж и говядину. Вчера гусары покупали сено по рублю серебром за пуд; овес продают дороже пяти рублей четверть. Я посылаю за сеном за 50 верст; скоро нигде не будет сена. В прежние годы здесь в половине апреля косили траву, теперь же и признаков нет».⁸⁸⁰

22 апреля 1854 г. в Симферополь вошли 1-й и 2-й батальоны Тарутинского егерского полка, с воодушевлением встреченные горожанами. На пасху прошел полковой молебен у памятника Долгорукову-Крымскому перед собором. Все солдаты получили от городских властей и обывателей дополнительный хлеб, порцию говядины и вино, чему были несказанно рады.⁸⁸¹ 25 числа роты тарутинцев вошли в Бахчисарай, а на следующий день егерская бригада 17-й пехотной дивизии (Тарутинский и Бородинский егерские полки) вошли в Севастополь. Капитан Р.Ходасевич называет цифру чинов бригады, находившихся в строю в этот день, 5 500 чел.⁸⁸²

Бригаду встречала толпа обывателей. Восхищаться было кем — внешне егеря были лучшими в русской армии, собравшейся в Крыму.

«Действительно, в строю было чем полюбоваться: егеря, подобранные «на чистоту», могли быть украшением гвардейских полков».⁸⁸³

Прибывшие войска постепенно включались в работу. Минский пехотный полк продолжал обеспечение охраны побережья. Кроме этого, минчанам пришлось выполнять совсем неожиданную задачу. Его задействовали в мероприятиях по дезинформированию неприятельских шпионов: «Для наблюдения за татарским населением и для убеждения его в многочисленности войск были составлены две подвижные колонны, каждая из двух рот Минского пехотного полка, которые и посылались из Севастополя на военную прогулку. Одна колонна шла по южному берегу и обратно через горную часть Крыма, а другая навстречу первой, через горную часть и обратно южным берегом».⁸⁸⁴

⁸⁷⁶ Жонд (польское *Rząd narodowy* — национальное правительство) — центральный коллегиальный орган повстанческой власти во время польских национально-освободительных восстаний 1830–1831 гг., 1846 г. и 1863–1864 гг.

⁸⁷⁷ Арнольди А.И. Из записок // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников, М., 1989 г., с. 264.

⁸⁷⁸ Умер в эмиграции во Франции в 1883 г.

⁸⁷⁹ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.432.

⁸⁸⁰ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.431.

⁸⁸¹ R.A. Hodasevich, *A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege*, Oxford University, 1856, p.6.

⁸⁸² R.A. Hodasevich, *A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege*, Oxford University, 1856, p. 6–7.

⁸⁸³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 129.

⁸⁸⁴ Дубровин Н. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М.И.Богдановича. Библиография //Военный Сборник, №2, СПб., 1877 г., с.122.

57-й Донской казачий полк пришел под Евпаторию к 1 июня 1854 г. Князь Меншиков расположил его двумя линиями кордонов: на север до Перекопа и на юг до Севастополя для наблюдения за береговой линией.

В июне–июле Меншиков начинает торопить Петербург, прося ускорить переброску войск в Крым. 16-ю дивизию Меншиков получил после того, как отправил своего сына в главную квартиру Южной армии «для представления своей слабости» князю М.Д. Горчакову.⁸⁸⁵ Горчаков, в свою очередь, хлопотал об отправке в Крым дополнительных войск перед Николаем I. 1 (13) августа император самолично писал Меншикову:

«Вчера любезный Меншиков, прибывший курьер от князя Горчакова, между прочими донесениями, доставил известие, что около 30 000 англо-французов высажены у Кюстенджи, к которому от Варны сухим путем, береговой дорогой ожидалось еще другие французские войска. Из сего, кажется, заключить можно, что 16-я дивизия должна поспеть вовремя и до решительного десанта в Крым. С приходом сей дивизии, думаю, что не только Севастополь нужно обеспечен от всякой попытки овладеть им с моря и с сухого пути, но и что пора будет возвратить генерала Хомутова с войсками собственно Черномории принадлежащими, т.е. линейными черноморскими батальонами, черноморскими казачьими батареями и с конно-батарейной Донской батареей, оставя покуда на Керченском полуострове бригаду 17-й дивизии с ее артиллерией и казачьим полком. Это тем желательнее, что весьма может быть, что союзники, известясь, что мы приняли сильные меры к укреплению Крыма, обратятся теперь к покушению на Новороссийск и Анапу...».⁸⁸⁶

Николай I считал, что отправка частей генерала Хомутова на Тамань не сильно ослабит крымскую группировку, вполне достаточную для обороны полуострова.

«...останется у тебя в Крыму вся 16-я дивизия — шестнадцать батальонов, а потом и все 16 батальонов 17-й дивизии, с их артиллерией, бригада 14-й дивизии с ее двумя батареями, резервная бригада 13-й дивизии, два резервных черноморских батальона, саперный и стрелковый — всего 52 батальона, 80 пеших орудий, 16 конных орудий и два казачьих полка ...».⁸⁸⁷

Выполняя предписание императора, князь Горчаков, который «..сочувствовал трудному положению князя Меншикова», начал принимать меры по скорейшей переброске в Крым назначенных для его обороны войск.

«Он уже отделил к нему первую бригаду 14-й дивизии, отправил 16-ю дивизию в Крым и медлил с движением к северо-востоку, чувствуя, что таким образом войска неминуемо отдалятся от того места, где может угрожать нам опасность. Но авторитет Паскевича, уже негодовавшего на него за усиление Крымской армии, им исполненное, вопреки высшим распоряжениям не позволял ему высказываться решительно и попасть с войсками своими в более центральное положение, из которого было бы удобно двинуться с ними к тому пункту, где действительно оказалась бы в них надобность».⁸⁸⁸ На полуостров прибыла 1-я бригада 17-й пехотной дивизии (Московский и Бутырский пехотные полки). По согласованию с наказным атаманом войска Донского Хомутовым⁸⁸⁹ князь Меншиков расположил наличные войска следующим обра-

⁸⁸⁵ Попов М.М. (из бумаг) Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове//Русская Старина, Том 79, СПб., 1893 г., с.518.

⁸⁸⁶ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том. 1, СПб., 1871 г., с. 157.

⁸⁸⁷ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том. 1, СПб., 1871 г., с. 157.

⁸⁸⁸ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с.176.

⁸⁸⁹ Хомутов Михаил Григорьевич (1795–1864 гг.) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. По окончании курса в Пажеском корпусе участвовал во всех главнейших сражениях 1812–1813 гг. и в турецкой кампа-

зом: в Керчи 3 батальона, казачий полк, батарея. В Феодосии — 3 ½ батальона, казачий полк, батарея. В Арчине (в резерве) — 4 батальона (Московский пехотный полк), казачий полк, Донская батарея. Всего в районе Керчи было 10 ½ батальона пехоты, 3 казачьих полка, 3 артиллерийские батареи. Гусарский полк перемещался в Карасу-Базар. Общее командование в регионе переходило в руки атамана Хомутова.⁸⁹⁰

Параллельно Меншиков приступил к созданию отряда для противодействия неприятелю в случае высадки в западном Крыму. В его состав включалась 2-я бригада 17-й пехотной дивизии, ожидаемая со дня на день. Для производства инженерных работ к весне подходил к Крыму 6-й саперный батальон.⁸⁹¹

Место для расположения частей назначалось в районе Бельбека севернее Севастополя. Симферополь оставался связующей точкой. Все дороги в Крыму проходили через него, хотя качество многих оставляло желать лучшего. Пролегая в своем большинстве по глинистому грунту, они были хороши летом, в другое время года делаясь почти непроходимыми.⁸⁹² Удачно расположенный на пути, соединяющем все географические точки полуострова, город существенно облегчал при необходимости переброску войск. Чтобы войска могли в любое время последовательно перебрасываться или с запада на восток или с востока на запад, предполагалось для их переброски задействовать необходимое число подвод (для перевозки ранцев). 14 июля Меншиков просит об этом (для получения финансирования оплаты гужевого транспорта) Николая I и получает разрешение.

В июне русские расположились лагерем у Качи. Тарутинские и бородинские егеря стали первыми его постояльцами: «13 июня 1854 я выехал из города и расположился на северной стороне, где были 2-я бригада 17-й дивизии с 4-й и 5-й легкими батареями нашей артиллерийской бригады и батарея конной артиллерии 2-й бригады 6-й кавалерийской дивизии, которые стояли лагерем на реке Каче. Наш лагерь был приблизительно в двух верстах от деревни Учкуевки. Оттуда открывался вид на Черное море, и я имел удовольствие впервые принимать морские ванны. С высот выше деревни мы могли видеть неприятельские корабли, совершавшие разведку. Мы использовали время для того, чтобы обсудить достоинства, храбрость и бывшие деяния наших врагов».⁸⁹³

Вскоре к ним присоединились стрелки 6-го стрелкового батальона (командир батальона майор Аминов 2-й).

Командир Тарутинского егерского полка, генерал-майор Волков, как и его коллега командир волынцев, тоже не терял время даром. Но в отличие от полковника Хрущёва он не стал тратить его на изучение местности, а развернул активный бизнес на продовольствии, весьма преуспев в нем, приобретая за счет полковой казны продукты более дешевые, часто уже непригодные к пище. Солдаты терпели, но почти каждый день из-за плохого качества продуктов по несколько человек жаловались на боли в желудке.⁸⁹⁴

5 августа генерал-майор Александр Семенович Щелканов получает приказ срочно следовать со своей бригадой на Альму. 17 (29) августа бригада (Владимирский и

нии 1828–1829 гг. В 1839 г. назначен начальником штаба Войска Донского, а через 10 лет — наказным атаманом (первым из лиц не донского происхождения).

⁸⁹⁰ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. // История русской армии, М., 2004 г., с. 96–97.

⁸⁹¹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг., Том. 2, СПб., 1876 г., с. 261.

⁸⁹² Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг., Том. 2, СПб., 1876 г., с. 247.

⁸⁹³ R. A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p. 8.

⁸⁹⁴ R. A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p. 8.

Суздальский пехотные полки) присоединяется князем Меншиковым к 16-й пехотной дивизии.⁸⁹⁵ «...шестнадцатая дивизия вступила в Крым недели за две до высадки неприятеля...».⁸⁹⁶

Владимирский пехотный полк, прибыв после длительного форсированного марша из Молдавии в Крым, расположился у деревни Бурлюк, неподалеку от морского берега. Владимирцы и суздальцы совершили переход в хорошем темпе. Как писал со слов нижних чинов А.Ф. Погосский: «Шли мы почти без дневок. Переходы были для старого солдата впору, а молодежь истомлялась порядочно, пока втянулась да привыкла». Другой придет на ночлег и норовит поскорей сапоги долой да на бок — первое средство обезножить. Разумеется, за этим глядели строго, а все-таки многие перепортили себе ноги. Из старых же солдат у нас было немало таких ходочков, что могли ходить без меры и числа; капитан всегда отличал этих скороходов. Офицеры шли с нами пешие, никто не ехал».⁸⁹⁷

Марши действительно были делом трудным и изматывающим. Военный врач А. Спицын в своих воспоминаниях дает одно из лучших его описаний.

«...Я застал полк в походе на Крым. Военный поход того времени был чрезвычайно своеобразен. В одно время с нами шли из царства Польского две пехотные дивизии и 7-я кавалерийская. Шли поэшелонно, по 2 батальона в каждом. Обыкновенно выходили с ночлега часу в 6-м утра, делая переход от 25 до 30 верст. Где-нибудь в половине перехода делался привал, на котором офицеры большею частью завтракали, т.е. пили водку и ели остатки вчерашнего обеда, или насыщались какими-нибудь закусками: колбасой, ветчиной, вареными яйцами и пили чай. Солдатам же на привале ничего не давалось: они должны были довольствоваться куском хлеба или сухарями, размоченными в воде. Впрочем, иные запасались откуда-то водкой. Когда же появилась у нас в войсках холера, то было предписано отпускать на привале по небольшой порции водки на каждого солдата.

Отдохнув на привале от полутора до двух часов, мы шли дальше и приходили часам к 12-ти на следующий ночлег. Шли два дня подряд, а на третий была дневка. На ночлег сейчас же давался солдатам обед, который заготавливался посланными вперед кашеварами.

Обед состоял из щей или похлебки с крупами, полфунта мяса и небольшой порции водки. Обыкновенно за полком тянулся казенный обоз, но так как его было недостаточно для поднятия всех полковых тяжестей, то кроме того брались обывательские подводы, которых отпускалось на полк по 100 штук. Несчастные подводчики страшно бедствовали: во-первых, они отрывались от работы в самое нужное время, лошади были у них изнуренные. Так как войска по этой дороге шло довольно много, то подводы сгонялись полицией верст за 50 и более. Вместо денег подводчикам выдавались печатные квитанции стоимостью по 75 копеек каждая, но так как придорожные крестьяне за эти квитанции ничего не давали, то подводчики часто везли тяжести на некормленных лошадях и сами голодали. Больные везлись с полком в лазаретных фургонах. Трудно было выдумать что-нибудь неуклюжее и неудобнее этих фургонов для перевозки больных».⁸⁹⁸

⁸⁹⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 114.

⁸⁹⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина. Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 125.

⁸⁹⁷ Погосский А.Ф. Старики. Рассказ из Крымской войны. Альма. //Русская военная проза XIX века, Л., 1989 г., с.317.

⁸⁹⁸ Романов Н.Д. Из воспоминаний старого врача А.А. Спицына//Русская Старина, Том.154, СПб., 1913 г., с.188–189.

Когда началась высадка неприятеля, владимирцы располагались на южном берегу Альмы.⁸⁹⁹ Солдаты и офицеры были в ежедневной готовности к сражению. Биваковали без палаток, которые были погружены на фуры обоза, при полном снаряжении.⁹⁰⁰

К 6–7 (18–19) сентября прибыл первый эшелон Углицкого егерского полка во главе с его командиром полковником Поповым.

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В КРЫМУ К 1 СЕНТЯБРЯ 1854 г.⁹⁰¹

У князя А. С. Меншикова:

В верховьях бухт, прилегающих к Херсонесскому маяку, стоял Волынский пехотный полк с легкой №3 батареей 14-й артиллерийской бригады.

У вершины Южной бухты – Минский пехотный полк с дивизионом легкой №4 батареи 14-й артиллерийской бригады.

В Севастополе: 6-й саперный батальон, резервные батальоны Брестского (2), Белостокского (2), Виленского (1), Литовского (1) полков.

На Северном укреплении и в Константиновском форте (в казематах): резервные батальоны Виленского (1), Литовского (1) полков.

Между северным берегом Севастопольской бухты и р. Бельбек разбит лагерь 17-й пехотной дивизии (Бородинский и Тарутинский егерский полки), 6-го стрелкового батальона, легких №4 и №5 батарей 17-й артиллерийской бригады, Донской конно-легкой №4 батареи.

На р. Каче: Гусарский Его Императорского Высочества Николая Максимилиановича полк с конно-легкой №12 батареей.

На р. Альме у д. Бурлюк: лагерь 1-й бригады 16-й пехотной дивизии (Владимирский и Суздальский пехотные полки), батареейной №1 и легкой №1 батареей 16-й артиллерийской бригады.

У Симферополя на р. Салгир: Егерский Великого Князя Михаила Николаевича полк, гусарский Гросс-герцога Саксен-Веймарского полк, легкая №2 батарея 16-й артиллерийской бригады (6 орудий).

В Симферополе: рота Таврического гарнизонного полубатальона, 2-я рота Таврической полубригады пограничной стражи.

В Перекопе: Углицкий егерский полк, легкая №2 батарея 16-й артиллерийской бригады (6 орудий).

Три сотни Донского №39 казачьего полка служили для связи постами, пикетами и разъездами для связи в войсках, оставшимися на Креченском полуострове.

⁸⁹⁹ Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А. Розина // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том 2, СПб., 1873 г., с. 191.

⁹⁰⁰ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том 1, СПб., 1873 г., с. 55.

⁹⁰¹ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том 1, СПб., 1871 г., с. 159–160.

У наказного атамана М.Г. Хомутова:

В Феодосии (генерал Жабокрицкий)⁹⁰²: Черноморские казацьи пешие №2 и №8 батальоны, резервный Черноморский линейный батальон, Таврический гарнизонный полубатальон, Феодосийская инвалидная команда, Донской казачий №67 полк, Донская батарейная №3 батарея.

По берегу была расставлена постами для наблюдения за неприятелем рота Феодосийской пограничной стражи.

В Керчи: 3-й батальон Бутырского пехотного полка, рота Черноморского линейного №9 батальона, Керченский грнизонный полубатальон, полубатальон Азовского казачьего войска, батарейная №3 батарея 17-й артиллерийской бригады, 5 команд гребной флотилии азовских казаков.

На постах у Керчи стояли Донской казачий №53 полк и рота Керчь-Еникальскай пограничной стражи. В Еникале – Черноморский казачий пеший №4 батальон.

Близ Аргина стояли лагерем: три батальона Московского пехотного полка с Донскай легкой №2 батареей.

В Арабате (на работах): 4-й батальон Московского пехотного полка.

В Агиб-Эли: Донской казачий №60 полк.

В Кармыш-Келечи: эскадрон лейб-гвардии Черноморского казачьего войска.

Такое расположение войск сохранялось до высадки союзников в Крыму.⁹⁰³ 1 сентября 1854 г. пик численности русских войск к началу кампании: местных войск – 19 ½ батальона, армейской пехоты – 51 ½ батальона, 17 эскадронов, 27 сотен и 108 орудий. Всего 51 тыс. человек.⁹⁰⁴ Сила внушительная, но не сконцентрированная. Максимум, что князь Меншиков мог сосредоточить у Севастополя в случае высадки неприятеля – 30 000 человек.⁹⁰⁵

Кроме сухопутных войск, в рапоржении главнокомандующего имелся личный состав Черноморского флота из флотских, ластовых и рабочих экипажей, чинов морского, артиллерийского и инженерного ведомств, раличных команд и арестантов. Во флотских экипажах было 18 501 чел. (в том числе 416 офицеров, 357 музыкантов и 2729 вольных матросов).⁹⁰⁶

Поток войск и имущества в Крым нарастал. Скоро дороги в Таврии стали оживленными, а ближе к началу боевых действий – тесными. 21 июля князь отправляет начальнику 16-й дивизии генералу Квицинскому просьбу ускорить прибытие. 28 июля еще раз уведомляет императора о мерах по ускорению марша, которые считает нужным предпринять.

По расчету времени сами войска должны были пройти 200 верст за 5 дней в 5–6 переходов.⁹⁰⁷ Так как примерно столько же могла занять высадка, считалось, что где бы союзники ее ни начали, русские войска успевали сконцентрироваться. Конечно, в этом случае ни о какой заранее подготовленной позиции речи быть не могло.

Все чувствовали приближение войны. «А как стали подходить к Крыму – словно другим ветром пахнуло, каждый рекрут понял, что настало военное время. По харь-

⁹⁰² Жабокрицкий (Жабокрицкий) Иосиф (Осип) Петрович (1793–1866 гг.) — русский генерал, во время Крымской войны командовал 16-й пехотной дивизией.

⁹⁰³ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том. 1, СПб., 1871 г., с. 161.

⁹⁰⁴ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг.//История русской армии, М., 2004 г., с.97.

⁹⁰⁵ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 101.

⁹⁰⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 101.

⁹⁰⁷ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг.//История русской армии. М., 2004 г., с.96.

ковской дороге войска стягивались все к армии; обозы, парки артиллерийские, проходили иногда и ночью. Ночлежничали мы уже теснее прежнего».⁹⁰⁸

До этого времени богом забытые степи Крыма стали оживленным местом. Со всех концов империи в них потянулись обозные фуры. В лагерь приходили новые части. Начались первые конфликты с тыловыми службами, торопившимися нажиться на поставках войскам некачественных продуктов. Потребление их привело к заболеваниям, хотя число больных в сравнении с пораженными кишечными заболеваниями союзниками было незначительным.

Жизнь шла своим чередом. 26 августа А.С. Меншиков посетил Бородинский егерский полк, отмечавший свой полковой праздник — день сражения при Бородино. Поздравив его командира, полковника Евстафия Игнатьевича Веревкина-Шелюту⁹⁰⁹ и личный состав, главнокомандующий уехал, оставив собравшихся.

А так как никакая русская пьянка не может обойтись без конфуза, то он, естественно, состоялся. Послушаем адъютанта главнокомандующего:

«Председателем пира был Кирьяков; подле него сидел старый герой Бородина — отставной слепой генерал Бибииков, живший на Бельбеке в своем небольшом имени.⁹¹⁰ Начались заздравные тосты; провозглашал Кирьяков... Дошла очередь до гостя-ветерана: Кирьяков встал, значительно взглянул на соседа и протяжно, с расстановкой произнес: «Выпьем теперь, господа, за здоровье нашего почтеннейшего гостя... (Бибиикова подтолкнули, он встал)... настоящего Бородинца, — продолжал Кирьяков, — и старого... вете-ри-нара!».

Сконфуженный ветеран поспешил опуститься...».⁹¹¹

Сколько правды в словах Панаева и сколько наговора, судить сейчас трудно. Возможно, адъютант главнокомандующего лишь продолжает травлю Кирьякова, начатую после Крымской войны с целью обеления личностей истинных виновников военного поражения. Тем более что его патрон и инициировал унижение генерала Кирьякова, обвинив его во всех грехах — от пьянства до личной вины в поражении на Альме. Мы еще не раз коснемся личности Василия Яковлевича. На мой взгляд, не стоит столь легко принимать на веру такие унижительные характеристики генерала. Например, в российской военной истории его имя неоднократно ассоциируется со стремлением к выполнению воинского долга. Например, в записках Н.П. Синельникова описывается штурм Варшавы во время польского мятежа. И между прочим отмечается, что «...Стремление к исполнению долга между офицерами было так сильно, что солдаты удерживали их, вскакивали на бруствер прежде, чтобы защитить их собою. Так было с полковником Кирьяковым, получившим св. Георгия...».⁹¹²

Постепенно прибывает начальство. «В субботу, на страстной неделе, приехал сюда генерал от инфантерии князь Горчаков, бывший губернатор Западной Сибири и командир тамошнего корпуса. Он принят вновь на службу, и государь назначил его в

⁹⁰⁸ Погоцкий А.Ф. Старики. Рассказ из Крымской войны. Альма. //Русская военная проза XIX века, Л., 1989 г., с.317.

⁹⁰⁹ Командир Бородинского егерского полка полковник Евстафий Игнатьевич Веревкин-Шелюта умер от ран 16 ноября 1854 г.

⁹¹⁰ Хутор генерала Бибиикова находился на правом берегу реки Бельбек в районе современного села Любимовки. Имение было разграблено отступавшими от Альмы русскими солдатами спустя несколько дней после Альминского сражения.

⁹¹¹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина. Том XVIII, СПб., 1877 г., с. 124.

⁹¹² Записки сенатора Н.П.Синельникова//Исторический вестник, Том. LIX, СПб., 1895 г., с.54.

распоряжение князя Меншикова, а светлейший, кажется, посылает Горчакова в Феодосию».⁹¹³

Несмотря на внушительную численность, вся масса развернутых севернее Севастополя русских войск была слабо управляема, разноуровневые штабы представляли едва сколоченные организмы (вспомним отношение к ним А.С. Меншикова). Наконец, почти все войска оставались в открытом поле. Никаких укреплений местности, опорных пунктов и оборонительных рубежей не было, за исключением ранее воздвигнутых укреплений на Северной стороне, которые уже входили в крепостной комплекс. Не было также сделано ни одной серьезной попытки хотя бы имевшимися силами возвести полевые укрепления в дни, оставшиеся до открытия военных действий. Никто не думал, что спустя несколько недель вся армия будет отходить к Севастополю и Бахчисараю после неожиданного поражения.

Последние дни

К утру 2 сентября на Альме была собрана почти вся русская армия, которой предстояло участвовать в Альминском сражении, «...за исключением Московского пехотного полка, два батальона которого прибыли на позицию только за два часа до боя».⁹¹⁴ Пришли из Севастополя остатки полков 2-й бригады 17-й пехотной дивизии с №4 и №5 батареями 17-й артиллерийской бригады.

За ними на Альме появился Волынский пехотный полк с легкой №3 батареей (командир — капитан Броневский) 14-й артиллерийской бригады, резервные батальоны Белостокского и Брестского пехотных полков.

Из Симферополя пришел Полк Великого Князя Михаила Николаевича (Казанский егерский)⁹¹⁵ и №2 батарея 16-й артиллерийской бригады, Гусарский гросс-герцога Саксен-Веймарского полка. Казанцы, прежде чем попасть в Крым, обошли едва ли не половину Европы. 11 января 1854 г. полк вышел в поход на Крым, затем отправился к границам с Трансильванией, а 13 июня вновь повернул на Крым.⁹¹⁶

3 сентября от Качи подошел Гусарский князя Николая Максимилиановича полк с конно-легкой №12 батареей.

6 сентября из Севастополя пришел морской батальон. В этот же день появился Углицкий егерский. Его передислокация наглядно демонстрирует неповоротливость николаевской военной машины. 23 ноября 1853 г. вышел Указ императора о переводе полков 16-й пехотной дивизии на военное положение, и в декабре кадры 3-го и 6-го батальонов полка были укомплектованы бессрочными отпускными. В январе 1854 г. 1-й и 2-й батальоны уже стояли в Москве, 3-й и 4-й батальоны — в г. Богородицке. 20 и 21 января двумя эшелонами полк выступил в Севастополь, пройдя путь через города Тулу, Орёл, Курск, Харьков, Николаев, Жеребков (Херсонской губ.) и на г.Фокшаны. 15 июня полк шёл к Перекопу, а (18) 30 августа выступил на Симферополь, но по пути получил приказ князя Горчакова следовать к реке Альме.

«15 июня по повелению главнокомандующего полк, имея во главе командира полковника Попова, двинулся в Перекоп, шел форсированным маршем без дневок и 17 августа вступил в г. Перекоп. 30 августа выступил в Симферополь, но по пути получил

⁹¹³ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.432.

⁹¹⁴ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны.Том. 2, СПб., 1871 г., с. 432–439.

⁹¹⁵ В дальнейшем мы для упрощения рассказа будем называть этот полк Казанским егерским, хотя в 1854 году его точное название было Егерский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полк.

⁹¹⁶ Сыщанко А.И. К 200-летию юбилею 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка, СПб., 1900 г., с.29.

приказание князя Горчакова следовать прямо на позицию при р. Альме, куда и прибыл 7 сентября и стал биваком при д. Бурлюк. 8 сентября полк передвинулся с утра от деревни Бурлюк к д. Анхалар...».⁹¹⁷

Вместе с улличанами пришли легкая №2 батарея 16-й артиллерийской бригады и 60-й казачий полк полковника Попова.

7 сентября от Хомутова прибыли 60-й Донской казачий полк и Донская батарейная №3 конная батарея. 8 (20) сентября ожидается Московский пехотный полк. Незадолго до этого прибыл из Севастополя морской батальон.⁹¹⁸

Последними на позицию прибыли усталые батальоны Московского пехотного полка. Первым днем 7 (19) сентября 1854 г. прибыл 4-й батальон майора Гусева. Вечером того же дня пришел 3-й батальон. 1-й и 2-й батальоны, прибежавшие из-под Керчи под командой генерала Куртыянова и Грибе, после ночного марша прибыли только ранним утром 8 (20) сентября.⁹¹⁹ Приказ об их отправке к Севастополю Меншиков отправил уже будучи извещенным о прибытии к Крыму союзного флота. Наступил момент принятия решения, и оно было принято. Среди командиров полков преобладающими стали решительность и готовность к сражению. Командир Волынского пехотного полка писал:

«Наконец, друзья мои, давно ожидаемые гости прибыли к нам. Первое известие о появлении флота получено 1-го числа утром, а вечером определилось, что флот в огромном числе судов стал верстах в 20-ти от Евпатории, против селения Саки и Кокмюгом. Там наших войск не было, потому 2 и 3 чисел высажены неприятельские войска беспрепятственно, в числе около 50 тыс. Так, по крайней мере, показывают 11 французов, захваченных казаками на фуражировке. Есть и кавалерия — до 3 тыс.

Князь немедленно распорядился сосредоточением войск наших у Бурлюка на отличной позиции. Мой полк получил приказание выступить 2-го числа после обеда, а на другой день к полудню я был уже на месте, сделав более 40 верст; большую часть ночи шел сильный дождь. Теперь здесь находится 39 батальонов пехоты, 16 эскадронов кавалерии и 10 батарей. Всего приблизительно под оружием до 30 тыс. пехоты, 2 тыс. кавалерии и 80 орудий. Завтра ожидаем еще из Феодосии 2 батальона, полк казаков и батарею артиллерии. Неприятельский лагерь от нас в 20-ти или 22-х верстах: флот виден как на ладони — лес мачт.

До сих пор неприятели ничего не предпринимали, мы так же, ибо занимаем отличную оборонительную позицию».⁹²⁰

Московский пехотный полк стал последней русской воинской частью, прибывшей на Альминскую позицию. С этим же известием был отправлен тот же фельдъегерь в Аргин, (в 45 верстах от Керчи), где находились 1-й и 2-й батальоны Московского пехотного полка, и прибыл туда уже 4 (16) сентября в восемь часов вечера. Командир полка, задержанный хозяйственными распоряжениями, выслал эти батальоны не прежде трех или четырех часов пополудни следующего дня, потому Московский полк, пройдя в шестьдесят пять часов более 150 верст, успел присоединиться к про-

⁹¹⁷ Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования 1708-1908 гг. Сост. — штабс-капитан М.Е. Еленев, Варшава, 1908 г., с. 108.

⁹¹⁸ 1854-й год//Русская старина, Том XXI, СПб., 1877 г., с.332–333.

⁹¹⁹ Бейтнер В.Ф. Действие в Альминском сражении Московского пехотного полка 8-го сентября 1854 года под непосредственным распоряжением князя Меншикова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том 3, СПб., 1873 г., с.297–298.

⁹²⁰ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб. 1892 г., с.436.

чим войскам князя Меншикова, стоявшим на Алме, 8 (20) числа лишь к восьми часам утра перед самым сражением.

Когда мы пытаемся представить облик русского пехотинца в сражении на Альме, то чаще всего представляем его в кожаной каске образца 1844 года или бескозырке. Но в этот день все с удивлением смотрели на москвцев, уж больно неожиданным и непривычным казался их облик. Только два полка в русской армии имели такие оригинальные головные уборы. Такой тип головного убора являлся особенностью Московского и Бутырского пехотных полков стоявших, на Кубани и Черноморском побережье в 1854 г. Он был разработан наказным атаманом Донского войска генерал-адъютантом М.Г. Хомутовым и командиром Бутырского пехотного полка полковником Д.П. Федоровым. По воспоминаниям современников, он представлял собой «что-то среднее между австрийским кепи и прежним кивером», высокую фуражку «гречневиком» (в красном или белом чехле), к которому вместо козырька пришили большую солдатскую подошву (коричневой кожи) с целью предохранять голову от солнечного удара при сильной жаре. Об этом головном уборе отзывались противоречиво. Одни называли ее нелепой и некрасивой, тяжелой, давящей на голову, другие считали, что шапки «придавали людям бодрый вид».⁹²¹

Сама бригада выглядела отлично от остальных пехотных бригад русской армии. Во всем чувствовалось влияние Черноморской линии и Кавказа.

«Бригада эта представляла новое зрелище глазам, привыкшим к нашему фронту, — люди были без касок, без ранцев и без портупей, ... через плечо перевязь с сумой, при ней манерка и сухарный мешок, плащовый ремень вместо пояса и под полами шинели еще мешок, а у иного два, с туалетными вещами, у иных притом где-нибудь на виду заткнута ложка. Если бы еще круглая подстриженная борода, всё обременительное солдату для красоты и в ущерб удобства исчезло бы. Любо было смотреть на этих развязных молодцов: человек только тогда может быть похож на бойца, когда он не похож на куклу.

Наш солдат снаряжен, разумеется, недурно и хорошо на походе, особенно в военное время, когда многое из его наряда просто теряется: крючки, пригонка амуниции, ламзан, а туалетные вещи без церемонии выкидываются как ни к чему — кроме инспекторского смотря — негодные. Но все-таки много еще обременительного без нужды остается на нем даже в разгар кампании, когда уже никому не придет охота наблюдать за треничками и ремешками. Деревянный воротник, целое партище пуговок, ничего не застегивающих, давящий и парящий голову убор — такие вещи, которые и кинуть нельзя, хоть бы и не грех. Да, наконец, и пресловутый кормилец, или дом солдатский — ранец, заклеенный всеклеящим учебно-карабинерным язычищем прозвищем «чертов хребтолом» и «чучело телячье», он едва ли составляет такую незаменимую принадлежность походного человека, какую считают его даже старые боевые служаки. А они считают его так же необходимым солдату, как горб дромадеру.

Однако не нужно быть ни медиком, ни механиком, чтобы понять, что сосредоточение тяжести нездорово человеку и вредно механизму его, если даже считать его машиной, и что размещение ее по частям в обоих смыслах очень удобно. Пример — дивизия Хомутова».⁹²²

⁹²¹ Погоский А.Ф., Из заметок проезжего. Воспоминания.//Крымский архив, № 9, 2003 г., Симферополь, с.29.

⁹²² Из записок проезжего. Воспоминания А.Ф.Погоского//Крымский архив, №9, Симферополь, 2003 г., с.29–30.

Если уж совсем быть справедливым, то дело не только в Хомутове. Кавказские войска и их начальники всегда отличались тягой к практичности в ущерб парадности. Еще до Крымской войны князь Воронцов заменял у солдат мундиры полукафтанами с поясами, киверы — меховыми шапками, ременные перевязи — легкими сумками, короткие полусапоги — длинными сапогами, вводил полушубки.⁹²³

Но было одно из военных формирований, прибывшее в Крым накануне Альминского сражения, о котором многие исследователи не говорят, хотя его появление стало одной из новых страниц в русской военной истории. Генерал-адъютант А.С. Меншиков стал инициатором использования ракетного оружия и по его просьбе в мае 1854 г. в Севастополь были отправлены 600 двухдюймовых ракет. С этой партией ракет в Севастополь поехали гвардейской конной артиллерии поручик Щербачёв, а также фейерверкер и четыре рядовых, ознакомленных с действием и употреблением нового оружия. Восемь ракетных станков с удлиненными (до 7 футов) пусковыми трубами для повышения точности полета снарядов были отправлены в Севастополь позднее.

Пока поручик Щербачёв, прибывший с партией ракет в Севастополь только 1 сентября, разыскивал Главную квартиру (штаб Южной армии), ракеты без приемки были сложены в городе в одном из сараев, принадлежавших севастопольскому артиллерийскому гарнизону. При одном из обстрелов Севастополя неприятелем поручик Щербачёв был контужен и отправлен в лазарет. Ракетная команда и ракеты оставались «беспризорными» до августа 1855 г.⁹²⁴

«...По сделании неприятелем десанта в Крым армия князя Меншикова в 8 часов утра 2 сентября была уже на Альме, за исключением Московского пехотного полка, два батальона которого прибыли на позицию только за два часа до боя».⁹²⁵

За сутки до сражения князь Меншиков посетил имение помещицы Анастасьевой в Бурлюке. Осмотрев аул, князь приказал готовить его к поджогу, а хозяйке рекомендовал покинуть свой дом.⁹²⁶

Продовольствие войск

Каким бы выносливым и неприхотливым ни был русский солдат, все эти качества ровным счетом ничего не значили без соответствующего материального и продовольственного снабжения. Как вспоминали современники николаевской эпохи: «...он выше всего ставил улучшение своего материального быта. Старый солдат хотя и распевал песни, которые ему сулили нереальные блага, как, например: «Богу храбрые угодны, — им награда в небесах», на самом же деле всегда предпочитал, чтобы ему не сулили журавля в небе, а дали бы синицу в руки».⁹²⁷

Это значило, что отныне многое зависело от расторопности тыловых служб. Положение со снабжением русской армии в Крыму стало заложником ситуации, сложившейся на юге России в 1853–1854 гг. Главная особенность кампании была в том, что со времен Петра I враг впервые ступил на землю России после 1812 г.

Много проблем получило командование после вывода войск из Придунайских княжеств, когда неожиданно «...театр войны перенесся вдруг за 1000 верст». В первый период организация тыла считалась удовлетворительной и «...во всех этих движе-

⁹²³ Мурзакевич Н. Великий князь Константин Николаевич // Русская Старина, Том. 56, СПб., 1887 г., с. 673.

⁹²⁴ Мазинг Г.Ю., Качур П.И. Константин Иванович Константинов: 1818–1871, М., 1995 г., с. 99–100.

⁹²⁵ Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том. 2, СПб., 1871 г., с. 432–439.

⁹²⁶ Олиферов А.Н., Тимченко З.В. Альма — река, вошедшая в мировую историю. Симферополь, 2008 г., с. 108.

⁹²⁷ За много лет. Воспоминания неизвестного (1844–1884 гг.) // Русская Старина, СПб., 1894 г., с. 119.

ях, назад и вперед, войска везде продовольствовались от интендантства, и ни одного раза не получали провианта от жителей, но всегда из магазинов». ⁹²⁸

Но когда к сентябрю 1854 г. в Крыму сосредоточились части 6-го пехотного корпуса и начали подходить части других корпусов, сложилась чрезвычайная ситуация.

«...во время сражения на Альме, т.е. 8 сентября, было 35 тысяч человек, войска эти продовольствовались провиантом, заготовленным по распоряжению военного министерства для малого числа войск, в сравнении с числом прежде там находившимся. Сухарей не было вовсе». ⁹²⁹

К беде русской армии, огромные накопленные имущественные и продовольственные запасы (одного хлеба более чем на 400 тыс. четвертей) ⁹³⁰ находились в разных местах на пространстве до 600 верст. После вывода армии из Княжеств их пришлось перебрасывать в Крым. Однако состояние дорог, транспорта и административное управление привели к тому, что даже к лету 1855 г. этот процесс в полном объеме не был завершён, хотя к этому времени большая часть продовольствия и имущества пришли в полную или частичную негодность.

Для обеспечения снабжения войск в Крым из Южной армии были выдвинуты три полубригады подвижного магазина: две воловьи и одна конная, нагруженные сухарями и крупой, из числа привезенных из Придунайских княжеств, сложенных в Водолай-Исакчи. Кроме того, было сделано распоряжение о сформировании для войск, действовавших в Крыму, двух новых полубригад, каждая из 1000 подвод от дворянства Херсонской и Екатеринославской губерний. Обе изъявили полную готовность пожертвовать в пользу войск требовавшиеся от них подводы со всеми принадлежностями и подводчиками. ⁹³¹ Для занятия в этих полубригадах должностей полубригадных ротных командиров были командированы в Бериславль и Александровск (где назначался сбор подвод) офицеры из Южной армии». ⁹³²

Подвижные магазины в течение всей весны и лета были заняты перевозкой припасов из Симферополя на Альминскую станцию, в Бахчисарай, Зеленкой и на Северную сторону Севастополя. Это была трудная работа: путь на Альму занимал двое суток, в Бахчисарай — четверо, на Северную сторону — восемь.

Но даже если бы и было достаточно продовольствия войск в Крыму, то его просто не было где хранить. Когда в 1854 г. войска двинулись к Севастополю, то оказалось, что на полуострове не из чего строить ни магазины, ни железную дорогу.

«...Во-первых, потому, что в Крыму наше положение не было прочно; во-вторых, по недостатку строительных материалов и, в-третьих, потому что если бы привозить материалы издали, то постройка магазинов обошлась бы в 6 раз дороже стоимости всех испортившихся припасов, да и недоставало бы подвод для своза материалов, нужных как для постройки магазинов, так и железной дороги...». ⁹³³

Таким образом, Крымский полуостров не был в состоянии прокормить своими силами группировку русских войск численностью более 15–20 тыс. человек. Массу проблем создавало размещение увеличивавшегося с каждым месяцем числа войск. Крайний недостаток жилого фонда совершенно не обеспечивал размещения крупных войсковых контингентов, тыловых органов и госпиталей. Мелкие населенные

⁹²⁸ Затлер Ф. О продовольствии войск в военное время. СПб., Ч.1, 1860 г., с.230.

⁹²⁹ Затлер Ф. О продовольствии войск в военное время. СПб., Ч.2, 1860 г., с.30.

⁹³⁰ Затлер Ф. О продовольствии войск в военное время. СПб., Ч.1, 1860 г., с.231.

⁹³¹ Эти две полубригады начали свою работу уже после Альминского сражения — в ноябре 1854 г.

⁹³² Затлер Ф. О продовольствии войск в военное время. СПб., Ч.2, 1860 г., с.31–32.

⁹³³ Затлер Ф. О продовольствии войск в военное время. СПб., Ч.2, 1860 г., с.294.

пункты состояли из группы мазанок и землянок, тесных, сырых и лишенных отопления; материалов для строительства жилищ не было.

Продовольственные запасы сосредоточивались в провиантских магазинах, распределенных по всей территории полуострова. Самый большой находился в Севастополе (28000 четвертей муки и 2800 четвертей круп). Кроме того, магазины располагались в Симферополе, Евпатории, Ялте, Карасубазаре, Керчи, Еникале и в Арабате. Отдельно был устроен Перекопский магазин для снабжения войск на севере полуострова.

В магазинах на 1 (13) сентября 1854 г. находилось следующее количество запасов продовольствия.

Муки — 58 791 четв.

Крупы — 6 244 четв.

Сухарей — 2 456 четв.

Овса — 16 000 четв.

Ячменя — 1 000 четв.

Это количество продовольствия могло кормить 51 000 человек гарнизона армии (без флота) в Крыму в течение 4½ месяца.⁹³⁴

Медицинская служба русской армии в Крыму к началу Крымской кампании

Не лучше обстояли дела и в медицинской службе. Русский военный врач профессор Гюббенет, говоря о состоянии медицинской службы русской армии перед вторжением неприятельской армии в Россию, оценивал ее как рассчитанную на мирное время и едва удовлетворявшую все нужды войск в военное время. В общей сложности было подготовлено не более 3 000 госпитальных мест, но еще до первого сражения в Крыму они почти полностью были заняты больными.⁹³⁵ Не будем забывать, что еще в 1853 г. туда были сданы больные полков 13-й пехотной дивизии, в частности Литовского егерского, отправленных кораблями Черноморского флота на Кавказ.⁹³⁶ Генерал Тотлебен приводит другие цифры, но они незначительно отличаются. Распределение количества мест в госпиталях было следующим:⁹³⁷

Постоянный госпиталь в Севастополе — 300

Временный в Симферополе — 300

Временный в Феодосии — 300

Временный в Керчи — 150

Временный в Перекопе — 75

Итого: 1125 мест для больных.

Кроме этого, могли быть открыты по необходимости военно-временные госпитали:

В Севастополе, 3-го класса, один — 600

В Севастополе, 2-го класса, два — 300

Херсонский №29-го — 300

⁹³⁴ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г., с. 106.

⁹³⁵ Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1853–1856 годах. Сост. Проф. Х. Гюббенет/Военный Сборник, №8, СПб., 1870 г., с. 104.

⁹³⁶ История 51-го пехотного Литовского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка. 1809–1909 гг. Составит. — Генерального штаба полковник Павлюк К.К., Одесса, 1909 г., с. 243.

⁹³⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I. СПб., 1871 г., с. 106–107.

Итого: 1200 мест для больных.

Кроме этого, в Севастополе был морской госпиталь на 1800 чел.

Качество лечения в госпиталях было, мягко говоря, низким. По донесению генерал-штаб-доктора Южной армии Чернобаева, смертность во временных госпиталях за 1853–1854 гг. составляла 1:18, в постоянных — 1:9,5.⁹³⁸

Медицинское снабжение войск в Крыму находилось в ведомстве Южной армии и осуществлялось по остаточному принципу. В результате перед Альминским сражением русская армия имела ничтожно мало медикаментов и перевязочных средств, да и то плохого качества. Госпитального имущества имелось всего на 1 500 человек, а перевязочных средств — на 6 000 раненых.⁹³⁹

Не хватало не только медикаментов и госпитальных мест, не хватало и достаточного числа квалифицированных врачей. В результате уже в ходе кампании пришлось делать ускоренные выпуски врачей из медицинской академии и университетов, что было не лучшим способом решения проблемы.⁹⁴⁰

⁹³⁸ Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1853–1856 годах. Сост. Проф. Х. Гюббенет//Военный Сборник, №8, СПб., 1870 г., с. 104.

⁹³⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 107.

⁹⁴⁰ За полстолетия 1841–1892. Воспоминания о пережитом доктора А.И. Ильинского//Русская старина. Том 81, СПб., 1894 г., с.25.

ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ

«...Это была крупнейшая из всех десантных операций истории, блестяще проведенная благодаря свойствам парового флота и почти полной неподготовленности русской стороны».

А.А. Керсновский, русский военный историк

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Государственное руководство Великобритании торопило военное командование, требуя не затягивать с началом боевых действий в Крыму. Военный секретарь герцог Ньюкасл от имени военного министра предупреждал лорда Раглана и штаб союзных войск о возможном возникновении трудностей в случае, если начало высадки будет и далее беспричинно откладываться. В то же время все понимали, что события требовали осторожности и взвешенных действий. Тем более что на первом этапе не лучшим образом складывались взаимоотношения между командованиями союзных контингентов. Неприязнь продолжала оставаться камнем преткновения. Для ее преодоления в отношении между союзниками иногда приходилось вмешиваться Наполеону III и королеве Виктории.

Это ставило предприятие под угрозу. В процессе совещательной работы проявились несоответствие дальнейшего плана действий британцев и французов, а также признаки противоречия, переходившие временами в открытую антипатию. Процесс планирования был неоправданно затянут и не в последнюю очередь по причине этих самых противоречий. Казалось, у него не будет конца. Даже когда транспорты шли к берегам Крыма, еще не было окончательно ясно, куда они вывалят из своих трюмов груз. Проблемы отсутствия единого командования преследовали союзников всю войну, но только в первые дни кампании они могли стать фатальными.

Никто не видел этому конца. Вот-вот должны были заговорить пушки, а отношения между союзниками ставили под угрозу всё. Конечно, до открытых оскорблений дело не доходило, но за спинами об этом говорили все. Командир британского 4-го легкого драгунского полка полковник лорд Пэджет после завтрака у лорда Раглана спустя несколько дней после Альминского сражения, услышав мнение главнокомандующего о роли союзников в бою и лично о маршале Сент-Арно, сделал свой вывод: «...они, кажется, ненавидят французов...».

Французы не оставались в долгу и щедро платили союзникам той же монетой. Когда майор Монтодон пришел на обед к капитану 1-го ранга Буа, то услышал от его старшего брата, начальника штаба французской эскадры адмирала Буа-Вильомеза, что все устали от «...нерешительности и уверток адмирала Дандаса, которые убежда-

Фрегат «Карадок» у Евпатории, будущем месте высадки союзных войск в Крыму. Сентябрь 1854 г.

ют нас, что он против крымской экспедиции, где предвидит большие трудности во время высадки».⁹⁴¹

Ситуация была анекдотичной и заставляет усомниться в выдающихся военных способностях союзного командования. Десант уже несколько дней нещадно поливал рвотной массой Черное море, а место высадки не было назначено.⁹⁴² Положение дел все больше и больше напоминало гигантскую международную авантюру. Казалось, вот-вот кто-то из союзных генералов или адмиралов произнесет роковую фразу — и вся операция будет отменена.

Неутомимый «Карадок» сутками метался вдоль побережья. Разногласия между союзниками возникли прежде всего из-за неожиданного возражения старших французских командиров против высадки войск на западном побережье Крыма. Более того, они предложили изменить главную цель операции — не штурмовать Севастополь, а ограничиться занятием Феодосии. Движение на Севастополь представлялось им крайне опасным. Это было неожиданно и неприятно для английского командования, особенно если принять во внимание предшествовавшие всему этому основательные дискуссии, тянувшиеся целыми месяцами. Терпение англичан достигло предела. Их раздражало, что флот с войсками продолжал находиться в море, без определенной цели перемещаясь в одном районе. Их взбесило, что в это же время французские газеты («*Moniteur*»)⁹⁴³ уже указали вероятный пункт вторжения — Феодосию и цель — Севастополь. Их пугал призрак русского флота. Не было гарантии, что по приказу Корнилова черноморские моряки поднимали в это время якоря и разводили пар в машинах.

В конце концов, для окончательного согласования места и времени высадки и составления плана ее порядка была создана специальная комиссия из офицеров военно-морских и армейских штабов союзников. Для обеспечения ее работы было выде-

⁹⁴¹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка, подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма, №9, Симферополь, 2005 г.

⁹⁴² John Adaye C.B. Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 27.

⁹⁴³ John Adaye C.B. Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 27.

лено четыре боевых корабля во главе, естественно, с «Карадоком», которые сопровождали комиссию на протяжении трех дней ее работы.

Рекогносцировка была произведена на борту «Карадока» после соединения союзного флота у о. Змеиный (близ устья Дуная). Как всегда, не обошлось без трений.

«8 сентября англичане догнали французов и турок у Змеиного острова. Здесь произошел инцидент, как нельзя лучше осветивший все недостатки совместных операций союзников, не имеющих общего начальника. Среди французских генералов вдруг возникли сомнения: они почему-то нашли более удобным высадиться не у Качи, а в другом месте, лучше всего у Феодосии, к западу от Керчи. Движение же на Севастополь они считали слишком опасным. Прямо во время перехода все генералы и адмиралы собрались на совет и пришли опять к согласию лишь благодаря дипломатическому искусству лорда Раглана. Решили произвести новую рекогносцировку западного берега Крыма, что и было сделано 10 числа целой комиссией. Флот в это время стоял на якоре в открытом море в 8-ми милях от русского берега.⁹⁴⁴ Образ действий совершенно непонятный, если принять во внимание предшествовавшие всему этому основательные дискуссии, тянувшиеся целыми месяцами.»⁹⁴⁵

На очередном военном совете было решено осмотреть еще раз побережье для окончательного выбора места высадки на всем протяжении от Евпатории до Херсонесского маяка и определить силу русских укреплений и количество войск. Главной задачей было окончательное назначение места высадки союзных войск в Крыму.⁹⁴⁶

28 августа небольшая эскадра в составе английского линейного корабля «Агамемнон» и паровых судов «Симпсон», «Примоге» и «Карадок» вышла в море. На борту этих кораблей находилась комиссия в лице лорда Раглана, генералов Канробера, Бизо, Мартенпре, Брауна, Бургойна, контр-адмиралов Лайонса и Буэ-Вильомеза, полковников Трошю и Лебефа. Эскадра направилась к Херсонесу и отсюда 29 августа прошла тихим ходом вдоль берега к Евпаторийскому заливу.

Осмотрев окрестности Севастополя, комиссия убедилась, что как вблизи города, так и вблизи устьев рек Качи и Альмы расположены русские войска. Затем, подойдя к Евпатории, был выслан вперед пароход «Карадок» с целью подробно изучить побережье. При этой рекогносцировке наиболее удобным местом для высадки был признан низменный берег, «...находящийся в 28-ми верстах к югу от Евпатории у развалин старого генуэзского укрепления».⁹⁴⁷

После этого «...11 сентября разведочная комиссия вернулась к эскадре, и старший адъютант маршала полковник Трошю сделал доклад по итогам ее работы и перспективам планирования завершающей фазы операции. Сент-Арно скупко прокомментировал это событие в своем дневнике, который изо дня в день вел в пути: «...Все, что она (комиссия) докладывает, очень успокоительно. Русские нас ждут у Качи и у Альмы, но они не сделали никаких больших оборонительных сооружений. У них есть лагерьные стоянки, есть войска на этих двух пунктах. Во всяком случае ничего особенно грозного». Докладывал на совещании полковник Трошю. После заседания комиссии командиры союзных полков получили окончательное решение, просигнализирован-

⁹⁴⁴ March, Catherinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p. 120.

⁹⁴⁵ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с. 486.

⁹⁴⁶ Louis-Edouard Bouët-Willaumez, Vice-admiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 207–208.

⁹⁴⁷ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции // Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 48–49.

Союзный флот в Каламитском заливе. Сентябрь 1854 г.

ное на все корабли: высадка будет произведена на западном побережье Крыма на 45-м градусе.⁹⁴⁸

Разведка вновь велась не только методом визуального наблюдения с кораблей, но и путем подхода к берегу, промера глубин, изучения рельефа прибрежной полосы, наличия подводных препятствий и даже в некоторых местах проводилась высадка на берег.

Союзники окончательно утвердились в своем мнении, что «...русские считают своими главными позициями берега рек Качи и Альмы и что там у них и лагеря и артиллерийские парки». Во время этого разведывательного рейда союзники смогли окончательно оценить численность русских войск между Альмой и Качей. Теперь они достаточно точно определили ее приблизительно в 30 тысяч человек.

Наиболее благоприятным для высадки был определен участок побережья между Саками и Евпаторией, примерно 12 миль южнее последней. Это место, названное ими «Старый форт», лежащее на 45° северной широты, и город Евпатория и должны были, по мнению комиссии, стать первыми опорными пунктами для десанта. Союзники знали, что в Евпатории есть крепкое здание госпиталя, которое может при случае быть полезным в военных целях. По этой и ряду других причин занятие Евпатории считалось обязательным. По плану Евпатория становилась первой базой снабжения союзных войск на Крымском полуострове, предназначенной для обеспечения их действий на дирекционной линии с севера на юг (на Севастополь).

Этому способствовало наличие в городе качественных причальных сооружений, складских строений. Город, кроме функции базы снабжения экспедиционных сил, давал возможность защиты тыла союзных сил и, возможно, противодействию общению русских с континентальной частью империи через Перекоп.⁹⁴⁹ Помимо береговой инфраструктуры, у Евпатории было еще одно важное свойство — в ее гавани могли укрыться корабли эскадры в случае шторма.⁹⁵⁰

⁹⁴⁸ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского языка, подготовка текста и вступительная статья Д.В. Орехова // Историческое наследие Крыма, № 9, Симферополь, 2005 г.

⁹⁴⁹ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p. 9.

⁹⁵⁰ César Lecat Bazancourt, The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 190–191.

Важной причиной явилось удобство подхода к берегу. Очевидно, что не зря столь тщательно исследовали прибрежную часть полуострова союзники. Промеры глубины дали свой результат. По ним удалось установить, что «...против озера Кичик-бель лежит южный конец подводно-каменной гряды, отделенной от предыдущей части проходом глубиною 10 саж. (21,3 м) и шириною около 1 ½ мили. Эта часть гряды лежит в 3 ½ мили от берега, направление ее SSO-NNW, ширина гряды преимущественно 35 саж. (74,7 м), местами доходит до 100 саж. (213,4 м) и более.

Банка представляет весьма неровное дно, где господствующие 35 и 36-футовые (10,7–11,0 м) глубины чередуются с 7-ми и 8-саженными (14,9–17,1 м). Наименьшая глубина 30 фут. (9,1 м) находится близ южной оконечности гряды, приблизительно в 8 милях на 205 ½ град. от церкви в селении Саки.

Приближаясь к этой части гряды по лоту с моря, с 16-саженной (31,1 м) глубины обнаруживается ил с песком и чистый ил; с 13-саженной (27,7 м) глубины грунт – камень, камень с ракушкой, и глубины резко меняются, уменьшаясь до 6–7 саж. (12,8–14,9 м). Идя далее по направлению к озеру Кичик-бель, сейчас же за банкой, глубины будут 9 и 10 саж. (19,2–21,3 м), причем по мере приближения к берегу они постепенно уменьшаются, при грунте песок и местами твердая красная глина».⁹⁵¹

Комиссия немедленно подготовила и представила 12 сентября (по британским источникам, 11 сентября) свой доклад и свои конечные выводы обоим главнокомандующим. За основу при планировании высадки, по мнению британских военных историков Джона и Бориса Молло, был взят опыт высадки британских войск в Абукирском заливе в 1801 г., ибо с того времени столь масштабные десантные операции вооруженные силы Англии не проводили.⁹⁵²

Основные тезисы доклада комиссии были следующими:

1. Высадка должна проходить на пологом морском берегу между Качей и Евпаторией, в этом случае русские не смогут встретить десант огнем. Десант у Качи невозможен ввиду большого числа русских войск, находившихся там.

2. Первой должна быть занята Евпатория. Для этого должен быть выделен десант из турецких войск, усиленный английской и французской пехотой (по одному батальону) и артиллерией. Поддержку осуществляют два турецких и один французский паровые фрегаты.⁹⁵³

3. Залив Кача – место, где часть союзной эскадры должна стать на якорь, имитируя ложную высадку.⁹⁵⁴

Все вроде бы было логично и обоснованно. Но по сложившейся традиции в последний момент возникли, казалось, уже прекратившиеся противоречия между маршалом Сент-Арно и лордом Рагланом. Первый упорно считал, что нужно высаживаться именно у Качи, в бою оттеснив русских, там находящихся. Этим союзники выигрывали несколько дней и могли идти прямо к Севастополю. Маршала явно раздражало, что предложенный им ранее план высадки у Феодосии был отвергнут. Англичане сумели убедить его, что этот пункт хоть и имеет идеальные условия для десантирования на побережье, слишком удален от Севастополя. Немногочисленные дороги к нему ведут через горную местность. Тогда Сент-Арно вновь стал настаивать

⁹⁵¹ Лочия Черного моря. Издание седьмое. 1931 г., Ленинград, с. 156–157.

⁹⁵² Mollo J., Mollo B., *Into The Valley of Deatch.*, 1991, London, p. 19.

⁹⁵³ Louis-Édouard Bouët-Willauvez, Vice-amiral, Cte, *Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 208.*

⁹⁵⁴ César Lecat Bazancourt, *The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace Tome I* Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 190.

на Каче как альтернативе Феодосии. И, явно назло Раглану, маршал своим главным аргументом считал именно близость ее к Севастополю.

Британский командующий категорически этому смелому (но явно не лучшему) плану воспротивился, единодушно поддержанный всеми английскими генералами.

От этой казавшейся бесконечной череды споров, дебатов, заседаний больше всех страдал французский главнокомандующий Сент-Арно, измотанный болезнью, лишившей его через несколько дней жизни. Сам устроив переполох, он уже не смог активно противостоять напору английских партнеров по коалиции. Его страдания от болей, вызванных болезнью, становились с каждым днем все сильнее.⁹⁵⁵ В конце концов французский главнокомандующий попытался было вяло утверждать, что высадка перед лицом противника, располагающего крупными силами кавалерии и на местности, где условия для ее применения идеальны, опасна.

Все аргументы лорда Раглана о том, что столь серьезное предприятие поручено правительствами, а потому никто не вправе отменять его или менять утвержденные планы, оказались более убедительными.⁹⁵⁶ Англичане умело использовали полную отрешенность Мартенпре, ни единым словом не поддержавшего своего маршала и, казалось, согласного с любым мнением, лишь бы не нести за это личную ответственность. Начальник штаба французских сил был верен своей позиции — никогда и ни за что не отвечать.⁹⁵⁷ Единственное, на что согласились британцы, это на необходимость провести дополнительную разведку, по результатам которой коллегиально принять окончательное решение.

«...Сент-Арно, который именно в этот день переживал острый кризис болезни, осложняемой изнурительной лихорадкой, и кризис к худшему, не в состоянии был настоять на своем, тем более что адмирал Гамелен, начальник французского флота, тоже стал на сторону Раглана. Сент-Арно в первый и в последний раз подчинился».⁹⁵⁸

Сам маршал 30 августа уже был спокоен и, в принципе, не возражал, если с Рагланом им удастся найти альтернативный вариант, устраивающий всех. Сам же он думал только об одном: «...мне нужен месяц отдыха в постели и потом лечение в Баден-Бадене».⁹⁵⁹

В результате он остался при своем мнении, что высаживаться нужно у Качи, где хоть и есть русские, но силы их незначительны, но под напором союзников и без поддержки офицеров собственного штаба согласился, что высадка будет у Евпатории.⁹⁶⁰

С тех пор объединенные операции Великобритании всегда организовывались таким образом. После времен старшего Питта англичане никогда не поручали командование объединенной экспедицией одному только адмиралу или генералу, позволив одной стороне решать все проблемы. Опасность возникновения трений между двумя командующими считалась небольшой в сравнении с опасностью принятия односторонних решений человеком, вызванных незнанием специфики рода войск, к которому он не принадлежит. Система обычно работала без сбоев, даже когда возникали

⁹⁵⁵ César Lecat Bazancourt, *The Crimean expedition, to the capture of Sebastopol. Chronicles of the war in the East, from its commencement, to the signing of the treaty of peace* Tome I Robert Howe Gould, S. Low, Son & Co., 1856, London, p. 188–189.

⁹⁵⁶ *From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855* By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 105.

⁹⁵⁷ Von Tavernier, *De la conduite de la guerre d'Orient, expédition de Crimée: memoire adressé au gouvernement de S. M. l'empereur Napoléon III, Un officier general, Veröfentlicht von A. Bluff, Bruxelles, 1855*, p. 18.

⁹⁵⁸ Маркевич А. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам, Симферополь, 1994 г.

⁹⁵⁹ *Lettres du maréchal de Saint-Arnaud*, Michel Lévy frères, Paris, 1855, p. 473.

⁹⁶⁰ *Lettres du maréchal de Saint-Arnaud*, Michel Lévy frères, Paris, 1855, p. 484–485.

вопросы, являвшиеся компетенцией объединенного вышестоящего штаба. Исключений очень мало. Прекрасный пример того, как трудности можно преодолеть, если есть желание, — случай в Крыму. Трудности на море, с которыми столкнулись англичане, были настолько велики, что всю операцию можно было посчитать безумием. Когда дело дошло до исполнения, был созван объединенный военный совет, на котором присутствовали представители штабов союзников и армии, и флота. Мнения французских и английских генералов оказались настолько разными, а местность, где предполагалась высадка, неизученной, что они не могли определить место высадки.

Адмиралы знали только одно: оно должно быть на открытом участке побережья, где невозможно было провести разведку, где погода могла в любой момент нарушить связь с берегом и где они могли подвергнуться атаке силы, которая, пока их корабли не освободятся от солдат, вовсе не будет в меньшинстве. Все эти возражения были изложены совету. Тогда лорд Раглан заявил, что армия прекрасно понимает степень риска и готова на него пойти. На что адмиралы ответствовали, что готовы выйти в море и сделать все от них зависящее, чтобы благополучно высадить армию на берег и оказать ей всю необходимую поддержку в месте, которое будет выбрано.

Таким образом, представленный лордом Рагланом план высадки был доведен до союзного командования и принят окончательно. С этого момента стало ясно, что первое сражение кампании состоится в районе или Альминской или Качинской позиций. Окончательная редакция плана была следующей: высадку произвести на низменном берегу южнее Евпатории «...где, по-видимому, не имелось никаких средств для обороны и, заняв этот город, следовать дня через три-четыре берегом моря к Севастополю, имея на правом фланге армии флот».⁹⁶¹ В процессе операции план, как мы увидим ниже, претерпел изменения: союзники вначале заняли Евпаторию и уже потом начали высадку на побережье.

С тактической точки зрения можно поддержать план лорда Раглана. Одно дело высаживаться на пустынный берег в Каламитском заливе и иметь рядом базу снабжения, и другое — высаживаться на побережье со сложным рельефом и в районах нахождения там российских войск. Район у Старого Форта, по мнению английских военных, идеально подходил для того, чтобы избежать внезапного нападения.⁹⁶²

Непосредственное место высадки прикрывалось двумя большими соляными озерами — Камышлы и Кичик-Бель, это обеспечивало дополнительную безопасность десантных сил, что было немаловажно при непредсказуемости и неясности возможных ответных действий русского главнокомандующего. Кроме того, дно у устья Качи изобиловало множеством подводных камней «...далеко вне 30-футовой (9,1 м) горизонтали, в расстоянии до 774-саженной (1544,7 м) от береговой черты; местами к югу от Лукулла до Маргопуло камни лежат сплошными грядами...».⁹⁶³

Но наиболее значительным аргументом было удаление места высадки в Каламитском заливе от позиций русских войск, позволявшее, по мнению союзного командования, успеть высадить основные силы армии и закрепиться на побережье, прежде чем князь Меншиков сможет перебросить туда свои войска. Местность была идеальной для десантирования. И дело даже не в пологом берегу, обеспечивавшем обзор до линии горизонта. Идеальным было «бутылочное горло» — проход между двумя соляными озерами. Эти водные препятствия естественным образом прикрывали основные силы десанта. А если первые роты союзников занимали возвышенности справа и сле-

⁹⁶¹ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 49.

⁹⁶² The Welch Regiment 1719–1914, London, 1914, p. 181.

⁹⁶³ Лоция Черного моря. Издание седьмое. 1931 г., Ленинград, с. 165.

Линейный корабль английского военно-морского флота «Bellerophon» во время высадки в Каламитском заливе. Сентябрь 1854 г.

ва от озер, то в случае, если русские опоздают с подходом к побережью, у них уже не будет ни малейшего шанса сбросить англичан и французов в море.⁹⁶⁴

С определенной долей уверенности можно предположить, что уступчивости маршала Сент-Арно способствовала не только обострившаяся болезнь, но и знание того, что еще в 1840 году во время обострившихся отношений России и Франции из-за Ункяр-Искелесийского договора⁹⁶⁵ «...Генерал Гильемино, французский посланник в Константинополе, поручил исследовать еще в то время вопрос о возможности высадки в Крыму и указал на Евпаторию как на один из наиболее благоприятных для нее пунктов».⁹⁶⁶

В то же время, будучи опытными моряками, союзные адмиралы понимали, что длительное использование Евпатории как главной базы союзных войск сопряжено

⁹⁶⁴ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of lie Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859. p.10.

⁹⁶⁵ Ункяр-Искелесийский договор (1833 г.): Договор о вечном мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией, подписан 26 июня (8 июля) 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси (Хюнкяр-Искелеси, Hunkar Iskelesi) — летней резиденции султана близ Стамбула. Во время египетского кризиса 1831–1833 годов Царское правительство, стремясь к усилению своего влияния в Турции и считая, что не в интересах России иметь соседом сильное государство под властью египетского паши, решило оказать турецкому султану Махмуду II помощь, о которой официально просило турецкое правительство. В феврале 1833 г. русская эскадра вошла в Босфор, в апреле в Ункяр-Искелеси был высажен десант, преградивший путь египетской армии на Стамбул. Великобритания и Франция, обеспокоенные русско-турецким сближением, содействовали примирению Египта и Турции (май 1833 г.). Накануне эвакуации русских войск был подписан У.-И. договор. Россия обязалась, если возникнет необходимость, оказать Турции военную помощь. В соответствии с секретной статьей Турция должна была в случае войны закрыть по требованию России Дарданельский пролив для всех иностранных военных кораблей. У.-И. договор означал усиление позиций России на Ближнем Востоке. Это привело к обострению отношений России с западно-европейскими державами.

⁹⁶⁶ Жомини А.Г. Роль и значение России в Европе перед Крымской войной// За стеной Кавказа. История Отечества. М., 1989 г., с. 498–499.

с неминуемыми проблемами, вызванными гидрографическими особенностями города. Рейд Евпатории хотя и занимал всю Евпаторийскую бухту, был «...открыт для ветров от SO до WSW; SO-е и S-е ветры, даже свежие, не производят на рейде большого волнения, так как рейд отчасти прикрыт берегом, идущим от Евпатории к мысу Херсонес; штормовые же ветры от румбов между SSW и WSW разводят в нем громадную волну и суда, стоящие там на якоре, подвергаются большой опасности».⁹⁶⁷ В будущем, как в случае затягивания войны, так и в случае быстрого военного успеха, союзникам нужно было искать более надежные порты или гавани. Кстати, еще задолго до высадки в Крыму было обращено внимание на Балаклаву, которой в перспективе было суждено стать главной базой английского контингента. Британские специалисты, поднаревшие в колониальных операциях, вполне справедливо отмечали ее значение. По их мнению, владея Балаклавой с ее удобной корабельной стоянкой, можно было длительное время осуществлять осаду крепости, не испытывая проблем со снабжением и одновременно блокируя русский флот в севастопольских бухтах.⁹⁶⁸

Ранним утром 14 сентября 1854 г. эскадра союзников начала высадку основных сил на побережье Крыма в Каламитском заливе между Саками и Евпаторией. По мнению А.А. Керсновского,⁹⁶⁹ «...это была крупнейшая из всех десантных операций истории. блестяще проведенная благодаря свойствам парового флота и почти полной неподготовленности русской стороны».⁹⁷⁰ Если учесть, что это мнение человека, абсолютно не заподозренного в намерении как-то принизить авторитет русской армии и ее командования, то можно сделать вывод, что в организации защиты русского побережья была действительно допущена серьезная стратегическая ошибка. Уж если кто и должен был быть благодарен за нее Меншикову, который до высадки неприятеля у Евпатории «...и не думал о его (Севастополя) защите»⁹⁷¹, так это союзное командование. Э.Тотлебен приводит по этому поводу высказывание одного из участников высадки, который считает, что успех состоявшегося предприятия был не более чем результатом цепи случайностей.

«Плавание флота и высадка без сомнения были подвержены таким случайностям, какие до того времени почти не встречались, в отношении к расстоянию, времени года и недостатку необходимейших сведений. По моему мнению, тот, кто допускает собраться вблизи такой грозы, ничего не предприняв для ее рассеивания в самом начале, ставит себя сам в невыгодное положение и признает себя бессильным в глазах туземцев».⁹⁷²

Появление вражеского флота и полное отсутствие видимых контрдействий со стороны русского командования сделали жизнь в Севастополе нервной и напряженной.

«Мы в Севастополе, конечно, волновались: что предпримет неприятель? — Сдела-ет ли высадку, или войдет прямо с флотом на Севастопольский рейд. Началось общее движение: войска двигались за город, навстречу неприятелю...».⁹⁷³

В этот же день князь А.С. Меншиков отправил императору первое донесение, ознаменовавшее, что Крым стал непосредственным театром военных действий.

⁹⁶⁷ Лоция Черного моря. Издание седьмое. 1931 г., Ленинград, с. 159.

⁹⁶⁸ A Review Crimean War, to the Winter of 1854–5. Lieut.-Colonel John Ad Ye, C.B. London, 1860, p. 174–176.

⁹⁶⁹ Антон Антонович Керсновский (1907–1944 гг.) — русский публицист, военный историк.

⁹⁷⁰ Керсновский А.А. История русской армии, Том 2, М., 1999 г., с. 129.

⁹⁷¹ Духонин Л.Г. Под Севастополем в 1853–1856 гг.//Русская Старина, 1885 г., с. 90.

⁹⁷² Богданович М.И. Восточная война 1853–1865 годов. В 4-х томах. Том III, СПб., 1877 г.

⁹⁷³ Жиркевич А.В. Из архива князя Л.А. Ухтомского//Русская старина, Том. 148, СПб., 1911 г., с. 162.

«Неприятельские флоты прибыли сегодня к Крымским берегам — и теперь в виду мыса Лукулла находится 106 судов. По этому числу нет сомнения, что везется на них десантная экспедиция, но место высадки положительно еще не обозначалось. Войска наши между тем сосредоточиваются в пространстве от Качи к Альме».⁹⁷⁴

Информация передавалась быстро прежде всего «...благодаря казачьим разъездам и семафорному (оптическому) телеграфу...».⁹⁷⁵

Докладывая императору о свершившемся факте высадки союзников на территории империи, но не зная точного места высадки, Меншиков произвольно подтвердил слова адмирала Дандаса адмиралу Лайонсу, сказанные им, когда войска уже готовились к посадке на десантные средства. Английские морские командиры пришли к мнению, что им удалось обмануть русских и противник на берегу Клаймского залива их не ждет.⁹⁷⁶

Понимая, что долго пребывать в состоянии неопределенности он не может и дальнейшие действия его находятся в прямой зависимости от действий союзников, князь направил в сторону Евпатории лейтенанта В. Стеценко, который долгое время был глазами и ушами главнокомандующего.

«Адмирал обратился ко мне со словами: „вы получите сейчас приказания от самого главнокомандующего“. Князь, увидев меня, сказал: „неприятельский флот показался, на нем есть войска, и нужно думать, что он везет десант; поезжайте туда, где будет неприятельский флот; возьмите эти конверты и извещайте меня о всем, что заметите, вкладывая записки в эти конверты“. На большой облатке конвертов напечатано было: по приказанию Главнокомандующего. С этою надписью известия передавались без задержки по летучей почте, учрежденной из казаков».⁹⁷⁷

Получив приказ и взяв с собой конвой из нескольких казаков полка полковника Тащина, Стеценко выехал к колонии Кроненталь, а оттуда дальше на север — к Евпатории.

В. А. Стеценко. В 1854 г. лейтенант Российского военно-морского флота.

⁹⁷⁴ 1854-й год // Русская старина, Том XXI, СПб., 1877 г., с. 332.

⁹⁷⁵ Орлов Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости (окончание) // Военный Сборник, №12, СПб., 1881 г., с. 256.

⁹⁷⁶ The Dublin University magazine No CCLXXVII Vol. XLVII January, Dublin 1856, p. 626–633.

⁹⁷⁷ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения // Сборник рукописей, представленных его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том 1, СПб., 1873 г., С. 199

ВЫСАДКА: ПЛАН И ОБСТАНОВКА

«...Если вблизи от пункта высадки имеется порт, то при малейшей возможности надо стремиться скорее овладеть им, так как это значительно облегчит и сократит все работы по утверждению на берегу».

Генерал Н. Обручев

План высадки на побережье был составной частью общего плана экспедиции разработанного контр-адмиралами Лайонсом и Буа-Вильомезом.

В основу операции Буа-Вильомез положил две составляющие, сочетание которых предопределяло успех.

1. Максимально возможное привлечение десантно-высадочных средств для большей скорости высадки.

2. Обязательная демонстрационная ложная имитация десанта.

К высадке привлекались все шлюпки кораблей, в том числе военных, и заранее подготовленные плоты. Для имитации ложного района высадки, которым был определен район Качи, и оттягивания туда в случае начала противодействия десантной операции русских войск в готовности к демонстрационным действиям, по предложению маршала Сент-Арно, была 4-я дивизия генерала Форе с британскими кораблями прикрытия.⁹⁷⁸ Эти действия должны были начаться за 18 часов до начала высадки главных сил.

Дальнейший план действий был прост и максимально рационален. В своей сути он состоял из трех элементов: обеспечивающего, наступательного и демонстрационного. В целях обеспечения операции часть сил союзников занимает Евпаторию, превращает ее в главную базу снабжения экспедиционных сил в Крыму. Одновременно основная группировка высаживается южнее, концентрируется и начинает движение к Севастополю. И, наконец, небольшая группа экспедиционных сил демонстрирует начало высадки в удаленном районе, но обязательно рядом с основными русскими силами.

Почему именно с занятия Евпатории началось вторжение союзников в Крым? Дело в том, что этот заштатный городишко с первых минут захвата российской территории приобрел стратегическое значение. Любая десантная операция имеет важнейшим условием скорейшее создание береговой базы, мы об этом уже говорили выше. Говоря языком описываемой эпохи — необходима опора амбаркационного пункта, где можно проводить комплекс разгрузочно-погрузочных работ. Создание самого амбаркационного пункта (в нашем случае — Каламитский залив) «...дело трудное и потому, если вблизи от пункта высадки имеется порт, то при малейшей возможности надо стремиться скорее овладеть им, так как это значительно облегчит и сократит все работы по утверждению на берегу».⁹⁷⁹

Русский военный теоретик генерал Н.Обручев в своей работе «Смешанные морские операции», которую мы многократно используем для обоснования понимания происшедшего в Крыму в сентябре 1854 г., отмечает, что союзники в кампанию на полуострове почти идеально решали проблемы создания баз снабжения.

⁹⁷⁸ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.9.

⁹⁷⁹ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с.66.

«Пример тщательной подготовки амбаркационного пункта явили союзники во время Крымской кампании. Устроенные ими в окрестностях Севастополя укрепления, местами уцелевшие и до сих пор вполне обеспечивали за ними пользование такими бухтами, как Круглой или Песчаной, Камышовой, Казачьей и Балаклавской».⁹⁸⁰

Кто и где должен был высаживаться? В связи с наличием у британцев кавалерийских подразделений, способных прикрыть войска от возможных действий русской кавалерии и пехоты, а также имеющих возможность вести непрерывную разведку по направлению движения и в глубь полуострова, они занимают левый фланг. Французские дивизии образуют правый. Движение войск прикрывает своей артиллерией эскадра из 14 кораблей. Они же осуществляют снабжение с базы в Евпатории.

1 (13) СЕНТЯБРЯ 1854 г.

День 1-й: Евпатория – первая победа

30 августа (11 сентября) 1854 г. объединенный англо-франко-турецкий флот снялся ночью с якорей и стал вечером следующего дня недалеко от Евпатории.

«В 10-м часу утра 1 сентября в Севастополе увидели на горизонте два корабля и за ними густой дым большого числа пароходов, а около полудни Лукулльский телеграф известил, что видимый на NW флот идет в трех колоннах на румб ONO. Это и полученное князем Меншиковым сведение, что мимо Тарханкута прошло 70 неприятельских судов, показало, что союзный флот идет с десантом. Князь Александр Сергеевич сделал немедленно распоряжение о сосредоточении войск на р. Альме».⁹⁸¹

Вид массы неприятельских кораблей, подходивших к берегам Крыма, впечатлял. После того, как к 6-ти часам вечера телеграф с мыса Лукулл сообщил о более чем 100 кораблях, а прискакавший казак донес, что их число увеличивается и уже невозможно пересчитать,⁹⁸² в Севастополе всем, от адмирала до матроса, стало ясно, что отныне война пришла в их дом.

«1 сентября 1854 года из Севастополя увидели сначала несколько, а за ними тучу неприятельских судов, шедших в трех группах. В течение нескольких часов армада эта разрослась до сотни судов; грузовой вид и прямое движение их по направлению к Евпатории давали ясно знать, что неприятель идет с десантом, что местом действий он избирает Крым, что по огромному десанту действия его предполагаются на сухом пути и что главнейшею его целью будет, конечно, Севастополь – сердце нашего Черноморского флота».⁹⁸³

Союзники не спешили. Только 1 (13) сентября флот бросил якоря у самой Евпатории, которая тотчас же была занята десантом. Трудно понять эти задержки, тем более, что погода все время была благоприятна: «Они только затягивали выполнение этого большого и довольно рискованного предприятия».⁹⁸⁴

Казалось, само провидение помогает им. Погода способствовала успешному выполнению предприятия. «В самое опасное время наступления бурь, в осеннее равноде-

⁹⁸⁰ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с.66.

⁹⁸¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, СПб., 1859 г., с. 186–187.

⁹⁸² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 108.

⁹⁸³ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского// Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.2, СПб., 1873 г., с.64.

⁹⁸⁴ Штенцель А. История войн на море.М., 2002 г., с.486.

нстве, наш более счастливый, нежели благоразумный неприятель дерзко замыслил свезти десант на полуоткрытом Евпаторийском рейде. Погода благоприятствовала ему: 1 сентября был ясный день, совершенный штиль и море представляло незыблемую зеркальную поверхность... 2 сентября при такой же благоприятной погоде союзники начали высадку в 9 часов утра...».⁹⁸⁵

Это в общем, а теперь попытаемся разложить операцию союзников по этапам и времени.

Итак, первым русским городом, которому суждено было быть оккупированным неприятелем, стала Евпатория. Почему этому небольшому приморскому городу была уготована столь трагическая судьба? Причин тут немного и все они лежат на поверхности. В принципе, мы о них уже говорили. Первая – база снабжения. Вторая – плацдарм, взять который не представляло особого труда. Третья – занятие Евпатории незначительным числом войск позволяло контролировать Каламитский залив, где предстояло высадить на следующий день главные силы десанта.⁹⁸⁶

«Так как и у устья Качи, и у лежащего севернее устья Альмы были замечены лагеря неприятельских войск, то пришли к решению произвести десант еще севернее, в 12-ти милях от Евпатории. Перед этим же решили занять Евпаторию, где глубина рейда допускала высадку под прикрытием тяжелой судовой артиллерии».⁹⁸⁷

В этом тихом провинциальном городе представители союзных войск появились в полдень 13 сентября, еще до начала высадки основных сил, не встретив никакого сопротивления. Для английских солдат, наблюдавших за происходившим с бортов транспортов, это казалось первой крупной военной победой. В воспоминаниях о войне они с долей романтики говорят о своей удаче, благодаря чему пал русский город, известный «...своими курортами и торговлей тонкой шерстью, которую здесь называют каракуль».⁹⁸⁸

Гарнизон города, насчитывавший примерно 200 излечивавшихся после болезней солдат, не мог быть серьезной силой, способной отразить высадку десантных сил. И потому когда в полдень зловещий призраок Крымской войны, вездесущий «Карадок», под командованием капитана 2-го ранга Самюэля Хоскинса Дерримана в компании более мощных «Симпсона» и «Фридланда» и 36-ти пушечного винтового «Трибуна» подошел к Евпатории, город сдался. Вид изготовившегося к стрельбе «Трибуна» оказался лишним.

Для занятия Евпатории союзники выделили отряд из 3 000 чел. турецкой, французской и английской пехоты под командованием генерала Юсуфа, 8-ми осадных и 4-х легких орудий.⁹⁸⁹ Эти войска составили оккупационный гарнизон.

К счастью, услышать грохот корабельной артиллерии, свист ядер, увидеть убитых солдат и кровь мирных жителей на своих улицах евпаторийцам в этот день было не суждено. Вскоре шлюпки, в одной из которых находились офицеры английского и французского штабов, полковники Стил и Трошю причалили к городской пристани. Вначале были выполнены все таможенные формальности: таможенный чиновник окурив представленную ему бумагу с текстом предложения властям о сдаче города.⁹⁹⁰ Кажется, Евпаторийская таможня имеет славные боевые традиции. Раньше ее чи-

⁹⁸⁵ Ильинский Д.В. Из воспоминаний и заметок севастопольца//Русский архив, №12, М., 1892 г., с.452.

⁹⁸⁶ Journal of two visits to the Crimea in the autumns of 1854 & 1855 with remarks Sir Edward Colebrooke, Bart. London, 1859, p.8–10.

⁹⁸⁷ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.485–486.

⁹⁸⁸ Our Veterans of 1854: In Camp, and Before the Enemy, London, 1859, p.103–104.

⁹⁸⁹ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с.49–50.

⁹⁹⁰ Journal of two visits to the Crimea in the autumns of 1854 & 1855 with remarks Sir Edward Colebrooke, Bart. London, 1859, p.8–10.

новник вышел на встречу неприятельской эскадры, потребовал объяснений причин вхождения в территориальные воды Российской империи, но был взят в плен. Теперь вот другой таможенный чиновник снова выходит один против союзного флота и даже призывает врага к соблюдению правил.

Этот эпизод заслуживает быть приведенным полностью. В конце-концов война еще принесет много горя и слез. Позволим на мгновение усмехнуться. Скоро у нас это желание исчезнет.

«В этом деле особенно отличился некий чиновник, занимавший в Евпатории таможенный пост и известный как человек с большими сведениями и замечательною способностью выпить. Накануне высадки английский военный пароход стал на якорь у самого рейда Евпатории, чиновник немедленно приказал изготовить лодку-«четверку», сел, поплыл к пароходу и стал согласно данной ему инструкции опрашивать гостя. Его взяли на пароход и объявили, что он в плену. «Это ваше дело, — отвечал чиновник, — а я делаю свое и объявляю ваше судно контрабандой». Он очень понравился всему экипажу, и, владея английским и французским языками, когда владел языком, был приятным собеседником. Но после обеда буфет как-то остался без присмотра, и когда кому-то понадобилось грогу, то оказалось... или лучше вовсе не оказалось рому: чиновник выпил весь ром и спал очень сладко с последней бутылкой в руках. Его не будили, а спустили на его же «четверку» и приказали поскорее увезти куда угодно, только подальше».⁹⁹¹

Трошю и Стил не стали чинить препятствий добросовестному человеку и выполнили все, что он требовал от них. История не сохранила информации, требовал ли он досмотра грузов, но только после встречи с ним на берег сошли представители англо-французского штаба. Оказавшись в городе, они потребовали немедленной встречи с первыми лицами военной или гражданской администрации Евпатории. Долго ждать не пришлось.

Встречать неприятельский десант вышла вся наличная городская власть в главе с надевшим по этому случаю парадную форму комендантом Николаем Казначеевым. Офицеры союзных сил предъявили им письменный ультиматум, составленный якобы русским языке. Его автором называют польского эмигранта Токарского. Неизвестно, как он составил текст, но оккупантам служил верно, и вскоре именно этот человек возглавил гражданскую власть в городе.

Парламентеры потребовали передать Евпаторию союзным войскам ввиду отсутствия в ней укреплений, необходимых для сопротивления, а войскам гарнизона давалось право покинуть город в течение 24 часов. Городские власти согласились на требования союзников. Хотя трудно сказать, кто их представлял, так как большая часть чиновников, бросив город и его жителей на произвол судьбы, погрузив всё,

Адъютант маршала Сент-Арно полковник Луи Жюль Трошю. Фото после 1860 г.

⁹⁹¹ Из записок проезжего. Воспоминания А.Ф. Погосского//Крымский архив, №9, Симферополь, 2003 г., с.31.

что можно погрузить на телеги, бежала в Симферополь, а некоторые, сея панику, добрались до Перекопа: «Никто ничего не знал, большинство городов лишилось своих чиновников».⁹⁹²

Как водится во все времена и во всех войнах, первыми жертвами этой войны становились мирные жители, они же стали через несколько лет и последними ее жертвами, оказавшись на разоренной земле. Кстати, и татарское население покинет степной Крым после Крымской войны не как жертва преследования на национальной почве со стороны российских властей, а потому что война уничтожит все мало-мальски пригодное к жизни.

Военный секретарь лорда Раглана полковник Стил в сопровождении адъютанта маршала Сент-Арно полковника Трошю (первая победа будущего генерала и одного из реформаторов французской армии, автора нескольких книг, в которых обобщен его личный опыт участия в Крымской войне, «один из лучших офицеров союзного десанта» — А.А. Свечин)⁹⁹³ приняли капитуляцию города,⁹⁹⁴ обустроив ее даже несколько помпезно. По бытовавшим слухам, выглядело это весьма парадно.⁹⁹⁵

Тут же заработал пропагандистский аппарат оккупантов. Со стороны прибывших с союзниками турецких мулл начались попытки склонить татар к пособничеству, поддержанные и отдельными татарскими их коллегами. Но эта пропаганда была тут же нейтрализована выступлением местного и поэтому более авторитетного князя Мехмет бея Балатукова. Невзирая на опасность репрессий со стороны оккупантов, князь открыто «выступил защитником русских» в ряде деревень близ Евпатории, после чего зарубежные муллы просто опасались там появляться.⁹⁹⁶

Мирный город сдался без особого сопротивления. Исполняющий обязанности коменданта города майор Браницкий с командой Тарутинского егерского полка в количестве около 200 чел. отступил по дороге на Симферополь, хотя должен был по приказу князя Меншикова уходить к Перекопу.⁹⁹⁷ Однако лейтенант Стеценко не успел довести его до непосредственных исполнителей, так как находился в нескольких верстах от города, когда там появились союзники.⁹⁹⁸ Французы заявили о двух пленных из числа не успевших по каким-то причинам покинуть город больных солдат. Союзники без особого напряжения получили необходимую им базу снабжения и порт для приема подкреплений в Крыму. Десантная операция достигла своего апогея.

На пристанях Евпатории закипела работа. Город стал превращаться в военную базу. Для его оккупации и обслуживания работ были оставлены следующие силы: французский батальон морской пехоты (650 чел.), 900 англичан (в том числе 500 морских

⁹⁹² Дубровин Н. Материалы для истории Крымской войны. Том. 1, СПб., 1871 г., с. 300.

⁹⁹³ Трошю (Trochu) Луи Жюль (1815–1896 гг.), французский политический и военный деятель. Участвовал в завоевании Алжира, был в 1843–1846 гг. адъютантом маршала Т.Р. Бюжо, возглавлявшего французскую оккупационную армию. Адъютант маршала А.Ж. Сент-Арно во время Крымской войны (1853–1856 гг.): в 1854 г. произведен в генералы. В австро-итало-французской войне 1859 г. командовал дивизией в сражениях при Мадженте и Сольферино. Занимал ответственные посты в военном ведомстве Второй империи. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. был назначен военным губернатором Парижа. После Сентябрьской революции 1870 г. возглавил Правительство национальной обороны. Накануне капитуляции Франции вышел в январе 1871 г. в отставку. Пытаясь опровергнуть обвинения в саботаже обороны Парижа, опубликовал ряд статей и воспоминания. Один из немногих военных писателей, серьезно занимавшихся исследованием паники, генерал Трошю попытался создать теорию паники.

⁹⁹⁴ Bazancourt, de Cesar, L'expédition de Crimée L'Armée française a Gallipoli. Varna et Sébastopol; chroniques militaires de la guerre d'Orient. Paris. 1858, p. 176–177.

⁹⁹⁵ На Висле и Дунае, в Одессе и в Севастополе//Русская Старина, Том. XIII, СПб., 1875 г., с. 649.

⁹⁹⁶ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар, М., 1992 г., с. 323–324.

⁹⁹⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 115.

⁹⁹⁸ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с. 198–199.

Выгрузка турецких войск в Евпатории. 1854 г.

пехотинцев), два турецких батальона (1500 чел.). Кроме того, в городе была оставлена одна рота саперов (120 чел.) и небольшой персонал артиллерии (1 офицер, 13 сержантов и солдат).⁹⁹⁹

В течение дня в порту произвели разгрузку транспорты с имуществом снабжения (инженерное, медицинское, осадное, боеприпасы и проч.). Кое-что перепало и в виде трофеев. «В городе союзниками было найдено 60 тысяч четвертей пшеницы, принадлежавшей местному купечеству. Таким образом, неприятельская армия была обеспечена этим провиантом на четыре месяца. На следующие сутки, 2-го (14-го) сентября, в два часа пополудни, подан был сигнал к отплытию от Евпатории».¹⁰⁰⁰ Трудно сказать, сколько пшеницы потеряло русское купечество, но русская армия в первый же день лишилась одного из своих продовольственных магазинов, находившихся в городе и принадлежавших военному ведомству.¹⁰⁰¹

Взятие союзниками Евпатории было не просто опереточной постановкой сцены торжественной капитуляции первого русского города перед глобальной военной мощью союзных сил. На самом деле этому населенному пункту отводилось не последнее место в планах английского и французского командований. По их мнению, даже небольшой гарнизон, оставленный в городе, мог не только эффективно защищать тыл экспедиционных сил, но и вести активные действия в направлении Перекопа, воздействуя и на сухопутные, и на морские коммуникации русских. О том, что Евпатория рассматривалась как тыловая база снабжения союзников, мы уже не раз говорили. В перспективе через нее в Крым должны были поступать транспорты со скотом и зерном, необходимым для обеспечения продовольствием англо-французского контингента. Хотя складские сооружения были в хорошем состоянии, их явно не хватало для перспективных нагрузок. Чтобы привести инфраструктуру порта в необходимое состояние, требовалось как можно быстрее провести реконструкцию

⁹⁹⁹ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service du L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p. 54–55.

¹⁰⁰⁰ Богданович М.И. Восточная война 1853–1865 годов. В 4-х томах. Том III, СПб. 1877 г.

¹⁰⁰¹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 100.

причалов и береговых сооружений, для чего было высажено подразделение саперов лейтенанта Бейнеса (для производства строительных работ).¹⁰⁰²

Морские пехотинцы выполняли функции военной полиции, так как от них уже в первые часы потребовалось приводить в чувство солдат турецкого контингента, которые, верные привычке грабить все и всех, с успехом занялись этим знакомым и любимыми делом. Судя по воспоминаниям, до расстрелов мародеров в Евпатории не дошло, но многие турки ходили с разбитыми в кровь лицами. Для морских пехотинцев ее величества, умевших привести в чувство самого буйного матроса, портовая драка была столь же привычным делом, как для турок разбой, и потому в османских солдатах достойных соперников они не видели.

На постоянное базирование в Евпатории стали два корабля: английский и французский.

Что касается турецкого контингента. Я очень не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, превалировавшее до настоящего времени, когда мнение о турецком солдате сводилось к его характеристике как труса и грабителя. Это далеко не так. По многим показателям он если не превосходил, то был равным представителям других союзных армий. Тому причин несколько. Во-первых, личность командующего Омерпаши. Будучи свободным от мусульманских предрассудков, он считал «...необходимым для солдата удовлетворение его физической природы, а на замечания, даваемые ему по этому поводу, он отвечал: «откройте ваши гаремы, и я прикажу закрыть все подозрительные места».¹⁰⁰³

Во-вторых, турецкий пехотинец одарен от природы качествами хорошего солдата: он силен, крепок, спокоен, воздержан и терпелив.

В-третьих, турецкий солдат веротерпим. «В Европе считают турецкого солдата проникнутым мусульманским фанатизмом и нетерпимостью, но такое мнение ошибочно или по крайней мер, преувеличено».¹⁰⁰⁴

Тому подтверждением является беспрекословное подчинение турецкого солдата европейскому офицеру, путь даже христианину.

«Солдаты не только не выражали неудовольствия служить гяуру, но даже предпочитали быть на службе у христианина, так как знали, что с ними будут лучше обращаться. ...В случаях, когда турецкие солдаты вербовались в организованные англичанами в 1854 году части войск, и замечу при этом, что с помощью хорошей организации и лучших условий быта, англичане успели организовать из турецкого солдата лучшего в мире. После нескольких месяцев, проведенных под командою англичан, этих солдат нельзя было узнать: так изменились их тон, осанка и даже нравственное настроение».¹⁰⁰⁵

Поэтому когда мы говорим о склонности турка к разбою, это скорее не разнузданность, потеря дисциплины, а манера ведения войны. И, будем справедливы, европейские солдаты тоже не упускали случая заняться аналогичным промыслом...

Для князя А.С. Меншикова занятие Евпатории союзниками означало отправную точку для дальнейшего развития событий. Только теперь стало ясно, что ближайшие события будут развиваться в западном Крыму, а местом их станет заранее выбранная

¹⁰⁰² Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of lie Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55. By Captain H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p. 9.

¹⁰⁰³ Осман-бей, Заметки о турецкой армии//Военный Сборник, №6, СПб., 1874 г., с.341.

¹⁰⁰⁴ Осман-бей, Заметки о турецкой армии//Военный Сборник, №6, СПб., 1874 г., с.342.

¹⁰⁰⁵ Осман-бей, Заметки о турецкой армии//Военный Сборник, №6, СПб., 1874 г., с.342.

Альминская позиция. Река Альма из водного потока, питающего прибрежные сады, превращалась в рубеж, на котором будет предпринята первая попытка путем оборонительного сражения остановить неприятеля.

2 (14) СЕНТЯБРЯ 1854 г.

День 2-й: главные силы

«Вероятно, никогда не было такой блистательной операции, как высадка английских войск на берег у Старого форта 14 сентября 1854 г.»

Филипп Говард Коломб (1831–1899), английский адмирал, военно-морской теоретик, историк.

Демонстрация Форе-Дандаса

Адмирал Дандас перед рассветом ушел в сторону Качи для осуществления демонстрационной высадки союзников, с целью отвлечения внимания русских от основного района. Вместе с английскими кораблями ушли и транспорты, на которых находилась 4-я дивизия генерала Форе. Действия этой группы кораблей заслуживают отдельного исследования. Очевидно, что они действительно способствовали отвлечению внимания русских от основного района высадки. Генерал Эдью считал, что они, кроме этого, выполняли и роль прикрытия района высадки от атаки русского флота.¹⁰⁰⁶ Может быть, появление союзных кораблей и вынудило Меншикова отказаться от планов противодействия десанту. В таком случае союзные командующие полностью переиграли князя, приковав его силы к одному месту. Об этом говорит и Тотлебен, отмечая несомненную пользу демонстрационных предприятий союзников, которые проводились в условиях полного господства на море у берега Крыма.

«...Неприятель имел полную возможность демонстрациями отвлечь наше внимание на один какой-нибудь пункт полуострова и заставить туда оттянуть свои силы, а вслед за тем произвести высадку на совершенно другом пункте и утвердиться на нем, прежде чем войска наши были бы в состоянии туда сосредоточиться».¹⁰⁰⁷

Но перед тем, как увести свои корабли, Дандас весьма сильно потрепал нервы собственным начальникам. Сначала он не дал вовремя сигнал с флага для начала высадки, затем он едва не ушел, забыв оставить шлюпки «Агамемнона» для десантных сил. И, наконец, его маневры всё время путали английское командование. Подполковник Калторп считал, что Дандас делает всё, что в его власти, чтобы вызвать раздражения у адмирала Лайонса и генерала лорда Раглана. Командиру флага даже припомнили, что он якобы лично возражал при планировании операции против высадки и вообще предрекал массу неприятностей и бед, которые поджидали союзные войска в Крыму.¹⁰⁰⁸

Когда союзники начали высадку в районе Старого форта, отряд Дандаса имитировал высадку южнее устья Альмы. Для реальности происходившего с кораблей были спущены шлюпки с солдатами, произведен обстрел береговой линии корабельной

¹⁰⁰⁶ John Adye, C. B., Lieut. -col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 37.

¹⁰⁰⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 108.

¹⁰⁰⁸ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856. p.39.

артиллерией. 5-й батальон шассеров демонстрировал начало десантной операции.¹⁰⁰⁹ Шлюпки приблизились к берегу почти на 100 м.¹⁰¹⁰ Все ждали, что русские выдвинут войска к берегу, но этого не происходило.

Русские прекрасно понимали, что на их глазах происходит только имитация высадки. «В море с утра 2-го сентября были видны на N (на север – Авт.) несколько неприятельских пароходов: они производили между Луккулом и Альмою фальшивую высадку и потом, следуя вдоль берега к югу, стали подходить к Севастополю около половины 2-го часа пополудни: их было 8, а вдали виднелись еще 29 судов».1011

Через несколько часов отряд кораблей спустился южнее и подошел к устью Качи. Здесь была еще раз повторена имитация высадки. Однако видимой активности русских войск вновь не было замечено.

«Все наши пароходы немедленно развели пары, и батареи затопили ядрокалильные печи; но неприятель поворотил назад и направился к действительному месту высадки у соленых озер между Евпаторией и Кантуганом. В продолжение утра все суда наши заняли назначенные им места, как показано на плане 2-го сентября».1012

В данном случае это не беспечность: лейтенант Стеценко доложил об уходе небольшой части союзного флота на юг, и Меншиков понимал, что это не более чем демонстрационные действия.¹⁰¹³ Простояв еще некоторое время между Альмой и Качей, отряд союзных кораблей ушел на север.

Высадка

Воодушевленные первой победой – взятием Евпатории, союзники приняли за организацию основного этапа вторжения в Крым. Хотя в идеале диспозиция высадки десантных сил должна быть предельно короткой и ясной, англичане умудрились сделать ее длинной и сложной.¹⁰¹⁴ Это был апофеоз английской бюрократии. Естественно, что буквально на первых его этапах британские командиры умудрились запутаться в расписанном буквально по минутам порядке операции, притом время было на вес золота: десант высаживали с таким расчетом, чтобы иметь больше светлого времени суток для решения задачи по захвату, расширению и укреплению плацдарма. В результате сложнейший план был нарушен по нескольким самым банальным причинам. Толстовское «гладко было на бумаге...» первыми реализовали адмиралы ее величества.

Во-первых, хотя с утра море было «...ясное и тихое»,¹⁰¹⁵ ближе к полудню началось сильное волнение, совершенно истребившее временной график. На что отводились минуты, на то тратились часы. Во-вторых, сами авторы диспозиции оказались причиной ее краха. Адмиральское судно «...вместо того, чтобы стать в центре своей эскадры, как то было назначено, стало в стороне от эскадры и в 6-ти верстах от берега.

¹⁰⁰⁹ Auguste Jean, Charles Richard, Les chasseurs a pied, H. Charles-Lavauzelle, Paris, Limpges, 1891, p. 132.

¹⁰¹⁰ Fay, Charles Alexandre. Souvenirs de la guerre de Crimee, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 49–50.

¹⁰¹¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А.Жандром, бывшим его флаг-офицером. СПб., 1859 г., с. 189.

¹⁰¹² Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А.Жандром, бывшим его флаг-офицером. СПб., 1859 г., с. 189.

¹⁰¹³ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с. 199–200.

¹⁰¹⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с.50.

¹⁰¹⁵ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с. 199–200.

Высадка союзников в Крыму. Сентябрь 1854 г.

Вследствие отдаления распорядительной власти нарушился порядок своза людей на берег: гребные суда отправлялись с войсками к берегу не в порядке, предписанном диспозицией, а нестройными группами. Если нарушение диспозиции не повлекло никаких серьезных последствий, то только потому, что берег не был занят русскими войсками и потому, что все войска в точности выполнили одно из главных распоряжений, состоявшее в том, чтобы по свозу десанта судно спускало свой позывной флаг, дабы шлюпки не возвращались на него вторично, а могли идти к тем судам, у которых развевались флаги на бизань-мачте — знак, что десант не снят».¹⁰¹⁶

В отличие от британцев французы были гораздо более практичными. Именно их практика стала классикой десантных операций на десятки лет.¹⁰¹⁷ Порядок высадки экспедиционных сил был следующим: все корабли были выстроены в 6 эшелонов. В каждом из них на борту кораблей и судов находилось чуть менее одной дивизии. Каждый эшелон находился в часовом интервале от предыдущего. После высадки десанта транспорты должны были вдоль берега уходить в Евпаторию для окончательной разгрузки, уступая место судам следующей линии. Общее руководство высадкой осуществлялось с борта линейного корабля «Агамемнон» под флагом адмирала Эдварда Лайонса.

Союзники были не одиноки. Они почувствовали это сразу. Вдали маячила группа всадников. Это был лейтенант Стеценко с казаками, пристально следившие за действиями неприятельского флота.

«Приближаясь к берегу моря, часов около 8-ми я увидел неприятельский флот во всей его многочисленности; он хорошо обозначался на западном, освещенном еще не потухшей зарей, горизонте; заставив казаков считать суда, каждого порознь, сколько кто может насчитать, я сам принялся за то же дело; мы могли насчитать до

¹⁰¹⁶ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с.51.

¹⁰¹⁷ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №10, СПб., 1898 г., с.342.

ста с лишком судов, между тем как тех, которые стояли в густых массах, и тех, которые виднелись далеко и покрывали весь горизонт, нельзя было и усчитать».¹⁰¹⁸

Стеценко начал писать донесения, которые немедленно отправлялись двум лицам — князю Меншикову и адмиралу Корнилову. Последнему лейтенант предлагал атаковать скученный союзный флот брандерами.¹⁰¹⁹

Группу русских наблюдателей видели с британских кораблей. Лейтенант Чарльз Стефенсон назвал их единственным противодействием высадке.¹⁰²⁰

Французы и турки

2 сентября 1854 г. на рассвете союзный флот подошел к берегу напротив оз. Кичик-бель. Непосредственно на его траверзе находился французский флот. Севернее высаживались англичане, южнее — турки. Французский флот выстроился в четыре линии. 1-я состояла из 16 боевых кораблей и транспортов, на которых находилась 1-я дивизия генерала Канробера. Она стала на якорь в 700–800 м от берега.

2-я состояла из 16 транспортов и 3 паровых фрегатов, 3-я — из 13 (4 транспортов, 3 судов-конвоиров, 3 паровых фрегатов, 2 фрегатов транспортов и 1-го грузового судна), 4-я — из 14 (5 фрегатов, 2 паровых корвета, 3 паровых фрегата, 2 фрегата транспорта, 1 парового корвета и 1 корвета транспорта).¹⁰²¹ 2-я, 3-я, 4-я линии находились соответственно на дистанции 200–400 м. На их кораблях были войска 2-й и 3-й дивизий.

За 4-й линией расположились 60 транспортов, на которых размещались кавалерия, госпитальное имущество, грузы снабжения и обозы. Фланги прикрывали 6 легких паровых боевых кораблей. Они же были в готовности для огневой поддержки высаживающихся войск. Местность способствовала этому: берег на расстоянии 2,5 версты от моря возвышался не более чем на 100–150 футов, а потому хорошо просматривался и при необходимости простреливался.

При высадке на берег каждое судно и десантное средство несло установленный флаг дивизии: 1-я — красный, 2-я — белый и 3-я — синий. Таким же местом обозначалось и место высадки какой-то определенной дивизии. Система флагов своими цветами обозначали тип груза, а наклонами — степень разгрузки.

Тщательно составлялся расчет высадочных средств. 6 боевых кораблей должны были дать 12 шлюпок вместимостью 175–240 чел., 4 шаланды, 4 плота с буксирным судном. Общее число личного состава, который должен был высаживаться на берег с помощью десантных средств, предоставляемых боевыми кораблями — 4250 чел.

9 транспортов давали высадочные средства (12 шлюпок, 2 шаланды, 4 плота с буксирным судном) на 4 820 чел. Предполагалось, что первая волна десанта доставит на берег двумя рейсами 9 070 чел.¹⁰²²

¹⁰¹⁸ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с. 199.

¹⁰¹⁹ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с. 199.

¹⁰²⁰ At Home and the Battlefield. Letters from the Crimea, China and Egypt, 1854–1888, By Sir Frederick Charles Arthur Stephenson, G.C.B. London, 1915, p. 100.

¹⁰²¹ Так у Н. Обручева.

¹⁰²² Louis-Édouard Bouët-Willamez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 260–270.

Для прикрытия высадки первого эшелона были выделены 4 баркаса с установленными на них орудиями и станками с ракетами. Их подход к берегу прикрывался ставшими на якорь фрегатами и авизо.¹⁰²³

Секрет организации высадки заключался не столько во вменяемости десантных средств, сколько в их четкой организации. Высадив на берег солдат, офицеры, командовавшие десантными лодками, направляли их не обязательно к своему транспортному судну, а к тому, на котором в это время не производилась посадка. Об этом извещал специальный сигнальный флаг, поднятый на корабле. Когда первая линия завершала выгрузку, то десантные средства не забирались на борт, а продолжали работать на высадке второй и так далее линий. Таким образом, десант с каждой волной только увеличивал скорость. Вся координация осуществлялась с берега с помощью сигнальных флагов.¹⁰²⁴

Перед самой высадкой была произведена еще одна, третья по счету рекогносцировка побережья. Ее начало совпало с занятием Евпатории. Пароходы «Примоге», «Лимоге» и «Катон» с генералами Канробером и Мартенпре отправились к намеченному пункту высадки у старого генуэзского форта с целью произвести осмотр побережья. Убедившись, что на берегу нет русских сил, после информирования об этом командования союзный флот двинулся к Каламитскому заливу. Такое обилие произведенных рекогносцировок, по мнению исследователей Крымской войны, объясняется тем, что союзное командование не имело четкого представления о будущем театре военных действий, у них отсутствовали точные карты побережья. Генерал Н. Обручев считает, что только по этой причине ими была упущена из вида удобная для высадки Камышовая бухта.¹⁰²⁵

С целью достижения максимальной концентрации десантных сил на побережье и облегчения их прикрытия корабельной артиллерией высадка происходила на довольно узком участке.

«В очень короткое время корабли трех союзных держав скопились на малом пространстве; наши выстраиваются бок о бок в три параллельные линии по порядку высадки. Все эти движения производятся будто на суше, без недоразумений и с отменной правильностью. Многие сторожевые суда и фрегаты станут на шпринг, чтобы защитить наш десант».¹⁰²⁶

Приказ на готовность к началу посадки десантных сил в высабочные средства был передан лордом Рагланом на все корабли и суда конвоя в 4.30.¹⁰²⁷ Высадку основных сил первыми начали французы в 7 часов 45 минут 14 сентября и, нужно отдать должное, она была организована ими удивительно хорошо. «По сигналу, данному 2 сентября, в 7 часов утра с корабля «Город Париж» с судов флота, стоявших бортом к берегу, начали спускать на воду боты, лодки и другие гребные суда, спуск этих судов производился с противоположного от берега борта, дабы гребные суда по спуску на воду тотчас прикрывались бы своими кораблями и фрегатами; в 7 час. 40 мин. по но-

¹⁰²³ Louis-Édouard Bouët-Willamez, Vice-amiral, Cte, Batailles de terre et de mer jusques et y compris la bataille de l'Alma, Dumaine, Paris, 1855, p. 260–270.

¹⁰²⁴ Joseph Frédéric Canonge, Histoire militaire contemporaine, 1854–1871, Tome. I, Charpentier, Paris, 1882, p. 17.

¹⁰²⁵ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с.50.

¹⁰²⁶ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с.45.

¹⁰²⁷ Lieut. George Shuldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 101.

вому сигналу началась посадка 1-й дивизии, а в 9 час. 20 мин. почти все войска этой дивизии одновременно высадились на берег».¹⁰²⁸

Более точная хронология: сигнал был подан в 7.40, в 8.10 десантные средства уже двинулись к берегу, а в 8.40 первые французы были уже на крымской земле.¹⁰²⁹

Англичане некоторое время находились в роли зрителей и их офицеры лишь констатировали происходящее.¹⁰³⁰ «Французы стали первыми высадившимися. Вскоре после 7 утра они послали лодку с полудюжиной солдат, которые установили флагшток и подняли французские флаги. Их первые отряды высадились в 8.45 утра приблизительно в двух милях к югу от нас».¹⁰³¹

Первым старшим командиром, ступившим на землю Крыма в Каламитском заливе, был командир 1-й дивизии дивизионный генерал Франсуа Канробер. Едва выйдя на берег, он, став у трехцветного французского флага, обозначавшего место высадки, стал отдавать приказы адъютантам, с восхищением смотревших на своего патрона. Один из них, капитан де Молен, считал этот день лучшим событием в своей жизни.¹⁰³²

«В половине восьмого над спокойным и безмятежным морем был подан сигнал; шлюпки с частью первой дивизии направляются в сторону суши, мой батальон во главе колонны. Прибываем беспрепятственно; лишь перед тем, как ступить на землю, нам приходится замочить ноги: шлюпки не могут достичь берега, и нам нужно выпрыгивать в воду».¹⁰³³ Преодолев около 1 500 метров, отделявших их от берега, уже через час более 6 000 человек под командованием генерала Канробера были на берегу. К часу дня на берегу уже были три дивизии и 18 орудий с передками и лошадьми. К вечеру были доставлены 50 орудий, частично палатки и разнородные припасы на 4 дня. Высадка не прекращалась и с наступлением темноты. Никаких мер по маскировке не проводилось, суда и корабли в темное время суток были освещены.

Высадившиеся на побережье войска тут же разворачивались в боевой порядок и были готовы прикрыть высадку остальных подразделений. В глубь побережья уходили стрелки. Передовые посты выставлялись в 5–6 верстах от берега, одновременно начиналась рекогносцировка.¹⁰³⁴ Таким образом, французская легкая пехота первой начинает активные действия в Крыму. Неугомонный Канробер тут же отдает необходимые приказы, в соответствии с которыми зуавы его дивизии занимают возвышенности на правом фланге союзных сил, начинают разведку местности на удалении от побережья. Первые радости — изобилие дичи, азартная охота за которой оглашает ружейными выстрелами окружающую степь. Первое разочарование — вместо обилия пресной воды французы обнаруживают «...повсюду слишком соленую».¹⁰³⁵

По мере высадки к легкой присоединяется линейная пехота. Вскоре левый фланг союзных сил уже занимает французский 7-й полк линейной пехоты, образовав сво-

¹⁰²⁸ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 62.

¹⁰²⁹ Charles Auger Guerre d'Orient: Siege de Sebastopol. Historique du service de L'Artillerie (1854–1856), Tome premier Paris, 1859, p.56.

¹⁰³⁰ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p.40.

¹⁰³¹ March, Catherinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p. 120.

¹⁰³² François Bournand, Le maréchal Canrobert, Sanard et Derangeon, Paris, 1895, p. 62–63.

¹⁰³³ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с.45.

¹⁰³⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 62.

¹⁰³⁵ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с.45.

ими элитными 1-й и 2-й (гренадерской и вольтижерской) ротами линию прикрытия.¹⁰³⁶

Французские пехотинцы громкими криками приветствовали живописную свиту своего командующего, контролировавшего с офицерами штаба развитие операции. Сент-Арно появился на берегу примерно в час дня. Он был весь в движении. Почти шесть часов, оставаясь верхом, проверял биваки, контролировал отправку патрулей.¹⁰³⁷

Особый колорит прибавляли солдаты эскорта маршала. Это были военнослужащие корпуса спаги, три полка которого формировались в Алжире. Спаги приняли участие в Крымской кампании в качестве конвоя Сент-Арно. Маршал, помня о своём «африканском отечестве», пожелал составить свой эскорт из людей, обычаи и костюм которых он любил и которые напоминали о дорогом и близком ему. От всех трёх полков в апреле 1854 г. были выделены люди, составившие эскадрон из 70 человек (в основной массе добровольцы из 3-го полка) во главе с лейтенантом Полем де Моленом. После смерти своего главнокомандующего спаги эскортировали его преемника – генерала Канробера. Они были первым кавалерийским подразделением французской армии, вступившим на крымский берег, но непосредственного участия в больших сражениях за Крым не принимали, за исключением нескольких мелких стычек.

Вопреки бытующему повсеместно мнению, что эти солдаты в экзотической униформе были не более чем украшением штаба французского главнокомандующего, спаги прекрасно справлялись и с ролью разведки, и не менее успешно выполняли задачи военной полиции.¹⁰³⁸

Французский главнокомандующий чувствовал прилив сил и, казалось, болезнь отступила. Для него это был пик славы: он вспоминал, что в этот же день, 14 сентября 1812 г., Наполеон вступил в Москву и вот теперь он в этот же день ступил на землю Российской империи.¹⁰³⁹

Британцы, начавшие высадку в 8 часов (или в 8.30)¹⁰⁴⁰, были явно обижены на своих французских союзников, когда поняли, что те опередили их с высадкой на берег Крыма.

Подполковник Калторп вообще называет французов виновниками легкой неразберихи, случившейся, когда пришло время высаживаться англичанам.¹⁰⁴¹ В то же время сами британцы вели себя не всегда по-джентльменски. Пользуясь нескоординированным порядком высадки, они переместили выставленные бакены, сузив, таким образом, французам зону высадки, и не столь организованно, но зато с гораздо большим энтузиазмом, свойственным истинным британцам, рванулись к берегу. Кстати, британцы в своих воспоминаниях утверждали, что бакены были сдвинуты французами, а они только вернули их на место.¹⁰⁴²

¹⁰³⁶ Émile Hippolyte Bourdeau *Historique du 7e régiment d'infanterie, 1569–1890* J. Girma, 1890, p. 249.

¹⁰³⁷ Camille Rousset, *Histoire de la guerre de Crimée*, Paris, 1878, p. 196–197.

¹⁰³⁸ François Bourmand, *Le maréchal Canrobert, Sanard et Derangeon*, Paris, 1895, p. 62–63.

¹⁰³⁹ *Lettres du maréchal de Saint-Arnaud*, Michel Lévy frères, Paris, 1855, p. 487–488.

¹⁰⁴⁰ *From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855* By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 108.

¹⁰⁴¹ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. *Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea*. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856. p.39.

¹⁰⁴² Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. *Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea*. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856. p.41.

Первыми пошли к берегу лодки с ротами 7-го Королевского фузилерного и 23-го Королевского Уэльского фузилерного¹⁰⁴³ полков Легкой дивизии. Считавшие себя вторыми после гвардии по элитности, солдаты фузилерных батальонов стремились отспорить друг у друга пальму первенства. При этом понимая, что за французами им уже не успеть, стать аутсайдерами среди своих им тоже не хотелось. Подполковник Лайсонс, командовавший 23-м полком, вспоминал, что когда его солдаты увидели, что они первые находятся на воде и имеют возможности оказаться первыми, ступившими на землю России, им и его людьми овладел азарт. Ему оказались подвержены все, в том числе и моряки, сидевшие на веслах. Командовавший ими лейтенант флота Весли кричал своим людям, чтобы они ускорили темп.¹⁰⁴⁴

Большого вреда эта первая в истории Крыма международная гребная регата, конечно, не принесла, учитывая полное игнорирование русским командованием факта вторжения противника на полуостров, но разногласия между союзниками усугубились. Его не преодолели окончательно за всю войну на самых разных уровнях – от рядового солдата до главнокомандующих.

В 1863 г. капитан флота Великобритании Мендс категорически опротестовал это, утверждая, что никаких особых противоречий между союзниками не возникало. Но и он не отрицает недовольства французов поведением британских моряков, нарушивших южную разграничительную линию высадки, создав этим неудобства. Из его письма «Таймс» следует, что французы просто махнули рукой на своих британских коллег, убедившись, что спорить с ними бесполезно...

Первым британским генералом, ступившим на крымскую землю, был командир Легкой дивизии генерал Джордж Браун, высадившийся вместе с солдатами 1-й роты 23-го Уэльского фузилерного полка. Его сопровождали адъютант подполковник Лайсонс (бывший офицер 23-го полка), генерал Эйри, квартирмейстер британской армии в Крыму, высадившиеся с борта корабля королевского военно-морского флота «Британия».¹⁰⁴⁵ Спустя минуту к берегу причалила первая шлюпка с солдатами 7-го Королевского фузилерного полка. Вполне возможно, что Королевские фузилеры все-таки опередили уэльсцев.¹⁰⁴⁶ В рядах союзных войск царило воодушевление.¹⁰⁴⁷ Британские моряки помогали солдатам, стараясь, чтобы последние не только не замочили оружие и снаряжение, но и сами оставались максимально сухими. Но это была не просто братская забота о братьях по оружию. Эвелин Вуд говорит, что таким образом стремились минимизировать любые возможности болезней, в том числе и простудных, которые могли привести к активизации инфекционных заболеваний. У всех в памяти были проблемы французов в Варне.¹⁰⁴⁸

Кстати, оба полка (7-й и 23-й) до сих пор оспаривают пальму первенства высадки на крымской земле... Капрал 7-го Королевского фузилерного полка Тимоти Гоуинг в своих воспоминаниях «Голос из строя» не обошел вниманием детали столь важного для британской военной истории первенства.

¹⁰⁴³ Beeton, Samuel Orchart Our soldiers and the Victoria Cross : a general account of the regiments and men of the British army and stories of the brave deeds which won the prize «for valour», London, 1867, p.139.

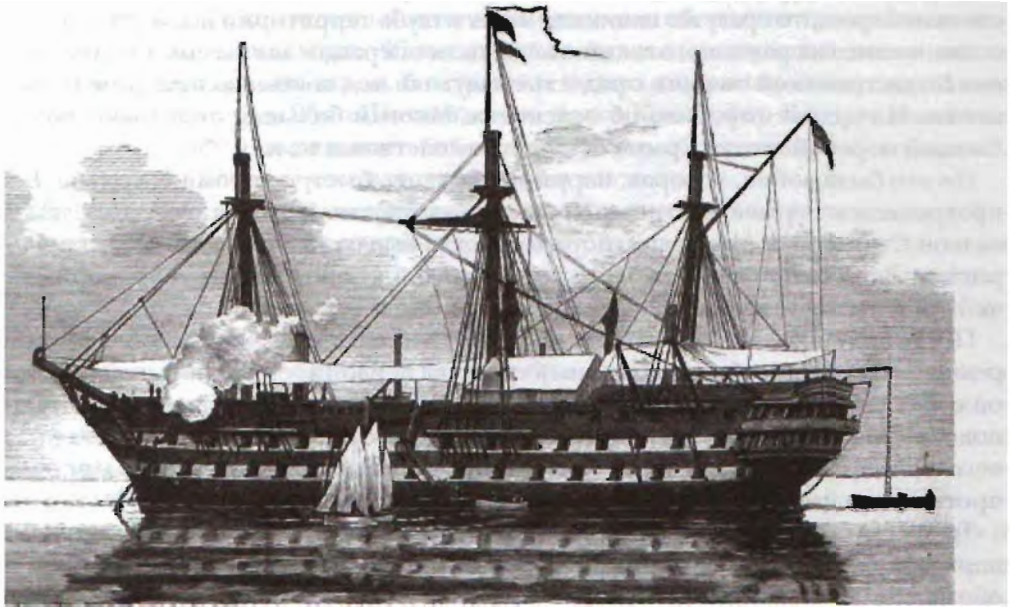
¹⁰⁴⁴ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.79–80.

¹⁰⁴⁵ Regimental Records of the Royal Welch fusilers (Formerly 23rd Foot), Vol. II, 1816–1914 (July) published by the Royal Welch Fusilers, 1995, p.69.

¹⁰⁴⁶ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 46.

¹⁰⁴⁷ Lieut. George Shuldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma. Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 101.

¹⁰⁴⁸ Wood, Evelyn. From midshipman to field marshal. Vol. 1. London. 1906. p.29.

Линейный корабль английского военно-морского флота «Лондон». Середина XIX века.

«14 сентября мы высадились у Старой Крепости. По сигналу главнокомандующего первая партия Легкой дивизии приготовилась к высадке. Мы и десантная партия второго батальона стрелковой бригады наперегонки бросились к берегу, ведь ступить первым на вражескую землю — великая честь; при всем своем почтении к сопернику, сообщаю, что честь эта досталась фузилерам, хотя хвастать тут нечем, разница во времени была невелика».¹⁰⁴⁹

Как бы то ни было, пока королевские и уэльские фузилеры спорили о результатах регаты, их все еще было не более 70 человек, а французы уже имели не менее 6 000¹⁰⁵⁰ «новых конкистадоров» на земле Российской империи. Да и спор был, мягко говоря, неуместен, так как к тому времени, когда в Каламитском заливе корабли союзников только начинали посадку войск в высадочные средства, на пристанях Евпатории уже кипела работа, а в городе постепенно набирали силу грабежи.

Вскоре эмоции первых минут сменились обыденной рутинной военной бытия. Генерал Браун, не теряя времени, приказал подполковнику Лайсонсу организовать прикрытие района высадки с фланга.¹⁰⁵¹

Через 2 часа число синих и красных мундиров на берегу еще увеличилось. Хотя англичан по-прежнему было несколько сотен, число французов перевалило за 7 тысяч.¹⁰⁵² Однако вскоре высадка пошла живее и на крымскую землю ступили последние батальоны Легкой дивизии — 88-й и 77-й полки.¹⁰⁵³

¹⁰⁴⁹ Гоуинг, Тимоти. Голос из строя (пер. с англ. Е. Тунахиной)//Military Крым, №2, 2005 г., Симферополь, с. 19

¹⁰⁵⁰ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 46.

¹⁰⁵¹ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p.80–81.

¹⁰⁵² Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 39.

¹⁰⁵³ Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916 p.111.

В 10 часов очередь дошла до батальонов Гвардейской бригады. Едва ее роты достигали берега, то сразу же начинали марш в глубь территории полуострова, пока не остановились на равнине, отведенной планом операции для лагеря. Солдаты батальона Колдстримской гвардии с радостью ощутили под ногами долгожданную твердую землю. Ничего не говорило об опасности. Многим больным стало заметно лучше. Свежий морской воздух Крыма благодатно действовал на них.¹⁰⁵⁴

Но это была война, которая, нарушив идиллию, быстро напомнила о себе. Вскоре прогремели и первые выстрелы Крымской кампании. По приказу лорда Раглана батальон Стрелковой бригады майора Норкотта был отправлен вместе с несколькими ротами Легкой дивизии в рейд по прилегающей к зоне высадке территории с задачей конфисковать весь встречаемый скот и лошадей для нужд армии.¹⁰⁵⁵

После полудня лейтенант Стеценко заметил обоз с лесом, двигавшийся вдоль побережья. Не желая, чтобы столь ценный груз стал первой военной добычей союзников, он с казаками попытался направить его в глубину территории полуострова. Однако подоспевший взвод английских солдат 23-го полка с расстояния 300 м дал залп, после чего офицер решил отказаться от этой затеи, становившейся уже рискованной. Пули просвистели у них над головами, и казаки оставили повозки в покое.¹⁰⁵⁶

Трофеями англичан стали 14 арб, груженных лесом, а также овощами и фруктами — первая добыча большой войны.¹⁰⁵⁷ Похоже, что первой добычей союзников стали обозы, принадлежавшие военным поселениям. По крайней мере, вскоре после происшествия в Департамент военных поселений поступило донесение от инспектора резервной кавалерии о захвате неприятелем 40 подвод с 14 военными поселянами, большей части которых удалось вскоре бежать из плена.¹⁰⁵⁸

Когда вышедший на берег капитан 1-го ранга Драммонд в компании Кинглейка и нескольких морских офицеров подошел к захваченному обозу, он застал там английских пехотинцев, уплетавших сочные трофеи, и русского мальчишку-обозника с простреленной ногой. Чья пуля в него попала, английская или русская, никто не мог сказать точно.¹⁰⁵⁹ Подполковник Лайсонс приказал полковому хирургу оказать раненому первую помощь.¹⁰⁶⁰

К полудню большая часть французской армии и британских Легкой и 1-й дивизий находилась на берегу. Впервые в ходе десанта, а вероятно, и в мировой военной истории была успешно применена полевая проводная связь — подразделение телеграфистов лейтенанта корпуса королевских инженеров Тисдейла развернуло на крымском берегу станцию, обеспечившую надежную связь с флагманским кораблем.¹⁰⁶¹

Если у французов все обстояло более-менее удовлетворительно, то у их союзников проблемы сменяли одна другую. Высадка британцев была организована значитель-

¹⁰⁵⁴ Wyatt, John. History of the First battalion Coldstream guards during The Eastern Campaign. London 1858, p. 18–19.

¹⁰⁵⁵ Higginsin, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 144–145.

¹⁰⁵⁶ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с.203.

¹⁰⁵⁷ Beeton, Samuel. Orchard Our soldiers and the Victoria Cross : a general account of the regiments and men of the British army and stories of the brave deeds which won the prize "for valour", London, 1867, p. 139–140.

¹⁰⁵⁸ Давыдов Б.Б. Об участии военных поселяны в Крымской войне//Вестник архивиста, № 1(79), М., 2004 г., с.200.

¹⁰⁵⁹ Journal of two visits to the Crimea in the autumns of 1854 & 1855 with remarks Sir Edward Colebrooke. Bart. London, 1859, p. 12–13.

¹⁰⁶⁰ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 83.

¹⁰⁶¹ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of lie Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55. By Capitan H.S. Elphistone. R.E. London. 1859, p. 11.

но хуже, порядок навести не удавалось, что вызывало раздражение и офицеров, и солдат. Отсутствие четких указаний, отсутствие системы обеспечения порождали недовольство. В полковой истории 46-го пехотного полка высадку называют не иначе как административным кошмаром. В остальных полках участники менее сдержанны в комментариях. Капитан 93-го Шотландского полка Кристофер Блэкетт заметил в своем письме домой: «...высаживать войска без всякого обеспечения — это безумие, но это факт. Лорд Раглан не соответствует своему посту...».

К слову сказать, аналогичные претензии можно предъявлять не только к лорду Раглану. Из всех английских дивизионных командиров опыт командования в боевых условиях подразделениями более батальона имели только двое...¹⁰⁶² Для сравнения: у французов боевой опыт имели многие офицеры батальонного, полкового, бригадного и дивизионного звеньев и даже некоторые командиры рот.

Хотя болезни, казалось, притихли, многие британские солдаты, высаживавшиеся на берег Крыма, продолжали в большинстве своем страдать от последствий заболеваний холерой или дизентерией. Скоро безнадежно больных стало столько, что потребовалось принимать меры к их отправке назад в Болгарию и Турцию, где предсмотрительно были построены госпитальные бараки. Вновь по морской глади зановали катера: начались обратная погрузка всех больных на транспорт «Кенгуру» и отправки в Скутари. В их числе был и наш знакомый — капитан Стрелковой бригады Максимилиан Хаммонд. Холера свалила его перед самой высадкой и, обессиленный, он даже не смог покинуть корабль.¹⁰⁶³

Нужно сказать, что слепая забота командования о минимизации носимого имущества британскими солдатами обернулась в первую же ночь обратной стороной и стоила жизни не одному из них. Менее цивилизованные турки и те понимали, что часто жизнь и здоровье военнослужащего зависит от слоя тонкой ткани над головой. «Малейший навес может оказаться неопределимым для спящего человека. Тонкий слой марли между ним и ночным звездным небом может стать границей между здоровьем и болезнью».¹⁰⁶⁴ Их солдаты и офицеры больше других понимали, что отправляются не на пикник. Турецкие офицеры знали, что во время боевых действий у них нет ни отпусков, ни выходных.¹⁰⁶⁵ Каждый солдат нес с собой не только палатку (ее, кстати, нес и каждый офицер), но и всё необходимое для приготовления горячей пищи в самых неблагоприятных условиях. Хотя запасов пищи у них было мало, помогал отмечаемый даже скупыми на похвалы англичанами традиционный турецкий аскетизм, стойкость и умение достаточно спокойно переносить самые невыносимые условия.¹⁰⁶⁶ Но в отношении к туркам понятие «малый» не означает «плохой». Продуктов было немного, но они были разнообразны, что позволяло готовить вкусно и качественно.¹⁰⁶⁷ Питание организовывалось группами (так называемыми караванами) из 10 солдат и одного капрала. Традиционно у них был большой запас пресной воды. Этот самый минимальный запас позволил туркам отметить высадку. К зависти англичан, турецкие солдаты, едва высадившись, с восточной неторопливостью приготовили

¹⁰⁶² T.J. Deakin, *Tactical Triumph at The Alma*// Military History, March 1996, p.45.

¹⁰⁶³ The Memoir of captain M.M. Hammond. Rifle brigade. Edinburgh. 1908. p. 270–272.

¹⁰⁶⁴ Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) *Turkey and the Crimean war : a narrative of historical events*, London, 1867, p.290–291.

¹⁰⁶⁵ Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) *Turkey and the Crimean war : a narrative of historical events*, London, 1867, p.294–295.

¹⁰⁶⁶ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902. p.109.

¹⁰⁶⁷ Осман-бей. Заметки о турецкой армии//Военный Сборник, №6, СПб., 1874 г., с.342–343.

себе пусть скромный, но завтрак, а ветер донес к союзникам запах свежесваренного кофе.

Действительно, по сравнению с французами и тем более с турками английские офицеры выглядели настоящими нищими. Не в смысле финансовом, тут им равных не было. Но в ходе боевых действий деньги если и нужны, то лишь для того, чтобы развести с помощью ассигнаций костер.

Кажется, эти наивные действительно были так уверены в мощи армии и флота ее величества, что девиз «Севастополь — за неделю!» казался им реальностью. Большинство английских офицеров имели с собой флягу со спиртным напитком, холодное оружие, револьвер (или ударный пистолет) и пальто. Хиггинсон пишет, что сабля была единственным, чем он был вооружен.¹⁰⁶⁸ Кроме этого, каждый взял минимально необходимое имущество для ухода за одеждой, снаряжением и оружием. Как и солдаты, они имели при себе запас соленого мяса и бисквитов на три дня.¹⁰⁶⁹

Боезапас солдата включал 50 или 60 патронов (в зависимости от типа оружия). Это был весь наличный боезапас экспедиционных сил — патронные ящики выгружались в Евпатории, там же находились полковые чиновники с некоторым числом солдат от каждого батальона. К поясному ремню каждого солдата была привязана фуражная шапка, которая в ближайшее время станет основным головным убором британских пехотинцев. Не удобные, а если сказать точнее — совершенно непригодные к полевым условиям, тяжелые кивера Альберта¹⁰⁷⁰ при первом удобном случае выбрасывались¹⁰⁷¹ или случайно забывались на местах привалов. Сначала командиры попытались бороться с этим, но когда забывчивость стала хронической, отказались от этой идеи. Гвардейцам пришлось тащить на себе еще и тяжелые медвежьи шапки, непонятно зачем взятые в Крым. Эвелин Вуд пишет, что этот головной убор, который так любили генералы, был совершенно бесполезен и беспощадно выбрасывался солдатами. Уже зимой не осталось батальонов, где его можно было увидеть.¹⁰⁷²

Государственным деятелем муж королевы Виктории, может быть, был и не самым плохим, но что касается его деятельности по реформированию военной формы, то тут он оказался ничуть не лучше нещадно критикуемого Николая I. Кроме неудобного кивера, он одел тяжелую кавалерию в 1842 г. в неудобные каски, скопированные им по примеру пруссаков с русских.¹⁰⁷³ И то, и другое было вызвано желанием его придать английской армии европейский облик.

Все вещи были собраны в пак, который солдаты несли в руке. Мы помним, что ранцы, оставленные на кораблях, англичане назвали большой ошибкой. И дело было даже не в том, что их содержимое разворовали славные наследники Нельсона. Ранец в той или иной степени предохранял вещи от промокания. Когда полил дождь, то всё, что было в пакете, быстро промокло и в результате, например, офицеры 63-го полка прятались под совершенно мокрым и протекающим навесом из вонючих оде-

¹⁰⁶⁸ Higginsin George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 143.

¹⁰⁶⁹ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 108–109.

¹⁰⁷⁰ Кивер Альберта — головной убор английской пехоты образца 1844 г. Носился во всех полках, кроме гвардии и горцев. Назван по имени принца Альберта — мужа королевы Виктории, разработавшего его. Интересно, что самые непригодные к войне головные уборы — русская каска и английский кивер — были приняты в один год.

¹⁰⁷¹ The Welch Regiment 1719–1914, London, 1914, p. 181.

¹⁰⁷² Wood, Evelyn. From midshipman to field marshal. Vol. 1. London. 1906, p. 29.

¹⁰⁷³ Хвостов М. Краткая история немецкого «шишака» 1842–1918 гг. // Воин, Самара, 2003 г., с. 90.

Россия выглядела для высадившихся врагов бескрайней степью с солеными озерами и лежавшей в пяти милях деревней. Обозревавший горизонт на юго-восток почти на двадцать миль лейтенант Ванделер с грустью констатировал: «Я никогда не видел более неинтересной страны».¹⁰⁷⁷

Действительно, на туристический круиз это было не похоже. Первая ночь на крымском побережье доставила мало приятного утомленным морским переходом и продолжающимися болезнями союзникам. Крым встретил их проливным дождем, длившимся до утра. Капрал Тимоти Гоуинг из 7-го Королевского фузилерного полка с горечью констатировал: «...Тысячи сынов Британии, которые прибыли, чтобы сражаться за королеву, были брошены на берегу без всякого убежища.

Вначале высадили пехоту с несколькими орудиями; но, как ни прискорбно, для армии, находящейся на вражеской территории, у нас был предельно жалкий вид. Палаток не было; у офицеров не было лошадей, только несколько вьючных пони; спальня и столовая сэра Дж. Брауна находились под орудийным лафетом. Но даже в этом ужасном положении нам можно было позавидовать, ведь мы, пусть и продрогшие до костей, были все-таки на твердой земле; а шлюпки с морскими пехотинцами и матросами тащили к берегу огромные плоты с лошадьми, орудиями и артиллерийскими расчетами. Начинался шторм; волны, черные, как ночь, подымались все выше, и встревоженные лошади лягались и брыкались. Несколько несчастных утонуло, когда плот перевернуло волной почти у самого берега; впрочем, мы не видели, как море всей силой обрушивалось на песчаный берег. Мы торопливо разводили костры из обломков шлюпок и плотов».¹⁰⁷⁸

Нечто аналогичное вспоминал и рядовой Дональд Камерон из 93-го Шотландского полка Аграйл и Сазерленда, которому пришлось спать, «...используя траву в качестве подстилки и камни вместо подушки».¹⁰⁷⁹

Наступившее долгожданное утро не добавило положительных эмоций. Настроение солдат было более чем минорным. «...Это было такой горестной сценой, что ни у кого даже не было желания говорить. Слой грязи, висевший на наших брюках выше лодыжек, делал нас похожими на только что ловивших рыбу в море, и на обширной равнине, насколько хватало глаз, не было топлива, и это была самая дикая местность, которую мне приходилось когда-либо видеть. Моя алая, вышитая золотом жакетка, которую я надел вчера утром, и стоившая мне двадцать гиней, была похожа на неудобную сильно потрепанную ночную сорочку...».¹⁰⁸⁰

«Первая ночь в Крыму надолго запомнится тем, кто ее пережил. Лил дождь; ветер перерос в настоящий ураган, и всем, от командиров до мальчишек-барabanщиков, приходилось пережидать его в одинаковых условиях. Лило, как в тропиках, так, что к утру мы выглядели, как мокрые курицы...».¹⁰⁸¹

Лейтенант Пид из 20-го пехотного полка называет эту ночь, когда он промок до костей, худшей из всех ночей своей жизни.¹⁰⁸²

¹⁰⁷⁷ March, Catherinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p. 121.

¹⁰⁷⁸ Timothy Gowig, A Soldier's Experience, London, Chapter II, p.41–42.

¹⁰⁷⁹ Paul Cerr, The Crimean War, 2000, p. 39–40.

¹⁰⁸⁰ Paterson, Robert H, Pontius Pilate's bodyguard : a history of the First or the Royal Regiment of Foot, The Royal Scots (The Royal Regiment). Edinburgh : Royal Scots History Committee 2000, p. 168.

¹⁰⁸¹ Timothy Gowig, A Soldier's Experience, London, Chapter II, p.42–43.

¹⁰⁸² Lieut. George Shuldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p.105.

Очевидцы говорили, что после первой ночи в Крыму со многих британских офицеров слетел былой лоск и они стали похожи на солдат, такие же мокрые и грязные они развешивали мокрые пальто для просушки под лучами солнца.¹⁰⁸³

Подполковник Лайсонс писал сестре, что не знал ничего более ужасного, как три холодные ночи без палаток, проведенных им на берегу Крыма.¹⁰⁸⁴

Для английских солдат, большинство из которых не имело никакого боевого опыта, невзгоды и лишения первого дня пребывания на полуострове, особенно связанные с отсутствием достаточного количества воды, запасов продовольствия, усугубленные непогодой, давались с большим трудом. Так, из состава рядовых 41-го Уэльского полка основная масса солдат и сержантов были молодые люди, имевшие срок службы от 5-ти до 7-ми лет, и лишь считанные единицы из них участвовали ранее в экспедиции в Афганистан.¹⁰⁸⁵ История сохранила память о некоем отставном сержанте Джеймсе Клаффее, умершем в 1920 г. Ветеран кампаний в Крыму, Вест-Индии, Южной Африке, он сражался на Альме в составе 41-го полка в возрасте 17 лет. По его воспоминаниям, он попал в Крым, прослужив в армии всего несколько недель.

Молодость английских офицеров и солдат удивляла многих. Этот факт отметила английская путешественница Аннет М.Б. Минкин, посетившая в начале XX в. Крым. Читая надписи на могилах, ее «...поразила сильнее всего крайняя молодость офицеров. Одному из них было только восемнадцать лет, многим другим только девятнадцать, огромному количеству по двадцать одному и двадцати двум годам, когда они погибли во славу своей страны».¹⁰⁸⁶ Она сравнивала соотечественников с английскими военными погибшими в недавно закончившейся кампании в Южной Африке.¹⁰⁸⁷

«Было очень грустно думать, что так много храбрых английских юношей было вырвано из родных домов и оставлено лежать в этой далекой земле до того, как им исполнилось двадцать, и все это из-за вспыльчивой британской общественности, которая требовала войны во что бы то ни стало, обвиняла армию в бездеятельности, проводила оскорбительные сравнения между генералами, которые хотели отложить кампанию, и генералами, рвавшимися в бой, преуменьшала в печати силы противника и преувеличивала свои. Интересно сравнить возраст молодых офицеров, погибших на войне в Южной Африке, с возрастом героев Крыма. У мальчиков, которых послали в Крым, не было опыта войны, они были практически школьниками».¹⁰⁸⁸ Но есть и другая точка зрения, гораздо менее чувственная и одновременно более правильная: адмирал Слейд говорил, что первая ночь в Крыму — это расплата британской армии за ее изнеженность, невнимание к элементарным проблемам полевого быта. Расплатой были тысячи умерших и тысячи заболевших.¹⁰⁸⁹ Появились и первые случаи суицида. Откровенно завидовали французам и туркам, чьи тыловые ведомства проявили большую заботу о своих солдатах.¹⁰⁹⁰ Отдельные острословы

¹⁰⁸³ Journal of two visits to the Crimea in the autumns of 1854 & 1855 with remarks Sir Edward Colebrooke, Bart, London, 1859, p. 18–19.

¹⁰⁸⁴ Sir Daniel Lysons, general, G.C.B. The Crimean war from first to last, London, 1895, p. 86.

¹⁰⁸⁵ The Welch Regiment 1719–1914, London 1914, p. 179.

¹⁰⁸⁶ Аннет М.Б. Минкин. Россия. Путешествия и исследования//Историческое наследие Крыма, № 16, Симферополь, 2006 г., с. 195.

¹⁰⁸⁷ Речь идет об Англо-бурской войне (1899–1902 гг.) Великобритании против бурских республик — Южно-Африканской республики (Трансваля) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики), закончившаяся победой Британской империи.

¹⁰⁸⁸ Аннет М.Б. Минкин. Россия. Путешествия и исследования//Историческое наследие Крыма, № 16, Симферополь, 2006 г., с. 196.

¹⁰⁸⁹ Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) Turkey and the Crimean war: a narrative of historical events, London, 1867, p. 290–291.

¹⁰⁹⁰ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 114–115.

говорили, что единственными палатками в английской армии являются юбки Шотландской бригады.

Но кое-кому удалось провести первые дни в Крыму вполне комфортно. Французский 20-й линейный, заняв одну из близлежащих богатых деревень (Storoe)¹⁰⁹¹, практически не ощутил на себе ненастье.¹⁰⁹²

Конечно, английская армия и французская армия были по своей сути совершенно разными явлениями. Единственное, что их реально объединяло, это то, что они вышли из одной эпохи — наполеоновских войн. Но если британцы продолжали оставаться такими же, как и во время герцога Веллингтона, то французы к 1854 г. сумели сохранить лучшие республиканские традиции. Французский солдат и офицер периода наполеоновских войн были рождены революцией, ее духом свободы и новыми социальными условиями. Высокому качеству этого солдата, офицера способствовало установление особых человеческих отношений между солдатской массой и высшим командованием (в глазах солдат Наполеон — маленький капрал), что было не менее революционным шагом, чем использование каких бы то ни было технических новшеств. В России такого рода отношения устанавливались Суворовым, Ушаковым, Нахимовым, позднее Скобелевым и др., но в рамках совершенно иных социальных условий; к тому же все эти военные лидеры не были верховными. И если у французов под страхом смертной казни офицеру запрещалось бить солдата, строжайше соблюдался завет Наполеона, что «избитый солдат лишен чести...», то я думаю, нет смысла даже делать ссылку на первоисточник, когда дело касается русской и английской армий. В одной армии по спидам солдат гуляли шпицрутены, в другой — плетки.

Для французов в начальный период кампании английские коллеги — не более чем объект насмешек. Потому французские офицеры в своих воспоминаниях не столь сентиментальны по отношению к союзникам и не упускают случая, чтобы не отметить хроническую, по их мнению, склонность британских солдат к мародерству.

«Так как в округе нет никакого врага, некоторое количество солдат, особенно английских, этим пользуется и идет в соседние деревни грабить и даже разрушать некоторые лачуги, добывая дрова, необходимые, чтобы вскипятить котелок».¹⁰⁹³

Конечно, и англичане не остаются в долгу и их эпитеты такие же ядовитые. Хиггинсон, вспоминая первые дни после высадки, говорит, что первое, чем занялись французы на русской земле, были «...привычные для них грабежи».¹⁰⁹⁴

Очень интересно охарактеризовал английских солдат и во время высадки, и во время кампании адъютант генерала Боске капитан Фей. Его комментарий объективен и не содержит оскорбительных выпадов в адрес британцев. Он только лишний раз подчеркнул, что английский и французский менталитеты — различные. Причину столь невероятных страданий, которые выпали на долю союзников по коалиции в первые дни пребывания в России, он видел прежде всего в диаметрально противоположных привычках английских и французских солдат. В действительности рацион британцев был не меньшим, а скорее даже большим, чем у французов. Но первые в значительной степени индивидуалисты и не представляют, как можно жить, готовить пищу в условиях коллектива. Французские солдаты, наоборот, склонны к коллективизму и потому держатся группами, в которых у каждого свои обязанности. На-

¹⁰⁹¹ Так в истории полка.

¹⁰⁹² Émile Bloch Historique de 95e régiment d'infanterie de ligne (20e léger) 1734–1888. Typ. Tardy-Pigelet, Bourges, 1888, p. 156.

¹⁰⁹³ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона // Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с. 45.

¹⁰⁹⁴ Higginsin, George Wetworth Alexander, Sir, Seventy-one years of a guardsman's life, London, 1916, p. 146.

пример, принадлежности для приготовления пищи, устройства лагеря, запасы дров, продуктов распределены между всеми поровну. Это позволяет им в самых некомфортных условиях создать максимальный уют. Едва остановившись, француз тут же варит кофе — напиток, позволявший в условиях походной жизни поддерживать силы. Во время сражения на Альме солдаты умудрились пить его даже в ходе наступления на русские позиции. Столь же быстро французы разбивали лагерь. Англичанам подобное неизвестно, потому в ходе войны, особенно холодной зимой 1854–1855 гг. им пришлось очень тяжело. Взаимовыручка и взаимопомощь настолько привычны для французских солдат, насколько незнакомы английским.¹⁰⁹⁵

Один пример наиболее яркий. Французские солдаты, равно как и их коллеги из других армий, столкнулись в первые часы пребывания в Крыму с проблемой отсутствия пресной воды в достаточном количестве. Ее не хватало для элементарного — солдаты не могли сварить суп и были, таким образом, лишены горячей пищи. Англичане в этой ситуации не принимали никаких мер и просто ели всё, что есть и как есть: соленое, холодное. Французы приняли решение во что бы то ни стало найти достаточное число пресной воды. Один из находчивых шассеров 5-го батальона (очевидно, ветеран африканской кампании) дивизии Форе выкопал глубокую яму и сконструировал простейшее устройство для сбора и первичной очистки воды. В результате французская армия не нуждалась в пресной воде.

Дальше я буду говорить о кошмарном марше к Альме, стоившем британцам едва ли не стольких же потерь, как само сражение на Альме. Их добивала жажда, усугубленная слабостью от болезней. Но совершенно рядом всё было по другому. Ни один из французских источников не говорит ни о чем подобном среди солдат маршала Сент-Арно. Такого и не могло быть: фляги солдат императора Наполеона были полны пресной воды, на каждом привале солдаты пили горячий кофе, а на длительном быстро готовили горячую пищу. Для французов заповедь маршала Сульта «Войсковая часть перед едой и после еды представляет две разные войсковые части» была незыблемой.

История не сохранила имени этого находчивого солдата, который так удачно послужил своим товарищам. Известно, что маршал Сент-Арно выдал ему премию в 100 франков, а колодцы были по приказу открыты каждым подразделением французского контингента.¹⁰⁹⁶

Добавим для объективности к оценке Феем своих солдат и их оценку русскими. А так как лучшую, чем у генерала А.М. Зайончковского, найти трудно, потому и возьмем ее за основу.

«Оценивая вооруженные силы Франции, следует упомянуть, что армия ее славилась строгой исполнительностью и примерной дисциплиной, которая была основана на сознательном отношении к службе как офицеров, так и нижних чинов, считавших позором нарушать требования дисциплины. Всё обучение солдат с первых дней службы велось в этом духе.

Одушевленная сильным национальным духом, французская армия обладала и хорошими, и дурными сторонами своего народа. Она жаждала славы, деятельности и борьбы; будучи мужественной и отважной, она выказывала часто чудеса храбрости. Природная подвижность и выдающаяся интеллигентность отдельных лиц делали войска неумолимыми, выносливыми и способными переносить всякие лишения.

¹⁰⁹⁵ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p.50–52.

¹⁰⁹⁶ Auguste Jean, Charles Richard, Les chasseurs a pied, H. Charles-Lavauzelle, Paris, Limpes, 1891, p.132–133.

При развитом самолюбии, уверенности в себе и тщеславии французов в войсках проявлялось постоянно общее стремление к движению вперед. Каждый жаждал победы и никто не сомневался в успехе. Французский солдат был самостоятелен, ловок в бою, а на походе и биваке отличался умением применяться к обстановке и практичностью. Война была нормальным явлением для французской армии, и короткие промежутки мира не давали ей возможности усваивать сопряжение с ним пагубной привычки».¹⁰⁹⁷

Конечно, это только одна сторона медали. Другая была более грустной. Фей скромно умалчивает, что первыми пленными, захваченными русскими казаками на крымской земле, стали именно французские любители легкой наживы. И это было тоже в духе армии Франции. Пока одни занимались приготовлением пищи и разбивкой лагеря, другие, самые шустрые гавроши, шныряли по окрестностям в поисках чего-нибудь такого, что могло сделать скромный солдатский обед, ужин или завтрак более калорийным. Как правило, вблизи стоянок французских войск очень быстро прекращалось всякое кудахтанье, криканье и хрюканье домашней живности. Актуальная до нашего времени солдатская аксиома «Если у тебя достаточно патронов, пропитание всегда добудешь» была для французской пехоты стилем жизни. Начальство знало об этом, но не всегда реагировало. Чаще командиры предпочитали делать вид, что ничего не происходит.

Эту хроническую любовь французской легкой пехоты к мародерству, ставшую легендарной, констатировали уже после Альминского сражения британские солдаты и офицеры. Очевидно, психология солдат и офицеров союзных войск не сильно отличалась от психологии банального колонизатора, ступившего на оккупированную землю, где всё, по их мнению, потенциально уже принадлежало им. Постепенно джентльмены превращались в конкистадоров. Вначале Раглан пытался сохранить лицо цивилизованного колонизатора. Объезжая ближе к вечеру расположение войск, он застал в одном из немногих уцелевших населенных пунктов небольшой деревне Тагили возмущившую его картину. Она была просто уникальной. Местные татары, увидев в составе союзного контингента турецких солдат, приняли их с радостью, как единоверцев. Но не тут-то было.

Местным аборигенам было не понятно, почему люди, принятые ими за единоверцев, не ведут себя с надлежащим почтением. Им было невдомек, что солдаты, одетые в стилизованную под восток униформу, это французские зуавы, которые, не обращая внимания на вопли мужчин и женщин, которых они просто разогнали, ударились в банальный разбой.

Когда английский генералитет прибыл в Тагили, там шел азартный грабеж — зуавы тащили все, что могли, и уничтожали все, что не могли унести. Особенно им удавалось скоростное скручивание шей домашней птице. На появление англичан, тем более в высоких званиях, они не обращали никакого внимания. Еще одна традиция зуавов — подчинение и уважение исключительно для своих командиров. Назревал конфликт. Немедленно английским главнокомандующим был вызван батальон Стрелковой бригады, располагающийся неподалеку. «Зеленые куртки» кулаками и пинками утихомирили галерников¹⁰⁹⁸ и отобрали все ими награбленное. Французских солдат отпустили — Раглан не хотел обострять и без того не совсем теплые отношения между союзниками. Выставленные из числа стрелков часовые остались охранять свои

¹⁰⁹⁷ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Том 1, СПб., 2002 г., с. 584.

¹⁰⁹⁸ Галерники — одна из многочисленных кличек зуавов во французском военном сленге.

Нравы французских зуавов. Немецкий рисунок. 1859 г.

первые трофеи – некоторые из них стояли среди куч из кур, гусей и домашней утвари.

Английский главнокомандующий был взбешён. Особенно его возмутило то, что союзные солдаты бродят по округе и при этом являют собой прекрасную цель для казаков, которые уже пленили 12 зуавов¹⁰⁹⁹ (Тотлебен говорит об 11 пленных).¹¹⁰⁰ Кстати, адмирал Слейд утверждает, что эти самые попавшие в плен и были мародерами из Тагили, удравшими от стрелков и попавшие в руки казаков. Как бы то ни было, Сент-Арно прибыл к зуавам и почитал им мораль о правилах поведения в чужой стране, назвав каждого, кто грабит местное население, «...душой и сердцем преданного союзникам», «пособником русских» и пообещав каждого пойманного мародера отправить назад на корабли, но уже закованным в кандалы.¹¹⁰¹

Впрочем, столь грозные обещания были не более чем эмоциями. Французский главнокомандующий по своему африканскому опыту знал ценность этих солдат, большинство которых с равным успехом могло пережить нищету парижских трущоб, откуда они были в своей массе призваны в армию, и дикость алжирских пустынь, где они одни из немногих из состава армии приобрели реальный боевой опыт. Потому маршал ограничился словесным внушением и не стал назначать никаких расследований. Сент-Арно осудил грабительские инстинкты зуавов, а для себя нашел их объяснение в прирожденном «любопытстве и тяге к исследованиям».¹¹⁰²

¹⁰⁹⁹ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 48

¹¹⁰⁰ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 111.

¹¹⁰¹ Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) Turkey and the Crimean war : a narrative of historical events, London, 1867, p.293.

¹¹⁰² Camille Rousset, Histoire de la guerre de Crimée, Paris, 1878, p.196–197.

Конечно, французский главнокомандующий и не собирался никого предавать суду. В принципе, он и сам был сродни им по духу. Первые из первых и в самых тяжелых сражениях, и в лишениях, зуавы всегда были той опорой, на которую можно было положиться.¹¹⁰³ Для англичан они представлялись чем-то сродни туркам, беспощадными к врагу на поле сражения, не признающими ни пола, ни возраста населения оккупированных территорий. Хотя в своей массе зуавы были не более чем юношами из крупных парижских городов, как правило, небольшого роста, но их манера одеваться и напускная развязность производили впечатление отчаянных головорезов. Чопорным британцам было трудно понять, что эти парни отбирались на службу прежде всего по принципу умения жить и воевать в любых условиях. Считалось, что если молодой человек сумел выжить в жутких условиях чрева Парижа, то он с легкостью выживет всюду. Таким образом, сочетание высокого боевого духа с умом и сообразительностью стали отличительной чертой французской легкой пехоты. Еще не успев напугать неприятеля, они уже довели до ужаса некоторых из представителей союзной армии. Один из английских участников экспедиции описывал этих солдат как людей «самой дьявольской внешности, которую он когда-либо видел... Огонь, убийства, грабеж читались на лице каждого из них. Они не пожалеют ни мужчину, ни женщину, ни ребенка. Так они поступали в Алжире, почему в Крыму они должны поступать иначе?».¹¹⁰⁴ Это, конечно, смешно, так как на деле хорошо пограбить умели не только зуавы, но и цивилизованные англичане, вместе с менее цивилизованными турками.

А потому едва первые союзные солдаты ступили на русскую землю, все законы джентльменской войны уступили место праву силы. Начался повальный грабеж татарских деревень и евпаторийских кварталов, причем особенно отличались французы. Бесчинства достигли таких масштабов, что о них стало известно и за рубежом. Той же осенью «Таймс» писала, что зверства союзников в евпаторийских деревнях таковы, что газета не решается привести подробности — «они слишком оскорбительны для человечества». Ак-Мечеть была разграблена «дочиста, скот и овцы угнаны... людей же от старого до малого избивали и подвергали всякого рода оскорблениям».¹¹⁰⁵ Хотя в воспоминаниях английского лейтенанта Ванделира удается обнаружить, что и его земляки святыми не были. Ему пришлось разбираться с подчиненными, конфисковавшими у местного населения кур, гусей и индеек. После разговора с солдатами птиц не вернули, но немного денег обывателям заплатили.¹¹⁰⁶

Французские офицеры тоже не слишком приукрашивали действительность и не скрывали склонность своих подчиненных к банальному мародерству. Мы даже можем составить список полков, которые грабили. Это не трудно, так как грабили все. Офицеры пытались возмущаться, но не брезговали пользоваться плодами грабежа. За примером зайдем в 20-й полк легкой пехоты.

«На следующий день 15 сентября с восходом солнца, я был уже на ногах, перед передней линией, собирая сведения от солдат, вставших еще ранее и возвращавшихся из окрестностей нашей стоянки. Каждый из них нес две большие манерки, одну с водой, другую с вином; многие были с гусями, утками и курами, добытыми мародерством. Я отправился по указанию их в деревню за 4 километра, вполне убежденный,

¹¹⁰³ Slade, Adolphus, Rear-admiral, K.C.B. (Mushaver Pasha) Turkey and the Crimean war : a narrative of historical events, London, 1867, p.293–294.

¹¹⁰⁴ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p.111–112.

¹¹⁰⁵ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар, М., 1992 г., с. 323–324.

¹¹⁰⁶ March, Catherinr, The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, London, 1862, p. 121.

Мародерство союзников после высадки в Крыму. Сентябрь 1854 г.

что там совершаются действия, противные дисциплине. Напавши в скором времени на род погреба для вина, устроенного посреди виноградника, я встретил здесь несколько солдат, проклинавших предупредивших их товарищей. Действительно, для наполнения своих манерок они пробили штыками 60 или 80 бочек с вином — и в погреб можно было проникнуть по колено в вине. Я продолжал свой путь, встречая большое число зуавов, тюркосов и пехотных солдат, нагруженных съестными припасами; в деревне такая же толпа. Солдаты всех оружий, уведомленные товарищами, спешили принять участие в грабеже. Какое печальное зрелище!... Я был взволнован... но чувствовал себя бессильным!

Генерал Тома, бригада которого занимала передовые посты, отдал приказание задерживать всех возвращающихся солдат и отбирать у них на полицейском посту все найденные припасы. Было отобрано более чем две тысячи штук птицы, которая затем раздавалась поровну офицерам и солдатам. Первые получали две части, из которых одна была послана морским офицерам на Вальми, обратившим их в корабельные запасы».¹¹⁰⁷

Учитывая историческую конфликтность между Англией и Францией, взаимоотношения между союзниками — тема очень сложная. Об этом уже говорилось выше. Об этом мы скажем еще не раз. Обойти эту проблему невозможно, тем более что она пронизывает всю Крымскую войну. О ней говорят русские, подчеркивая свои достаточно хорошие отношения с французами и откровенную неприязнь к англичанам. Они никогда не были равными в течение всей кампании.

В первые же дни и часы пребывания в Крыму между английскими и французскими офицерами неоднократно возникали недоразумения. По воспоминаниям офицера французской линейной пехоты Жюля Хеба, несколько британских коллег, слоняв-

¹¹⁰⁷ Французы и русские в Крыму. Письма франц. офицера к своей семье во время Восточной войны 1853–1855 гг. Генерала Эрбе, бывшего полкового адъютанта 95-го пехотного полка. Минск. 1894 г., с.56–57.

шихся по берегу без надежды получить пищу, были приглашены им и его товарищами разделить скромную походную трапезу. Англичане без лишних слов и с гордым молчанием снобов с родословной приняли приглашение, без малейшего зазрения совести съели большую часть имевшихся продуктов и без всякой благодарности удалились. На следующий день они даже не поприветствовали гостеприимных французов, проходя мимо их палатки.

В солдатской среде, свободной от предрассудков собственных офицеров, всё было проще. Конечно, при случае французы и англичане не упускали случая померяться силой в драке, но чаще всего этой самой драке предшествовала вполне дружеская вечеринка. Например, когда в Турции впервые встретились солдаты Колдстримской гвардии и французские пешие егеря 3-го батальона, то и те, и другие, считая себя военной элитой, отнеслись друг к другу с высочайшим уважением. Очевидцы увидели, как через несколько часов по земле Галлиполи слонялись в обнимку группы солдат разных стран и народов, распевавшие английские и французские военные песни.¹¹⁰⁸

Тема взаимоотношений союзных войск с местным населением Крымского полуострова очень сложная. К ней нужно подходить очень осторожно, тем более что в ее основе лежит очень тонкий национальный вопрос, актуальность которого сохраняется по сегодняшний день. Оснований для взаимных обид хватало у всех. Например, в опубликованных в журнале «Русская старина» «Записках генерала Тотлебена» приведен пример совсем не умных действий местной администрации, никак не способствовавших лояльности татарского населения.

«По получении известия о высадке союзников, таврический гражданский губернатор послал чиновника Максимовича с сотнею казаков для наблюдения за татарами в Евпаторийском уезде. Максимович с казаками начал наказывать и грабить во всех деревнях; казаки насильственным образом оскорбляли женщин; в деревне Тшей засекли 7 человек и при этом они заявляли, что с приходом из России войск все татары будут перерезаны. В это время явилась прокламация маршала Сент-Арно, обещавшая татарам полное покровительство. Двадцать тысяч татар Евпаторийского уезда перешли к союзникам».¹¹⁰⁹

Действительно, не только в дорогах проблема России...

Как бы то ни было, солдаты и офицеры союзных сил считали, что высадка произведена успешно и им удалось на этом этапе полностью переиграть русских. Лейтенант 39-го линейного полка Эрнест Варень вспоминал: «Наша дивизия без осложнений высадилась в Бальчике в старом форте, 15-го сентября, в то время как противник ожидал нас у Альмы, Качи и у Бельбека».¹¹¹⁰ Он, конечно, путает географию, но в главном прав.

Итак, теперь мы знаем, что со дня высадки в Евпатории началась сухопутная часть операции вторжения, не встретившая никакого противодействия со стороны русской армии.

¹¹⁰⁸ Our Veterans of 1854 [i.e. Eighteen Fifty-four]: In Camp, and Before the Enemy by a Regimental Officer, London, 1859, p. 16–17.

¹¹⁰⁹ О выселении татар из Крыма в 1860 г. Записка генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена // Русская Старина, Том 78, СПб., 1893 г., с. 532.

¹¹¹⁰ Ernest Varaigne, Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage. Nice 1992 (перевод Е. Беднарчика).

3 (15) СЕНТЯБРЯ

День 3-й: последний

Англичане, в связи с возросшим к вечеру волнением моря, смогли высадить 2 (14) сентября только две дивизии: Легкую и 1-ю. 2-я, 3-я и 4-я дивизии высаживались следующий день и без особых проблем. После того, как пехота оказалась на побережье, англичане приступили к выгрузке кавалерии, артиллерии, а также тыловых подразделений.

Кавалерии была поставлена боевая задача — частью Легкой бригады с приданными ей 250 пехотинцами и 2 орудиями конной артиллерии начать разведку прилегающей территории и обеспечить прикрытие снабжения высадившихся войск с базы в Евпатории, где до сих пор производилась разгрузка имущества, продовольствия и боеприпасов с транспортов. Выполнить поставленную задачу Легкая бригада была не в состоянии. Причиной стало катастрофическое состояние конского состава. При перевозке морем лошади были набиты на транспорты в количестве, иногда в два раза превышавшем допустимую вместимость, в итоге 75 лошадей погибло во время перехода.¹¹¹¹ Еще больше неприятностей доставил начавшийся уже во время высадки шторм, подтвердивший непредсказуемость погоды у западного побережья Крыма в сентябре. От него пострадала британская часть экспедиционных сил, затянувших высадку на берег.

«В этот же день часть английской армии высаживается и располагается слева от нашей. На следующий день море стало бурным, ветер — неистовым, баржи не могут продолжать операции по высадке; много лошадей утонуло».¹¹¹² Почти 80 лошадей потеряла в волнах Черного моря при высадке английская артиллерия.¹¹¹³ Это стало очередной проблемой: возникла трудность в транспортировке зарядных ящиков. Некоторые из них пришлось оставлять под охраной у Старого форта.

Только спустя сутки англичане смогли организовать работы по приему оставшихся грузов в районе высадки экспедиционных сил. Это потребовало немалой нагрузки от солдат: «Когда забрезжил рассвет, мы являли жалкое зрелище, но услышав сигнал сбора, быстро пришли в себя. В поте лица мы выгружали на берег артиллерию, лошадей, ядра, бомбы и всё, что нужно для снабжения армии, кроме опять-таки палаток. Незримый враг (болезни) по-прежнему был среди нас, ежедневно находя новые жертвы. Люди работали как проклятые, мужественно перенося все трудности. Мы высушили одежду на пляже; многочисленные пикеты, выставленные тем же вечером, должны были уберечь нас от неприятных сюрпризов, пока мы спали, завернувшись в плащи», в этих словах Тимоти Юинга очень мало возвышенного.

Французы высадили на берег артиллерию (12 батарей. 10 по 6 и 2 по 4 орудия), ракетную батарею (остатки). Горная батарея, осадная артиллерия и весь артиллерийский парк оставались на кораблях.

Последней на узкую полоску песчаного пляжа высадилась 2-я бригада 4-й дивизии, солдатам которой пришлось пробираться между кучами разбросанного в беспорядке имущества. Это формирование бригадой можно назвать очень условно, так как несмотря на свое громкое название, по реальной численности оно не намного превышало полнокровный русский пехотный батальон. Штатный состав имел лишь

¹¹¹¹ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с.45.

¹¹¹² Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с.45.

¹¹¹³ Col. G.Gocelyu, The History of The Royal Artillery, London , 1951, Part II, p.116.

63-й полк. В 46-м полку было всего лишь две роты, которыми командовал капитан О'Тул. Командир дивизии в Крым не прибыл (называют разные причины, чаще всего болезнь), и бригадному генералу Артуру Торренсу пришлось взять командование на себя. Мы еще расскажем о злоключениях этой бригады в Крыму. Это одно из тех приключений, а правильнее сказать, недоразумений Альминского сражения, которые входят в военную историю не как подвиг на поле боя, а как реализованная воля случая.

Пока же английское командование не рассматривало бригаду как полноценную боевую единицу и планировало оставить на берегу, поручив личному составу завершать выгрузочные работы. После этого Торренс должен был вести 63-й, 46-й пехотные и приданный ему 4-й легкий драгунский полки по следам армии на Севастополь.¹¹¹⁴

15 сентября на пляже появились долгожданные представители медицинского департамента во главе со своим начальником — доктором Холлом. Ими было собрано для дальнейшей погрузки и отправки в госпитали Скутари около 750 человек.¹¹¹⁵

В этот день появились первые русские пленные. Они были взяты в плен во время нападения патруля из 15 спаги на русский пост, удаленный на 5–6 км от места высадки. Французские кавалеристы, напав ночью, разоружили его личный состав. 12 рядовых и сержант были доставлены ими к главнокомандующему, подробно расспросившему пленных о составе и действиях армии князя Меншикова.¹¹¹⁶ По воспоминаниям, маршал Сент-Арно был весьма доволен предъявленными ему трофеями — несколькими ружьями.¹¹¹⁷

4 (16) СЕНТЯБРЯ 1854 г.

День 4-й: армия на берегу

На третьи сутки мало что изменилось. По крайней мере, так казалось капралу Гоингу: «16 числа мы по-прежнему выгружали на берег всевозможные принадлежности, находясь в полной готовности на случай нападения; люди, казалось, забыли, что состоят из плоти и крови. У французов были палатки и прочие удобства, у нас по-прежнему ничего».

В сентябре 1854 г. английская армия в Крыму попала в ту же ситуацию, что и герцог Веллингтон, высадившийся в период войн с Наполеоном в Испании без единой повозки. Лейтенант Пид считал, что более 2 000 лошадей, мулов и других необходимых животных были оставлены в Варне. На самом деле эта цифра намного больше. Нехватка гужевого транспорта из проблемы превращалась в бедствие. Некоторые офицеры пешком отправлялись в Евпаторию, намереваясь там раздобыть для себя лошадь. Наиболее предприимчивые умудрились сделать перепродажу лошадей и мулов доходным бизнесом.¹¹¹⁸ Незначительное число волов, конфискованных у местного населения, было передано саперам и подразделению телеграфа лейтенанта Тисдейла.¹¹¹⁹ Попытка сформировать что-то подвижное из конфискованного гужевого

¹¹¹⁴ James Slack, The history of the late 63rd (West Suffolk) Regiment, Army and Navy Co-operative Society, 1884, p. 102–103.

¹¹¹⁵ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, Nev York, 1911, p. 318–319.

¹¹¹⁶ Camille Rousset, Histoire de la guerre de Crimée, Paris, 1878, p. 196–197.

¹¹¹⁷ A. Durand Historique du 3e régiment de spahis H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1892, p. 114–117.

¹¹¹⁸ Lieut. George Shuldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 106.

¹¹¹⁹ Journal of the operations conducted by the corps of Royal Engineers. Published by order of the secretary of state for War. Part I. From the Invasion of the Crimea. to the close of the Winter Campaign 1854–55, By Capitan

транспорта у англичан провалилась. При отсутствии кузнецов, починочных мастерских, какого-либо снабжения, какой-либо организации и распорядка этот обывательский обоз скоро развалился.¹¹²⁰

Постепенно быт оккупантов налаживался. Союзному командованию удалось наладить организацию высадки и размещения войск на побережье. Картина все более и более напоминала привычный военный лагерь. Всюду кипела самая разнообразная работа, «...штабные офицеры в своих треугольных шляпах с перьями носились галопом в разных направлениях».¹¹²¹

Но долго задержаться на берегу не пришлось.

5 (17) — 6 (18) СЕНТЯБРЯ 1854 г.

День 5-й и день 6-й: отдых перед испытаниями

17 сентября союзники отдыхали. Сутра провели молебен и смотр войск, после чего людям была дана возможность привести в порядок снаряжение и оружие, готовя его к маршу и предстоящему сражению. Солдаты и офицеры купались в море. Немного улучшилось положение с питанием. За это все должны были благодарить французов. Их пехотные и кавалерийские взводы провели рейды по окрестным деревням, завершившиеся конфискацией у местного населения огромного количества скота и фуража. Таким образом, постепенно все тяготы и лишения войны стало ощущать на себе местное население.

Английские солдаты наблюдали огромные стада, перегонявшиеся по степи. Их сопровождали французские кавалеристы — спаги, которых за странный для европейского глаза военный костюм британцы прозвали старухами. Но скоро смех и издевательства над африканцами прекратились. Выполняя, кроме эскортирования своего главнокомандующего маршала Сент-Арно, еще и функции военной полиции, спаги с приданной им пехотой сумели обеспечить свои войска весьма пристойным питанием. Французские авторы утверждают, что во время одного из разведывательных рейдов произошла стычка между спаги и русскими казаками, в которой арабские солдаты были первыми кавалеристами, скрестившими сабли с противником во время Крымской кампании.¹¹²²

Англичане вели себя пассивно. Казалось, британское командование совершенно не думало об улучшении рациона личного состава. Некоторых английских офицеров голод заставил превратиться из джентльменов в воров: товарищи лейтенанта Пиды устроили обед из продуктов, украденных одним из них на корабельном камбузе.¹¹²³

Общая идиллия этого солнечного и теплого сентябрьского дня была нарушена сообщениями об участвовавших случаях смерти от болезней, вновь напомнивших о себе. 20-й пехотный полк в этот день недосчитался еще троих солдат.

В этот день вернулась с демонстрационных действий эскадра, на борту которой находилась 4-я дивизия генерала Форе, назначенная в резерв. В день высадки она подошла к устью Альмы, помаячила там, выслав шлюпки, которые сделали промеры

H.S. Elphinstone. R.E. London. 1859, p.9.

¹¹²⁰ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II., М.-Л., 1928 г., с.37–38.

¹¹²¹ Lieut. George Shuldhham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 107.

¹¹²² A. Durand Historique du 3e régiment de spahis H. Charles-Lavauzelle, Paris, 1892, p. 116.

¹¹²³ Lieut. George Shuldhham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 109.

на расстоянии 55 сажень от берега. Через некоторое время «...войска сели обратно на корабли, которые не замедлили отправиться далее к устью Качи, где, простояв около часа, эскадра снялась с места и пошла на соединение к остальному флоту».¹¹²⁴ Дивизия высадилась после того, когда основную часть французских войск маршал Сент-Арно уже увел в глубь русской территории. Генерал Форе прикрывал своими батальонами тыл французского контингента.¹¹²⁵

Выгрузка материальной части французских войск была полностью завершена 5 сентября. Англичане сделали это сутками позже – 6 сентября. «Таким образом, при благоприятных условиях высадка была произведена французами за четыре, а англичанами – за пять дней».¹¹²⁶

Эти сентябрьские дни стали одним из уроков Крымской войны. Речь идет о так называемом пароходном мосте. О нем много говорили в 1840-х годах, впервые его осуществимость была продемонстрирована в Чивитавеккье в 1849 г.¹¹²⁷ Тем не менее вплоть до 1854 г. не было уверенности в том, что большая армия может пересечь море на пароходах в порядке, достаточном для того, чтобы осуществить вторжение в страну, обладающую достаточно мощным флотом. Судьба союзнической армии после высадки была отнюдь не безоблачной, но сама переправа прошла быстро и была неплохо организована; управление высадкой также было осуществлено на должном уровне. Экспедиция показала, что построить такой мост, по крайней мере в определенных обстоятельствах – вполне возможно.

«Выжженная земля»

Мы уже говорили, что объединенные силы союзников с момента начала высадки находились под постоянным наблюдением русских. Это раздражало англичан и французов, постоянно заставляя их находиться в состоянии волнения и беспокойства. Союзные офицеры вспоминали, что с первого дня русская кавалерия и казаки постоянно «маячили вокруг». Первой воинской частью, вступившей в визуальный контакт с десантом неприятеля, стал казачий полк полковника Тацина. Он пришел к лейтенанту Стеценко в д. Контуган в день высадки примерно в 16 или 17 часов и с этого времени не выпускал из вида союзный десант, информируя Меншикова о перемещениях неприятеля. Но не только разведка и наблюдение возлагались на казаков, с которыми, кстати, прибыл и сын главнокомандующего – Виктор Александрович Меншиков.¹¹²⁸ Князь опасался движения Сент-Арно и Раглана в глубину полуострова на Перекоп или Симферополь. Для предотвращения этих попыток казакам было дано указание уничтожать все, что могло благоприятствовать союзникам. Жизнь неприятеля должна была стать невыносимой. С этой целью по приказу Меншикова отряд иррегулярной кавалерии под командованием флигель-адъютанта Исакова (полк Тацина) должен был выжечь все стога сена в окрестностях Евпатории.¹¹²⁹ Лейтенант Пид был одним из тех, кто видел пожары в степи и понимал, что вражеская кавалерия предает пламени все, чем могли воспользоваться союзники.¹¹³⁰

¹¹²⁴ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 63.

¹¹²⁵ Auguste Jean, Charles Richard, Les chasseurs a pied, H. Charles-Lavauzelle, Paris, Limpges, 1891, p. 132.

¹¹²⁶ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №9, СПб., 1898 г., с. 63.

¹¹²⁷ Высадив 24 апреля 1849 г. в Чивитавеккье 10-тысячную армию, французы пошли к Риму и начали его артиллерийский обстрел.

¹¹²⁸ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том 1, СПб., 1873 г., с. 203.

¹¹²⁹ Ильинский Д.В. Из воспоминаний и заметок севастопольца//Русский архив, №12, М., 1892 г., с. 454.

¹¹³⁰ Lieut. George Shuldharn Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 111.

Это еще больше раздражало союзников, мало того, что ощущавших на себе постоянное внимание противника, но и опасность. Ни один солдат не рисковал отойти дальше чем на 20 шагов от своих товарищей. К тому же, по словам подполковника Калторпа, русскими были уничтожены и все строения в окрестности.¹¹³¹

6 сентября полковник Тацин передал, что французская дивизия Боске, имея впереди веер стрелков двинулась к Симферополю. В штабе главнокомандующего начался переполох, продолжавшийся до опровержения этой не самой приятной для штаба Меншикова новости.¹¹³²

Продолжает удивлять абсолютная пассивность А.С. Меншикова, не предпринявшего никаких, даже самых элементарных мер для срыва плана союзников. Он не пытался ни оттеснить их к Евпатории, ни хотя бы прижать к морю и удерживать максимальное время на безводном берегу, изматывая атаками кавалерии и артиллерийским огнем. Единственным, по словам английских солдат, проявлением активности русских была попытка казаков еще в самый первый день захватить в плен непонятно зачем удалившегося без сопровождения генерала Брауна. Но, принимая к сведению скептическое отношение к этому событию лейтенанта Стеценко, поставившего под сомнение этот эпизод, будем считать его абсурдным. Хотя этот случай и вошел во все британские источники, Стеценко в написанных им после войны «Воспоминаниях и рассуждениях» опроверг предположение, что у него даже появилась мысль «...с пятью казаками... отбить генерал-квартирмейстера в виду высаживающихся войск и флота».¹¹³³

И вновь холера...

До 19 сентября союзники находились на берегу залива, продолжая высадку и пытались хоть как-то наладить снабжение войск в условиях жесточайшего дефицита транспорта.

Мы уже не раз говорили, что высадившиеся в Крыму войска имели численность своих подразделений значительно меньшую штатной. С каждым днем число личного состава, находящегося в строю, продолжало таять. Не столь заметные, как пули и осколки, но не менее, а в некоторых случаях даже более беспощадные болезнетворные бактерии продолжали делать свое вот уж действительно «грязное» дело. Английский 28-й пехотный полк (командир полка подполковник Фрэнк Адамс) насчитывал в строю при посадке на корабль «Циклоп» в Варне 26 офицеров, 37 сержантов и 720 солдат и сержантов. В Крыму их стало на несколько десятков меньше. У французов было не лучше. Мы уже говорили на примере 7-го полка линейной пехоты, что некоторые подразделения и части имели в строю не более 50% своего личного состава.

Холера и другие болезни, которые нашли благодатную почву в переполненных отсеках кораблей, продолжали свирепствовать в Крыму точно так же, как ранее в Варне, Балчике и Скутари. Они уносили жизни с не меньшей интенсивностью, чем делали это до погрузки на корабли, хотя многие медики надеялись, что морской воздух во время перехода выдует заразу. Но надеждам не суждено было сбыться.

Английские военные медики, в частности, Томас Лонгмор, анализируя санитарную ситуацию в Крыму в первые дни после высадки и до Альминского сражения, говорит,

¹¹³¹ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856. p. 48.

¹¹³² Ильинский Д.В. Из воспоминаний и заметок севастопольца//Русский архив, №12, М., 1892 г., с.455.

¹¹³³ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с. 203.

что именно климатические неприятности первых дней, помноженные на совершенно непригодную систему военно-полевой администрации, стали одной из причин, по которым английская армия понесла громадные небоюевые потери осенью 1854 г. Он считает, что достаточно здоровые британские солдаты хотя и переболели массово в лагерях в Болгарии, действительно за несколько дней морского перехода сумели в значительной мере прийти в себя. Однако трудности первого дня, перепады температуры воздуха, холодная земля, некачественная и холодная пища, отсутствие укрытий от дождя, легкая, непригодная к осенним крымским ветрам одежда, тяжелые физические нагрузки, переохлаждения привели к тому, что болезнетворные бактерии снова начали брать свое в ослабленных организмах.¹¹³⁴ Кривая смертности резко пошла вверх.

С момента выхода в море и до конца сентября только офицеров скончалось 15 человек. Особенно доставалось несчастным шотландцам из 79-го полка. Даже менее других страдавшая артиллерия британцев добавила к 156 умершим в Болгарии еще 39 несчастных.¹¹³⁵ Некоторые из солдат умерли на крымском берегу в первую же ночь, сидя возле скудных костров, завернувшись в мокрые одеяла. По этой причине несколько офицеров и солдат в полевую артиллерию было временно передано из осадного парка. Оттуда же был взят и конский состав, необходимый в первую очередь для перевозки полевых орудий. Это самым неблагоприятным образом сказалось на организации снабжения войск и стало одной из причин, по которым союзникам не удалось нанести окончательное поражение русским на Альме. Материальную часть осадного парка выгружали позднее, в Евпатории, в основном силами моряков Королевского флота. Питание до сих пор не было налажено тыловыми службами. В результате «...от недостатка в горячей пище в английском лагере развились в сильной степени холера и другие повальные болезни. Все это убеждает в несомненной истине, что в деле продовольствования и гигиены десятков тысяч людей, поставленных в исключительное положение условиями походной жизни, нет ничего маловажного».¹¹³⁶

Что дальше?

Но в скором будущем вместо ожидаемого полноценного отдыха союзников ждали новые трудности. Для тысяч солдат союзных армий, волею судьбы оказавшихся вдали от родины, началась «...кампания, в которой храбрость и доблесть солдат, терпение их командиров одержали победу не только над врагом, но и над неподготовленной и убогой администрацией».¹¹³⁷

В некоторой степени расшатанное моральное состояние союзников, вызванное вынужденной бездеятельностью в Варне и перенесенной там холерной эпидемией, было несколько сглажено после успешной беспрепятственной высадки при полной пассивности со стороны русской армии. Постепенно инициатива окончательно перешла в руки противника.¹¹³⁸

¹¹³⁴ Longmore Thomas, surgeon-general, The sanitary contrasts of the British and French armies during the Crimean war Giffin, London, 1883, p.20–21.

¹¹³⁵ Col. G. Gocelyu, The History of The Royal Artillery, London, 1951, Part II, p.116.

¹¹³⁶ Богданович М.И. Восточная война 1853–1865 годов. В 4-х томах. Том III, СПб., 1877 г.

¹¹³⁷ Stanhope Bayne-Jones, M.D. The Evolution of Preventive Medicine in The United States Army, Washington, 1968, p.89.

¹¹³⁸ Гершельман С., Нравственный элемент под Севастополем// Военный сборник, №2, СПб., 1894 г., с.262.

Высадившиеся на российское побережье союзники встали перед вопросом, как продолжать военные действия. В этом случае перед ними был классический по Колумбу набор перспектив:¹¹³⁹

1. Атака неприятельского приморского пункта (в нашем случае Евпатория уже была взята, а Севастополь был только в перспективе);
2. Атака неприятельской позиции (русские войска уже сосредоточивались на Альминской позиции);
3. Осада приморской крепости (до Севастополя можно было дойти только сломив сопротивление войск князя Меншикова);
4. Вторжение в глубь неприятельской территории (исключалось, так союзная армия не была готова к этому).

Из предложенного выбирать много не приходилось — перед союзными войсками стояла на Альминской позиции армия князя Меншикова, и никакие дальнейшие действия нельзя было предпринять, не атаковав ее.

Подведем итоги десантной операции. Для военно-морской теории «...из Крымской войны были вынесены четыре основных урока. Первый — амфибийные операции с использованием пароходов проводятся и быстрее, и увереннее, чем с использованием парусников. Второй — современную, хорошо устроенную морскую крепость захватить весьма непросто. Третий — тогда как даже самые крупные и мощные винтовые корабли весьма уязвимы для вражеского огня, броненосные корабли могут выдерживать почти всё, что может быть направлено против них. Четвертый — паровые флотилии являются весьма важным элементом современной морской войны. Очевидно, что первый урок был вынесен из перевозки войск в Крым: транспорты за несколько дней пересекли Черное море и спокойно высадили войска на берег. Против этой операции возражало большинство старших офицеров британской и французской армии; «Это экспедиция на Сицилию», ворчали они. Но в результате операция стала подтверждением опыта, полученного в 1849 году при высадке в Чивитавеккье. Та операция уже привлекла к себе благосклонное внимание, но была далека по масштабам от высадки в Крыму, и при ее проведении исключалась наиболее беспокоившая генералов союзников возможность вмешательства большого, хотя и уступавшего в численности и устаревшего Черноморского флота. То, что 60 000 человек несмотря на присутствие вражеского флота оказались способны переправиться через Черное море, стало одним из наиболее удачных моментов операции и поводом для беспокойства тех британских офицеров, которые думали о возможности будущей англо-французской войны.

Хотя сама высадка стала безусловным успехом, собственно осада Севастополя оказалась долгой и кровопролитной. Захват города потребовал почти года — и то некоторые укрепления так и остались не занятыми. Отсюда и был сделан второй вывод: морская крепость может упорно сопротивляться даже мощному штурму с воды и с суши».¹¹⁴⁰

Теперь союзникам предстояло двигаться навстречу ожидавшей их русской армии. У них был только один шанс — победить. Поражение означало катастрофу.

¹¹³⁹ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №10, СПб., 1898 г., с.334.

¹¹⁴⁰ Гамильтон Ч. А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870// Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870., Oxford: Clarendon Press, 1993. (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html)

МАРШ СОЮЗНИКОВ К АЛЬМЕ

«...Мы не спеша двинулись вперед, причем люди были настолько измучены холерой, желудочными расстройствами и проч., что, не пройдя и пяти миль, мы потеряли сотни».

Капитан английской конной артиллерии
Уолпол П. Ричардс. «Письма из Крыма».

19 сентября 1854 г. английская и французская армии, образовав единый походный порядок, двинулись на юг к Севастополю: торжественно, с развернутыми знаменами, под музыку военных оркестров (у англичан они были в 1-й, Легкой и 2-й дивизиях). Ширина фронта союзных войск достигала 5 миль. Единого боевого порядка не делали. Каждая из союзных армий выбрала свой вариант построения.

У британцев он был следующим: 1-я и Легкая дивизии на левом фланге, 2-я и 3-я дивизии — на правом. Артиллерия и саперы располагались на правом фланге дивизий, которым они были приданы. В авангарде двигались 11-й и 13-й гусарские полки во главе с лордом Кардиганом, на левом фланге охранение обеспечивали 8-й гусарский и 17-й уланский полки с лордом Луканом. В тылу союзников должен был находиться 4-й легкий драгунский полк с лордом Пэджетом. К началу движения полк едва насчитывал 100 человек. Но никто толком не знал, где он даже приблизительно может находиться. Лорд вспоминал, что приказ, полученный им от Раглана, был удивительным: «Завершив охрану работ на месте высадки, двигаться по следам армии».

Мы уже говорили, что для обеспечения охраны района высадки и организации прикрытия сообщения с базой в Евпатории на месте высадки возле Старого Форта была оставлена 2-я бригада 4-й пехотной дивизии Джорджа Каткарта под командованием бригадного генерала Артура Торренса (две роты 46-го и 63-й полк), которая должна была начать движение после окончательной выгрузки имущества, а также погрузки на корабли больных.¹¹⁴¹ Одной из причин, побудившей Раглана оставить именно эти подразделения, была их худшая вооруженность и малочисленность (в двух ротах 46-го полка было не более 240 офицеров, сержантов и рядовых).

Британский историк Стивен Харрис («Британская военная разведка в Крымской войне») считает, что, развернув перед собой завесу из легкой кавалерии, союзники обеспечили себе полную информацию о действиях русских и более того — перехва-

¹¹⁴¹ Lieut. George Shuldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 111; The Crimean diary and letters of Lieut.-General Sir Charles Ash Windham, London, 1897, p. 22–23.

тили инициативу в случившемся почти сразу столкновении на р. Булганак.¹¹⁴² Не будем столь самоуверенны. События показали, что с первых выстрелов Крымской войны фактор случайности сыграл в ней гораздо большую роль, чем логика действий. В сражении на Альме разведка не играла никакой роли: ни оперативная, ни тактическая.¹¹⁴³

Французская армия построила походный порядок в проверенном строю ромба. Этот вариант предбоевого построения был принят маршалом Бюжо¹¹⁴⁴ после его победы при Исли в 1844 г.: пехота в виде ромба, углы которого были составлены из дивизий, построенных в батальонные колонны к атаке; в этом ромбе, обращенном одним из углов вперед к стороне русской армии, батареи каждой из дивизий были расположены в интервалах между колоннами, а кавалерия и обозы двигались внутри ромба.

Сент-Арно поставил в первую линию (вершину ромба) 1-ю дивизию (генерал Канробер), во второй линии двигались 2-я и 3-я дивизии (генералы Боске и принц Наполеон соответственно), третью линию, являющуюся резервом, составили 4-я дивизия (генерал Форе) и турецкие батальоны, обеспечивавшие прикрытие обозов и основной части артиллерии. Стрелки занимали фланги и прикрывали армию от нападения.¹¹⁴⁵ Перед фронтом развернулись 1-й и 9-й батальоны шассеров.¹¹⁴⁶

Одновременно с массами пехоты и артиллерии, маневрировавшими на берегу, начались действия и на море. Параллельное экспедиционным силам движение начали боевые корабли, имевшие задачу прикрытия экспедиционных сил огнем корабельной артиллерии.

Настроение солдат союзных армий вновь стало приподнятым. Этому способствует ощущение мощи гигантской военной машины, совершающей движение одновременно по суше и по морю. Каждый солдат чувствует себя составной частью сильнейшей военной машины, идущей к победе.

«Сердца глубоко взволнованы, все обладают изрядным самолюбием, которое заставляет бодро переносить тяготы и лишения».¹¹⁴⁷

Но все это не более чем красиво. Масса людей имеет один громадный недостаток, делающий ее чрезвычайно уязвимой. Англичане и французы привязаны к морскому берегу и не могут удалиться от него на большое расстояние. Дело не только в отсутствии запасов воды. Это только одна из многих проблем. За время, прошедшее с момента высадки, союзникам не удалось создать надежную систему снабжения войск с базы в Евпатории, которую по плану должны были обеспечивать корабли и суда флота. По этой причине потеря контакта с побережьем представляла для них серьезную угрозу, лишая войска как снабжения, так и поддержки корабельной артиллерии. Сказалась предусмотрительность Меншикова, приказавшего уничтожить запасы сена (а попутно и всего, что только можно было уничтожить). В сочетании с действиями иррегулярной кавалерии, постоянно державшей союзников в напряжении, это вынудило их окончательно остановиться на дирекционной линии на Севастополь и в

¹¹⁴² Harris, Stephen M *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998. p.47–48.

¹¹⁴³ Harris, Stephen M *British military intelligence in the Crimean War 1854–1856* Kent 1998. p.48.

¹¹⁴⁴ Бюжо (Bugeaud, маркиз де ла Пиконнери, герцог де Исли), французский маршал, (1784–1849 гг.), с 1840 г. генерал-губернатор Алжира, в 1844 г. разбил войска Марокко при Исли.

¹¹⁴⁵ Fay, Charles Alexandre, *Souvenirs de la guerre de Crimee, 1854–1856* J. Dumaine, Paris, 1867, p. 54; Léon Guérin, *Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1*, Paris, 1858, p. 226.

¹¹⁴⁶ Auguste Jean, Charles Richard, *Les chasseurs a pied*, H. Charles-Lavauzelle, Paris, Limpoges, 1891, p.132.

¹¹⁴⁷ Орехов Д.В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона//Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г., Симферополь, с.46.

конечном итоге определило характер действий союзных войск в Альминском сражении.

По-прежнему катастрофически не хватало гужевого транспорта для перевозки имущества. Только благодаря стараниям энергичного генерала Эйри удалось добыть, в основном путем реквизиции у местного населения, 250 телег, запряженных лошадьми, и 70 телег, запряженных волами. Но и этого было мало. Требовалось как минимум 700. Но при подготовке операции на всю английскую армию было загружено на транспорты в Варне только около 70 мулов с повозками. Там же были оставлены более 5 000 гужевых животных,¹¹⁴⁸ без которых теперь англичанам было трудно. Часть имущества пришлось оставить на месте выгрузки, часть нести на себе.

С каждым километром, пройденным по раскаленной крымской степи, энтузиазм и боевой пыл англичан уменьшались. Если первый бой им дал крымский дождь, то теперь в дело вступило солнце. Марш проходил в тяжелых условиях, усугублявшихся не отпускавшими солдат после лагерей Варны заболеваниями.¹¹⁴⁹ Палящее солнце, отсутствие воды, общая усталость доводили людей до состояния крайнего истощения. В этих условиях все происходящее превратилось в пытку.¹¹⁵⁰

«...Мы не спеша двинулись вперед, причем люди были настолько измучены холерой, желудочными расстройствами и проч., что, не пройдя и пяти миль, мы потеряли сотни».¹¹⁵¹

Стремясь облегчить свое состояние, солдаты стремились избавиться от всего, мешавшего им двигаться и усложнявшего, по их мнению, жизнь. В результате путь армии был усеян брошенными предметами снаряжения, попадались и лежавшие на земле от усталости люди, которые уже не в силах были продолжать движение. Первое, от чего стремились избавиться солдаты, были киверы, с начала пребывания в Крыму убедительно продемонстрировавшие свою непригодность как головной убор военного времени. Гардемарин флота Эвелин Вуд, когда описывал снаряжение солдата и офицера перед высадкой в Крыму говорил, что этот головной убор, напомилавший свиной окорок, за который генералы цеплялись несколько лет, армия ненавидела и старалась избавиться при первой возможности. По его воспоминаниям, уже осенью в армии не осталось ни одного человека, который бы его носил. В холодное время года предпочтение было отдано удобным и теплым «балаклавам».¹¹⁵² Пехотинцы случайно забывали киверы на привалах, после чего они оставались лежать ровными рядами на земле. «Не будет преувеличением сказать, что последние две мили напоминали мне поле битвы», так позднее описывал путь армии полковник лорд Пэджет. Но если забытый кивер — это не самое страшное из того, что мог потерять солдат, то другие предметы обходились значительно дороже. К беде английской пехоты, некоторые солдаты бросали на землю, не в силах нести, чайники, котелки и даже одеяла.¹¹⁵³

Главной проблемой была нехватка воды и наспех произведенное распределение продуктов. В итоге у одних солдат рацион был вполне достаточным, а другим, как,

¹¹⁴⁸ Tony Lucking, Crimean Lessons in Logistics live on// The War Correspondent, Vol. 20, N3, October 2002, p.32–34.

¹¹⁴⁹ Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916, p. 111.

¹¹⁵⁰ Regimental Records of the Royal Welch fusilers (Formrely 23rd Foot), Vol. II, 1816–1914 (July) published by the Royal Welch Fusilers, 1995, p. 72.

¹¹⁵¹ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолпола П.Ричардса (перев. Е. Тулахиной) <http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>.

¹¹⁵² Wood, Evelyn, From midshipman to field marshal, Methuen, 1906, p.28–29.

¹¹⁵³ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, Nev York, 1911, p. 320.

например, лейтенанту Пиду, пришлось довольствоваться куском соленого мяса, бисквитом и несколькими глотками воды.¹¹⁵⁴

Усталость солдат сделала темп марша невысоким, через каждые 30 минут делались остановки для отдыха и сбора отставших. Дважды делали большие привалы для приема пищи.¹¹⁵⁵ К чести британских солдат, они бросали все, кроме оружия и боеприпасов. А проблему боеприпасов стоит выделить отдельно, так как в ней кроется нечто большее, чем просто обеспеченность солдата необходимым количеством патронов на определенное время. Англичане в первое время кампании никогда не имели их в изобилии. Так, Шотландская гвардия получила на Мальте только 47 000 патронов,¹¹⁵⁶ что при численности батальона, отправившегося в Крым, 911 человек, включая офицеров и музыкантов, составляло немногим более 55 зарядов на солдата при почти полном отсутствии запаса. Идя к Альме, англичане не имели иного запаса боеприпасов, кроме носимого.

Но не будем идеализировать стойкость британского пехотинца. Идя по песку пляжа во время высадки, лейтенант Джозеф Весли увидел торчащий из песка приклад Энфилда и сделал вывод, что если солдаты бросают винтовки, то с боевым духом что-то не в порядке.¹¹⁵⁷

Кстати, вышесказанное в большей степени относится к британцам. Французы, особенно их привыкшие к длительным маршам в безводной Северной Африке зуавы и туркосы (африканские стрелки) особых трудностей не испытывали. «После около пятнадцати километров пути, проходившего на сухой и голой почве, мы без затруднений достигли речушки Булганак, русло которой было почти пересохшим».¹¹⁵⁸

Историки Крымской войны, описывая начало движения союзных войск к Севастополю, повторяют восторженность Кинглейка, почти мифизировавшего грозное движение могучей силы. При ближайшем рассмотрении в этом обнаруживается не более чем склонность командования союзников к театральности и позе, а не умение организовывать передвижение войск по незнакомой местности. В итоге марш изматал людей, и только благодаря его относительной кратковременности не имел катастрофических последствий. Единственным положительным значением было то, что «...в течение наступательного марша по обширной, лишенной растительности равнине наши солдаты были приятно развлечены видом огромного количества обезумевших, бросавшихся под ноги зайцев и кроликов, которых они хватили за уши под многочисленные взрывы смеха; вечером они были съедены солдатами».¹¹⁵⁹

Некоторые из солдат, ослабленные холерой и общим обезвоживанием организма, не могли идти и просто падали на землю. Никто не помогал им, и они оставались лежать до тех пор, пока не приходили в себя. Кто находил силы — следовал за войсками самостоятельно, кто нет — оставался лежать, уповая на милосердие случайного прохожего.¹¹⁶⁰ Необходимых в таких случаях санитарных фургонов не было. Единс-

¹¹⁵⁴ Lieut. George Shulldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 113.

¹¹⁵⁵ Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916, p. 111.

¹¹⁵⁶ Paterson, Robert H. Pontius Pilate's bodyguard : a history of the First or the Royal Regiment of Foot, The Royal Scots (The Royal Regiment). Edinburgh : Royal Scots History Committee 2000, p. 167.

¹¹⁵⁷ The Story of a soldier's Life By Field-marshal Viscount Wolseley O.M., K.P, G.C.B., G.C.M.G., D.C.L., LL.D, Vol.I, Toronto, 1904, p. 85–86.

¹¹⁵⁸ Pierre-Paul Martin (lieutenant). Historique Du 2e Regiment De Tirailleurs Algeriens, Paris, Limoges, p. 144–145.

¹¹⁵⁹ Орехов Д. В. Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона // Историческое наследие Крыма, № 9, 2005 г. Симферополь, с. 46.

¹¹⁶⁰ Lieut. George Shulldham Peard, Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann. London 1855, p. 107.

твенное, что имел при себе медицинский персонал, были маленький бочонок воды и фляга с бренди у каждого. Многие из отставших до темноты сползались в лагерь союзных войск. Некоторые из них на коленях просили товарищей о глотке воды.¹¹⁶¹ Сколько британцев умерло, сколько пало жертвой случайных мародеров — неизвестно, их включили в число павших в сражении.

Американские военные историки справедливо отмечают скрывающуюся за всей этой парадной мишурой грубейшую ошибку лорда Раглана, который не использовал пусть незначительные, но достаточные силы кавалерии (тем более легкой) по ее прямому назначению в этом виде боевых действий. Кавалерия не выполняла одного из своих основных предназначений — она не вела разведку местности по маршруту движения войск.¹¹⁶² То есть не то, чтобы совсем не вела — некоторые разведывательные ей все-таки ставились, но велась она пассивно, больше напоминая боевое охранение. Всем казалось, что Раглан непонятно для чего бережет своих кавалеристов, не слишком напрягая их работой. В результате уже вскоре Легкая бригада сделалась объектом всеобщих насмешек.

После нескольких часов утомительного более чем 10-мильного марша союзные войска вышли к реке Булганак,¹¹⁶³ где в ближайшее время должна была пролиться первая кровь Крымской кампании Восточной войны. Лейтенант Варэнь так описывал встречу солдат с источником пресной воды, о которой они мечтали уже несколько дней: «На следующий день, выслав разведку вперед, мы направились к реке Альме; 17 сентября мы спустились в долину, которую пересекал ручей. Остановив колонну, часовые, выстроившись по берегам ручья, перекрыли доступ к воде солдатам, потным от долгого марша и страдающим от жесточайшей жажды. Через четверть часа запрет был снят и все смогли утолить жажду. Привал затянулся, многие смогли даже приготовить себе кофе... Полчаса спустя мы уже шли вдоль виноградника, полного зрелых плодов белого винограда; солдатам было дано разрешение полакомиться ягодами; мой каптенармус принес мне несколько громадных гроздей, коих я сравнил с ягодами Ханаана. Я наелся до расстройства желудка. Впрочем, это виноградолечение смогло уберечь меня от холеры, уже унесшей к тому времени много жизней».¹¹⁶⁴

Встреча с источником воды стала праздником для измотанной переходом армии. «День был чрезвычайно жарким и много людей падали от истощения. Часто делались остановки в течение марша, чтобы позволить отставшим снова присоединиться к их полкам. Местность была идеально приспособлена для передвижения войск, но все страдали от отсутствия воды. Войска достигли реки Булганак к 14:00. Все помчались к ней, чтобы напиться. ...Река несмотря на такое название оказалось лишь маленьким потоком, но тем не менее вода была хорошей и вполне приемлемой для наших измученных жаждой солдат и лошадей. ...Некоторое число казаков было видно на расстоянии полумили...».¹¹⁶⁵

¹¹⁶¹ Lieut. George Shuldham Peard, *Narrative Campaign in the Crimea; Including an Account. Battles of Alma, Balaklava and Inkermann.* London 1855, p. 107.

¹¹⁶² T.J. Deakin, *Tactical Triumph at The Alma* // *Military History*, March 1996, p. 45.

¹¹⁶³ Западный Булганак (Булганак) — маловодная река на западе Крыма. Длина 49 км. Постоянных притоков практически не имеет. Временными притоками являются овраги и балки, наполняющиеся водой во время активного снеготаяния и после сильных дождей.

¹¹⁶⁴ Ernest Varaigne, *Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée.* Temoignage. Nice 1992 (перевод Е. Беднарчика).

¹¹⁶⁵ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. *Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea.* By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 48.

ВТОРЖЕНИЕ

Таким образом, теперь мы знаем, что союзники вышли на берег р. Булганак к 14.00, о чем говорят несколько источников.¹¹⁶⁶

Английские солдаты, увидев воду, потеряли рассудок: они толпой бросились к воде, в результате чего в считанные минуты родниковой чистоты река превратилась в поток грязи. Но это уже не останавливало никого – батальоны смешивались, солдаты толкались, офицеры и не пытались прекратить хаос. Единственные, кто гордо наблюдал за происходящим – батальоны 1-й дивизии герцога Кембриджского. Гвардейцы и горцы не трогались с места, спокойно ожидая возможности подойти к реке, демонстрируя свое превосходство над обезумевшими солдатами армейских батальонов.

---

¹¹⁶⁶ Kingsford, Charles Lethbridge The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment) London 1916, p.111.

БУЛГАНАК: ПЕРВАЯ КРОВЬ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. БОЙ, КОТОРЫЙ НЕ СТАЛ СРАЖЕНИЕМ

Печальна участь тех войск, которые вздумают начинать, а не оканчивать свое военное образование на полях битв, которые будут рассчитывать на войне исключительно на храбрость и сверхъестественные усилия».

Генерал К. Дуроп, русский военный теоретик.

«Я не знаю лучшей по храбрости и славе, но я повторяю, что в этой армии слишком часто бывают слепы».

Граф Ланжерон о русской армии. «Записки графа Ланжерона. Война с Турцией (1806–1812)».

ЗАВЯЗКА БОЯ

Сражение на Альме не стало неожиданностью ни для русских, ни для союзников, скорее это событие вполне вписывалось в ход развития ситуации. Противники знали, что оно будет и были готовы к нему. Ему предшествовал бой на р. Булганак, обозначивший как намерения сторон, так и рубеж, на котором им предстояло сойтись на следующий день в смертельной схватке. Обычно об этом событии почти ничего не говорят, а иногда не упоминают совсем. Попробуем эту ошибку сейчас исправить.

7 (19) сентября 1854 г., начав движение около 9 часов, к 14 часам, после недолгого, но крайне утомительного и изнуряющего марша, союзники вышли на рубеж реки Булганак, где кавалеристы 11-го и 13-го гусарских полков, действовавших в авангарде под общим командованием лорда Кардигана, внезапно столкнулись со значительными силами русской конницы, оцененными ими примерно в 2 тыс. человек.

Все участники боя утверждают, что исключительно они первыми заметили приближение неприятеля. Англичане говорят, что они первыми увидели казачьи шапки, французы считают, что англичане ничего не видели и продолжали движение по степи гордые собой, пока крупные силы русской пехоты, невидимые британцам, были замечены французами, о чем просигнализировали стрелки.¹¹⁶⁷ В планы французов сражение на р. Булганак не входило. Батальоны Сент-Арно немедленно остановились, рассыпали завесу легкой пехоты и до конца события оставались не более чем его свидетелями. Англичане решили драться.

Войска князя Меншикова, которые с 3 сентября,¹¹⁶⁸ того самого дня, когда союзники закончили высадку, уже находились на Альме, не были слепыми и контролировали происходящее. Вездесущий лейтенант Стеценко за сутки до этого предприятия был послан главнокомандующим в сторону фронта союзных войск с задачей «...ос-

¹¹⁶⁷ Fay, Charles Alexandre, Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856 J. Dumaine, Paris, 1867, p. 55.

¹¹⁶⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 126.

мотреть пространство между нами и неприятелем, дабы узнать, есть ли возможность провести наши войска с Альмы к неприятельскому лагерю».¹¹⁶⁹

Интересная деталь, хотя и кажется незначительной. Насколько я понимаю, до сих пор никто из исследователей не обращал внимания на эту фразу. Если Стеценко говорит, что он имел задачу разведать возможность пути к лагерю союзников, значит, Меншиков думал об атаке неприятеля на месте высадки. Тогда, может быть, он просто опоздал? Вполне возможно, что князь посчитал высадившиеся войска англичан, французов и турок малочисленными для атаки русской армии (а так оно и было) и предполагал, что успеет разгромить их на берегу Каламитского залива, когда часть флота уйдет за остальными войсками в Варну. Но не успел, потому что 19-го утром союзники внезапно снялись и двинулись к Севастополю.

Утром Стеценко находился у полковника Тацина, героя первых дней Крымской кампании.

Кстати о казаках. Это, наверное, наряду с моряками наиболее мотивированная часть русской армии во время Крымской кампании. Для них война стала не только очередным из многих, которые вела империя, военных конфликтов. Само вторжение неприятеля в пределы государства придавало событиям иной, гораздо более возвышенный смысл. Когда с началом Восточной войны «... части резервной кавалерии показали свою несостоятельность, 15 февраля 1854 г. последовал указ императора о призыве к поголовному вооружению казаков с Дона, Черноморья, Кавказа и Азовского края. Казаки, как всегда, послушно отозвались на призыв монарха и сели на коней даже 55-летние старики-станичники. Всего собралось в поход 104 000 всадников».¹¹⁷⁰

Между 10 и 11 часами в подзорную трубу Стеценко увидел, как в лагере союзников сворачиваются палатки. Неприятель готовился к движению: «...через несколько времени (около полудня) палаток почти вовсе не оставалось и войска стали выстраиваться, а вскоре и двинулись».¹¹⁷¹

Местность в районе реки имела свойства быть более высокой со стороны британцев и потому в тот момент, когда Раглан готовился отдать приказ на переход водной преграды, он увидел те самые высокие казачьи шапки, сначала это были одиночные группы казаков, а вскоре за ними показались крупные массы русской кавалерии.¹¹⁷²

Это стало неожиданным и неприятным сюрпризом, тем более что английский командующий наконец решил провести полноценную разведку, используя для этого всю свою кавалерию.¹¹⁷³ Но он опоздал. Русские заметили противника еще утром, когда «...около 10 часов утра неприятели показались на высотах в семи верстах от нас в больших силах».¹¹⁷⁴

Четыре британских эскадрона легкой кавалерии во главе с Кардиганом и догнавшим их во время движения Луканом, не доверявшим своему родственнику,¹¹⁷⁵ выдвинулись навстречу русским войскам. На дистанции 2200 ярдов обе стороны начали

¹¹⁶⁹ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том 1, СПб., 1873 г., с.204–205.

¹¹⁷⁰ Кн. Багратион Запасная кавалерия, ремонты и маршевые эскадроны//Военный Сборник, №11, СПб., 1911 г., с.75.

¹¹⁷¹ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том 1, СПб., 1873 г., с.206.

¹¹⁷² The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, New York, 1862, p.125–126.

¹¹⁷³ T.J. Deakin, Tactical Triumph at The Alma // Military History, March 1996, p.45.

¹¹⁷⁴ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.437.

¹¹⁷⁵ Хибберт Кристофер, Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 62.

разворачивать порядок для боя. Казалось, вот-вот начнется первое сражение Крымской кампании. Обе стороны демонстрировали свою решительность и агрессивность. Хотя никто не показывал желания первым начинать бой, но и уклоняться от него никто не собирался. Казалось, вот-вот в воздухе зазвучит призывный сигнал «Атака!». Но шли минуты — и ничего не происходило.

Вскоре прогремели первые выстрелы.

ПЕРЕСТРЕЛКА

Действительно, увидев англичан, русская кавалерия шагом двинулась им навстречу. Однако лихой кавалерийской атаки не последовало. Как только войска союзников стали теснить бывших в авангарде казаков, им в подкрепление были посланы гусарские полки с Конной легкой батареей № 12 и Донской конно-легкой № 4 батареей.

Гусарская бригада несмотря на явное численное превосходство остановилась, развернула два эскадрона в кавалерийскую цепь и начала вялотекущую перестрелку из карабинов, столь же малоэффективную, сколько и бессмысленную. Штуцера, которыми была вооружена русская кавалерия, по оценкам участников событий, «...не причиняли неприятелю материального ущерба, но все-таки удерживали его на дистанции».¹¹⁷⁶

Вскоре в дело вступила и Донская батарея подполковника Клуникова, развернувшаяся слева от гусарской бригады. «Кавалерия с конно-артиллерией завязала дело часу в четвертом полудни, которое ограничилось перестрелкою из орудий и небольшой атакою».¹¹⁷⁷ Этим же делом занялись и английские кавалеристы. Обе стороны явно выжидали.

Хибберт утверждает, что за русской кавалерией двигались 6 тысяч пехотинцев 17-й пехотной дивизии и «...для того, чтобы спастись, Кардигану было нельзя ни атаковать, ни поспешно отступить».¹¹⁷⁸ Примерно эту цифру называют и Б. и Д. Молло в своей книге.¹¹⁷⁹

Поняв ситуацию, в которой оказался Легкая бригада, генерал-лейтенант Раглан приказал немедленно отправить на помощь своей кавалерии 2-ю дивизию. Развернулись батареи С (капитан Мод) и I (капитан Брандинг) конной артиллерии, два орудия лейтенанта Артура Ванделира первыми открыли огонь по русской кавалерии.¹¹⁸⁰ Уже после первых выстрелов британцы поняли, что русская артиллерия намного мощнее. Если снаряды их 9-фунтовых пушек долетали до противника только на рикошетах, то снаряды 8 и 12-фунтовых пушек русских батарей с ревом проносились над их головами. Одна граната попала в лошадь английского кавалериста, разорвавшись внутри ее.¹¹⁸¹

Пока шла перестрелка, англичане начали подтягивать пехоту. Легкие роты распались в 200 м за линией кавалерии и артиллерии. Вскоре к Кардигану подошли 8-й гусарский и 17-й уланский полки (Хибберт упорно именуется его драгунским). Посте-

¹¹⁷⁶ Горячев Н. О воспитании и обучении кавалерии//Военный сборник, № 4, СПб., 1875 г., с.99.

¹¹⁷⁷ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853-1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.437.

¹¹⁷⁸ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 63.

¹¹⁷⁹ Mollo B., Mollo D., Into The Valley of Deatch, London, 1991, p. 19.

¹¹⁸⁰ The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, New York, 1862, p.125–126.

¹¹⁸¹ The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, New York, 1862, p.126–127.

пенно англичане, выбрасывая вперед стрелковую цепь, оттеснили ружейным огнем русских на 800 м.¹¹⁸²

Со своей стороны, князь Меншиков выдвинул вперед на усиление гусар 2-ю бригаду 17-й пехотной дивизии (Тарутинский и Бородинский егерские полки) и батарею №4 17-й артиллерийской бригады. Батарея подполковника Кондратьева («настоящая»¹¹⁸³) имела не 8, а 10 орудий. Два орудия были дополнительно получены ею из Севастопольского арсенала.¹¹⁸⁴ Кавалерию усилили 9 сотен казаков.¹¹⁸⁵

Менее чем через час с обеих сторон были образованы правильные фронтальные линии, состоящие из пехоты, кавалерии и артиллерии. Но на этом все остановилось.

Давайте теперь вернемся назад и выясним, была ли попытка завязать встречный бой на рубеже реки Булганак случайным столкновением с союзниками или Меншиков задумывал нечто более значительное. По мнению лейтенанта В. Стеценко, если князь и планировал первый бой с союзниками на Булганаке, то только не как встречный, то есть такой, в котором обе стороны пытаются решить поставленные задачи наступлением. Достаточно вспомнить, что в этот день, узнав, что неприятель уже движется к Альме, князь Меншиков спокойно сказал офицерам штаба, в это время обедавшим: «...продолжайте, господа, обедать, сегодня ничего серьезного не будет».¹¹⁸⁶ Панаев утверждает, что Меншиков лишь демонстрировал неприятелю свою силу, пытаясь визуальнo показать, что обладает силами большими, чем есть на самом деле.¹¹⁸⁷ Значит, действительно, поняв, что с атакой союзников на берегу он опоздал, главнокомандующий решил встретить его на первом из двух заранее намеченных им рубежей — Альминском.

А так как серьезно воевать никто не собирался, то и ситуация все более и более напоминала шахматную партию, когда противники стараются понять друг друга, не допуская вначале решительных действий, одновременно контролируя ситуацию. В то же время выискивать удобный момент, чтобы вцепиться неприятелю в горло и не отпускать его до полного разгрома русские не планировали.

Тарутинский егерский полк, прежде чем перейти Альму по приказу генерала Кирьякова разделил свои четыре батальона еще на две половины. В этом заключалась великая хитрость, одобренная Меншиковым и предназначенная сбить неприятеля с толку: вместо одного-двух полков союзники должны были увидеть перед собой развернутую в боевой порядок дивизию.¹¹⁸⁸ Каким бы нелепым ни показалось подобное перестроение — смысл в нем был. Массы русской пехоты, внезапно перешедшей Альму и вынырнувшей из тени садов и виноградников перед фронтом союзников повергли их в уныние. Оказывается, русские не собирались безропотно ждать предстоящей бойни, а решили устроить ее экспедиционными силами в виде встречного боя.

Окончательно боевой порядок русские приняли пройдя чуть более 2-х верст от Альмы. По воспоминаниям участников, он выглядел следующим образом. Центр со-

¹¹⁸² The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery, New York, 1862, p.125–126.

¹¹⁸³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 129.

¹¹⁸⁴ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с.98.

¹¹⁸⁵ R.A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p.48.

¹¹⁸⁶ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с.207.

¹¹⁸⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 129.

¹¹⁸⁸ R.A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p.48.

ставляли Тарутинский (слева) и Бородинский (справа) егерский полки в двух линиях. В интервале между ними батарея №4 подполковника Кондратьева. Правый фланг занимали гусары генерала И.А. Халецкого, левый — донские казаки Тацина, которые «...гарцевали вблизи неприятеля». ¹¹⁸⁹ Донская батарея следовала в резерве за боевым порядком. ¹¹⁹⁰

«Казачья батарея была очень подвижна, а четвертая легкая, со своим командиром, была, что называется «настоящая» батарея. Веймарский гусарский полк был отлично надутый мыльный пузырь: наливные, воронье, хорошо подобранные кони с рослыми краснощеками всадниками имели очень нарядный вид и с восемью батальонами егерей представляли по истине грозную массу, озаренную, перед глазами неприятеля, лучами заходящего солнца. Пользуясь этим эффектом, князь поручил генерал-лейтенанту Кирьякову искусным маневрированием выказать этот отряд в угрожающем положении, на видном месте и в численности, большей противу настоящей. С этой целью светлейший приказал, раздвинув весь отряд так, чтобы он занял наибольшее пространство, производить им такие движения, чтобы одни и те же части отряда показались неприятелю вдвойне». ¹¹⁹¹

Выполняя приказ Меншикова, Кирьяков перешел Альму, сразу развернув войска в резервный боевой порядок и выдвинув вперед артиллерию. Выйдя к Булганак, пехота остановилась в низине, перед линией холмов, не поднимаясь на них и оставаясь невидимой для неприятеля. Кавалерия и артиллерия выдвинулись на холмы, где и столкнулись едва не в лоб с английской кавалерией, к тому времени уже оттеснившей русские аванпосты на две версты. ¹¹⁹² Фланкеры тут же начали перестрелку из карабинов, Донская батарея развернулась для огня. Батарея подполковника Кондратьева стала разворачиваться, не поднимаясь на холмы, что в конце боя привело к трагическим для русской кавалерии последствиям.

Казалось, что все готово разразиться кровавой битвой. Требовалось лишь отдать приказ. Но для этого у русских, как всегда, быстро закончилась инерция наступательного порыва и начались всего лишь демонстрационные действия. Все выглядело грозно.

У британцев было другое мнение на развитие событий. В лучших традициях махровой викторианской аристократии Кардиган и Лукан нашли себе совершенно другое занятие, нежели управление грозившим вот-вот начаться боем. Происходившее повергло в уныние всю английскую легкую кавалерию. На Булганак в воздухе замаячил призрак Долины Смерти. На глазах сотен подчиненных разгорался грандиозный скандал. Лукан орал на Кардигана, требуя перестроения бригады, последний орал в ответ, аргументируя свое несогласие никудышными военными способностями родственника. Генералу Эйри пришлось выступить в роли мирового судьи, передав обоим спорщикам приказ генерала Раглана об отходе кавалерии к основным силам. Для этого ему пришлось приложить немало энергии, ибо, еще не успев начать войну с русскими, оба аристократа начали не менее ожесточенную войну между собой.

¹¹⁸⁹ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с.207.

¹¹⁹⁰ R. A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p.48.

¹¹⁹¹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 129.

¹¹⁹² Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 128.

Четыре эскадрона развернулись и начали движение в обратную сторону. Все проклинали лорда Лукана, запретившего атаку. Единственным активным действием было развертывание цепи 13-м Легким драгунским полком.

Пока джентльмены продолжали свой благородный семейный скандал, в разговор попытались вмешаться русскоязычные собеседники, не склонные к разбирательствам в сложных семейных отношениях английских кавалерийских начальников. В разгар их словесной перебранки 1-й эскадрон майора Гельфрейха из русского гусарского Николая Максимилиановича полка начал движение вперед, перестроившись во взводные колонны. Генерал-майор И.А. Халецкий немедленно направил к нему еще три дивизиона. Никто не сомневался, что русская кавалерия готовилась обрушить атаку на своих английских коллег.¹¹⁹³

Подполковник Клуников, командир Донской резервной батареи, показал себя в первый же день одним из самых решительных, храбрых и самое главное — умных офицеров русской армии во время Крымской кампании. Развернув свои пушки, он открыл огонь, используя складки местности, через головы своей кавалерии. Первые ядра врезались в строй английской кавалерии и «...пали первые жертвы Крымской экспедиции».¹¹⁹⁴ Дальше произошло то, что, наверное, и должно было произойти.

«Как жаль, что не состоялся удар гусаров! Они ждали, что начнут казаки, а казаки смотрели на гусаров; последних, бывших в весьма щекотливом положении в ложине и не видевших неприятеля, обуял страх неизвестности. Англо-французы, пользуясь возможностью оправиться, пустили два ядра по казакам, которые тотчас же скрылись. Этим временем командир Лейхтенбергских гусар генерал Халецкий, видя, что Веймарцы поскакали на левый фланг неприятеля, поспешил присоединиться к своим: повернув повзводно направо, он покатила Булганакской ложиной на рысях — но свои его не признали: под влиянием тяжелой неизвестности о том, что кругом их творилось, слыша только пушечные выстрелы».¹¹⁹⁵

Генерал-лейтенант Кирьяков, не понимая причин отступления Халецкого, но считая причину для этого уважительной, сделал то, что и должен был сделать: приготовился к встрече неприятельской кавалерии, которая, следуя логике преследования отступающих, вот-вот должна была показаться на гребне. И она показалась...

Увидев эскадрон, несущийся на батарею, Кирьяков приказал подполковнику Кондратьеву открыть огонь.

«Батарейный командир не решался, сомневаясь, что этот эскадрон мог быть неприятелем; но Кирьяков настаивал так упорно, что батарея мигом выпустила 8 снарядов. Посыпались свои, эскадрон бросился врознь. Жалости достойная картина этой кровавой бестолочи была как на ладони перед глазами светлейшего... Все бывшие у ставки князя видели это, ломали руки, тужили, а помочь было невозможно. Из опасения, чтобы генерал-лейтенант Кирьяков опять что-то не напакостил, князь поспешил воротить его в свое место...».¹¹⁹⁶

Батарея полковника Кондратьева, не разобравшись в цвете мундиров и приняв ментики гусар, разворачивавшихся к атаке, за французские, обстреляла их. Выстрелы оказались удачными. Снаряды просвистели над первыми шеренгами и, следуя по

¹¹⁹³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 129.

¹¹⁹⁴ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 130.

¹¹⁹⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 130.

¹¹⁹⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 130.

законам физики по баллистической траектории, вцепились в задние. Ядрами снесло головы нескольким гусарам, еще несколько получили ранения, штабс-ротмистр Возницын был тяжело контужен. Гусары, прекратив дальнейшие действия, вынуждены были укрыться в ближайшей ложине. Это нарушило планы командира бригады генерал-майора И.А. Халецкого, рассчитывавшего незаметно, используя складки местности, подойти как можно ближе к развернувшейся британской конно-артиллерийской батарее и внезапно атаковать ее с минимальной дистанции.

«...Авангард наш, приняв бывших в кителях гусар полка генерал-майора Халецкого за французских кирасир, открыл по ним огонь из орудий. Несколько раненых провезли мимо занимаемого нашим полком бивака».¹¹⁹⁷

По одной из версий, озвученных очевидцем происходившего капитаном Тарутинского егерского полка Ходасевичем, путаница произошла именно потому, что два эскадрона гусар, ушедшие рано утром для действий в авангарде, действительно в отличие от всей остальной бригады были без шинелей. Генерал Кирьяков, увидев кавалеристов, показавшихся на гребне холмов, лично приказал подполковнику Кондратьеву открыть огонь. По приказу командира батареи был сделан один залп ядрами из восьми орудий батареи. О результате мы говорили. Если бы противником были английские кавалеристы, то оценивать его можно исключительно положительно. Первый выстрел и попадание: 7 убитых и раненых.¹¹⁹⁸ Панаев, правда, говорит об 11.

«А какова батарейка, ваша светлость?! С одного выстрела положила одиннадцать человек и что-то двадцать лошадей!».¹¹⁹⁹

История этого обстрела темная. Панаев кипит ненавистью к Кирьякову, его объективность в назначении виновных относительная. Розин видел только итоги всей этой неразберихи в виде окровавленных людей, которых провезли мимо него. Ходасевич — реальный свидетель. Он не винит никого и, судя по его словам, причина как раз в отсутствии взаимодействия. Каждый эскадрон действовал по своему усмотрению, перемещаясь несогласованно и появляясь совсем не отсюда, откуда должен был появиться.

Виновных пытались найти сразу. Генерал И.А. Халецкий после происшедшего пытался как истинный гусар и обладавший характером вспыльчивым учинить расправу над артиллерийским командиром, но якобы не смог найти его. Хотя командир батареи никуда не прятался. Капитан Ходасевич увидел, что Халецкий уже с обнаженной саблей в руке мчался к Кондратьеву, и только выскочивший ему навстречу Кирьяков сумел не позволить увеличивать русские потери еще на одного подполковника.

Виноват ли действительно Кондратьев? В принципе, артиллерийский начальник нес только косвенную ответственность, так как приказ на открытие огня артиллерии отдал генерал В.Я. Кирьяков. Об этом говорит Ходасевич, но если даже и не поверить этому будущему перебежчику,¹²⁰⁰ то то же самое говорит и лейтенант Стеценко, правда, «шифруя» настоящее имя: «...генерал К*** принял их за французов, так как они были в белых кителях, и сделал по ним выстрел из своих орудий...».¹²⁰¹ Да и эскадроны гусар появились совсем не с того направления, откуда должны были появиться.

¹¹⁹⁷ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., с. 192.

¹¹⁹⁸ R.A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p. 48.

¹¹⁹⁹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том XVIII, СПб., 1877 г., с. 130.

¹²⁰⁰ R.A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p. 48.

¹²⁰¹ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севас-

Этот досадный эпизод послужил поводом к началу дискуссии, которая продолжилась и много лет спустя после окончания войны. Суть ее сводилась к необходимости изменений в обмундировании кавалерийских частей, которые были во многом схожими с обмундированием европейских кавалеристов. В частности, Н. Горячев, сам кавалерист и участник Крымской кампании, в статье «Кавалерийские заметки», опубликованной в «Военном сборнике» в 1874 г., напрямую связывает неудачи русской кавалерии при Булганаке с обмундированием последней.

«Китель для военного времени — излишняя роскошь. Делая Венгерский поход и Крымскую кампанию, мы не встречали в них необходимости и постоянно были в мундирах. Напротив, китель во многих случаях подавал повод принимать свои части за неприятельские; таким образом, под Альмой Киевский гусарский полк был встречен огнем своей батареи, которая приняла его за неприятельский полк в белых мундирах».¹²⁰²

С этими кителями в военно-исторической литературе полная путаница. Как их только ни называли: мундиры, кителя, куртки. В это спор мы углубляться не будем. В любом случае спутать их с французскими кирасирами нужно было еще умудриться. Никто не говорит, что ко дню событий на Булганаке силы противника были полностью разведаны (тем же лейтенантом Стеценко, теми же допрошенными пленными или местными жителями). Я думаю, что Меншиков прекрасно знал (должен был знать) силы союзников и наличие у них кавалерии. Во всяком случае все его дальнейшие действия показывали, что ему это было известно. Значит, остаются два варианта, которые привели к трагедии. Первый: Кирьяков не получил от главнокомандующего полной информации и действовал на свой страх и риск. В этом случае виноват Меншиков, пытавшийся дорогой ценой продемонстрировать несостоятельность командира дивизии, попросту подставляя его.

Второй: Кирьяков знал о силах неприятеля, но не проинформировал об этом своих младших начальников. Тогда вся вина лежит на нем.

Таким образом, всякое оправдание о фантоме французской тяжелой кавалерии не имеет оснований. В 1828 г. во всех полках кавалерии (исключая Нижегородский драгунский полк) кителя были заменены суконными куртками. Они оставались в кампании 1853–1854 гг. как кавалерийская укладка. В какой-то степени подтверждает это А.А. Панаев, указавший, что оба гусарских полка (Саксен-Веймарский и Лейхтенбергский) были в белых куртках. Так что, скорее всего, соглашусь с Максимом Нечитайловым,¹²⁰³ гусары были одеты не в кителя, а в холщевые летние (конюшенные) куртки.

Как и всей армии, действия русской кавалерии отличались в этом столкновении невероятной пассивностью. По мнению британских исследователей, шанс нанести серьезное поражение английской Легкой бригаде, измотанной маршем и имевшей крайне уставший конский состав, был упущен. Полные сил, сидевшие на свежих лошадях, русские кавалеристы, численно превосходившие противника, просто уклонились от боя.¹²⁰⁴

Британцы, в свою очередь, не стремились начинать дело первыми, да и не могли это сделать, имея перед фронтом массы русской кавалерии. Возможно, после Булганак, а потом и после Альмы, в которых действия николаевской кавалерии отлича-

топольцами, Том.1, СПб., 1873 г., с.207.

¹²⁰² Горячев Н., Кавалерийские заметки//Военный сборник № 9, 1874 г., СПб, с.71.

¹²⁰³ <http://www.reenactor.ru/index.php?showtopic=2012&st=40>.

¹²⁰⁴ Cecil Woodham-Smith, The Reason Why, The Story of the Fatal Charge of the Light Brigade, 1987, p.180–181.

лись, мягко говоря, пассивностью, страх перед многочисленной русской конницей у союзников пропал. Досадно, тем более что против британской Легкой бригады, усиленной одной конно-артиллерийской батареей, действовали как минимум четырёхкратно превосходившие силы русских.

В ходе боя русские артиллеристы сделали 16 выстрелов (непонятно, входит ли в это число 8 ядер, выпущенных по собственной кавалерии), британские — 44 ядрами и 1 гранатой. Потери британцев составили 4 раненых кавалериста (двоим пришлось ампутировать конечности, один был ранен в голень, один контужен при падении с убитой лошади)¹²⁰⁵ и 5 убитых лошадей. Именно это свидетельствует рядовой конной артиллерии Джон Хорн в своем письме родителям, которое было опубликовано в газете «Таймс» 2 ноября 1854 г., но другие источники, в частности, Тиммоти Гоуинг в воспоминаниях говорят только об одном раненом сержанте. Очевидно, Гоуинг, не будучи непосредственным участником схватки, дал информацию, которую услышал от своих сослуживцев. Во всяком случае воспоминаниями Пеннингтона подтверждена смерть от раны уже во время транспортировки на корабле (или уже в Скутари) рядового 11-го гусарского полка Вильямсона, которому осколок русской гранаты оторвал ногу вместе со стремением.¹²⁰⁶

Русские потери неизвестны. А. Панаев утверждает, что лично разговаривал после этого с командиром Донского казачьего полка Поповым и тот сказал ему, что после попадания английского ядра в строй «...взвыли ребятишки, когда увидели сорванные черепа станичников... Что станешь делать с ними, еще никогда убитых не видели».¹²⁰⁷

В любом случае первые выстрелы и первая кровь Крымской кампании прозвучали и пролилась именно на Булганак за сутки до сражения на Альме. Британцы с уважением отметили высокое качество маневрирования русских гусар и отменное действие артиллерии.¹²⁰⁸ Русские приняли замечание к сведению, что уже на следующий день было доказано неприятелю более чем убедительно.

В первом бою с русской кавалерией принимали участие 8-й, 11-й гусарские полки, 13-й Легкий драгунский и 17-й Уланский (первый вступивший в перестрелку) вместе с орудиями Королевской конной артиллерии.¹²⁰⁹

Одним из английских гусар, получивших боевое крещение в бою на р. Булганак, был упомянутый выше Пеннингтон, популярный лондонский актер, чьим поклонником была принцесса Луиза. Трудно сказать, что заставил его пойти в армию, говорили, что не столько патриотический порыв, сколь какая-то странная интрига. Но этот молодой человек, поклонник Шекспира и кумир английской знати, был настолько внешне колоритен, что стал центральной фигурой одного из батальных полотен леди Баттлер. Его и сегодня можно лицезреть на полотне этой известной британской художницы «Атака Легкой бригады» в образе спешенного гусара. Да и его воспоминания — самое подробное описание боя на р. Булганак.¹²¹⁰

¹²⁰⁵ Mitra S.M. The life and letters of Sir John Hall M.D., K.C.B., F.R.C.S. London, Nev York, 1911, p. 320.

¹²⁰⁶ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 124.

¹²⁰⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853–1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 131.

¹²⁰⁸ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 123–124.

¹²⁰⁹ Michael Barthorp, The British Army on campaign, 2 The Crimea 1854-56// Men-At-Arms Series 196, 1987, p.5.

¹²¹⁰ From the Fleet in the Fifties: A History of the Crimean War With which is incorporated Letters written 1854–1855 By Mrs. Tom Kelly London 1902, p. 117–118.

Сражение не удалось. У русских сказывалось никуда не годное взаимодействие как кавалерии и пехоты, так и пехоты с артиллерией. Пехота вообще не принимала участия в деле.¹²¹¹

У англичан было не лучше. Хотя само столкновение длилось не более получаса, но за это время явственно обнаружилась открытая взаимная неприязнь британских кавалерийских командиров — лордов Кардигана и Лукана, приведшая в октябре к катастрофе под Балаклавой.

«Отход войск был проведен быстро и эффективно. Как только отступила кавалерия, две артиллерийские батареи по приказу Раглана открыли заградительный огонь. Русские ответили, но как-то вяло. После того, как англичане отвели свою кавалерию, они не видели смысла в ведении на этом участке активных боевых действий».¹²¹²

Отступление кавалерии вызвало негодование среди британских пехотинцев. «Теперь у них, казалось, появился случай лишний раз убедиться в том, что там, где намечается настоящее сражение, остается надеяться только на пехотные полки. Один из рядовых 41-го полка с мрачным удовлетворением заявил: «Снова нам придется проливать кровь за этих разряженных павлинов».¹²¹³

Французы игнорировали перестрелку, оставаясь сторонними наблюдателями, что вызвало очередной приступ раздражения у лорда Раглана, отправившего к принцу Наполеону французского офицера, состоявшего для связи при британском штабе, с предложением сократить интервал между союзными армиями. Этим офицером был полковник Ла Гонди, умудрившийся на обратном пути попасть в плен к русским гусарам, «...производя рекогносцировку и приняв также по своей близорукости русских гусаров за своих, залез прямо к ним...».¹²¹⁴

Француз въехал почти в эскорт Халецкого, которому ничего не оставалось, как приказать своему ординарцу взять его: «Гонди не сопротивлялся и этот живой трофей достался нам даром».¹²¹⁵

Захват в плен полуслеплого старшего офицера был единственный успех русской кавалерии в этом столкновении, как, наверное, и во всей Крымской войне. «Какой подарок! Первый пленный офицер и сразу полковник штаба!», разочарованно писал позднее подполковник Сомерсет Калторп.¹²¹⁶ У Раглана же появился лишний повод язвить в отношении французских союзников, направивших в его штаб полуслеплого офицера. После пленения французского полковника ему было предложено, чтобы русский офицер под белым флагом направился в расположение союзников и забрал его личные вещи.

«...Говорили, будто желающему узнать о его фамилии князю пленник вместо ответа вежливо подал свою визитную карточку. Вахмистр получил Георгиевский крест, лошадь пленника и денежную награду».¹²¹⁷

¹²¹¹ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853-1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с. 437.

¹²¹² Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 65.

¹²¹³ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 64.

¹²¹⁴ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с. 207.

¹²¹⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина, Том XXI, СПб., 1877 г., с. 64.

¹²¹⁶ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 48–68.

¹²¹⁷ А. Розин. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. М., 1998 г., с. 192.

Сражение не удалось. У русских сказывалось никуда не годное взаимодействие как кавалерии и пехоты, так и пехоты с артиллерией. Пехота вообще не принимала участия в деле.¹²¹¹

У англичан было не лучше. Хотя само столкновение длилось не более получаса, но за это время явственно обнаружилась открытая взаимная неприязнь британских кавалерийских командиров — лордов Кардигана и Лукана, приведшая в октябре к катастрофе под Балаклавой.

«Отход войск был проведен быстро и эффективно. Как только отступила кавалерия, две артиллерийские батареи по приказу Раглана открыли заградительный огонь. Русские ответили, но как-то вяло. После того, как англичане отвели свою кавалерию, они не видели смысла в ведении на этом участке активных боевых действий».¹²¹²

Отступление кавалерии вызвало негодование среди британских пехотинцев. «Теперь у них, казалось, появился случай лишний раз убедиться в том, что там, где намечается настоящее сражение, остается надеяться только на пехотные полки. Один из рядовых 41-го полка с мрачным удовлетворением заявил: «Снова нам придется проливать кровь за этих разряженных павлинов».¹²¹³

Французы игнорировали перестрелку, оставаясь сторонними наблюдателями, что вызвало очередной приступ раздражения у лорда Раглана, отправившего к принцу Наполеону французского офицера, состоявшего для связи при британском штабе, с предложением сократить интервал между союзными армиями. Этим офицером был полковник Ла Гонди, умудрившийся на обратном пути попасть в плен к русским гусарам, «...производя рекогносцировку и приняв также по своей близорукости русских гусаров за своих, залез прямо к ним...».¹²¹⁴

Француз въехал почти в эскорт Халецкого, которому ничего не оставалось, как приказать своему ординарцу взять его: «Гонди не сопротивлялся и этот живой трофей достался нам даром».¹²¹⁵

Захват в плен полуслеплого старшего офицера был единственный успех русской кавалерии в этом столкновении, как, наверное, и во всей Крымской войне. «Какой подарок! Первый пленный офицер и сразу полковник штаба!», разочарованно писал позднее подполковник Сомерсет Калторп.¹²¹⁶ У Раглана же появился лишний повод язвить в отношении французских союзников, направивших в его штаб полуслеплого офицера. После пленения французского полковника ему было предложено, чтобы русский офицер под белым флагом направился в расположение союзников и забрал его личные вещи.

«...Говорили, будто желающему узнать о его фамилии князю пленник вместо ответа вежливо подал свою визитную карточку. Вахмистр получил Георгиевский крест, лошадь пленника и денежную награду».¹²¹⁷

¹²¹¹ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853-1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с. 437.

¹²¹² Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 65.

¹²¹³ Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854–1855. Трагедия лорда Раглана, М., 2004 г., с. 64.

¹²¹⁴ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том. 1, СПб., 1873 г., с. 207.

¹²¹⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина, Том XXI, СПб., 1877 г., с. 64.

¹²¹⁶ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1856, p. 48–68.

¹²¹⁷ А. Розин. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. М., 1998 г., с. 192.

Впрочем, пленные были не единственным источником информации. Кое-что о действиях союзников удалось получить от местных жителей, продолжавших свободно перемещаться по дороге от Севастополя до Евпатории.

ВЫХОД СТОРОН ИЗ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Ближе к вечеру, убедившись что развития этой короткой стычки не последует, союзники, прикрывшись заслоном из стрелков легкой пехоты, начали располагаться биваком для ночлега по берегам реки Булганак. Раглан, понимая, что на следующий день войскам предстоит гораздо более тяжелое испытание, дал им возможность отдохнуть.¹²²⁵ На южном берегу расположились Легкая и 1-я дивизии.

«...Казацкие разъезды сообщили, что союзники остановились от нашей позиции верстах в шести. Ночью с высот наших виднелись их бивуачные огни».¹²²⁶

Лорд Раглан провел ночь перед предстоящим сражением в развалинах постоянного двора, сожженного накануне казаками. В эту ночь смерть от болезни унесла еще несколько человек, в том числе командира Стрелковой бригады полковника Бекуита.

Французы, опасаясь нападений русской кавалерии, прикрывшись постами легкой пехоты, выдвинув их на несколько сотен метров от расположения основных сил.

Принимавшие в бою на Булганаке два полка русской пехоты, гусарская бригада и артиллерия к 18 часам вернулись на свои позиции вдоль южного берега Альмы.¹²²⁷ Казачьи сотни вновь рассыпались в линию охранения вдоль Булганакской лоцины. Как и прежде, они крутились вокруг лагеря союзников, отгоняемые выстрелами охранения, сжигая близлежащие постройки и стога сена. По приказу Меншикова были высланы казачьи разъезды к Бахчисараю и Симферополю «... на случай каких-либо покушений врага на эти пункты».¹²²⁸ Гусары развернули линию аванпостов севернее Бурлюка, усилив, таким образом, иррегулярную кавалерию. Одним из тех, кто передавал приказы князя в казачью цепь, был юнкер Хомутов, сын наказного атамана Войска Донского Михаила Григорьевича Хомутова.¹²²⁹

Этим же вечером князю доложили, что на Альму прибыла с санитарной повозкой первая русская сестра милосердия Елизавета Михайловна Хлапонина.¹²³⁰

ИТОГИ

Что можно сказать о бое на реке Булганак? Во-первых, он показал ставшие впоследствии правилом способы действий (или бездействий) кавалерии русских и союзных войск в Крымской войне.

¹²²⁵ John Auye, C. B., Lieut. -col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854-5, London, 1860, p. 47.

¹²²⁶ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами, М., 1998 г., с. 192-193.

¹²²⁷ R. A. Hodasevich, A Voice from Within the Walls of Sebastopol: A Narrative of the Campaign in the Crimea, and of the Events of the Siege, Oxford University, 1856, p. 49-50.

¹²²⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853-1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 133.

¹²²⁹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853-1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 133.

¹²³⁰ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева 1853-1854//Русская Старина, Том. XVIII, СПб., 1877 г., с. 133-134.

«...В операциях, предшествовавших сражению при Альме и непосредственно за ним следовавших... конница обеих сторон дала очень слабые доказательства умения нести сторожевую и разведывательную службу. Сорок лет мира создали в армии совершенно новое поколение, умевшее прекрасно маневрировать, но без всякой боевой опасности».¹²³¹

Во-вторых, оно наглядно показало, что с управлением войсками в бою имеют проблемы как русские, так и их противники, в частности, британцы. Столкновение, так и не переросшее в сражение, стало предвестником поражения при Альме, наглядно показав явное нежелание русского командования брать инициативу в свои руки и развивать ситуацию в своих интересах. Для союзников оно оказалось тревожным сигналом, что не все в порядке у них в управлении Легкой бригады. Тогда никто не обратил внимания на это, посчитав обычными семейными дразгами двух аристократов. Обратили позже, после Балаклавы...

Многие исследователи теряются, когда речь заходит о событиях на Булганаке, предшествовавших Альминскому сражению. Одни просто игнорируют их, другие подбирают такие неопределенные термины, как столкновение, стычка. Один из них прямо заявил мне, что такого события в истории Крымской войны нет. Что здесь можно возразить? По количеству задействованных войск, поставленным задач — это бой. В нем присутствовали все его фазы: разведка, выдвижение основных сил, развертывание, выход из боя. Пассивность сторон и ничтожное значение не дает права уменьшать его масштаб. А что касается того, попадает он в историю Крымской войны или нет, так у нас в нашей историографии многие, гораздо более крупные события кампании не нашли в ней места. Например, очень долго никто не слышал о событиях у Евпатории, да и не только о них. Потому я считаю, что именно определение «бой» должно использоваться в отношении событий 19 сентября 1854 г. Это был бой, так и не переросший в сражение...

Лорд Раглан, обеспокоенный возможной атакой русских со стороны правого фланга, перед биваком выдвинул часть своих войск восточнее. Союзникам стало ясно, что они вышли к той позиции русских, которую им предстояло атаковать на следующий день. В предшествующую сражению ночь ни одна из сторон не вела полноценной разведки. Французские патрули из числа африканских стрелков выдвинулись на южный берег Булганака и обнаружили впереди, примерно в семи километрах от лагеря союзных войск, русскую армию, расположившуюся на высотах левого берега Альмы, преградившую им путь в Севастополь.¹²³²

ПЕРВЫЕ ПЛЕННЫЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Первые пленные Крымской войны появились за несколько дней до ее первого сражения. Почти одновременно ими стали несколько русских и несколько французских солдат и офицеров. Я думаю, этой теме можно уделить несколько строк.

«4 сентября казаки привели захваченных ими в виноградниках десять зуавов, которые присланы были князем Меншиковым во Владимирский полк для того, чтобы их накормить. Наши ржаные сухари не понравились французам; они не принимали совета солдат размочить их в щях. Один только послушался и после, смеясь, дразнил

¹²³¹ Денисон Д. История конницы, в 2-х кн., Кн. 1, М., 2001 г., с.382–383.

¹²³² Pierre-Paul Martin (lieutenant). Historique Du 2e Regiment De Tirailleurs Algeriens, Paris, Limoges, p.145.

товарищей тем, что когда те имели одно блюдо, у него их было два: «sans сухари aves сухари».

Вообще гости оказались весьма общительными: они очень скоро подружились с нашим солдатами и после обеда уже совершенно освоились со своим новым положением». ¹²³³

7 сентября к ставке Меншикова приведен был гусарским вахмистром взятый им в плен проводивший рекогносцировку полковник французского генерального штаба. Говорили, будто желающему узнать о его фамилии князю пленник вместо ответа вежливо подал свою визитную карточку. Вахмистр получил Георгиевский крест, лошадь пленника и денежную награду. ¹²³⁴

Вскоре пленные были отконвоированы в Симферополь и весь город ходил на них смотреть. Нужно сказать, что французские солдаты произвели самое приятное впечатление. Увидел их и известный русский журналист А.Ф. Погосский.

«Надо отдать справедливость молодцеватости французов и тому духу их, который у нас довольно близко определяется поговоркой, впрочем, бессмысленной: «завей горе веревочкой». Сержант-мажор, юноша лет двадцати двух или трех, с которым я заговорил, просил меня составить ему краткий словарь самых необходимых обыденных слов и фраз, вынув из кармана клочок бумаги и карандаш, и менее нежели в час времени успешно держал экзамен в составлении из данных слов фраз вроде: «Дайтэ мнэ хлэб, я блягодарствуи вы ошн!».

Некоторые из пленных пороли и перешивали свои красивые широкие кушаки на галстуки и наушники, один вбежал в лохмотьях полушубка и хвастался покупкой своей. «Je sais parfaitement bien de quoi s'en tenir dans ce pays-se!» — кричал он, поворачиваясь в новом костюме, распахнул его — где не было дыры, там плешь, какой-то аферист надул его безбожно. Однако что значит правильное развитие смысла даже во вретопрахах: в сорок лет не пропал грозовой урок — все вспомнили о нашей сердитой зиме. Пока мы беседовали, из-за скрипнувших дверей высунулась какая-то шершавая голова, без лба, но с фантастическим носом в виде груши. «А кто из вас кашевар, эй, народ?», — кричала голова. «Que veutil?», — спрашивали французы. Приглашенный войти фантастический нос просил нас растолковать пленным, чтобы они назначили от себя кашевара, — «на них ведь не потрафишь, ваше благородие: леший знает, какая у них каша!». Пленные все были разных полков и команд; по совещанию обладатель полушубка вызвался быть кашеваром. Приложив руку к козырьку, он ловко вытянулся пред сержантом и отрапортовал о своем новом назначении. Такой образчик разумной военной дисциплины, не падающий ни при каких обстоятельствах, всем нам, разумеется, понравился». ¹²³⁵

Полковник Хрущёв говорит, что пленных было одиннадцать человек. ¹²³⁶ Думаю, он не ошибается, очевидно, к тем, кого кормили солдаты Владимирского пехотного полка, мог вполне добавиться еще один из шаставших по окрестностям мародеров, тоже пойманный казаками.

¹²³³ Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А.Розина// Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.2, СПб., 1873 г., с.191–192.

¹²³⁴ Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) А.Розина// Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами, Том.2, СПб., 1873 г., с.192.

¹²³⁵ Из записок проезжего. Воспоминания А.Ф. Погосского//Крымский архив, №9, Симферополь, 2003 г., с.28–29.

¹²³⁶ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина, №75, СПб., 1892 г., с.436.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЧТО ДЕЛАТЬ, или НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОТВОДЕЙСТВИИ ДЕСАНТУ

«Нам всегда казалось необъяснимым, как Меншиков мог позволить беспрепятственно провести столь трудную операцию...»

Генерал Джон Эдью, «A-Review of the Crimean War». 1860 г.

«Я не могу понять, как русские могли быть такими глупыми, чтобы позволить нам высадиться, не оказав никакого сопротивления. Несколько орудий могли нанести нам тяжелые потери, особенно пока наша артиллерия еще не была выгружена...»

Генерал Джордж Уитворт Хиггинсон, в Альминском сражении офицер Гвардейского гренадерского полка, «Seventy-one years of a guardsman's life». 1916 г.

Подведем итог первой части нашего повествования о первом сражении Крымской кампании Восточной войны. Он понятен: союзники высадились в Крыму, при этом ими не было встречено сопротивления ни со стороны Черноморского флота, ни со стороны русской армии. Что стояло за этим? Трусость? Безграмотность? Коварный замысел императорских военачальников? А может? рок? Стечение обстоятельств? *Давайте попробуем в этом разобраться.*

Генерал-адмирал князь А.С. Меншиков, был? несомненно, больше политиком и царедворцем, чем стратегом и тем паче тактиком. В то же время нельзя отказать ему и в определенной ситуативной прозорливости. После победы русского флота при Синопе и воцарившейся всеобщей эйфории князь оказался единственным, кто критически оценил последствия сражения. Он один из немногих, кто сумел достаточно точно просчитать наиболее вероятное место высадки союзников.¹²³⁷ Соглашусь с Н. Дубровиным, что князь проявил прекрасную выдержку, не распылил войска, понимая, что если союзники начнут высадку, то обязательно предпримут демонстрационные действия на Перекопе или, более вероятно, Херсонесском полуострове.¹²³⁸ И то что Меншиков не поддался искушению, не разбросал имевшиеся войска отрядами по всему Крыму, так или иначе спасло русскую армию на полуострове от полной катастрофы. В этом случае масштабы поражения на Альме могли стать совершенно другими.

¹²³⁷ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с. 131.

¹²³⁸ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя, Том. 1, СПб., 1900 г., с. 131.

Конечно, Меншиков не был независим в планировании действий. В их основе лежало письмо Николая I от 7 декабря 1853 г. С этого времени главнокомандующий все свои дальнейшие шаги соизмерял с указаниями и мыслями самодержца. Объяснение тут самое простое: декабрьское письмо самодержца было не просто личным посланием, а определяло стратегию действий.

«...Ежели точно англичане и французы войдут в Черное море, с ними драться не будем, а пусть они отведают наших батарей в Севастополе, где ты и примешь с салютом, которого они, может, и не ожидают. Высадки не опасуюсь, а ежели бы позднее и была, то, кажется, и теперь отбить их можно; в апреле же будем иметь всю 16-ю дивизию с ее артиллерией, бригаду гусар и конную батарею. Более чем нужно, чтобы заставить их дорого заплатиться».¹²³⁹

Значит, император предвидел неспособность Черноморского флота отбить нападение сильной неприятельской эскадры. Отсюда его нежелание губить корабли в этой бессмысленной, как он считал, схватке. Значит, Гамелен с Дандасом зря опасались встречи в Черном море, особенно во время перехода десанта, с русской эскадрой. Ее не могло быть. И причина тут не слабование или отсутствие храбрости у адмиралов, а воля императора. Но это половина проблемы. Начисто проиграв кампанию на море, был шанс компенсировать поражение на суше. Почему его не использовало русское военное командование? Неужели опять воля самодержца?

Нет, тут все совершенно наоборот. В отличие от военно-морской составляющей сухопутному командованию задачи по организации обороны Крыма самодержец ставил конкретно. Даже очень конкретно. Куда уж больше, если в письме князю Меншикову 10 (22) июля 1854 г. Николай I указал и место (Евпатория), и даже место отвлекающего действия (Херсонес).¹²⁴⁰

И вдруг начинается странное. Император называет главнокомандующему правильные действия, которые, как мы увидим, князь проигнорировал, поступив совершенно против царской воли. А ведь выполни Меншиков николаевские указания, глядишь, и все по-иному повернулось бы...

«Твой гарнизон, кроме флота, кажется, довольно силен, чтобы неприятеля встретить при самой высадке или несколько отступя от берега, чтобы не подвергать сильному действию с судов. Неприятелю же должно будет сгружать лошадей и артиллерию и проч; все это не скоро делается...».¹²⁴¹

Гениальная фраза! Точнейшая формулировка действий! И действительно, если бы Меншиков выполнил эти указания, то весело бы было союзникам метаться по пляжу в Каламитском заливе под ливнем пуль и разрывами гранат. И, поверьте, никакие нарезные ружья не спасли бы их от разрома.

А ведь Меншиков понимает, что высадка будет на западном побережье. Не настолько наивен князь, и не настолько недалевиден, чтобы, как пишут некоторые из его критиков, не видеть очевидного. Он информирован, он знает, он даже надеется, что все будет именно так. Тем более, что «...шесть месяцев кряду газеты всей Европы, постоянно и во всех подробностях описывали меры, принятые союзниками для высадки в Крым».¹²⁴²

¹²³⁹ Кириллов П. Синоп: победа и поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер, 1999 г., №1, М., с. 2–16.

¹²⁴⁰ Переписка государя императора Николая Павловича с кн. Меншиковым 1853–1855 г. // Военный Сборник, №9, СПб., 1904 г., с. 157–165.

¹²⁴¹ Переписка государя императора Николая Павловича с кн. Меншиковым 1853–1855 г. // Военный Сборник, №9, СПб., 1904 г., с. 157–165.

¹²⁴² Попов М.М. (из бумаг) Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове // Русская Старина, Том 79, СПб., 1893 г., с. 518.

А тут еще не кто-нибудь, а сам царь намекает ему на это и подтверждает его догадки. Остается только выполнить указания, ждать союзников и атаковать их в момент высадки. Войска нужно держать сосредоточенными, можно не в одном месте, а в нескольких, но обязательно дать им возможность быстро быть переброшенными в любое место вероятной высадки. Тем более что мест таких немного, а как минимум два находятся в одном районе. Обязательное условие: флот ведет непрерывную разведку. Корабли сменяют друга и контролируют все ближние и дальние подступы к Крыму. Путь не атаковать конвой неприятеля, но оповестить, что десантный флот идет к границам империи. Дать возможность заблаговременно привести войска в готовность.

Более того, Меншиков, демонстрируя воинственность, практически заверяет императора, что в случае появления неприятельского флота он немедленно его атакует. Об этом свидетельствует его письмо №322 Николаю I из Севастополя 4 мая 1854 г.

«...Имею долгом доложить, что никакого случая не будет упущено для нападения на неприятельские суда или эскадры, коль скоро откроется к тому благоприятный случай, но такого еще не предоставлялось».¹²⁴³

Правда, буквально через два абзаца столь храбрая интонация становится иной: «...При силе почти вдвое больше нашей никакое наступательное предприятие невозможно и остается лишь выжидать удобных к тому обстоятельств».¹²⁴⁴

Ждали, как мы уже знаем, долго. До 20 сентября. Но это будет потом. Пока же странности продолжают... Легко согласившись с самодержцем, Меншиков так же легко начинает действовать, но только по своему, одному ему известному сценарию. И его действия ничего общего с императорскими указаниями не имеют, скорее, наоборот — противоречат им. Если до этого времени разведка кораблями Черноморского флота велась активно, что не раз отмечали союзники, то теперь она даже не затухает, ее нет вообще! Единственное, что делается — это обеспечение наблюдения за ближними подступами к крепости несколькими дозорными кораблями. Увы, даже дилетанту понятно, что в условиях угрозы вражеского десанта этого совершенно недостаточно. Разведывательные корабли должны были прочесывать море за сотни миль от русского берега. Тем более теперь, когда источники агентурной разведки были ограничены. После ухода русской армии из Дунайских княжеств оказалась сильно затрудненной связь с агентами в Болгарии и Румынии. Последние, даже располагая информацией о подготовке операции, не могли теперь оперативно передавать ее непосредственно русскому военному командованию. А после нескольких показательных расстрелов русских, якобы шпионов, агентурная сеть прекратила активный сбор информации и затаилась.

Что получается: не противодействуя десанту, не атакуя его огнем с суши во время высадки, Меншиков прямо шел на невыполнение указаний самого императора. Более того, если нет разведки, значит, князь вообще не верит в высадку? Тогда зачем стягивать войска к Альме? Просто по инерции? Что за этим стоит: уверенность в себе, вера в своих солдат, офицеров и генералов?

Ощущение, что имея в голове свой какой-то никому не известный и непонятный план действий, князь мучительно долго его обдумывает. Он мучается, критикует своих генералов, называя их никуда не годными. Но упорно ни с кем не советуется.

¹²⁴³ Переписка Государя Императора Николая Павловича с кн. Меншиковым, 1853–1855 гг.//Военный сборник, №9, СПб., 1904 г., с. 159.

¹²⁴⁴ Переписка Государя Императора Николая Павловича с кн. Меншиковым, 1853–1855 гг.//Военный сборник, №9, СПб., 1904 г., с. 159.

Создается иллюзия полного его отрешения от реальности. В результате князь Виктор Иларионович Васильчиков ставит в вину главнокомандующему отсутствие плана действий.

«Князь Меншиков несмотря на то, что он вполне был убежден в неизбежности высадки союзников в Крыму с целью уничтожения наших военноморских учреждений в Черном море, видимо, не составлял себе определенного плана действий на случай появления врагов на полуострове и не делал никаких предварительных соображений и еще менее — распоряжений. Он сознавал, что парусный флот наш несмотря на несомненное нравственное превосходство не в силах бороться в открытом море с многочисленными паровыми судами союзников и потому обрек его на бездействие внутри обширной Севастопольской бухты; но он не сделал никакого об этом флоте распоряжения, не начертил ему никакого плана действий в могущих представиться случаях и, кажется, не имел на этот счет никакого совещания с адмиралами, находившимися на эскадре. К сухопутным войскам, состоявшим под его начальством, он не имел никакого доверия и совершенно справедливо опасался первого столкновения с превосходными алжирскими войсками, привыкшими к боевой жизни, и английскими гренадерами, известными своей стойкостью. Это опасение его тем более было справедливо, что войска шестого корпуса, после долгой стоянки в окрестностях Москвы, не отличались своим воинственным духом; а несовершенство нашего вооружения ставило нас в самое невыгодное положение в отношении противников наших, о вооружении которых носились самые преувеличенные слухи. Но и здесь не было сделано никаких приготовительных распоряжений... В минуту высадки союзников ничего не было соображено и изучено для обороны, и наступление неприятеля застало крымские войска, можно сказать, врасплох».¹²⁴⁵

Васильчиков не одинок. Тотлебен ставит в упрек Меншикову медлительность действий в первые дни после появления союзного флота у Севастополя, потерянное время и, конечно, потерянные возможности, но в то же время считает, что князь имел мало шансов отразить высадку, случись она в другом пункте.¹²⁴⁶ Это спорно. Тотлебен упорно сводит свои утверждения ко времени, когда флот только находился у берега, но упорно молчит о возможностях обороняющегося, когда часть десанта уже на берегу и эффективность огня корабельной артиллерии ничтожна.

Хорошо, посмотрим на проблему с другой стороны, взглядом противника. Может быть, действительно, к берегам Крыма шла такая армада, сопротивление которой было невозможно, и всё, что оставалось русским, это по рубежам отходить к Севастополю, загонять флот в бухты и героически в течение года умирать на бастионах? И потому союзники совершенно не опасались действий со стороны русских, действуя будто пребывая в абсолютной уверенности в своей полной безнаказанности.

Но союзники оказались не теми, кто смог правильно оценить ситуацию. Иногда кажется, что на их стороне просто была удача, ибо ошибок у них едва ли не больше чем у Меншикова. Сначала затягивается морской переход, хотя, казалось, все спланировано и учтено. С этим трудно не согласиться. Тем более что об этом в один голос говорят не только оппоненты современной государственно утвержденной российской военно-морской мысли, но и ее апологеты.

¹²⁴⁵ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова// Русский Архив, Том 6, М., 1891 г., с. 177–178.

¹²⁴⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена, Часть I, СПб., 1871 г., с. 108–110.

«Десантный отряд первого эшелона в составе 54 французских парусных судов в течение трех суток находился в море без охранения и хода, ожидая прибытия из Варны английских судов с главными силами. Однако этот благоприятный момент, как и многие другие, не был использован русским командованием для атаки противника».¹²⁴⁷

Оказалось, что штабы союзников на деле не во всем достаточно предусмотрительны и рассудительны: изначально тщательно рассчитанная система при ее практическом исполнении начала давать сбои по причине заорганизованности.

«Посадка войск на транспорты в Варне, переход судов морем и высадка десанта на берег проходили крайне неорганизованно. Силы высадки на переход морем не обеспечивались разведкой, а иногда и охранением. Связи между отдельными отрядами транспортов, растянувшимися на много миль, не было».¹²⁴⁸

У французов планирование на голову выше, но нерешительность Мартенпре и амбиции Сент-Арно по отношению к определению места высадки могли сорвать всё. Действительно, французские адмиралы в отличие от союзников не страдали массовым энтузиазмом. Если верить князю В.И. Васильчикову, то «...несмотря на массу торговых судов, зафрахтованных для перевозки тяжестей, флоту приходилось перевозить самим массу войск, артиллерии и лошадей, которые, загромаждая все палубы боевых судов, почти не давали им возможность принять бой, если бы Русский флот несмотря на свое несовершенство решился их атаковать. Поэтому они решительно восстали против проекта высадки и объявили, что при таких условиях не поведут флотов своих к берегам Крыма. Категорическое повеление французского императора прекратило несогласие властей: высадка была решена, флоты поплыли к Крымским берегам несмотря на позднее время года, всегда неблагоприятное для плавания по Черному морю».¹²⁴⁹ Многие сходятся к мнению, что если бы хорошая погода продержалась на сутки меньше, все могло кончиться полной неудачей: «...В общем, как в армии, так и на флоте выявилась слабая готовность к войне».¹²⁵⁰

Виктор Иларионович уж слишком преувеличил про отсутствие желания воевать у французов, но императору действительно пришлось вмешаться, чтобы положить конец постоянным противоречиям Сент-Арно с английским командованием.

Эти самые просчеты, споры и вынужденные задержки делали возможную встречу в море с русскими кораблями роковой. Пожалуй, нет ни единого военно-морского историка, кто не говорил бы об этом.

«И, наконец, самое удивительное — это план, выработанный союзниками для перевозки войск. Вместо того чтобы заблокировать русский флот в Севастополе и тем обезопасить переход транспортов с войсками, они решили только прикрыть их конвоем из военных судов. Конечно, эта роль выпала лишь на долю английских кораблей, так как французские были битком набиты войсками. Не было даже организовано наблюдение за стоявшим в гавани неприятельским флотом. Станным кажется то, что старшие флагманы остались на парусных линейных кораблях, между тем как младшие находились на винтовых судах. Столь же фантастичен, как переход морем, был и план десантирования: предполагалось высадить сразу 30 000 человек, без палаток, всего с несколькими батареями артиллерии и небольшим количеством при-

¹²⁴⁷ Золотарев В.А., Козлов В.А. Три столетия Российского флота. XIX — начало XX вв. М., 2004 г., с.266–267.

¹²⁴⁸ Золотарев В.А., Козлов В.А. Три столетия Российского флота. XIX — начало XX вв. М., 2004 г., с.266–267.

¹²⁴⁹ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова// Русский Архив, Том.6, М., 1891 г., с.176–177.

¹²⁵⁰ Штенцель Альфред. История войн на море. М., 2002 г., с.485–506.

пасов несмотря на то, что у западного берега Крыма часто бывал довольно сильный прибой».¹²⁵¹

Кажется, союзные адмиралы, уже выйдя в море, когда пар в машинах был разведен, а паруса наполнены попутным ветром, вдруг почувствовали странное чувство близкого самоубийства. Страх атаки русского флота витал в головах англо-французского командования и щекотал их нервы. Для адмиралов Франции даже спустя много лет эта операция продолжала оставаться безумной авантюрой. По их мнению, даже мощный эскорт не исключал атаки парусных кораблей, более эффективных в нападении, чем паровые корабли в обороне. А для сухопутных генералов сама идея необходимости пересечения на кораблях Черного моря, даже когда обороняющийся располагал лишь парусным линейным флотом, вызывала недовольство.¹²⁵²

Барон Базанкур был не менее остальных удивлен, что операция по доставке союзного десанта в Крым была проигнорирована русскими.

«Экспедиция началась при самых счастливых предзнаменованиях. Флот произвел 14 сентября высадку союзной армии у старого форта, не испытав никакого сопротивления; но все время его движения к месту высадки не было сделано никакой угрожающей попытки со стороны русского флота. Между тем этот последний, выйдя из порта в полной готовности к бою, имел бы огромное преимущество в свободе движений над флотом союзников, движения которого были стеснены 60 тысячами солдат, загромаждавших палубы и батареи большей части судов».

Не менее счастлив и будущий адмирал Эдвард Брюс Хемли, понимавший, что если бы русские использовали возможность атаки десанта на переходе, то, хотя и ценой собственных потерь, могли бы нанести «огромное опустошение транспортам и войскам».¹²⁵³

Русские исследователи всячески старались придумать оправдания этой пассивности. Например, Д. Лихачёв в своей статье «Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах», опубликованной в журнале «Военный Сборник» в 1902 г., утверждает, что на транспортных и боевых кораблях союзников было не более чем по 500 чел.¹²⁵⁴ Комментировать не имеет смысла.

Это был еще один шанс, но и его не использовали русские командиры. Еще один, но не последний. Следующий шанс относился к высадке, и мы до него еще дойдем.

Союзники напоминали робкого мелкого пакостника, который и хочет сделать свою пакость, но мнетя на месте, явно опасаясь угрозы ответного действия. В то же время русское командование, казалось, махнуло рукой на угрозу, оставив все на волю Бога (погоду, политику, холеру и проч.).

Героями англо-французские конкистадоры не были, они хотели просто быть живыми и потому страшались любого противодействия со стороны русского флота. И совсем слабым его в отличие от русского императора не считали. И совсем не как князь Меншиков знали, что командуют им не робкие турецкие адмиралы, а люди умелые и решительные, для которых показать зубы — дело элементарное. И то, что плевать русским, что корабли у них технически устаревшие, ведь на них тоже есть пушки, а значит, и на этих кораблях можно драться, тоже знали. Ведь 30-ти лет не прошло,

¹²⁵¹ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.486.

¹²⁵² Гамильтон Ч. А. Англо-французское военно-морское соперничество, 1840–1870 // Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840–1870 гг., Oxford: Clarendon Press, 1993. (http://militera.lib.ru/research/hamilton_ci/index.html).

¹²⁵³ Edward Bruce Hamley, The War in the Crimea, London, 1891, p.30–31.

¹²⁵⁴ Лихачёв Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный Сборник, №3, СПб., 1902 г., с.45.

как некоторые французские и английские адмиралы и старшие офицеры еще лейтенантами вместе с лейтенантами российского флота Корниловым, Нахимовым и Истоминым вместе громили турецко-египетскую эскадру при Наварине.¹²⁵⁵ Английские и французские морские командиры осознавали, что не выветрился лазаревский дух, еще в строю легендарный «Азов», дравшийся одновременно с пятью турецкими кораблями. Но воля императора держит линейные корабли и фрегаты Черноморского флота на привязи якорных цепей в гаванях Севастопольской крепости.

И потому наиболее умные и дальновидные военно-морские командиры английского и французского флотов всячески возражали против неподготовленной в полной мере экспедиции, понимая, что им будет противостоять не очередная колония, а мощное государство с сильной армией и не менее сильным флотом. Но их никто не слушал и не собирался слушать.

«Все протесты адмиралов не были приняты во внимание начальниками сухопутных войск. Тщетно флотоводцы указывали на отсутствие хороших гаваней, на то, что открытые рейды опасны во время штормов, подвоз снабжения крайне затруднителен, а в виду противника обратная посадка войск на суда немислима. Высаженные войска должны были остаться без всего необходимого».¹²⁵⁶

И если бояться русского флота нужно было, то страхи союзных адмиралов перед военачальниками Николая I были не более чем навязчивой фобией, опасениями того, чего не могло быть. А.С. Меншиков не был настроен не только на морское сражение, но и на какое-либо иное противодействие со стороны русского флота. Да, это совершенно не соответствовало активной позиции В.А. Корнилова: «...мы готовы угостить на славу какую угодно экспедицию, с какими бы машинами они ни были...».¹²⁵⁷ Но Корнилов не мог решать всё.

Опытный придворный интриган Меншиков, без чьего приказа никакое морское сражение не могло состояться, явно не желал победы флота, не верил в его возможности, осмысленно ведя русскую армию в Крым к Альминской бойне, не подозревая, что бездействие в море приведет к бесславию на суше. Царское письмо развязало ему руки по отношению к флоту. Зная тщеславность и амбициозность князя, можно предположить, что он не жаждал победы своих адмиралов, считая, что морякам хватит лавров победителей при Синопе, а честь разгрома союзников на суше в случае их высадки в Крыму должна принадлежать армии, естественно, под его «чутким» руководством. Сразу скажу, это спорный тезис, я сам не уверен в том, что это истина. Но другое что-то на ум не идет. Тем более что верный адъютант князя А.А. Панаев утверждает, что его патрон не только знал, понимал и предвидел возможность развития событий таким образом, но и имел практический опыт личного осуществления десантной операции.

«О возможности десантов неприятельских войск в больших размерах князь судил по собственному тогда еще недавнему опыту перевозки бригады 14-й дивизии из Одессы в Севастополь и одновременно с нею всей 13-й дивизии с артиллерией и тяжестями к кавказским берегам, да еще в течение каких-нибудь десяти дней, на парусных судах, с незначительным числом пароходов и военных транспортов. Не прибе-

¹²⁵⁵ Наваринское морское сражение (1827г.) — победа союзного (России, Англии, Франции) флота над турецким и египетским флотом в Наваринской бухте у побережья Греции. Будущие герои обороны Севастополя адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин принимали в нем участие в звании лейтенантов в составе экипажа линейного корабля «Азов».

¹²⁵⁶ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.486.

¹²⁵⁷ Гребенщикова Г.А. Постскриптум к Крымской войне (малоизвестные факты из истории Черноморского флота)//Гангут, 2000 г., №23, с.72.

гая к помощи торговых судов, наш военный флот при своих малых размерах поднял разом довольно значительный десант по тогдашней численности полоков и высадил его на кавказские берега, представлявшие к тому менее удобств, нежели берега Крыма. Средства же англо-французского флота значительно превышали наши». ¹²⁵⁸

К счастью, сегодня трезвая аналитика событий Крымской войны начинает превалировать над ранее распространённой, все поражения оправдывающей чем угодно, кроме как правдой: государственным строем, технической отсталостью, экономикой и т.д. Слава богу, многое изменилось и особенно радует, что первыми заговорили те, кто больше всех в той или иной степени оправдывал бездействие флота, — военные моряки.

В изданном в 2008 г. историческом очерке «Российский Черноморский флот» говорится, что князем Меншиковым и его соратниками были упущены самое меньшее две реальные возможности создать союзникам как минимум проблемы, если как максимум не сорвать высадку десанта или его разгром. Это подтверждает мою точку зрения о двух неиспользованных шансах.

Первая — это отказ от атаки конвоя в море, когда он, перегруженный войсками, был почти неспособен к эффективному отражению атаки русских кораблей. Вторая — пассивность при высадке десанта в момент его наибольшей уязвимости. Когда же Нахимов, по сути дела игнорируя светлейшего князя, принял решение о выходе в море — природа изменила русским. Ветер поменял направление и стал встречным, исключив возможность действительной атаки союзных сил. ¹²⁵⁹ Вот только виновника этой пассивности не называют.

Были ли смысл в этой атаке? Был, более того — имелась реальная возможность действительно устроить союзникам нечто похожее на второй Абукир. Нужно было только выбрать момент, когда эффект мог быть максимальным. Да, союзный флот был действительно уязвим.

Подведем итог вышесказанному. При благоприятных для парусных кораблей Черноморского флота погодных условиях охранение союзников, пусть и имеющее большую маневренность за счет использования паровых машин, но перегруженное десантом, не имело возможности гарантировано отразить атаку русской эскадры. Но Меншиков вполне осмысленно отказывается от атаки в море.

Кто виноват, что эта атака не состоялась? Кому предъявлять счет за все тысячи жизней, загубленных за почти два года последовавшей после высадки Крымской кампании?

Историки называют несколько причин. Первая — готовность только к пассивной обороне. Альфред Штенцель считает, что проблема истекала от отсутствия у императорского флота готовности к наступательным действиям: «Сторожевая служба у входа в гавань была хорошо организована, но среди мер против нападения упускалось из виду одно: возможность выхода флота, которому предписывалась чисто оборонительная деятельность. Лишь в немногих исключительных случаях Корнилов предполагал атаковать стоящий перед портом неприятельский флот. Самый благоприятный случай напасть в тумане пароходами на часть флота противника остался неиспользованным». ¹²⁶⁰

¹²⁵⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах его адъютанта Аркадия Александровича Панаева, 1855–1869//Русская Старина, Том. XXIII, СПб., 1877 г., с.637.

¹²⁵⁹ Российский Черноморский флот. Исторический очерк. Под ред. Вице-адмирала Клецкова А.Д., Симферополь, 2008 г., с.81–82.

¹²⁶⁰ Штенцель А. История войн на море, М., 2002 г., с.485–506.

Штенцель пытается объяснить столь удивительную легкость, с которой русское командование допустило неприятельский флот к своему берегу и позволило без малейшего противодействия высадить десант погодой, но он признает, что здесь достаточно много не поддающегося объяснению.

«По позднейшим русским данным, русский флот не мог выполнить своего намерения атаковать транспорты во время перехода и высадки из-за того, что в течение этих дней у западных берегов Крыма был штиль или господствовали слабые противные ветры. Вернее же, что причиной было отсутствие дальновидности и энергии у его начальников. Таким образом, весь переход и высадка десанта сопровождалась редкостно удачным стечением обстоятельств. Но все-таки на переход в 250 миль ушло почти 9 суток несмотря на предварительную подготовку в течение многих недель и множество совещаний. Это являлось, конечно, результатом нерешительности и разногласий среди начальников, несоблюдения принципа единства командования».¹²⁶¹

Филипп Коломб: «Главное нарушение правил состояло в отсутствии маскировки, а через это набитые людьми транспорты были поставлены в опасное положение, открытое для смелого нападения. Нет никакого сомнения, что эта опасность сознавалась и чувствовалась в то время; но общее непонимание того, что для таких случаев всегда существовали и будут существовать правила, было причиной, что вся морская сила была назначена для защиты транспортов вместо того чтобы назначить ее наблюдать за единственной силой, при помощи которой неприятель мог вредить последним. Оправданием такому нарушению правил служило большое несоответствие между оборонявшей транспорты силой английского флота и возможной атакующей силой в Севастополе; кроме того, в этой уступке правилам английский флот был совершенно не стеснен войсками и готов к бою. Потом, в самом вторжении было много ненужного риска. Мы видели из предшествующих глав, что присваивая обладание морем, необходимо занять и удержать на неприятельском берегу удобные порты, из которых всякого рода военные экспедиции могли бы направляться внутрь страны, опираясь на совершенно обеспеченную базу, представляемую морем, находящимся в обладании. Надежный способ действий, согласный с правилами, когда было решено вторгнуться в Крым, состоял бы сначала в упрочении за собой Казачьей бухты или Балаклавы и затем в действиях от базы внутрь страны. Хотя впоследствии это и было признано необходимым, но следовало это сделать предварительно, по указаниям исторического опыта».¹²⁶²

Я не собираюсь обвинять адмиралов, предыдущие события кампании на Черном море и весь ход Восточной войны показали их похвальную агрессивность и готовность сражаться с любым противником в самых невыгодных условиях. В этом русский флот стоял на голову выше императорской армии. И все же с чувством горечи мы должны признать, что из-за не в последнюю очередь стратегических ошибок общего военного руководства «... Черноморский флот, оказавшийся не в состоянии бороться с противником в море, был затоплен при входе в Севастопольскую бухту».¹²⁶³

Долгие годы об этом не говорили прямо, объясняя происшедшее только лишь готовностью к самопожертвованию. Ничего против этого не имею, но, может быть, лучше было бы эту готовность заменить готовностью принесения в жертву и солдат неприятеля? В конце концов, к нашим берегам шел не конвой с гуманитарной помо-

¹²⁶¹ Штенцель А. История войн на море, М., 2002 г., с.486.

¹²⁶² Коломб Ф. Морская война, М., СПб, 2003 г., с.153–155.

¹²⁶³ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.-Л., 1926 г., с.21–22.

щью. Кстати, в царской России не стеснялись прямо говорить о причинах трагедии русского флота.

«Парусный Черноморский флот со славой пропел свою лебединую песню и со славой выполнил свою вековую задачу быть грозой Порты Оттоманской; не его вина, что политическая система графа Нессельроде еще с 1841 года открыла на случай войны с Турцией свободный проход на его родные волны флотам могущественных морских держав, бороться с которыми он не предназначался».¹²⁶⁴

Ну хорошо. Атака на флот в море не состоялась. Первый шанс упущен. Эскадра неприятеля движется к Крыму и почти готова высадить десант не куда-нибудь, а на территории империи. Упущен только первый шанс, один из многих. Ведь и для союзников благоприятствовала судьба, а не предвидение военного гения: «Рискованное предприятие, начатое без достаточных сведений, — высадка в Крыму — прошло удачно; быка схватили за рога, но он оказался сильнее, чем предполагали».¹²⁶⁵

И вот тут для русских появляется шанс второй, может быть, даже более реальный, чем первый. Одно дело крушить борта кораблей, трюмы которых хотя и забиты пушечным мясом, но на палубах многих установлены целые батареи и они тоже могут неслабо огнем огрызнуться. Другое дело расстрелять его на подходе к берегу или, еще лучше, на берегу. Мокрого, слабого, на незнакомой местности, с только носимым комплектом боеприпасов, продовольствия, без воды. Тем более мы знаем, где он будет высаживаться. И мы даже предвидим направление его ложной высадки. Что мешает князю Меншикову встретить врага в момент десантирования? Пусть даже не в первый день. На следующий.

Высадка — операция сложнейшая и рискованная. Решиться на нее можно лишь при наличии полного господства на море, примерно, как в наше время, напоминая, таковым является господство в воздухе. Признаем — к сентябрю 1854 г. союзный флот диктовал условия в Черноморской акватории. Но и противостояли европейцам не дикие племена, а современная армия с возможно лучшей в мире полевой артиллерией.

С вашего разрешения я снова немного помучаю вас теорией. Как в XIX в., так и сегодня наиболее слабое место любой десантной операции — момент, когда десант находится на плаву, когда он еще не достиг берега. Любое огневое воздействие на него в это время — убийственно. В 1944 г. немецкий фельдмаршал Эрвин Роммель, командовавший обороной побережья на линии Атлантического вала, понимая, что флот и авиация Германии не смогут предотвратить десант союзников на северное побережье Франции, говорил: «Я встречу их на берегу, когда они будут высаживаться». Достаточно сказать, что при глобальном превосходстве союзников в море и в воздухе немцы сумели так прижать американцев на Омаха-бич, что те были на грани оставления плацдарма.

Сами англичане оказались наказанными историей, когда попытались повторить единожды проделанное ими в Крыму в 1915 г. во время высадки в Галлиполи. В ходе Дарданельской операции британцы попытались высадить солдат австралийско-новозеландского корпуса (АНЗАК) на полуострове Галлиполи. Экспедиция была плохо подготовлена и неудачно осуществлена. Турки не оказались похожими на Меншикова и встретили десант стеной артиллерийского огня в море и лавиной пулеметного огня на подходе к берегу и непосредственно на берегу. Буксируемые пароходами бар-

¹²⁶⁴ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года//Военный Сборник, №11, СПб., 1903 г., с. 96.

¹²⁶⁵ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г., с.490.

касы стали смертельной ловушкой для десанта. Турки удержали основные позиции и под командованием полковника Кемалья (позднее Кемалья Ататюрка) контратаковали. К 8 мая в жестоких боях Гамильгон потерял около трети личного состава, но игнорируя призывы к эвакуации, отдал приказ по армии окапываться. Дополнительная высадка 6 августа 25 000 чел. в бухте Сувла успеха не принесла. 20 декабря флот начал эвакуацию АНЗАК.

Это был шанс для Меншикова, пусть рискованный, но шанс атаковать союзный флот в момент высадки десанта. Особенно в то время, когда десантные силы еще не достигли берега или только начали высадку. Поспорим с Э. Тотлебенем, уверяющим нас в безнадежности такой попытки. Он считал, что корабельная артиллерия британского и французского флотов могла просто смести с берега огнем по флангам любого, кто вознамерился бы помешать высадке.

«Двинуть войска под такой огонь, для попытки, благоприятный результат которой был более чем сомнителен, значило тоже, что вести их под огонь сильнейшей сухопутной крепости, которая, как известно, вооружением своим уступает еще вооружению кораблей». Конечно, если флот способен вести огонь через головы своих войск, может быть. Но это маловероятно. А если атака будет комбинированной? С моря и с суши одновременно? Тут уж не до шуток будет союзникам. Глядишь, пока отбили атаку нескольких кораблей (пусть даже только пароходов) из Севастополя, на берегу русская артиллерия перемешала с песком добрую часть неприятельской пехоты?

Тотлебен великий фортификатор, но никогда до этого не сталкивавшийся с такой ситуацией. Принимая в расчет глубины западного побережья, удаленность флота от берега и самое главное то, что целью огня артиллерии русских должны были стать не корабли, а подходившие к полосе прибоя высадочные средства, его утверждение представляется мне спорным.

Для примера: мы уже говорили, что несмотря на колоссальное превосходство орудийных стволов, поддерживавших высадку в Нормандии в 1944 г., американские пехотинцы оказались настолько бессильны перед немецкой пехотой и артиллерией на участке «Омаха бич», насколько их положение несколько долгих часов было близким к катастрофе.

В нашем же случае не нужно сильно задумываться, чтобы понять: можно было оказать реальное противодействие высадке союзников. Еще один пример из военной истории. Давайте вспомним, как в 1943 г. при проведении Красной Армией Керченско-Эльтигенской операции при полном господстве советского флота и на первоначальном этапе советской авиации немцы не побоялись встретить десант у среза воды. И хотя солдаты и матросы советского десанта привычно проявили всеобщее мужество и героизм, результаты операции явно не стоили той цены, которую за нее пришлось заплатить.

В то же время, когда во время кампании на Тихом океане Второй мировой войны японские войска на острове Окинава, например, отошли в глубь острова, чтобы сбросить свои силы от огня корабельной артиллерии флота США и встретить американцев в более защищенной зоне, это не помогло им.

В 1854 г. союзники давали русским возможность отразить вторжение. Вот только некоторые из этих возможностей:

– район высадки был растянут на значительное расстояние. То, что союзники прикрывались соляными озерами, только с одной стороны обеспечивало им защиту. С другой стороны они столь же прекрасно могли служить прикрытием русской артиллерии или пехоты;

- управление войсками во время высадки было децентрализовано. На его восстановление требовался определенный временной промежуток;
- войска высаживались налегке и были неспособны вести боевые действия наступательного характера, в первом эшелоне было мало артиллерии, что не содействовало устойчивости десантных сил, еще не закрепившихся на побережье;
- недостаток высадочных средств затягивал процесс высадки;
- моральное состояние солдат союзных армий, особенно английских, после высадки было низким. Каждый из них был более озабочен проблемами собственного выживания, чем решением каких-либо боевых задач.

Кстати, о последнем из этих пунктов. А почему мы никогда не говорим о том, в каком состоянии высаживались союзники на крымскую землю. Ведь вот что странно. С одной стороны, русское военное командование до высадки смеется, что англичане и французы в Болгарии и Турции вот-вот передохнут от разных болезней. С другой, после высадки о болезнях никто даже не заикается. Получается, что из обессиленных тысяч людей медицина за время морского перехода каким-то чудом сделала идеально здоровых и со свежими силами.

А ведь на деле Крым увидел не стройные ряды розовощеких солдат, свежих, отдохнувших и готовых к ратным свершениям во имя королевы или императора. На берегу оказалась армия больных, смертельно уставших, измотанных морским переходом людей. Я не думаю, что даже спустя несколько часов после высадки английские и французские солдаты были готовы оказывать сколь-нибудь серьезное сопротивление. Высадившийся на крымскую землю одним из первых английских солдат, капрал Королевских фузилеров Тимоти Гоунг тоскливо описал, что творилось в душах солдат британской армии после того, как эйфория покорителя новой колонии несколько поубавилась: «Что думали обо всем этом наши солдаты, я не знаю. Напади в тот миг неприятель, нас ничто бы не спасло. Мы находились на вражеской земле, противник был коварен и силен. Мы знали, что русские где-то неподалеку, хотя силы их были неизвестны, а у нас ни складов, ни снаряжения. Но, как говорится, удача сопутствует смелым, так что русские, к счастью, упустили эту прекрасную возможность».

Союзники, по утверждению генерала Богдановича, опасались встретить противодействие со стороны русских, которое для них было смертельным. Они ожидали встретить сопротивление при высадке, но войска князя Меншикова оставались по-прежнему на Алме и Каче, да и едва ли имели возможность действовать с успехом на совершенно открытой местности, против войск, поддержанных канонадою несметного множества морских орудий. Тем не менее, однако же, появление в виду неприятеля даже незначительного нашего отряда замедлило бы и весьма затруднило высадку Союзников. Один из адъютантов генерала Боске пишет: «Конечно, судовая артиллерия одержала бы верх над полевыми батареями, которые могли русские подвезти к берегу; но мы потеряли бы много людей от суматохи и огня неприятельских орудий; а войск у нас было мало».¹²⁶⁶

Страх огня русской артиллерии на берегу Каламитского залива не оставлял в покое французов до тех пор, пока последний из их солдат не оказался на берегу.¹²⁶⁷

Для английских военных теоретиков подобная пассивность так и осталась непонятой: «Войска были высажены с трехдневной провизией в сумках, но без палаток и какого бы то ни было лагерного снабжения. Таким образом, эта храбрая армия была

¹²⁶⁶ Богданович М.И. Восточная война 1853–1865 годов. В 4-х томах. Том III, СПб., 1877 г

¹²⁶⁷ Austen Henry, Layard, La premiere campagne de la Crimée ou les batailles memorables de L'Alma, de Balaklava, de Inkerman, Bruxelles, 1855, p. 12–17.

оставлена на неприятельском берегу на два дня и две ночи без запаса воды, за исключением падавшей с неба, только с половиной ее артиллерии, без укрытия и в соседстве сильного неприятеля». Страшно подумать, каков бы мог быть результат, если бы вся русская сила от Альмы двинулась на англичан ночью, когда защита их огнем с судов не могла бы оказаться действительной. Оглядываясь назад, ясно видим, как велик был тогда риск и как он был напрасен; если бы начальство имело какие-либо понятия об основаниях искусства ведения морской войны, то вряд ли возможно допустить, что английская армия была когда-нибудь поставлена в такое опасное положение».¹²⁶⁸

Английские офицеры были счастливы и удивлены, не встретив противодействие операции на берегу. А бояться им действительно было чего. Подполковник Калторп подтверждает мнение французского офицера о том, что даже если корабельная артиллерия могла оказать содействие высадившимся войскам, действия со стороны Меншикова создали бы экспедиционным силам большие трудности.¹²⁶⁹ Генерал Джон Эдью вообще считал, что союзникам крупно повезло: «...Нам всегда казалось необъяснимым, как Меншиков мог позволить беспрепятственно провести столь трудную операцию...».¹²⁷⁰ Для него удивительно, что даже тогда, когда союзники были заняты тяжелой работой на берегу, русскими не были предприняты никакие попытки хотя бы затруднить выгрузку.

О том же написал Сент-Арно военному министру: «...Высадка прошла в прекрасных условиях, без всякого присутствия неприятеля».¹²⁷¹ Адьютант маршала лейтенант Поль де Молен с удивлением и радостью констатировал, что на всем протяжении высадки «...ни один русский солдат не пытался нам противодействовать».¹²⁷²

Одна из книг по истории английского флота тоже называет переброску союзных войск в Крым упущенной возможностью русским нанести им поражение. Переброска из Варны в Крым двадцати четырех тысяч англичан, двадцати двух тысяч французов и восьми тысяч турок была первой задачей, возложенной на флот. На британский флот приблизительно десяти парусных линейных кораблей и нескольких пароходов возлагалась безопасность этой армады. Поскольку в действительности французские военные суда использовались как транспорты и были настолько забиты войсками и имуществом, что были не способны оказывать какое-либо сопротивление. Российский флот имел в это время находившиеся в Севастополе четырнадцать прекрасных линейных кораблей и четыре фрегата. Имел их, но не смел появиться и дать сражение, хотя они, возможно, смогли бы нанести опустошение конвою, сделав невозможным вторжение на российскую территорию. Но возможность не была использована, армия была высажена на пустынном берегу Каламитского залива...».¹²⁷³

Хорошо, это всё говорят или неприятельские солдаты и офицеры, или иностранные военные историки. А что считали отечественные специалисты? Русские военные исследователи второй половины XIX в. трактуют пассивность Меншикова и всего командования русской армией как стратегическую ошибку. Один из выдающихся русских военных теоретиков генерал Н. Сухотин, комментируя работу генерала Леера «Стратегия», почти прямым текстом, но не называя имен, камня на камне не оставляет от стратегии Меншикова в Крыму в сентябре 1854 г.

¹²⁶⁸ Коломб Ф. Морская война, М., СПб, 2003 г., с. 153–154.

¹²⁶⁹ Lieutenant-Colonel S. J. G. Calthorpe. Letters from Headquarters. The realities of the War the Crimea. By an Officer on the Staff. In two Volumes. Vol. 1. London. 1 856, p. 148.

¹²⁷⁰ John Abye. C. B. Lieut.-col., A Review of the Crimean War to the Winter of 1854–5, London, 1860, p. 36–37.

¹²⁷¹ François Bournaud, Le maréchal Canrobert, Sanard et Derangeon, Paris, 1895, p. 66–67.

¹²⁷² François Bournaud, Le maréchal Canrobert, Sanard et Derangeon, Paris, 1895, p. 66–67.

¹²⁷³ Swinburne, Henry Lawrence. The Royal Navy, London, 1907, p. 228–229.

«Заключим наш отчет указанием автора на основную ошибку нашей стратегии в 1854 году в минуту производства десанта в Крыму: русская стратегия, располагая 1 250 000 штыков, в точке неприятельского десанта имела 39 000 — 1/30 часть всех сил. Такое ошибочное распределение сил было искуплено блистательной обороной Севастополя, но не исправлено, заметим от себя. «Так тяжело обошлась тактике наша стратегия в эту кампанию!», — восклицает автор; так тяжело, скажем мы, обошлась массе ошибка единицы.¹²⁷⁴

Удивительная у нас ситуация: все наши враги в один голос говорят, только providение спасло нас от русской артиллерии в первые как минимум два-три дня после начала высадки. Если внимательно читать не только теоретиков, но и тех, кто оказался на русском берегу в эти сентябрьские дни, они единодушны: русские могли просто прийти вечером или ночью, повытаскивать нас из нор, построить в колонны и гнать под конвоем в лагерь для военнопленных. Хотя это и касалось только англичан, но не будем забывать — они составляли половину неприятельской экспедиции.

Говоря о тактике и стратегии при отражении десанта, можем согласиться с мнением одного из выдающихся русских военных теоретиков второй половины XIX в. Н.Обручева, утверждавшего, что при смешанных морских экспедициях стратегическая инициатива всегда находится на стороне наступающего, но вот тактическая — на стороне обороняющегося. Даже если последний не имеет данных о точном месте высадки, он в состоянии оказать сопротивление на любом из участков своего побережья, даже если для этого ему приходится расплывать свои войска.¹²⁷⁵

Еще раз вспомним высадку союзных войск в Нормандии в июле 1944 г. Тогда несмотря на тщательнейшую разведку высочайший уровень планирования и дезинформации немцев им пришлось встретить на берегу такое сопротивление, что на некоторых участках сам успех операции был под сомнением.

И, наоборот, в сентябре 1854 г. русский главнокомандующий совершенно немотивированно допустил противника на землю своего Отечества, которое должен был защищать всеми имевшимися, притом немалыми силами.

«Высадка союзников силой всего 50000 человек, при миллионной у нас армии и сильном флоте казалась безумным предприятием. Главнокомандующий князь Меншиков, моряк по профессии, тем не менее допустил произвести беспрепятственно 1 и 2 сентября высадку у Евпатории, хотя располагал 60 вымпелами, в числе их и небольшим числом паровых судов. Если наш флот не мог уверенно рассчитывать на победу над союзным флотом, то в наших силах было расстроить план союзников, ворвавшись в их транспортные колонны».¹²⁷⁶

Знаете, я много пытался найти хоть одно из выдающихся имен русской военной теории, кто оправдывал бы действия Меншикова в эти дни. Ни один из них не делает это. Беру смелость сделать свой вывод: если бы атака с моря была поддержана действиями армии с суши, то кто знает, чем и как могла закончиться Крымская кампания... Хотя, может, она и не началась бы тогда совсем. Прогнозы — конечно, дело благодарное.

Но все было не так. Главнокомандующий предпочел дать союзникам возможность беспрепятственно выгрузиться на территорию России. Сопротивление первых дней ограничилось частными акциями казаков, уничтожавшими все, что могло быть полезным неприятелю, вторгшемуся на крымскую землю. Волею судьбы казачий пол-

¹²⁷⁴ Сухотин Н. Библиография//Военный сборник, № 12, 1889 г., СПб., с.462.

¹²⁷⁵ Обручев Н.А. Смешанные морские экспедиции//Военный сборник, №10, СПб., 1898 г., с.330.

¹²⁷⁶ Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны, СПб., 2002 г., с.29.

ковник Тацин оказался единственным, кто, ведя свою малую войну, пытался в течение первых нескольких дней начавшейся кампании хоть как-то наносить врагу вред. Удивительно, но многие из тех, кто пишет о Крымской кампании, об Альминском сражении упоминают его лишь номинально. На деле этот труженик войны заслуживает все-таки большего.

Действия (точнее, отсутствие действий) генерал-адмирала Меншикова в дни, когда, даже по мнению самих союзников, они были не просто уязвимы, а почти беззащитны, похоронили перспективы военного успеха в грядущей военной кампании. Еще до первого орудийного выстрела судьба Севастополя была предрешена.

Генерал Богданович совершенно прав, что «...тот, кто допускает собраться вблизи такой грозы, ничего не предприняв для ее рассеяния в самом начале, ставит себя сам в невыгодное положение и признает себя бессильным в глазах туземцев). Ежели даже допустим, что невозможно было не позволить неприятелю произвести высадку, то по крайней мере нет сомнения в том, что мы имели средства затруднить ее, выиграть время и усилить позицию на Альме, устроив ложементы для стрелков и вырубив на правом берегу сады и виноградники, впоследствии облегчившие наступление союзников».

Богданович не одинок: «...Высадка несколько не была затруднена, хотя место ее было в 20-ти верстах от Альмы, где уже находилась часть наших войск. Воспрепятствовать высадке может быть было и возможно, но князь Меншиков обязан был употребить все средства для затруднения этой сложной и трудной операции. Разведку русские проводили слабо, а потому и не знали о положении продрогших, измокших и голодных союзников в ночь после высадки. Нападение на них в эту ночь, вероятно, было бы небезуспешным».¹²⁷⁷

Хотя нельзя не сказать, что были и имевшие другое мнение, но их явное меньшинство.

А.Свечин: «Меншиков не решился активно препятствовать высадке союзников, что было связано с подставлением русских войск на плоском евпаторийском берегу, под огонь могущественной судовой артиллерии; он спешно начал сосредоточивать войска на высокое плато левого берега р. Альмы, чтобы преградить союзникам путь к Севастополю».¹²⁷⁸

Может быть, правы были русские адмиралы, предлагавшие план атаки флота союзников в море с целью нанесения им максимальных потерь? Но этого не произошло. Может быть, именно это и стало тем крестом, который до конца своих дней, до своей славной смерти на севастопольских бастионах несли адмиралы Нахимов и Корнилов?

Ниже мы увидим все эти возможности более подробно. Пока же можем с уверенностью утверждать, что русский главнокомандующий не готовил никаких мер по противодействию десанту как минимум по следующим причинам.

1. Меншиков не верил в реальность высадки осенью 1854 г.

«Приближение равноденственных бурь, обыкновенно бывающих в Черном море в осеннее время года, вселило настолько сильную уверенность в невозможность плаванья с большим десантом, что кн. Меншиков был удивлен тому, как кн. Горчаков беспокоился за Крым».¹²⁷⁹

¹²⁷⁷ Орлов Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости//Военный Сборник, №11, СПб., 1881 г., с.32.

¹²⁷⁸ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Том II, М.-Л., 1928 г., с.50–51.

¹²⁷⁹ Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том. 1, СПб., 1900 г., с.169.

2. Меншиков не верил, что союзникам удастся собрать силы, достаточные для того, чтобы сломить сопротивление его армии.

3. Меншиков не считал возможным, что союзникам удастся в столь краткое время сконцентрировать в нескольких портах Турции и Болгарии достаточное число транспортов для переброски хотя бы минимального числа войск.

4. Меншиков просто растерялся. Это мнение бытовало среди младших офицеров русской армии и флота.

Меншиков, до последних дней баюкавший себя иллюзиями, узнал о совершающемся событии, когда уже почти ничего не мог поделать. Он, впрочем, и вообще не думал трогаться с места, где стояла его армия, т. е. от реки Альмы. Офицеры просто понять не могли этой инертности: «...Со 2 сентября началась... высадка неприятелей без всякой помехи с нашей стороны! Два, три полка с артиллерией могли бы порядочно поколотить высаживавшегося – закачанного на море – неприятеля!.. Но наши равнодушно смотрели на эту высадку, даже не сделали никакого распоряжения о прекращении перевозки товаров по Крыму!». ¹²⁸⁰

5. Меншиков никогда не пытался опередить союзников, не умел навязать противнику свою волю, даже когда имел к этому все возможности и предпосылки.

«...Стоял на верном пути применять свою армию не исключительно лишь для пассивной обороны, а для независимости в поле и для сохранения ее связи с государством, не сумел довести этого дела до конца даже и когда имел явное превосходство в силах по прибытию к Севастополю резервов». ¹²⁸¹

Это, кстати, мнение нейтральное. Оно принадлежит немецким военным, которые констатировали, что только благодаря тому, что и союзники не блистали тактическими и стратегическими талантами, «...они совершенно не сумели воспользоваться полной неготовностью Севастополя; и, как всегда в подобных случаях, отказ от легкого успеха повлек за собой тяжкие труды и потери в дальнейшем». ¹²⁸²

Еще одной причиной было, с одной стороны, неумение князя планировать, организовывать и проводить операции как силами флота, так с одновременным использованием флота и сухопутной армии, а с другой – нежелание отдать это планирование и организацию в руки своих адмиралов. Первое, возможно, имело свои корни в неудачной операции 1853 г., когда Меншиковым была допущена тактическая ошибка, которая едва не закончилась потерей Сухум-Кале. ¹²⁸³ Что касается второго – то тщеславие главнокомандующего и его забота о собственной репутации в глазах Николая I общеизвестны. И если главнокомандующий решил рисковать, не подчинившись указаниям царя, значит, он действительно решил сыграть свою игру, надеясь, что результат превзойдет ожидания, а победителей, как известно, не судят.

В военную историю высадка союзников в Крыму вошла как предвестник многотысячных десантов XX в. В 1881 г. в Германии вышла книга военно-морского теоретика профессора Фердинанда Альтмайера «Война на море», в которой автор, опираясь на действия союзников в Черном море в 1854–1856 гг., разработал теорию действий флота во внутренних морях и при высадке десантов на побережье, занятом противником. По его мнению, действия союзников (автор рассматривает преимущественно

¹²⁸⁰ Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. Том 2, М.-Л., 1944 г., с. 107.

¹²⁸¹ Елчанинов А. Крепость в войнах Наполеона и новейшего времени. Ч.2//Военный Сборник, №9, СПб., 1905 г., с. 112.

¹²⁸² Елчанинов А. Крепость в войнах Наполеона и новейшего времени. Ч.2//Военный Сборник, №9, СПб., 1905 г., с. 112.

¹²⁸³ Кириллов П. Синол: победа и поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.//ФлотоМастер, №1–2, М., 1998 г., с. 13.

но французов) при переходе морем, выборе места для высадки, самой высадке — это образец грядущих десантных кампаний по правильности организации и точности выполнения.¹²⁸⁴

«Так начинались ужасы и лишения войны, которые сегодня даже вызывают на глазах слезы сожаления и скорби».

Кристофер Хибберт, английский историк Крымской войны.

Итак, мы останавливаем наше повествование в тот момент, когда уверенный в безупречности им задуманного Меншиков доносил императору, что закрепился на выгоднейшей позиции и не видит смысла в атаке высадившегося неприятеля на берегу.

«...Не признав возможным атаковать высаженные войска на плоском берегу, обстреливаемом с флота, сосредоточил большую часть своих сил на выгодной позиции, в которой готовится встретить противника», и что «состоящие под его начальством войска, одушевленные рвением и преданностью престолу и Отечеству, с нетерпением ожидают минуты сразиться с неприятелем».

¹²⁸⁴ Прибрежная война (из сочинения профессора Альтмайера «Война на море»). Библиография//Военный Сборник, №6, СПб., 1882 г., с.29.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Письмо адмирала В.А. Корнилова адмиралу П.Ф. Метлину в Николаев

В.А.Корнилов. Севастополь, 16 апреля 1854 г.

Спешу отправить вам сообщение, что вчера вышедший от нас пар. Владимир дал знать, что против Евпатории увидел неприятельский флот (18 кораблей, 7 пароходов); во весь день мы видели только дым одного парохода, вероятно, гнавшегося за Владимиром, который к вечеру исчез. Сегодня по утру дано знать через казака, что неприятель стоял в Козлове, а теперь он у нас в виду: по маневрам его надо полагать, что он желает пробывать некоторое время у наших берегов, и потому если Эльбрус не отправился, то лучше обождать. Приятели, конечно, походят, да и удалятся, малых же крейсеров оставить не решатся. Затем, прощайте, мы целые часы проводим на телеграфах, еще не привыкши к зрелищу чужих кораблей у входа в Севастополь; с нетерпением ждем (известий) о действиях союзников в Одессе; не понимаю, отчего так долго никого нет.

Преданный вам В. Корнилов.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Письмо адмирала В.А.Корнилова адмиралу П.Ф. Метлину в Николаев

В.А. Корнилов. Севастополь, 25 апреля 1854 г.

Пишу вам несколько слов, во первых, чтобы известить вас, что союзные флоты не покидают севастопольских вод; вчера пароходы подходили к Балаклаве и мы принуждены были туда прокатиться; между тем они ушли, напугав греческий батальон. Князь покуда не разрешает выхода Эльбруса. Надеюсь, что тесная блокада скоро ослабится. Оборона наша приводится в самое удовлетворительное положение; завтра будет освящение 8 пушек. Башни выстроены Волоховым на Северной стороне. Херсонский полуостров набит войском.

Бельбекская коса занята также целой армейской бригадой, остается желать изготовления 2-х кораблей и тогда, с 14 кораблями и 7 фрегатами, можно будет отважиться на чтонибудь. За матросами дело не станет; сегодня пришло до 400 человек, и до 15 мая соберется до 2 тыс. вольных матросов, которые смотрят весьма развязно, и обещают дополнить команды с излишком; хлопочите только о провизии. Двягин

мне говорил, что водки очень мало, всего на 10 дней; надо будет обратиться к откупу, буде подрядчик не подвезет. Не пришлете ли юнкеров сухим путем, им бы приличнее было быть на кораблях. Попов, если не уехал, пускай еще подождет; я надеюсь, что скоро ему разрешат идти морем.

Преданный вам В. Корнилов

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Письмо адмирала В.А. Корнилова адмиралу П.Ф. Метлину в Николаев

Севастополь, 10 мая 1854 г.

Отправляю курьера более для того, чтобы вас успокоить насчет Эльбруса. Он доплыл благополучно; 6-го на рассвете, при густом тумане, взошел на рейд; к Сизополю и Пендеракли не пускали, ибо ход был плохой, не более 8 узлов; вероятно, опять какие-нибудь беды в воздушных насосах или паровых трубах; теперь его осматривают. Накануне прихода Эльбруса, при прочистившемся тумане, подходили к Севастополю два английских парохода, так что надо благодарить Бога за Эльбрус.

8-го я выходил посмотреть, нет ли судов, но кажется, что союзникам наскучило блокировать нас. Туман помешал удалиться от порта, но кажется, что мы более не под караулом. Сегодня задул NW и, наконец, после многих недель чистый горизонт и летнее небо. К вечеру повесили какой-то парусный бриг.

Нового ничего, кроме новой глупости Серебрякова; вздумал отправить 140 баклавецев и больных из Новороссийска в Керчь на греческих бригах; их и взяли англичане. Отряду Лаинса из 2-х винтовых кораблей и 4-х пароходов очень понравился Геленджик, нами очищенный; он туда заходил, посетив Феодосию, Керчь, Анапу и созывая там горцев, того и смотри, что изберут Геленджик пунктом для направления действий своих на Новороссийск и Анапу.

У нас готовится Гавриил к выходу из Дона, а за ним последует и Гавриил (повтор, так в тексте). Ожидаем с нетерпением первого... транспорта и с ним такелажа, в котором сильно нуждаемся, также будет ли у нас уголь-антрацит? Нельзя не выказывать признаков жизни, а всякое разведение пара уменьшает имеемый запас.

Прощайте, желаю вам здоровья, преданный вам В. Корнилов

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4¹²⁸⁵

Всеподданнейшая записка генерал-адъютанта князя Меншикова об обороне Севастополя и всего Крыма за №384 от 29 июня 1854 г.

Из г. Севастополя.

По содержанию милостливого рескрипта, которым Ваше Императорское Величество удостоили меня от 18-го сего июня, всеподданнейше обязываюсь изложить мой взгляд на настоящее положение Крыма собственно в отношении к защите его противу неприятельских покушений.

¹²⁸⁵ Переписка Государя Императора Николая Павловича с кн. Меншиковым 1853–1855 г. // Военный Сборник, №9, СПб., 1904 г., с. 157–159.

Неприятель, как предполагать, возможно или сделает нападение на Феодосию, или постарается прорваться в Керченский пролив, или, наконец, высадит войско в Евпатории, либо между сим городом и Севастополем, чтобы устремиться на сей последний как на главнейшую цель войны, объявленной России.

I. О покушении на Феодосию. Феодосия не такой пункт, в котором неприятель мог бы основательно утвердиться. Гавани там нет и линейные суда должны стоять на рейде, бесспорно хорошем, но открытом.

Самый город, конечно, может быть занят, но только с боя и значительно превосходящий нас силой. Потом неприятелю трудно будет защищать его с береговой стороны противу нашего действия с окрестных высот. Сверх того, город имеет так мало воды, что в настоящее время и для гарнизона едва достает ее.

Занять Феодосию с тем, чтобы идти оттуда на Севастополь, едва ли может быть целью неприятеля, ибо пуститься через всю ширину Крыма с войском, без обозов и без достаточного числа лошадей значило бы идти рискованно, подвергаясь в случае потери сражения истреблению при сомнительной возможности обратной амбаркации.

Скорее можно предполагать, что с занятием Феодосии неприятель будет иметь в виду набег на Арабат, дабы расстроить наши подвозы. Но чтобы достичь и этого укрепления (которое следует вооружить), ему нужно взять его с боя, что может оказаться не так легко.

II. О покушении овладеть Керченским проливом. Без сомнения, дельнее было бы со стороны наших противников стараться овладеть этим пунктом, дабы расстроить наше каботажное плавание по Азовскому морю.

К достижению и этого существуют не мало трудностей.

Во-первых, идти на Керчь из Феодосии, если она уже будет занята, что сомнительно, как изъяснено выше, едва ли предпримет осторожный генерал, зная, что на протяжении 80-ти верст, двигаясь не в виду флота, ему придется каждый шаг вперед брать с боя.

Во-вторых, высадить достаточное количество войска прямо в Керчь тоже неудобно по причине вдруг большой десант — что служит уже к облегчению нашей обороны; а ежели при том покушение на Керчь предпримется не раньше как через шесть недель от сего времени, т.е. в половине августа, то независимо от средств нашей защиты оно подвергнется еще всем случайностям равноденственных погод.

В надлежащей защите этого пункта, равно как и в Феодосии, я вполне полагаюсь на распорядительность ген. Хомутова и на тот отпор, который он даст неприятелю. Однако не смею скрыть, что даже и неудачные попытки врагов на то либо другое место могут утратить и расстроить каботажное наше плавание в Азовском море. Устранение такого влияния может быть достигнуто, ежели Еникале и противлежащие косы Азиатского берега будут укреплены батареями. Не говоря уже о пользе устройства сих батарей для защиты и самого пролива, укрепление Еникале и коса внушит в каботажных судовщиках доверие к безопасности предприятия необходимых для нас перевозок.

С этою целью я представил в распоряжение ген. Хомутова те орудия морского ведомства, которые от устья Дона не могли до сегодня времен быть доставлены в Крым.

III. О покушении на Севастополь. Не признавая сбыточную экспедицию на Перекоп, я думаю, однако, что неприятель может занять и укрепить Евпаторию для составления себе опорного пункта с целью достичь главнейших своих выгод, а именно:

уничтожение нашего флота и Севастополя. К этому, конечно, будут направлены все вражеские покушения в сем крае.

Все изложенное выше о попытках на Феодосию и Керчь, приводит меня к такому заключению, что от предприятий на эти пункты, предполагая их даже удачными, мы можем в настоящем году понести хотя и значительный, но не решительный вред.

Важнее всех покушений может быть покушение на Севастополь.

При этом, естественно, представляется вопрос, достаточны ли для сего настоящие наличные силы неприятеля.

При отделении дивизии на Адрианополь, при подкреплении Омер-паши отрядом и при занятии Варны сильным гарнизоном не вероятно, чтобы у неприятеля осталось достаточное количество войск для успешного действия против Севастополя.

Но с занятием Валахии австрийцами ему не представится уже надобности укреплять столь значительно турок и тогда он, кажется, мог бы от 50 до 60 тыс. англо-французских войск, а сверх еще турецких обратить на действия против Крыма.

Мы здесь имеем в строю:

В 26 батальонах — 22 700 штыков.

В 8 эскадронах гусар — 1 128 сабель.

В 4 ½ батареях — 36 легк. орудий.

Сверх того, я могу с кордонов собрать в резерв от 500 до 600 казаков.

Из этого видно, что численное превосходство будет на стороне неприятеля. Равномерно на его же стороне будет и выгода, какая в выборе места для высадки войск, так и по возможности держать нас в недоумении фальшивыми десантами.

Морской атаки он, без сомнения, не предпримет. Но имея в своем распоряжении значительно превосходящую нас силу, поведет атаку берегом.

Высадку для этого войска может сделать за два или три перехода севернее Севастополя, в Евпатории, например, как и пояснено выше, и следовать вдоль берега, фланкируемого флотами.

При предполагаемой же силе его (от 50 до 60 тыс.) ему возможно будет отделить часть войска или даже судовые команды для десанта на мыс Херсонес если не для наступления на город, то по крайней мере для отвлечения наших сил, принудив нас оставить несколько батальонов на южной стороне. Это обстоятельство побуждает желать, чтобы в северной части Крыма расположена была еще хоть одна бригада с ее артиллерией, дабы несколько восстановить равновесие как наших сил с неприятельскими, так и самых случайностей боя.

Против внезапного нападения Севастополь, конечно, обеспечен достаточно своими временными укреплениями. Но против правильной осады многочисленного врага и против бомбардирования с берега средства нашей защиты далеко несоразмерны будут со средствами осаждающего. Два или три батальона, которые бы мог отделить ген. Хомутов в подкрепление меня, ежели еще сам не будет удержан демонстрацией, едва ли подоспеют вовремя к Севастополю, имея пройти с лишком двести верст расстояния.

Мы положим животы свои в отчаянной битве на защиту Святой Руси и правого ее дела; каждый из нас исполнит долг верного слуги своего Государя и честного сына Отечества, но битва эта будет одного против двух, чего, конечно, желательно бы избегнуть.

Все изложенное здесь я счел моим долгом повергнуть благоусмотрению Вашего Императорского Величества.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Состав русских войск, собранных 1 (13) сентября в окрестностях Севастополя.

На р. Альме у селения Бурлюк:

- Владимирский пехотный полк — 4 батал.
- Суздальский пехотный полк — 4 батал.
- 16-й бригады батарейная батарея № 1 — 12 орудий.
- 16-й бригады легкая батарея № 1 — 12 орудий.

На р. Каче:

- Гусарский Е. И. В. Николая Максимилиановича (Киевский) полк — 8 эскадронов.
- Конная легкая батарея № 12 — 8 орудий.

Между р. Бельбек и Севастопольским рейдом:

- Бородинский егерский Е. И. В. Наследника Цесаревича полк — 4 батал.
- Тарутинский егерский полк — 4 батал.
- 6-й стрелковый батальон — 1 батал.
- 17-й бригады легкая батарея № 4 — 8 орудий.
- 17-й бригады легкая батарея № 5 — 8 орудий.
- Донская конно-легкая батарея № 4 — 8 орудий.

В Севастополе и по южную сторону города:

- Волынский пехотный полк — 4 батал.
- Минский пехотный полк — 4 батал.
- Брестского пех. полка рез. батальоны — 2 батал.
- Белостокского пех. полка рез. батальоны — 2 батал.
- Литовского егерского полка рез. батальоны — 2 батал.
- Виленского егерского полка рез. батальоны — 2 батал.
- Сводный морской батальон — 1 батал.
- 6-й саперный батальон — 1 батал.
- Донского № 39-го полка — 3 сотни.
- 14-й бригады легкая батарея № 3 — 8 орудий.
- 14-й бригады легкая батарея № 4 — 8 орудий.

У Симферополя:

- Егерский Е. И. Выс. Михаила Николаевича (Казанский) полк — 4 батал.
- Гусарский Гросс-герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландский) полк — 8 эскадронов.

- 16-й бригады легкой батареи № 2 — 6 орудий.

На пути от Перекопа к Симферополю:

- Улицкий егерский полк — 4 батал.
- 16-й бригады легкой батареи № 2 — 6 орудий.
- Донских казачьих полков №№ 57 и 60 — 11 сотен.
- Донская конно-батарейная батарея № 3 — 8 орудий.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Местные войска, находившиеся в Крыму к 1 (13) сентября 1854 г.

Балаклавский греческий батальон – 2 роты (поочередно находились в Новороссийске).

Таврический №41-го батальон внутренней стражи – 3 роты (одна рота в Симферополе и 2 в Феодосии).

Керченский №17-го полубатальон внутренней стражи – 2 роты.

Пограничной и карантинной стражи – 3 роты.

Кинбурнский артиллерийский гарнизон – ½ роты.

Севастопольский артиллерийский гарнизон – 4½ роты.

Военно-рабочая №14-го – 1 рота.

Военно-рабочая №15-го – рота.

Подвижные инвалидные роты при госпиталях – около 2½ роты.

Оглавление

НАДЕЮСЬ, ЧТО ЭТО БУДЕТ ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЕЛЮ (от автора) ...	3
ИСТОРИОГРАФИЯ	14
О чём пишут	14
Как пишут	16
Библиография	21
КРЫМСКАЯ ВОЙНА В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ	37
ПРЕЛЮДИЯ К БИТВЕ: ПЕРЕХОД В КРЫМ, ПОДГОТОВКА И ВЫСАДКА ДЕСАНТА	50
Где высаживаться, или Несколько слов о главном	50
Руководящие исполнители	58
ЦЕЛЬ — СЕВАСТОПОЛЬ	69
Все дороги ведут в Крым	69
Состав объединенной эскадры Англии и Франции:	70
Почему Севастополь?	76
Посеявший ветер	82
ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИИ	88
Немного теории	88
Как подарили инициативу	91
РАЗВЕДКА	94
Рейды к берегам Крыма	94
Первая разведка (апрель 1854 г.)	97
Вторая разведка (май–июнь 1854 г.)	104
Третья разведка (июль 1854 г.)	104
Результаты	107
ВЫБОР МЕСТА ВЫСАДКИ	110
Вариант первый: Евпатория	110
Вариант второй: Феодосия	112
Кача: вариант третий, альтернативный	112
Решение	113
ПЕРВЫЕ АТАКИ ПОБЕРЕЖЬЯ ИМПЕРИИ	116
Планирование: между гениальностью и авантюрой	116
Неджентльменские приемы «последней рыцарской войны»	118
ЛАГЕРЬ В БОЛГАРИИ	126
Сосредоточение	126
Проблемы перевооружения	139
Союзники: бывшие враги теперь вместе	141
Наращивание сил	145

ПОДГОТОВКА К ВТОРЖЕНИЮ	147
ЭПИДЕМИЯ: НЕВИДИМЫЙ ВРАГ	151
Французский контингент	152
Экспедиция в Добруджу	153
Английский контингент	159
Последствия эпидемии	163
АРМИИ ВТОРЖЕНИЯ	165
Британцы	165
Французы	182
Турки	192
КУРС — КРЫМ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЮЗНОГО КОНВОЯ	194
Британский конвой	199
<i>Легкая дивизия</i>	199
<i>1-я (Гвардейская) дивизия</i>	200
<i>2-я дивизия</i>	200
<i>3-я дивизия</i>	200
<i>4-я дивизия</i>	201
<i>Кавалерия</i>	201
<i>Вспомогательные суда:</i>	201
Французский конвой	202
<i>1-я дивизия</i>	202
<i>2-я дивизия</i>	203
<i>3-я дивизия</i>	204
<i>Полевая артиллерия</i>	205
<i>Саперы</i>	206
<i>Прочие корабли</i>	206
Подведем итоги	206
АЛЬМИНСКАЯ ПОЗИЦИЯ	209
Группировка русских войск в Крыму до переноса театра военных действий на полуостров	212
Начало усиления войск весной 1854 г.	213
Расположение русских войск в Крыму к 1 сентября 1854 г.	218
ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ	228
Рекогносцировка	228
Высадка: план и обстановка	238
1 (13) сентября 1854 г.	239
2 (14) сентября 1854 г.	245
3 (15) сентября	267
4 (16) сентября 1854 г.	268
5 (17) – 6 (18) сентября 1854 г.	269
МАРШ СОЮЗНИКОВ К АЛЬМЕ	274

БУЛГАНАК: ПЕРВАЯ КРОВЬ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. БОЙ, КОТОРЫЙ НЕ СТАЛ СРАЖЕНИЕМ	280
Завязка боя.....	280
Перестрелка.....	282
Выход сторон из соприкосновения.....	291
Итоги.....	291
Первые пленные Крымской войны.....	292

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ЧТО ДЕЛАТЬ, или НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПРОТВОДЕЙСТВИИ ДЕСАНТУ	294
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ	311
Приложение № 1.....	311
<i>Письмо адмирала В.А. Корнилова адмиралу П.Ф. Метлину в Николаев</i>	311
Приложение № 2.....	311
<i>Письмо адмирала В.А. Корнилова адмиралу П.Ф. Метлину в Николаев</i>	311
Приложение № 3.....	312
<i>Письмо адмирала В.А. Корнилова адмиралу П.Ф. Метлину в Николаев</i>	312
Приложение № 4.....	312
<i>Всепооданнейшая записка генерал-адъютанта князя Меншикова об обороне Севастополя и всего Крыма за №384 от 29 июля 1854 г.</i>	312
Приложение № 5.....	315
<i>Состав русских войск, собранных 1 (13) сентября в окрестностях Севастополя.</i>	315
Приложение № 6.....	316
<i>Местные войска, находившиеся в Крыму к 1 (13) сентября 1854 г.</i>	316

Научно-популярное издание

ЧЕННЫК
Сергей Викторович

ВТОРЖЕНИЕ

Печатается в авторской редакции

В книге использованы фотографии из личного архива автора.

Корректор – *Новикова Ольга*
Макет – *Забусик Алексей*
Обложка – *Воронежская Марина*

Подписано в печать 15.08.2010 г. Формат 70×100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervilleC. Тираж 600 экз. Физ. печ. л. – 20. Усл. печ. л. – 25,93. Заказ № 10–324.

Издательство «Полмет ГМБХ» – обладатель товарного знака «Гала». 99029, г. Севастополь, ул. М. Бирюзова 19-46. По вопросам распространения обращаться:

в Севастополе. Книжная сеть «Гала», тел./факс: (0692) 47-31-83; e-mail: mail@gala.com.ua; интернет-магазин: www.gala.com.ua

в Симферополе. Распределительный книжный центр, ул. Залеская, 80; тел./факс: (0652) 69-37-14; моб. тел.: + 38 066 366-99-26; e-mail: top-sales@mail.ru

ТЕЛЕСКОП

Издательство ЧП «РА „Телескоп“». 99053 м. Севастополь, ул. Вакуленчука, 22, тел.: (0692) 46–93–93, e-mail: gun@tavrida.com Свидетельство ЧП «РА „Телескоп“» о внесении в Государственный реестр ДК № 1113 от 11.11.2002 г.

Надруковано на ВАТ „Білоцерківська книжкова фабрика“, 09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4

Сергей Ченнык

«ВТОРЖЕНИЕ» — первая из серии книг, посвященных Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Это новая работа известного крымского военного историка Сергея Ченныка, чье творчество стало широко известным в последние годы благодаря аналитическим публикациям на тему Крымской войны. Характерной чертой стиля автора является метод включения источников в самую ткань изложения событий. Это позволяет ему не только достичь исключительной выразительности изложения, но и убедительно подтвердить свои тезисы на события, о которых идет речь в книге. Наверное, именно поэтому сделанные им несколько лет назад выводы о ключевых событиях нескольких сражений Крымской войны сегодня общеприняты и не подвергаются сомнению. Свообразный подход, предполагающий обоснованное отвержение годами сложившихся стереотипов, делает чтение увлекательным и захватывающим. Язык книги легкий и скорее напоминает живое свободное повествование, нежели объемный научно-исторический труд. Большое количество ссылок не перегружает текст, а, скорее, служит, логичным его дополнением, без нудного тона разъясняя сложные элементы. Динамика развития ситуации, отсутствие сложных терминов, дотошность автора, последовательность в изложении событий — несомненные плюсы книги. Работа убедительна авторским профессионализмом и количеством мелких деталей, выдернутых из той эпохи. И чем более тонкие и малоизвестные факты мы обнаруживаем в ней, которые можно почерпнуть лишь из свежих научных статей или вновь открытых источников, обсуждаемых в специальной литературе, тем ценнее такое повествование. Несомненно, что эта работа привлечет внимание всех, кому интересна история, кто неравнодушен к сохранению исторической памяти Отечества.

